

Сборник по итогам конференции

Ноябрьские Чтения - 2022

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
СТУДЕНЧЕСКИЙ СОВЕТ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ**

НОЯБРЬСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2022

Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых

Санкт-Петербург
2023

УДК 94

ББК 63.3(0)

Н86

Редакционная коллегия: Д.А. Харина (СПбГУ; отв. ред.); К.И. Крутько (СПбГУ); С.М. Хлопов (СПбГУ); Е.С. Леонтьев (СПбГУ); А.Д. Муратбакиева (СПбГУ); В.Д. Кудрина (СПбГУ); Г.Д. Воротынцев (СПбГУ); В.С. Емельянов (СПбГУ); Д.А. Киселёв (СПбГУ)

Рецензенты: к. и. н., доц. Д.Е. Алимов (СПбГУ); д. и. н., проф. В.В. Василик (СПбГУ); к. и. н., доц. И.И. Верняев (СПбГУ); к. и. н., доц. Е.С. Данилов (ЯрГУ им. П. Г. Демидова); к. и. н., ст. преп. Т.М. Демичева (СПбГУ); к. и. н., доц. М.И. Дмитриева (СПбГУ); к. ф. н., доц. К.Б. Егорова (СПбГУ); к. и. н., доц. С.М. Жестоканов (СПбГУ); к. и. н., доц. Т. Н. Жуковская (СПБНИ РАН); д. и. н., проф. А.А. Иванов (СПбГУ); к. и. н., доц. В.В. Калиновский (СПбГУ); к. и. н., доц. С.Б. Киселев (СПбГУ); к. иск., доц. Е.В. Ключина (РГГУ); к. и. н., ст. преп. Д.Д. Копанева (СПбГУ); к. иск., доц. М.А. Костыря (НИМ РАХ); д. и. н., проф. А. Э. Котов (СПбГУ); к. и. н., доц. Е.В. Кулешиова (СПбГУ); д. и. н., проф. О.В. Кулишова (СПбГУ); к. иск., асс. Д.О. Мартынова (СПбГУ); к.ф.н., доц. Н.И. Милютенко (СПбГУ); асс. А.А. Мушта (СПбГУ); к. и. н., доц. М.С. Назарова (СПбГУПТД); к. и. н., доц. А.Д. Пантелеев (СПбГУ); к. и. н. И.В. Петров; к. и. н., с.н.с. И.А. Поляков (РНБ); к. и. н., доц. И.С. Ратьковский (СПбГУ); к. и. н., доц. Л.В. Сидоренко (СПбГУ); к. и. н., ст. преп. Д.А. Сосницкий (СПбГУ); к. и. н., ст. преп. Н.В. Турыгина (СПбГУ); иск., доц. Е.В. Ходаковский (СПбГУ); к. и. н., доц. Н.В. Штыков (СПбГУ); к. и. н., доц. Д.Г. Янченко (СПбГУ)

Дизайн обложки: А.И. Блохина

Компьютерная вёрстка: Д.А. Харина

Корректоры: Я.С. Артамонов; С. А. Барченкова; Т.А. Ежов; М.Н. Мазихин; М.С. Савина; С.А. Сокоvníна; П. Е. Пиперкова; П.А. Тареева; С.М. Хлопов

Сборник статей подготовлен Студенческим Советом Института истории СПбГУ

Н86 **Ноябрьские чтения-2022:** Сборник статей по итогам XIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 18–20 ноября 2022 г. / Д. А. Харина (отв. ред.); К. И. Крутько; С. М. Хлопов; Е. С. Леонтьев; А. Д. Муратбакиева; В. Д. Кудрина; Г. Д. Воротынцев; В. С. Емельянов; Д. А. Киселёв — СПб.: Издательство Скифия-принт, 2023. — 504 с.

ISBN 978-5-00197-093-4

В сборник вошли избранные статьи участников XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ноябрьские чтения», ежегодно проводимой в Институте истории Санкт-Петербургского государственного университета. Издание предназначено для всех интересующихся историей.

ISBN 978-5-00197-093-4

© Авторы статей, 2023

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Перед вами сборник статей, составленный по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ноябрьские чтения». Мероприятие состоялось в стенах Института истории СПбГУ 18–20 ноября 2022 года.

Из 182 претендентов было отобрано 125 докладчиков — представителей научных организаций Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Самары, Томска, Екатеринбурга, Великого Новгорода, Ярославля, Севастополя, Читы, Калининграда, Пскова, Иркутска. Впервые в истории конференции секции были сформированы не по хронологическому принципу, а на основе проблем, рассмотренных докладчиками («Экономическая история», «Социальная история», «Имагология» и т.д.). Также для участников конференции были организованы две экскурсии: «Кладбища Смоленского прихода, что на Васильевском» и «Собор преподобного Исаакия Далматского».

Для Студенческого совета Института истории СПбГУ конференция успела стать доброй традицией. Более того, в последние годы удалось наладить печать сборников — на сегодняшний день в свет вышли статьи 2019, 2020, 2021 годов¹. К публикации в нынешнем издании было рекомендовано восемьдесят статей, отобранных по результатам слепого двойного рецензирования. Помимо основной программы, в рамках конференции прошёл круглый стол «Медиевализм: образы средневековья в культуре Нового и новейшего времени». Стенограмма заседания и

¹ Ноябрьские чтения-2019: Сборник статей по итогам XI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2019 г. / Р. А. Шумяков (отв. ред.); А. Д. Мурагбакиева (зам. отв. ред.). СПб.: Скифия-принт, 2021; Ноябрьские чтения-2020: Сборник статей по итогам XII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 5–6 декабря 2020 г. / Р. А. Шумяков (отв. ред.); А. Д. Мурагбакиева; М. К. Пилосян. СПб.: Скифия-принт, 2021; Ноябрьские чтения 2021: Сборник статей по итогам XIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2021 г. / А. Д. Мурагбакиева (отв. ред.); Д. А. Малоченко; Р. А. Шумяков; М. К. Пилосян; Д. О. Алешин; В. Д. Кудрина. СПб.: Скифия-принт, 2022.

избранные доклады, переработанные авторами в статьи, помещены в отдельном разделе сборника.

Редакционная коллегия благодарит тех, кто согласился стать рецензентом статей для настоящего издания: Д. Е. Алимova, В. В. Василика, И. И. Верняева, Е. С. Данилова, Т. М. Демичеву, М. И. Дмитриеву, К. Б. Егорову, С. М. Жестоканова, Т. Н. Жуковскую, А. А. Иванова, В. В. Калиновского, С. Б. Киселева, Е. В. Ключину, Д. Д. Копаневу, М. А. Костырю, А. Э. Котова, Е. В. Кулешову, О. В. Кулишову, Д. О. Мартынову, Н. И. Милютенко, А. А. Мушту, А. Д. Пантелеева, И. В. Петрова, И. А. Полякова, И. С. Ратьковского, Л. В. Сидоренко, Д. А. Сосницкого, Н. В. Турьгину, А. Е. Филимонова, Е. В. Ходаковского, Н. В. Штыкова, Д. Г. Янченко.

Мы благодарим директора Института Истории СПбГУ А. Х. Даудова и Профсоюз студентов и аспирантов СПбГУ за всестороннюю поддержку настоящего издания. Хотелось бы также отметить работу модераторов секций, чьи советы помогли докладчикам сделать свои статьи лучше. Выражаем особую благодарность участникам конференции — тем, без кого не состоялись бы ни наше мероприятие, ни это издание. Благодарим С. С. Смирнову — за постоянную готовность откликнуться на возникавшие вопросы и затруднения, помочь и словом, и делом.

Спасибо!

Владимирова Наталия Андреевна

Рабочий год податного инспектора (по материалам отчётов податных инспекторов северо-западных губерний 1895–1899 гг.)

Аннотация. В статье поднимается вопрос о трудовых буднях податного инспектора. Его рабочий год чётко соотносился со сроками внесения налогов в казначейство. Однако данному процессу предшествовало много подготовительной работы. Податные инспектора описывали данные мероприятия в своих годовых отчётах, нередко упоминания и сроки их выполнения. Поэтому составить картину рабочего года податного инспектора представляется возможным на примере нескольких губерний северо-запада Российской империи.

Ключевые слова: податные инспектора; налоги; финансы; годовой отчёт, рабочий год.

Title: The working year of a tax inspector (based on the reports of tax inspectors in the northwestern provinces in 1895–1899)

Abstract. The article raises the issue of working days of tax inspectors. Their working year was clearly correlated with the timing of the payment of taxes to the treasury. However, a lot of preparatory work preceded this process. Tax inspectors described such kind of activities in their annual reports, often mentioning their duration. Therefore, that became possible to give insight into the working year of the inspectors based on examples of several north-west provinces of the Russian Empire.

Key words: tax inspectors; taxes; finance; annual report, working year.

В настоящий момент в структуре налоговых органов Российской Федерации происходит реформирование — переход на двухуровневую систему. В частности, в Псковской области вместо пяти инспекций создано одно управление. Количество налоговых инспекторов на область

Владимирова, Наталия Андреевна — Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия; reborn2718@mail.ru

Научный руководитель: *Лебедев, Сергей Константинович* — д-р ист. наук, доц., Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия

Vladimirova, Natalia Andreevna — St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; reborn2718@mail.ru

Scientific adviser: *Lebedev, Sergey Konstantinovich* — Dr. Sc. in History, Associate Professor, Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

составляет около 700 человек, в то время как в Российской империи на одну Псковскую губернию приходилось по одному податному инспектору, и лишь к 1914 г. Псковский уезд поделили на два участка и численность податных инспекторов составила два чиновника.

Анализируя количество работы, которое в настоящий момент приходится на налогового инспектора, можно заметить, что дореволюционные податные инспектора не уступали им в рабочей нагрузке. Крайне важно рассмотреть то, как работали податные инспектора в Российской империи, так как, изучив рабочий год этих чиновников, можно определить, какие проблемы присутствовали в сфере местного налогообложения.

Исследований, посвящённых рабочим моментам податных инспекторов, не существует. Можно отметить лишь самую крупную работу Е. С. Кравцовой [2], в которой она изучает податных инспекторов на законодательном уровне (где, естественно, не прописаны особенности их работы), а также обобщающие труды по податным инспекторам Л.А. Муравьевой и Ю.И. Петрова [3, 4, 5]

Между тем, в периодическом издании дореволюционного Министерства финансов «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 34 был представлен наказ податным инспекторам по губерниям Европейской России, в котором разъяснялись особенности их деятельности и обязанности [1, с 583]. Одной из служебных обязанностей податных инспекторов являлось составление и предоставление в казённую палату не позднее 1 февраля следующего года годового отчёта по установленной форме. В нём они должны были указывать подробные сведения о своих служебных обязанностях, а также делать краткий обзор налоговых поступлений истекшего года.

В Российском государственном историческом архиве мы изучили доступные годовые отчёты по трём губерниям: Псковской, Санкт-Петербургской и Новгородской. Сразу стоит отметить, что не по всем уездам есть первая составляющая отчета — сведения о деятельности податного инспектора. Также лишь немногие податные инспектора подробно, по месяцам расписывали свою службу. Тем не менее полученный материал даёт достаточно полную картину рабочего года этого чиновника.

Независимо от губернии или уезда рабочий год податного инспектора начинался с работ по квартирному налогу. Связано это было с тем, что ещё с середины декабря предыдущего года начинался сбор заявлений от домовладельцев в городах. Чаще всего работы по квартирному налогу заканчивались в марте, когда раскладка сдавалась в казённую палату. Однако, например, в Боровичском уезде Новгородской губернии в 1895 г. работы над делопроизводством по квартирному налогу закончились в мае, а в 1896 г. в этом

же уезде — в июне. Исключением является Демянский уезд Новгородской губернии, чиновник которого в 1898 г. указал, что в январе – июле проводил генеральную проверку торговли и промышленности и совершал разъезды по уезду, а также Лужский уезд Санкт-Петербургской губернии, который в том же году в январе – мае помимо генеральной проверки указал и раскладку квартирного налога.

Начиная с апреля в большинстве уездов податные инспектора приступали к разъездам. Это связано с тем, что начинали всходить озимые хлеба, состояние которых податной инспектор должен был проверять и отправлять сведения дважды в месяц в Департамент окладных сборов Министерства финансов. Работы по контролю за состоянием хлеба и трав продолжались вплоть до его сбора и обработки (умолов), то есть примерно до середины октября.

Также с апреля – мая и до июня – июля велись работы по раскладке дополнительного сбора с гильдейских и негильдейских предприятий. В редких случаях из-за необычных обстоятельств податные инспектора могли вести работу по обложению негильдейских предприятий дополнительным сбором до сентября.

В октябре – ноябре чаще всего податные инспектора были заняты выполнением поручений казённой палаты и различных департаментов. Эти поручения в своих отчётах податные инспектора не перечисляли, поэтому узнать о них сложно. Лишь в некоторых случаях чиновники могли зафиксировать особенно трудные для них поручения. Например, податной инспектор Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии в 1896 г. отмечал, что Департамент окладных сборов поручил ему предоставить ведомости для предварительных соображений о выполнении выкупных платежей по закону 13 мая 1896 г. [8, л. 56]. Податной инспектор Царско-сельского уезда Санкт-Петербургской губернии в том же 1896 г. лишь коротко перечислял поручения: «по квартирному налогу, по торговому надзору, по наблюдению за поступлением окладных сборов и другие» [8, л. 89.]. Податной инспектор Белозерского уезда Новгородской губернии за 1895 г. писал, что все поручения казенной палаты исполнялись аккуратно и без всякой задержки, причем обращалось особое внимание на то, чтобы всякое дело было исполнено старательно и верно [6, л. 38].

Стоит отметить податного инспектора Демянского уезда Новгородской губернии, который в 1897 г. описал свою деятельность следующим образом: январь – март был занят переписью населения, с апреля производил раскладку дополнительного раскладочного сбора, а все остальное время занимался генеральной проверкой торговли и в тоже время проверял пра-

вильность составления документов сельскими обществами и волостными правлениями [7, л. 79].

Примером первого года работы податного инспектора является отчет чиновника Кирилловского уезда Новгородской губернии за 1897 г. Так как он вступил в должность в марте, то он ещё не мог распределить время в соответствии со спецификой того уезда. Поэтому первые три месяца работы он пропустил, совершая объезды волостей, чтобы ознакомиться с экономическим положением на местах. Только в апреле – мае инспектор смог приступить к раскладке дополнительного раскладочного сбора и в дальнейшем наверстать общий темп работы по губернии. Вероятно, в силу того, что это был первый год его работы, чиновник отмечал, что летом составлял статистические карточки по торговым заведениям. Можно предположить, что данная ситуация была обусловлена ещё и тем, что предшественник не оставил сведений после себя, и новому податному инспектору пришлось составлять всё заново [7, л. 108].

Податной инспектор Шлиссельбургского уезда Санкт-Петербургской губернии вступил в должность в феврале и успел, в отличие от чиновника Кирилловского участка, заняться ещё и срочными делами по квартирному налогу. Тем не менее он только в июне приступил к раскладке дополнительного раскладочного сбора, которая продолжалась до ноября (по надобности) [9, л. 116].

Не каждый податной инспектор так подробно расписывал свою деятельность. Например, податной инспектор Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии в отчете за 1896 г. отмечал, что условия деятельности податного инспектора за отчётный год не изменились по сравнению с прошлым годом [8, л. 72]. Подобные отчёты осуждались казённой палатой и признавались неправильными.

Таким образом, годовой отчёт податного инспектора является не только важным источником по экономическому развитию уезда, но и показывает деятельность податного инспектора на протяжении всего календарного года. Многие податные инспектора отмечали, что в первую половину года они заняты намного больше, чем во вторую, что затрудняло качественное исполнение дел. Тем более, что в первой половине года чиновникам нужно было разложить как минимум два налога: квартирный и дополнительный раскладочный. Вторая половина года чаще всего была занята разъездами, что также довольно сильно обременяло податных инспекторов.

Если судить по отчетам чиновников, то каждый месяц был занят кропотливой и тяжелой — как в канцелярском плане, так и в умственном и физическом — работой. Поэтому можно согласиться с податными инспекторами,

которые в своих отчётах отмечали как минимум необходимость наличия делопроизводителя в их служебной деятельности [6, л. 127].

Список источников и литературы

1. Вестник финансов, промышленности и торговли: указатель правительственных распоряжений по министерству финансов. СПб., 1885. Том 3.
2. *Кравцова Е. С.* Опыт организации налогового дела в России в конце XIX – начале XX столетия. Курск, 2010. 304 с.
3. *Муравьева Л. А.* Реформы министра финансов Н. Х. Бунге // Страницы истории. 2014. № 17. С. 51–61.
4. *Муравьева Л. А.* Социально-экономическая и финансовая политика в России 80-х – начала 90-х годов XIX века // Страницы истории. 2001. № 16. С. 81–87.
5. *Петров Ю. И.* Проблемы становления института Податных инспекторов в России в конце XIX века // Genesis. 2013. № 5. С. 1–12.
6. РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 716. Департамент окладных сборов Министерства финансов. XI отделение. Сводные таблицы податных инспекторов по Новгородской губернии за 1895 г. Приложения: отчеты податных инспекторов. 177 л.
7. РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 718. Департамент окладных сборов Министерства финансов. XI отделение. Сводные таблицы податных инспекторов по Новгородской губернии за 1897 г. Приложения: отчеты податных инспекторов. 231 л.
8. РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 826. Департамент окладных сборов Министерства финансов. XI отделение. Отчеты податных инспекторов по Петроградской губернии за 1896 г. 110 л.
9. РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 828. Департамент окладных сборов Министерства финансов. XI отделение. Сводные таблицы по отчетам податных инспекторов по Петроградской губернии за 1898 г. Приложения: отчеты податных инспекторов. 128 л.

Для цитирования: *Владимирова Н.А.* Рабочий год податного инспектора (по материалам отчетов податных инспекторов северо-западных губерний 1895-1899 гг.) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 5 – 9.

Женское предпринимательство в Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Аннотация В данной статье рассматривается феномен женского предпринимательства в дореволюционной России: процесс его формирования, правовое пространство и отличия от мужского бизнеса. В центре внимания вопрос сословного представительства в женском предпринимательстве, его формы и направления. В статье представлена характеристика регионального аспекта женского предпринимательства на основе анализа фирм, во главе которых стояли женщины Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв. В качестве источников использованы рекламные брошюры торговых заведений, помещенные в адрес-календари, и памятные книжки.

Ключевые слова: женское предпринимательство, дореволюционная Россия, Самарская губерния.

Title: Women's entrepreneurship in the Samara province during the late 19th – early 20th centuries.

Abstract. The present article examines the phenomenon of women's entrepreneurship in pre-revolutionary Russia and covers the following topics: the process of its formation, the legal framework of its activities and the differences from men's business. The focus is on the issue of class representation in women's entrepreneurship, its forms and directions. The paper characterizes the regional aspect of women's entrepreneurship based on the analysis of the firms headed by women in the Samara province of the late 19th – early 20th centuries. Memorial books and promotional brochures of the commercial establishments placed in address-calendars were used as sources.

Key words: women's entrepreneurship, pre-revolutionary Russia, Samara province.

В сознании населения современной России до сих пор сохраняется стереотип о патриархальном характере дореволюционного общества, о бесправии женщин, об их полном подчинении главе семейства. Но это не так. Исторические источники и научные труды содержат историческую информацию о том, что уже в 1860-е гг. женщины получили право

Михайлова, Анастасия Евгеньевна — Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, Самара, Россия; mixajlova2014@yandex.ru
Научный руководитель: Кабытов, Пётр Серафимович — д-р. ист. наук., проф. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, Самара, Россия

Mikhailova, Anastasia Evgenievna — Samara National Research University, Samara, Russia, mixajlova2014@yandex.ru

Scientific adviser: Kabytov, Pyotr Serafimovich — Dr. Sc. in History, Professor, Samara National Research University, Samara, Russia

на занятие коммерческой деятельностью, которую они успешно смогли реализовать.

Процесс зарождения женского предпринимательства начался во второй XIX в., в эпоху «Великих реформ». Они способствовали стремительной модернизации транспортной и финансовой систем, ускорили формирование всероссийского рынка и рынка рабочей силы, что, в свою очередь, привело к бурному развитию промышленности.

В этот же период вносятся коррективы в правовое положение женщин. До 1863 г. исключительное право на занятие коммерческой деятельностью имели представители купеческого сословия. Для женщин тоже были варианты доступа. Наиболее распространённым был вариант, когда вдовы купцов наследовали бизнес после смерти мужа. Этим же правом могли воспользоваться незамужние купеческие дочери после смерти отца. Но такие случаи были редкими явлениями, характерными для крупных городов Империи [13, с. 16].

1 января 1863 г. было принято «Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов». Признавалось всеобщее право всех граждан на занятие предпринимательством в России независимо от половой принадлежности и звания [12, с. 5]. Женщины разных сословий активно стали включаться в коммерческую деятельность. Наиболее распространённой формой женского предпринимательства стала торговля в виде мелких лавок на площадях города и ярмарках, а затем в стационарных магазинах. В собственности женщин находились и предприятия. Но это было скорее исключением, чем практикой [3, с. 52].

Стоит подчеркнуть, что женское предпринимательство было более развито в столичных городах, но и в отдалённых от них губерниях были случаи, когда коммерческой деятельностью занимались женщины. Самарская губерния, образованная в 1851 г., во второй половине XIX в., входила в число одного из наиболее экономически развитых регионов, что объясняется как благоприятными условиями для развития сельскохозяйственных отраслей бизнеса, так и выгодным географическим положением Самары, находившейся на пересечении транспортных магистралей.

Центром торговли и бизнеса в губернии являлась Самара, столица региона. Здесь функционировал «Торговый дом Надежда Ромашева с сыновьями», который возглавляла вдова Ефима Васильевича. В 1910 г. в документах эта фирма значится уже как «Торговый дом Ромашевых и К». В него входили дети и племянники Е. В. Ромашева. Одним из вкладчиков была Мария Ефимовна, доля её вложений составляла 25 тысяч рублей. Управление фирмой было возложено на Стефана Ефимовича и Владимира Ивановича. Контора торгового дома находилась на углу Николаевской

и Симбирской улиц. Фирма специализировалась на продаже муки. Торговля осуществлялась из лавок [14, л. 41]. Отделение торгового дома было открыто в Нижнем Новгороде. И все же в данном случае можно лишь номинально говорить о ведении бизнеса женщиной.

В этой же связи нельзя не упомянуть «Торговый дом О. В. Шадрина». Его основала богатая купеческая вдова Ольга Васильевна. Однако стоит отметить, что купчиха выступала «пассивным предпринимателем», делами заведовал её сын. Торговому дому принадлежала паровая вальцово-мукомольная мельница, которая находилась на набережной р. Волги. Торговля же шла на Заводской улице. Фирма имела филиал в Казани [7, с. 453].

Как уже было отмечено, женщины-купчихи могли получать бизнес в наследство от отца или мужа. Елизавета Яковлевна Жукова после смерти мужа В. Е. Жукова унаследовала магазин в Самаре, который находился в их доме на углу Заводской и Николаевской улиц. Ассортимент магазина был представлен российскими и иностранными винами, гастрономическими и колониальными товарами [7, с. 443].

Унаследовала бизнес от мужа и Мария Ильинична Летягина. В кризисном состоянии она получила кирпичные заводы, которые к тому времени не отвечали новым техническим требованиям. Для того чтобы закрыть кредит, она основала свой бизнес: открыла гостиницу «Северная», которая привлекала внимание горожан синемаграфом, а также лесопилку на ул. Лесной. Несмотря на предпринятые меры, бизнес Летягиной был конфискован для уплаты всех кредитов и налогов, а Мария Ильинична доживала свой век в каморке при бывшей лесопилке [15, л. 48].

В гостиничный бизнес активно включилась Александра Ивановна Колесникова. Ее заведение находилось в Самаре на Москательной улице. Скандальную известность приобрела гостиница Ильиной, жены владельца кирпичных заводов И. Е. Ильина. Гостиница располагалась на Панской улице, рядом с набережной и Бурлацким рынком. Горожане избегали посещать её, так как ходили слухи про тараканов и «неправильных девушек». Ильина первой в городе начала торговлю беляшами, которые позже вошли в меню самарских чайных [6]. Одной из таких чайных владела Евдокия Алексеевна Ивлева [7, с. 469].

Среди бизнес-элиты города особенно выделялась А. М. Неклютина, дочь купца Шихобалова, жена купца, по совместительству городского головы, Неклютина. В 1883 г. после смерти отца она получила земельные владения в Бузулукском уезде и находящийся там конный завод, на котором она разводила рысаков и арабских скакунов. В 1904 г. она наследует дело мужа: паровую мукомольную мельницу и торговлю хлебом.

В 1912 г. купчиха открыла хлебопекарный завод. Современники отмечали, что он был вторым в Империи механизированным хлебопекарным производством. На нем выпекали булочки, которые горожане называли «неклютинки» [2, с. 7].

Принадлежала Анастасии Матвеевне и электротехническая контора. В ней могли приобрести товары, необходимые для обустройства водопровода, электричества, отопления, канализации. В ассортимент товаров входили сепараторы, керосиновые фонари, телефоны и звонки [11, с. 47]. В 1913 г. на Дворянской улице ей был открыт салон по продаже автомобилей «Форд». Однако он быстро закрылся, что было вызвано как начавшейся Первой Мировой войной, так и высокой конкуренцией в городе в этой сфере торговли.

Но не только в столице губернии было распространено женское предпринимательство, оно было представлено и в других городах и сёлах региона. Богатой и деятельной была Прасковья Степановна Маркова, вдова мелекесского купца 2-й гильдии Александра Григорьевича Маркова. После смерти мужа в 1903 г. она становится владелицей Трехсосенского пивоваренного завода [11, с. 452]. В собственность купчихи также входили винокуренный и ректификационные заводы, водная мукомольная мельница, предприятие по производству шипучих и фруктовых вод [11, с. 455]. М. Н. Барышников, среди крупнейших торговых домов, возглавляемых женщинами к 1914 г., называет торговый дом «К. и С. Якимовы в Балакове» [4].

Строительным бизнесом активно интересовалась потомственная почетная гражданка О. И. Беневольская. В Бугуруслане находился механический кирпичный завод, которым она владела [11, с. 463]. В Ставрополе на Базарной площади функционировало чайное зало, принадлежавшее Марии Алексеевне Борисовой [1, с. 7].

В Бузулуке известность приобрел магазин «Торгового дома Г. М. Киселева вдова с сыновьями». В нем был представлен разнообразный ассортимент товаров, что объяснялось неравномерностью покупательского спроса и желанием владельцев получать максимальную выгоду. Так, в магазине семейной фирмы можно было приобрести как парфюмерию и швейные машины, так и мебель, чай, кофе, обувь и даже обои. На той же Троицкой площади располагался аптекарский магазин М. Санниковой и А. Петровой [1, с. 22].

В селе Сорочинское Александра Алексеевна Лаптева владела магазином, ассортимент которого может вызвать сомнения о гендерной принадлежности своего хозяина. В нем продавались листовое железо, гвозди, заграничный инструмент для плотников и слесарей, ружья, револьверы, охотничьи принадлежности, стекло оконное, краски, масло варёное [1, с. 55].

Разветвлённый бизнес имела Анастасия Михайловна Сосина. Ей принадлежал мануфактурный магазин. Главная контора находилась в селе Абдулино, отделения были открыты в сёлах Петровка, Покровка и Матвеевка [1, с. 30].

Обычной практикой стало включение женщин в состав правлений партнёрских товариществ и акционерных компаний. В этих условиях сфера бизнеса являлась для женщин одной из наиболее благоприятных [5, с. 246]. Такая практика существовала в селе Васильевское. Там М. И. Зимица, А. И. Суркова и Г. О. Максаков вели лесную и соляную торговлю [1, с. 61].

Развитие предпринимательства в губернии, в том числе и женского, было неравномерным. Выше были указаны уезды, в которых оно развивалось активно, но, например, в Новоузенском уезде фабричная и заводская промышленность практически отсутствовали, исключение составляли предприятия, возглавляемые мужчинами [10, с. 126].

Говоря о женской предпринимательской деятельности, стоит обратиться и к торговле в форме лавок и ларей на городских базарах и площадях. Участие в «базарной торговле» принимали мещанки и крестьянки. Для мещан была характерна «мелкая розничная торговля» [9, с. 54]. Крестьянки вели продажу своей продукции прямо с телеги на торговых площадях города. Владели мещанки и магазинами. Так, в заведении Самохваловой можно было приобрести щётки, кисти, синьку, крахмал, мыльничные, парфюмерные и «пароходские» товары [8, с. 267].

Таким образом, во второй половине XIX в. начался процесс формирования женского предпринимательства, который затронул не только столичные города, но и провинцию. По социальному происхождению в деятельность включались купчихи, мещанки и крестьянки, но если первые владели промышленными предприятиями и вели стационарную торговлю, то мещанки и крестьянки были заняты лишь розничной торговлей на площадях города и ярмарках. Наиболее распространенной практикой вовлечения женщин-купчих в предпринимательство было наследование дела главы семейства. Вместе с тем, распространение получил и самостоятельный женский бизнес, который они развивали независимо от мужа. Успешность женского бизнеса заключалась в следовании традиционным методам ведения бизнеса, продолжении сотрудничества с партнерами, с которыми работал до этого глава семейства. Стоит подчеркнуть, что для большей прибыльности торгового дела женщины в своих магазинах предлагали различный ассортимент, что позволяло избежать сезонных перепадов в покупательском спросе. Еще одной характерной чертой

женского предпринимательства являлся его многоотраслевой характер, что также позволяло извлекать максимальную выгоду. Все это позволяет говорить о значительной роли женщин в предпринимательской среде Самарской губернии и Российской империи в целом и отмечать новаторские методы ведения бизнеса предпринимателями женщинами.

Список источников и литературы

1. Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год. Самара: Тип. Губернского Правления, 1904. Объявления торговых фирм. 358 с.
2. *Барина Е. П.* Купеческая династия Неклютиных в Самарской губернии // Актуальные проблемы науки, экономики и образования XXI века. 2012. С. 5–11.
3. *Барышников М. Н.* Женщина в структуре российского предпринимательства в начале XX века // Факты и версии: Историко-культурологический альманах. СПб., 2001. Исследования и материалы. Кн. 2. Из истории экономики. С. 51–64.
4. *Барышников М. Н.* Женщины в составе владельцев торговых домов в России в конце XIX – начале XX вв.: электронный ресурс. URL: <http://viperson.ru/articles/zhenschiny-v-sostave-vladeltsev-torgovyh-domov-v-rossii-v-kontse-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения: 18.10.2022).
5. *Барышников М. Н.* Из истории семейного бизнеса в России: Богдановы и Е. Н. Шапошникова // СПб., 2018. Т. 17. Вып. 2. С. 231–250.
6. *Демидов А. Н.* Женские лики Самары. URL: <https://proza.ru/2015/11/02/709> (дата обращения: 09.10.2022).
7. Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. Самара: Тип. Губернского Правления, 1899. Объявления торговых фирм. 476 с.
8. *Кобозева З. М.* Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара, 2013. 613 с.
9. *Корнешева Ю. В.* Из истории развития торговли в городах Среднего Поволжья во второй половине XIX века // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 53–62.
10. Новоузенский уезд в естественно-историческом и хозяйственном отношении. По данным обследования 1908 г. В 2 ч. Новоузенск: Новоузенское уезд. земство, 1912. Часть 1. 275 с.
11. Памятная книжка Самарской губернии на 1914 год / сост. Васильев А. Самара: Губернская тип., 1914. Объявления торговых фирм. 500 с.
12. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов со всеми позднейшими изменениями и дополнениями // Россия. Законы и постановления / под ред. А. В. Скалона. Харьков: изд-во А. В. Скалона. 1869. 82 с.
13. *Ульянова Г. М.* Купчихи, дворянки, магнатки: Женщины-предпринимательницы в России XIX в. М., 2021. 352 с.
14. ЦГАСО Ф. 153. Оп. 36. Д. 1033. Об открытии и закрытии торговых домов и товариществ в г. Самаре. 151 л.
15. ЦГАСО Ф. 352. Оп. 1. Д. 27. Дело о несостоятельности Литучиных. 172 л.

Для цитирования: Михайлова А.Е. Женское предпринимательство в Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 10 – 16.

Проблемы продовольственного обеспечения перестроечного Ленинграда в докризисный период (1985–1988 гг.)

Аннотация В статье рассмотрены основные проблемы снабжения продуктами питания Ленинграда в 1985–1988 гг. — в период перестройки, предшествующий продовольственному кризису в городе. Проанализировано их развитие на протяжении данного периода, способы их решения различными органами власти города. В статье объясняется, как данный комплекс проблем привёл к возникновению в дальнейшем продовольственного кризиса.

Ключевые слова: продовольственный кризис; Ленинград; перестройка.

Title: Problems of food supply of Perestroika Leningrad in the pre-crisis period (1985–1988)

Abstract. The article deals with the main problems of food supply in Leningrad in 1985–1988, during the period of perestroika before the food crisis in the city. Their development during this period, ways of their solution by various authorities of the city are analyzed. The article explains how this set of problems led to the food crisis in the future.

Key words: food crisis; Leningrad; perestroika.

Продовольственный кризис в Ленинграде периода перестройки датируется началом 1989 г. Период 1985–1988 гг. можно назвать докризисным. Для него не было характерно столь резкое ухудшение продовольственного обеспечения, а также принятие болезненных и непопулярных мер (введение талонов и талонной системы), как в последующий период. Но именно те проблемы, которые не были решены или появились в данное время, плавно подвели город к кризисному состоянию.

Основными причинами продовольственного дефицита в городе с самого начала перестройки были: 1) дезорганизация в транспортировке продовольствия, нарушение логистики; 2) потребление основных видов продовольствия ниже установленной нормы; 3) неудовлетворительное качество поступающих в продажу продтоваров; 4) устаревание оборудования

Халимочкин, Владимир Сергеевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st069388@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Польнов, Матвей Фёдорович* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Halimochkin, Vladimir Sergeevich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st069388@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Polynov, Matvey Fedorovich* — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

на большинстве предприятий продовольственного комплекса страны; 5) затягивание в проведении реформы розничных цен. Все перечисленные проблемы продолжатся и лишь усилятся во время перестройки. Принимаемые меры в рамках сложившейся в городе и стране системы хозяйствования не давали действенного результата.

Внутри докризисного периода можно выделить несколько этапов. Первый — это 1985–1986 гг. Об этом периоде имеется меньше всего информации, в то время пресса многое замалчивала, а статистические показатели и отчёты органов власти города часто не отражали объективной картины.

1985 г. характеризуется принятием незначительных мер по улучшению продовольственного обеспечения, которые принесли такие же незначительные результаты. Подобные меры были приняты в сфере уборки урожая, борьбы с потерями зерна и овощей, которые были взяты под особый контроль партийных комитетов [7]. Вследствие этого все овощи были вовремя рассортированы по базам до наступления холодов [3].

Организация торговли овощами оставалась неудовлетворительной, а контроль за наличием в магазинах продукции овощеводства — слабым. Проверки показывали, что «в каждом третьем магазине в продаже отсутствовала некоторая продукция, которой заполнены склады плодоовощных баз города» [4].

Проблема перебоев в поставках в 1985 г. коснулась 84 % товаров из категории «продукты питания» [20, с. 24]. Во втором полугодии 1985 г. была зафиксирована недостаточная поставка в город мясопродуктов [2, л. 25]. При этом статистическое управление Ленинградской области и Ленинграда сообщало о выполнении плана производства продуктов питания пищевой промышленностью на 100,8 %, мясомолочной промышленностью — на 101 %, рыбной промышленностью — на 103,1 % [5].

Важнейший показатель потребления продуктов питания на душу населения в Ленинграде в 1985 г. отражён в Таблице 1 [8, с. 81]. Каждый из уровней потребления, кроме картофеля и хлебных продуктов, был выше общесоюзного [8, с. 81]. При этом нормой потребления на душу населения были: по мясу и мясопродуктам — 86 кг, по молоку и молочным продуктам — 440 кг, яйцам — 312 штук, по картофелю — 110 кг, овощам — 131 кг, хлебным продуктам — 119 кг [12, л. 50]. Ни один из ленинградских показателей не превышал нормы потребления продуктов питания на душу населения.

Проблема с простоями продовольствия на железнодорожных станциях в 1986 г. продолжила усложнять обеспечение населения продуктами питания. Например, в мае 1986 г. было допущено превышение норматива при выгрузке вагонов на 4 часа и простоев уровня 1985 г. на 1,8 часа. На неко-

торых станциях задержка каждого вагона под разгрузкой доходила до 46 часов [18, л. 22]. При этом положительная динамика в этом вопросе всё же была. Начальник отдела транспорта Б. А. Новиков докладывал, что «в текущем году в мае выгружено 1460 вагонов против 656 вагонов в 1985 г. или на 804 вагона больше» [там же].

В 1986 г., как и в предыдущем, наблюдалось улучшение условий хранения овощей. Город получил хранилищ еще на 40 тыс. единиц продукции. Осенью 1986 г. под крышу был заложен «добрый» урожай: картофеля — на 10 % больше, а яблок — в 2 раза больше, чем в 1985 г. [6]. Однако в ноябре – декабре 1986 г. покупатели отмечали сначала отсутствие, а потом недостаточное количество капусты в магазинах. Всё это происходило снова из-за того, что графики вывоза продукции из совхозов систематически срывались [6]. В сентябре 1986 г. финансовыми органами была проведена проверка эффективности использования оборудования на предприятиях Главленплодоовощпрома. В ходе этой проверки «на Фрунзенской и Московской базах выявлено неустановленного и длительного время неиспользуемого оборудования на сумму свыше 150 тыс. руб. и другие недостатки» [18, л. 118]. Состояние учёта и использования оборудования было признано неудовлетворительным.

Потребление основных продуктов питания на душу населения в 1986 г. увеличилось почти по всем видам продовольствия [8, с. 81]. Мясопродуктов стали потреблять на 5 кг больше, чем в 1985 г., молока и молочных продуктов — на 9 кг, картофеля — на 7 кг [8, с. 81]. Установленная норма в Ленинграде выполнялась только по мясу и молоку.

Подводя итоги реализации продтоваров в 1986 г., можно постановить, что она проходила более высокими темпами. По сравнению с 1985 г. рост составил 10,1 % [15, л. 9]. Если говорить об итогах торговли продовольствием, то и здесь мы видим положительные изменения. Управление торговли продовольственными товарами, в отличие от предыдущего года, признало свою работу за 1986 г. удовлетворительной [17, л. 6].

Второй период внутри докризисного периода — 1987–1988 гг. Этот период характеризуется большей открытостью в освещении проблем продовольственного снабжения как по городу, так и в стране.

О проблемах в кондитерской промышленности города активно писала «Ленинградская правда». Она констатировала, что «за последние несколько лет ленинградская кондитерская промышленность ни разу полностью не выполнила договорные обязательства. Недоданы населению десятки тысяч тонн продукции великого множества наименований [10]. Отмечались также проблемы с качеством: «За последние три года

количество забракованной сладкой продукции увеличилось в четыре с лишним раза» [10].

Потребление продуктов питания на душу населения в Ленинграде в 1987 г. отражено в Таблице 1 [9, с. 25]. По сравнению с первым годом перестройки этот показатель увеличился по каждой из категорий продовольствия (кроме овощей: не изменился). При этом в каждом случае это увеличение было незначительным (1–2 кг). Если сравнивать потребление ленинградцами основных видов продовольствия с тем пищевым рационом, который Академия медицинских наук СССР рекомендовала для РСФСР, то по мясу и мясопродуктам, а также молоку и молочным продуктам потребление населением Ленинграда эту норму значительно превышало, а по хлебу и хлебопродуктам, картофелю и овощам — было значительно меньше этой нормы [9, с. 25].

В 1988 г. продовольственное положение в Ленинграде приближалось к стадии серьёзного кризиса. В самом СССР уже очень активно применялась продажа отдельных видов продовольствия по талонам. Завотделом торговли и бытового обслуживания ЦК КПСС Н. Старшенков в сентябре 1988 г. докладывал: «Такая форма при продаже мясных продуктов применялась в 24 областях, краях и АССР РФ, а также в гг. Баку и Сумгаите Азербайджанской ССР. По талонам реализуется также масло животное в 13 областях и АССР Российской Федерации, в трёх областях Казахской ССР, в Грузинской, Азербайджанской и Армянской союзных республиках. В текущем году в связи с ростом спроса населения на сахар подавляющее большинство областей, краёв и республик было вынуждено ввести талоны на его продажу» [2, л. 10–11].

Реформа ценообразования, без которой кризис продовольствия приближался ещё сильнее, пока не была проведена. В итоге «вместо денег работали привилегии, связанные с географией, служебным положением покупателя, его близость к товаропроводящей сети» [1]. Сторонниками повышения цен были академик А. Г. Аганбегян, председатель Госкомцен СССР В. С. Павлов. Предполагалось, что, если это произойдет, цены на мясо, например, подскочат в два–три раза [1].

Продолжало ухудшаться положение в кондитерской промышленности. Показательно, что из предприятий, не выполнивших в 1988 г. план по прибыли, наиболее низкий процент выполнения продемонстрировали Кондитерский комбинат имени Самойловой (84,4 %) и I-й кондитерский комбинат (89,4 %) [13, л. 38]. За девять месяцев 1988 г. торговля недополучила 187 тонн кондитерской продукции, более 28 тыс. тонн картофеля и почти 60 тыс. тонн других овощей [7].

В 1988 г. Ленинградский Госкомитет народного контроля проводил проверки в продовольственных магазинах различных районов Ленинграда. В ходе этих проверок были выявлены существенные недостатки в деятельности предприятий и организаций района в выполнении продовольственной программы, в экономии продовольственных ресурсов. В Невском районе серьёзные проблемы наблюдались с торговлей мясопродуктами: «В магазинах райпищесторга продолжают нарушаться санитарные правила хранения мясопродуктов, задержка товаров от продажи, пересортица, обчёты и обвесы покупателей» [19, л. 3]. Похожие проблемы наблюдались с реализацией хлебопродуктов [там же, л. 4]. Состояние торговли картофелем и плодоовощной продукцией было признано неудовлетворительным [там же]. Проверка в Куйбышевском районе показала, что «в 17 из 34 проверенных магазинов района выявлены отсутствие в продаже товаров достаточного ассортимента, задержка товаров от реализации и другие нарушения правил торговли».

К 1988 г. в городе особенно усилилась система предварительных заказов. И если посмотреть на их динамику, то в 1985 г. предзаказов было 29,1 млн., в 1987 г. — 29 млн. А в 1988 г. произошёл их резкий скачок, и было выполнено 33,8 млн. предварительных заказов, в том числе за II полугодие — 16,2 млн. заказов [16, л. 2].

Потребление ленинградцами основных видов продовольствия на душу населения в Ленинграде в 1988 г. также отражены в Таблице 1 [13, л. 39]. За 1985–1988 гг. потребление только мясопродуктов и молокопродуктов превысило норму (на 7 кг по обоим показателям). По другим категориям оно было значительно ниже (по хлебопродуктам — на 24 кг, по картофелю — на 33 кг). Стоит отметить, что потребление мяса ленинградцами было значительно выше среднероссийского и среднесоветского уровней (на 26 и 31 кг в год соответственно). При этом в 23 краях, областях и автономных республиках СССР мясопродуктов на душу городского населения приходилось менее 40 кг [11, с. 187]. Примерно так же дело обстояло с потреблением молока: в Ленинграде среднедушевой показатель был на 103 кг и 122 кг больше, чем в РСФСР и СССР. При этом потребление картофеля на душу населения было ниже, чем по РСФСР на 32 кг, по СССР — на 27 кг [13, л. 39].

В итоге, период 1985–1988 гг. не привёл к решению ни одной из главных проблем продовольственного снабжения Ленинграда. В отдельных сферах мы можем наблюдать незначительные улучшения, в других же — проблемы усугублялись. В 1989 г. на сложную ситуацию с продуктами питания в Ленинграде, не наладившуюся за первые четыре года

перестройки, наложились следующие факторы: распад хозяйственных связей Ленинграда с важнейшими регионами-поставщиками продовольствия (республиками Прибалтики, где были введены визитные карточки на продовольствие), резкое увеличение (до 30 %) вывоза из Ленинграда продовольствия (в основном, жителями Псковской и Новгородской областей, где были введены талоны на продтовары) [14, л. 19], и введение первых талонов на некоторые продтовары уже в самом Ленинграде (сахар, чай). Именно поэтому 1989 г. и следует считать началом продовольственного кризиса в городе. Данный кризис приведёт к введению талонной системы и даже к угрозе голода в Северной столице.

Список источников и литературы

1. *Бреслав Л.* Почему так дорого // Смена. 1988. 12 февраля.
2. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 150. Д. 1394. О совершенствовании системы распределения государственных ресурсов, продуктов питания и непродовольственных товаров. 70 л.
3. *Зеленин Г.* Хранить — надёжно! // Вечерний Ленинград. 1985. 1 ноября.
4. Как успеваем за урожаем? // Вечерний Ленинград. 1985. 24 сентября.
5. Об итогах выполнения плана комплексного экономического и социального развития Ленинграда и Ленинградской области за 1985 год // Вечерний Ленинград. 1986. 9 февраля.
6. Овощи на вашем столе // Ленинградская правда. 1987. 10 января.
7. Сопещение в Смольном // Смена. 1988. 3 августа.
8. Социальное развитие и повышение уровня жизни населения СССР. М., 1986. 268 с.
9. Социальное развитие населения Ленинградской области и Ленинграда за 1985–1987 гг. Л., 1989. 68 с.
10. *Станкевич В.* Чай с... цифрами // Ленинградская правда. 1987. 4 апреля.
11. *Твердюкова Е. Д.* Потребительский рынок Ленинграда периода перестройки: торговля и распределение // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. Т. 6. СПб., 2015. С. 63–69.
12. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 242. Д. 69. Основные экономические показатели города и Ленинградской области за 1987 год. 76 л.
13. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 243. Д. 19. Информация руководящих партийных и советских работников о работе по оказанию платных услуг населению города. 63 л.
14. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 243. Д. 38. Записки отдела в ЛОК КПСС об обеспечении основными продовольственными товарами. 54 л.
15. ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 4. Д. 262. Сводный отчёт Главка за 1986 год. 137 л.
16. ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 4. Д. 291. Сводный отчёт по основной деятельности за 1988 год. 108 л.
17. ЦГА СПб. Ф. 873. Оп. 3. Д. 486. Отчёт по основной деятельности Управления за 1986 год. 212 л.
18. ЦГА СПб. Ф. 7134. Оп. 1. Д. 1. Приказы по основной деятельности комитета. 145 л.

19. ЦГА СПб. Ф. 9803. Оп. 14-14. Д. 1214. Дело о ходе реализации продовольственной программы предприятиями района. 7 л.

20. Чудецкий А. Н. Производственная кооперация на потребительском рынке (1987–1991 гг.) : дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. 224 с.

Приложение 1

Табл.1. Потребление основных продуктов питания ленинградцами на душу населения в 1985–1988 гг. [8, с. 81; 9, с. 25; 13, л. 39]

Потребление основных продуктов питания ленинградцами на душу населения в 1985–1988 гг.				
	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.
Мясопродукты, кг	86	91	93	93
Молоко и молочные продукты, кг	438	447	447	447
Яйца, шт.	286	287	287	—
Картофель, кг	76	83	77	77
Овощи, кг	103	104	103	—
Хлебные продукты, кг	92	93	95	95

Для цитирования: Халимочкин В. С. Проблемы продовольственного обеспечения перестроечного Ленинграда в докризисный период (1985–1988 гг.) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 17 – 23.

Курдюков Данил Константинович

Воинская традиция как культуруобразующий элемент средневекового раджпутского общества

Аннотация. Цель данной статьи — рассмотреть основные этапы развития воинской традиции в раджпутском обществе, а также определить её роль в жизни этого общества эпохи средневековья. Изучение воинских обычаев раджпутов необходимо для понимания их культуры, основанной на идеях самопожертвования и героизма, а также причин формирования той самоидентичности, которая помогла раджпутскому этносу пережить тяжелейшие моменты истории и сохраниться до наших дней.

Ключевые слова: Индия, Раджастхан, раджпуты.

Title: Military tradition as a culture-forming element of the middle-aged Rajput society

Abstract. The purpose of the article is to study the stages of the military tradition's development the Rajput society and to define this tradition's role for the middle-aged Rajputs. Studying the history of Rajput military customs is vital for understanding both their culture based on values of heroism and self-sacrifice and the reasons for forming self-identity that has helped the Rajputs to endure the most difficult periods of their history and to preserve their society until nowadays.

Key words: India, Rajasthan, the Rajputs.

Вопрос роли воинской традиции в истории и жизни средневекового раджпутского общества так или иначе затрагивался исследователями-индологами. Например, это можно увидеть в работах Е. Н. Успенской [4, 5, 6], Н. Р. Гусевой [1], а также М. К. Кудрявцева [3]. Тем не менее, автор статьи считает, что при рассмотрении этого вопроса исследователи часто концентрируют своё внимание именно на фактической роли воин-

Курдюков, Данил Константинович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st087450@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Смирнова, Екатерина Викторовна* — к-т ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Kurdyukov, Danil Konstantinovich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st087450@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Smirnova, Ekaterina Viktorovna* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

ской традиции в политическом развитии раджпутских государств, при этом упуская из виду комплексность развития воинской этики раджпутов как социального явления. Исследователи недостаточно освещают проблему воинской традиции как культуuroобразующего фактора, который оказал влияние на складывание особой «раджпутской» идентичности внутри средневекового индийского общества. В данной статье автор постарается через анализ основных этапов развития воинской традиции и её теоретической составляющей дополнить существующую точку зрения на раджпутскую воинскую этику и её значение для средневекового раджпутского общества.

Раджпутами исследователи называют особую кастовую группу в составе населения Индии, древние предки которой имели иноземные этнические корни. Точная хронология и географические рамки, в которых происходило формирование раджпутов как этноса, до сих пор являются относительно «тёмным пятном» для антропологов, и наиболее ёмко этот процесс описывает в своей работе М. К. Кудрявцев: «Вследствие массового переселения в Индию племён саков (шаков), юэ-чжи (кушан) и белых гуннов (эфталитов) к V в. н.э. на территории Индии сформировались такие народы, как гуджаратцы и раджпуты, а также большие группы племён... джаты, гурджары и кхокары» [1, с. 42].

Миграционные процессы начала первого тысячелетия нашей эры в Индии происходили одновременно с постепенными изменениями в социальной структуре индийского общества. Они были связаны с размыванием древневедийской системы «чатурварнашрама» — теории о существовании четырёх варн и стадий жизни — и складыванием нового общества, состоящего из большего числа компонентов. С VII в. н.э. началось постепенное оттеснение древних раджпутских племён из западных районов исторического Пенджаба сначала арабами, а затем афганцами. В результате раджпуты осели в восточных районах исторического Пенджаба, а также в долине Ганга и предгорьях Гималаев от Кашмира до Бенгалии, и попали в орбиту влияния брахманизма-индуизма.

Включение в новую культурную среду привело к тому, что большинство племён в итоге прошло процесс санскритизации — искусственной аккультурации в индуистское общество посредством включения в варнокастовую систему. Благодаря своей воинственности молодая раджпутская этнокастовая общность (термин М. К. Кудрявцева) заняла положение воинского сословия вместо кшатриев, которые к тому времени уже практически исчезли вместе с другими варнами [3, с. 35-36]. Впоследствии отдельные древние кшатрийские семьи, оставшиеся в меньшинстве, также стали называться раджпутами. Теперь уже невозможно отследить,

какие кланы являются истинно раджпутскими, а какие имеют иное происхождение [6, с. 47]. Получение нового социального статуса принудило раджпутов адаптировать своё кочевое общество под те морально-ценностные установки, которые кшатриям приписывали такие классические древнеиндийские тексты, как Манавадхармашастра, Артхашастра, Махабхарата и др. При этом по причине позднего интегрирования в индуистское общество раджпуты сумели сохранить, в частности, несоответствующую «высоким брахманическим стандартам» [4, с. 143] клановую структуру общества, таким образом защитив своё кочевое наследие, которое легло в основу их государственности.

Кшатрийская дхарма регулировала общественно-политические функции раджпутов и впоследствии легла в основу «раджпути» — неписанного морального кодекса раджпутов, регулировавшего поведение и сакральные качества воинов как на поле боя, так и в быту. Можно сказать, что раджпути стала идеологической базой, на которую опиралось раджпутское общество. Государства раджпутов на северо-западе Индии оказались той самой стеной, которая отделяла остальную территорию субконтинента от захватчиков-мусульман. Важно понимать, что мусульманская экспансия, вступившая в свою активную фазу в XI-XII вв., носила не только территориальный, но и религиозный характер, что создавало угрозу самому существованию индуизма. Эти обстоятельства определили вектор дальнейшего развития раджпутской истории и культуры, который был направлен на формирование статуса раджпутов как защитников индийской культуры и самого индуизма. В таких условиях в раджпутской среде происходило укрепление позиций воинской традиции, её возвышение и превращение в сакральную идентичность.

На усиление роли воинской этики также оказала влияние традиционная социальная организации раджпутских государств. Власть обеспечивалась локальными родственными кланами или семьями — кула, которые завоёвывали территории, уже заселённые местными кастовыми группами, и устанавливали на них свою власть. На протяжении всей своей истории раджпутское общество оставалось патриархальным и патрилинейным. Каждый клан относил себя к той или иной легендарной кшатрийской династии [7, с. 383], таким образом придавая легитимность и древность своей власти. В раджпутских государствах действовало правило майората, которое приводило к постоянным войнам между кланами, так как амбициозным младшим сыновьям приходилось силой отвоёвывать территории, чтобы основать собственную династию.

Представление о теоретической части классической воинской идеологии раджпутов и всех тех ритуальных и материальных элементах, которые

отражали её в реальной жизни, исследователи составляют при критическом анализе огромного количества памятников средневековой раджпутской литературы. В их число входят традиционные хроники, раджпутские генеалогии и героическая литература, которые публикуются в отдельных изданиях, хрестоматиях или же встречаются в виде цитат в других литературных произведениях. Раджпутская литература получила столь серьёзное развитие благодаря возвышению роли воинской этики в раджпутском обществе. Стремление подчеркнуть свою «кшатрийскость» и героизм требовало правильного идеологического воспитания как молодых воинов, так и общества в целом.

В соответствии с кастовой идеологией военное дело являлось единственным достойным раджпута занятием, а на определённые виды деятельности даже налагались условные запреты. В число недостойных занятий входили земледелие, торговля и чрезмерное увлечение религиозной деятельностью. Самым неприемлемым из вышеперечисленных считалось земледелие, так как ранение груди «Матери-земли» плугом считалось тяжким преступлением. Основоположник раджпутологии Джеймс Тодд писал: «Самый бедный раджпут наших дней сохраняет всю гордость своих предков – зачастую это его единственное наследство; он презирает как недостойное его дело – братья за плуг или пользоваться копьём иначе, чем сидя верхом на коне» [7, р. 123]. Защита подданных воспринималась раджпутами высших рангов как кастовый долг.

Воинское служение признавалось индийским обществом и самими раджпутами как нечто сакральное. Считалось, что устремления любого по-настоящему праведного воина должны были быть направлены на сохранение этого статуса. Такому отношению способствовала идеологическая установка «не уронить честь» [6, с. 171]. Специфические условия индуизма регулировали как внешнее, так и внутреннее поведение социальной группы через установку кастовых предписаний. Таким образом они превращали жизнь воина в нескончаемый ритуал, который носит название «виргати» — «путь героя». Нравственную основу этого «пути» составляет вышеупомянутая раджпути.

Главным показателем следования раджпути и исполнения дхармического долга считалось участие в битве, рассматриваемое раджпутской воинской этикой как жертвоприношение богам. Поэтому если дело доходило до сражения, то отказываться от него было нельзя. В классическую эпоху всем раджпутским мальчикам с детства прививалась идея того, что кшатрий исполняет свою дхарму, если погибает на поле боя с мечом в руке: «Расставание с телом в битве — закон для кшатрия» [6, с. 175]. Объясняется такая концепция тем, что погибший на поле битвы раджпут

исполняет свою дхарму воина, и тем самым автоматически завершает жизненный путь «виргати» и попадает прямоком в рай бога Индры — «Вайкунатх», — избавляя себя от дальнейших перерождений.

Сакральность воинского служения также подчёркивалась большим количеством ритуалов, которые воин должен был проводить перед битвой. Традиционная раджпутская литература воспевает эти действия как подготовку воина к встрече с «апсарами» — небесными девами — в царстве Индры [7, р. 61]. У Тодда также встречаются упоминания того, что перед битвой некоторые воины употребляли опиум [7, р. 61]. Скорее всего, это делалось, чтобы преодолеть страх смерти на поле боя и не нарушить важнейший долг раджпуты — защищать свою честь, а значит, и честь клана.

Особые правила ведения боя, существовавшие у раджпутов, ещё сильнее подчёркивают генетическую связь раджпути с кшатрийской дхармой. Так, единственным ритуально допустимым вариантом сражения являлись поединки один на один. Обязательным было соблюдение соотношения: конный против конного, пеший против пешего. Существовали ограничения на определённые виды оружия. Эти и некоторые другие правила соответствуют древнеиндийским представлениям о «справедливой войне» — «дхармаюддхе» [2, с. 45-76].

Конфронтация с мусульманскими завоевателями, имевшими техническое, численное и стратегическое превосходство, дала толчок к развитию фортификационной традиции. Предполагалось, что крепости, расположенные преимущественно на горах и отвесных скалах, должны производить впечатление на врага и выражать мощь и влияние клана, которому они принадлежат [5, с. 173]. С крепостями связан ритуал шака, в котором явно проявлялась наивысшая степень сакральности воинского долга. Шакой называют последнюю битву, на которую выходили воины раджпутской крепости в одеждах и тюрбанах священного шафранового цвета во время осады. Считалось, что в этой битве раджпут обязательно должен погибнуть в бою. Если же по каким-то причинам он остаётся в живых, то, очнувшись после сражения, он должен совершить самоубийство, иначе он нарушит свою раджпути и будет проклят. Неотъемлемым элементом шаки также является джаухар — массовое самосожжение женщин клана в подземных камерах либо на открытых площадях крепости [5, р. 227]. Эта шокирующая практика проводилась с целью предотвращения потери раджпутскими женщинами ритуальной чистоты, столь важной для высококастовых индуистов. Священным долгом мужчин являлась защита чести и добродетели женщин клана, а если те её по каким-то причинам теряли, то это воспринималось обществом как неспособность воинов клана уберечь своих женщин.

Таким образом, воинская традиция раджпутов своим появлением обязана очень позднему включению в орбиту влияния индуистской культуры, которая в тот момент переживала период кризиса. В этих условиях предкам раджпутов удалось занять положение не только воинского сословия, но и светских правителей. В индийских реалиях это означало также необходимость следовать особым правилам социального поведения, заложенным в самой структуре варно-кастовой системы. В случае раджпутов — это следование кшатрийской дхарме, основанной на воинской этике. Изначально закрепление перенятой от ведийских кшатриев воинской этики у раджпутов произошло через сохранение кочевого наследия вопреки его несоответствию традициям индуизма. Так, кочевые традиции вместе с кшатрийской моралью легли в основу раджпутской государственности и оказали влияние на становление воинской этики как идеологии и самоидентичности правящих раджпутских элит. Ключевой же особенностью воинской традиции раджпутов является её культурообразующая функция, которую она приобрела в условиях политической нестабильности эпохи раннего средневековья. Необходимость постоянного противостояния мусульманам привела к тому, что «кшатрийскость» стала не просто инструментом легитимации светской власти через воинское поведение и легенды, а настоящей сакральной идентичностью, которая находила отражение в самых разнообразных сферах общественной жизни.

Список источников и литературы

1. Гусева Н.Р. Раджастханцы. М., 1989. 230 с.
2. Дикшитар В.Р. Война в Древней Индии. Философия, этика, стратегия, тактика. М., 2012. 351 с.
3. Кудрявцев М.К. Кастовая система в Индии. М., 1992. 264 с.
4. Успенская Е.Н. Антропология индийской касты. СПб., 2010. 558 с.
5. Успенская Е.Н. Раджпуты: рыцари средневековой Индии. СПб., 2000. 384 с.
6. Успенская Е.Н. Раджпуты: Традиционное общество. Государственность. Культура. СПб., 2003. 344 с.
7. Tod J. Annals and antiquities of Rajast'han, or, the Central and Western Rajpoot states of India. Vol. 1. Madras, 1880. 724 p.
8. Tod J. Annals and antiquities of Rajast'han, or the Central and Western Rajpoot state of India. Vol. 2. Madras, 1873. 719 p.

Для цитирования: Курдюков Д. К. Воинская традиция как культурообразующий элемент средневекового раджпутского общества // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 24 – 29.

Андалузский диалект и лингвистическая идентичность жителей Андалусии

Аннотация. В данной статье исследуется один из основных признаков андалузской идентичности — андалузский диалект, являющийся в Испании предметом научной и общественной дискуссии. На основе результатов проведённых автором исследования интервью и анкетирования, а также материалов Интернет-форумов, проанализировано, какое положение андалузский диалект занимает в структуре идентичности жителей Андалусии. Изучено, как он коррелирует в её рамках с кастильским языком.

Ключевые слова: лингвистическая идентичность; диалект; Андалусия; Испания.

Title: Andalusian dialect and linguistic identity of Andalusians

Abstract. This article examines one of the main features of the Andalusian identity — the Andalusian dialect, which is the subject of scientific and public discussion in Spain. Based on the results of the interview and the questionnaire conducted by the author, as well as materials from Internet forums, the author analyzes the position of the Andalusian dialect in the structure of the identity of the inhabitants of Andalusia. It is studied how it correlates within its framework with the Castilian language.

Key words: linguistic identity; dialect; Andalusia; Spain.

Региональная идентичность в значительной степени определяет национальную самоидентификацию современных испанцев. Её критериями, как правило, являются свои территория, история, культурное своеобразие. В их числе важную роль играет язык или диалект, так как представители региональных сообществ обосновывают свою идентичность, апеллируя к лингвистическому своеобразию. Целью работы является исследовать роль андалузского диалекта в структуре идентичности современных жителей Андалусии и его соотношение с кастильским языком внутри неё с помощью совмещения социологических и этнографических методов. Для этого были охарактеризованы особенности андалузского диалекта,

Жиленкова, Анна Павловна — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; zhilenkova.annette@mail.ru

Научный руководитель: *Юрчик, Екатерина Эдуардовна* — к-т ист. наук, доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Zhilenkova, Anna Pavlovna — Moscow State University, Moscow, Russia;
zhilenkova.annette@mail.ru

Scientific adviser: *Yurchik, Ekaterina Eduardovna* — PhD in History, Associate Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

проанализировано отношение к нему среди самих андалузцев и жителей других регионов.

Андалузский диалект состоит из огромного разнообразия говоров, имеющих как общие, так и отличительные черты между собой. Несмотря на многие различия в произношении и орфографии в зависимости от провинции, в проведённом автором данного исследования анкетировании 60 из 76 респондентов отметили его как то, что определяет идентичность андалузцев, т. е., по их мнению, язык делает их андалузцами [3].

Согласно исследованиям учёных Севильского университета главные характерные черты андалузского диалекта — особое интонация, ритм и произношение. Именно по последнему можно точно определить, что человек — выходец из южных областей Пиренейского полуострова. Из-за незначительных на первый взгляд отличий в некоторых случаях андалузский называют не диалектом, а акцентом, хотя лингвисты придерживаются первого определения, так как в процессе развития андалузский, за исключением единичных случаев, сохранил унаследованные от кастильского языка феномены, смешав их с автохтонными.

Болезненность рассматриваемого критерия обусловлена сложившимся в XX в. критическим отношением других жителей Испании к андалузскому диалекту, в их сознании андалузский воспринимался как упрощённый, исковерканный кастильский, язык необразованных бедняков, «деревенщины». Известный андалузский филолог Лола Понс Родригес связывает это в первую очередь с социально-экономическими причинами и репутацией андалузцев как дешёвой рабочей силы, сложившейся в связи с массовой эмиграцией и бедностью региона [1]. В связи с этим в XX в. родилась практика подавления на публике носителями своей манеры говорить, которая до сих пор жива в Испании: андалузцы склонны отказываться от регионального диалекта в публичной среде [1]. Многие филологи, включая Л. Понс Родригес, отмечают, что в этом нельзя винить исключительно представителей других регионов, так как сами андалузцы поддержали этот образ и долгое время использовали его в местных телешоу и радиопередачах [2]. Выходит, что образ, созданный вовне, был воспринят и развит самими андалузцами. Жители региона подтверждают это наблюдение. Например, участники форума новостного сайта El Diario солидаризировались с пользователем, который заявил, что политика основного регионального телеканала Андалусии Canal Sur способствует упрочению негативного впечатления от Андалусии у тех, кто лично не знаком с её культурой [11]. Таким образом, этот стереотип закрепился за населением Андалусии во многом благодаря поддержке местных СМИ. Региональная идентичность и язык как один из её основ-

ных элементов сводились к представлениям о невежестве и бедности, а образ андалузца — к образу «деревенского дурачка».

Региональный диалект стал служить индикатором подобной нелестной репутации жителей Андалусии. Так, в одном из опросов, проведённых Центром Андалузских Исследований (ЦАИ), в котором приняли участие жители всей Испании, на вопрос: «Какой аспект у вас ассоциируется с образом Андалусии?» 57,7 % испанцев из других регионов ответили, что «их манера речи» [9]. Таким образом, подтверждается тезис о том, что стереотип об андалузском диалекте настолько силён в общественном сознании, что он является первым, что приходит на ум испанцев при мысли об Андалусии. Это явление очевидно и для самих жителей региона. В качестве примера можно привести посвящённую проблеме языка в Андалусии запись из колонки *Zona crítica*[1]. Даже за пределами Андалусии автору приходилось сталкиваться с такими оценками, как «у вас хороший акцент для андалузца», «ты далеко не глупый для андалузца» [11]. Люди, говорящие это, не ставят цели обидеть собеседника, они считают такие выражения комплиментарными и не осознают, что тем самым унижают его. Из 800 участников опроса ЦАИ 38,6 % респондентов отметили, что их задевает критика акцента, и они реагируют на неё со злостью, 30,4 % равнодушны к ней, а 12,5 % просто отметили, что гордятся своим диалектом [5].

Публикации в социальных сетях свидетельствуют о том, что в андалузском обществе укрепляется тенденция к утверждению регионального диалекта в качестве языка. Она свойственна преимущественно андалузцам, далеким от профессиональных занятий филологией или лингвистикой. Сторонники признания за андалузским диалектом статуса языка в первую очередь обращаются к временам, когда латынь на Пиренейском полуострове переживала процесс вульгаризации. Пользователь одной из самых популярных социальных сетей в Испании Reddit, житель Кадиса, утверждает, что в настоящее время андалузский не стал самостоятельным языком, но в будущем станет им, аргументируя это тем, что латынь в свое время тоже была расколота, а позже на основе неё появились вполне самостоятельные языки романской группы [8]. В целом его точку зрения разделяет примерно половина комментаторов. Есть и противники оформления андалузского языка, по их мнению, в будущем это только создаст проблемы для региона, связанные с обособлением Андалусии от всей остальной Испании, что многими воспринимается негативно. Пользователь *kaine-Parker* считает, что переход андалузского из статуса диалекта в статус языка вызовет затруднение во взаимопонимании не только между жителями разных регионов Испании, но и внутри Андалусии, так как вари-

анты андалузского диалекта слишком разнятся друг с другом [8]. Споры возникают на основе неопределённости дальнейшей судьбы андалузского диалекта, в отношении его современного статуса андалузцы сходятся на том, что он является диалектом кастильского и ни о каком отдельном языке говорить не приходится.

Профессионалы-лингвисты склонны полностью отвергать возможность отделения андалузского диалекта от испанского языка [1]. Главным аргументом для них так же служит история: в XIV и XV вв. на территории современной Андалусии существовало два диалектных движения, на которые сильно повлияло заселение запада региона выходцами из Кастилии, Галисии и Леона, а востока — из Каталонии, Арагона и Ла-Манчи. Языки активно смешивались, и так возникли разновидности андалузского диалекта, имеющие в основе в первую очередь кастильский язык [6, p. 19–20].

На протяжении многих лет ведутся активные дискуссии насчёт того, насколько правомерно говорить о выработке правил «единого андалузского диалекта» для всего региона. Главная проблема заключается в том, что границы автономного сообщества Андалусия не имеют этнического или культурного обоснования поэтому в их рамках помещается несколько различных вариантов южного ответвления испанского языка. Андалусия не представляет собой лингвистического целого. В 2018 г. при активной поддержке Хунты Андалусии коллектив местных писателей из различных частей автономного сообщества в качестве эксперимента составил «стандартизованную» орфографию (ЕРА[2]) для всех форм андалузского диалекта.

Перед исследователями встал новый вопрос, нужно ли дальше дорабатывать и усложнять письмо, включая больше вариантов, или же стоит оставить всё так, как есть. В социальных сетях это событие оценивается преимущественно положительно, как интересный литературный опыт [9] и первая попытка зафиксировать лингвистическую реальность Андалусии [4]. Есть и те, кто считает, что это лингвистическая революция, которая в будущем позволит андалузскому диалекту окрепнуть настолько, чтобы отделиться от испанского и стать полноценным языком, как каталанский и галисийский. Последние два языка часто приводят в пример сторонники обособления диалекта, подчёркивая, что даже в них содержится множество местных вариантов, поэтому различия в произношении внутри Андалусии не являются препятствием для того, чтобы быть частью единого языка [4].

Лингвисты считают попытку стандартизировать различные существующие варианты в Андалусии бесполезной в связи с тем, что внутрдиалектовые вариации слишком укоренены в областях [6, p. 38]. Решение пра-

вительства региона вызывает множество вопросов и у неспециалистов, например, пользователь социальной сети Reddit Guthwulf85 справедливо заметил: «Какая польза от этой андалузской орфографии? <...> Мы бы изменили систему образования, чтобы так писали в школах? Можем ли мы писать работы в колледже, используя эту грамматику?» [4]. Мероприятия, связанные с лингвистической систематизацией, и попытки выработать андалузскую языковую норму свидетельствуют только о признании разговорной культуры Андалусии, неизвестно, будет ли процесс оформления и популяризации андалузского диалекта идти дальше или же остановится на достижении цели выработки такого варианта, который можно было бы использовать, например, при оформлении вывески в магазине. Главная задача составителей «стандартизированной» орфографии, несомненно, была выполнена: они показали другим испанцам, что андалузский диалект существует и не тождественен упрощённому кастильскому языку.

Тем не менее, большинство андалузцев продолжают стыдиться своей особой манеры речи и пытаются скрыть её в официальной обстановке, нередко высмеивая её сами, чтобы установить более доверительные отношения с собеседником, подстраиваясь под его ожидания, тем самым становясь активными соучастниками увековечения стереотипа о том, что люди в Андалусии говорят плохо. [7, р. 260]. Л. Понс Родригес считает, что исправить сложившуюся ситуацию поможет лишь использование андалузского диалекта не только в шутках или музыке, но и деловой обстановке, так как иначе он продолжит ассоциироваться только с развращениями [1].

Какой язык андалузец считает родным? На данный момент можно с уверенностью сказать, что в ответах большинства будет фигурировать только испанский язык. Тем не менее всё чаще жители Андалусии в опросах отмечают оба варианта, а в исключительных случаях только андалузский диалект. Так, в голосовании, целью которого было узнать, какой язык андалузцы считают родным, проведённом 2 года назад на сайте Reddit, из 94 респондентов 63 выбрали родным испанский, 16 отметили «другое», и 4 человека из них пояснили в комментариях, что для них это андалузский, а один заявил, что он считает как испанский, так и андалузский наравне своими родными языками [10].

Благодаря проведённым автором статьи интервью и опросу, а также актуальным материалам социальных сетей и статистическим данным можно сделать вывод относительно того, какое положение занимает андалузский диалект в структуре идентичности современных андалузцев. Не являясь официально языком, андалузский диалект, несомненно, явля-

ется важным элементом андалузской идентичности, с каждым годом становясь всё более значительным, однако он не подразумевает вытеснения кастильского языка и не может выступать для жителей Андалусии таким связующим звеном, каким, например, стал для каталонцев каталанский. Формирование языковой идентичности в Андалусии сопровождалось постоянным присутствием кастильского языка, обеспечивающего взаимопонимание между гражданами всех регионов Испании, от самых северных до самых южных, каким бы ни был язык в устном общении. В настоящее время не поддаётся сомнению, что кастильский язык в любом случае остаётся неотъемлемой частью языковой идентичности андалузцев. [6, p. 39].

Список источников и литературы

1. *Лола Понс Родригес*. Интервью 30.03.2022. Москва. (Архив автора).
2. *Лола Понс Родригес*. Интервью 16.06.2020 // El Confidencial. URL: <https://clck.ru/33ZMW5> (дата обращения: 28.04.2022).
3. Полевые материалы автора. Анкета «Correlación de lo civil y lo regional en la estructura de la identidad de los habitantes de Andalucía» (13.02.2022–14.04.2022). URL: <https://docs.google.com/forms/d/184ZNYdQWk65GvbFUWYOHa0XZIPk50jN2HcAsAeCgYRY/edit>
4. «Andalú escrito» // Reddit 17.08.2021. URL: <https://inlnk.ru/dnkPYM> (дата обращения: 27.04.2022).
5. Barómetro de febrero 2021. URL: <https://clck.ru/33ZMSo> (дата обращения: 06.05.2022).
6. *Bustos Tovar J.* Las hablas andaluzas en el mosaico de variedades del español // Conciencia y valoración del habla andaluza / coord. Por Antonio Narbona Jiménez, 2013. P. 17–43.
7. *Carriscondo-Esquível F. M., El-Founti Zizaoui A.* Dos calas en el discurso del odio al andaluz, de la tradición libresca a la prensa digital // Doxa Comunicación: revista interdisciplinar de estudios de comunicación y ciencias sociales, 2020. P. 251–264.
8. «Cada día es más complicado decidirse / Cá día êh mâh complicaao deçidirçe» // Reddit 17.08.2021. URL: <https://inlnk.ru/9PVMjV> (дата обращения: 27.04.2022).
9. Encuesta. Imagen de Andalucía // Centro de Estudios Andaluces. URL: <https://clck.ru/33ZMSe> (дата обращения: 06.05.2022).
10. Encuesta. ¿Cuál es tu lengua principal? // Reddit. URL: <https://inlnk.ru/Pm9z51> (дата обращения: 29.04.2022).
11. Zona Crítica // El Diario. URL: <https://clck.ru/33ZMVk> (дата обращения: 28.04.2022).

Для цитирования: *Жиленкова А. П.* Андалузский диалект и лингвистическая идентичность жителей Андалусии // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 30 – 35.

DIY-похороны как стратегия преодоления комплексных трудностей на примере современных стран Запада и раннего Советского союза

Аннотация. В данной статье практика DIY-похорон рассматривается как одна из возможных стратегий преодоления комплексных трудностей в похоронной индустрии. На примере современных стран Запада и раннего Советского Союза демонстрируется, как люди с помощью данной практики преодолевали возникавшие кризисы, имевшие принципиально разное происхождение.

Ключевые слова. DIY-похороны; похоронная индустрия; ранний Советский Союз.

Title: DIY funerals as a strategy for overcoming complex difficulties in the case of the modern West and the early Soviet Union

Abstract. In this article, the practice of DIY funerals is discussed as one possible strategy for overcoming complex difficulties. Using the examples of contemporary Western countries and the early Soviet Union, it demonstrates how people used this practice to overcome emerging crises with fundamentally different genesis.

Key words. DIY funerals; funeral industry; early Soviet Union.

К XXI в. похоронная индустрия на Западе пришла сильно трансформировавшейся. Если в XIX –XX вв. похоронные агентства ориентировались на производство и продажу материальных объектов (гробов, катафалков, памятников, похоронных аксессуаров — т.н. «hardware»), то в XXI в. ритуальные акторы переходят к иной политике — индивидуализации предлагаемых услуг и товаров. Тренд на индивидуальность побудил похоронные компании сместить акценты с производства товаров на предоставление услуг [2, с. 267].

Данная трансформация во многом связана с изменением отношения к телу: его сакральный статус ставится под вопрос [2, с. 268]. Тенденция десаκραлизации тела и телесного привела к тому, что родственники стремятся сохранить мёртвое тело и, защитив от посторонних посягательств, «подчинить его себе». Оно больше не представляет опасности, а значит,

Бахтов, Сергей Александрович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st087283@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Верняев, Игорь Иванович* — к-т ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Bakhtov, Sergey Aleksandrovich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st087283@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Vernyaev, Igor Ivanovich* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

близкие могут провести погребальную процедуру самостоятельно, минуя похоронные бюро.

Новый культурный контекст постепенно приводит к переформатированию похоронной обрядности. Одной из новых форм погребальной практики стали DIY-похороны. DIY-практики (англ. DIY — do it yourself — «сделай сам») предполагают самостоятельность в производстве каких-либо изделий. В рамках же похоронной обрядности DIY предполагает, что близкие и родственники сами выполняют необходимые манипуляции с мёртвым телом: забирают тело из морга (а в некоторых случаях оставляют его дома), омывают, одевают в погребальную одежду, укладывают в гроб, купленный или самодельный.

Практика DIY, по выражению британского антрополога Дженни Филлимор, является «механизмом преодоления комплексных трудностей» [2, с. 288]. Однако трудности, из-за которых люди прибегают к практике DIY-похорон, могут быть различными, порой вызванными диаметрально противоположными явлениями, как мы увидим на примерах раннего Советского Союза и современных стран Запада.

Похоронная индустрия стран Запада в своих моделях разнится от страны к стране (социальный антрополог Сергей Мохов выделяет 4 модели: частная, церковная, государственная и смешанная) [2, с. 157-177], но везде она имеет ключевое сходство — «избыточность». Под этой характеристикой понимается большое количество акторов и объектов инфраструктуры, законодательство, которое регулирует и определяет процесс проведения похорон. С ростом похоронной индустрии в XIX –XX вв. происходит также и увеличение дистанции между родственниками и самим умершим [1, с. 11]. Всё больше функций, связанных с проведением похорон, «захватывается» частными похоронными бюро, а также государством. Государственные учёт, регистрация, законодательство — всё это являет собой, по выражению С. Мохова, «сферу властного/политического управления мёртвыми телами» [2, с. 179]. На фоне «избыточности» индустрии и её контроля на Западе можно заметить, хоть и небольшой (2% от общего числа похорон [2, с. 289]), тренд на проведение DIY-похорон.

Вокруг DIY-похорон начинает формироваться собственная индустрия. В интернете появляются видео о том, как самостоятельно сделать гроб [6, 7, 8]. Компании начинают производить наборы для сборки гроба¹. Воз-

¹ Например: Fiddlehead casket company, Northwoods casket company, CHISTANN coffin in a BOX.

никают целые сообщества, которые бесплатно или за небольшую плату проводят мастер-классы по изготовлению, покраске и отделке гробов. Например, в Великобритании действует «Coffin Club», который помимо мастер-классов проводит семинары, лекции и вебинары, посвящённые смерти и умиранию. Также у них есть собственный магазин, где можно купить собирающийся, как конструктор, гроб.

Наметившийся на Западе тренд на DIY-похороны, можно считать своеобразным ответом на чрезмерный контроль со стороны государства и частных похоронных бюро по отношению к мёртвому телу. Самостоятельное проведение всех ритуальных практик от содержания мёртвого тела близкого человека до создания гроба и погребения является, таким образом, попыткой «заполучить» контроль над телом, вернуть его себе, чтобы сократить дистанцию с телом умершего родственника и распоряжаться им без посредников в лице властей или похоронных бюро.

Иное происхождение «комплексных трудностей» было в раннем Советском союзе. Похоронная индустрия находилась в не лучшем, относительно рубежа XIX–XX вв., состоянии. Выделение средств на поддержание порядка на кладбищах в условиях Гражданской войны и восстановления после неё представлялось советской власти нецелесообразным. Ей было трудно объяснить себе такие огромные расходы. Государственные похоронные отделы, пытавшиеся собой заменить функции закрытых после нэпа небольших частных фирм, в своей массе были убыточны, поэтому советская власть, теряя интерес к похоронной сфере, передавала свои полномочия на управление низовым организациям [4, с. 332-334]. Кроме того, начавшаяся с приходом к власти большевиков и усиливавшаяся по мере их укрепления антирелигиозная кампания привела к тому, что Церковь, принимавшая немаловажную роль в организации похорон в царское время, утратила былые позиции. Таким образом, похоронная сфера, захваченная, как и многое другое, советской властью в годы революции, оказалась труднореформируемой. По этой причине похоронная индустрия, относительно развитая в начале XX в., становилась «заброшенной» и постепенно разрушалась [3, с. 105-107].

Как пишет историк и антрополог Анна Соколова, в ходе усиления кризиса в похоронной сфере «уже к 1930-м гг. простому советскому гражданину оказывать похоронные услуги было некому и нечем» [4, с. 339]. Государственное регулирование, как уже говорилось, сменяется низовым. Это приводит к стихийному возникновению различных практик. Основная ответственность за погребение мёртвого тела теперь лежала исключительно на родственниках умершего. На место похоронных бюро

приходят «кустари», для которых оказание погребальных услуг является не основной работой, а «подработкой» [4, с. 340].

В контексте практически отсутствующей похоронной индустрии, дефицита ресурсов, устранения государства из похоронной сферы, рядовым гражданам СССР приходилось прибегать к «ритуальному бриколажу», то есть изготовлению погребальных аксессуаров из подручных средств. За этим обращались к местному «кустарю», который производил всё необходимое, либо же делали сами в семье. На смену мраморным или гранитным памятникам приходили надгробия из разнородных элементов, взятых с ближайшего производства [3, с. 115] или, как в случае с известным русским писателем Корнеем Чуковским, из личных вещей (для похорон своей дочери он использовал сундук, который был переделан в гроб [5, с. 31]).

Похороны DIY в раннесоветском контексте были вызваны «отсутствующей» похоронной индустрией. В условиях, когда частные похоронные бюро закрыты, церковь находится на нелегальном положении, а государство «самоликвидируется» из похоронной сферы, выполнять надлежащие им функции приходилось семьям покойных. Если для дореволюционной деревни в целом подобная конфигурация похорон (без частных похоронных бюро и с высоким уровнем участия родственников) была свойственна, то для города — нет. Именно «заброшенность» удобоваримой городской похоронной индустрии 1920–30-х гг. представляется в данном контексте «комплексной трудностью», о которой говорила Филлимор, а практика «ритуального бриколажа», появление «кустарей-совместителей» — «механизмами преодоления» этой самой трудности, которые выработали советские граждане.

Как мы видим, DIY-похороны что в раннесоветский период, что на современном Западе являются ответом на возникшие «комплексные трудности» в похоронной индустрии. Однако происхождение этих «трудностей» принципиально отличается. В случае с ранним Советским союзом DIY-похороны возникли в условиях «отсутствующей» частной похоронной индустрии, а также устранения государства от решения проблемы. Для современного западного контекста же характерна «избыточная» индустрия, вследствие которой дистанция между родственниками и умершим достигает критического значения.

Сходством же является выстраивание новой индустрии, которая бы способствовала реализации самостоятельного проведения похорон. В раннесоветском контексте акторами нововозникшей индустрии стали «кустарей-совместители», а в странах Запада — небольшие частные компании и интернет-сообщества, оказывающие консультативные услуги. Именно

эти субъекты в обоих случаях помогали родственникам умерших в проведении похорон.

Таким образом, практика DIY-похорон может рассматриваться как одна из возможных стратегий преодоления «комплексных трудностей», имеющих различное происхождение в похоронной индустрии. На примере современных стран Запада и раннего Советского союза мы видим, что в условиях «комплексных трудностей» имеет место выстраивание низовой индустрии, к которой обращаются родственники или близкие умершего за тем, чтобы провести похороны.

Список источников и литературы

1. *Даути К.* Уйти красиво: удивительные похоронные обряды разных стран. М., 2020. 288 с.
2. *Мохов С. В.* Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М., 2020. 328 с.
3. *Мохов С. В.* Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М., 2021. 192 с.
4. *Соколова А. Д.* Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М., 2022. 456 с.
5. *Чуковский К. И.* Дневник, 1930-1969. М., 1994. 598 с.
6. DIY Coffin (Re-upload) // Интернет-портал Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NeEOW2Epe1g&ab_channel=OldSoulMillennial (дата обращения: 06.10.2022).
7. DIY PALLET COFFIN (upcycling) // Интернет-портал Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=DGnVnT2Dp3A&ab_channel=TVTOWER (дата обращения: 06.10.2022).
8. How to build a Casket ~DIY~ Pine Box // Интернет-портал Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1gM8nRr58sc&ab_channel=HomesteadHandyman (дата обращения: 06.10.2022).

Для цитирования: Бахтов С. А. DIY-похороны как стратегия преодоления комплексных трудностей на примере современных стран Запада и раннего Советского союза // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 36 – 40.

Провал политики мультикультурализма и хиджра британок на примере дела Шамимы Бегум в «Исламское государство»¹

Аннотация. В данной статье автор анализирует феномен религиозных переселений британок в Исламское государство, который вызвал резонанс в обществе в 2010-х гг. Рассматриваются основные роли, которые выполняли женщины в террористической организации, выделяются характерные особенности личности девушек, совершивших хиджру. На примере кейса Шамимы Бегум выявляются причины изучаемого явления, которое было распространено также за пределами Соединённого Королевства.

Ключевые слова: Исламское государство, хиджра, Шамима Бегум, женский терроризм.

Title: The multiculturalism policy failure and British women hijra into the Islamic State on the example of Shamima Begum's case

Abstract. In this article author analyzes the phenomenon of British women's religious migrations to IS, which was caused a resonance in a society in 2010s. The main women's roles in the terrorist organization are considered, the personality characteristics inherent in women who have made hijra are determined. On the example of the Shamima Begum's case, the reasons of the phenomenon under study are revealed, which was also widespread outside the United Kingdom.

Key words: Islamic State, hijra, Shamima Begum, women's terrorism.

Религиозные переселения граждан на территории террористических организаций вызвали беспокойство у ряда европейских правительств и международных организаций в начале 2010-х гг. Особенно успешным в вербовочной деятельности было Исламское государство. С провозглашением им халифата в 2014 г. численность женщин, выехавших из стран-членов ЕС в Сирию и Ирак, значительно увеличилась. С апреля 2013 г. по июнь 2018 г. 850 британских граждан присоединились к ИГ, в том числе 145 женщин [11].

Патрик, Алина Валерьевна — Томский государственный университет, Томск, Россия; alina_patrik@mail.ru

Научный руководитель: *Хахалкина, Елена Владимировна* — д-р ист. наук, проф., Томский государственный университет, Томск, Россия

Patrick, Alina Valeryevna — Tomsk State University, Tomsk, Russia; alina_patrik@mail.ru
Scientific adviser: *Khakhalkina, Elena Vladimirovna* — Dr. Sc in History, Professor, Tomsk State University, Tomsk, Russia

¹ Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

В настоящее время все чаще предаются огласке случаи подобных присоединений женщин не только из Соединённого Королевства, но и из других государств мира. Так, приговора ожидает американка Эллисон Флюк-Экрен, признавшаяся в организации и руководстве женским военным батальоном в Сирии от имени Исламского государства. Сообщается, что она обучила более 100 девушек использованию автоматов АК-47, гранат и поясов смертников [4]. Помимо этого, появляются различные журналистские расследования, интервью с женщинами, присоединившимися к ИГ, выпускаются их биографии.

Феномен женского терроризма противоречит гендерным стереотипам, согласно которым женщины представляются пассивными участниками террористических организаций, которые попадают в них не по своей воле. Это, в свою очередь, наталкивает на размышления о более сложном устройстве процесса радикализации. Также стоит отметить, что угроза терроризма на данный момент не исчезла, поэтому важно продолжать изучение разных аспектов рассматриваемой проблемы.

Поскольку хронологические рамки исследования близки к сегодняшнему дню и осмысление рассматриваемого процесса ещё не завершено, больших значимых монографий по теме ещё нет. Тем не менее, существует ряд статей авторов, занимающихся данной проблематикой. Среди них можно выделить работы скандинавских коллег [5]. В отечественной историографии труды в этой области представлены менее широко. Напрямую явление религиозных перемещений британок в ИГ российскими историками не рассматривается. Однако ведутся исследования переезда европейцев в террористические организации [3].

Отметим, что в историографии в большей степени изучаются личные причины, которые сподвигли женщин примкнуть к террористической организации, завербовать новых сторонников, а в отдельных случаях — совершить насилие. Глубинные же факторы, которые способствуют формированию мотивации к совершению хиджры европейскими женщинами и британками в частности, не выявляются. Таким образом, целью исследования является определение на примере дела Шамимы Бегум исторически обоснованных предпосылок переезда британок в ИГ. Предполагается, что основной причиной хиджры британок в ИГ является неудачная политика мультикультурализма в Великобритании. Провалы правительства по этому направлению способствовали тому, что мусульмане не получали удовлетворения своих религиозных и культурных потребностей, что, в свою очередь, создавало почву для деятельности радикальных исламистов и пропагандистов ИГ. Ярким примером служит

развёрнутая в 2006 г. кампания против хиджабов, в рамках которой отмечалось, что они являются символом разделения и различия [2].

В период с 2010 по 2019 гг. в террористические организации на Ближнем Востоке мигрировало большое количество граждан из стран ЕС. Примерно 17% от общего числа составляют женщины. Никогда в исторической ретроспективе так много женщин родом из Европы не отправлялись в Сирию и Ирак, чтобы присоединиться к воинствующей исламистской группировке. Тем не менее, ИГ удалось наладить эффективную систему вербовки и пропаганды, благодаря чему у организации было так много последователей.

Существует стереотипное представление о женщине, совершающей хиджру в ИГ. Считается, что это наивная жертва вербовщиков, либо она религиозная фанатичка. Однако проведённые по этому вопросу исследования показывают, что трудно сформировать какой-либо один конкретный портрет женщины, переезжающей в Сирию для участия в террористической организации. Большинство девушек молоды, но бывают и случаи, когда хиджру совершают взрослые матери с детьми. Мигрируют как испытывающие трудности в школе, так и талантливые. Известно, что многие происходят из благополучных семей, в которых не было проблем с властями, хотя определённая часть мигранток имела трудное детство. Семьи большинства девушек религиозно умеренные. Есть те, кто исповедует ислам с рождения, и есть те, кто принял его позднее [7].

В работе «Мигранты, домохозяйки, воины или секс-рабыни: взгляды Аль-Каиды и Исламского государства на женщин» Андреа Аасгаард, исследователь из Лундского университета в Швеции, выделяет четыре роли, которые выполняют женщины в террористических организациях. В текущем исследовании мы используем эту классификацию. Однако роль сексуальных рабынь выполняли езидские женщины. Журнал ИГ «Дабик» утверждал, что это делается для того, чтобы они нашли «правильный» ислам. Рабство, по крайней мере, в таком виде не ударило по европейским мусульманкам, переехавшим в ИГ, поскольку считалось, что они исповедуют истинный ислам [5]. Поэтому можно сказать, что британки выполняли три роли: мигрантов, домохозяек и воинов.

В то же время в полуофициальном трактате ИГ «Женщины Исламского государства: манифест и пример» говорится, что западная модель женщины потерпела неудачу: женщины, которые идут на работу, принимают «испорченные идеи и дрянные убеждения». Основная роль женщины, согласно документу, быть дома с мужем и детьми [9].

Тем не менее, на территории ИГ существовала бригада «Аль-Хансаа», полностью состоящая из женщин. По своей сути — это полиция нрав-

ственности, которая следила за внешним видом и действиями женщин. Участницы подразделения проходили курсы, на которых их помимо прочего учили обращаться с оружием. По сообщениям журналистской группы «Ракку убивают молча», в мае 2015 г. в бригаде было около 800 девушек, по меньшей мере, 100 из которых были британками [10].

Кейс Шамимы Бегум, которая присоединилась к ИГ в возрасте 15 лет в 2015 г., стал одним из самых резонансных. Вместе со своими подругами она улетела в Стамбул, пересекла границу Турции и оказалась в Ракке, где вышла замуж за иностранного боевика. Родители Шамимы узнали о поступке дочери, когда она написала им уже из Сирии. Рену Бегум описала свою сестру как «отличную ученицу», не особенно религиозную и заявила, что она не авантюристка. Обыскивая личные вещи Шамимы на предмет радикализации, её семья нашла только листок бумаги, объясняющий, как молиться [12].

Девушка родилась и выросла в районе Бентал-Грин в Лондоне. Половина населения района — мусульмане. В нём расположено несколько мечетей и мест отправления культа мусульманской общины. Тем не менее, это район, в котором сосуществуют разные сообщества: крупнейшая в Великобритании бангладешская община и белое население. Школа, в которой училась Шамима Бегум, является частной. Большая часть учеников — также мусульмане [8].

Отец Шамимы переехал в Великобританию в 1975 г. В 1982 г. он женился на её матери Асме. Они поселились в Бетнал-Грин, но с середины 1990-х гг. Ахмед Али начал жить двойной жизнью в Великобритании и Бангладеше, где женился на второй жене. В последний раз он видел Шамиму во время визита в Великобританию за два месяца до того, как она бежала в Сирию. В своем интервью The Daily Mail он, как и сестра Шамимы, настаивал на том, что она не проявляла никаких признаков радикализации: «Она вела себя обычно, нормально. Она никогда регулярно не молилась, не была настолько исламистски настроена» [14]. Это заявление нельзя назвать в полной мере субъективным, продиктованным стремлением защитить дочь, поскольку в том же интервью Ахмед Али осуждает поступок Шамимы [13].

Итак, Шамима Бегум не была излишне религиозной, воспитывалась в мусульманской среде, училась в хорошей школе и проживала в благополучном районе. Её близкое окружение отрицает наличие у девушки радикальных исламистских настроений.

Шамима в период пребывания в ИГ родила троих детей, двое из которых умерли. Во время беременности третьим в 2019 г. она заявила, что желает покинуть то, что осталось от халифата ИГ, и вернуться домой [12].

Однако власти Великобритании обозначили принципиальную позицию: «лишение гражданства — это мощное оружие, которое мы можем применять только для того, чтобы самые опасные люди не смогли вернуться в эту страну» [1]. Поэтому 19 февраля 2019 г. британское правительство лишило Бегум гражданства. Сейчас девушка находится в лагере беженцев в Сирии. Она надеется выиграть апелляцию на решение о лишении гражданства в ноябре текущего года, что представляется наиболее вероятным в свете заявлений официальных лиц Турции и появления журналистских материалов о том, что человек, который встретил Шамиму Бегум в Стамбуле и переправил её в Сирию, был агентом канадской разведки [13].

Очевидно, что связь между неудачными действиями по проведению политики британского мультикультурализма и процессами радикализации молодых мусульманок существует. Во-первых, политика мультикультурализма официально не провозглашалась, а предпринимаемые по этому направлению действия носили децентрализованный, бессистемный характер. Во-вторых, мультикультурализм породил множество проблем, в контексте которых выросло целое поколение мусульман, к которому принадлежит Шамима Бегум. Среди них выделяется неспособность групп идентифицировать себя с основным обществом. Мультикультурная политика подрывает формирование идентичности, поскольку она привязывает группы к местной идентичности посредством практики культурных норм и ценностей, противоречащих нормам их основного общества. Возникает феномен параллельных жизней, что способствует радикализации [6]. Так жила и Шамима будучи мусульманкой в христианском государстве.

В подобных условиях женщины по-прежнему сталкиваются с выбором между западными и исламскими ценностными ориентирами. Неудивительно, что мусульманки подросткового возраста, на который приходится мировоззренческое становление личности, в большом количестве были завербованы в ИГ. Под влиянием пропагандистов и в описанном выше контексте девушки принимают решения о том, какой путь им стоит выбрать. Шамима Бегум сделала свой выбор, присоединившись к террористической организации.

Таким образом, неудачи политики мультикультурализма создали условия для радикализации молодых девушек Соединённого Королевства. Безусловно, большое значение при принятии ими решения о хиджре в ИГ имеют также индивидуальные особенности. Однако катализатором становится обстановка в обществе, поскольку именно в обществе человек получает установки, которые имеют решающее значение.

Список источников и литературы

1. «Жена джихадиста» Шамима Бегум: где заканчиваются права террористов? [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=eCpPak0IH24&ab_channel=BBCNews-Русскаяслужба (дата обращения: 18.03.2022).
2. Плещунов Ф. О. Политика мультикультурализма в Великобритании и радикализация исламской молодежи страны // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 1. С. 100–108.
3. Степанова Е. А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке. М., 2020. 198 с.
4. American Woman Who Led ISIS Battalion Pleads Guilty [Электронный ресурс]. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/american-woman-who-led-isis-battalion-pleads-guilty> (дата обращения: 19.10.2022).
5. Aasgaard A. S. Migrants, Housewives, Warriors or Sex Slaves: AQ's and the Islamic State's Perspectives on Women // Connections. 2017. Vol. 16, № 1. P. 99–112.
6. Abbasov N. The Crisis of Multiculturalism in the UK: Has it Failed? // Journal of Caucasus International. 2018. Vol. 5, № 1. P. 85–97.
7. Bakker E. European Female Jihadists in Syria: Exploring an Under-Researched Topic / E. Bakker, S. de Leede. The International Centre for Counter-Terrorism. 2015. 15 p.
8. Bethnal Green: Unease and fear in Shamima Begum's London district [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2019/2/27/bethnal-green-unease-and-fear-in-shamima-begums-london-district> (дата обращения: 15.10.2022).
9. Female jihadis publish guide to life under Islamic State [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/feb/05/jihadist-girl-marry-liberation-failed-islamic-state> (дата обращения: 13.03.2022).
10. ISIS's Persecution of Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.counterextremism.com/content/isiss-persecution-women> (дата обращения: 12.03.2022).
11. Number of women and children who joined Isis 'significantly underestimated' [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jul/23/number-of-women-and-children-joining-isis-significantly-underestimated> (дата обращения: 12.04.2022).
12. Shamima Begum [Электронный ресурс]. URL: <https://www.counterextremism.com/extremists/shamima-begum> (дата обращения: 18.03.2022).
13. Shamima Begum's is a story of trafficking, betrayal and now, it seems, a state cover-up [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/sep/02/shamima-begum-trafficking-spy-home-office-citizenship> (дата обращения: 15.10.2022).

Для цитирования: Патрик А.В. Провал политики мультикультурализма и хиджра британок в «Исламское государство» на примере дела Шамимы Бегум // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 41 – 46.

СЕКЦИЯ. ИСТОРИЯ ИДЕЙ, ПОНЯТИЙ И ОБРАЗОВ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Сковородникова Екатерина Дмитриевна

Образ Генриха Наваррского в сочинениях Антуана дю Вердьё

Аннотация. В статье рассматривается образ короля Генриха Наваррского в сочинениях Антуана дю Вердьё. На основе двух памфлетов «Речь о приведении города Лиона к повиновению королю» и «Ответ Пьера ля Куане Жану де ля Сушу», освещающих подчинение Лиона королю в 1594 г., изучается отношение дю Вердьё к французскому правителю. Показывается, что автор сочинений настаивает на законном характере прихода суверена к власти, идеализирует его и наделяет качествами, присущими «доброму» монарху.

Ключевые слова: Генрих Наваррский, Антуан дю Вердьё, «добрый монарх».

Title: The image of Henry of Navarre in the works of Antoine du Verdier

Abstract. This article examines the image of King Henry of Navarre in the writings of Antoine du Verdier. On the basis of two pamphlets, “Speech on the submission of the city of Lyon to the king” and “Pierre la Coinet’s Answer to Jean de la Souche”, covering the submission of Lyon to the king in 1594, du Verdier’s attitude to the French ruler is studied. It is shown that the author insists on the legitimacy of the sovereign’s accession to power, idealises him and endows him with the qualities of a “good” monarch.

Keywords: Henry of Navarre, Antoine du Verdier, “the good monarch”

В конце Религиозных войн французское королевство разрывала борьба Католической лиги и протестантской партии во главе с Генрихом IV. После принятия королем католичества, число его сторонников увеличивалось, и процесс подчинения монарху французских городов, ранее перешедших на сторону Лиги, шёл успешнее. Посредством пропаганды последователи Генриха IV создавали образ «доброего» монарха и «вне-

Сковородникова, Екатерина Дмитриевна — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; katerinka_skovorodnikova@mail.ru

Научный руководитель: *Кириллова, Екатерина Николаевна* — д-р ист. наук, гл. науч. сотр., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Skovorodnikova, Ekaterina Dmitrievna — Moscow State University, Moscow, Russia; katerinka_skovorodnikova@mail.ru

Scientific adviser: *Kirillova, Ekaterina Nikolaevna* — Dr. Sc. in History, Chief researcher, Moscow State University, Moscow, Russia

дряли» его в умы людей [6, р. 234]. Pamфлеты библиографа и эрудита Антуана дю Вердьё «Речь о приведении города Лиона к повиновению королю» и «Ответ Пьера ля Куане Жану де ля Сушу» [8, р. 161–165] предоставляют возможность изучить, как автор конструировал такой образ Генриха Наваррского, что является целью настоящего исследования. В этом памфлете дю Вердьё использовал псевдоним Пьер ля Куане и полемизировал с лигёром де ля Сушем.

Избранная проблематика отличается актуальностью и обладает научной новизной, поскольку данные сочинения не переводились на русский язык и не подвергались глубокому научному изучению в отечественной историографии. Во французской историографии памфлеты дю Вердьё также не исследовались детально. Их упоминают в своих работах лионские историки — К. О. Рёр [8, р. 161–165], Я. Линеро [5, р. 407–411], Д. Эстье [3, р. 73–81].

В своих сочинениях дю Вердьё выступает апологетом монархии, для которой любая другая форма правления не может гарантировать государству стабильность и процветание [2, р. 9]. Он строит образ идеального монарха, спасителя французского государства, опираясь, во-первых, на признание законного характера королевской власти, во-вторых, на совокупность качеств, присущих «доброму» монарху. Этот образ идеального государя, прославляемый дю Вердьё, относится к конкретному человеку, которому суждено прекратить гражданскую войну и вывести французское королевство из кризиса. Речь идет о короле Генрихе Наваррском, основателе новой династии, который вступил на престол в 1589 г. после убийства Генриха III. Лига, с которой воевал Бурбон и которая заключила союз с католической Испанией, отказывалась признавать протестантского государя, в нем она видела еретика [4, р. 579, 601].

Дю Вердьё, обращаясь в своих сочинениях к лигёрам, доказывает им законность вступления на престол Генриха IV, во-первых, тем, что он был первым принцем крови, то есть происходил от «добротого короля Людовика Святого» [2, р. 15], и при пресечении династии Валуа на Генрихе III становился королем. Во-вторых, законность прихода к власти короля дю Вердьё обосновывает его переходом в лоно католичества, что произошло лишь в 1593 г. Принадлежность короля к католической вере считалась необходимым условием для занятия французского престола. Отныне король «предстает перед Святым Отцом и ему подчиняется» [2, р. 25]. Дю Вердьё, обращаясь в своих сочинениях к лигёрам, своим идеологическим соперникам, доказывает им, что король, в прошлом протестант, может рассчитывать на мирские почести и уважение, «чего он был лишен декретами святого римского престола» [2, р. 26]. Свою

аргументацию дю Вердье подкрепляет ссылками на Священное Писание и примерами непростых взаимоотношений государей с папами в истории европейского Средневековья, где победителями в подобных противостояниях всегда выходили правители. Дю Вердье делает вывод: в спорах монархов с папами первые всегда правы и имеют право получить прощение и снятие отлучения от церкви от последних, поскольку держат свою власть от Бога [2, р. 28, 29]. Здесь автор памфлетов придерживается идеи монархии божественного права, которая начинает усиленно пропагандироваться в конце XVI столетия, чтобы подчеркнуть неприкосновенность и сакральность монархии, на которую осмелились посягнуть во время Религиозных войн.

Помимо того, что король отвечал всем условиям, необходимым для занятия французского престола (обладал титулом первого принца крови и был католиком с 1593 г.), дю Вердье показывает, что новый монарх сочетал в себе черты, свойственные идеальному государю, большая часть которых соответствует христианским добродетелям. Роялист называет короля «милостивым, милосердным, снисходительным, добрым, незлобивым, великодушным правителем» [2, р. 32, 35]. Доброта и милосердие правителя выражается, по мнению дю Вердье, в его отношении к врагам — король готов простить нанесенные ему обиды лигёрами, выступившими против его законной власти, он больше «оценит помощь», которую ему окажут бывшие лигёры, «чем будет заботиться о войне, которая была затеяна против его персоны и государства» [7, р. 16, 17]. Развивая тезис о доброте его Величества, дю Вердье приводит эпизод, когда король «сохранил испанцев в Париже и спас жизнь тем, кто пожелал отнять у него его жизнь» [7, р. 22]. Здесь роялист имеет в виду, что после входа в столицу, не подчинявшуюся в течение пяти лет монарху, Генрих IV позволил испанскому гарнизону и послу Филиппа II герцогу Ферия беспрепятственно покинуть Париж со всем своим оружием и поклажей [6, р. 119]. Далее, дю Вердье заявляет, что Генрих Наваррский — добросовестный и не обманывающий правитель, который выполняет то, что пообещал и в чем поклялся [7, р. 23]. Здесь автор памфлетов ставит акцент на честности правителя и выполнении им своих обещаний, обходя стороной тот факт, что Генрих неоднократно предавал свою веру, когда отрекался от протестантизма и принимал католичество.

Умело пользуясь риторикой, необходимой для убеждения читателей, дю Вердье показывает, что именно Генриху Наваррскому уготовано судьбой положить конец гражданской войне, называемой им «самым опасным и вредоносным змеем, которого земля порождает» [2, р. 34]. Кроме того, автор памфлетов возвеличивает Генриха IV и демонстрирует его мощь

и мужество, сравнивая французского государя с мифическим героем Геркулесом, известным своей силой и храбростью. Здесь дю Вердьё не отличается оригинальностью, поскольку в первой половине 90-х гг. XVI в. сравнение Генриха с Геркулесом предпринималось и другими авторами-роялистами, настаивавшими на необыкновенных качествах монарха и на его избранности Богом [1, р. 174].

Наконец, дю Вердьё изображает из себя рыцаря защитника короля и заявляет своим оппонентам, что он никогда не позволит, чтобы злословили в отношении короля, принцев крови и ещё меньше допустит, «чтобы кто-то другой мог себя приравнять к ним или даже претендовать на право на корону» [7, р. 23]. Так, для дю Вердьё король священен и неприкосновенен, он никому не позволит его оскорблять.

Итак, создав памфлеты, возвеличивающие короля Генриха Наваррского, Антуан дю Вердьё внёс свой вклад в создание образа «доброего короля Анри», который начал складываться на исходе Религиозных войн во Франции и служил идеологическим задачам. При помощи искусства убеждения памфлетист интерпретировал образ монарха в соответствии со своей принадлежностью к роялистской партии, не отличаясь оригинальностью и используя уже выработанные до него доводы, которые не всегда могли выдерживать критику.

Список источников и литературы

1. *Crouzet D.* Les fondements idéologiques de la royauté d'Henri IV // *Henri IV: le roi et la reconstruction du royaume: volumes des actes du colloque Pau-Nérac, 14–17 septembre 1989*, Pau, 1990. p. 165–194.
 2. *Du Verdier A.* Discours sur la réduction de la ville de Lyon à l'obéissance du Roi. Lyon, 1594. 35 p.
 3. *Estier D.* 1589–1594: la maîtrise de l'opinion à Lyon pendant la Ligue, ou le secret nécessaire // *Rives nord-méditerranéennes*. 2004. № 17. p. 63–83.
 4. *Jouanna A.* La France du XVI-e siècle. Paris, 2009. 720 p.
 5. *Lignereux Y.* Les «trois corps du roi». Les entrées d'Henri IV à Lyon, 1594–1596 // *Dix-septième siècle*. 2001. № 212. p. 405–417.
 6. *Pernot M.* Les guerres de religion en France, 1559–1598. Paris, 1987. 420 p.
 7. *Response de Pierre La Coignée à une lettre écrite par Jean de la Souche à l'auteur du Discours fait sur la reduction de la ville de Lyon sous l'obéissance du Roi. Avec la copie de la dicte lettre.* Lyon, 1594. 27 p.
 8. *Reure C.-O.* Le bibliographe Antoine du Verdier (1544–1600) // *Revue du Lyonnais*. 1897. № 24. p. 5–33, 113–128, 161–180.
- Для цитирования:** *Сковородникова Е. Д.* Образ Генриха Наваррского в сочинениях Антуана дю Вердьё // *Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных.* СПб., 2023. С. 47–50.

Кардинал Ришелье в «Мемуарах» кардинала де Реца (1613 – 1679)

Аннотация. В статье анализируются «Мемуары» кардинала де Реца, созданные им в последние годы жизни. В воспоминаниях он изложил свою точку зрения на политические события современной ему эпохи, описал, какой он представлял свою собственную роль в данных событиях, составил портреты современников, в том числе кардинала Ришелье, и поделился своими наблюдениями и выводами. В статье рассматривается восприятие де Рецем личности кардинала Ришелье, его внутренней и внешней политики, описывается, как к кардиналу относились король Людовик XIII, знать и народ.

Ключевые слова: кардинал де Рец, кардинал Ришелье, Фронда.

Title: Cardinal Richelieu in the "Memoirs" of Cardinal de Retz (1613 – 1679)

Abstract. The article analyzes the "Memoirs" of Cardinal de Retz, created in the last years of his life. In his memoirs he outlined his point of view on the political events of his contemporary era, described how he imagined his own role in these events, made portraits of his contemporaries, including Cardinal Richelieu. The article discusses de Retz's perception of the personality of Cardinal Richelieu, his domestic and foreign policy, describes how King Louis XIII, the nobility and the people treated the cardinal.

Key words: cardinal de Retz, cardinal Richelieu, Fronde.

В XIX – первой половине XX вв. «Мемуары» де Реца воспринимали прежде всего как памятник французской литературы XVII в., а уже во вторую очередь — как историческое сочинение [8]. Историки подчёркивали свойственную «Мемуарам» противоречивость и сосредотачивали своё внимание на выявлении различного рода ошибок, допущенных де Рецем в изложении и истолковании событий Фронды. В середине XX в. благодаря трактовке французского учёного Антуана Адана кардинал де Рец, по сути, впервые стал рассматриваться как политический мыслитель [5]. В дальнейшем Андре Бертьер обратил внимание исследователей на то, что

Салахова, Аида Ильдаровна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st094517@student.spbu.ru

Кулешова, Елена Владимировна — к-т ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Salakhova, Aida Ildarovna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st094517@student.spbu.ru

Scientific adviser: Kuleshova, Elena Vladimirovna — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

важно при работе с «Мемуарами» учитывать и психологическое состояние де Реца [6].

Проанализировать и объяснить суждения де Реца, в том числе и о своих современниках и даже, в определённой степени, политических противниках, невозможно без обращения к его биографии. Семья де Реца была родом из Флоренции и выдвинулась при французском дворе только в XVI в. С детства будущего кардинала готовили к церковной карьере. Он учился у иезуитов и завершил своё теологическое образование в Сорбонне в 1638 г. Ещё будучи студентом, Гонди был замечен среди тех, кто выступал против кардинала Ришелье и его политики. В 1643 г. он принял сан священника и был назначен коадьютором при своём дяде, архиепископе Парижа. С началом Фронды (1648 – 1653) Гонди вступил в период своей активной политической деятельности. Судя по всему, он стремился продвинуть свои собственные интересы, заигрывая то со сторонниками Анны Австрийской и Мазарини, то с их противниками. Пытаясь заручиться его поддержкой, Анна Австрийская даже назначила его в 1651 г. кардиналом, однако её доверия де Рец так и не приобрёл. После того, как Фронда была окончательно сломлена, он был арестован и отправлен в Венсенский замок. В 1654 г., после смерти своего дяди, де Рец был назначен архиепископом Парижа, находясь при этом в тюрьме. Папа Иннокентий X поддержал его назначение, тогда де Рец бежал из тюрьмы. В 1661 г., после смерти Мазарини, он вернулся во Францию и согласился обменять статус архиепископа Парижа на статус аббата Сен-Дени [7]. Последние годы своей жизни кардинал де Рец посвятил написанию воспоминаний. Одной из главных фигур, которым де Рец уделил внимание на страницах своего сочинения, был кардинал Ришелье.

Первые впечатления о Ришелье де Рец получил ещё в пору завершения своего образования в Сорбонне. Кардинал уже тогда показался ему человеком, нетерпимым к малейшему сопротивлению его собственным решениям: «Кардинал де Ришелье, всегда и во всём требовавший покорности, в гневе своём дошёл до ребячества: он пригрозил представителям Сорбонны, что снесёт до основания капеллу, которую начал строить в университете» [3]. Образ Ришелье у де Реца действительно противоречив, о чём свидетельствуют следующие строки: «человек воистину великий, но в высшей степени наделённый слабостью придавать значение мелочам» [3]. Де Рец приписывал кардиналу мелочность, но подчёркивал его умение ценить способных людей, к которым де Рец относил, прежде всего, себя самого: «Кардинал два – три раза благосклонно отозвался обо мне» [3]. Судя по всему, де Рец был горд тем, что кардинал заметил его и говорил о нём. Вместе с тем, кардинал Ришелье, вероятно, оценивал де Реца

без восторга, даже, возможно, неприязненно, но признавал его способности: «Когда ему донесли, что проповеди мои хороши, он ответил: "Успех — ещё не оправдание, это дерзкий молодой человек"» [3]. Очевидно, де Рец стремился заверить своего читателя, что кардинал всё же отличал его персону, пусть и не всегда в положительном ключе.

Описывая период своего участия в политической игре против Ришелье, де Рец рассказал о покушении, которое собирались организовать на кардинала сторонники Гастона Орлеанского, брата короля. Де Рец посчитал за чудо, что оно осталось в тайне, так как был прекрасно осведомлён о существовании внушительной шпионской сети, созданной Ришелье, и явно сам её серьёзно опасался: «во времена кардинала де Ришелье, который был самым осведомлённым министром на свете, никто ни разу не проведаль о нашем умысле» [3]. Это действительно удивительно, поскольку данный заговор был уже не первым, исходящим от Гастона, и за ним явно должны были наблюдать люди Ришелье. Х. Беллок, считал, что кардинал мало значения придавал козням Гастона [1]. Можно предположить, что в этот раз кардинал проигнорировал заговор. Шпионская сеть Ришелье действительно работала впечатляюще. Едва он её организовал, как она уже смогла раскрыть заговор, целью которого была женитьба Гастона на Анне Австрийской в случае смерти короля. Собственно Гастон сам сдал своих соучастников, стоило Ришелье дать ему понять, что он всё знает [1].

Кардинал явно внушал окружающим страх и почтение, иначе никак не объяснить эти слова де Реца о своём состоянии перед покушением на кардинала: «Но едва для меня самого настала минута действовать, ... меня охватило неизъяснимое чувство, сродни страху» [3]. П. П. Черкасов пишет, что умение Ришелье внушать людям если не страх, то опасение проявилось ещё в годы его учёбы в Наваррском коллеже [4]. Но де Рец был уверен, что Ришелье ненавистен королю, он предполагал, что в случае удачного исхода заговора «король обрадуется избавлению от своего тирана» [3]. Однако П. П. Черкасов сообщает, что в 1629 г., когда Ришелье собирался подать в отставку из-за конфликта с Марией Медичи, король «впал в такую ипохондрию, ... что насмерть перепугал своих близких, докторов и духовника» [4]. Значит, король не желал отставки Ришелье, при том, что об этом неоднократно просили и Анна Австрийская, и Мария Медичи. Вместе с тем, де Рец полагал, что король всё же недолго любил Ришелье, так же как и почти всё население страны, которое сохранило свою неприязнь и после смерти кардинала, перенеся её на его соратников (Мазарини, Бутийе и де Шавиньи), которые, по словам де Реца, «пользовались общей ненавистью» [3].

Де Рец выступал сторонником всех знатных лиц, действовавших против кардинала, он не одобрял проводимую им внутреннюю политику, направленную на укрепление королевской власти, считая это тиранией. Для него сословная монархия — идеал [3]. В критике курса Ришелье на абсолютную монархию де Рец главным образом указывал на то, что это нарушение законов, и подчёркивал стремление Ришелье к власти. Де Рец был убеждён, что всё это делалось не для укрепления монархии, а в большей степени ради власти самого Ришелье: «Он хотел властвовать, как ему заблагорассудится, не стесняя себя никакими правилами» [3]. Однако Х. Беллок считал, что для Ришелье преданность монархии была главной идеей жизни. Преследуя собственные властные интересы, Ришелье не преминул бы поладить с Гастоном Орлеанским, который до 1638 г. считался дофином, чего сделано не было [1]. А во время осады Ла-Рошели кардинал выделил из собственных средств 1,5 миллиона ливров на нужды армии. Немногие готовы были вложить собственные средства в такое предприятие, что доказывает преобладание государственных интересов над личными, или же, как считает П. П. Черкасов, «он не разделял для себя те и другие» [4]. Де Рец не поддерживал позицию Ришелье в отношении сословий, в частности, критиковал пренебрежение к духовенству [3]. Он писал: «Ришелье ... задабривал отдельных лиц» [3]. Де Рец расценивал это, прежде всего, как способ расколоть знать.

При этом де Рец одобрял внешнюю политику кардинала: «Мысль сокрушить протестантскую партию родилась у моего дяди, кардинала де Реца, мысль схватиться с могущественным Австрийским домом не приходила в голову никому. Кардинал де Ришелье воплотил первую и ко времени своей смерти много успел в осуществлении второй» [3]. Здесь, однако, де Рец забыл, что идея сокрушения австрийского дома появилась ещё у Генриха IV и даже у Франциска I, которых очень уважал Ришелье [4]. Интересно то, что де Рец зачастую не связывал действия кардинала с волей короля. Он писал, что король после смерти Ришелье исполнял его напутствия только для соблюдения приличий [3]. На самом деле король был одним из немногих, кто поддерживал Ришелье. Когда в 1630 г. в Лионе Людовик XIII был очень болен, он продиктовал завещание, в котором указал, чтобы Ришелье остался на своей должности, то есть король одобрял действия кардинала и желал осуществления поставленных задач. Внешняя политика кардинала действительно впечатляет: за 1629 г. в Сузе был подписан договор между Францией, Савойей и Венецией, стороны обязывались вступить в оборонительный союз против Испании. В Париже был подписан договор с Англией о возобновлении союза, направленного

против Испании. Карл I дал к тому же формальное обязательство не вмешиваться впредь во внутренние дела короля Франции [4].

Де Рец недоброжелательно относился к Ришелье, но уважал его и даже подражал: «Решившись посвятить себя учёным занятиям, я решился также идти в них по стопам кардинала де Ришелье» [3]. Де Рец признавал ум и проницательность кардинала, его честность и талант. Без критики не обошлось, но характеристику де Рец завершил словами, которые полностью нейтрализуют её: «должно признать, что все пороки его [кардинала] принадлежат к числу тех, какие могут заслужить славу человеку высокого звания, ибо они из числа тех, чьим орудием могут быть лишь великие добродетели» [3]. То есть даже недостатки Ришелье служили его славе. Кардинал Ришелье для де Реца был великим человеком, что очень чётко показано при сравнении с Мазарини, которого де Рец явно презирал: «возомнил себя кардиналом де Ришелье и даже решил, будто превзошел его умом» [3].

При этом де Рец акцентировал внимание на чертах характера Ришелье, которые, по-видимому, были ему особенно неприятны или казались самыми компрометирующими. Например, чувство юмора кардинала: «люди подобного нрава обыкновенно шутят весьма язвительно» [3]. Ришелье действительно был не прочь посмеяться. Но шутки над собой позволял только самым близким, например, аббату Буаробер [2, с. 79].

Для де Реца характерно противопоставление политической мощи кардинала его личной жизни. Большое внимание он уделил любовным историям Ришелье, которые по большей части были всего лишь досужими сплетнями. Он сообщил о некоем письме, якобы посланном влюблённым Ришелье Анне Австрийской [3]. Де Рец раскритиковал кардинала за данный эпизод, язвительно заметив, что «любовные похождения, ... были отнюдь не сообразны ни с величием его деяний, ни с его славою». Заметно, что он всячески подчёркивал слабость позиций Ришелье и в семейной жизни, упоминая, что тот был вынужден терпеть выходки де Брезе (зять Ришелье) [3]. При чтении де Реца складывается представление, что кардинал был бессилён, когда речь шла об отношениях, где он выступал человеком, а не министром. В этих вопросах не следует слепо доверять де Рецу, особенно когда речь идёт о любовных историях. Известный французский историк Ф. Блюш полагал, что кардинал не был склонен рисковать своим положением ради любовных связей [2, с. 86].

Анализируя деятельность Мазарини, который сменил Ришелье, де Рец высказал следующую мысль: «На поступки министров, даже самые необходимые, зачастую ложится тень злодейства от того, что для свер-

шения их они вынуждены осиливать препятствия, преодоление которых неизбежно навлекает на них зависть и ненависть» [3]. Это своего рода оправдание многих действий людей власть имущих, но к Ришелье де Рец этого как будто не относил. Можно предположить, что его личная неприязнь к кардиналу не позволяла в полной мере оправдать его действия. Среди друзей де Реца было много заговорщиков и людей, подвергнутых опале, и естественно, что политика перемешалась с личным отношением, поэтому, видимо, де Рец и не оправдывал поступки Ришелье необходимостью. Судя по всему, складыванию такого мнения способствовало и личное окружение де Реца (он был близок с партией Гастона Орлеанского, настроенной враждебно к Ришелье), и его принадлежность к духовенству (в основном не поддерживавшего кардинала из-за его стремления подчинить церковь государству), и его личные отношения с кардиналом, успешную карьеру которого он, видимо, мечтал повторить. Поскольку это ему не удалось, он акцентировал внимание на провалах Ришелье в личной жизни, завуалировано противопоставляя им собственное «рыцарское» поведение и победы. Критикуя внутреннюю политику кардинала, де Рец одобрял его внешнеполитический курс. Это можно объяснить тем, что на момент написания мемуаров де Рец воочию видел результат политики Ришелье, приведшей Францию к величию, а также потому что со своим родом де Гонди он связывал идею сокрушения в королевстве протестантской партии, утверждая, что впервые её высказал его собственный дядя, тем самым приписывая эту заслугу и самому себе.

Список источников и литературы

1. Беллок Х. Ришелье // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/bellok_hiler/rishele.html (дата обращения: 22.10.2021)
2. Блюш Ф. Ришелье. М., 2006. 323 с.
3. Кардинал де Рец. Мемуары // Восточная Литература. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rez/pred.phtml?id=1781> (дата обращения: 22.10.2021)
4. Черкасов П. П. Кардинал Ришелье // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/bellok_hiler/rishele.html (последнее посещение: 22.10.2021)
5. Adam A. Histoire de la litterature francaise au XVII siecle. T. IV. P., 1958. P. 125-136.
6. Bertiere A. Le Cardinal de Retz memorialiste. P., 1977. 680 p.
7. Bertiere S. La Vie du cardinal de Retz. P., 1990. 644 p.
8. Sainte-Beuve C.-A. Causeries du lundi. T. V. P., 1852. 555 p.

Для цитирования: Салахова А. И. Кардинал Ришелье в «Мемуарах» кардинала де Реца (1613 – 1679) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 51 – 56.

Идея объединения славян в трудах Юрия Крижанича

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о единстве славян в трудах хорватского мыслителя XVII века Юрия Крижанича. Через идеи о славянском единстве, которые изложены в основных трудах хорватского философа производится анализ причин, по которым Крижанич мог прийти к идее объединения, роль Российского государства в деле объединения славян и характер этих идей в ключе национального дискурса (протонационализм или современный национализм).

Ключевые слова: Юрий Крижанич, панславизм, славяне.

Title: The idea of Slavs union in the writings of Yuri Krizhanich

Abstract. This article examines the question of the unity of the Slavs in the writings of the Croatian thinker of the XVII century Yuri Krizhanich. Through the ideas of Slavic unity, which are set out in the main works of the Croatian philosopher, the analysis of the reasons why Krizhanich could come to the idea of uniting the Slavs, the role of Russia in uniting the Slavs and the nature of these ideas in the key of national discourse (proto-nationalism or modern nationalism).

Key words: Yuri Krizhanich, Pan-Slavism, slavs.

Юрий Крижанич один из самых выдающихся деятелей Восточной Европы своего времени. Крижанич, будучи, без преувеличения, гениальным философом, лингвистом и религиозным деятелем был забыт своими современниками. Труды мыслителя попали в общественное поле в XIX в., на волне популярного тогда славянофильства. После первых публикаций трудов Крижанича, историки заинтересовались идеей единства славян, которая была отражена в некоторых рукописях хорватского мыслителя. Русские панслависты XIX века подхватили мысли Крижанича, которые отвечали на вопрос о мессианской сущности Российской империи. Историки конца XIX века переложили славянскую идею хорватского ученого на современный им панславизм. К сожалению, взгляд на панславизм (имеется славянская идея, а не классический панславизм XIX века) Крижанича

Емельянов, Владислав Сергеевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076515@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Алимов, Денис Евгеньевич* — к-т ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Emelyanov, Vladislav Sergeevich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st076515@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Alimov, Denis Evgen'evich* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

остаётся неизменным с самого начала изучения идей мыслителя, пишут о самих идеях, но не расписана их суть и причины появления таких идей. В XVII веке о единстве славян думали только интеллектуалы в контексте языка и взгляда на историю славян, но призыв к объединению есть только у Крижанича. В данной статье мы попытаемся разобраться причины, по которым хорватский мыслитель писал о единстве славян; выяснить характер этих воззрений (часть протонационального (Ренессансного) или дискурса Нового времени (Модерна); а также понять роль Российского государства в концепции мыслителя. Идея панславизма Юрия Крижанича это следствие изменения в жизни ученого. Можно проследить примерную цепочку принятия общеславянской идеи у Крижанича, которая начинается задолго до прибытия в Россию, до того, как он написал свои основные труды. В 1641 году, ученый еще не был в России, но уже являлся миссионером-униатом. Тогда он составил свою знаменитую записку о «миссии в Москву» [6]. В записке Крижанич писал о принятии унии схизматиками, то есть православным населением Российского государства. В записке есть подробный план действия: проникновение в страну, проникновение во двор государя, навязывание ему унии. Уния, по мнению мыслителя, не была вызвана каким-то стремлением Рима к расширению, наоборот, уния в тех условиях имела благоприятное значение. Для Крижанича Великая схизма — это ошибка, гордость греков [1, с. 8]. Церковная уния в XVII в. давала бы преимущество над Османской империей, которая в этом столетии достигла своего максимального продвижения в Европе. По мнению Крижанича, если унии не будет, то государи просто не договорятся друг с другом, а турки будет дальше продвигаться в Европу [6, с. 42]. Шаг важный, который позволил бы, если не уничтожить общего врага, то хотя бы остановить его, а позже отправить за Босфор и Дарданеллы.

В XVII веке Российское государство еще не имело серьезной конфронтации с Османской империи. В записке отмечен важный момент, что вслед за царем к унии придут и другие православные народы: сербы и болгары [6, с. 41-42]. В словах Крижанича нет идеи подчинения светской власти церкви, он считает, что московский царь должен оставаться независимым [5, с. 67]. В этом, можно сказать, и заключается первое упоминание славянской идеи. Война с Османами неразрывно связана со славянским населением Балканского полуострова. Война за освобождение должна была стать новым «Крестовым походом», в котором себя проявили бы христианские народы Османской империи. То есть можно сделать вывод о том, что Крижанич рассматривал славян, как одну из самых главных движущих сил. Славяне разрознены по религии и территории, а главное,

крупнейшее славянское государство — «схизматики», поэтому Крижанич и выступал за унию. На первый взгляд кажется, что ученый был деятелем религиозным, в записке эта линия хорошо видна, но позже он превращается в деятеля светского и, по мнению некоторых ученых, уходит от своей идеи унии, настаивая на самобытности православной церкви. К такому выводу Крижанич пришел исходя из принципов компромисса между церквями, которого достичь, скорее всего, в XVII веке не получилось бы [3, с. 70]. Сама по себе концепция славянского единства Крижанича возникла не как политическая концепция, а скорее, как стремление к унии двух церквей. А в итоге концепция привела к политическому продолжению теории.

До XVII века в роли объединителя всех славянских народов выступала Речь Посполитая. Польские победы над османами принесли свои плоды. Стоит вспомнить хотя бы далматинского поэта Гундулича и его прославление поляков, в роли освободителей от османского ига, но, как можно отметить, стремление это связано лишь с временными успехами и связью Гундулича с королевским двором [2, с. 388]. Другое дело Российское государство, которое находилось далеко и не было сильно связано с балканскими государствами. Конечно, можно опереться на средневековую церковно-книжную традицию, так как восточные славяне брали её не напрямую из Византии, а из югославянского мира. Но с данным утверждением, можно не согласиться. Преемственность присутствует, но ее роль играет второстепенный характер, все-таки Древнерусское государство, а потом Древнерусские княжества не играли такой заметной роли на Балканах. Российское государство, на наш взгляд, в представлениях Крижанича было не только сильнейшим государством эпохи, но наиболее самобытным, с точки зрения славянства. Стоит вспомнить, что чехи и поляки для ученого стали слишком германизированными, в этом мыслитель видел большую проблему, так как для него важнейшим элементом оставалась традиционность и самобытность [7, с. 635]. Для Юрия Крижанича Российское государство эталон славянства, который меньше всего принял немецкого (протестантского) в своей культуре. Но основным противником России, по мнению Крижанича, должна стать не Европа, а Османская империя, поэтому большая часть общеславянских призывов посвящена именно этому мотиву.

Османская власть распространяется на большое пространство христианского мира и с ней борются многие державы, но Российское государство практически не соприкасается интересами с турками. Первые эпизоды открытого противостояния двух держав приходится на XVII век. Возможно, Крижанич был знаком с одним из первых противостояний

России и Османской империи Азовским сидением казаков 1637–1642 гг., но, скорее всего, ученый мог исходить из соображений размера Московского государства и идеальной формы государственной власти, сложившейся в России к середине XVII столетия. В рассуждениях ученого прослеживается формула создания государства славян, которая заключается в борьбе за освобождение, а позже, создании общеславянского государства под эгидой России. Причем, государства с четкой централизацией, если следовать из изложенного в трактате «Политика». К сожалению, до нас не дошла схема устройства этого государства «Панславянского государство», но если исходить из дальнейших наработок Крижанича, например, разработки единого славянского языка и идеи всеильного справедливого монарха у власти, то, скорее всего, ученый планировал построить государство, в котором нет автономии у народов, у них есть только общий царь, общие законы и общий язык.

Язык, который Крижанич создал для славян, так же надо рассматривать, как часть общеславянской идеи. Некоторые современные ученые признают, что славяне — это этноязыковая общность, в которой большую роль играет родство языков. Как отмечает А. Л. Гольдберг, увлечение языками могло стать основополагающей причиной возникновения славянской идеи Юрия Крижанича, а уже потом была выдвинута концепция унии [2, с. 381]. На мой взгляд, сложно говорить, что было первоочередным в общеславянской идее мыслителя. С одной стороны, в рассуждениях Крижанича встречаются тезисы, характерные для средневековой мысли, с этой точки зрения религиозный вопрос играет первостепенную роль. С другой стороны, ученый понимал, что язык выступает, как один из важных факторов в построении единого этнокультурного пространства. Многие исследователи отмечают, что у Крижанича было «чутье языка», которое помогало ему в работе, стоит отметить, что до создания общеславянского «Русского языка», Крижанич уже работал над созданием общеиллирийского (хорватского) языка. К тому же, ученый знал несколько языков (немецкий, латинский, итальянский и др.) [4, с. 86]. Создание общеславянского языка ученый проводил в Тобольской ссылке в 1660-е гг. [9, с. 40]. Язык получил название русского, но не стоит судить о нем на основе названия. Русский язык Крижанича, стал своего рода компиляцией разных славянских языков, в которой ведущую роль играл — русский язык. К тому же, ученый не разделял языки. Для него русский, хорватский, польский и другие языки были диалектами [8, с. 406], а не самостоятельными лингвистическими единицами. Особенности общеславянского языка — это тема отдельного исследования, но стоит заметить, что ученый прекрасно понимал, что язык, в условиях религиозного

и культурного плюрализма славянских народов, может стать основой для объединения славян.

Как можно заметить, «панславизм» Юрия Крижанича это целый комплекс разнообразных воззрений хорватского ученого на современную ему действительность. Общеславянская идея у мыслителя, это результат ренессансной культуры, она ближе к протонациональному дискурсу по своему духу, хотя ростки романтического национализма, например, создание стандарта языка, уже присутствовало. Думается, что несмотря на ростки романтизма, концепцию мыслителя стоит относить к протонациональному дискурсу по причине её элитарности по отношению к обществу XVII века. Стоит отметить, что Крижанич основную роль в объединении славян возлагал на Российское государство, поэтому и суждения о природе славянского единства у него целиком завязаны на Москву. Ученый понимал, что в современной ему действительности у России существовал целый ряд проблем, которые он предлагал исправить: вопрос конфессии, языка и прочее. Для Крижанича «Панславянское государство» — это не попытка возвысить Москву, а желание избавить Европу от мусульманской Османской империи. Замечу, что идеи Крижанича утопичны для XVII столетия, но нам стоит признать, что воззрения ученого опережали свое время, а многие положения будут присутствовать уже у панславистов XIX века.

Список источников и литературы:

1. *Голенкова З. Т.* Славянские идеи Юрия Крижанича // Вестник РУДН. Серия социология. 2014. №3. 7–22 с.
2. *Гольдберг А. Л.* «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича // Русская литература XI–XVII вв. среди славянских литератур. Труды отдела древнерусской литературы, М.–Л., 1963. т. XIX. 377–390 с.
3. *Дианова В. М.* Славянская идея в воззрениях Юрия Крижанича и ее последующие сторонники // Вече: альманах русской философии и культуры, 2018. №30. 68–78 с.
4. *Емельянов Б. В.* Феномен Юрия Крижанича // Культура и текст, №1, 2012. 85–91 с.
5. *Емельянов Б. В., Комова В. А.* Феномен Юрия Крижанича // Вестник Нижневартковского университета. 2014. №1. 64–70 с.
6. *Крижанич Ю.* Записка Юрия Крижанича записка о миссии в Москву. 1641.: пер. с итал., лат / [предисл. и примеч. П. Перлинга]. М.: Унив. тип., 1901. 42 с.
7. *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965. 741 с.
8. *Первольф И. И.* Славяне. Их взаимные отношения и связи. М., 2017. 640 с.
9. *Пушкарев Л. Н.* Юрий Крижанич в Тобольске (1661–1676) // Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti, 1986. Vol. 14. 39–47 с.

Для цитирования: Емельянов В. С. Идея объединения славян в трудах Юрия Крижанича // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 57 – 62.

Феномен графа д'Антрега в контексте шпионажа конца XVIII века

Аннотация. В статье рассматривается феномен шпионажа на примере деятельности и общественно-политических взглядов графа д'Антрега. Значительное внимание уделяется его поведенческим и интеллектуальным практикам, которые позволяют приблизиться к мироощущению человека в эпоху войн и революций. Такой анализ даёт возможность проследить развитие шпионажа в XVIII веке и понять мотивы действий графа д'Антрега в кризисные времена.

Ключевые слова: граф д'Антрег, шпионаж, Французская революция.

Title: The phenomenon of the Comte d'Antraigues in the context of espionage at the end of the 18th century

Abstract. This article examines the phenomenon of espionage through the activities and socio-political views of the Comte d'Antraigues. Considerable attention is paid to his behavioral and intellectual practices, which allow to get closer to the worldview of man in the era of wars and revolutions. This analysis makes it possible to trace the development of espionage in the XVIII century and to understand the motives behind Comte d'Antraigues actions in times of crisis.

Key words: Comte d'Antraigues, espionage, French Revolution.

Поведенческие практики отдельного индивида в условиях войны несомненно продолжают привлекать внимание исследователей. В этой связи особенно примечательным остаётся феномен шпионажа. Наиболее остро это явление развивалось во времена всеобщей шпиономании, а именно в конце XVIII века, в ходе Французской революции. Одной из ключевых персон в этом контексте является граф Л.-А. д'Антрег, который сумел развернуть целую сеть доносчиков в революционной Франции. Его деятельность широко исследовалась как зарубежными [8; 9; 12; 14], так и отечественными специалистами [1; 3; 5]. В сферу интересов исследователей в основном входили политические воззрения графа д'Антрега и описание его деятельности. Однако в данном исследовании нас больше всего

Воротнев, Георгий Петрович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st110155@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Демичева, Таисия Максимовна* — к-т. ист. наук, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Vorotnev, Georgii Petrovich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st110155@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Demicheva, Taisia Maksimovna* — PhD in History, Senior lecturer, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

интересует не столько судьба графа, сколько поведенческий аспект его деятельности, поскольку именно его изучение позволяет приблизиться к мироощущению человека в условиях революционного и военного времени и понять явление шпионажа. Таким образом, исследование будет осуществляться на методологических принципах истории ментальностей [6, с. 13], а также отчасти на принципах, заданных Кембриджской школой интеллектуальной истории [2, с. 351]. Помимо этого, в ходе исследования планируется рассмотреть формирование личности д'Антрега, причины изменения его воззрений, а также его поведенческие практики в роли шпиона.

В молодости графа, как и многих его сверстников, увлекла философия Просвещения. В особенности его заинтересовали идеи видного просветителя Ж. Ж. Руссо. На этой почве накануне созыва Генеральных штатов 1789 года он издаёт своё знаменитое сочинение «Записка о Генеральных Штатах, их правах и способе их созыва». В нём он яростно критикует правящую династию Бурбонов, называя её правление не иначе как «деспотизмом» [10, р. 202]. В целом взгляды д'Антрега относительно власти монарха очень непоследовательны и противоречивы. Конечно, его идеалом являются государственные сеймы Карла Великого. Однако в вопросах политического устройства Франции он то симпатизирует английской политической системе [10, р. 253], то критикует её, называя аристократическим правлением [10, р. 259], то вообще стремится к республиканскому правлению [10, р. 71]. Единственное, что это всё объединяет — характер фигуры монарха: для графа король уже точно не является сакральной фигурой. Помимо этого, граф в своей работе призывает к свободе печати [10, р. 269] и кардинальным реформам в области налогообложения [10, р. 34] и судопроизводства [10, р. 25]. Что удивительно, уже в ходе работы Генеральных штатов граф меняет свои воззрения и вскоре эмигрирует, что указывает на несостоятельность его авторской позиции [9, р. 787]. После 1789 года все его взгляды номинально укладывались в рациональный принцип: сохранение аристократических привилегий против деспотической монархии и деспотической республики аналогично [13, р. 508]. Именно так граф мог обосновать совместимость своего дореволюционного реформизма с роялизмом.

Находясь в эмиграции, граф д'Антрег поочерёдно, а иногда и одновременно, служит нескольким монаршим дворам Европы, в том числе и двору Людовика XVIII [12, р. 214]. Известно, что он поставлял пространную информацию напрямую из Парижа, который был слабо доступен для контактов в годы Французской революции. Кроме того, он работал на Френсиса Дрейка и лорда Гренвилла, людей, которые олице-

творяли собой вершину британской дипломатии и шпионажа в Европе того времени [12, р. 203]. Тем не менее, нельзя не сказать и о качестве информации, доставляемой графом. Так, по мнению А. А. Митрофанова, до половины сведений оказывались ложными. Чаще всего он доносил заказчикам информацию, которую они и хотели услышать. В этой связи нельзя не упомянуть и о разведывательной сети, которую граф развернул во Франции. Это была целая сеть агентов в Париже, так называемая «мануфактура», напрямую подчинявшаяся графу. Доподлинно неизвестно, кто в неё входил, так как многие документы были уничтожены. Но у историков не остаётся сомнений, что она действительно существовала [4, с. 142]. Кроме того, в научной литературе есть предположения, что через эту сеть министр иностранных дел Франции Талейран уже в годы Империи мог направлять монаршим дворам Европы дезинформацию [16, р. 91].

Тем не менее, наиболее примечательной остаётся его Венецианская миссия. В 1797 году, находясь в Венеции в дипломатической миссии Российской империи как тайный агент Людовика XVIII, при наступлении французских войск граф попадает в плен, а его документы отправляют Наполеону [16, р. 159]. В Париже подтверждают, что среди бумаг графа якобы обнаружили неоспоримые доказательства измены знаменитого генерала Республики, а с мая 1797 г. председателя Совета пятисот, Шарля Пишегрю, его тайных переговоров с агентом принца Конде, Фош-Борелем [11, р. 3–4]. В итоге графу пришлось признать подлинность этих сведений, ради своего спасения. Однако этим он дискредитировал себя в глазах всех роялистов [4, с. 148]. После всех формальностей д'Антрегу было устроено «бегство» из плена.

Удивительно, что даже находясь в заключении, граф д'Антрег не чувствовал опасности, продолжая вести переписку с русскими дипломатами, роялистами и членами Совета пятисот [4, с. 148]. Данный факт говорит об ощущении им собственной экстерриториальности и ненаказуемости со стороны любого из участников конфликта. К тому же, стоит отметить, что за свои зачастую недостоверные сведения различным монаршим дворам граф получал неплохой пансион (около 150 луидоров или золотых дукатов) [14, р. 73]. Мотивы такого поведения графа достаточно загадочны и непонятны. На наш взгляд, этому есть два объяснения. Либо он оценивал свою деятельность всего лишь как работу для заработка, поэтому принципы и мораль отступали на второй план. Либо, что более вероятно, перед нами предстаёт человек, действительно отчаявшийся и утративший своё былое величие, поэтому действующий по воле случая. Это подтверждается тем, что заниматься столь сложной и опасной дея-

тельностью, исходя исключительно из жадности наживы, было бы довольно странно. Тем не менее, чтобы лучше понять психологию и механику действий графа д'Антрега, можно попытаться сравнить его с другими авантюристами той поры. На ум сразу напрашиваются образы барона Мюнхгаузена или Джакомо Казанова. Однако нам бы хотелось обратиться к соотечественникам графа и людям, жившим с ним примерно в одно время — шевалье д'Эону и Карлу Шульмейстеру.

Имя шевалье д'Эона окутано ореолом тайны. Его слава связана прежде всего с его образом. Переодевшись женщиной, он выполнял шпионские миссии по приказу тайной сети французских дипломатов Людовика XV «Секрет короля». Впервые прибегнуть к переодеванию д'Эон был вынужден в 1755 году, когда он отправился для выполнения миссии в Россию. Его цель заключалась в том, чтобы войти в доверие к императрице Елизавете Петровне и расстроить русско-австрийский альянс. В дальнейшем шевалье выполнял различные задания, порученные «Секретом короля» в Англии. После роспуска данной шпионской организации д'Эон предпочёл остаться женщиной и стал представляться как «мадемуазель де Бомон» [15, р. 57–77]. Однако, несмотря на всю свою эксцентричность и экстравагантность, он оставался верен двору короля и продолжал вести шпионскую деятельность.

Персона Карла Шульмейстера известна больше уже в начале XIX века, поскольку он являлся одним из тайных агентов Наполеона и считался гением военного шпионажа. Судьба обычного контрабандиста резко изменилась после знакомства с бригадным генералом Бонапарта Савари. После этого ему стали поручать деликатные и щекотливые миссии. В основном он известен организацией похищения герцога Энгиенского в 1804 году. Однако и в военное время Шульмейстер смог проявить себя, убедив командовавшего австрийской армией, фельдмаршала-лейтенанта Мака, отступить с занятой позиции в 1805 году. Кроме того, уже после он оказывал поддержку Наполеону в возвращении с Эльбы, но после «Ста дней» вынужден был отойти от дел и вновь заняться торговлей [7, р. 31–59]. Здесь необходимо заметить, что он также сохранил формальные нормы чести и не переметнулся в другой лагерь, как это сделали многие после ухода Наполеона.

Если сравнивать деятельность графа д'Антрега с деятельностью шевалье д'Эона и Карла Шульмейстера, то можно сделать вывод о том, что д'Эон и Шульмейстер на протяжении службы сохраняли принципы хотя бы формальной верности своему так называемому «работодателю». В то время как д'Антрег не гнушался вести закулисные беседы между всеми вражескими сторонами. Единственное, чему он сохранял верность, так

тому, что не служил новым властям Франции. Однако это можно объяснить как тем, что у него на родине отняли всё имущество, так и тем, что шпионил он всегда против Франции, поскольку имел там разветвлённую агентурную сеть. Здесь остаётся очевидным только одно, что людям типа д'Антрага невозможно было верить на протяжении очень долгого времени. По этой же причине он закончил свою жизнь очень трагически, будучи убитым собственным слугой в собственном доме.

В целом, феномен графа д'Антрага демонстрирует нам образ авантюриста и интригана, в сознании которого отсутствовало понимание защиты государственных интересов или каких-либо социально-политических идей. Его поведенческие практики указывают скорее на конформизм, нежели на действительное служение королю Людовику XVIII. Всё это также подтверждают и его противоречивые воззрения накануне революции. Проведённый же нами анализ позволил больше приблизиться к пониманию шпионской этики и психологии.

Список источников и литературы

1. *Искюль С.Н.* Дворянские привилегии в эпоху революции // От старого порядка к революции. Л., 1988. С. 112–125
2. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. 632 с.
3. *Митрофанов А.А.* Граф Д'Антрэг: слуга пяти королей и трёх императоров // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 188–200
4. *Митрофанов А.А.* Французский дипломат на русской службе. Миссии графа д'Антрага в Венеции (1795 – 1797 годы) // Новая и новейшая история. Выпуск 5. 2021. С. 140–153
5. *Пискунова Е.П.* Идеология крайних роялистов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2005. № 10. С. 35–42
6. *Шартъе Р.* Культурные истоки Французской революции. М., 2001. 256 с.
7. *Arboit G.* Schulmeister, l'espion de Napoléon. Paris, 2011. 176 p.
8. *Barny R.* Le Comte d'Antraigues : Un Disciple Aristocrate de J.-J. Rousseau: de la fascination au reniement. Oxdord, 1991. 267 p.
9. *Beik P.H.* The Comte d'Antraigues and the Failure of French Conservatism in 1789. The American Historical Review. Vol. 56, No. 4, 1951. P. 767–787
10. *d'Antraigues L. A.* Mémoire sur les États généraux, leurs droits et la manière de les convoquer. Avignon, 1788. 279 p.
11. *d'Antraigues L. A.* Pièce trouvée à Venise, dans le porte-feuille de d'Antraigues, et écrite entièrement de sa main. Paris, 1797. 15 p.
12. *Duckworth C.* The D'Antraigues Phenomenon: The Making and Breaking of a Revolutionary Royalist Espionage Agent. Newcastle-upon-Tyne: Averro, cop., 1986. 416 p.

13. *Elliott M.* The d'Antraigues Phenomenon. The Making and Breaking of a Revolutionary Royalist Espionage Agent by Colin Duckworth. // *The English Historical Review*. Vol. 104, № 411, Apr., 1989. P. 508–509.
14. *Godechot J.* Le comte d'Antraigues: un espion dans l'Europe des emigres. Paris, 1986. 325 p.
15. *Kates G.* Monsieur D'Eon Is a Woman: A Tale of Political Intrigue and Sexual Masquerade. Baltimore; London, 2001. 400 p.
16. *Pingaud L.* Un agent secret sous la Revolution et l'Empire: Le Comte d'Antraigues. Paris, 1893. 428 p.

Для цитирования: Воротнев Г. П. Феномен графа д'Антрега в контексте шпионажа конца XVIII века // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 63 – 68.

Дискуссия о «лучшей форме правления» в британской и американской прессе как индикатор англо-американских отношений во время визита принца Уэльского в США в 1860 г.

Аннотация. В статье рассматривается дискуссия в английской и американской прессе о преимуществах монархии и республики, возникшая во время посещения США принцем Уэльским в 1860 г. Полемика отразила общественный интерес к проблеме развития англо-американских отношений, продемонстрировав через возможность диалога между государствами с различными формами правления стремление к мирному урегулированию возникших кризисных ситуаций. Изменчивость тона дискуссии на разных этапах тура принца проявила хрупкость этих настроений, обозначив приоритет собственных интересов каждой из стран во внешнеполитических вопросах.

Ключевые слова: визит принца Уэльского в США в 1860 г., англо-американские отношения в 1860-е гг.

Title: The Discussion about "the Best Form of Government" in the British and American Press as an Indicator of Anglo-American Relations during the Visit of the Prince of Wales to the USA in 1860

Abstract. The article regards the discussion in the English and American press about the advantages of the monarchy and the republic that arose during the visit of the Prince of Wales to the USA in 1860. The controversy reflected public interest in the problem of the development of Anglo-American relations, demonstrating the possibility of peaceful settlement of emerging crisis situations by states with different forms of government. But the variability of the tone of the discussion at different stages of the Prince's tour showed the priority of each country's own interests in foreign policy issues.

Keywords: The visit of the Prince of Wales to the USA in 1860, Anglo-American Relations in the 1860s.

В 1860 г. наследник британского престола Альберт Эдуард в рамках первого официального королевского визита в заокеанские владения Короны посетил провинции Британской Северной Америки и в частном формате — США. Столь неординарное мероприятие было логичным ввиду территориальной близости Канады и молодой республики, подкреплялось объективными обстоятельствами, стимулировавшими необходимость выстраивать взаимоотношения между Великобританией и Америкой на рациональных началах [2; 3; 12; 14; 26].

Величко, Екатерина Олеговна — независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия; catherina.velichko2@gmail.com

Velichko Ekaterina Olegovna — independent researcher, St. Petersburg, Russia; catherina.velichko2@gmail.com

Посещение американского континента принцем Уэльским получило широкий резонанс в прессе США и Британии. Одно из центральных мест в ряду сюжетов о поездке наследника британского престола занимала дискуссия о преимуществах монархической и республиканской форм правления, которая нашла свое проявление в редакционных статьях ведущих периодических изданий Нью-Йорка и Лондона. Целью настоящей статьи является изучение возникшей полемики, отразившей логику мышления политической и интеллектуальной элиты британского и американского общества на предмет развития британо-американских отношений в начале 60-х гг. XIX в. До настоящего времени данный сюжет не был освещен в историографии [3; 4; 15].

Одним из главных вопросов, взволновавших британское и американское общество, была возможность войны между двумя державами [24, Apr. 11; 13, HC Deb. 21 Feb. 1860. Vol. 156. Col. 1500]. Причиной беспокойств стало нарастающее напряжение между США и Британией, проявившееся в противостоянии в 1859 г. на острове Сан-Хуан [11; 12; 14; 26], принадлежность которого по Орегонскому договору 1846 г. не была определена [12, p. 60]. Конфронтация, которая чуть было не дошла до военного столкновения [13, HC Deb. 24 Jan. 1860. Vol. 156. Col. 82], четко обозначила стремление разграничить сферы влияния между США и Британией [3, p. 560] не только в отношении острова Сан-Хуан, но и на американском континенте в целом [13, HL Deb. 13 Feb. 1860. Vol. 156. Col. 903]. Война противоречила экономическим интересам двух держав [13, HC Deb. 21 Feb. 1860. Vol. 156. Col. 1508; 22, Sept. 30], что мотивировало их к поиску путей решения конфликта. Стремление к развитию мирных отношений стимулировало и открытие в Монреале моста Виктории через реку Св. Лаврентия, следствием чего стала непрерывность транспортного сообщения западных районов Канады с восточными [7, p. 42; 5, p. 78; 20, Oct. 11], что напрямую отражалось на коммерческом влиянии США в этом регионе. Не меньшее значение для Великобритании представляла и позиция Америки в англо-французских противоречиях. Ввиду этих обстоятельств визит наследника британского престола в США виделся правящим кругам Великобритании и её бывшей колонии конструктивным шагом для нормализации отношений.

Сам визит в молодую республику правнука Георга III — потерявшего американскую колонию короля — был противоречивым событием для обеих сторон. Мысль о его абсурдности «витала в воздухе» [23, May 31, Oct. 18; 20, Oct. 12, 30; 9, p. 5; 6, p. 361; 19, March 24]. Поэтому неудивительно, что в контексте размышлений о прошлом взаимоотношений между США и Британией и их перспективах материалы как британских, так и аме-

риканских изданий, посвященные визиту, стали полем для обсуждения преимуществ республиканской и монархической форм правления. Статьи на эту тему использовались в рамках дискуссий о конкуренции за влияние на континенте; находились в русле пропаганды американской стороной приоритетности республиканского строя; являлись ответом на обсуждение британской правительственной и интеллектуальной элитой вопроса о том, «куда в политическом плане стремится» Канада [5, p. 88; 24, Apr. 11; 16, Sept 3]. Так, редакция «The New York Herald» заверяла, что «переход от монархии к народным институтам неудивителен в наше время», и даже «самая большая преданность», проявленная канадцами по отношению к Короне и представителю королевы во время его путешествия по колонии, не удержит их от присоединения к США [22, Sept. 20]. В американских публикациях неизменно подчеркивались достоинства республики, особенно в сравнении с монархией, пусть и ограниченной, в Англии [22, March 27, July 27, Sept. 20, Oct. 12, 23]. Для самоутверждения и рекламы молодого государства «использовался» и Альберт Эдуард: «Удивительно, если принц не увидит огромное превосходство нашей формы правления над любой другой», — заявлялось в «The New York Herald», и «если он думает, что Англия — великая и свободная страна, что он тогда скажет, когда увидит эту?» [22, Oct. 19, July 27].

Вместе с тем, в противоречивом вопросе «встречи республикой представителя Короны», особенно с «большим энтузиазмом» [6, p. 334], была проявлена умеренность: американцы искали себе оправдание в житейском желании увидеть принца, но при этом не быть замеченными в раболепии [22, Oct. 15] и измене республиканским принципам [6, p. 345, 362, 385]. Чествование британских гимна и флага наравне с американскими [10, p. 202, 210, 224, 233; 6, p. 333, 386; 8, Dec. 5; 21, Oct. 20; 22, Oct. 13] объяснялось тем, что «это не вульгарная любовь превозносить будущего монарха», а «любовь к старым воспоминаниям, забота, с которой член королевской семьи должен быть принят в центре торговли Америки представителями нашей высочайшей цивилизации» [22, Oct. 13]. Щекотливость ситуации проявилась и в контрасте понятий «республиканец» — «аристократ». Привлекательность аристократизма для некоторых американцев с иронией упоминалась в прессе, в особенности североамериканской, что в очередной раз должно было подчеркнуть превосходство республиканской простоты [21, Aug. 21; 8, Oct. 31; 23, May 8].

В статьях британских газет проскальзывало опасение, что принца и читавшую о его передвижении в Америке английскую публику могут увлечь республиканские институты [16, Sept. 3; 17, Sept. 24; 24, Apr. 11]. Ввиду этого, за редким исключением, продиктованным, скорее, внутривосточным

ской борьбой в Британии за Билль о реформе [16, Oct. 9], акцент делался на том, что «Америка — не политический рай» [20, Oct. 5; 20, 29, Apr. 11; 17, Sept. 24]. В газете «The Standard» было прямо заявлено, что «мы критикуем американские институты, нам они не нравятся, мы должны предотвратить их появление в этой [Великобритании — Е.В.] стране» [24, Apr. 11]. Неизменно отмечалось, что наследнику полезно изучить американские государственные учреждения [20, Oct. 9; 24, Oct. 19, Nov. 8; 17, July 11; 19, July 14], но он увидит «безответную тиранию большинства» [20, Oct. 12] в противовес английской «монархии, совместимой со свободой поданных и развитием конституционной свободы» [24, Apr. 11], отчего «мы выигрываем от контраста», а Альберт Эдуард «вдвойне оценит конституционное правление дома» [24, Oct. 19]. Обаяние британского наследника, который «покорил сердца» американцев [17, Sept. 10; 19, Nov. 10], активно использовалось британцами как политический инструмент для демонстрации американской публике, что существуют «короли — не тираны, и королевская власть вполне совместима со свободой» [17, Aug. 31; 16, Oct. 17; 19, Oct. 13].

Акцентирование внимания на отдельных эпизодах тура также было призвано транслировать преимущества монархической или республиканской формы правления. Так, британская печать при описании «дружелюбного и приветливого» приема не упустила случай упомянуть о «грубости вульгарных республиканцев» [24, Oct. 29]. «The New York Herald» в свою очередь с гордостью отметил, что Альберт Эдуард «в Нью-Йорке увидит разницу между принцем и свободным человеком» [22, Aug. 9]. В то же время по мере продвижения высокого гостя по Америке развернувшаяся полемика отразила ключевое обстоятельство — готовность политических кругов двух стран к диалогу. Оно заключалось в признании того, что «американская демократия и британская монархия две формы свободы, большое братство вольных людей» [18, Nov. 3], а «визит принца может только укрепить связи этого союза» [17, Aug. 31].

Особенно были растиражированы в британской и американской прессе суждения о том, что «союз двух наций» [24, Oct. 29] основан не только «на интересах, но нерушимой близости расы и языка» [10, p. 1; 22, June 21]. На волне дипломатической вежливости британская идея о единстве англо-саксонской семьи была поддержана и в американской прессе. Тезис «кровь — не вода» [20, Aug. 16, Oct. 11] был чрезвычайно популярен во время поездки принца [20, Oct. 18, 27; 17, Sept. 12, Oct. 9; 19, Aug. 25; 18, Nov. 3]. В редакции «The New York Daily Tribune» разделяли мысль «The Times» о том, что «ни революции, ни гражданские войны не расколуют нации, у которых общие корни, язык и свободные институты» [21, July 24].

Идея исключительности англосаксонской расы, её цивилизаторской миссии в развитии демократии в мире [25, July 9; 19, Nov. 24] получила благодаря визиту новый импульс [17, Aug. 31]. Возможность мирного сосуществования соперничавших политических систем транслировалась посредством суждений, что «нельзя больше спорить о том, что республика свободнее и чище, чем конституционная монархия» [24, Oct. 19]. В «The Morning Post» было констатировано — «время залечило раны» [20, Oct. 12], что рассматривалось как знак новой эры в англо-американских отношениях [20, Nov. 3].

Важно отметить изменение тона газет США и Британии при описании различных этапов поездки Альберта Эдуарда, что предоставляет интересный материал для размышлений о действительной прочности «обновленных» англо-американских отношений, образ которых активно создавался прессой. Тональность публикаций колебалась от саркастической накануне визита до патетичной во время пребывания принца в США и, опять, к весьма резкой после его отъезда [22, March 5, 27, May 9, July 4, Oct. 19]. Есть основания считать, что заверения в дружбе, столь громко звучавшие в печати двух стран во время визита наследника британского престола, в политическом плане имели весьма зыбкую основу [1, с. 148].

Таким образом, визит принца Уэльского в США, хоть официально и имел статус частной поездки, был проектом большой политики, направленной на «усиление родственных и добрых чувств» [23, Dec. 5], что было весьма своевременно в условиях обострения англо-американских отношений. Дискуссия о «лучшей форме правления», разгоревшаяся в процессе освещения поездки Альберта Эдуарда по США в столичных британских и американских газетах, отразила взгляды политической и интеллектуальной элиты двух держав на процесс развития англо-американских отношений. Декларированные сторонами намерения о возрождении «братской дружбы» и «установлении диалога» шли рука об руку со стремлением доказать своё политическое превосходство и, как следствие, утвердить право на доминирование на североамериканском континенте. Тон публикаций отвечал ситуации момента и отражал хрупкость идеи единства англо-саксонской семьи как основы сотрудничества США и Британии, ставившими в приоритет собственные политические и экономические интересы.

Список источников и литературы

1. Тишков В. А. Страна кленового листа: начало истории. М., 1977. 176 с.
2. Anglo-American Relations, 1853–1857: British Statesmen on the Clayton-Bulwer Treaty and American Expansion // The American Historical Review. Apr. 1937. Vol. 42. No 3. P. 491–500.

3. *Baker W. J.* Anglo-American Relations in Miniature: The Prince of Wales in Portland, Maine, 1860 // *The New England Quarterly*. Dec., 1972. Vol. 45. No. 4. P. 559–568.
 4. *Binding S.* New York Welcomes the Prince of Wales, 1860 // *Dance Chronicle*. 1989. Vol. 12. No. 2. P. 221–243.
 5. Canada // *Westminster Review*. 1861. Vol. 75. January. P. 57–89.
 6. *Cellem R.* Visit of His Royal Highness the Prince of Wales to the British North American Provinces and United States in the Year 1860. Compiled from the Public Journals. Toronto: Henry Rowsell, 1861. 439 p.
 7. *Chauveau P. J. O.* Relation du Voyage de Son Altesse Royale le Prince de Galles en Amerique. Montreal: Eusebe Senecal, 1860. 181 p.
 8. *Chicago Daily Tribune*. 1860.
 9. *Cordova R. J. de.* The Prince's Visit: a Humorous Description of the Tour of His Royal Highness, the Prince of Wales, through the United States of America, in 1860. N-Y., 1861. 96 p.
 10. *Cornwallis K.* Royalty in the New World; or, the Prince of Wales in America. N-Y., 1860. 287 p.
 11. *Fulton R. D.* "Consistent with Honor": the Anglo-American Press War over San Juan Island, 1859 // *American Periodicals*. 1993. Vol. 3. P. 11–31.
 12. *Gough B. M.* British Policy in the San Juan Boundary Dispute, 1854–72 // *The Pacific Northwest Quarterly*. Apr. 1971. Vol. 62. No 2. P. 59–68.
 13. Great Britain Parliament. The Hansard's Parliamentary Debates. 3rd Series. 1860–1861. Vol. 156–161. London, Hansard: 1803–2005.
 13. *Kaufman S.* The Pig War: The Unites States, Britain, and the Balance of Power in the Pacific Northwest, 1846–1872. Lexington Books, 2003. 216 p.
 14. *Montgomery S.* Reannealing of the Heart Ties: The Rhetoric of Anglo-American Kinship and the Politics of Reconciliation in the Prince of Wales's 1860 Tour // *Journal of the Civil War Era*. June 2016. Vol. 6. No. 2. P. 193–219.
 15. *The Daily News*. 1860.
 16. *The Evening Standard*. 1860.
 17. *The Examiner*. 1860.
 18. *The Illustrated London News*. 1860.
 19. *The Morning Post*. 1859–1860.
 20. *The New York Daily Tribune*. 1860.
 21. *The New York Herald*. 1860.
 22. *The New York Times*. 1860.
 23. *The Standard*. 1860.
 24. *The Times*. 1860.
- Для цитирования:** *Величко Е. О.* Дискуссия о «лучшей форме правления» в британской и американской прессе как индикатор англо-американских отношений во время визита принца Уэльского в США в 1860 г. // *Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных*. СПб., 2023. С. 69 – 74.

Роль терминов «Braddon's Amendment», «Braddon Blot» и «Braddon Clause» в политическом языке австралийских федералистов

Аннотация. В статье делается попытка найти закономерности в использовании австралийскими федералистами терминов «Braddon's Amendment», «Braddon Blot» и «Braddon Clause» в зависимости от их отношения к конституционному предложению сэра Эдварда Брэйдона. Рассматриваются основные позиции в дискуссии о поправке и их связь с мобилизацией озвученных терминов. Разграничиваются языковые и логические особенности риторики сторон конфликта. Достигается вывод о наиболее прочном закреплении термина «Braddon Blot» ввиду отражения им спорной природы и истории поправки.

Ключевые слова: Поправка Брэйдона; Клякса Брэйдона; Статья Брэйдона; история понятий; интеллектуальная история.

Title: The Role of the Terms “Braddon's Amendment”, “Braddon Blot” and “Braddon Clause” in the Political Language of the Australian Federalists

Abstract. The article seeks trends in the use of the terms “Braddon's Amendment”, “Braddon Blot”, and “Braddon Clause” by the Australian federalists, depending on their relationship to Sir Edward Braddon's constitutional proposal. The key viewpoints in the amendment debate and their relationship to the employing of the terms are explored. The linguistic and logical characteristics of the conflicting parties' rhetoric are identified. The conclusion is reached regarding the most durable crystallisation of the term “Braddon Blot” due to its reflection of the amendment's contentious nature and history.

Key words: Braddon's Amendment; Braddon Blot; Braddon Clause; conceptual history; intellectual history.

В процессе федерализации Австралии видится очевидным противостояние федералистов — сторонников объединения колоний — и антифедералистов — противников данного процесса. Куда более специфичными и менее бинарно-оппозиционными представляются раздоры внутри собственно федералистского лагеря. Одним из таких внутрифедералистских конфликтов можно назвать спор вокруг поправки к проекту Конституции Австралии, предложенной премьер-министром Тасмании сэром Эдвардом Николасом Ковентри Брэйденом. Поправка, имевшая достаточно большой резонанс среди поборников федерализма, вошла в политический язык Австралии под названиями «Braddon's Amendment», «Braddon Blot» и «Braddon Clause».

Мартин, Михаил Андреевич — независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия, st077094@student.spbu.ru

Martin, Mikhail Andreevich — independent researcher, St. Petersburg, Russia; st077094@student.spbu.ru

Поскольку важной составляющей политического процесса является его язык, исследование роли ключевых его единиц видится перспективным. В настоящей статье будет выявлено место терминов «Braddon's Amendment», «Braddon Blot» и «Braddon Clause» в австралийском политическом дискурсе эпохи федерализации. Будет сделана попытка выявить основные противоборствующие лагеря, сформировавшиеся вокруг предложенной Брэддоном поправки, а также проанализировать использование ими озвученных терминов в своей риторике.

Прения по инициативе Э. Брэддона длились в течение короткого промежутка времени (1897–1898 гг.) и в рамках работы одного органа — Конституционного конвента. Тем не менее сами исследуемые термины прочно вошли в политический язык австралийских федералистов и использовались ими в ходе дальнейшей работы над Конституцией, в том числе и после объединения колоний. Исходя из этого, в данной статье мы будем руководствоваться как синхронным анализом терминов в рамках дебатов вокруг, собственно, предложения Брэддона, так и диахронным методом, когда речь зайдёт о дальнейшем употреблении рассматриваемых языковых единиц. Здесь и далее мы руководствуемся методологией Begriffsgeschichte (немецкой школы истории понятий) [6, р. 16–22] и Кембриджской школы интеллектуальной истории, в частности истории изучения политических языков [9, р. 396–407].

Итак, в 1897 г. Эдвард Брэддон, будучи премьер-министром Тасмании и её представителем в Конституционном конвенте, предложил следующую поправку к проекту Конституции Австралии: три четверти доходов, которые будущее федеральное правительство станет получать от сбора всех таможенных пошлин и акцизов, должны возвращаться в распоряжение правительств будущих штатов; в распоряжении же исполнительной власти всего Австралийского Союза должна оставаться лишь одна четверть полученных средств [7, р. 5]. Сведения об этом были опубликованы в выпуске газеты «The Daily Telegraph» от 20апреля 1897 г., причём именно в нём читатель может найти все три интересующих нас слова: «amendment», «clause» и «blot». Примечательно, что применительно к предложению Брэддона чаще всего используется слово «amendment» — «поправка». Оно употребляется в нейтральном контексте, когда автор статьи передаёт содержательную сторону предложенного правила [7, р. 5]. В похожем ключе подаётся и «clause» [7, р. 5] — в данном случае разумнее всего перевести его русским словом «статья», поскольку речь идёт о предполагаемой статье, которая могла бы войти в Конституцию. Наконец, слово «blot» используется с негативной коннотацией, когда автор статьи переходит к освещению критики Брэддона со стороны его

противников [7, p. 5]. Вероятно, приемлемым вариантом перевода будет «клякса», поскольку имеется в виду, что данная поправка к проекту Конституции испортит документ, повредит его содержанию. Таким образом, сравнивая семантику терминов «Braddon's Amendment», «Braddon Blot» и «Braddon Clause», мы получаем дихотомию «Поправка/Статья Брэйдона» — «Клякса Брэйдона», где в первом случае контекст может быть любим, а во втором — скорее отрицательным.

В указанном выше материале одним из главных противников Брэйдона предстаёт премьер-министр Нового Южного Уэльса сэр Джордж Хьюстон Рид. Он действительно находился среди наиболее частых критиков поправки. Чтобы понимать логику Рида в противодействии предложениям Брэйдона, необходимо обратиться к его речи по вопросу о федерализации Австралии, опубликованной в газете «The Sydney Morning Herald» 29 марта 1898 г.: «Казначее, если он вообще прибегнет к таможенным сборам, придётся собрать 800 тысяч фунтов стерлингов, чтобы получить необходимые ему 200 тысяч. Конечно, оставшиеся 600 тысяч вернутся обратно в штаты, но вернутся ли они когда-нибудь к вам? В этом тяжкий порок проекта» [8, p. 5]. Как видно из текста, Дж. Х. Рид обосновывает несостоятельность поправки тем, что для обеспечения будущего федерального правительства финансами придётся собирать в 4 раза больше денег, чем требовалось бы без неё. Такое мнение отражает позицию фритредерского руководства Нового Южного Уэльса, не желавшего платить в несколько раз больше обычного для поддержания небольших субъектов будущей федерации вроде Тасмании. Атакуя проект, Рид пользуется словом «amendment» [8, p. 5].

Примечательно, что сам Э. Брэйдон был поборником свободной торговли, примыкая к Фритредерской партии [4] на Тасмании, а затем в Федеральном Парламенте, став, таким образом, однопартийцем Дж. Х. Рида.

Со стороны непосредственно тасманийских фритредеров проект Брэйдона также получил долю критики. Вот как отзываясь о предложении политика статистик Роберт Маккензи Джонстон, работавший на острове: «Тасмании потребуется удвоить существующий земельный и подоходный налог, чтобы её казначей мог выполнять свои обязательства и функции — это попросту невозможно!» [5, p. 27–28]. Обоснование в данном случае аналогично тому, что выдвигает Рид. Тем не менее Джонстон не подчёркивает авторство Брэйдона и не стремится терминологически обозначить поправку, что можно объяснить интересом обоих в защите тасманийских интересов на Конвенте. Эта же особенность лексики Джонстона, заметно отличающая её от лексики Рида, говорит о том, что содержание конфликта лежало не в плоскости «фритредеры» — «протекционисты», а в плоскости «Тасмания» — «Новый Южный Уэльс», где первая представляет

будущие маленькие и необеспеченные штаты, а второй — будущие большие и обеспеченные штаты.

Любопытно отметить, как сам же Эдвард Брэддон защищал своё предложение и каким языком при этом пользовался. В своей заметке для издания «The Review of Reviews» он пишет, что ограничение расходов федерального правительства одной четвертью поступлений от таможи и акцизов позволит исключить финансовую расточительность центральной исполнительной власти, поскольку она не сможет повысить сборы ещё сильнее для покрытия лишних/ненужных расходов [3, р. 6]. Проще говоря, Брэддон настаивал на том, что ограничение ресурсов при невозможности их пополнения заставит федеральную власть разумно и сдержанно расходовать свои средства. Политик также подчёркивал, что его поправка «даёт штатам гарантию — единственную гарантию в проекте Конституции, — что им будут возвращены деньги» [3, р. 6]. Можно, таким образом, заключить, что Э. Брэддон обосновывал своё предложение финансовой целесообразностью, стремлением к ограничению правительства будущей федерации и необходимостью поддержки будущих штатов. В своих рассуждениях он использует термин «Braddon Clause», особенно выделяя, что его поправка — полноценная статья в создающейся Конституции Австралии. Здесь очевидна позитивная коннотация термина.

Ещё одним критиком поправки Брэддона стал лидер протекционистского крыла федералистов и будущий первый премьер-министр Австралии сэр Эдмунд Бартон. Он атакует финансовое ограничение уже не с позиции повышения тарифов, как это делали фритредеры, а с точки зрения дееспособности федерального правительства. По мнению Бартона, поступление денег от штатов в федеральный центр, который будет расходовать средства на благо Австралии, несравнимо с изъятием средств из локальных активов третьей стороной, например, иностранной оккупационной силой [1, р. 782]. И в первом случае правительство как раз представляет в том числе штаты и работает для их благополучия. Без должных средств оно, с точки зрения Бартона, функционировать не сможет [1, р. 781–782]. Примечательно, что Эдмунд Бартон нарочито использует термин «Braddon Blot», причём, безусловно, в негативном ключе, жалуясь на дискредитацию этой поправкой всего федералистского движения [1, р. 781]. Вполне справедливо говорить, что в рассматриваемой полемике Бартон представляет федералистов, наиболее явно выступающих за сильное правительство будущего национального государства.

Дебаты вокруг предложения Эдварда Брэддона закончатся компромиссом: время действия его поправки ограничат десятью годами. Эту норму, которая ныне не действует, можно найти в тексте Конституции Австралии

(статья 87): «В течение десяти лет с момента образования Австралийского Союза и до тех пор, пока Парламентом не будет предусмотрено что-либо иное, ежегодно Австралийский Союз использует на свои расходы не более одной четвёртой чистого дохода от сбора таможенных пошлин и акциза. Остаток, в соответствии с настоящей Конституцией, выплачивается нескольким штатам, или используется для оплаты процентов по задолженности нескольких штатов, вступивших в Австралийский Союз» [10]. Таким образом, «Braddon Clause» действительно воплотилась в «Clause 87».

Наконец, рассмотрим судьбу исследуемых терминов после принятия Конституции. Здесь примечательны споры, которые развернулись в 1907 г. вокруг дальнейшего распределения доходов от таможенных пошлин и акцизов между Правительством Австралийского Союза и штатами. Прения подробно осветила новозеландская газета «The Evening Post», причём взгляд со стороны в данном случае особенно важен, когда необходимо узнать, какой термин в итоге закрепился в политическом языке. Итак, политическая элита федерации, рассуждая о дальнейшей корректировке финансовой политики, использует термин «Braddon Blot» [2, p. 7], однако следует читать в контекст. Федералист сэр Джон Форрест, как и автор заметки, говорят/пишут «Braddon Blot» как термин, который должен быть знаком носителю политического языка австралийских государственных деятелей того периода [2, p. 7]. Проще говоря, «клякса» в данном случае выступает не уничижительным ярлыком, а отличительным словом, которое закрепилось в дискурсе и отсылает к конкретному положению конкретного документа. Можно, таким образом, заключить, что скандальная природа именно термина «Braddon Blot» позволила ему прочнее закрепиться в политическом языке австралийских федералистов и вовсе не обязательно с негативной коннотацией.

Подведём итоги. Термины «Braddon's Amendment», «Braddon Blot» и «Braddon Clause» возникли на фоне предложения Э. Брэйдона ограничить средства федерального правительства одной четвертью тарифных и акцизных сборов. Появившись в периодической печати, они были быстро взяты на вооружение противоборствующими сторонами. Дж.Х. Рид, возглавлявший фритредеров Нового Южного Уэльса, стоя на критических позициях в ключе поддержания низких тарифов, использовал имманентно нейтральную формулировку «Braddon's Amendment», внося в неё негативный смысл последующей аргументацией. Тасманийский статистик Р. М. Джонстон, руководствуясь аналогичными отношениями к тарифам, избегал терминологических ярлыков по отношению к проекту Брэйдона. Сам Э. Брэддон в своей апологетике предпочитал термин

«Braddon Clause», подчёркивая важность поправки как составной части Конституции. Протекционист и сторонник укрепления правительства Э. Бартон заострял внимание на термине «Braddon Blot», желая выставить поправку в негативном свете и подчеркнуть её деструктивность для федералистского движения. Именно словосочетание «Braddon Blot» прочнее остальных вошло в последующий политический язык австралийских федералистов, поскольку отражало спорную и полную ажиотажа историю этой статьи Австралийской Конституции. При этом термин потерял исключительно негативный смысл и стал просто отсылать к сложной истории поправки.

Список использованных источников и литературы

1. *Barton E.* Australian Federation and Its Basis // *The North American Review*. 1900. Vol. 170. No. 523. P. 772–784.
2. Braddon Blot. Claims of Smaller States. Returned Revenue // *The Evening Post*. May 30, 1907. P. 7.
3. *Braddon E.* The Case for the “Braddon Clause” in the Federal Bill // *The Review of Reviews*. September 15, 1898. P. 6.
4. Edward Nicholas Coventry Braddon [Электронный ресурс] // *The Parliament of Tasmania*. URL: <https://www.parliament.tas.gov.au/history/members/braddone174.html> (дата обращения: 19.10.2022).
5. *Johnston R. M.* Federal Finance. Observations on the Difficulties of the Problem, With an Enquiry Into Their Underlying Causes. Hobart: John Vail, Government Printer, Tasmania, 1897. 36 p.
6. *Koselleck R.* Introduction and Prefaces to the *Geschichtliche Grundbegriffe*. Contributions to the History of Concepts. 2011. Vol. 6. No. 1. P. 1–37.
7. Proceedings in the Convention. The Draft Bill in Committee // *The Daily Telegraph*. April 20, 1897. P. 5.
8. Sir Edward Braddon’s Amendment // *The Sydney Morning Herald*. March 29, 1898. P. 5.
9. *Skinner Q.* Motives, Intentions and the Interpretation of Texts // *New Literary History*. 1972. Vol. 3. No. 2. P. 393–408.
10. The Australian Constitution [Электронный ресурс] // *Parliament of Australia*. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Senate/Powers_practice_n_procedures/Constitution/chapter4#chapter-04_87 (дата обращения: 19.10.2022).

Для цитирования: Мартин М. М. Роль терминов «Braddon’s Amendment», «Braddon Blot» и «Braddon Clause» в политическом языке австралийских федералистов // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 75 – 80.

Эволюция понятий «атеизм» и «безбожие» в дореволюционный период по текстовым источникам

Аннотация. В данной статье рассматривается трансформация понятий «безбожие» и «атеизм» в России в дореволюционный период. Исследование основано на изучении словарей различных эпох, текстов современников, что позволяет составить общую картину того, как понимали термины в эпоху, когда религия в России являлась ключевым элементом идеологии.

Ключевые слова: атеизм, безбожие, словарь, христианство.

Title: Evolution of the concepts of "atheism" and "godlessness" in the pre-revolutionary period according to text sources

Abstract. This article examines the transformation of the concepts of "Godlessness" and "Atheism" in Russia in the pre-revolutionary period. The study is based on the study of dictionaries of different eras of texts of contemporaries, which allows us to get a general picture of how terms were understood in an era when religion in Russia was a key element of ideology.

Keywords: atheism, godlessness, dictionaries, christianity.

Перед тем, как перейти к истории трансформации терминов в русскоязычной традиции, следует отметить, что данные понятия в рамках отдельных работ практически не подвергались изучению, что делает данное исследование одной из первых попыток анализа данных терминов в русскоязычной традиции.

В данной работе мы рассматриваем эволюцию понятий «атеизм» и «безбожие» в дореволюционный период. Основной акцент сделан на бытование данных терминов в XIX вв., т. к. данная эпоха является ключевой для формирования ментальности будущих организаторов политики секуляризации на государственном уровне — большевиков. Поскольку методологической основой исследования является немецкий подход к изучению истории понятий «Begriffsgeschichte», разработанный Р. Козеллеком, мы будем исследовать употребление понятий в рамках социальной

Воротынцев, Глеб Денисович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st078914@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Рябова, Людмила Константиновна* — к-т ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Vorotyntsev, Gleb Denisovich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st078914@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Ryabova, Lyudmila Konstantinovna* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

парадигмы, т. е. как языковой акт, свидетельствующий о ментальности эпохи — в системе изучаемые слова служат свидетельством общественных представлений. [14, с. 15]

Рассматриваемые понятия синонимичны. Слово «безбожие» согласно «Этимологическому словарю» Г. А. Крылова является трансформацией греческого термина «atheos» — «безбожный», префиксального образования от theos — «Бог» [22, с. 57].

Первое упоминание однокоренного «безбожию» слова «безбог» датируется XI в. и толкуется как человек, отрицающий Бога. [17, с. 93]. Термин же «безбожие» появляется в источниках в XII в. в значении отрицающего истинного христианского Бога. Оба понятия пришли в русский язык из греческого.

Понятие «атеизм» пришло в Россию в эпоху петровских реформ, но первоначально писалось на греческий манер «афеизм». Согласно А. П. Черных, оно впервые фигурирует в сочинении Ф. Прокоповича «Слово о власти и чести царской» 1718 г.: «Не наведет ли совесть: убо властем противитися, есть противитися Богу самому? И то есть, что и самый афеисты...» [19]. В данном контексте «афеисты» подразумеваются не как отрицающие существование Бога, а противящиеся единству церкви и государства. В своём сочинении он обосновывает необходимость абсолютной монархии, используя заимствованный термин; придаёт понятию новое значение, утверждая единство монарха и Бога [19]. Однако в данном смысловом значении термин не закрепился.

Реформы Петра I положили начало процессу «обмирщения» духовной жизни, на смену пришла эпоха Просвещения [11, с. 16]. Подобные перемены требовали иного подхода к вере, в частности осмысления её через противоположную систему взглядов.

Закрепление синонимичности понятий произведено в словаре «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту» Н. М. Яновского 1803 г. «атеизм» определяется как «безбожие, отрицание бытия Божия, нечестивое уверение небытие первой, разумной и невещественной причины, т. е. Бога». Добавляется новое значение распространения безбожных идей [23, с. 275].

Его появление связано с произошедшим за полтора десятка лет до публикации словаря событием — Великой французской революцией, в результате которой во Франции была проведена кампания по дехристианизации, имеющая идейные истоки в материалистической философии эпохи Просвещения [7]. Идеи из мятежной Франции, получив реальное воплощение, быстро распространились по Европе, чем поста-

вили под угрозу существование иных монархий Европы и положение церкви в обществе.

Складывание трактовки слова «безбожие» в XIX в. произошло в результате Великой французской революции и последовавшими за ней Наполеоновскими войнами. Наполеон в результате разлада франко-русских отношений и последующей Отечественной войны 1812 г. начинает восприниматься как «антихрист». Святейший Синод ещё в начале кампании 1806 г. провозгласил Наполеона «лжемессией», однако после заключения Тильзитского мира подобная оценка стала неудобной, и имперские идеологи возвратятся к ней только к 1812 г., когда в рамках укрепления национального духа и сплочения общества потребовалось дискредитировать оппонента в глазах франкофильской элиты [2].

XIX в. ознаменовался процессом окончательного слияния значения терминов «безбожие» и «атеизм» в словарной традиции, однако их смысловое наполнение существенных изменений не претерпевало. В I томе «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 г. слово «атеизм» включено, но вместо толкования дано указание на термин «безбожие», который трактуется как «Непризнания бытия Божьего» [18, с. 24].

Россия, как во времена Смуты, снова под угрозой иноверцев. Одним из тех, кто внедрил данный тезис в русский общественный дискурс, был Государственный секретарь А. С. Шишков, который в Манифесте от 6 июля 1812 г. писал: «Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина» [2]. На протяжении всего манифеста проводится идея о том, что русских в этой войне поддерживает Бог, значит тот, кто против русских, — против Бога. Данная линия получает логическое развитие в Манифесте Александра I «О благополучном окончании войны с французами»: «Да пребывает всегда в памяти и пред очами нашими претерпенное нами наказание... ужасная казнь, постигшая врагов наших. Она громче небесной трубы воспето нами: се плоды безбожия и безверия!» [11, с. 245]. Помимо констатации разгрома врага, в Манифесте критикуется общество, отошедшее от заповедей.

Французы — наследники революции во главе с антихристом, несущие угрозу единственной православной империи. До ВФР термин «Безбожие» применялся преимущественно для обозначения врагов, не православных, что одним из первых упоминается в «Псковской 1-й летописи. Погодинского списка» в описании войны 1512-1522 гг., то теперь понятие приобрело новое значение — непризнание веры как таковой [16].

Подобная трактовка закрепилась в общественном дискурсе. Д. В. Давыдов в своём «Дневнике партизанских действий 1812 года» описывает своё

восприятие французов: «...поселяне, ропщущие на насилии и безбожие врагов наших» [3, с. 155].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, изданном с 1863-1866 гг., даётся определение обоим понятиям. «Атеизм» — «неверование в бытие Бога»; указывается на синонимичность с «безбожием», определяемое — «отрицание бытия Божия» [20, с. 250].

Стоит отметить, что термин «безбожие» наиболее активно использовался в консервативном дискурсе. Во-первых, в радикальном значении как определение всех неправославных. Например, в воспоминаниях Н. И. Греча о смещении А. Н. Голицына с поста министра народного просвещения: «Государя убедили, что Голицын и его приверженцы составили заговор против православной церкви, распространяли учение протестантизма и намерены сводворить в России безбожие и нечестие» [1, с. 145].

Во-вторых, как свидетельство нравственного проступка, отступления от моральных императивов эпохи. В дневниках Н. А. Дуровой описан подобный случай: «эту несчастную ассигнацию ни на одной станции не хотели взять у меня, считая, сомнительною, и я имела безбожие отдать ее бедному старику!» [4]. Если первое значение постепенно выходит из использования, то второе продолжает оставаться актуальным.

В-третьих, как указание на отсутствие веры или же нежелание признавать монархическую власть, что роднит трактовку понятия с тем значением, которое придавал Ф. Прокопович — «афеизму». Один из ведущих славянофилов И. В. Киреевский в «Записках об отношении русского народа к царской власти» (1855): «Во Франции же как скоро погасла вера, то и все убеждения пошатнулись...» [5]. Подобную линию продолжил К. Н. Леонтьев: «Общественная почва всей Западной Европы достаточно уже разрыхлена, как мы сказали выше, вековой подготовительной работой рационализма, безбожия... У царей ослабела вера в их божественное право...» [9].

Нельзя сказать, что понятие «атеизм» использовалось преимущественно сторонниками преобразований. Однако, несомненно, что оно выражало тенденцию изменения языка. В своих исследованиях Р. Козелек выделяет «движущие понятия», которые приобретают свое значение на стыке между прошлым и будущим и обозначаются как «измы» [15, с. 424]. XIX в. становится рубежным: «безбожие» к его концу уходит на второй план, а понятие «атеизм» на первый. Это можно проследить по словарям. Если до конца XX вв. слова либо упоминались по отдельности, либо «атеизм» выступал в качестве синонима, то уже к концу XIX в. произошло изменение.

Термин «атеизм» стал главенствующим в России. В отличие от употребления термина «безбожие» он имел конкретное обозначение, заключающиеся в философской концепции, отрицающей существование сверхъестественных сил. Даже авторы консервативного толка употребляли данное понятие особенно, если речь шла не о прошлом, а настоящем. К. Н. Леонтьев при описании современной Франции использует именно термин «атеизм»: «Франция была передовой страной католичества, лучшей опорой западной церкви; она стала передовой страной атеизма» [10]. К. П. Победоносцев в «Московском сборнике» 1896 г. называет «атеизм» «великим нравственным злом» [13]. Иные определения не могли быть опубликованы из-за цензуры. В позитивном смысле данное слово встречается в большевистской литературе. В период первой русской революции В. И. Ленин пишет работу «Социализм и религия», в ней понятию «атеист» дается положительное значение, и оно рассматривается как положительная идеология: «...быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист» [8]. В «Энциклопедическом словаре Гранат» «безбожие» уже выступает, словом, поясняющим термин «атеизм» [12, с. 331].

В Философском словаре логики, психологии, этики, эстетики и истории философии Брокгауза и Ефрона 1911 г. понятие «безбожие» упоминается, но вместо толкования приведена ссылка на слово «атеизм», которое трактуется как отрицание Бога, отдельно прописывается, что его признаки можно найти в различных философских системах: материализме, субъективном идеализме, солипсизме и т. д. [21, с. 20].

Подводя итоги, можно сказать, что на протяжении всего рассматриваемого периода термины «безбожие» и «атеизм» имели либо негативную, либо нейтральную окраску. Также, несмотря на единое генетическое происхождение, они далеко не сразу стали употребляться в качестве синонимичных. Понятие «безбожие», несмотря на свою многозначность, первоначально несло в себе смысл противоположности христианской веры, впоследствии оно трансформировалось в статус мировоззренческой категории, родственной по значению «атеизму». Термин употреблялся в видоизменённом значении, в качестве понятия, обозначающего несогласие с государственной политикой, однако впоследствии стал синонимичным понятию «безбожие» в значении мировоззренческой и философской концепции и доминирующим для обозначения отрицания Бога.

Список источников и литературы

1. Аракчеев: свидетельства современников / Сост. Е. Е. Давыдовой и др. М. 2000. 488 с.
2. *Василик В. В.* Россия и европейский империализм. СПб., 2019. 224 с.

3. Давыдов Д. В. Военные записки / Предисл. О. Михайлова. М., 1982. 358 с.
 4. Дурова Н. А. Записки кавалерист-девицы / Предисл. Б. В. Смиренского. Казань. 1979. 200 с.
 5. Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. М., 2007. 445 с.
 6. Курганский А., Шандристкий К. Религиозно-философский взгляд на отечественную войну 1812 г. (К 200-летию изгнания войск наполеона с земли русской) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Екатеринбург, 2012 С. 14–33
 7. Кутузова А. А. Церковь и государство времён Великой Французской революции в освещении Я.М Захера // Ученые записки казанского университета. Казань, 2020. С. 121–133.
 8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М. 1968. Т. 12. Октябрь 1905 – апрель 1906. С. 142–147.
 9. Леонтьев К. Н. Национальная политика как орудие всемирной революции. М., 1889. 48 с.
 10. Леонтьев К. Н. Письма о восточных делах. М., 2007. 89 с.
 11. Манчестер Л. Сдвижков Д. Вера и личность в меняющемся обществе: Автобиография и православие в России конца XVII — начала XX века. М., 2019. 408 с.
 12. Настольный энциклопедический словарь т-ва «А. Гранат и К^о» / под ред. В. Я. Железнова, М. М. Ковалевского. В 8 т. Т. I. А-Ботнический залив. М., 1900. 793 с.
 13. Победоносцев К. П. Московский сборник. М., 1901. 366 с.
 14. Понятия о России: к исторической семантике имперского периода. Т. I. М., 2011. 576 с.
 15. Понятия, идеи, конструкции: очерки сравнительной исторической семантики / Под ред. Ю. Кагарлицкого, Д. Калугина, Б. Маслова. М., 2019. 448 с.
 16. Псковские летописи / Подгот. текст. А. Н. Насонов. Вып. 1. М., Л., 1941. С. 69–71.
 17. Словарь Русского языка XI-XVII вв. / Отв. ред. С.Г. Бархударов. В 9 в. 1 В. А-Б. 1975. 376 с.
 18. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. / Критич. ст. И. Срезневский. В 4 т. 1. Т. СПб., 1847. 458 с.
 19. Стёпкин Е. Ю. Феофан Прокопович как идеолог полицейского государства // Юридическая наука. М., 2020 С. 4–6.
 20. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 ч. Ч.1. А.-З. М., 1863. 627 с.
 21. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / Под редакцией: Э. Л. Радлова. СПб., 1911. 284 с.
 22. Этимологический словарь русского языка / Составитель Крылов Г. А. СПб., 2004. 428 с.
 23. Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины., СПб. Ч.1., 1803. 271 с.
- Для цитирования:** Воротынцев Г. Д. Эволюция понятий «атеизм» и «безбожие» в дореволюционный период по текстовым источникам // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 81–86.

Теоретическая деятельность М. А. Петрова в контексте создания Советского Военно-Морского Флота

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность выдающегося русского теоретика Михаила Александровича Петрова и его вклад в развитие отечественной военно-морской науки. Проанализированы основные работы автора, а также сделана попытка соотнесения их выводов с дискуссией по созданию советского боевого флота, которая шла в фарватере борьбы «старой» и «новой» школ Военно-Морского Флота молодого Советского государства.

Ключевые слова: М. А. Петров, Советский Военно-Морской Флот, военно-морская наука.

Title: Theoretical activity of M. A. Petrov in the context of the creation of the Soviet Navy

Abstract. The article considers the activities of the outstanding Russian theorist Mikhail Aleksandrovich Petrov and his contribution to the development of domestic naval science. The main works of the author are analyzed, and an attempt is made to correlate their conclusions with the discussion on the creation of the Soviet battle fleet, which was in the wake of the struggle between the "old" and "new" schools of the Navy of the young Soviet state.

Key words: M. A. Petrov, Soviet Navy, naval science.

Период 20 – 30-х гг. XX в. был сложным временем для отечественного Военно-Морского Флота. В наследие от империи Советскому государству достались практически полностью уничтоженные морские силы. Так, на Дальнем Востоке флота как такого не стало: в ходе интервенции и последующей эвакуации белого движения в иностранные порты было выведено более 300 кораблей и судов [2, с. 65]. Примерно такая же ситуация была и на других морских базах. Кроме того, значительная часть кадрового состава военно-морских сил в ходе демобилизации была рас-

Герасименко, Игорь Олегович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st088844@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Назаренко, Кирилл Борисович*, — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Gerasimenko, Igor Olegovich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st088844@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Nazarenko, Kirill Borisovich* — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

пущена и на 1921 г. состав флота насчитывал всего лишь 39859 человек [2, с. 65] из 179653 моряков в 1917 г. [1, с. 21].

Неудивительно, что, оценивая военно-морской флот сразу после Гражданской войны, наркомвоенмор М. В. Фрунзе пишет: «флота у нас нет» [10]. Однако уже к 1924 г. ситуация улучшается: вводятся в строй судостроительные предприятия, ремонтируются суда (всего за 1922 – 1924 гг. дополнительно в строй было введено около 40 боевых и вспомогательных кораблей [2, с. 69]). Это породило ряд других проблем.

Одной из них был недостаток квалифицированных кадров на флоте. Реакцией на эту проблему стал набор в 1922 г. в Академии Рабоче-Крестьянского Красного флота и ряд морских училищ. Преподавательский состав преимущественно состоял из бывших императорских офицеров, которые перешли на советскую службу и обладали опытом предыдущих войн. Среди наиболее известных морских деятелей можно назвать Н. Л. Кладо, А. Н. Крылова и Б. Б. Жерве. Ещё одним примечательным морским офицером, отвечающим за подготовку новых кадров Красного флота, стал выдающийся морской теоретик, капитан 1-го ранга Михаил Александрович Петров — первый руководитель Академии РККФ, опытный моряк (на службе с 1905 г.), прошедший в Первую мировую войну путь от флаг-капитана штаба до начальника оперативного управления и руководителя всего штаба Балтийского флота. Кроме того, М. А. Петров участвовал в Ледовом походе как правая рука А. М. Щастного, позже расстрелянного по подозрению в заговоре. В 1920 – 1921 гг. руководит Оперативным управлением Морских сил Республики [9]. Одновременно с 1919 г. начинается преподавательская деятельность М. А. Петрова в Военно-морской академии. В 1921 г. назначается начальником Академии. С 1927 г. — начальник Учебно-строевого управления РККА, с 1929 г. — профессор.

Переходя к теоретической работе М. А. Петрова, необходимо отметить, что его работы можно рассматривать в контексте борьбы «старой» и «новой» школ ВМФ. Представители «старой» школы — бывшие царские офицеры, продолжающие службу при новой власти. «Новая» школа же состояла из молодых, идеологически мотивированных и прошедших Гражданскую войну деятелей, которые стали в резкую оппозицию к старой гвардии и её идее «владения морем». Сама борьба развернулась в стенах Академии РККФ в 1924 – 1927 гг.

М. А. Петров являлся флагманом теории «владения морем» и ориентации будущего Советского флота на классическое и сбалансированное строительство. Однако прежде увеличения флота необходимо было сохранить оставшийся, поэтому в 1922 г. М. А. Петров пишет, что основными

задачами флота являются: «поддержание в боеспособном состоянии имеемого флота и подготовительная работа для флота будущего», а «работа по восстановлению флота должна идти прежде всего в отношении совершенствования уже плавающих судов..., а затем — приготовление последнего для последующих новых судов и технической подготовки нового судостроения» [3]. Не менее важной М. А. Петров считал подготовку кадрового состава флота, для успешного обучения которого необходимо было иметь способные к выходу в море корабли.

В 1922 – 1924 гг. М. А. Петров проводил исследовательскую деятельность по наработке материала по теории использования флота. По итогу этих разработок в 1924 г. увидела свет «Морская тактика: Боевая деятельность флота». В ней М. А. Петров даёт своё определение тактики как науки, «изучающей методы ведения боя и использования боевых средств в типичной боевой обстановке» [7, с. 9]. Кроме того, в данной работе автор обосновывает новую область тактики ВМФ — боевую деятельность флота, которая рассматривала «приложение не одного какого-либо средства или оружия, а всей их совокупности, в применении к типичной обстановке» [7, с. 27]. В целом, «Морская тактика: Боевая деятельность флота» является хорошим примером учебного пособия для слушателей Военно-морской академии, где были подробно расписаны различные аспекты боевой службы на флоте.

Однако данные наработки имели только учебный и рекомендательный характер, для ВМФ требовался нормативный документ, регламентирующий его деятельность. Поэтому к 1925 г. М. А. Петровым был разработан проект «боевого устава РККФ», который, однако, не был принят [4]. Это было связано с дискуссией вокруг главенства родов сил флота («линейный» флот против «москитного»).

Для подкрепления своей позиции, а также продолжая свою преподавательскую деятельность, М. А. Петров выпускает две крупные работы по анализу опыта действий русского флота в боевых действиях в XIX – начале XX вв.

Первой работой стала «Подготовка России к мировой войне на море» 1926 г. В данном труде автор уделяет значительное внимание судостроительной программе, а также теоретическим планам войны Российской империи с Германией в период 1880 – 1914 гг. В ходе исследования М. А. Петров выявляет системные проблемы, возникающие в ходе развития русского флота. Среди них одной из ведущих является проблема постоянной рассеянности внимания руководства империи между тремя оперативными театрами: Балтийским, Черноморским и Тихоокеанским, – «русский империализм ... спорадически устремлялся то к одному, то к другому

из них» [5, с. 249]. Данная проблема вкупе с отсутствием единого плана подготовки страны к войне пагубно сказывалась на гармоничном развитии флота. На основе проблем имперского флота исследователь выводит условия правильного и целесообразного развития морских сил. Среди основных условий он выделяет постановку сообразных и адекватных политических задач флоту, наличие определённого плана подготовки к войне, а также сообразные предыдущим пунктам стратегические директивы флоту, в свою очередь развитые в планах по созданию, оборудованию и боевому использованию военно-морских сил [5, с. 249].

В «Морской обороне берегов в опыте последних войн России» 1927 г. М. А. Петров анализирует уже боевые действия отечественного флота в Крымскую, Русско-японскую и Первую мировую войны. Для автора основа успешных действий флота — это решительное наступление, возможное при сосредоточении всех своих сил. Однако в указанных войнах русский флот большую часть времени остаётся крайне пассивным даже в самые благоприятные моменты. Так, например, в ходе осады Порт-Артура в 1905 г. японский флот из-за ряда катастроф был значительно ослаблен, однако адмирал Витгефт «не решился воспользоваться моментом атаковать деморализованного и ослабленного противника» [6, с. 68]. Этот и остальные эпизоды бездействия флота были вызваны не столько личностями командующих соединениями, сколько самим верховным командованием и моральным духом флота. Каждый раз при появлении таких энергичных командующих, как П. С. Нахимов в Крымскую войну, С. О. Макаров в Русско-японскую и Н. О. Эссен в Первую мировую, Верховная ставка осаживала активные порывы флота. В некоторых моментах она даже напрямую запрещала использование значительной части сил флота [6, с. 120]. Кроме того, автор подчёркивает, что одной из основных причин неудач флота стала несогласованность действий между сухопутным и морским командованием по вопросу обороны. Предопределяли же пассивные действия флота недооборудованность театра боевых действий, а также отсутствие разработанной теоретической базы для активной обороны берегов. Основной же целью вскрытия приведённых проблем автор ставит «связать проблему обороны с практической постановкой вопроса о восстановлении морских сил Союза» [6, с. 7].

Таким образом, возвращается проблема путей развития советского Военно-Морского Флота. 8 мая 1928 г. произошло заседание Реввоенсовета, где главной темой и стало дальнейшее развитие флота. Докладчиками на заседании выступили командующий Ленинградским военным округом М. Н. Тухачевский и М. А. Петров. По мнению М. Н. Тухачевского, «республика тратит непомерно много средств на морские вооружённые

силы», «Морской Флот играет чисто вспомогательную роль при выполнении наших операций. Сухопутная армия и Воздушный Флот — вот основные киты, на которых фактически зиждется наша оборона страны» [8]. В свою очередь М. А. Петров, соглашаясь с тем, что флоту отводится второстепенная роль, тем не менее считает: «беря за основную установку, что морские театры имеют у нас второстепенное значение, ... что обеспечение этих второстепенных направлений имеет существенное значение для общего развёртывания наших сил и нельзя смотреть на них как на пустое место, ... проблема каждого моря является крупной политической проблемой и в нашем современном преломлении, и мы должны признать огромное значение этих морских направлений как в политическом, так и в экономическом отношениях» [8]. Кроме того, М. А. Петров затрагивает тему «малой войны» и «москитного флота»: «нам нужно это боевое ядро для решения всех совокупных задач, так как это создаст гибкость. Этим основным ядром являются линейные корабли, обеспечивающие операции малой войны. Здесь говорят о «москитном флоте». Куда он нас ведёт? Не на создание боевого ядра, а на частные мелкие операции» [8].

Итогом дискуссии явилось постановление Реввоенсовета СССР от 8 мая 1928 г. «О роли, значении и задачах морского флота в системе Вооружённых сил СССР». Во многом это было компромиссное решение, которое закрепляло установку на сбалансированный флот и гармоничное сочетание всех средств. Такой же компромиссный вариант был заключён в вышедшем в 1930 г. первом за всю историю русского флота документе, в котором излагались приведённые в систему единые нормативные требования и рекомендации по подготовке и ведению действий тактического и частично оперативного масштаба — «Боевом уставе Военно-Морских Сил РККА» [4]. В основу этого документа были положены проект устава 1925 г. и значительное число других наработок М. А. Петрова. Так, основой флота признавались линкоры, которые должны были действовать совместно с морской авиацией и береговой обороной, а целью флота являлось уничтожение сил противника на море.

Однако в том же году М. А. Петров был арестован по делу «Весна» и не смог продолжать научную работу. В 1932 г. его освобождают, но никаких должностей он не занимает вплоть до своего повторного ареста и расстрела в 1938 г. Главную роль в репрессиях против М. А. Петрова, а также других деятелей старой школы сыграли молодые кадры ВМФ. Не обладая столь выдающимися теоретическими познаниями, однако являясь идеологически лояльными, они переводили научный спор в классово-политическую плоскость, отправляя доносы и устраивая травлю своих противников.

Особенно отличился будущий контр-адмирал А. П. Александров, который в 1930 г. издал «Критику теории владения морем», в которой изложил свой взгляд на ситуацию.

Тем не менее, в ситуации восстановления после Гражданской войны с практически полностью уничтоженным флотом и разгромленной приморской инфраструктурой молодое Советское государство не могло себе позволить огромные траты на постройку линейного флота. Именно это стало причиной победы молодых кадров и сосредоточения усилий на строительстве «москитного флота». С другой стороны, идеи М. А. Петрова и других офицеров «старой» школы ещё были сильны, что вылилось во второй половине 1930-х гг. в постройку линкоров типа «Советский Союз», однако окончанию их строительства помешала война.

К работам М. А. Петрова вернулись уже в послевоенный период. Его идейным продолжателем можно назвать адмирала В. А. Алафузова. Он развил петровскую идею «владения морем» в теорию о «господстве на море» и стал активно внедрять её в советское военно-морское искусство. Итогом работы адмирала стало создание «Наставления по ведению морских операций 1951 г.». В нём положение М. А. Петрова о линейном ядре флота, трансформируется в господство крупных надводных сил (крейсера, эсминцы, авианосцы), боевая деятельность флота — в боевую службу флота. В целом, работы М. А. Петрова заложили необходимый базис для развития советской военно-морской науки, которая уже в первые послевоенные годы новым поколением морских теоретиков (В. А. Алафузов, К. К. Зотов, Д. Г. Речистер) была развита и стала составлять свою самостоятельную ветвь военной науки, несмотря на активные попытки противопоставления этому.

Список источников и литературы:

1. Ачкасов В. И., Басов А. В., Сумин А. И. Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. М., 1988. 607 С.
2. Иринархов Р. С. РКВМФ перед грозным испытанием. Минск, 2008. 432 С.
3. Корявко В. И. Поддержание в боеспособном состоянии имеемого флота и подготовительная работа для флота будущего // Военно-исторический журнал. 2004. № 12. С. 59-60.
4. Монаков М. С. Единство теории и практики // Морской сборник. 2014. № 6. С.37-44.
5. Петров М. А. Подготовка России к мировой войне на море. М; Л., 1926. 272 С.
6. Петров М. А. Морская оборона берегов в опыте последних войн России. М., 1927. 208 С.
7. Петров М. А. Морская тактика: Боевая деятельность флота. Л., 1924. 244 С.
8. РГВА, Ф. 4, Оп. 1, Д. 755. Стенограмма заседания РВС СССР от 8 мая 1928 г. «о роли, значении и задачах Морского флота в системе вооружённых сил СССР». 17 Л.

9. Управление Академии // Mil.Press Flot. URL: <https://flot.com/publications/books/shelf/vma/1.htm> (дата обращения: 31.10.2022).
10. Фрунзе М. В. Балтийский флот и комсомол // Красный флот. 1925. № 8. С. 5-7.

Для цитирования: Герасименко И. О. Теоретическая деятельность М. А. Петрова в контексте создания Советского Военно-Морского Флота // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 87 – 93.

Ритуал «красных крестин» в контексте развития теории о советской обрядности в 1920–е гг.

Аннотация. В статье рассматривается история разработки церемонии «октябрь» в контексте обрядотворческой кампании 1920-х гг. Опираясь на круг архивных источников, научную литературу, ряд публицистических работ крупнейших деятелей антирелигиозной пропаганды — Л. Д. Троцкого и А. В. Луначарского, автор рассматривает опыт практической реализации концепции «красного обряда» на местах. Значительное место уделяется выявлению идеологического содержания «красных крестин».

Ключевые слова: история СССР, история христианства, атеизм, антирелигиозная пропаганда.

Title: The Ritual of the "Red Christening" in the Context of the Development of the Theory of Soviet Rites in the 1920s.

Abstract. The article examines the history of the development of the ceremony "October" in the context of the ritual-making campaign of the 1920s. Relying on a range of archival sources, scientific literature, a number of journalistic works of the largest figures of anti-religious propaganda — L. D. Trotsky and A. V. Lunacharsky, the author examines the experience of practical implementation of the concept of the "red rite" on the ground. Considerable attention is paid to the identification of the ideological content of the "red christenings".

Key words: history of USSR, history of Christianity, atheism, anti-religious propaganda.

К 1922 г. наблюдается переход советских властей к планомерной, долгосрочной политике по дискредитации Русской Православной Уеркви на территории РСФСР. Важную роль в антирелигиозной пропаганде в 1920–е гг. сыграла кампания по созданию института «красных ритуалов», цель которых заключалась в становлении полноценной альтернативой уничтожаемой на территории СССР христианской обрядности. В данной

Табачник, Ксения Кирилловна— Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; tabachnik.ksen@yandex.ru

Научный руководитель: *Рачковский, Валерий Александрович* — к-т ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Tabachnik, Ksenia Kirillovna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; tabachnik.ksen@yandex.ru

Scientific adviser: *Rachkovsky, Valery Alexandrovich* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

статье будет рассмотрен обряд «октябрин», построенный по образцу православного крещения.

К большевистским идеологам, выступавшим за необходимость создания «красной» семейно-бытовой обрядности, мы относим Л. Д. Троцкого и А. В. Луначарского. Впервые среди большевистской элиты Троцкий обосновал социально-психологическую роль обряда как конструкта, способствующего реализации как индивидуальной потребности рабочего украсить знаковые моменты жизни (рождение ребёнка, брак и смерть), так и коллективного тяготения к творчеству [16, с. 48]. В философской системе Луначарского, получившей наименование «богостроительство», прослеживается гиперболизированный вариант концепции Троцкого о перевоплощении обряда. Если Троцкий утверждал, что «существование ритуализма, заключённого в бытовую формацию, невозможно» [16, с. 48], то Луначарским выдвигалось утверждение: «Человек не может жить без надежды, но надежда и есть вера без бога. Человек не должен искать смысл мира, он должен “дать миру смысл”» [10, с. 36]. Как и Троцким, Луначарским подчеркивается эмоциональная и коллективно-творческая функции обрядности: «Праздники нужно построить так, чтобы каждый мог вспоминать об этом, как о такой купели, в которую он окунался, где он соприкасался своим сердцем с сердцем масс...» [9].

Участие Луначарского в пропаганде «красных обрядов» было зафиксировано на фотографическом снимке 1924 г., на котором нарком был запечатлён в качестве крёстного отца на церемонии «октябрин» [13]. В 1923 г. был опубликован очерк «Новый быт. Революционный обряд крещения», автором которого предположительно является Луначарский (в качестве подписи указаны начальные буквы словосочетания «нарком просвещения» — «Н. П.») [12]. Присутствие на церемонии «красных крестин» Луначарского не являлось исключительным случаем участия крупных партийных деятелей в данных мероприятиях. Так, летом 1924 г., пользовавшийся немалой популярностью в народе, советский военачальник Красной Армии Григорий Котовский вместе с супругой посетил село Колебяки на Украине и руководил проводимой здесь церемонией имянаречения [6, с. 14].

Многие функции «октябрин» пересекались с функциями православных крестин в дореволюционном обществе. В Православии крещение обозначает приобщение человека к сообществу членов Церкви, — точно так же и «красные крестины» символизировали вхождение ребёнка в ряды «борцов за принципы коммунизма», легитимизировали участие юного гражданина СССР в других «тайнствах» коммунизма: демонстрациях, вступлении в пионерскую и комсомольскую организации и т. д. [11, с. 285–286].

Некоторыми исследователями было высказано предположение, что первые «красные крестины» были проведены на территории Урала в г. Надеждинске (Серове) или же в Курской губернии: первое употребление наименования «октябрины», по мнению данных историков, также относится к упомянутым ранее регионам [4, с. 69–70; 6, с. 13; 14, с. 196]. Термин «октябрины» пользовался большей популярностью, чем «звездины», несмотря на синонимичность обоих понятий [6, с. 40]. Существовали и другие наименования обряда: «октябрение», «звездины», «красные крестины» [3, с. 166], — но большей популярностью, по словам некоторых советских исследователей, пользовалось наименование «октябрины» [6, с. 12–13; 4, с. 40].

Различия в сценарии мероприятия на территории различных регионов страны не отличались кардинальностью. Отличительной чертой «красных крестин» была высокая степень их политизированности. Некоторые советские исследователи отмечали безыскусность в оформлении обряда и отсутствие в нём каких-либо новшеств, кроме безрелигиозного содержания [4, с. 70].

В постановлении «О праздниках гражданства. О красных крестинах» Тихвинского уездного комитета Череповецкой губернии выделялось несколько этапов мероприятия [22, л. 44–44 (об)]. Оно открывалось торжественным шествием родителей с младенцем, сопровождаемых пионерами или комсомольцами, державшими в руках красные звёзды. Затем присутствующими пелся «Интернационал» и другие революционные песни. Современниками проводилась аналогия пения куплетов международного гимна пролетариата с церковными песнопениями [2]. Последующая речь председателя собрания носила характер чина «оглашения». Им или другими партийными работниками в обязательном порядке зачитывались доклады о «новом быте», вреде «религиозных пережитков», вопросах гигиены и т. д. [4, с. 70; 8, с. 411; 22, л. 44–44 (об)].

В случае срыва церемонии как к организаторам «красных крестин», так и к виновному применялись санкции [21, л. 9 (об)]. Общественный характер носило также вручение подарков родителям и новорождённому. В «Отчёте о приходе и расходе денежных сумм бюро коллектива РКП (б) за 1923 г.» завода «Красногвардеец» Петроградского района г. Ленинграда сбор средств на «приобретение подарков новорождённому» отмечен в качестве отдельной статьи расходов [19, л. 6].

Одной из главных составляющих «октябрин» являлся обряд «имянаречения». Советской властью рекомендовались определённые мужские и женские имена, которые должны были обладать благозвучностью и краткостью, а также соответствовать нормам языка [22, л. 44–44 (об)].

В 1920-е гг. пропагандировались имена, носившие революционно-идеологическое значение [16, с. 49]. В составе подобия «красных святцев» содержались имена крупных революционных подвижников, аббревиатуры или названия «красных дат» [16, с. 49; 22, 44–44 (об)]. В 1920-е гг. среди мужских имён наибольшей популярностью отличались следующие: Владимир, Ленин, Владлен, Труд, Май, Spartak. Наиболее часто новорождённые женского пола получали имена Клара, Роза, Владлена, Майя и т. д.

По окончании заседания составлялся «Акт красных крестин», под которым ставились подписи партийных работников, комсомольских организаций и самих родителей [17, л. 2; 18, л. 28; 20, л. 56–60; 23, л. 3].

Имели место случаи проведения церемонии «красных крестин» в память о вожде революции В. И. Ленина. Так, например, 14 февраля 1925 г. на территории Василеостровского района г. Ленинграда были проведены «октябрины» новорождённого сына рабочего-печатника [17, л. 2]. Ребёнок был назван Владимиром «по обоюдному согласию родителей в память погибшего Вождя Мировой Пролетарской Революции Владимира Ильича Ленина» [17, л. 2].

В качестве видоизменённой формы обряда «красных крестин», следует упомянуть ритуал «самооктябрения» [7, с. 4]. Данный ритуал представлял собой добровольное изменение имён в революционном ключе некоторыми представителями общества, находящимися в достаточно зрелом возрасте. Частью современников обряд «самооктябрения» был охарактеризован снисходительно-иронически, как «проявление неумелого новаторства» [7, с. 4]. Отмечалось, что мероприятие представляло собой «утомительное по списку переименование «авангарда нового быта», «длинное, тягучее заседание» [7, с. 4].

Установлению точной даты прекращения празднования «октябрин» препятствует отсутствие контрольных фиксаций проведения данного обряда как в столице, так и регионах РСФСР. Однако, согласно оценкам некоторых советских исследователей, с 1925 г. родители новорождённых всё более предпочитали стандартную регистрацию ребенка в органах ЗАГСа [6, с. 80–81]. Показательно фигурирование темы проведения «октябрин» в постановках, пьесах уже с середины 1920-х гг. В поставленной в 1924–1925 гг. на сценах ленинградских клубов пьесе «Ноябрьские октябрины» представлена цепочка эпизодов, демонстрирующих тяготы «борьбы рабочего класса» за «светлое будущее» [15]. Однако сцена «октябрения» ребёнка знаменует собой торжественный финал формирования нового поколения, общества иного идеологического содержания:

«Мир в купель восстания ринут,

В испепеляющий расплав.

Помни ноябрьские октябрины,

Бред претворяющие в явь...» [15, с. 30].

К концу 1920–х гг. «октябрины» преподносятся преимущественно в комическом контексте, что доказывает неоднозначное отношение населения к новому советскому ритуалу. В сборнике водевилей и сенок для комсомольских и рабочих театров В. Е. Ардова встречается пьеса «Октябрины», в которой представлена ситуация «двойного крещения» младенца: путем проведения «октябрин» и последующего приглашения родителями православного священнослужителя для совершения религиозного таинства [1, с. 10–15]. Сценка заканчивается осложнением в выборе имени новорождённому, «облаянному» несуществующим в христианских святцах «разбойничьим именем» Марат [1, с. 14].

Характерно, что в некоторых методических пособиях конца 1920–х гг. период попыток внедрения «октябрин» в общественную практику преподносился как «время увлечения октябринами», «время неуклюжего новаторства», «своеобразное мероприятие» [7, с. 4]. Несмотря на наблюдавшуюся в последующие десятилетия критику кампании по внедрению «красных ритуалов», память об «октябринах» сохраняется. Так, крупный художник советского реализма А. П. Бубнов запечатлел обряд на одном из своих самых известных полотен «Октябрины» (1936) [5].

Согласно точке зрения некоторых советских исследователей, в 1920–е гг. имели место некоторые успехи в продвижении идеи «октябрин» со стороны определённых «энтузиастов», однако в целом обряд не получил достаточной поддержки со стороны общества, что окончательно предопределило угасание интереса к «красным крестинам» в целом [6, с. 4].

Неэффективность кампании по внедрению «красных крестин» в быт населения объясняется как отсутствием идеологической цельности ритуала, так и неумелой организацией подобных мероприятий. Отсутствие опыта в проведении безрелигиозных, но альтернативных христианским таинствам празднеств, приводит к превращению церемонии «октябрин» в бюрократическую процедуру, неспособную удовлетворить радость родителей при рождении ребёнка.

Таким образом, кампания по внедрению церемонии «красных крестин» в быт населения отражает основные тенденции политики по разработке «красных обрядов» в 1920–е гг. Как и остальным семейно-бытовым риту-

алам, «октябринам» не удалось укорениться в практике населения, так и не став полноценной альтернативой православному крещению. На рубеже 1920–1930–х гг. произошёл окончательный отказ советских идеологов от обрядотворческой кампании. Ведущая роль в антирелигиозной политике отводится естественно-научной пропаганде.

Список источников и литературы

1. Ардов В. Е. Водевиль и сценки для клубных, комсомольских и рабочих театров. М.; Л. 1929. 47 с.
2. Безбожник. 1924. 11 мая.
3. Бондаренко Е. Д. Советские сценарии имянаречения: диалог с традицией // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 166–171.
4. Брудный В. И. Обряды вчера и сегодня. М., 1968. 200 с.
5. Бубнов А. П. «Октябрины». Холст, масло. (Ульяновский областной художественный музей). URL: <http://ulmus-art.ru/> (дата обращения 20.05.2022).
6. Геродник Г. И. Дорогами новых традиций. М., 1964. 144 с.
7. Данилевский М. Ф. Праздники общественного быта. Торжественное заседание, октябрины, годовщины. Организация, методика практика. М.; Л., 1927. 63 с.
8. Жидкова Е. Введение новых гражданских праздников и обрядов в 1950-60-е годы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 408–429.
9. Луначарский А. В. Приветственная речь на II Всесоюзном съезде Союза воинствующих безбожников 10 июня 1929 г. // Безбожник. 1929. 16 июня. С. 2.
10. Луначарский А. В. Религия и социализм. Т. 1. СПб., 1911. 227 с.
11. Лучшев Е. М. Антирелигиозная пропаганда в СССР: 1917–1941 гг. СПб., 2016. 364 с.
12. Новый быт. Революционный обряд крещения. Красная Нива. 1923. 1 января.
13. Российский государственный архив кино-фото-фонодокументов (РГАКФФД). А. В. Луначарский принимает ребёнка на октябринах в одном из московских рабочих клубов. Москва, 1924 г. 10x13. Ед. хр. № 4557.
14. Соколова А. Д. Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому! // Отечественные записки. 2013. № 5. С. 191–208.
15. Толмачёв Д. Г. Ноябрьские октябрины. Инсценировка. Л., 1924. 32 с.
16. Троцкий Л. Д. Вопросы быта: эпоха культурничества и её задачи. М., 1923. 167 с.
17. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 86. Оп. 1. Д. 34. 10 л.
18. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 248. Оп. 1. Д. 10. 41 л.
19. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 265. Оп. 1. Д. 26. 10 л.
20. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 861. Л. Оп. 1. Д. 18. 65 л.

21. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 1515. Оп. 1. Д. 375. 219 л.
22. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 1544. Оп. 1. Д. 67. 50 л.
23. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 1586. Оп. 1. Д. 122. 10 л.

Приложение 1.

Илл. 1. А.В. Луначарский принимает ребёнка на октябринах в одном из московских рабочих клубов. Москва, 1924 г. 10х13. РГАКФФД. № 4557.

Для цитирования: Табачник К. К. Ритуал «красных крестин» в контексте развития теории о советской обрядности в 1920–е гг. // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 94 – 100.

*Высоцкий Алексей Андреевич
Негревский Иван Анатольевич*

Дела об оскорблении членов императорской семьи в период Первой русской революции (на примере Новгородской губернии)

Аннотация. В данной статье рассматриваются дела об оскорблении членов императорской семьи как исторический источник, отражающий репрезентацию действовавшей власти в период Первой русской революции. Авторы приходят к выводу о том, что лишь часть дел об оскорблении отражают репрезентацию власти и контекст событий 1905–1907 гг. Другая часть дел включает в себя традиционные оскорбления или используется в качестве инструмента решения «горизонтальных конфликтов».

Ключевые слова: Новгородская губерния; оскорбление царя; Первая русская революция.

Title: Cases of insults to members of Imperial family in the period of the First Russian Revolution (on the example of Novgorod Governorate)

Abstract. This article considers Cases of insults to members of Imperial family as historical source that shows representation of existing government in the period of the First Russian Revolution. Authors make a conclusion that only part of cases of insults reflects the representation of power and context of events 1905-1907. Other part includes traditional insults or used as a tool for solving «horizontal conflicts».

Key words: Novgorod Governorate; insult to tsar; The First Russian Revolution.

В последние годы интерес к теме Первой русской революции угасает, что сопряжено с рядом факторов, важнейшие из которых — издержки идеологического поворота и изменение оценок данного процесса. Вместе с тем, события 1905–1907 гг. сыграли значимую роль в политической

Высоцкий, Алексей Андреевич; Негревский, Иван Анатольевич — Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; alexei_vysotsky_novsu@mail.ru

Научный руководитель: *Самойлова, Ирина Васильевна* — к-т ист. наук, доц., Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород Россия *Vysotsky, Alexey Andreevich; Negrevsky, Ivan Anatolyevich* — Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; alexei_vysotsky_novsu@mail.ru

Scientific adviser: *Samoylova, Irina Vasilyevna* — PhD in History, Associate Professor, Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

истории России [18, с. 6]. При изучении данного периода важным аспектом является анализ репрезентации действующей власти и её отражение в политическом сознании общества. Стоит учесть, что во время политических кризисов государственная власть особо подвержена персонификации, сакрализации и символизации. Образы Николая II и тесно связанных с ним членов царской семьи могут говорить о восприятии политической действительности подданными империи. Важны и слухи, которые могут способствовать политической мобилизации и радикализации общества [13, с. 17–21].

Источниками, позволяющими проследить репрезентацию власти и её рецепцию обществом в нач. XX в., являются дела об оскорблении императора и иных членов правящей династии. Исследователи В. Б. Безгин, Е. А. Колотильщикова, Н. А. Коновалова использовали данный тип источников с целью изучения политического сознания крестьян в разных регионах империи на рубеже XIX–XX вв [3; 14; 15]. Б. И. Колоницкий рассматривал подобные дела, по большей части, как один из источников восприятия образов царской семьи в Первую Мировую войну [13]. Уместно рассмотрение политического сознания разных слоев населения, анализ некоторых образов Романовых с целью установить, как дела об оскорблении отражают рецепцию обществом событий 1905–1907 гг. В связи с тенденцией к изучению региональной истории, объектом исследования стали дела об оскорблении царской семьи, содержащиеся в Государственном архиве Новгородской области. Ранее эти источники привлекались М. А. Алексеевой для описания деятельности жандармерии и в контексте проблемы политической культуры и образов власти рассмотрены не были [1].

Согласно ст. 103 «Уголовного уложения» 1903 г., оскорбление члена царской семьи — государственное преступление, за которое предусматривалось до восьми лет каторги. Были и смягчающие обстоятельства, изложенные во 2 и 3 частях статьи. Если оскорбление было произнесено «без цели возбудить неуважение», то преступник заключался в крепость. Если же оскорбление произносилось «по неразумению, невежеству или в состоянии опьянения», то за него полагался арест [17, с. 44].

Рассмотрим дела из фондов ГАНУ, отражающие ст. 103 «Уложения». Анализ оскорблений в ряде случаев показывает наличие традиционных оскорблений власти, не всегда выражающих политический контекст 1905–1907 гг. В части из них обнаруживаются оскорбления, являвшиеся традиционными: слова «антихрист» и «кровопийца» употреблялись в отношении правителей еще с XVII–XVIII вв. [2, 16]. В октябре 1907 г. 27-летний крестьянин Тверской губернии Волков в чайной поселка Волоть Старорусского уезда пристал к крестьянам и сказал: «Что вы про государя

толкуете! Наш государь кровопивец и живодер» [5, л. 5]. На основании 3 ч. 103 ст. «Уложения» Волков был заочно приговорён к аресту на две недели [5, л. 11]. Слово «дурак» также было традиционным и наиболее распространённым ругательством по отношению к государю [13 с. 207]. В ноябре 1906 г. лишенный всех прав и преимуществ 38-летний Гаврилов, крестьянин из ссыльных с острова Сахалина, сказал: «Царь дурак, кровопийца, вампир, кровь нашу пьёт» [6, л. 1]. Гаврилов был «подвержен привычному пьянству», о чём говорит и привлечение по 3 ч. 103 ст. [6, л. 12–13]. Вероятно, он являлся государственным или уголовным преступником, так как вернулся с Сахалинской каторги [4]. При этом наказание за это преступление было в дальнейшем поглощено другим, более строгим наказанием [6, л. 12]. Подобные дела указывают на традиционность некоторых оскорблений, однако не отражают рецепцию обществом власти в контексте событий 1905–1907 гг.

Оскорбления императора могли заключать в себе и политические высказывания, прямо связанные с Первой русской революцией и сопряженными с ней событиями и акторами.

Одна из причин недовольства в делах об оскорблении величества — неудачи в Русско-японской войне, ответственность за которые нередко возлагалась не только на царя, но и на военное командование. В июле 1905 г. в селе Яжелбицы Валдайского уезда в разговор священника, паломника и мещанина вмешался личный почетный гражданин Соколов, административно высланный из Петербурга. Будучи нетрезвым, он «выказал порицание деятельности Великого князя Алексея Александровича, генерала Куропаткина и адмирала». В ответ на возражения священника Соколов сказал: «Вы молитесь за негодя, который над вами царствует и из нас сосет последние капли крови» [7, л. 5]. За это его привлекли по 3 ч. 103 ст. «Уложения». Примечательно, что преступник был хорошо образован, о чём говорит его сословное положение. Соколов был заключён в валдайскую тюрьму, где отбыл два месяца и затем находился под надзором полиции. После 17 октября 1905 г. и указа об амнистии политических заключённых, он был освобождён [7, л. 13]. Таким образом, традиционное оскорбление царя как кровопийцы соседствует с критикой военных деятелей.

Важным актом Первой русской революции стало «Кровавое воскресенье», пошатнувшее авторитет власти в сознании общества. Эти события отражаются и в делах об оскорблении величества. В марте 1907 г. в Славитинский земский покой к больным приехал фельдшер Матвеев и прочитал некую прокламацию. В ней, помимо традиционных оскорблений царя «антихрист» и «кровопийца», содержалось упоминание событий

9 января 1905 г.: «войско расстреляло иконы и людей, когда они шли во дворец с просьбой». Указывалось и на бедственное положение крестьян, которое было обрамлено слухом о том, что «крестьяне платят огромное содержание императору, которое он, сидя, как кукла во дворце, проигрывает в карты» [8, л. 1]. За совершённое деяние Матвеев был привлечён по 2 ч. 103 ст. «Уложения», но суд установил наличие у него сумасшествия и дело было прекращено [8, л. 8]. Здесь прослеживается сочетание традиционных оскорблений и событийного контекста.

События 1905–1907 гг. связаны и с повсеместными аграрными движениями, важнейшей причиной которых — крестьянское малоземелье. В августе 1907 г. в здании Любанского волостного правления пришёл получить паспорт 49-летний крестьянин деревни Правдуха Петров. Указав на висевший в правлении портрет императора, он ударил кулаком по столу и сказал: «Что ты красную рожу надул, сидишь статуей в Петергофе, не выезжаешь наделить нас землёю». Образ бездействующего царя, сравнивавшегося Матвеевым с «куклой», прослеживается и в данном деле — Петров, сравнивая царя со «статуей», указывает на бездействие самодержца по отношению к малоземелью [9, л. 3]. Поэтому здесь прослеживается оскорбление с определенными требованиями к царю.

Некоторая десаκραлизация власти проявляется и в распространении слухов о членах императорской семьи. Ранее указанный Петров также заочно упрекнул великого князя Сергея Александровича: «А ты, Сергей, пропил одеяла» [9, л. 3]. Такое обвинение связано со слухами о том, что московский генерал-губернатор Сергей Александрович распродал одеяла, пожертвованные купцом Морозовым для отправки на дальневосточный фронт. Эти слухи встречались и в Самарской губернии [19]. В июне 1908 г. Петров был оправдан [9, л. 7].

Оскорбления существовали в устной или письменной фольклорных формах, что являлось неотъемлемой частью политической культуры в 1905–1907 гг. В июне 1907 г. 24-летний крестьянин Тверской губернии Кириллов в нетрезвом состоянии на станции Медведево Валдайского уезда исполнил песню, содержащую слова: «Мария разорила Россию и уехала за границу». Кириллова привлекли по 3 ч. 103 ст., причём сам он «объяснил, что был настолько пьян, что не помнит ничего происходившего» [10, л. 9]. В том же месяце псаломщик Громов, будучи в нетрезвом виде, в гостинице города Крестцы подошёл к крестьянину и спросил, в какой он партии. Крестьянин ответил: «красный», и Громов передал ему брошюру «Нужды деревни» Н. Ленина и рукописную тетрадь с «рабочими стихотворениями», в которых царь назывался «вампиром» [11, л. 4, 6].

Кириллова оправдали [10 л. 5], а дело Громова было прекращено в связи с отсутствием состава преступления [11, л. 7].

Следует осторожно подойти к анализу дел по 103 ст. «Уложения», которая могла использоваться и для решения «горизонтальных конфликтов» [13, с. 56]. Такой способ решения разногласий практиковался даже в подростковой среде. В апреле 1907 г. четверо учеников Тервинского двухклассного училища якобы «стреляли в портрет Государя» из игрушечных ружей [12, л. 17] Со слов 15-летней ученицы Тюльпановой, 13-летний ученик Левков, стреляя в портрет императора, произнес слово «злодей» [12, л. 24]. Однако Тюльпанова дала ложные показания. Её мотивом стала обида на ребят, дразнивших её «милькой, потому что так называли одну злую собаку в деревне» [12, л. 55]. Судебный следователь снял с подозреваемых юношей обвинения, но педсовет училища лишил их каникул, поскольку «этот случай послужил причиной дурных слухов в населении об учащихся и педагогических интересах училища». Примечательно, что о происшествии полицейскому сообщили местные жители, среди которых ходила молва о стрельбе в портрет императора [12, л. 32].

Таким образом, материалы дел об оскорблении царя и других членов царской семьи, могут говорить о политическом сознании разных слоев населения и об их отношении к событиям и акторам 1905–1907 гг. Анализ таких текстов показывает, как традиционные оскорбления, так и новые тенденции, связанные с восприятием власти. Стандартные негативные высказывания в адрес монарха дополняются аргументацией со ссылками на текущие революционные или военные события. Большинство дел персонифицированы, за счёт чего прослеживаются и образы конкретных членов семьи Романовых, и слухи, характерные для этого периода. Вместе с тем, 103 статья «Уложения» могла использоваться как инструмент решения «горизонтальных конфликтов», такие дела очень опосредованно отражают политическую действительность.

Список источников и литературы

1. *Алексеева М. А.* Новгородское губернское жандармское управление: 1867–1917 гг.: автореф. дис. ... к. и. н. Великий Новгород, 2007. 23 с.
2. *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. 720 с.
3. *Безгин В. Б.* За что и как крестьяне бранили царя (по материалам следственных дел конца XIX – начала XX века) // Манускрипт. 2016. № 12–2 (74). С. 24–27.
4. *Бурдина Д. А.* Каторга на Сахалине в конце XIX – начале XX вв. // Молодой ученый. 2017. № 1 (135). С. 370–374.
5. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 143. Оп. 2. Д. 153. 25 л.
6. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 143. Оп. 2. Д. 113. 17 л.

7. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 143. Оп. 2. Д. 45. 14 л.
8. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 143. Оп. 2. Д. 136. 24 л.
9. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 143. Оп. 2. Д. 161. 14 л.
10. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 143. Оп. 2. Д. 165. 14 л.
11. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 143. Оп. 2. Д. 140. 9 л.
12. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 143. Оп. 2. Д. 152. 58 л.
13. Колоницкий Б. И. Трагическая эротика: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. 664 с.
14. Колотильщикова Е. А. Дела об оскорблении его императорского величества и лиц царствующего дома как источник изучения крестьянского сознания в конце XIX – начале XX в. (По материалам Тверской губернии) // Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект (Материалы XVII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 16–17 мая 2005 г.). СПб., 2005. Ч. 1. С. 81–87.
15. Ковалова Н. А. Об изучении проблемы оскорбления крестьянами особы государя императора в начале XX века // Вестник ОмГУ. 2014. № 1 (71). С. 42–47.
16. Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. 294 с.
17. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: С прил. предм. алф. указ. Неофиц. изд. СПб., 1903. 253 с.
18. Первая революция в России: взгляд через столетие / [А. П. Корелин и др.]; отв. ред. А. П. Корелин, С. В. Тютюкин; РАН, Ин-т рос. истории. М., 2005. 602 с.
19. ЦГАСО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 260. Об очередных объездах и по наблюдению за местным населением. Л. 24–25.

Для цитирования: *Высоцкий А.А., Негревский И. А.* Дела об оскорблении членов императорской семьи в период Первой русской революции (на примере Новгородской губернии) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 101 – 106.

Социальные аспекты в реформировании железнодорожного транспорта в Швеции во второй половине 1980-х годов

Аннотация. В статье рассматриваются социальные аспекты, которые оказали влияние на проведение реформы железнодорожного транспорта в Швеции в 1988 году. В ходе исследования описывается, что социальные факторы наравне с экономическими сыграли важную роль в вопросе реформирования отрасли. Обусловлено это было тем фактом, что в 1980-е годы железная дорога представляла собой не только один из видов транспорта, но и являлась символом новых идей и способом решения социально-экономических проблем.

Ключевые слова: Швеция, железные дороги, Транспортная реформа 1988 года, общество.

Title: Social aspects in the reform of rail transport in Sweden in the second half of the 1980s

Abstract. The article examines the social aspects that influenced the reform of rail transport in Sweden in 1988. The study describes those social factors, along with economic ones, played an important role in the issue of reforming the industry. This was due to the fact that in the 1980s the railway was not only one of the modes of transport, but was also a symbol of new ideas, a way to solve socio-economic problems.

Kew words: Sweden, railways, Transport reform of 1988, society.

Ряд экономистов считают финансовую убыточность главной и единственной причиной реформы железнодорожного транспорта в Швеции во второй половине 1980-х годов [5, р. 18]. Ещё в период с 1965 по 1975 годы расходы на поддержания Государственных железных дорог (ГЖД) возросли с 7,6 до 11 млн шведских крон [15, s. 356, tab. 414], однако при росте финансировании не происходило ни увеличения железнодорожной сети, ни существенной модернизации отрасли. В 1975 году 75% расходов приходилось на амортизационные затраты [15, s. 356, tab. 414]. Всё это, а также постоянное списание долгов ГЖД государством, говорит о внутрен-

Скрипник, Софья Сергеевна — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; skrip-sony99@yandex.ru

Научный руководитель: Корунова, Евгения Валерьевна — к-т ист. наук, доц., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Skripnik, Sofya Sergeevna — Moscow State University, Moscow, Russia; skrip-sony99@yandex.ru

Scientific adviser: Korunova, Evgeniya Valeryevna — PhD in History, Associate Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

нем кризисе отрасли, её неспособности развиваться даже в период благоприятной экономической конъюнктуры.

Однако, помимо финансовых проблем ГЖД, существовали разного типа социальные тенденции (появление и рост агломераций, повышение роли экологических вопросов при выработке политики страны, сохранение равенства граждан во всех сферах жизни, создание регионального баланса, отвечавшего социальным запросам общества), которые могли стимулировать принятие решения о реформе отрасли. Таким образом, цель данной статьи – определить влияния социальных аспектов на принятие решения о реформировании ГЖД в Швеции во второй половине 1980-х годов.

В XX веке в Швеции наблюдался высокий и стабильный рост населения, и тем не менее к 1988 году в стране с площадью 450,3 тыс. км² проживало только около 8,5 миллионов человек [16, s. 25, tab. 18]. При этом в 1970-1980-е годы около 86% населения проживало на ¼ территории страны (юг и равнины центральной Швеции). Кроме того, 31% населения был сконцентрирован в трёх крупных агломерациях вокруг городов Стокгольм, Гётеборг и Мальмё [3, с. 8].

Шведские агломерации создавались путём субурбанизации, то есть путем интенсивного разрастания пригородов вокруг главного города. Например, в Стокгольмском лене, площадь которого составляла 6,5 тысяч км, на момент 1988 года проживало 1,6 млн человек, но из них только 42% населения (669 тыс. человек) проживало в городе Стокгольме, в то время как остальное население проживало в пригородах [16, s. 28–30, tab. 23]. Схожая картина наблюдалась вокруг Гётеборга и Мальмё.

В то же время следует отметить, что на протяжении десятков лет эти города являлись главными транспортными узлами страны. Самые первые и главные железнодорожные и автомобильные магистрали проходили именно между этими городами. Меньшие, но быстро разрастающиеся агломерации, складывались вокруг городов Норчёпинг, Вестерос, Эребру, Линчёпинг [3, с. 8] и формировались именно по сторонам всё того же транспортного треугольника Стокгольм-Гётеборг-Мальмё. Разрастаясь, агломерации постепенно вытягивались вдоль транспортных путей, создавая почти непрерывный населенный пункт. Именно поэтому улучшение регулирования транспортных потоков становилась проблемой не только отдельных агломераций, но всего юга Швеции в целом [3, с. 9–10].

Рост населения в пригородах при сохранении связей с главным городом агломерации приводил к увеличению суточных миграционных потоков – регулярное перемещение населения в течение суток от места жительства до работы или учёбы и обратно. Процесс активного пере-

селения в пригороды ускорился вместе с ростом популярности автомобильного транспорта, который неплохо справлялся с задачей перемещения населения внутри агломерации. Однако, из-за стремительного роста числа автомобилей к 1980-м годам сильно возрос трафик дорожной сети, уменьшалось число доступных парковочных мест в городах, ухудшалась экологическая обстановка.

Так, депутаты от Партии центра Стиг Юсефсон и Сигвард Пешсон в 1984 году при внесении в риксдаг предложения об улучшении работы транспорта в округе Мальмё заявили, что: «В часы пик на въездах с востока в Мальме возникают пробки. <...> ...улучшение произошло бы, если бы пассажиры также пользовались железными дорогами. На поезде можно легко добраться до центра города или его окрестностей, а затем воспользоваться внутренней сетью городской связи» [7]. Многокилометровые пробки, возникающие на въезде в крупные города, были связаны не только с большим числом частных автомобилей, но и с тем, что из-за нерентабельности были закрыты некоторые отрезки железных дорог или станции, лишив шведов альтернативного транспорта. Аналогичная ситуация складывалась в пригородах Гётеборга и Стокгольма. Наиболее показательной является история станции Болста на линии Стокгольм-Энчепинг-Вестерос, озвученная в риксдаге Освальдом Сёдерквистом, депутатом от Лево́й партии: «Болста очень сильно расширился за последние 10–15 лет. В городе ведется масштабное жилищное строительство, сюда переехало много молодых семей. Но большинство работающего населения ежедневно ездит в Стокгольм. С тех пор как поезда начали проезжать мимо станции Болста, людям приходится часами добираться до работы и обратно на собственном транспорте в час пик. Если бы поездам разрешили останавливаться и забирать пассажиров – это принесло бы большую пользу казне, муниципальной экономике Болсты, а прежде всего, всем этим людям» [12, s. 73]. Из протокола риксдага видно, что использование железнодорожного транспорта явно было бы менее экономически затратно при столь высоком и постоянно растущем уровне населения в данном районе. Именно поэтому решение проблемы регулирования транспортных потоков в агломерациях некоторые депутаты риксдага связывали с возобновлением работы железнодорожных маршрутов.

Усиление заинтересованности шведского общества в развитие железнодорожного транспорта, было связано и с ухудшением экологии вследствие роста автомобильного трафика. «Длинные автомобильные караваны несутся по шоссе в Мельндаль и Гётеборг, люди едут на свои рабочие места. Выхлопные газы вредны для нашей окружающей среды и поэтому должны быть сведены к минимуму... Если бы пассажиры автомобилей

могли пользоваться ГЖД, это означало бы комфортабельное путешествие на свежем воздухе» [12, с. 58]. Таким образом железнодорожный транспорт приобретал важное значение не только в вопросе регулирования транспортных потоков в агломерациях, но и для улучшения их экологического состояния.

«Зеленая волна» уже в 1970-х годах стала неотъемлемой частью политической жизни страны [4, с. 141]. И транспортная политика Швеции в 1979 году ощутила на себе эту новую силу. Экологические требования не были просто шаблонным аргументом. Так согласно программе действий по борьбе с окислением Шведского агентства по охране окружающей среды, озвученной депутатом Левого партии, Свенном Хенриксоном на заседании риксдага в 1985 году, замена всего автомобильного транспорта, совершающего поездки на расстояния более 200 км, на железнодорожные перевозки позволила бы сократить выбросы оксидов азота [12, с. 22], которые вредят не только людям, но крупным массивам леса, имеющим ключевое значение для одной из главных отраслей Швеции – лесобумажной промышленности [1, с. 78]. Таким образом, призывы депутатов к сокращению автодорожного движения, приводящего к нарушениям окружающей среды вследствие роста в первую очередь выхлопных газов, были отражением реальных проблем в социальной и экономической сфере шведского общества [10, с. 112].

Стоит отметить, что ухудшение экологии из-за активного использования автомобилей не означало отказа от использования этого вида транспорта, депутаты Риксдага ставили вопрос о расширении использования железных дорог, в первую очередь при грузоперевозках на дальние расстояния [9], так как это уменьшало затраты на защиту природы Швеции. В итоге, к середине 1980-х годов железные дороги стали символом новой экологически чистой Швеции, стремящейся перейти на более безопасный и экологичный транспорт.

Не менее важной причиной, стимулировавшей реформирование железнодорожного транспорта, было стремление шведского общества в своём большинстве к достижению социального равенства. Железнодорожная сеть максимально охватывала все регионы страны и давала её жителям равные возможности для перемещения по стране, не зависимо от того проживал ли человек в окрестностях Стокгольма или в отдаленных северных районах [2, с. 87].

В силу неконкурентоспособности железнодорожного транспорта и роста дефицита бюджета государство в 50-70-е годы проводило политику сокращения убыточных маршрутов, в первую очередь пассажирских [14], хотя их социально-экономическое значение для того или иного района Шве-

ции ещё было достаточно велико. Вследствие этого Швеция, фактически, столкнулась с проблемой изоляции некоторых регионов от остальной части страны, отсутствием у её жителей равных возможностей не только при перемещении по стране, но и для развития своего региона [3, с. 9]. Это было одной из причин нарушения регионального баланса, следствием которого был отток шведского населения из регионов и концентрация его в агломерациях юга.

Данная проблема особо остро ощущалась жителями севера страны, которые воспринимали закрытие убыточных железнодорожных маршрутов как посягательство государства на их права. Так во время обсуждения в риксдаге роли пассажирских перевозок на отдельных направлениях железной дороги, депутат отлевой партии, Свен Хенрикссон, комментируя сокращение железнодорожных маршрутов в северной части страны, заявил: «Пассажирские перевозки должны оставаться частью дальновидной региональной политики. Если у правительства и социал-демократической партии еще есть стратегия развития внутренних железных дорог Норрланда, то намерение должно состоять в том, чтобы сохранить как грузовые, так и пассажирские перевозки по железной дороге. Какое будущее уготовано этой части страны, столь богатой сырьем и другими ресурсами? Не могу не процитировать, газету Норрланд (Norrländ): “Если правительство, посоветовавшись с коммерческими компаниями, решило обезлюдить Верхний Норрланд, потому что его население — бремя для Швеции, то скажите об этом открытым текстом! И начните организованную эвакуацию! Это медленное удушение унижительно, даже постыдно”» [11, с. 20]. Как следует из приведенного выше выступления, политика в области железнодорожного транспорта шла в разрез с региональной политикой Швеции, так как способствовала превращению в сырьевые придатки отдаленных районов страны, богатых полезными ископаемыми. Таким образом, эффективное железнодорожное сообщение выступало гарантией всестороннего развития отдаленных городов и районов.

Депутатылевой партии и Партии центра упорно вели борьбу против закрытия малых железных дорог, настаивая, что всем жителям страны, насколько это возможно, должна быть предложена работа и жилье там, где они сами этого хотят [13, с. 11], иначе это может привести к социальному и экономическому упадку всей страны.

Заметно стали возрастать и классовые различия между участниками дорожного движения: те, кто имел автомобиль, становились более мобильны. Те, кто не мог позволить себе частный автотранспорт, оказались ограничены в возможностях перемещения, вследствие отсутствия

доступных и комфортных альтернативных видов передвижения. Равенство всех членов общества и всех регионов страны в возможностях дальнейшего развития было тем, что заставляло людей идти на митинги и защищать свои участки железной дороги [12, s. 22].

В конце 1980-х годов Левая партия назвала железные дороги символом гендерного равенства: «ставка на железную дорогу, это также ставка на женщин. Все опросы однозначны: на поезде едут женщины, а на машине - мужчины. Речь идет о большей потребности женщин в эффективном пассажиропотоке» [8]. Это заявление подтверждают данные шведской статистики: водительские права в Швеции имели чаще мужчины, чем женщины. Например, в 1988 году водительские права получили 115389 мужчины против 65328 женщин [16, s. 158, tab. 157].

При этом важно учитывать, что во второй половине XX века число работающих женщин возросло [6, s. 410]. Следовательно, и женщины, и мужчины одинаково сильно нуждались в предоставлении им равных возможностей для перемещения по стране.

Подводя итог, следует отметить, что причины, побудившие риксдаг и правительство Швеции к реформированию железнодорожного транспорта были связаны не только с внутренним кризисом отрасли, а имели гораздо больший подтекст – можно говорить о высоком влиянии социальных аспектов в принятии решения о реформе. И в этой связи особенно важным представляется, что именно их совокупное влияние привело к изменению отношения правительства к роли железных дорог в транспортной политике Швеции.

Список источников и литературы

1. Волков А. М. Экономика Швеции. М., 2019.
2. Географический атлас: для учителей средней школы. Под. ред. Л. Н. Колосова. М., 1982.
3. Иконников А. В. Современная архитектура Швеции. М., 1978.
4. Мелин Я. История Швеции. М., 2002.
5. Alexandersson G. The Swedish Railway Deregulation Path // Re-view of Network Economics. 2008. Vol. 7. № 1.
6. Кап А. Skandinaviens historia. М., 1981.
7. Motioner. M. Järnvägar och vägar i Malmöhus län / Stig Josefson och Sigvard Persson. № 2435 år 1984.
8. Motioner. M. Utveckling av järnvägen / Lars Werner. № T247 år 1989.
9. Motioner. M. Överförande av tung trafik från landsväg till järnväg m. m. / Sven Henriцsson m. fl. № 2559 år 1984.
10. Propositioner. Regeringens proposition. №99 år 1979.
11. Riksdagens protokoll. 1983. № 18.

12. Riksdagens protokoll. 1985. № 153.
13. Riksdagens protokoll. 1986. № 142.
14. SJ (historisk) // järnväg.net [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jarnvag.net/sj-historisk> (дата обращения 02.04.2022)
15. Statistiska Centralbyrån. Statistisk årsbok för Sverige. Stockholm, 1975.
16. Statistiska Centralbyrån. Statistisk årsbok för Sverige. Stockholm, 1990.

Для цитирования: Скрипник С. С. Социальные аспекты в реформировании железнодорожного транспорта в Швеции во второй половине 1980-х годов // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 107 – 113.

СЕКЦИЯ. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Буеверов Артём Алексеевич

«Флот — слава Романии»: военно-морской флот Византии IX – XII вв. в восприятии жителей Империи

Аннотация. Статья представляет попытку рассмотрения византийского флота IX – XII вв. через призму его восприятия военно-политической элитой Империи. В качестве источниковой базы использовался корпус текстов византийских авторов. В результате было установлено, что флот для ромеев, несмотря на скудность содержащейся в источниках информации, являлся средством сохранения независимости государства и «славой Романии».

Ключевые слова: византийский флот; военно-морские силы; военно-политическая элита.

Title: «The Fleet is the glory of Romania»: the Byzantine Navy of the IX – XII centuries in the perception of the inhabitants of the Empire

Abstract. The article presents an attempt to view the Byzantine fleet of the IX–XII centuries through the prism of its perception by the military and political elite of the Empire. The corpus of texts by Byzantine authors was used as a source base. As a result, it was found that the fleet for the Romans, despite the scarcity of information contained in the sources, was a means of preserving the independence of the state and «the glory of Romania».

Key words: Byzantine fleet; naval forces; military and political elite.

Общеизвестным является тот факт, что любое государство, имеющее прямой выход к морю, ради сохранения своей независимости должно организовывать прочную оборону не только с суши, но и с воды. Византия здесь не являлась исключением. Арабы, росы, норманны — вот неполный

Буеверов, Артём Алексеевич — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; bueverov.artiom@yandex.ru

Научный руководитель: *Талызина, Анна Аркадьевна* — к-т ист. наук, доц., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Bueverov, Artem Alekseevich — Moscow State University, Moscow Russia; bueverov.artiom@yandex.ru

Scientific adviser: *Talyzina, Anna Arkadyevna* — PhD in History, Associate Professor, Moscow State University, Moscow Russia, Russia

список тех, кто стремился сокрушить морское могущество Империи. В связи с этим одним из условий существования Византии стало постоянное поддержание боеспособности её флота.

К сожалению, о военно-морских силах Византии сохранилось несравненно меньше сведений, чем, например, о ромейской армии. Информация о флоте, имеющаяся в письменных источниках, скудна и приводится небольшими фрагментами.

Тем не менее, в течение последних нескольких десятилетий историческая наука весьма основательно изучала проблемы, связанные с военно-морским могуществом Византии, постепенно переходя от упоминания отдельных морских сражений к обобщающим работам. Среди обобщающих работ по истории византийского флота стоит особо выделить монографии Э. Арвейлер [10], Д. Прайора и Э. Джеффрис [11], А. В. Банникова и М. А. Морозова [2].

Однако историография пока ещё практически не затрагивала один очень интересный и важный, на наш взгляд, аспект. Он связан с тем, как византийцы воспринимали значимость своего боевого флота. Период со 2 й пол. IX в. по 2-ю пол. XII в. в целом признаётся исследователями как время устойчивого развития и расцвета военно-морских сил Византии. Правда, в историографии существуют разные точки зрения относительно того, можно ли считать эпоху правления династии Комнинов временем военно-морского могущества Византии в Средиземноморье после некоторого спада в середине XI века: Э. Арвейлер [10, р. 189 – 197], А. В. Банников и М. А. Морозов [2, с. 440] вполне это допускают, в то время как Д. Прайор склонен утверждать о переходе власти на море к итальянским морским республикам. [11, р. 109 – 110].

Однако ощущали ли сами ромеи (и, прежде всего, военно-политическая элита Империи) этот расцвет? Был ли для них флот, что называется, предметом гордости, «славой Романии»? На первый взгляд, этого нельзя утверждать, поскольку о той же византийской армии сведений сохранилось гораздо больше. И всё же обратная точка зрения имеет право на существование.

Так, в пятой книге «Жизнеописаний византийских царей» есть очень примечательный, на наш взгляд, сюжет. Он связан с нападением мусульманского флота на побережье Далмации, жители которой обратились за помощью к императору Василию I. Основатель Македонской династии откликнулся на эту просьбу и послал флот под командованием Никиты Оорифа «будто испепеляющую молнию». [9, с. 184]. Подобного рода сравнение в отношении ромейских военно-морских сил в «Жизнеописании византийских царей» встречается впервые, но сам факт его присутствия

уже позволяет говорить о том, что в Константинополе осознавали тогдашнюю мощь флота Империи. Тем более что мусульманские корабли тогда отступили, даже не приняв сражения.

Деятельность потомков Василия I наглядно демонстрирует, что в IX – X вв. проблема защиты морских рубежей Византии становилась объектом всё более пристального внимания со стороны военно-политической элиты ромеев. Это косвенно подтверждает создание «Тактики» Льва VI Мудрого, которая стала первым военным трактатом византийцев (Это утверждает, в частности, сам автор источника. [4, с. 292 – 293].), где присутствовали сведения, затрагивающие морской флот: устройство кораблей, личный состав, вооружение, тактические приёмы и т. д. Морская война получила, таким образом, некую теоретическую основу, на которую в дальнейшем, по замыслу автора «Тактики», могли опираться флотские офицеры.

В отношении Константина Багрянородного можно привести следующий показательный факт. В шестой книге «Жизнеописаний византийских царей» самостоятельное правление василевса начинается с того, что он осуществляет ротацию высшего командования военно-морскими силами Константинополя, назначая нового друнгария флота. [9, с. 269]. Данный факт в совокупности с тем обстоятельством, что Константин VII хорошо разбирался в вопросах кораблестроения и лично руководил строительством боевых судов [9, с. 276], позволяет говорить о небезразличном отношении василевса к судьбе своих дромонов, гребцов и стратиотов.

Примеры того, что флот для византийцев являлся своеобразным предметом гордости, можно найти и при анализе событий, относящихся ко 2 - й пол. X в. Как сообщает Продолжатель Феофана, во время экспедиции Никифора Фоки против критских мусульман в 961 г. испанские и африканские агаряне, союзники критского эмира, получив подробные сведения о силе ромейского флота, «пришли в изумление и не пожелали оказать критянам никакой помощи». [9, с. 290]. Сам Никифор Фока, уже будучи императором, во время беседы с главой посольства Оттона I Лиутпрандом Кремонским заявил, что только он, василевс, обладает сильным флотом. [6, с. 129]. Преемник Никифора — Иоанн Цимисхий — перед походом в Болгарию против киевского князя Святослава Игоревича устроил смотр в Босфоре кораблям, а по завершении этого мероприятия наградил гребцов и воинов деньгами. [5, с. 68].

В XI в. военно-морские силы Империи (впрочем, как и вся ромейская держава) переживали упадок. Так, в «Советах и рассказах» Кекавмена присутствуют упоминания о том, что среди командного состава флота вовсю процветало взяточничество, из-за чего кораблям не хватало вёсел, а стратиоты не имели оружия; под предлогом патрульной службы эскадры

занимались лишь сбором продуктов и денег и обращались в бегство даже при малейшей опасности. И тем не менее флот, согласно Кекавмену, всё ещё оставался «славой Романии». [3, с. 309]. Здесь можно выделить ещё один момент: в своих «Советах и рассказах» византийский военачальник, помимо прочего, предупреждает о том, что без армии государство не удержится, а без флота василевс рискует «обратиться в ничтожество». [3, с. 309, 313]. Иными словами, Кекавмен отводит и сухопутному, и морскому войску одинаково важную роль в обеспечении безопасности Империи. Хотя в его «Советах и рассказах», как и в других источниках, сюжетов, связанных с армией, несравненно больше, чем сюжетов, связанных с флотом.

С приходом к власти династии Комнинов морская мощь Византии начала возрождаться, чему способствовала напряжённая внешнеполитическая обстановка [2, с. 429 – 430]. Обеспечение Империи сильным флотом стало одной из главных забот императора Алексея I. Как сообщает Анна Комнина, василевс мог при случае лично руководить строительством боевых кораблей. [1, с. 313]. Данное обстоятельство в известной степени сближает Алексея I с Константином VII. Император, по всей видимости, также обладал некоторыми познаниями в морском деле и мог доходчиво объяснить проявившим некомпетентность адмиралам, где им нужно расставлять свои корабли, чтобы атака на вражеские суда проводилась при попутном ветре. [1, с. 356].

Особо, на наш взгляд, нужно выделить описанные в «Алексиаде» сражения ромейского флота с эскадрами итальянских городов. [1, с. 313 – 314, 380 – 381]. Эта информация не подтверждаются другими источниками, в связи с чем историки считают данные морские победы византийцев выдуманными. [11, р. 110 – 111]. Но вместе с тем эти сюжеты призваны, на наш взгляд, продемонстрировать возросшую по сравнению с периодом 70 – 80-х гг. XI в. мощь византийского флота, который совсем недавно был вынужден прибегать к помощи венецианцев [1, с. 142 – 144, 151, 182], а теперь, благодаря деятельности Алексея I Комнина, оказался способным подтвердить высокий статус «славы Романии». Так, описывая победу ромеев над пизанским флотом неподалёку от острова Родос в период Первого Крестового похода, Анна Комнина, в частности, указывает на то, что византийский флот атаковал противника «быстро и беспорядочно», без выстраивания боевых порядков. [1, с. 314]. Столь дерзкое нападение сильно диссонирует с теми же рекомендациями «Тактики Льва», направленными на предельное соблюдение осторожности [4, с. 299] и в то же время показывает, что византийцы были уверены в своих силах.

Не менее примечателен рассказ греческой принцессы о нападении объединённого флота Пизы, Генуи и Лонгивардии. Крупного боестол-

кновения тогда не произошло, однако из посланных на разведку пяти итальянских диер вернулась только одна, которая сообщила о готовности ромейских эскадр к схватке. После этого вражеский флот отступил, не решившись на открытое сражение, а «некий кельт» отправился к Боэмунду Тарентскому с донесением о случившемся. Причём Анна Комнина подчёркивает страх посланца перед ромейскими боевыми кораблями. [1, с. 380 – 381]. На наш взгляд, приведённые из «Алексиады» эпизоды наглядно показывают, что при Алексее I Комнине у ромеев ещё присутствовало чувство гордости за свой военно-морской флот.

Несколько свидетельств о флоте как о «славе Романии» сохранилось и у Никиты Хониата. В первом томе его «Истории», посвящённом правлениям василевсов из династии Комнинов, царствовавших после смерти Алексея I, особенно примечателен следующий эпизод. Император Мануил I Комнин вскоре после своего вступления на престол назначил главным казначеем некоего Иоанна Пуцинского, который занимал аналогичную должность при отце Мануила — Иоанне II. Как сообщает «История» Хониата, Иоанн Пуцинский убедил Иоанна II сократить расходы на флот, а также чуть ли не потопить «триеры, по закону поставляемые островами вместо ратников». Чиновник считал, что содержание больших эскадр обходится казне слишком дорого, в связи с чем корабельные пошлины перенаправлялись в общую казну, а флот финансировался в случае крайней необходимости. Никита Хониат характеризует эту идею Иоанна Пуцинского как «мысль, достойную морского разбойника» и сообщает, что вследствие этой «дурной меры, или скряжничества», пираты получили возможность практически беспрепятственно грабить прибрежные территории Империи. [7, с. 71 – 72]. Позднее, уже при династии Ангелов, резких реплик со стороны Хониата удостоились разворовавший имущество флота мегадук Стрифн и покровительствовавший ему Алексей III. [8, с. 274].

Другим примером из «Истории» Хониата может служить объяснение византийским хронистом причин, по которым Мануил I Комнин санкционировал поход ромейского флота в Египет. Согласно Хониату, Мануил руководствовался не какими-то объективными доводами, а скорее личным желанием «сравняться с знаменитыми царями, которых владение некогда простиралось не от моря только и до моря, но от пределов восточных до столпов западных». [7, с. 205]. Причём поход осуществлялся в условиях, когда вокруг Константинополя, как сообщает византийская хроника, «всё... было ещё в волнении». И тем не менее для экспедиции в Египет была снаряжена армада из более чем двухсот боевых кораблей. [7, с. 205 – 206]. Данный факт, на наш взгляд, весьма наглядно демонстрирует уверенность

василевса в силу своего флота, который и во 2-й пол. XII в. оставался предметом гордости для военно-политической элиты ромеев.

Ещё одним ярким примером может послужить следующий эпизод: уже в период правления династии Ангелов, когда ромейский флот вместе со всей Империей переживал глубокий кризис [2, с. 449 – 450; 11, р. 121 – 122], во время наступления сицилийского флота на столицу Византии, несмотря на явный численный перевес противника, экипажи ромейских кораблей горели желанием выйти в открытое море и дать бой. Причём патриотические порывы моряков разделяли многие жители Константинополя, которые, как повествует Никита Хониат, вооружались чем попало и сажались на дромоны. [8, с. 11]. Таким образом, флот был «славой Романии» не только для императоров, полководцев и византийских хронистов, но и для простых моряков и жителей Империи.

Подводя итоги, можно утверждать, что могущество Византии на море в IX – XII вв. выразилось не только в морских победах, но и в понимании самими ромеями значимости флота для сохранения независимости и могущества государства. Личное участие василевсов в совершенствовании военно-морских сил конвертировалось в успехи флота в походах и боях, что заставляло противников Империи как минимум соблюдать осмотрительность, прежде чем вступать в схватку. Всё это является, на наш взгляд, наглядным доказательством того, что византийцы были уверены в силе своего флота и воспринимали его как предмет гордости и «славу Романии».

Список источников и литературы

1. *Анна Комнина*. Алексиада / пер. Я. Н. Любарского. СПб., 1996. 703 с.
2. *Банников А. В., Морозов М. А.* История военного флота Рима и Византии (от Юлия Цезаря до завоевания крестоносцами Константинополя). СПб., 2014. 589 с.
3. *Кекавмен*. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века / Подгот. текст., введение, пер. с греч., комм. *Г. Г. Литаврина*. СПб., 2003. 711 с.
4. *Лев VI Мудрый*. Тактика Льва / изд. подготовил *В. В. Кучма*. СПб., 2012. 369 с.
5. *Лев Диякон*. История / Пер. М. М. Копыленко, ст. М. Я. Сюзюмова, комм. М. Я. Сюзюмова и С. А. Иванова. М., 1988. 237 с.
6. *Лиутпранд Кремонский*. Отчёт о путешествии в Константинополь // Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Пер., ст. и примеч. *И. В. Дьяконова*. М., 2006. С. 125 – 148.
7. *Никита Хониат*. История со времени царствования Иоанна Комнина / Пер. под ред. *В. И. Долоцкого*. Т. 1. (1118–1185). СПб., 1860. 447 с.
8. *Никита Хониат*. История со времени царствования Иоанна Комнина / Пер. под ред. *И. В. Чельцова*. Т. 2. (1186–1206). СПб., 1862. 541 с.
9. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подготовил *Я. Н. Любарский*. СПб., 2009. 400 с.

10. *Ahrweiler H.* Byzance et la mer. La Marine de Guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe – XVe siècles. Paris, 1966. 502 p.

11. *Pryor J. H., Jeffreys E. M.* The Age of the Dromon: The Byzantine Navy ca. 500–1204. Leiden, Boston, 2006. 758 c.

Для цитирования: Буеверов А. А. «Флот — слава Романии»: военно-морской флот Византии IX – XII вв. в восприятии жителей Империи // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 114 – 120.

Искусство войны гугенотского капитана Франсуа де Ла Ну

Аннотация. В работе рассмотрены практика осуществления военных мероприятий и решения боевых задач протестантским капитаном Франсуа де Ла Ну в эпоху Религиозных войн во Франции с момента их начала до 1570-х гг. На основе его корреспонденции были проанализированы условия, в которых ему приходилось действовать, особое внимание уделено организационному подходу к разрешению военных трудностей, совмещающему строгую гугенотскую дисциплину и демократизм в принятии решений.

Ключевые слова: Франсуа де Ла Ну, Религиозные войны во Франции, Ла Рошель, армия.

Title: The Art of War of the Huguenot Captain François de La Noue

Abstract. The paper considers the practice of carrying out military activities and solving combat missions by the Protestant captain François de La Noue in the era of the Wars of Religion in France from the moment they began to the 1570s. On the basis of his correspondence, conditions in which he had to operate were analyzed, special attention was paid to the organizational approach to resolving military difficulties, combining strict Huguenot discipline and democratic decision-making.

Keywords: François de La Noue, Wars of Religion in France, La Rochelle, army.

Военные действия, особенно ведущиеся в условиях гражданских распрей, порождают уникальные коллизии и зачастую принадлежат сфере не только военной, но и экономической, психологической, социальной и политической истории.

Особое значение при этом приобретает деятельность отдельных военачальников и их личное восприятие происходивших событий. Как показали Религиозные войны во Франции (1559–1598), многие их участники, как католики, так и гугеноты, сражались друг с другом за веру не только на поле боя, но и силой пера.

Среди важных источников стоит отметить мемуары самих военачальников-современников событий, отражающих не только их военную тактику и стратегию, но и собственное отношение к гражданской войне [18].

Кирсанов, Даниил Юрьевич — Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; rsuh@rsuh.ru

Научный руководитель: *Чапанов, Ахмед Курейшевич* — к-т полит. наук, доц., Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Kirsanov, Daniil Yuryevich — Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; rsuh@rsuh.ru

Scientific adviser: *Chapanov, Akhmed Kureyshevich*, PhD of Political Sciences, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

В статье будет рассмотрено военное дело и мировоззрение гугенотского капитана Франсуа де Ла Ну, отражённое как в его трудах [15], так и в корреспонденции [20], в период с первых Религиозных войн до 1570-х гг.

В XVII в. под авторством М. Амиро, священника-реформата и богослова, выходит патетический труд о жизни протестантского военачальника [6]. Нахождение и публикацию массива писем Ла Ну произвел Ф. К. де Волькерсбеке — бельгийский политик и антиквар [20]. Французский историк А. Озе испытывал особые симпатии к данному персонажу, отстаивал подлинность его «Политических и военных речей» в полемике с Д. Досси [12] и посвятил фундаментальную монографию исследованию биографии и публикации неизданных источников бретонского дворянина [11].

Фигура Франсуа де Ла Ну продолжает привлекать современных историков [7; 9; 21], а его труды, как бесценный памятник военной мысли времен Гражданских войн во Франции, переиздаются [16]. В свое время об особой роли де Ла Ну в обороне Ла Рошели в 1573 г. от королевских войск писал И. В. Лучицкий [2]. Часть «Политических и военных речей» переведена на русский язык [4; 5] и ныне исследуется отечественными учеными, в том числе в контексте изучения общественно-политической мысли XVI в. [1; 3].

В начале гражданских распрей рубежа 1550–1560-х гг. де Ла Ну полагал, что религиозные противоречия среди французов будут решаться в краткосрочных войнах или стычках. Сперва так и происходило: после редких битв родственники и друзья выходили из противоборствующих рядов и доброжелательно общались; после скорого заключения договоров бывшие противники удалялись друг к другу в замки. Однако, к разочарованию Ла Ну, с каждым днём борьба становилась всё ожесточённее [15, р. 69].

Армия гугенотов восхищала капитана своей дисциплиной: ни одного слова богохульства во всём лагере [19, р. 286], «женщины были изгнаны из него, нельзя было бы найти ни пары игральные кости или колоды карт» [19, р. 286], утром и вечером пасторы читали молитвы, а солдаты пели псалмы; командиры «не грабили и не били своих солдат» [11, р. 13]. Эти особенности, редкие для армий XVI в., ненадолго сохранялись в стане реформатов.

В первых гражданских войнах 1560-х гг. Ла Ну завершил обучение военному ремеслу. Он научился скрывать от врага малочисленность своих войск, заставлять его врасплох ночью внезапными вылазками и рейдами, обманывать быстрым маршем. Он организовал т. н. «*armée volante*» — «летучую армию». Он также научился обходиться малыми средствами, укреплять города без больших затрат и, как сообщал в своих мемуарах,

«à la huguenote» — «по-гугенотски», т. е. упрочивать стены земляными насыпями [11, р. 13]. Позднее, в своих «Речах» Ла Ну отметит, что земляные работы были дешевле и эффективнее, чем возведение сложных фортификаций, которые предпочитали итальянские военные инженеры: сэкономив на одной такой крепости, можно возвести десять укреплений [14, р. 74].

Отдельной проблемой для двух армий были иностранные наёмники. Так, во время похода принца Луи I де Конде, одного из вождей протестантов, в Лотарингию, рейтары отказались присоединиться к войску из-за отсутствия аванса в сто тысяч экю. Пришлось каждому аристократу-гугеноту внести свой денежный вклад. Ла Ну пожертвовал в казну семейную серебряную посуду [11, р. 14].

Плохо оплачиваемые солдаты не могли долго удерживать свой «пыл» [19, р. 287], как говорил де Ла Ну в «Речах», гасконцы, провансальцы и ветераны банд Итальянских войн отчётливо демонстрировали склонность к грабежам [11, р. 14]. Вместе с тем ни к союзникам, ни к противникам такие влившиеся в протестантскую армию воины не проявляли пощады. Капитан полагал, что Францию стали съедать два «монстра» — «Madamoiselle la Picogée» (Мадмуазель Грабёж), разорявшая деревни, и сопровождавшая её неутолимая резня [10, р. 74].

В формировании Ла Ну как капитана серьёзную роль сыграл его наставник — адмирал Гаспар II де Колиньи, который вешал мародёров, привязывая к их ногам выручку от грабежа, и передал своему протеже трепет перед этим «монстром». В преддверии событий Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г. адмирал говорил преданному капитану, «что скорее умрёт, чем вернётся в эти пути и увидит столько зла, совершённого на его глазах» [11, р. 16].

Дослужившись до командных высот, Ла Ну стал надёжным военачальником, которому гугенотские вожди могли ставить ответственные задачи. Свой военный талант ему удалось проявить в осаде Ла Рошели (1572–1573), организуя оборону города от королевских войск под командованием Генриха Анжуйского, будущего короля Франции Генриха III. Франсуа вошёл в военную секцию городского совета, в которой помимо него были мэр города и ещё четыре дворянина [11, р. 46].

Вознамерившись дать противнику энергичное сопротивление, Франсуа приступил к организации армии: помимо восьми рот и роты мэра он создал новую, заставив иностранцев либо покинуть город, либо записаться на военную службу. В феврале из боеспособных не служащих мужчин была сформирована девятая добровольческая рота [11, р. 46].

Каждая из рот включала 55 пикинёров, «все с латными нагрудниками», 20 мушкетёров и 30 аркебузирова [6, р. 79]. В войска он старался привлечь как можно больше дворян, которые направляли бы горожан, проводил тщательные проверки. Во избежание грабежа и для сохранения боевого духа Ла Ну приказал трём пасторам города и пятидесяти четырём скрывающимся протестантским священникам молиться в ротах [11, р. 47], также он нанимал женщин в службу скорой помощи и привлекал их к строительству оборонительных сооружений. Так, один из земляных валов был назван «Бульваром Дам». Ла Ну лично с подчинёнными дворянами и небольшой группой буржуа регулярно и организованно выступал из города против осаждающих [11, р. 48].

Благодаря талантливым мероприятиям Ла Ну по обороне города Генриху Анжуйскому даже после его ухода было трудно осадить Ла Рошель.

«Затем началась практика «отпусков» (congez), т. е. каперства, посредством которого можно было атаковать на море всевозможных врагов, испанцев, португальцев, католиков, причастных к резням» [6, р. 117]. Добыча доставлялась в Ла Рошель, «... и это сделало её настолько грозной, что от Кале до Гибралтарского пролива только и говорили о хождениях и добычах ларошельцев» [6, р. 117]. Многие считали это «разновидностью пиратства»: моряки часто вели себя как настоящие каперы и даже нападали на людей, придерживающихся нейтралитета. «Отпуска» приносили необходимую прибыль и только после неоднократных случаев превышения полномочий были отменены Ла Ну [11, р. 88].

Известно, как капитан участвовал в боевых действиях во 2-й пол. 1570-х гг. Франсуа был очень осторожен и никогда не принимал серьёзных решений, не собрав военный «совет из самых способных людей» [8, р. 88]. Этот совет в то же время отвечал за отправление правосудия в лагере и установление дисциплины. После оценки ландшафта местности и обсуждения тактических задач капитаном и его доверенными людьми, Ла Ну «со всем усердием выполнял их рассуждения и начинания» [8, р. 87].

Его солдаты отличались «хорошим порядком... и быстрым повиновением отданным им командам» [8, р. 87]. Они воздерживались от мародёрства и «добросовестно возвращали на благо своего дела» [8, р. 87] все, что реквизировали.

«В этой разнузданности гражданских войн, когда обычно верят, что все дозволено, в каком бы месте он ни поселился, он платил хозяину за то, что был там; он оставлял деньги в каком-нибудь укромном месте» [6, р. 118-119]. Ла Ну не хотел, чтобы присутствие его армии было тягостным для крестьян и следил за тем, чтобы им оставляли «их скот,

продукты и все, что им принадлежит» [8, р. 88]. Если нужда заставляла его нанимать их на какую-то работу, капитан принуждал их делать это «так свободно и милостиво» [8, р. 88], как только мог, «больше с помощью красивых слов, чем силой» [8, р. 88]. В награду за это крестьяне благосклонно относились к бретонскому дворянину и делились информацией с ним охотнее, чем с его врагами. Ла Ну ценил терпимость католиков и написал одному из противников письмо с благодарностью за гуманное отношение к гугенотам [17, р. 227-228].

Помимо Франции, военная карьера сеньора де Ла Ну была связана с освободительным движением во Фландрии за независимость от Испании, где за военными триумфами последовал пятилетний испанский плен, во время которого Ла Ну написал свои знаменитые труды [10; 15].

После освобождения Франсуа де Ла Ну сражался за короля Генриха Наваррского против лигистов и погиб от ранения в голову при осаде Ламбаля 4 августа 1591 г. [13, р. 1019].

Таким образом, публично провозглашаемая Ла Ну ответственность капитанов за ведение войны и её последствия, и связанные с этим военные мероприятия, умение их организовать со стороны Франсуа де Ла Ну заслуживают, на наш взгляд, внимания историков. Интерес к его жизненному пути связан с длинной военной карьерой: участием в последней Итальянской войне, в Религиозных войнах во Франции, в Нидерландской войне за независимость.

Религиозный пыл и идеализм гугенотских солдат и их командиров довольно скоро столкнулись с материальными трудностями. Эти трудности, равно как непомерные расходы на наёмников, их мародёрство и непомерная жестокость, порождали нестандартные формы разрешения проблем и ведения военного дела. В полной мере Франсуа де Ла Ну удалось продемонстрировать свой военный и организационный талант при осаде Ла Рошели в 1572–1573 гг. королевскими войсками. Благодаря умелым оборонительным мероприятиям по привлечению дополнительных боеспособных мужчин в армию, совершению продуманных вылазок, участию женщин в медицинской службе и строительстве, повышению боевого духа путём религиозной пропаганды мятежным гугенотам удавалось удерживать город продолжительное время, склоняя противоборствующую сторону к компромиссу и мирному урегулированию острых противоречий.

«Летучая армия», строгая дисциплина, совмещённая с теоретическими дискуссиями по тактике и стратегии среди начальствующего состава и партизанская тактика позволили одерживать Франсуа де Ла Ну победы

над превосходящими силами роялистов и католиков как во Франции, так и над испанской армией в Нижних землях и сделали бретонского дворянина одним из самых выдающихся капитанов своего времени.

Список источников и литературы

1. *Баязитова Г. И.* Вопрос о гинекократии в политической мысли XVI в. (по трактату Ж. Бодена «Шесть книг о Республике») // ЭНОЖ. Вып. 1 (111). Публичность как фактор в развитии западноевропейской государственности: от Средних веков к раннему Новому времени. М., 2022.
2. *Луцицкий И. В.* Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. СПб., 2011. 608 с.
3. *Новосёлов В. Р.* Последний довод чести. Дуэль во Франции в XVI — начале XVII столетия. СПб., 2005. 288 с.
4. *Чекалов К. А.* Алектор Бартеlemi Ано и рефлексия о романе во Франции в XVI веке // Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 2011. № 18. С. 85-106.
5. *Чечулин П. В.* О той легкости, с которой многие ненавидят, обвиняют и презирают своих ближних по причине различия в религии // Французское общество в эпоху культурного перелома: от Франциска I до Людовика XIV. 2008. С. 168-177.
6. *Amirault M.* La vie de François, seigneur de La Noue, dit Bras-de-Fer. Leyde: Elsevier, 1661. 368 p.
7. *Bourgeon J.-L.* De Mons à la Rochelle via Paris, ou les paradoxes de Monsieur de La Noue (1572-1573) // Bulletin de la société de l'histoire du protestantisme français. Vol. 138. Janvier-mars 1992. PP. 5-18.
8. *Brisson P.* Histoire et vray discours des guerres civiles. Paris: J. du Puys, 1578. 242 p.
9. *Daussy H.* Le parti huguenot. Chronique d'une désillusion (1557-1572). Genève, 2014. 888 p.
10. *Guicciardini F.* Histoire des guerres d'Italie, composée par François Guichardin et traduite d'Italien en François, par Hierosme Chomedey. Genève, 1593. 908 p.
11. *Hauser H.* François de la Noue (1531-1591). Paris, 1892. 336 p.
12. *Hauser H.* Sur l'authenticité des "Discours" de La Noue // Revue Historique. 1893. № 53. P. 301-311.
13. *Jouanna A.* Histoire et dictionnaire des guerres de religion. Paris, 1998. 1526 p.
14. *Knecht R. J.* The French Religious Wars 1562-1598 (Essential Histories). Oxford, 2002. 95 p.
15. *La Noue F. de.* Discours politique et militaires. Basel, 1587. 710 p.
16. *La Noue F. de.* Discours politiques et militaires de François de la Nouë / Ed. F. E. Sutcliffe. Genève, 1967. 853 p.
17. *Marchegay P. A., Imbert H.* Lettres missives originales du seizième siècle (100 de femmes et 200 d'hommes). Niort, 1881. 462 p.
18. *Monluc B. de.* Commentaires 1521-1576. Paris, 1971. 1591 p.
19. *Salignac B. de.* Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France / avec notices biographiques par J.-A.-C. Buchon. Paris, 1836. 683 p.

20. *Volkaersbeke P. K. de. Correspondance de François de la Noue. Ghent et Paris, 1854. 275 p.*
21. *Vray N. François de La Noue: «Bras-de-Fer», 1531-1591. La Crèche, 2001. 173 p.*

Для цитирования: Кирсанов Д. Ю. Искусство войны гугенотского капитана Франсуа де Ла Ну // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 121 – 127.

"Artykuły wojenne hetmańskie" 1609 г. и их связь с военной повседневностью в армии Речи Посполитой

Аннотация. В статье рассматривается история принятия и внутреннее содержание Артикулов 1609 г., по сути ставших первым общевоинским уставом войска Речи Посполитой; приводятся примеры и результаты проделанного автором анализа соответствия прописанных в этом документе норм и реальных ситуаций из полевой жизни армии начала XVII в.; по итогам этого анализа даётся оценка практического значения Артикулов для развития вооруженных сил Польско-литовского государства.

Ключевые слова: Раннее Новое время; Речь Посполитая; военные артикулы; военная дисциплина.

Title: "Artykuły wojenne hetmańskie" of 1609 and their connection with military everyday life in the army of the Polish-Lithuanian Commonwealth

Abstract. The article examines the history of the adoption and the internal content of the Articles of 1609, which became practically a first general military charter of the Polish-Lithuanian Commonwealth army; examples and results of the author's analysis of the compliance of the norms prescribed in this document and real situations from the field life of the army of the early XVII century are given; an assessment of the practical significance of the Articles for the development of the armed forces of the Commonwealth, based on the results of this analysis, is given.

Key words: the early modern period, Polish–Lithuanian Commonwealth, military articles, military discipline.

«Военные артикулы» (artykuły woiskowe) являются объектом пристального внимания главным образом польских историков права. С. Кутшеба в 1937 г. опубликовал целый сборник военно-правовых документов средневековой Польши и Речи Посполитой, среди которых акты интересующего нас формата составляют весомую долю. В настоящей статье задействованы работы современных исследователей: Л. Кани, К. Лопатецкого, В. Органищчака, — специально посвящённые военным артикулам как памятникам правовой традиции Польши.

Ежов, Тимофей Александрович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st085229@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Филишкин, Александр Ильич* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Ezhov, Timofey Aleksandrovich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st085229@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Filiushkin, Alexander Ilyich* — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Данные нормативные акты издавались монархами и высшими должностными лицами Польско-литовского государства в Позднее Средневековье – Раннее Новое время; со второй половины XVI в. артикулы доминировали в военно-правовой документации этой державы, вытеснив «эдикты», «ординации» и «военные статуты» [7, s. XL-XLI]. На XVI в. пришёл и переход полномочий по изданию военных законов от короля к сейму и гетманской канцелярии [6, s. 72]. Активность сейма в деле кодификации военного права Л. Кая объясняет воодушевлением польского дворянства в период «золотого века» и его озабоченностью состоянием армии в условиях непрерывных боевых действий [4, s. 38-39, 50]. Интересно и точка зрения К. Лопатецкого, который усматривал в артикулах средство борьбы за власть между магнатами [5, s. 635].

Занимающие нас «Артикулы военные гетманские» были изданы в ходе работы Варшавского сейма 1609 г. [7, s. 169]. Учёные сходятся во мнении, что этот документ своей основой имеет артикулы 1593 г., изданные коронным гетманом Я. Замойским [4, s. 39-40; 6, s. 76]. На связь двух сводов норм указывают (помимо статей общего содержания) ссылки на «конституцию 93 года» в 1 и 2 статьях первого из разделов документа [7, s. 176-177].

Остановимся на структуре данного документа и составляющих его статей. В целом он был представлен 5-ю разделами:

1) «Артикулы военные гетманские, утверждённые властью сейма в 1609 г.» — 33 статьи, содержащие предписания по поддержанию субординации, поведению воинов на своей и вражеской территории, организации продовольствия военнослужащих [7, s. 176-183];

2) «Артикулы, касающиеся до организации лагеря против неприятеля и военной хитрости, до битвы» — 38 статей с правилами жизни в лагере, инструкциями по действиям войск при столкновении с врагом [7, s. 183-191];

3) «Военный акт, утверждённый с разрешения сейма в 1609 г.» — роспись цен на скот и молочные продукты, по которым предполагалось закупать провизию для войска [7, s. 191];

4-5) роспись цен на зерно в землях Украины, Руси и Волыни [7, s. 191].

По большей части положения документа отвечают классической структуре правовой нормы. Возьмем, к примеру, статью 5 (1-й раздел):

«Товарищи не имеют права отъезжать [из роты — Прим. авт.], а ротмистры не должны допускать отъездов иначе как с ведома и разрешения гетмана или своего полковника, назначенного гетманом. В том случае, если бы где-то товарищ своевольно отъехал, он подлежит той же ответственности, что и ротмистр, если бы по конституции не находился при

своей роте. Та же вина должна быть возложена на ротмистра, если тот своевольно отпустил товарища» [7, s. 177-178].

Здесь видим основные атрибуты правовой нормы:

1) гипотеза: норма относится к «товарищам» — шляхтичам, служащим в роте, и ротмистрам — их непосредственным командирам; судя по упоминанию гетмана и полковника, речь идёт о военном времени, когда рота числится в составе действующей армии;

2) диспозиция: норма запрещает товарищам самовольно отъезжать из роты, а ротмистрам — разрешать отъезды без согласования с высшим начальством;

3) санкция: товарищу за отъезд и ротмистру за дозволение одного положено одинаковое наказание (хоть и не упомянуто, какое именно).

Основное содержание Артикулов посвящено вопросам военной дисциплины [6, s. 70]. Заметно, что наказания за нарушения весьма суровы (широко практикуется смертная казнь) [4, s. 45]. Спросим: отчего же именно дисциплине уделялось столь пристальное внимание? чем вызвана жестокость наказаний? насколько точно нормативы соблюдались польско-литовскими войсками? На последний вопрос Органищчак, например, отвечает уклончиво, указывая, что судить об обязательности Артикулов 1609 г. трудно из-за разного происхождения военных формирований (отечественные, иноземные) и многообразия родов войск (артиллерия, пехота, конница) [6, s. 71].

Учёные высоко оценивают роль Артикулов 1609 г. в развитии военного права Речи Посполитой. По мнению Кани, их составителям удалось добиться «законодательного совершенства отдельных положений» [4, s. 40]. Органищчак отмечает беспрецедентную востребованность Гетманских артикулов вплоть до времен Барской конфедерации (по его сведениям, властями именно этой конфедерации Артикулы 1609 г. были переизданы в последний раз) [6, s. 78].

Планируя исследование, автор задался целью определить соотношение теории и практики военного дела в Речи Посполитой начала XVII в. При подборе источниковой базы было решено в рамках данной статьи остановиться только на нарративных материалах. Рассмотрению подверглись события Русско-польской войны 1609 – 18 гг. При сравнении формальных норм и реальных ситуаций стало видно, что строгость польских законов значительно смягчалась необязательностью их исполнения. За соответствующими примерами обратимся к событиям «открытой интервенции» Речи Посполитой на территорию Московии.

В 1610 г., осаждая Смоленск и узнав о движении к городу рати Д. Шуйского, поляки решили отправить войско ему навстречу. Как сообщает

участник тех событий, «товарищ» гусарской хоругви С. Маскевич, «в то самое время возник спор между паном гетманом и панами Потоцкими, кому идти против неприятеля». Согласно Маскевичу, король хотел отправить на сражение Потоцких, а гетмана С. Жолкевского оставить при себе. Но Потоцкие горели желанием получить славу покорителей Смоленска, так что гетману не осталось ничего другого, кроме как выступить навстречу Шуйскому самому [3, с. 33-34]. Этот эпизод находит отражение и в воспоминаниях самого Жолкевского, хотя в них накал страстей отражён не столь ярко [1, с. 41-43].

Читаем статью 4 раздела 1 артикулов и видим там предписание для младших по званию подчиняться старшим [7, s. 177]. А старше гетмана на войне был лишь король. Более того, Потоцкие, по Маскевичу, пошли дальше словесной перепалки: «чтобы найти предлог к неповиновению, возмутили товарищество: они оправдывались непослушанием войска» [3, с. 34]. Обратимся к 3-й статье 1-го раздела артикулов:

«Если кто-то, как на стоянке, так и в походе, в лагере без разрешения и ведома гетмана сбор на круг учинил, бунты, мятежи или собрания какие, или сходки, а тем более конфедерации, должен быть без милосердия осуждён на смерть, а если куда-то уехал, то должен быть обесчещен» [7, s. 177].

Магнаты рисковали, идя против воли гетмана и самого короля. Тем не менее Жолкевский вышел проигравшим в споре. Маскевич не упоминает о наказаниях для нарушителей. Логика здесь есть: Потоцкие сумели привлечь на свою сторону «товарищество», и заинтересованному в продолжении кампании королю пришлось смириться с позицией войска.

Отметим, что это не единственный случай вызова воле гетмана. Жолкевский упоминает о «непослушании» воинов шляхтича Зборовского, развившемся у них «во время долгого пребывания в своевольном войске» одного из самозванцев [1, с. 45]. Проблемой для гетмана стали переговоры с Я. П. Сапегой, который прямо шантажировал его, требуя для своих людей королевского жалованья и угрожая продолжать борьбу за Лжедмитрия II, «а если придётся, то и с братьями своими биться» [1, с. 90-92; 2, с. 227].

Интересный случай связан с боями 1611 – 12 гг. между польско-литовским гарнизоном Москвы и восставшими горожанами, поддержанными Первым ополчением. Осаждённые интервенты испытывали проблемы с продовольствием и фуражом [3, с. 81]. Долго ожидая подмоги и узнав, что прибывший 6 октября 1611 г. крохотный отряд гетмана Я. К. Ходкевича не собирается «принять пост» у измотанного гарнизона, сидельцы организовали конфедерацию и заявили королю о прекращении службы

после 6 января 1612 г. в случае, если им не будет выплачено жалование [3, с. 81].

Согласно статье 3 раздела 1, в случае задержки жалования воинам следует отправить на ближайший сейм посланников, которые сообщат о необходимости выплаты нужной суммы [7, s. 177]. На момент образования конфедерации в Варшаве работал ординарный сейм (сентябрь – ноябрь 1611 г.). Выходит, гарнизон Москвы совершил нарушение, самовольно образовав конфедерацию, но поступил верно по части отправки делегации на сейм. Однако интересен тот факт, что, не получив жалования, воины разрешили себе игнорировать любые распоряжения начальства. Шляхтичи прямо дерзили гетману Ходкевичу, отказываясь выполнять его приказы.

Подобный саботаж явно тянул на бунт, а за него в польском праве было принято карать без милосердия [4, s. 45]. Сигизмунд III и впрямь посчитал покинувших Москву «своевольниками» и распорядился их «бить и никуда не пропускать», разослав по городам соответствующие универсалы [3, с. 90-91]. Возымела ли эта мера эффект? Ещё какой! «Конфедераты» объединились с тушинцами Сапеги, дабы «удобнее противостоять универсалам». Результат не заставил себя ждать: «сапежинцы, не выслужив и двух или трёх четвертей, получили плату за десять. Нам также выдали жалование вполне» [3, с. 91].

В отношении поведения интервентов на территории России Маскевич приводит свидетельства разных по своему характеру поступков. В октябре 1610 г., по вступлении в Москву армии гетмана Жолкевского, интервентам определили города «для кормления». На роту Маскевича пришлось Суздаль и Кострома, куда были отправлены товарищи со слугами-пахоликами для сбора провианта. Те потеряли чувство меры и стали отбирать у москвитян «всё, что кому нравилось, силою отнимая жён и дочерей у знатнейших бояр» [3, с. 46]. Перед нами пример произвола над мирным населением. Статья 13 раздела 1 артикулов велит «добытчиков», совершающих грабёж в усадьбах, городах или сёлах, судить как за воровство [7, s. 179]. Статья 17 того же раздела признает воровством реквизицию вещей, не относящихся к продовольствию [7, s. 180]. Маскевич отметил, что в итоге отправка в города пахоликов была прекращена, но так и не сообщил о наказаниях для грабителей [3, с. 46].

В столице дела обстояли лучше: «в съестных припасах было у нас изобилие: за деньги мы всё могли купить, и дёшево» [3, с. 47]. Слова Маскевича подтверждает Жолкевский [1, с. 90]. Поведение интервентов согласовалось со статьей 15 раздела 1, предписывавшей покупать про-

визию, а не брать насильно [7, s. 179]. Это отвечало требованию момента: Маскевич, осознавая враждебность москвитян, понимал, что для поддержания «дружбы на словах» войску необходимо было аккуратно вести себя в чужой столице [3, с. 47]. Похоже, этой логике были подчинены и судебные разбирательства в армии интервентов с начала её пребывания в Москве. Так, одному вандалу, спьяну обстрелявшему икону Богородицы, по приговору суда отсекали руки, а затем его сожгли на костре [3, с. 48].

Похоже, озабоченность польских дворян дисциплиной в армии имела серьёзные основания. Об отношении воинов к закону говорит слог Маскевича, равнодушно описывающего, а иногда и оправдывающего преступления. Анализ состава и структуры Артикулов вкуче с упоминаниями Жолковского и Маскевича о судах, войсковых кругах и выносимых приговорах дают понять, что теория военного судопроизводства в Речи Посполитой в начале XVII в. была хорошо развита и широко воплощалась на практике. Однако заметно, что благородная публика подчас могла сделать отправление правосудия невозможным / небезопасным для высшей инстанции, выносившей приговор (гетмана, короля). По-видимому, идея издания Артикулов 1609 г. и их содержание отражали наиболее актуальные проблемы армии Речи Посполитой; но грамотное оформление нормативно-правового акта само по себе не решало проблем с дисциплиной в войске, нёсшем на себе недуг шляхетской вольности, излечить который могло лишь преобразование социально-политических отношений в стране. Эти предварительные выводы в дальнейшем следует проверять, обращаясь уже не только к нарративным, но и к документальным источникам (например, королевским и гетманским приказам, протоколам судов), которые способны дать более полное представление о масштабе и самых характерных видах нарушений дисциплины в польско-литовском войске, а также о мерах военной власти по борьбе с ними.

Список источников и литературы

1. Записки гетмана Жолковского о Московской войне. СПб., 1871. 298 с.
2. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV – XVII вв. Т. IX. Дневник Яна Петра Сапеги (1608 – 1611). М., 2012. 455 с.
3. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. II. Маскевич и дневники. СПб., 1859. 366 с.
4. *Kania L.* Przegląd i charakterystyka źródeł wojskowego prawa karnego w dawnej Polsce na tle dziejów polskich sił zbrojnych (do 1795 r.): rys prawno-historyczny // *Studia Lubuskie : Prace Instytutu Prawa i Administracji Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej w Sulechowie*; 1. 2005. S. 31-51.
5. *Łopateck K.* Wydawanie artykułów wojskowych jako element walki politycznej i działalności propagandowej magnatów — przykład Jana Zamoyskiego // *Wobec Króla i Rzeczypospolitej. Magnateria w XVI – XVIII wieku.* Kraków, 2012. S. 611-636.

6. *Organiściak W.* Genesa i znaczenie "Artykułów wojennych hetmańskich" z 1609 roku // *Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego*. Nr. 2455. Katowice, 2006. S. 69-84.
7. *Polskie ustawy i artykuły wojskowe: od XV do XVIII wieku*. Kraków, 1937. 372 s.

Для цитирования: *Ежов Т. А.* "Artykuły wojenne hetmańskie" 1609 г. и их связь с военной повседневностью в армии Речи Посполитой // *Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных*. СПб., 2023. С. 128 – 134.

СЕКЦИЯ. ИСТОРИЯ АУДИАЛЬНОЙ И ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В XX ВЕКЕ

Самсоненко Анна Юрьевна

Актёрский театр начала XX века: категория стиля и «стилевой» актёр в оценке театральной критики

Аннотация. В новом XX веке актёр оказался новой величиной: ориентация шла не на базис дорежиссёрского театра — принцип системы «амплуа», а на стилевой индивидуализм. Природа драматизма времени, носящая внеличностный или сверхличностный характер, провоцировала восприятие индивидуальности артиста в свете не характерных, а стилевых черт. Индивидуально-стилистическое авторство и рефлексия критики о новом качестве актёра — предмет исследовательского интереса автора статьи.

Ключевые слова: актёрский театр, стиль, драматическая структура.

Title: Acting theater of the early twentieth century: category of style and «style» actor in the assessment of theater criticism

Annotation. In the new 20th century and the new theater, the actor turned out to be a new value: the orientation was not on the basis of the pre-director's theater — the principle of the «role» system, but on stylistic individualism. The nature of the drama of time, which is of an impersonal or superpersonal nature, provokes the perception of the artist's individuality in the light of not characteristic, but stylistic features. Identification of individual stylistic authorship is the subject of research interest of the author of the article.

Key words: acting theatre, style, dramatic structure.

Основополагающие режиссёрские системы, которые мы привычно именуем «Станиславский — Мейерхольд», заняты разработкой преимущественно проблемы актёра. У основоположников не было сомнений: «новый» театр имеет единственный, зато решающий критерий — отношения «актер-роль». Автор этих отношений и постулирует театр или меняет

Самсоненко, Анна Юрьевна — Российский государственный институт сценических искусств, Санкт-Петербург, Россия; samsonenkoannayu@yandex.ru

Научный руководитель: *Чепуров, Александр Анатольевич* — д-р. иск., проф. Российский государственный институт сценических искусств, Санкт-Петербург, Россия;

Samsonenko, Anna Yuryevna — Russian State Institute of Performing Arts, St. Petersburg, Russia; samsonenkoannayu@yandex.ru

Scientific adviser: *Chepurov, Alexander Anatolyevich* — Dr. in Arts, Professor. Russian State Institute of Performing Arts, St. Petersburg, Russia

его. Именно здесь — в этих отношениях — копят радикально значимые перемены «авторства» спектакля. Моменты перехода одного качества в иное интересные, но и самые проблемные. Тем более, такие качественные скачки, какими отмечен рубеж театра XIX–XX веков.

Традиционно «новый театр» принято связывать, в первую очередь, с появлением и развитием режиссуры. Однако многое из того, что дало русской сцене мощный выход в XX в., было сформировано в традициях прежнего актёрского театра, в том типе театра, где автором спектакля был актёр.

Культурный код нации формирует, прежде всего, результаты, добытые историческим исследованием. Различные сегменты этого исторического знания изучены неравномерно. Это тоже факт исторического знания — неравномерность и векторность движения. История театра, в которой актёрское искусство одно из фарватерных, — насыщенная и с исследовательской точки зрения «проблемная» вежа.

Необходимо признать, что истории актёрского искусства до сих пор не написано. Есть индивидуальные труды основоположников — критиков-исследователей начала XX века. В последнее время появился совместными издательскими трудами Александринского театра и РИИИ необходимый справочный аппарат: Энциклопедия Александринского театра [10], Актёры-легенды Петербурга [1], «Сюжеты Александринской сцены» [13] и выпуски «Русского актёрского искусства» [11]. Но главным образом мы по-прежнему ориентируемся на традицию, заповеданную нам искусствознанием 1970-1980-х гг. Концепции общего порядка необходимы в строительстве любой истории — истории актёрского искусства в том числе. Превращение актёрской «картинной галереи», ценной выдающимися «героями» и не менее значимыми их «живописцами», в историю — в динамическое движение от литературного текста к тексту сценическому — давно назревшая потребность, более того — необходимость.

Новый театр становился не одномоментно — поиск оказался сложным, противоречивым в направленности. В 1904 году «вектор» нового слышал критик П. Ярцев. В своей статье «О новом театре» он «ловил» ощущения: «о новом и старом театре много говорят. Но даже среди людей, близко стоящих к театру, нет для всех ясного и общего слова, которое определяло бы, где кончается старый и где начинается новый театр». Однако какие-то существенные перемены критик опередил — по драматическому искусству. Для него «вся разница в репертуаре»: раньше «в театре играли всем понятые веселые и грустные пьесы», теперь «начали играть странные и бесформенные загадочные вещи» [17, с. 223].

Ещё большей катастрофой нарождающегося «нового театра» для Ярцева и его современников оказалось то, что исчезли из репертуара

не только понятные — весёлые и грустные — пьесы, но и их обязательные «определители» и «носители» — весёлые и грустные — «человеческие» герои. Пропали они и на сцене: кончился тот «определённый» характер, который состоял из определённых, пусках и весьма разнообразных, но неизменно человеческих свойств.

С высоты 1909 года А. Кугель конец характера определил «кризисом театра». Говоря, прежде всего, о чеховской «эпохе» пьес, критик настаивал, что такая драматургия — это «неорганичность целого, несорганизованность <...> частей». Главной проблемой — прежним главным критерием — здесь оказалась человеческая индивидуальность: пропал из всех пьес главный, центрирующий, герой: «произведения не что иное, как сборник миниатюр, <...> но вы можете вынуть любую из миниатюр, как бриллиант из ожерелья» [8, с. 552].

Для Кугеля, который понимал «под театром “человекодействие”», — следовательно, всю совокупность человеческого бытия, всю сферу человеческих проявлений» [8, с. 552], для которого «игра актёра вмещает в себя все мыслимые измерения» [9, с. 904], здесь оказались самые радикальные и навсегда «конечные» перемены. Новое «бесхарактерное» и не центрирующее по человеческому измерению «театральное течение <...>, ужасно <...> именно тем, что оно в огромной степени содействовало обесцениванию индивидуальности в театре» [17, с. 301].

Для современников не оказывалось сомнений, что вся «Новая драма» и становившийся с нею рядом «новый театр» рождены «эпохою внутреннего кризиса индивидуализма» [6, с. 44]. В то же время, однако, по-театральному, то есть драматически, вместе, рядом возник культ индивидуальности: «к борьбе за погибающую индивидуальность» [17, с. 300], — поднимал знамёна Кугель. Индивидуальность «погибала», но современники вступили в отчаянную схватку: это борьба — последнее человеческое усилие собрать и удержать распавшееся, как выяснится позже, на атомы время. Именно этот обострённый интерес к индивидуальности — новое представление о человеке как заведомо нецелостном.

Театр актёрской индивидуальности заканчивался. Изменились отношения: теперь человек уже не центр мира, по образцу и подобию созданный и потому имеющий право на центральное место в мире, то есть «роль». Однако актёрская индивидуальность — гордиев узел: антропоцентрическое мировоззрение, наследующее «новому» пост-возрожденческому историческому времени — именно здесь корень катастроф, но и, одновременно, рычаг выхода из энтропии. Именно актёр в «дрейфе» веков стал решающей инстанцией: постулирующим «узлом» не только театра как такового, но и узловым проблемой театра старого и нового.

Актёрская индивидуальность здесь оказывалась совершенно новой — оторвавшейся от жёсткого содержания, жестко определённого «что». Для современников не было сомнений, что, например, Вера Комиссаржевская — индивидуальность. Однако «индивидуальность эта не устоялась. Не выгравировалась. Не уложилась в определённую сценическую фигуру». Критик Э. Бескин задавался вопросом: «где же “комиссаржевское”?» [3, с. 664]. И не мог оформить ответ по «старым» качествам характера. Очевидно только, что «комиссаржевское» оказывалось не в той «сценической фигуре», которую прежде давала структура характера, понимаемая как сложный объем социальных, нравственных, психофизических свойств человека. Это была собственная комиссаржевская индивидуальность — по новому веку сложенная. Она играла «обаяние тонких, бисерных тонов» [15, с. 764], — так в 1903 г. Ярцев записал новую индивидуальность. Актрисы ли? Её героини? Это было уже неразлично. И, действительно: бесформенно, загадочно, совершенно непонятно — хорошая героиня Комиссаржевской или плохая, а главное, не в этом дело.

Прежняя рама — фабула — состав событий — оказалась только способом «стояния», да и то, с ней без особого сожаления готовы были распрощаться и «Новая драма», и «новый театр». В своей прежней траектории «устарел “рисунок” драмы»: он не нуждается больше «в длинной цепи событий <...> не нуждается в пояснении» [8, с. 536]. Оказалось, что «театр не нуждается более в миллионе слов...» [8, с. 536]. Теперь только то «слово, которое звучит всегда по-новому, оттенки выражения <...> превращаются в своего рода музыку» [12, с. 257]. Слово, которым держался театр, кончилось — кончилась семантика. Теперь новое — музыкальное. Очевидна переструктуризация: слово ориентировано не на литературу, а на другой принцип — музыкальный, партитурный.

По-своему новое драматическое видение мира и места человека в нём записал О. Дымов: «обычная, узаконенная, всеми признанная <...> драматическая траектория уже не в силах охватить, вместить, вобрать содержание новой жизни. <...> Жизнь стала новая». Мир «предметов и явлений расположился в иной правильности»: теперь это не форма, а «течение мира». Жизнь перестала держать свою форму, и обреталась «в новой текучести» [5, с. 969]. Понадобились «новые приёмы и новый стиль. И они появились» [16, с. 224]. Для Ярцева, которому принадлежит высказывание, «стилевой» определяющей оказался именно театральный актёр.

Со своей стороны авторитетный Кугель подтверждал: «силу колорита театр может получить только от актёров» [17, с. 301]. Способ реализации партитуры строится теперь «на индивидуальных звуках подобранных красок» [15, с. 301] актёра.

Новому театру понадобился новый актёр — «стилевой» актёр. Не характером и типом значимый, а стиливой индивидуальностью. «Главная задача актёра — объективирование в образах своей субъективности» [7, с. 135]: здесь объективация «нового» шла именно через стиль. Последняя попытка удержать индивидуально-человеческий мир, но теперь уже стиливым усилием.

На излёте Нового исторического времени, ведущим своё начало от Возрождения, одним из векторных выборов стала и установилась категория стиля — индивидуального, прежде всего, как историческая и теоретическая.

Такой авторитетный современный исследователь как Ю. Гириин утверждает: «в 20-е гг. в отечественном литературоведении стиль “был признан главной эстетической и историко-литературной категорией”» и вытеснен в 30-х гг. пришедшим ему на смену <...> нормативистским понятием “метод”. Излишне говорить, что целеориентированное понятие “диалектико-материалистического метода”, внедрённое советской идеологией вместо <...> определяемого искусством <...> понятия “стиль”, было исключительно тоталитаристским нововведением». К изучению «понятия стиль в родных пенатах вернулись только в последние несколько лет» [4, с. 100]. Согласимся с Гириным, работа была прервана, как говорится, по независящим от авторов обстоятельствам. И только сейчас происходит актуализация и «возвращение» некогда утраченных позиций.

Невозможно не вспомнить хотя бы одно исследование тех лет. В качестве примера возьмём статью М. Фабриканта «Признаки стиля» (1927). «Разочарование в методе последовательного генетизма и, в частности, в теории непрерывного прогресса в области художественного творчества человечества, вызвало естественное охлаждение и к “истории стилей” <...> Но замечательно то, что именно современное искусство, при всей разноголосице его, проявило в последние годы определённое тяготение к стилю. <...> Не случайно возрождение интереса к проблеме стиля и в искусствознании» [15, с. 8–9]. Дальше учёный продолжал — провоцировал проблему названия своей статьи: «говоря об атрибутах стиля, следует различать несколько значений понятия “стиль”». Фабрикант особо выделяет два, с его точки зрения, основополагающих: стиль как категория историческая («форма единства <...> художественных явлений эпохи») и как типовая модель («типичная форма <...>, могущая воплощаться в <...> исторических стилях» [14, с. 9]), т. е., категория теоретическая. Следовательно, стиль — понятие интегральное: здесь сложно сопрягаются в художественное целое очень разные «ряды». Двадцатый век значительно повысил меру индивидуального, что также не пропустил и автор статьи 1927 года.

Именно на рубеже веков «стиль» начинает претендовать на положение базовой категории — образующей и интегральной, где сложно сопрягаются в художественное целое очень разные «ряды»: индивидуальное и временное, артистическое и историческое. Современное научное театроведение утверждает: «стиль собирает для целей художника ту или другую совокупность языковых средств, он в конечном счете и есть определенная, для данного случая или данного ряда случаев взятая совокупность, комбинация средств языка» [2, с. 215]. Стиль — это то, что делает языковое образование формой, и то, что даёт ей качество художественности.

В начале XX века поиск стилиевых характеристик языка для того, чтобы человек мог выполнить свою драматическую задачу — найти способ отношения с миром, то есть роль — начиналась как индивидуальный выбор. Последняя битва индивидуализма за свои права была не только последняя, но, как и положено последнему, абсолютная. И вопрос оказывался не в переборе индивидуальных характеристик стиля, а в том, чтобы найти способ и принцип: из индивидуального выбрать то, что даст начало тому стилю, тому качественному определению языка, который будет языком XX века.

Список источников и литературы

1. Актёры-легенды Петербурга / Отв. ред. Т. А. Клявина. СПб., 2004. 508 с.
2. Барбой Ю. М. К теории театра. СПб., 2008. 237 с.
3. Бескин Э. М. Московские письма // Театр и искусство. 1909. №39. С. 663–665.
4. Гирин Ю. Н. Картина мира эпохи авангарда: авангард как системная целостность. М., 2013. 399 с.
5. Дымов О. И. О новом темпе // Театр и искусство. 1910. № 50. С. 969–970.
6. Зигфрид (Старк Э. А.). О современном театре // Аполлон. 1915. № 6–7. С. 44.
7. Кугель А. Р. Театральные заметки // Театр и искусство. 1909. № 7. С. 135–137.
8. Кугель А. Р. Кризис театра // Театр и искусство. 1909. № 31. С. 534–573.
9. Кугель А. Р. Театральные заметки // Театр и искусство. 1910. № 47. С. 901–904.
10. Национальный драматический театр России. Александринский театр: актёры, режиссёры: энциклопедия / ред.-сост. А. П. Кулиш, Е. В. Третьякова. СПб. 2020., 879 с.
11. Русское актерское искусство XX века / Ред. С. К. Бушуева. Вып. 1. СПб., 1992. 308 с.; Вып. II, III. СПб., 2002. 318 с.
12. Старк Э. А. Кинематограф и театр // Театр и Искусство. 1914. № 11. С. 255–257.
13. Сюжеты Александринской сцены: рассказы об актёрах / Редкол. А. Я. Альтшуллер и др. СПб., 2006. 541 с.
14. Фабрикант М. Признаки стиля // Искусство. 1927. Т. 3. Кн. 1. С. 7–15.
15. Ярцев П. М. Новая сцена // Театр и искусство. 1903. № 42. С. 764.
16. Ярцев П. М. Новое в театре // Театр и искусство. 1904. № 11. С. 222–224.

17. Homo novus [Кугель А. Р.]. Заметки // Театр и Искусство. 1914. № 13. С. 300–303.

Для цитирования: Самсоненко А. Ю. Актёрский театр начала XX века: категория стиля и «стилевой» актёр в оценке театральной критики // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 135 – 141.

Вызовы международным вещательным проектам Интербеллума

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, стоявшие перед международными вещательными проектами под эгидой Международного вещательного союза (IBU) в Европе в период между Первой и Второй мировыми войнами. Исследуется появление и конструирование образа «европейца» и европейской идентичности в условиях слома привычного образа восприятия периода *La Belle Époque* с помощью синтеза новых радиотехнологий и сложившейся музыкальной традиции.

Ключевые слова: Международный вещательный союз; международные вещательные проекты; музыкальная культура; межвоенный период.

Title: Challenges to international broadcasting projects during the Interbellum

Abstract. The article deals with the problems faced by international broadcasting projects under the auspices of the International Broadcasting Union (IBU) in Europe between the First and Second World Wars. The emergence and construction of the image of a “European” and European identity in the conditions of breaking the habitual image of perception of the *La Belle Époque* period with a synthesis of new radio technologies and the established musical tradition is studied.

Key words: International Broadcasting Union; international broadcasting projects; musical culture; Interwar period.

В десятилетия между Первой и Второй мировыми войнами массовое внедрение новых технологий, прежде всего, радио, обеспечило быстрый и качественный обмен информации по всему земному шару. Изучение антропологии коммуникации в этот период в Европе важно не только для понимания воздействия государственной политической пропаганды в 1920–1930 годы., но и того, как конструировалась массовая культура международными вещательными проектами.

В ходе работы в первую очередь исследовались архивные документы Лиги наций [8], [14], [15]. Документы и воспоминания современников, принимавших участие в работе её комитетов [2], [3] и оценивающих свою работу к началу Второй мировой войны [6]. Кроме того, стоит отметить

Бискуп, Павел Юрьевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076010@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Михайлова, Елена Андреевна* — к-т иск, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Biskup, Pavel Yurevich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st076010@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Mihajlova, Elena Andreevna* — PhD in Arts, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

новые работы западноевропейских исследователей по межвоенным проектам в области радиовещания.

Большинство научных работ по данной теме обширны и включают в себя не только историко-культурологический, но и технологический, политический и даже бытовые аспекты, поэтому трудно выделить определенные работы, которые были бы исключительно посвящены исследуемой проблематике. Отдельно заслуживает внимания крупная обобщающая работа коллег из Амстердамского университета под руководством Сюзанны Ломмерс [12]. Данный труд обращается не только к архивам Лиги наций, но и соотносит их с документами из архивов стран Западной Европы, комплексно исследуя проблему поиска образа европейца после Первой мировой войны.

Ретроспективным методом в данной работе рассматриваются вопросы адаптации музыкальной культуры к послевоенному миру, исследует проекты объединения Европы и взаимосвязь, которую радио и вещательные проекты оказывали друг на друга. Сравнительным анализом исследуются оценки современников межвоенной эпохи и выводы исследователей XXI века на роль международных вещательных проектов 20-х и 30-х годов в создании общекультурного европейского пространства.

Первой международной организацией, которая занялась решением вопроса синтеза новых технологий и культуры, стал Международный вещательный союз (IBU) — объединение европейских радиовещателей под эгидой Лиги наций, созданное в апреле 1925 года со штаб-квартирой в Женеве. Покровительство международной правительственной организации придавало объединению глобальный характер, а местоположение центра союза в Швейцарии должно было символизировать нейтральность организации [12, p. 20].

Европейские вещательные компании из 12 стран выступили с инициативой взять организацию союза в свои руки. На первый план вышли проблемы поиска компромисса между нациями и решения степени вовлечённости государств в дела будущего IBU. Кроме того, технология радиовещания тогда считалась слишком молодой и динамичной, что создавало трудности для выработки единых международных правил. Благодаря покровительству Лиги наций [3, p. 534] новый проект было решено оставить вне политики какого-либо из правительств [11]. Длительные переговоры между различными частными и государственными вещательными компаниями завершились созданием неправительственного Международного вещательного союза.

С ростом числа вещательных станций и потенциальных слушателей правительства различных стран всё чаще обращали свое внимание на откры-

вающиеся возможности. По подсчётам Гейдельбергского университета, в 1920 году только в нескольких тысячах домов в Европе были радиоприемники. В 1925 году предполагаемая аудитория могла составить 3,4 миллиона слушателей, в 1938 году с расширением ассоциации на все континенты это число выросло до 121 миллиона [9].

Помимо проблемы государственного вмешательства возникли новые сложности. Радиовещание развивалось в то время, когда в Европе уже существовала культура прослушивания музыки в одном месте, но отсутствовала традиция её массового одномоментного восприятия. На рубеже веков прослушивание музыки стало социальным опытом, который происходил в одном месте, в театре или дома, где люди вместе внимательно слушали живые выступления или граммофонные пластинки. Как только вещательные компании начали создавать программы, они обнаружили, что их среда не соответствует этим существующим «стандартам», сложившейся культуре.

Группа сассекских ученых выдвинула утверждение, что реальность 20-х и 30-х как никогда более «была приспособлена к массам, а массы — к реальности, со всем, что подразумевало новые способы восприятия и новые способы мышления» [10, р. 285]. Следовательно, вещатели имели карт-бланш для своих экспериментов, поскольку общество было не столь цинично, как после Второй мировой войны, и было открыто для новых форм получения информации.

В те ранние годы прослушивание радио не было общественным мероприятием, которое люди могли бы провести вместе в течение вечера в таком месте, как концертный зал. Эксперты по радиовещанию попытались найти способ, как адаптировать музыку для среднестатистического европейца. Проблема заключалась в том, что образ ординарного зрителя еще только предстояло сконструировать, чтобы затем «распространить его в качестве стандарта» [4, р. 119–120]. Решая проблему разрыва в традициях прослушивания, IBU специально стремился пересмотреть культуру общества так, как он считал целесообразным.

Насколько успешной была политика IBU в области формирования культуры? Существующие споры внутри организации можно выразить в двух ключевых вопросах: «Что такое европейская культура?» и «Какая программа для вещания будет хорошей для всех европейцев?». Дебаты на эту тему доминировали в переговорах вплоть до начала Второй мировой войны [12, р. 238]. Ключевые акторы: IBU и Лига наций, национальные элиты представляли себе разные подходы вещания в создании европейского единого вещательного культурного пространства. Несмотря на установление тесного сотрудничества, они разошлись относительно

того, кто будет нести ответственность за содержание этих программ и их разработку. Нерешенность этой проблемы видится одним из решающих факторов неудачи попыток ответить на первый вопрос.

Несмотря на существующие трения, члены IBU все же смогли продвигаться во втором аспекте и выработать стандарты новых программ, обратившись к своему опыту работы с театром как местом и граммофонной пластинкой как средством. В течение девятнадцатого века музыкальная элита, объединения артистов, передвижной музыкальный театр и опера формировали культуру прослушивания, которая была трансграничной. К началу XX века с большими площадками и с новыми средствами вещания прослушивание музыки становится социальным опытом для масс людей. Из воспоминаний одного из сотрудников Би-би-си, стоявшего у истоков новых проектов: «Люди, которые создавали все межвоенные объединения, выросли в XIX веке в период *La Belle Époque*, в период почти сорокалетнего мира в Европе. Та эпоха и тот опыт стали для многих интеллектуалов интербеллума эталоном для создаваемых программ вещания» [5, p. 42].

Вещательные эксперты и интеллектуальная элита одинаково считали социальный опыт конца XIX века образцом для вещательных программ. Тем не менее у них были разные мнения о той роли, которую вещание должно играть в построении общества. Более того, они не пришли к единому мнению относительно того, что на самом деле означает «качественная программа». Международные культурные элиты в целом высоко оценили влияние того, что они называли «художественной музыкой», на формирование национальной идентичности, но насколько она подходила для общеевропейского проекта, для идеи выйти за рамки границ государств? Все эти споры приводили к тому, что лишь в 1931 году Комитет по культуре Лиги наций оценил влияние музыки и радиовещания в усилиях по объединению Европы [1, p. 15]. И далеко не последнюю роль здесь сыграли активно развивающиеся международные музыкальные проекты. Их значение было отмечено как непосредственными участниками событий, так и многими исследователями [4, p. 146], [6, p. 131], [15].

Члены Совета IBU в ходе обсуждения договорились о том, что все компании должны при вступлении в организацию согласиться с «принципом культурного сотрудничества» [13], что на практике означало обязательство обмениваться знаниями и технической информацией. Кроме того, члены взяли на себя обязательство «содействовать продвижению идеала международного сообщества IBU в области культуры, устраняя все возможные причины для разногласий» [8, p. 32]. Таким образом, Международный вещательный союз напрямую связывал свою деятель-

ность с идеями мира, взаимопонимания и сотрудничества, проводимыми Лигой наций.

Для воплощения поставленных задач в жизнь IBU учредил отдельный Комитет по интеллектуальному, социальному и художественному сближению (впоследствии именуемый Комитетом по сближению). Основная его деятельность заключалась в том, чтобы донести эти идеи до людей и «просветить их умы» [8, р. 39]. Комитет должен был разработать программы для международного вещания, чтобы люди смогли получить социальный опыт. Только теперь вместо зала консерватории чувство общности должно было распространиться среди миллионов слушателей. В первую очередь на вооружение была взята идея, предложенная известным композитором и членом комитета по культуре Лиги наций Белой Бартоком: «Мы призваны совершить революцию в сознании народов. В этом, как и в искусстве, ничего не может быть эволюционнее, чем музыка» [2, р. 334]. Слушатели должны были бы почувствовать себя частью общества, построенного на интернациональных ценностях, знакомясь с музыкой других стран. Реализовать такое чувство принадлежности и взаимной взаимозависимости было нелегко.

Слушатели не собирались в общественных местах, таких как театр, чтобы принять участие в общем опыте, используя все свои чувства. Люди слушали программы в уединении своих домов. Гораздо труднее было создать международное чувство единства на такой большой территории как Европа, и где такое огромное количество этнических групп жило бок о бок друг с другом. Широкий международный обмен и предоставление прямых трансграничных программ увеличили бы количество иностранной музыки в передачах. По мнению IBU, эти мероприятия позволили бы людям получить необходимый опыт общения с помощью своих радиоприемников гораздо быстрее [12, р. 241].

Таким образом, концепция международной организации, которой на бумаге являлся IBU, не смогла в полной мере решить проблемы конструирования европейской идентичности. И все же, как мы видим из воспоминаний современников и оценок послевоенных исследователей, желание создать международные вещательные проекты и обменяться опытом оказало невероятное по своей значимости влияние. Акторы культурного объединения Европы после Второй мировой войны начинали не с чистого листа, а на основе имеющегося опыта работы и связей, заложенных до войны [7], [16, р. 716]. Межвоенные организации, хоть и канули в Лету, сформировали основные представления о том, что такое европейское общество и европейская идентичность, а главное, как формировать и

видоизменять их образ в массовой культуре. В условиях доминирования западноевропейской культуры после войны именно их подход и возобладали в послевоенной организации международных культурных проектов. Вторая мировая война не стала причиной поражения идеи культурного объединения Европы, а лишь поставила ее на паузу.

Список источников и литературы

1. *Applegate C., Potter P.* Germans as the “People of Music”: Genealogy of an Identity // Music and German National Identity. Chicago, 2002. P. 1–35.
2. *Bartók B., Demény J.* Béla Bartók: Letters. London, 1971. 466 p.
3. *Cummings E., Myers D.* World Peace Foundation Pamphlets. Boston, 1925. 665 p.
4. *Currid B.* A National Acoustics: Music and Mass Publicity in Weimar and Nazi Germany. Minneapolis, 2006. 312 p.
5. *Dubois A.* L'Activité de la radiodiffusion internationale dans le domaine du rapprochement // Radiodiffusion. 1935. № 1. P. 41–46.
6. *Eckersley P.* The Power Behind the Microphone. London, 1941. 255 p.
7. *Haas P.* Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // International Organization. 1992. № 46. P. 1–35.
8. IBU. Twenty Years of Activity of the International Broadcasting Union. Geneva, 1945. 325 p.
9. International Broadcasting Union // Lonsea: League of Nation Search Engine URL: <http://www.lonsea.de/pub/org/697> (дата обращения: 08.10.2022).
10. *Lacey K.* Towards a periodization of listening: radio and modern life // International Journal of Cultural Studies. 2012. № 3. P. 279–288.
11. League of Nations. Publications issued by the League of Nations. — Boston, 1925. 240 p.
12. *Lommers S.* Europe – On Air: Interwar Projects for Radio Broadcasting. — Amsterdam, 2012. 326 p.
13. *Misa T., Schot J.* Inventing Europe: Technology and the Hidden Integration of Europe // History and Technology. 2005. № 21. P. 1–22.
14. Procès-Verbal de la Commission de rapprochement, intellectuel, artistique et social tenue à Ouchy, Geneva. June, 17th, 1927 // International Broadcasting Union Archives. Commissions des Programmes. Série 567.
15. Radiodiffusion éducative: Collaboration avec la S.D.N. Rapporteur A. R. Burrows, Geneva. September, 25th, 1931 // International Broadcasting Union Archives. Général. Section de Coopération Intellectuelle. Société des Nations. Général. Box 92. Série 2796.
16. *Steffen K., Kohlrausch M.* The Limits and Merits of Internationalism. // European Review of History: Revue européenne d'histoire. 2009. № 16. P. 715-737.

Для цитирования: Бискуп П. Ю. Вызовы международным вещательным проектам Интербеллума // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 142 – 147.

Фильм «Господин оформитель» (1988) в контексте основных тенденций кинематографа Перестройки

Аннотация. В статье рассматривается положение фильма «Господин оформитель» в контексте основных тенденций кинематографа эпохи Перестройки: реализм, трагизм, мистицизм, декаданс и постмодерн. Тенденция обращения к сюжетам Серебряного века в фильмах Перестройки прослежена через связь с литературным уровнем интертекста «Господина оформителя».

Ключевые слова: Господин оформитель, кинематограф Перестройки, декаданс в кино, мистика в кино.

Title: The film "Mister Designer" (1988) in the context of the Perestroika's main cinematography tendencies

Abstract. The article examines the film "Mister Designer" position in the context of the Perestroika's main cinematography tendencies: realism, tragedy, mysticism, decadence, postmodernism. The tendency of invoking the narratives of the Silver Age in the movies of Perestroika is traced by its connection to the literary level of the "Mister designer's" intertext.

Key words: Mister Designer, cinema of Perestroika, decadence in the cinema, mysticism in the cinema.

Период Перестройки был противоречивым для отечественного кинематографа. С одной стороны, многие фильмы «снимают с полки»: широкая аудитория смогла увидеть картины «Комиссар» (1967) А. Аскольдова, «История Аси Клячиной» (1966) А. Михалкова-Кончаловского, «Проверка на дорогах» (1985) А. Германа. С другой, советская киноиндустрия, после V съезда Союза кинематографистов перешедшая к рыночной модели, не выдерживает конкуренции с телевидением и набирающей популярность зарубежной кинопродукцией. Исследователи Е. Стишова [7; с. 22], И. Кокарев [2; с.8] и Е. Кащенко [1; с.22], обо-

Сидорова, Александра Александровна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st075974@student.spbu.ru

Научный руководитель: Кащенко, Елена Сергеевна — канд. иск., доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Sidorova, Aleksandra Aleksandrovna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st075974@student.spbu.ru

Scientific adviser: Kashchenko, Elena Sergeevna — PhD in Arts, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

значают, несмотря на формальную свободу кинопроизводства, общий рост кризисных тенденций.

Олег Павлович Тепцов – режиссер, главный этап творчества которого пришелся на период Перестройки. В 1988 г. выходит фильм «Господин оформитель», который обретает большую популярность. По замечанию самого режиссера, фильм становится одним из самых кассовых в 1980-е гг. [4; с.303]. В качестве одной из причин можно предположить «приписанный» картине, не совсем обоснованно и вопреки мнению режиссера, жанр ужасов [4; с.324]. Первая версия фильма была снята как дипломная работа на Высших режиссерских курсах ВГИКа под руководством В. Мельникова и получила высокую оценку не только мастера, но и коллег по институту. После этого Олег Тепцов принял решение расширить работу до полного метра, пленку для этого предоставил Ленфильм [4; с.354]. Именно этот вариант известен сегодня широкому зрителю.

Предлагаем проанализировать положение фильма «Господин оформитель» в контексте важных тенденций кинематографа Перестройки: реализм, трагизм, мистицизм, декаданс и постмодерн. Для этого обратимся к литературным заимствованиям, сделанным в «Господине оформителе», проведем сравнение с другими знаковыми фильмами этого периода.

В ряде художественных и стилистических особенностей фильма стоит выделить общее настроение декаданса, увлечение ирреальным и мистическим. Также важной составляющей являются три уровня интертекста: литературный, живописно-графический и аудиальный, каждый из которых вступает в диалог с ассоциативным рядом зрителя и дополняет восприятие работы.

Сценарий представляет сочетание двух архетипических сюжетов мировой культуры – мифов о Пигмалионе и Франкенштейне: подобно Пигмалиону художник влюбляется в собственное творение и подобно Франкенштейну пытается бросить вызов Богу. Источником вдохновения стали «Серый автомобиль» А. Грина и «Балаганчик» А. Блока, однако их влияние на сюжет весьма условно. Аудиальный и литературный уровни интертекста соединяются в звучащем за кадром стихотворении А. Блока «Шаги командора», в свою очередь отсылающему к еще одному архетипическому сюжету о Дон Жуане. После выхода фильма критик С. Шолохов на страницах «Советской культуры» писал, что в сюжете фильма нет ничего нового, это известный мифологический образ, разыгранный в модернистских декорациях. [10; с.7].

Фильм собирает целое из частей, выстраивает череду заимствований – все это постмодернистские приемы, как и попытка соединить массовое

и элитарное, осознанно противопоставляя их друг другу и осмысляя это соединение как событие. Автор сценария Ю. Арабов открыто говорил о том, что попытка соединить авторское и зрительское была одной из основных его задач при работе над «Господином оформителем». [8]. Увлекательный сюжет сочетается с малодоступными для широкого зрителя отсылками к живописи и графике О. Редона, Ж. Дельвиля, М. Клингера. На музыкальном уровне соседствуют поп-механика С. Курёхина и «Пиковая дама» П. Чайковского.

Подобные попытки сочетания зрительского и авторского кино можно проследить и в других фильмах периода Перестройки. С. Соловьев в картине «Асса» (1987), по замечанию критиков А. Тимофеевского [9; с.46] и Е. Стишовой [6], создает истинно постмодернистское произведение, не ставя перед собой такой задачи. В «Ассе» соединяются мелодраматический и детективный уровни, «авангардные» сны Банана, исторический анекдот об убийстве Павла I и рок-музыка. [9; с.46]. Режиссер Александр Хван, комментируя свою новеллу «Хозяин» (1989) по мотивам рассказа Рэя Брэдбери «Коса», заявлял о том, что считает слияние массового и элитарного совершившимся, а его фильм, сочетающий приемы ужасов с размышлениями об обреченности всего живого на смерть, подтверждает этот тезис [5]. Создание лабиринтов, игра смыслов и цитирование присутствуют и в совершенно авторском фильме Киры Муратовой «Астенический синдром» (1989).

В период Перестройки кинематографисты все чаще критически осмысляют реальность, создают мрачные картины об утрате человеческих связей: «Маленькая Вера» (1988) В. Пичула; «Интердевочка» (1989) П. Тодоровского; «Такси-блюз» (1990) П. Лунгина; «Мигранты» (1991) В. Приемыхова и упомянутый «Астенический синдром». Это становится возможным в том числе и благодаря фактическому снятию цензурных ограничений. Вне этой тенденции находится «Господин оформитель», обращенный сюжетно – к Серебряному веку, идейно — к мистике и декадансу. Большинство упомянутых фильмов имеют трагичный финал.

Бегство от реальности и общее настроение декаданса роднит «Господин оформитель» с целым рядом перестроечных фильмов: «Преступление лорда Артура» (1991) А. Орлова, «Захочу-полюблю» (1990) В. Панина, «Циники» (1991) Д. Месхиева. Литературной основой «Преступления Лорда Артура» становится произведение «Преступление Лорда Артура Сэвила» О. Уайльда, вдохновлявшего декадентов. «Захочу-полюблю» создан по мотивам повести модерниста и символиста В. Брюсова «Последние страницы из дневника женщины». «Циники» сняты по одноименному роману имагиниста А. Мариенгофа. Общее есть не только в периоде

творчества авторов, но и в теме упадка и бегства от жестких реалий времени, которая прослеживается и в фильмах, и в литературных первоисточниках. Интересно, что «декадентские» картины Перестройки, как и реалистические, имеют трагичный финал – еще одна важная и почти универсальная примета времени.

Работа с сюжетами Серебряного века в целом симптоматична для периода Перестройки. На рубеже XIX-XX вв. в образованной среде растет интерес к темам эзотерическим, развивается русский космизм. Как замечает С. Луговой, в советский период существовал запрос на мистику, который мог быть воплощен как в значительном интересе к кружку Ю. Мамлеева, так и в популярности на телевидении сюжетов об Алане Чумаке, распространении вероучения Марии Деви Христос [3]. Ещё одной причиной такого интереса может быть фактическое отсутствие открытых религиозных дискуссий, порождающее интерес к более простым религиозным формам.

Отсчет мистической темы в советском кино, однако, нужно вести не с Перестройки, а с фильма «Вий» (1967) К. Ершова и Г. Кропачева, которому, как и «Господину оформителю», часто приписывают жанр ужасов. «Господин оформитель» с разгуливающим по городу манекеном и вызовом человека Богу – тоже мистическое произведение. Из Перестроечных мистических фильмов стоит отметить: глубоко религиозный «Посетитель музея» (1989) К. Лопушанского (выходец из мира музыки – как и О. Тепцов); «Сфинкс» (1990) А. Добровольского по сценарию Ю. Арабова; загадочная и бесконечная «Лестница» (1989) А. Сахарова; вторая работа О. Тепцова «Посвященный» (1989) о возможности «богоугодной» жестокости. При этом большинство фильмов, исследующих мистическую тему, так и не нашли широкого зрителя (популярность «Господина оформителя» – исключение). Это было зачастую малобюджетное и нарочито интеллектуальное кино.

Таким образом, «Господин оформитель» стал важным фильмом в контексте эпохи Перестройки. В фильме использованы типичные постмодернистские приемы сочетания массового и элитарного, игра с заимствованиями, к которым по-разному обращались С. Соловьев, К. Муратова, А. Хван. Общей точкой двух важных перестроечных тенденций – бегства от реальности и внимательной ее фиксации – становятся трагичный финал, обреченность героя на смерть и общее пессимистическое мироощущение, воплощенные в том числе в «Господине оформителе». Интерес к мистике отражен в ряде перестроечных картин, в том числе и в «Господине оформителе».

Список источников и литературы

1. *Кащенко Е.С.* Отечественный кинематограф эпохи перестройки: пути развития // Научные труды северо-западного института управления РАНХИГС. 2015. №4 (21). С. 22-26.
2. *Кокарев И. Е.* Российский кинематограф между прошлым и будущим. М.: Русская панорама, 2001. 488 с.
3. *Луговой С.* Апокалиптические видения: эзотерика, мистика и метафизика в перестроечном кино // Искусство кино. URL: <https://kinoart.ru/cards/apokalipticheskie-videniya-ezoterika-mistika-i-metafizika-v-perestroecnom-kino>. (дата обращения: 20.10.2022).
4. *Мишенин Д.О.* Реаниматор культового кино. М.: АСТ, 2020. 384 с.
5. Молодое кино. Кшиштоф Занусси, Максим Мордухаев, Александр Хван (1989) [Рабочие материалы к программе «Молодое кино». Гостелерадиофонд] // YouTube. 2 августа 2018. (<https://www.youtube.com/watch?v=Pkgwul451cg&t=1122s>). (просмотрено: 25.10.2022).
6. *Стишова Е. М.* Пароль «Асса»: как фильм Сергея Соловьева стал манифестом поколения Цоя // Искусство кино. URL: <https://kinoart.ru/opinions/parol-assa-pochemu-film-sergeya-solovieva-stal-manifestom-pokoleniya-tsoya> (дата обращения: 20.10.2022).
7. *Стишова Е. М.* Российское кино в поисках реальности: свидетельские показания. М., Аграф, 2013. 464 с.
8. *Тимашева М.* Юрий Арабов и фильм «Посвященный» // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/24431101.html>. (дата обращения: 20.10.2022).
9. *Тимофеевский А.А.* В самом нежном саване // Искусство кино. 1988. №8. С. 46-53.
10. *Шолохов С.* Желанный гость // Советская культура. 1988. №112 (6524). С. 7.

Для цитирования: *Сидорова А. А.* Фильм «Господин оформитель» (1988) в контексте основных тенденций кинематографа Перестройки // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 148 – 152.

СЕКЦИЯ. ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Румянцев Иван Сергеевич

Каменная архитектура Балахны XVII в.

Аннотация. В середине — второй половине XVII в. в Балахне возобновилось каменное строительство. За это время было построено пять церквей, которые кажутся довольно разными — от небольших бесстолпных храмов до крупного монастырского собора на четырёх опорах со световым пятиглавием. Но при более подробном изучении этих построек можно обнаружить ряд общих художественных форм. В архитектуре Балахны прослеживается влияние Москвы, при этом, связи с архитектурой соседнего Нижнего Новгорода, где в этот же период сформировалась самостоятельная архитектурная школа, не наблюдаются.

Ключевые слова: Балахна, Покровская церковь, Спасская церковь, Христорождественская церковь.

Title: The architecture of Balakhna of the XVII century

Annotation. In the middle — second half of the XVII century stone construction resumed in Balakhna. During this time, five churches were built. These buildings seem to be quite different — from small pillarless churches to a large monastic cathedral on four pillars, but a more detailed study can reveal a number of common artistic forms. The influence of Moscow can be traced in the architecture of Balakhna, but there is no direct connection with the architecture of neighbouring Nizhny Novgorod, where an independent architectural school was formed during the same period.

Keywords: Balakhna, Church of the Intercession, Church of the Saviour, Church of the Nativity of Christ.

Балахна была уездным городом в XVII в. и являлась крупным центром соледобычи и керамического производства, здесь изготавливались кирпич и изразцы. Удачное расположение на берегу Волги способствовало

Румянцев, Иван Сергеевич — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; vanyarum@yandex.ru

Научный руководитель: *Седов, Владимир Валентинович* — док. иск., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

Rumyantsev, Ivan Sergeevich — Moscow State University, Moscow, Russia; vanyarum@yandex.ru

Scientific adviser: *Sedov, Vladimir Valentinovich* — Dr. in Arts, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

активной торговле, особенно с соседним Нижним Новгородом, под экономическое влияние которого попадала Балахна. Неудивительно, что в городе началось активное каменное строительство: известно пять церквей, построенных в XVII в. (до этого известен лишь один памятник — Никольская церковь, которая не будет рассматриваться в статье, так как принадлежит традиции шатрового зодчества второй половины XVI в. и не имеет связи с интересующей нас группой памятников).

Одним из первых описал памятники Балахны С. Л. Агафонов в своей работе «Горький. Балахна. Макарьев» [1]. В 2011 г. был издан каталог памятников Балахнинского района [2], в котором подробно проанализированы известные постройки Балахны. Однако в историографии церковная архитектура Балахны ещё не рассматривалась как единая группа памятников. В связи с этим представляется необходимым выявить общие характеристики архитектуры Балахны XVII в., если таковые имеются, установить, можно ли считать её архитектурной школой, а также имеет ли она связь с нижегородским зодчеством.

Первой каменной постройкой Балахны XVII в. является Покровская церковь 1648 г., декор и завершение которой, к сожалению, практически не сохранились [1, с. 254]. Примечательно, что этот храм служит первым примером камерной бесстолпной церкви по типу московской посадской архитектуры в Нижегородских землях.

Храм является бесстолпной церковью с трёхчастным алтарём и трапезной на высоком подклете, а также с пристроенным с западной стороны крыльцом. Северный и южный фасады храма значительно уже западного и восточного. Стены и своды выложены из большемерного кирпича. Углы фланкированы плоскими лопатками, в центральной зоне фасадов они намечены лишь в верхней трети. Декоративный карниз очень прост и состоит из нескольких плоских полочек с раскреповками, на которые опираются полукруглые закомары-кокошники с простой трёхступчатой профилировкой.

Сложно судить о первоначальном завершении храма. В 1680 г. церковь сильно пострадала от пожара, что, вероятно, стало причиной для его перестройки [1, с. 254]. Долгое время считалось, что первоначальные своды обрушились во время пожара, но проведённые перед реставрацией исследования храма, показали, что свод всё-таки уцелел, хотя и серьёзно пострадал. Реставраторы выбрали решение с тремя главами, что вполне возможно, однако до этого церковь имела пять железных глав, которые появились после пожара и гипотетически могли восходить к первоначальному облику. Не исключено даже, что храм мог завершаться несколькими шатрами.

Внутреннее пространство перекрыто высоким сомкнутым сводом, в который плавно перетекают стены. Благодаря высоте свода, пространство не кажется затеснённым из-за камерных размеров храма. Переход из трапезной в молебельный зал осуществляется через три арочных проёма. Свод трапезной поддерживают два столба. Окна врезаются в свод распахнутыми. При этом все грани имеют очень ясные и красивые очертания.

Следующий храм — Спасская церковь — появился спустя двадцать лет после Покровского, в 1668 г., по заказу крупного солепромышленника Григория Ефремовича Добрынина [5, с. 449]. Церковь расположена на северо-восточной окраине города, близ городских укреплений, на низком берегу Волги. Её аккуратный, пышный пятиглавый силуэт с горкой кокошников хорошо просматривается со стороны реки и служит главным украшением панорамы посада.

Храм сейчас имеет трёхчастную структуру: молебельный зал с тремя пониженными апсидами, трапезную и более позднюю колокольню, которые расположены по оси запад-восток. При подходе к церкви с западной стороны колокольня закрывает собой основной объём, но стоит зрителю немного отклониться от центральной оси, как перед ним открывается великолепный основной объём с горкой кокошников, стройными главками, ажурным декором с множеством деталей. Здесь нет суровости нижегородских церквей с их амбициозной тягой к монументальности и аскетизму монастырских соборов. Это праздничная архитектура, выражающая некоторую наивность и простодушие жизни небольшого, но богатого волжского городка, что и характеризует высокий пятиглавый силуэт с двумя рядами кокошников, пышные наличники и порталы.

Западный и восточный фасады церкви расчленены лопатками. Северная и южная стены уже, поэтому лопатки расположены только по углам. На центральной оси южного и северного фасадов размещены порталы, над которыми находятся большие арочные окна второго света, обрамлённые кирпичными профилированными наличниками с белокаменными вставками. Стены завершаются декоративным карнизом, который имеет двухчастную структуру: лента квадратных нишек с круглыми выемками с зубринами и полочки над ней; поребрик с полочками. Схожие карнизы встречаются в московских постройках этого же времени, например, в церкви Николы в Пыжах (архитектура которой восходит к церкви Троицы в Никитниках), где за рядом квадратных нишек также следует поребрик с полочками. Но в Пыжах детали разработаны сложнее, вследствие чего они более активно взаимодействуют друг с другом, и декор выглядит как единая система, произрастающая из стены. В Спасской церкви декор более лаконичен и поверхность стены имеет большее значение, она

служит своеобразным нейтральным фоном, на котором проявляются пышные наличники и карнизы. Как и церковь в Пыжах, Спасская церковь имеет два ряда кокошников, немного приземистых, растянувшихся вдоль карниза. Главы обоих памятников расставлены довольно свободно, в результате центральный барабан как будто немного проседает. Все эти сходства говорят о том, что Спасская церковь, как и церковь Николы в Пыжах, является своеобразной репликой церкви Троицы в Никитниках. Первые такие реплики стали появляться в провинции в 1640-х гг., а в третьей четверти XVII в. получили широкое распространение. Здесь мы видим осмысленное ориентирование на этот памятник, но в отличие от Николы в Пыжах Спасская церковь следует не в сторону обогащения декоративного начала и «коврового» покрытия декором поверхности стены, а в сторону большего лаконизма.

Наличники больших центральных окон северного и южного фасадов имеют очень сложную систему декорирования с дробной профилировкой. Вместо колонок использованы ширинки, состоящие из профилированных прямоугольных нишек с кружками и ромбиками внутри, кусочков поребрика. Внутри наличника имеется дополнительная рамка, состоящая из цилиндриков, с дыньками посередине. Кокошник, завершающий наличники, имеет трёхчастную структуру.

Прямоугольная в плане трапезная шире молельного зала. На северном и южном фасадах помещалось по два окна с богато украшенными наличниками, на западной же стороне — ассиметрично расположенное окно у северо-западного угла.

С западной стороны к трапезной примыкает квадратная в основании колокольня. На основание последовательно поставлены два октагональных объёма, один из которых является ярусом звона. Колокольня завершена высоким стройным восьмигранным шатром с главкой наверху. Она появилась намного позднее основного объёма, на рубеже XVII – XVIII вв. По этой причине профилировка её карнизов имеет иной характер, окна заглублены сильнее, активнее использованы изразцы.

Внутреннее пространство очень просторно и светло. Небольшой молельный зал перекрыт высоким сомкнутым сводом с открытой внутрь световой главкой. Свет поступает через большие, широко раскрытые центральные окна северного и южного фасадов, а также через окна сбоку от порталов. Для освещения высокого иконостаса дополнительно проделаны круглые окна в западной стене на уровне карниза. В результате верхняя и нижняя части пространства освещены равномерно, резкие контрасты отсутствуют. Три широких проёма соединяют молельный зал

с просторной трапезной, в западной части которой находится внутрстенная лестница, ведущая на второй ярус колокольни.

Христорождественская церковь была построена в 1674 г. как монастырский собор, о чём сообщает архимандрит Макарий, ссылаясь на опись стольника Сомова [5, с. 456]. Основной объём представляет собой высокий четверик, свод которого поддерживают четыре мощных опоры. На него поставлены пять высоких и широких в диаметре глав. Стены выложены из большемерного кирпича в затирку и расчленены лопатками. Приземистые алтарные апсиды подчеркивают высоту стен и геометрическую правильность граней основного объёма. С трёх сторон церковь была окружена одноэтажной галереей, позднее превращённой в закрытую паперть. Колокольня располагалась над юго-западным углом галереи.

Монастырь имел тесные связи с Москвой, он получил несколько царских жалованных грамот. Заказчиком церкви назван протопоп Успенского собора Московского Кремля Кондрат [5, с. 457] (хотя в Успенском соборе он служил гораздо раньше начала строительства Христорождественской церкви). Возможно, храм стал результатом строительной деятельности приезжего, московского заказчика, который оглядывался на столичные образцы, такие как собор Новоспасского монастыря, принадлежащий тому же типу четырёхстолпного храма со световым пятиглавием и тремя пониженными апсидами и который имеющий схожий стройный силуэт.

Поверхность фасадов расчленена лопатками на три широких прясла. Зодчий не боится оставлять открытую поверхность стены. Единственным украшением прясел служат наличники окон, расположенных прямо над галереей. Наличники окон простые и соответствуют обрамлению окон апсид Спасской церкви. В верхней части четверика проходит декоративная лента карниза, которая вдохновлена карнизом Спасской церкви. Здесь присутствует та же двухчастная структура из прямоугольных нишек и поребрика, сопровождаемых несколькими полочками.

Очень сложное декоративное решение имеют апсиды: пышный карниз фасадов перебрался на кромку апсид, все окна имеют обрамление в виде характерных наличников, которые плотно приставлены друг к другу. В результате апсиды становятся местом наибольшего сосредоточения декора.

Внутреннее пространство просторно и развито в высоту. Верхняя зона затенена, так как окна расположены над галереями. Основным источником света в верхних ярусах являются открытые внутрь барабаны световых глав, создающие контрасты света и тени, фактически являясь световыми колодцами. Созданию светотеневых контрастов способствуют и четыре

мощных столба, поддерживающих свод и разделяющих пространство на компартименты.

Архимандрит Макарий пишет, что в 1681 г. рядом со Спасской церковью был построен Введенский храм по заказу солепромышленника Ловушкина [5, с. 449]. Датировка этого исчезнувшего в советское время храма кажется вполне убедительной, так как его композиция очень точно повторяет облик Спасской церкви: угловые лопатки, характерное расположение окон (большое центральное окно, портал и боковое окно рядом с ним), три пониженные апсиды, между которыми помещены мощные полуколонны, отсутствие колокольни (Спасская церковь обрела её только в 1690-е гг.). Но Введенский храм почти не имел декора: у окон нет наличников, карниз максимально прост. Четырёхскатное завершение с одной главкой, вероятно, более позднее, а о первоначальном покрытии сведения отсутствуют.

Последний рассматриваемый памятник Балахны, Знаменскую церковь, архимандрит Макарий датировал 1748 г., а заказчиком её называет богатого солепромышленника П. Латухина (владельца Степенной книги 1670-х гг.) [5, с. 445–446]. Но, анализируя формы этого памятника, можно с уверенностью утверждать, что он относится к вт. пол. XVII в. и принадлежит кругу уже рассмотренных церквей. Это небольшой бесстолпный храм с одной апсидой. Типологически он близок, видимо, московской архитектуре 1680-х гг. Храм завершается одной главкой, но она более поздняя (видимо, 1748 г. связан с перестройками церкви). Декор близок Спасской церкви. Карниз также двухсоставный, но квадратные нишки и поребрик расположены в обратном порядке. Килевидные наличники характерны для своего времени.

Проанализированные памятники каменной архитектуры свидетельствуют о том, что в Балахне, несмотря на довольно активное строительство, самостоятельная школа не сложилась, её постройки не имеют типологической и художественной однородности (от праздничного настроения композиции и декора Спасской церкви до монументальной тяжеловатости Христорождественской церкви). Местные купцы-заказчики, вероятно, имевшие связи с Москвой, заимствовали те или иные столичные формы. Это особенно относится к Спасской церкви, которая отдалённо восходит к никитниковскому типу храма. Однако рассмотренные памятники имеют схожий декор, контрастно выделяющийся на гладкой поверхности стены: двухчастный карниз, содержащий ленту квадратных нишек с выкружками и поребрик, характерные наличники. То есть местное своеобразие в архитектуре Балахны всё-таки присутствует, но оно вторично по отношению

к московским заимствованиям. Связей с нижегородской архитектурной школой мы не наблюдаем.

Список источников и литературы

1. Агафонов С. Л. Горький, Балахна, Макарьев. М.: Искусство 1987. 328 с.
2. Балахнинский район: иллюстрированный каталог памятников истории и культуры / под ред. Е. В. Ходаковского. Н. Новгород: Кварц, 2011. 224 с.
3. Бусева-Давыдова И. Л. Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М.: Индрик, 2008. 364 с.
4. Гацнский А. С. Нижегородский летописец. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 2001. 716 с.
5. Макарий, архимандрит. Памятники церковных древностей. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 1999. 701 с.
6. Филатов Н. Ф. Купола, глядящие в небеса. Н. Новгород: Нижегородский институт экономического развития, 1996. 248 с.

Для цитирования: Румянцев И. С. Каменная архитектура Балахны XVII в. // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 153 – 159.

Жилая архитектура Заонежья в XIX в.: на примере дома Сергина

Аннотация. Статья посвящена искусствоведческому исследованию дома Сергина, входящего в экспозицию музея-заповедника Кижы. В работе затрагиваются архитектурные, декоративные и объёмно-планировочные решения сооружения. Дается справка об истории семьи владельцев и изучается место памятника в экспозиции музея. Анализ осуществляется в контексте общих особенностей жилища заонежского крестьянина во второй половине XIX в.

Ключевые слова: дом Сергина; Кижы; деревянная архитектура.

Title: Residential architecture of Zaonezhie of the XIX century: of the example of Sergin's house

Abstract. The article is devoted to the art research of Sergin's house, which is part of the exposition of the Kizhi Open-Air Museum. The paper studies the architectural, decorative and space-planning solutions of the building. Provides information about the history of the owners' family and the place of the monument in the museum's exposition. The analysis is carried out in the context of the general features of the houses of a Zaonezhie's peasant in the second half of the 19th century.

Key words: Sergin's house; Kizhi; wooden architecture.

Народные традиции деревянного зодчества дольше всего жили на Русском Севере, где постройки из этого материала активно возводились до начала XX в. Сегодня образцы подобной архитектуры являются национальным достоянием. Самым главным комплексом, сохраняющим деревянные постройки, по праву можно назвать музей-заповедник Кижы.

Большинство памятников культового и гражданского зодчества на острове Кижы были детально исследованы учёными. Однако в музее остаются сооружения, не получившие должной теоретической разработанности. Одним из них является дом Сергина из д. Мунозеро — самая крупная жилая постройка острова, размещённая в секторе Васильево (Илл. 1).

Иванова, Ирина Андреевна; Миронова, Елена Григорьевна — Российский государственный художественно-промышленный университет им. С. Г. Строганова, Москва, Россия; iav308@icloud.com

Научный руководитель: *Майстровская, Мария Терентьевна* — док. иск., проф., Российский государственный художественно-промышленный университет им. С. Г. Строганова, Москва, Россия

Ivanova, Irina Andreevna; Mironova, Elena Grigorievna — Moscow State Academy of Arts and Industry, Moscow, Russia; iav308@icloud.com

Scientific adviser: *Maistrovskaya, Maria Terentievna* — Dr. in Arts, Professor, Moscow State Academy of Arts and Industry, Moscow, Russia

Информация о нём упомянута в книге «Традиционный карельский дом» В. П. Орфинского, однако постройка из Мунозера не занимает в ней центрального места [8, с. 249]. Ряд исследований посвящён семейной истории рода Сергиных и содержится в статьях Т. Николокиной [5], Л. В. Трифионовой [8]. Информация о данном доме нуждается в систематизации, переосмыслении ряда вопросов и дополнении имеющихся сведений.

Дом Сергина был перевезён в Кижы в 1972 г. из д. Мунозеро. Выстроенное во второй половине XIX в. здание принадлежало семье зажиточных крестьян. Изучение особенностей его архитектуры невозможно без краткого обзора истории владельцев.

Исследователи установили, что род Сергиных происходил из Великого Новгорода. В XIX в. его представители расселились по северным деревням Медвежьегорского района, некоторые из них обосновались в Мунозере. Ко второй половине XIX столетия его территория состояла из одной улицы, насчитывающей менее 15 крестьянских дворов.

В 1884 г. Лазарь Яковлевич Сергин совместно с местной артелью плотников возвёл на территории семейной усадьбы постройки, материалом для их строительства послужили сосновые бревна диаметром 20-30 см. Комплекс включал огромный деревянный дом, в состав которого входила бакалейная лавка; баня «по-чёрному»; рига; двухэтажный амбар. Когда волна раскулачивания добралась до Заонежья, члены семьи Сергиных покинули Мунозеро и отправились в Петрозаводск.

Невероятные испытания произошли с домом и его обитателями во время Второй мировой войны, они легли в основу стихотворений В. В. Сергина и художественного произведения И. Бацера и А. Кликачёва «Позывные в ночи». В 1941 г., бежав от оккупации, семья вновь оказалась в родном Мунозере. Там Сергины стали подпольно бороться с оккупационным режимом. А. М. Орлов организовал в одной из комнат явочную квартиру разведывательно-диверсионной группы, занимавшейся передачей информации о передвижениях финских войск [5].

Оккупация Заонежья окончательно завершилась в июне 1944 г. Постепенно пустела деревня и ветшал дом, при этом в послевоенное время здание вызвало интерес у исследователей. Впервые его обмеры были зафиксированы А. В. Ополовниковым в 1953 г. В 1970-е гг. потомки Сергиных приняли решение передать деревянную постройку учёному, который перевёз её на остров Кижы. При поступлении в музей дом находился в аварийном состоянии, благодаря усилиям реставраторов его удалось привести в первоначальный облик: на протяжении 1972 – 1976 гг. было выполнено восстановление здания с переборкой сруба, устройство новых кровель, хлевов, реставрация балкона и декора фасадов [1].

Крестьянские жилища Заонежья являлись преимущественно домами-комплексами, объединявшими жилые и хозяйственные помещения. Подобная планировка связана с суровыми климатическими условиями региона: такой тип постройки позволял подолгу заниматься хозяйством, не выходя наружу, а также защищал скот от морозов [7. с. 22–23].

Традиционно выделяют три основных типа домов Заонежья:

1) «брусью», где жилая и дворовая части располагались друг за другом под общей или под отдельными кровлями таким образом, что план напоминал единый длинный вытянутый прямоугольный сруб;

2) «глаголи», у которых обе части имели Г-образное сочленение, хозяйственные помещения находились под прямым углом к жилым;

3) «кошели» — дома, в которых двор примыкал продольной стеной к жилью, при этом общая двускатная кровля становилась асимметричной. Все жилые и хозяйственно-бытовые помещения в таком доме сгруппированы и объединены в единый квадратный в плане сруб.

Кошели строили двух типов. В первом главным являлся торцовый фасад, акцентированный балконом, на который выходили окна светёлки. Во втором типе — продольный фасад, ось симметрии которого подчеркивал мезонин, под ним располагались балкон и крыльцо. Важно отметить, что строгое разделение домов-комплексов у крестьян отсутствовало. Различные типы могли смешиваться, образуя новые архитектурно-планировочные решения.

В связи со сделанными выводами можно установить особенности типологии дома Сергина. Многие исследователи считают, что его планировка является характерной для построек типа «кошель». Однако некоторые ученые выдвигают иные тезисы: в книге «Деревянное зодчество Карелии» В. П. Орфинского дом Сергина отнесен к типу «глаголь, образовавшемуся от кошеля». К схожим выводам приходит А. Т. Яскеляйнен [10, с. 180]. Действительно, план дома Сергина имеет сложную структуру, отличающую его от типичных домов типа кошель.

Общая ширина дома (по западному фасаду) составляет 21 м, длина (по южному фасаду) — 24 м, высота — около 7 м. Постройка отличается гармоничными пропорциями и соразмерностью человеку. Все фасады дома разные, повторяющиеся только в отдельных декоративных элементах.

Дом Сергина отвечает основными стилистическим тенденциям Заонежья второй половины XIX в. Он богат на декоративное убранство, несущее смысл символической защиты хозяев. Его главный фасад ориентирован на запад и обращен к улице, задний выходит на восток, в сторону озера. Композиционный центр западной стены — мезонин,

оформленный декоративным балконом с четырьмя витыми столбиками, поддерживающими фронтонный треугольник с арочным проёмом. Края арки и фронтонного треугольника подчеркнуты подзором и причелинами с орнаментальным изображением воды. Стыки прикрывает ветреница с вырезанными на ней символическими орнаментами «живого» солнца, а венчает фронтонный треугольник коньковое бревно. Вокруг арки на фронтонном треугольнике набиты три розетки в виде шестиконечных звёзд, которые могут быть знаками луны. Балясины с тонкой сквозной резьбой вплотную прилегают друг к другу, образуя единое орнаментально выдержанное целое. Завершённость декоративному убранству мезонина придаёт подзор с тремя ажурными ветреницами, набитыми по низу балкона. Все они имеют изображение солнца, а на центральной вырезано изображение церковного купола с христианским крестом.

Под мезонином находится двухъярусное крыльцо-галерея. Вход на него, вынесенный вперед и чуть смещённый в сторону от центральной оси, вносит легкую асимметрию в строго выверенную композицию главного фасада. Южный фасад жилой части выдвинут вперёд относительно основного объема дома и благодаря смещению хозяйственного двора к северу перекрыт равностатной кровлей. Его фронтон акцентирован балконом, аналогичным по убранству балкону мезонина и украшен причелинами и ветреницей.

Большую роль в декоре дома играют наличники с филленчатыми ставнями и прямоугольным навершием, увенчанным кокошником. Оно орнаментировано рядом глухих треугольных элементов с двойной гирляндой и тремя кистями (Илл. 2).

Восточный фасад имеет скромное оформление в связи с хозяйственным назначением. За ним располагались хлева и сараи, срубы которых сделаны раздельными, причём сруб сарая опирается на четыре мощных столба — «быка». (Илл. 3).

До реставрации внешнее убранство дома отличалось тем, что углы и прирубы жилой части были закрыты тёсом и украшены накладными ромбами. Интерес представляет несохранившаяся полихромная окраска, оживляющая колорит древесины. Например, поле фронтонного треугольника и зашитые тёсом стены вокруг окон западной светёлки были окрашены в жёлтый цвет, а верх арки и балкон — в зелёный (Илл. 4).

Внутренние пространства дома Сергина из д. Мунозеро, занимающие площадь 802,1 м² расположены на трёх уровнях. Асимметричный план сооружения со смещённым по продольной оси двором составляют два врезанных друг в друга прямоугольника.

Жилые пространства традиционно членились на различные по размеру сени и избы, отапливаемые печами. Деление интерьера на несколько жилых зон связано с семейным укладом заонежан: местная традиция предполагала, что взрослые дети главы хозяйства обосновывались в отчем доме.

В нижние сени дома Сергина вело крыльцо-галерея, слева от входа размещалась лестница, поднимающаяся на второй этаж. С северной стороны к ним примыкала зимняя изба. На юге пространство разделялось на избу и горницу, в которой размещалась печь-лежанка. Второй жилой этаж имел идентичную планировку. На третьем уровне дома размещались две светёлки на юге и западе, пригодные для жилья лишь в летний период. На востоке находился чердак, являющийся складским помещением.

Хозяйственные помещения дома Сергина охватывают боковую и заднюю стены жилой части. Они состояли из огромного по площади сарая и трёх хлебов, где размещался домашний скот. Взвоз в западной части дома предназначался для въезда лошадей с грузом. Сарай в хозяйствах Заонежья являлся многофункциональным: в нём выполняли ремесленные работы, хранили запасы сена и размещали транспортные средства.

Интерьеры дома Сергина были утрачены в период перевозки сооружения из д. Мунозеро в Кижы. Благодаря усилиям реставраторов удалось сохранить оригинальные печи по-чёрному в северных избах и несколько рундуков. Также был восстановлен ряд декоративных элементов, в т. ч. балясины на лестницах.

После реставрационных работ дом Сергина использовался для экспозиционной деятельности. В августе 1978 г. на первом и втором этажах сооружения открылась выставка «Народное искусство Карелии», в создании которой принимали участие искусствоведы региона: Б. А. Гушин, А. Т. Беляев и начинающий специалист В. А. Гущина [4, с. 8]. Экспозицию составляли предметы крестьянского творчества из фондов Кижей, датируемые концом XIX – первой половиной XX вв. В залах дома они разделялись по регионам и материалам. В сарае размещались изделия советского прикладного искусства Карелии 1950 – 1970-х гг.

Южную светёлку с 1985 г. занимала выставка «Партизаны и подпольщики Заонежья в годы Великой Отечественной войны», посвящённая борьбе с финской оккупацией. Место размещения экспозиции было выбрано куратором Л. В. Трифоновой не случайно, ведь именно в этом пространстве скрывалась группа разведчиков в 1943 – 1944 гг.

В начале 1990-х гг. руководство музея-заповедника Кижы приняло решение расформировать экспозиции в доме Сергина и передать его

под фондохранилище. С 1991 г. два жилых этажа здания стали использовать под размещение предметов из коллекции «дерево» и «металл» (с 2008 г. металлические изделия перевезли в расположенный рядом дом Васильева).

Подводя итоги, стоит отметить, что деревянное зодчество Заонежья — уникальное явление, ставшее предметом пристального интереса для нескольких поколений исследователей. Дом Сергина из д. Мунозеро является выдающимся памятником архитектуры Русского Севера. Его можно рассматривать как часть истории одной семьи, так и целого народа Карелии. Несмотря на то, что дом Сергина четко атрибутируется и вписывается во все каноны дома заонежского крестьянина, он поражает своей масштабностью и богатством декоративной отделки.

Каждый фасад дома Сергина наделен монументальностью, индивидуальностью и раскрывает различные конструктивные и планировочные особенности. В проанализированном здании прослеживается органическая связь жилых и хозяйственных помещений, объединённых общей асимметричной крышей и расположенных параллельно друг другу. Анализ планировочных решений сооружения позволяет отнести его к традиционному типу «кошель» с рядом элементов «глаголя». Декор постройки одновременно отсылает к языческой традиции, идущей из глубины веков, и наделяется духовной христианской символикой. Данные особенности качественно выделяют постройку среди других крестьянских жилищ Русского Севера.

Список источников и литературы

1. Выполнение работ на архитектурных памятниках. Дом Сергина из д. Мунозеро. URL: <https://kizhi.karelia.ru/architecture/vasilevo/dom-sergina-iz-d-munozero/restoration-works> (дата обращения: 29.08.2022).
2. *Маковецкий И. В.* Памятники народного зодчества Русского Севера. М., 1955. 183 с.
3. *Мильник М. И.* Заонежье. История и культура. Очерки. Фотографии: Альбом. СПб., 2012. 176 с.
4. Народное искусство Карелии: Каталог выставки музея «Кижы» / Сост. *Беляев А. Т.* Петрозаводск, 1979. 56 с.
5. *Николюкина Т.* Дом Сергина: мир и война // Газета «Кижы» № 5. Петрозаводск, 2008. С. 6.
6. Обмерные чертежи *Б. В. Гнедовского*. URL: <https://kizhi.karelia.ru/collection/zhilye-doma/4587#lnk> (дата обращения: 01.11.2022).
7. *Ополовников А. В.* Дерево и гармония. Образы деревянного зодчества России. М., 1998. 208 с.
8. *Орфинский В. П.* Традиционный карельский дом. Петрозаводск, 2009. 478 с.

9. Трифонова Л. В. Из истории одной крестьянской семьи: история семьи Сергиных из Мунозера // Рябининский чтения-1995: Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 1997. С. 318–320.

10. Яскеляйнен А. Т. Архитектурно-археологическое датирование традиционных жилых построек Заонежья // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводска. Петрозаводск, 1998. С. 173–193.

Приложение 1

Илл. 1. Западный фасад дома Сергина. XIX в. Кижы. Фото авторов.

Илл. 2. Наличник дома Сергина. XIX в. Кижы. Фото авторов.

Илл. 3. Восточный фасад дома Сергина. XIX в Кизи. Фото авторов.

Илл. 4. Обмерный чертёж Б. В. Гнедовского. Дом Сергина. 1940-е гг. Источник: <https://kizhi.karelia.ru/collection/zhilye-doma/4587#lnk> (Сайт музея-заповедника «Кизи»). Дата обращения: 23.10.2022).

Для цитирования: Иванова И. А., Миронова Е. Г. Жилая архитектура Заонежья в XIX в.: на примере дома Сергина // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 160 – 167.

Архитектор Н. А. Львов как создатель историко-культурных ландшафтов Тверской области

Аннотация. Статья посвящена архитектурному наследию Н. А. Львова в Тверской области. Сделана попытка выявления характерных черт в творчестве Н. А. Львова в Тверской губернии, выяснения его влияния на архитектурный облик этого региона и привлечения внимания к вопросу сохранения наследия архитектора. Автор предлагает рассматривать созданные Н. А. Львовым ансамбли как выразительные историко-культурные ландшафты.

Ключевые слова: Николай Львов; палладианство; историко-культурный ландшафт.

Title: Architect N. A. Lvov as a Creator of the Historical and Cultural Landscapes in Tver region

Abstract. The article is devoted to the architectural heritage of N. A. Lvov in the Tver region. The author made an attempt to identify the characteristic features in the heritage of N. A. Lvov in Tver province, to find out his influence on the architectural appearance of this region and to draw attention to preserving the heritage of the architect. The author proposes to consider the ensembles created by N. A. Lvov as expressive historical and cultural landscapes.

Key words: Nikolai Lvov; palladianism; historical and cultural landscape.

Н. А. Львова (1753-1803) можно по праву считать одним из крупнейших мастеров усадебного ансамбля — им было создано свыше сорока комплексов усадеб в разных губерниях России. Особенно ярко талант Н. А. Львова проявился на родине архитектора, в Тверской губернии. Именно здесь он создал — полностью или частично — 13 ансамблей, что превосходит число осуществленных им проектов под Петербургом и Москвой [8, с. 387-390]. Кроме того, в современной Тверской области сохранились и культовые постройки архитектора.

Шевелева, Анна Сергеевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st075983@student.spbu.ru

Научный руководитель: Мещенина, Анастасия Анатольевна — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Sheveleva, Anna Sergeevna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st075983@student.spbu.ru

Scientific adviser: Meshchenina, Anastasiya Anatolevna — PhD in History, Associate Professor., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Обратимся к тем особенностям творческого метода Н. А. Львова, которые раскрывают созданные им на территории тверского края произведения архитектуры. В литературе XX–XXI веков Н. А. Львова, наряду с Дж. Кваренги, И. Е. Старовым и В. И. Баженовым, называют одним из наиболее последовательных палладианцев. Однако по мнению В. Н. Гращенкова, только Дж. Кваренги можно считать палладианцем в точном значении этого слова. Другие усвоили палладианскую традицию более отвлеченно. Но как раз в этом отдалении от живого Палладио и заключалась возможность свободного творческого усвоения его притягательных идей [2, с. 211]. Действительно, в предисловии к русскому изданию трактата Палладио Н. А. Львов постоянно предостерегает против слепого копирования его приемов, особенно когда дело касается планировки жилых домов в русских условиях [1, с. 107]. Н. А. Львов в точности никогда не повторяет композиционные схемы Палладио, они подвергаются у него творческой интерпретации в сочетании с удобством для хозяев дома.

Одним из ярких примеров «свободного творческого усвоения» идей Палладио является собственная усадьба Н. А. Львова Никольское-Черенчицы, расположенная в 18 км от Торжка. Кубический объем, увенчанный четырехгранным купольным бельведером, портики, поднятые над первым этажом, гладь стен, четкие пропорции — все, кажется, напоминает о постройках Палладио. Тем не менее, различная трактовка фасадов не соответствует образцу виллы Ротонда. Дом Львовых, рассчитанный на холодный климат, был удобно распланирован с учетом сторон света. Отказ Н. А. Львова от копирования Палладио, таким образом, не приводит к оскудению художественного языка архитектурного произведения, а обеспечивает баланс содержания, почерпнутого у великого вичентинца, и формы, приспособленной к местным условиям.

Другой особенностью метода Н. А. Львова, которая нашла отражение в архитектурных сооружениях в имении в Никольском, можно считать стремление мастера к применению современных инженерных технологий. Наиболее ярким примером тому может служить погреб-пирамида. Погреб в Никольском выгодно отличается от подобных строений не только оригинальным конструктивным решением, но и архитектурной формой, придавшей заурядной постройке вид паркового павильона, дополнившего структуру поэтических символов усадьбы.

Ценность усадебного комплекса в Никольском-Черенчицах заключается в редком художественном единстве всех его составляющих. В нем были синтезированы новейшие для того времени достижения архитектуры, паркостроения, гидромелиорации, строительной техники, отопительной системы.

Парадные и хозяйственные постройки были соединены в единый организм и в усадьбе Знаменское-Раёк, построенной в 1780–1790-е годы для сенатора Ф. И. Глебова. Усадьба Знаменское является одной из самых ярких и последовательных образцов палладианства на русской почве. В Знаменском использован любимый прием Палладио — колонная лоджия, соединявшая главный дом со служебными постройками. Въезд во двор оформлен воротами в виде триумфальной арки, от которых расходились, закругляясь, в обе стороны ряды тосканских колонн. Используя триумфальную арку в усадебном строительстве, Н. А. Львов выступил как новатор [14, р. 184].

Знаменское представляло собой удивительный памятник садово-паркового искусства конца XVIII в. — он включал в себя увеселительный сад с птичником и зверинцем, плодовый и ботанический сады. В оранжерее выращивали такие экзотические для России культуры, как ананасы, персики, цитрусовые, инжир и др. Это ботаническое разнообразие не покажется излишним, если принять во внимание то специфическое понимание загородной жизни, которое было свойственно современникам Н. А. Львова. Активное занятие садоводством и огородничеством имело глубокое теоретическое обоснование и воспринималось как способ постижения природы и ведения наиболее рационального образа жизни. Необходимость иметь в хозяйстве великое множество видов растений было для просвещенных помещиков еще и олицетворением их гражданской позиции: «Кто помышляет о сем патриотически, тот умеет заменить ту и другую иностранную вещь своими домашними» [9, с. 3]. Современник Н. А. Львова ученый-агроном и просветитель А. Т. Болотов призывал читателей «Сельского жителя» делиться с ним «экономическими своими примечаниями», подчеркивая общественную значимость знаний, которые помогли бы «множайшим сельским жителям» в ведении хозяйства. А. Т. Болотов писал: «Не сделались ли бы и друг другу и всему обществу полезными, и не приобрели бы себе не только от современников своих, но и от потомков честь и славу?» [12, с. 5] Тема ведения сельского хозяйства приобретает общегосударственное, вневременное звучание. Ансамбли Н. А. Львова, таким образом, не только представляют собой вершину архитектурно-строительной теории своего времени, но и прекрасно отображают идеи екатерининской эпохи.

Имя Н. А. Львова непосредственно связано со становлением нового, эмоционального отношения к пейзажным садам и паркам. В его рукописях встречаются такие слова, как «прекрасное положение места», «веселые» и «меланхолические» виды [3, с. 181]. Культ природы, обращение к ней как к источнику творческих сил, нравственного совершенства, гар-

монии и умиротворения — характерные черты русской духовной культуры кон. XVIII — нач. XIX в.

Усадебная архитектура Н. А. Львова, как нам представляется, оказала существенное влияние на современников, а творческий метод мастера стал примером для подражания для многих поколений архитекторов, работавших в Тверской губернии. Многие здания в Торжке имеют сходные со львовскими стилистические, конструктивные или плановые решения. Примеров тому можно привести немало: Климентовская церковь (конец XVI в.), перестроенная на рубеже XVIII и XIX вв. и получившая завершение в виде белоколонной ротонды-бельведера, сходное с завершением надвратной церкви-колокольни Борисоглебского монастыря; Воскресенская церковь, возведенная в 1840-х гг., перекрытая двойным куполом с применением традиционного львовского «верхнего света» и т. д.

Следует отметить и то, что в период, непосредственно предшествующий началу деятельности Н. А. Львова, в архитектуре и планировке усадеб Тверской губернии преобладали барочные черты [11, с. 56]. Однако под его влиянием строгая иерархия архитектурных компонентов барочных ансамблей сменилась более мягким соотношением главного дома, флигелей и садово-парковых павильонов. Не вызывает сомнений и тот факт, что примененные Н. А. Львовым при строительстве загородных усадеб принципы повлияли на развитие архитектурной мысли в России в целом. Так, например, в своем «Опыте городовым и сельским строениям» архитектор и градостроитель И. Лем продолжил разрабатывать предложенные Н. А. Львовым идеи экономичного использования материалов, умеренного украшения фасадов, соответствия внутреннего убранства назначению помещения и т. д. [5].

Решающую роль в создании обновленного облика Торжка в период, когда в городе формировалась новая система доминант, сыграли построенные по проекту Н. А. Львова Борисоглебский собор и колокольня надвратной церкви. В силуэте города значительно повышается удельный вес Борисоглебского и Воскресенского монастырей, превратившихся в крупные каменные градостроительные комплексы. Чувство целостности городской композиции и закономерности развития было присуще Н. А. Львову всегда, когда проектируемые им здания должны были «врастать» в сложившийся исторически городской организм. Львов проявил себя как палладианец, применив тот принцип архитектурного «диалога эпох», который выдвинул свое время А. Палладио при реконструкции городской ратуши XV в. в Виченце, включив древнюю постройку в состав новой [7, с. 308].

Один из наиболее оригинальных аспектов творчества Н. А. Львова — землебитное строительство — был также предложен архитектором для реализации на Тверской земле. Однако проект землебитных казарм в Торжке так и остался неосуществленным. Тем не менее, оценивая эффективность проекта Н. А. Львова, необходимо принимать во внимание не только количество возведенных построек, но и изменение общественного сознания в России под влиянием нового способа хозяйствования, предложенного архитектором-изобретателем [6, с. 117]. Доказательство возросшего интереса в России к землебитному строительству — издание в 1794 г. перевода книги французского архитектора Ф. Куантеро, посвященной методике землебитного строительства. Ф. Куантеро подчеркивал, что дома, выстроенные таким способом, «прочны, здоровы и дешевы», не подвержены пожарам и пользуются большой популярностью во Франции [4, с. 22-23]. Таким образом, активное внедрение землебитного строительства на русской почве усилиями Н. А. Львова характеризует его как выдающего деятеля эпохи Просвещения, действующего в рамках последних достижений европейской архитектурной мысли.

В процессе изучения творчества Н. А. Львова неотвратимо встает вопрос о сохранении его архитектурного наследия. Авторы публикаций — как во второй половине XX, так и в начале XXI в., — делают неутешительный вывод о том, что к настоящему моменту большая часть творений Н. А. Львова находится в запустении, разрушается [13]. Между тем, сохранность многих памятников уникальна. Так, в знаменитом погребепирамиде в Никольском сохранились первоначальные росписи, вероятнее всего выполненные В. Л. Боровиковским [10, с. 437].

Подводя итог анализу архитектурного наследия Н. А. Львова в Тверской губернии, прежде всего необходимо отметить невероятное разнообразие творчества мастера. Н. А. Львов в равной степени успешно справлялся с задачами организации пространства на плотно застроенной городской площади и в лесной глуши, на территории старинного монастыря и вновь отстроенной железнодорожной переправы. Часть проектов Н. А. Львова не была осуществлена, а возведенные здания впоследствии либо уничтожены, либо основательно перестроены еще в XIX в. Тем важнее попытаться теперь сохранить то, что еще возможно. Влияние Н. А. Львова на провинциальную и столичную архитектуру рубежа XVIII–XIX вв. представляется нам недооцененной.

Наследие Н. А. Львова представляется нам особенно ценным также и потому, что архитектор был ярчайшим выразителем идей екатерининской эпохи, выдающимся просветителем, к работам которого мы можем при-

коснуться спустя два с половиной столетия. Ансамбли, которые согласно представлениям современников, идеально вписывались в природный ландшафт, сегодня обрели новое неповторимое звучание. Синтез теории Палладио, идей Просвещения и лучших достижений современной Н. А. Львову инженерной мысли, воплощенный в условиях среднерусского пейзажа Тверской земли, представляет собой поистине уникальное явление культуры России XVIII в. Все это дает основание воспринимать созданные Н. А. Львовым ансамбли как выразительные историко-культурные ландшафты, неразрывно соединяющие в себе материальные объекты и нематериальные ценности. Осмысление работ мастера в таком ключе поднимает их значение в архитектурном облике Тверской области на новый уровень, утверждая необходимость комплексного подхода в их изучении и сохранении.

Список источников и литературы

1. *Гуляницкий Н. Ф.* Метод Палладио в композиции русской классической усадьбы // *Архитектура русской усадьбы* / Ред. *Гуляницкий Н. Ф.* М., 1998. С. 87–173.
2. *Гращенко В. Н.* Наследие Палладио в архитектуре русского классицизма // *Советское искусство* 81. Вып. 2 (15). М., 1982. С. 201–234.
3. *Евсина Н. А.* Архитектурная теория в России второй половины XVIII – начала XIX века. М., 1985. 256 с.
4. *Куантеро Ф.* Школа деревенской архитектуры, или Наставление, как строить прочные дома о многих жилищах из одной только земли, или из других обыкновенных и дешевых материалов. М., 1794. 72 с.
5. *Лем И. М.* Опыт городским и сельским строениям, или Руководство к знанию, как располагать и строить всякаго рода строения по неимению архитектора. СПб., 1821. 117 с.
6. *Милюгина Е. Г.* Землебитный проект Н. А. Львова: история и проблемы изучения // *Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве*. Сб. науч. трудов / Под ред. Милюгиной Е. Г. Тверь, 2021. С. 114–121.
7. *Милюгина Е. Г.* Обгоняющий время. Николай Александрович Львов: поэт, архитектор, искусствовед, историк Москвы. М., 2008. 359 с.
8. *Никитина А. Б.* Архитектурное наследие Н. А. Львова. СПб., 2006. 529 с.
9. Перевод сочинения, присланного в Вольное экономическое общество в ответ на заданный в 1783 году вопрос // *Труды Вольного экономического общества*. СПб., 1784. Ч. V. С. 1–67.
10. *Путятин И. Е.* Собственная усадьба архитектора Н. А. Львова: от Рима к Иерусалиму // *Палладио и классическая традиция*. Сб. материалов международной научной конференции, посвященной 500-летию Андреа Палладио, 3-5 декабря 2008 / Отв. ред. *Путятин И. Е.* М., 2014. С. 436–450.
11. *Смирнов Г. К.* Львов и усадьбы Новоторжского уезда // *Художественная культура русской усадьбы* / Ред.-сост. *Рязанцев И. В.* М., 1995. С. 54–77.
12. Статья от редакции // *Сельский житель*. 9 июня 1778. С. 1–16.

13. Трофимова Т. Е. Изучение и сохранение архитектурного наследия Н. А. Львова в г. Торжке и его окрестностях // Научное обозрение. 2016, № 4. С. 56–59.
14. Rossi F. Palladio in Russia: Nikolaj L'vov architetto e intellettuale russo al tramonto dei lumi. Venezia, 2010. 318 с.

Для цитирования: Шевелева А. С. Архитектор Н. А. Львов как создатель историко-культурных ландшафтов Тверской области // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 168 – 174.

Шляшкин Юрий Сергеевич

Саксонский капитулярий 775 – 790 гг. как правовой памятник Раннего Средневековья

Аннотация. В статье даётся общая характеристика капитуляриев как правовых актов Раннего Средневековья, их классификация, раскрывается сущность Саксонского капитулярия 775 – 790 гг., обстоятельства и время его принятия. Саксонский капитулярий 775 – 790 гг. состоит преимущественно из норм, содержащих составы правонарушений против христианской веры. Целью принятия данного капитулярия было ускорение интеграции саксов в христианский мир.

Ключевые слова: капитулярий, Саксония, правовой акт, Карл Великий.

Title: Capitulary for Saxony 775 – 790 as a legal act of the Early Middle Ages

Abstract. The article is about general characteristics of capitularies as legal acts of the Early Middle Ages, their classification, Capitulary for Saxony 775 – 790 and time and circumstances of its adoption. Capitulary for Saxony 775 – 790 consists of norms that contain offenses against the Christian faith. The purpose of this capitulary was to accelerate the integration of the Saxons into Christendom.

Key words: capitulary, Saxony, legal act, Charlemagne.

Капитулярии являются памятником права Раннего Средневековья, получившим своё распространение на территории Королевства франков в VIII – начале IX вв. Они были одним из способов регулирования общественных отношений в каролингскую эпоху. Более того, в период правления Карла Великого и Людовика Благочестивого разнообразные по форме и содержанию капитулярии стали одним из средств королевского управления.

Шляшкин, Юрий Сергеевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; sjs0696@yandex.ru

Научный руководитель: *Старостин, Дмитрий Николаевич* — к-т ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Shlyashkin, Yury Sergeevich — Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; sjs0696@yandex.ru

Scientific adviser: *Starostin, Dmitry Nikolayevich* — PhD in History, Associate Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

В настоящий момент не существует точного и единственно правильного определения капитулярия как элемента правовой системы державы Каролингов. В самом общем виде капитулярий представлял собой нормативный правовой акт, изданный королём (позже императором), направленный на упорядочивание отношений, возникающих в различных сферах общественной жизни. Понятие «капитулярий» произошло от латинского слова «capitula», т. е. глава. Данное название показывает, что текст капитулярия был разделён на определенные смысловые части — главы. Всего было издано примерно 250 разных капитуляриев франкскими королями и императорами, около половины из них были введены в действие в период правления Карла Великого [6, р. 2].

Целью данной работы является изучение Саксонского капитулярия 775 – 790 гг. в качестве одного из источников права эпохи Каролингов. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: 1) краткая характеристика исследования капитуляриев в исторической науке; 2) изучение вопроса классификации капитуляриев; 3) установление цели, обстоятельств и времени принятия Саксонского капитулярия 775 – 790 гг.; 4) анализ отдельных положений Саксонского капитулярия 775 – 790 гг., раскрывающих основной смысл его создания.

Первое полное научное исследование и публикация капитуляриев были предприняты историком Этьеном Балюзом во второй половине XVIII в. Он первым разграничил варварские правды и капитулярии, проведя также их систематизацию. Именно труд Э. Балюза стал основой для дальнейшего издания капитуляриев с указанием их реквизитов и обстоятельств составления немецкими учёными Георгом Перцем и Альфредом Борещиусом [1, с. 148]. Данные публикации капитуляриев стали основой для исследований следующих поколений историков. В XX в. важный вклад в изучение франкских правовых актов внёс бельгийский историк Франсуа Луи Гансгоф. Он предложил новые даты для окончания периода создания капитуляриев: 843 г. на Востоке державы Каролингов и 884 г. на Западе. Учёный также подчёркивал, что для широкого использования капитуляриев необходимо было создание архивов. Важной вехой для современной науки и дальнейшего изучения капитуляриев стало издание каролингских правовых актов Хуберта Мордека, который провёл тщательный анализ рукописных текстов [1, с. 150].

В своих научных публикациях большое внимание учёные уделяют вопросам классификации капитуляриев и их распространению на территорию королевства. Вместе с тем, в науке не сложилось единой общепринятой классификации капитуляриев. Сделать это достаточно проблематично, т. к. в одном капитулярии могут быть разные по содержанию

правовые нормы. Первым, кто предпринял попытку систематизации капитуляриев, был монах Фонтенельского аббатства Ансегиз. Ансегиз разделил все капитулярии на те, которые были приняты при Карле Великом и те, которые появились во время правления Людовика Благочестивого. У Ансегиза получилось четыре сборника капитуляриев, в каждом из которых содержались правовые акты, принятые в период правления одного из монархов и регулирующие светские или церковные вопросы [6, p. 3].

Альфред Борециус предложил классификацию капитуляриев по предмету правового регулирования. Он разделил все капитулярии на три большие группы: 1) *capitularia legibus addenda*; 2) *capitularia per se scribenda* и 3) *capitularia missorum*. К первой группе он отнёс капитулярии, которые дополняли или изменяли уже действовавшие законы. Во вторую группу входят капитулярии, напрямую регулировавшие вопросы управления страны и распоряжения бюджетными средствами. В третью группу учёный включил капитулярии, которые были адресованы королевским посланцам, направлявшимся в округа для реализации полномочий короля. Такие правовые акты могли быть предназначены для применения в каком-то конкретном деле и ограничены по времени действия [3, s. 3–4].

Каролингские капитулярии также можно классифицировать и по территории действия: универсальные, предназначенные для исполнения во всём королевстве, и региональные, действующие на отдельных территориях. К первой группе можно отнести капитулярий о поместьях, ставший важным для хозяйственной деятельности королевства в целом, ко второй — Аквитанский капитулярий для королевских посланцев 789 г. Важно помнить, что любая установленная классификация достаточна условна. Классификация таких правовых текстов не осуществлялась франкскими королями при их принятии. Часто в тексте одного капитулярия могут содержаться признаки разных выделяемых групп правовых актов. Так, в частности, Геристальский капитулярий 779 г. регулирует как церковные вопросы, так и сугубо административные вопросы управления [5, p. 47]. Использовать конкретную классификацию капитуляриев следует исходя из целей исследования для понимания воли законодателя.

Хотя капитулярии принимались и до прихода к власти Карла Великого, но именно в период его правления капитулярии стали одним из ключевых способов управления страной. Количество новых капитуляриев с момента его восшествия на престол начинает резко увеличиваться. Капитулярии выражают волю короля, а в дальнейшем императора. Однако нужно иметь в виду, что первоначальный текст капитуляриев мог быть искажён путем внесения изменений переписчиками [9, p. 234].

На данный момент не существует точного заключения о том, кто был автором капитуляриев. В научной дискуссии присутствуют гипотезы о том, что капитулярии были как результатом решения короля и его приближенных советников, так и консенсусом королевской власти и верноподданной знати. Капитулярий мог быть напрямую связан с проведением народных собраний. В таком случае, текст капитулярия становился результатом споров и дискуссий, проходивших на собрании. Однако имеется только пять капитуляриев Карла Великого и одиннадцать капитуляриев Людовика Благочестивого, о которых точно известно, что они были приняты по результатам народного собрания. Значительная часть капитуляриев могла быть принята до проведения собраний и напрямую не связана с их проведением [10, р. 258].

Саксонский капитулярий 775 – 790 гг. появился вследствие завоевательной политики Карла Великого. Саксонские войны 772 – 804 гг. оказались самым длительным вооружённым конфликтом за весь период правления императора. Покорение Саксонии стало изнурительным кровопролитным процессом, сложность которого отмечали уже его современники [2, с. 67]. Вооружённые восстания и отсутствие желания саксов к интеграции в религиозные структуры королевства привели к необходимости ускорения христианизации Саксонии с помощью установления законодательных ограничений. Таким образом, Саксонский капитулярий 775 – 790 гг. стал первым письменным источником, регулировавшим отношения в саксонском обществе. Саксонский капитулярий 775 – 790 гг. вместе с Капитулярием о поместьях, а также Геристальским капитулярием 779 г. и рядом других можно отнести к первым программным капитуляриям, в которых Карлом Великим излагались основные принципы управления королевством [9, р. 237].

В науке не установлена точная дата принятия Саксонского капитулярия. В издании 1883 г. Альфред Борециус устанавливает период составления капитулярия с 775 г. по 790 г. [4, s. 68]. Современные исследователи относят момент принятия капитулярия к 782 г. или 785 г. В качестве обоснования 782 г. приводят факт установления власти графов, которые стали назначаться в Саксонию после собрания в Падерборне в 782 г. Соответственно капитулярий представляет собой в таком контексте своеобразную инструкцию для управления новыми землями. Исходя из этого, Саксонский капитулярий 775 – 790 гг. можно отнести к группе *capitularia missorum* согласно классификации А. Борециуса. В пользу 785 г. указывает факт крещения саксонского вожда Видукинда, до этого момента подстрекавшего саксов к восстаниям против франкской власти. Крещение мятежного лидера стало знаком наступления периода небольшого

затишья перед новой волной сопротивления саксов в 790-х г. [7, p. 52]. Текст Саксонского капитулярия 775 – 790 гг. дошёл до наших дней только в рукописи из Майнца, датируемой приблизительно 825 г., которая также содержит более поздний капитуляр 797 г. [9, p. 243].

Саксонский капитуляр 775 – 790 гг. состоит из тридцати четырех глав. Первая глава устанавливает важность почтительного отношения к христианским храмам. Как отмечается в тексте капитулярия, к таким храмам нужно относиться с большим почитанием, чем к языческим местам поклонения [4, s. 68]. Таким образом, законодатель уже с самого начала текста капитулярия стремится показать превосходство христианства над языческими верованиями.

Большинство глав капитулярия содержат составы правонарушений, которые, по всей видимости, часто совершались в Саксонии. Значительная часть из установленных составов правонарушений связана с деяниями против христианской веры и возвратом к язычеству. Так, в восьмой главе устанавливается ответственность за уклонение от таинства крещения, а в девятой предусмотрен полный запрет на совершение человеческих жертвоприношений по языческому обряду [4, s. 69]. Такие категоричные запреты являются реакцией франков на восстания и отступничество от христианской веры, происходившие в 770-х и 780-х гг.

Существенное число глав капитулярия содержат в первой части диспозицию правовой нормы, а во второй части соответственно санкцию за совершённое деяние. В качестве наказания за большинство правонарушений в капитулярии была предусмотрена смертная казнь. При этом также был предусмотрен и штраф, например, в случае совершения незаконного брака [4, s. 69]. Для предупреждения восстаний в будущем в тридцать четвертой главе был установлен запрет народных собраний без специального разрешения. Такие собрания могли проводиться только по воле правителя королевскими посланцами [4, s. 70]. Суровые санкции, предусмотренные нормами капитулярия, указывают на стремление интегрировать саксов в христианский мир физической силой, а не силой убеждения.

В Саксонском капитулярии 775 – 790 гг. также была установлена норма о необходимости уплаты церковной десятины. Церковная десятина — часть дохода, которую население должно было отдавать для нужд Церкви. Вероятно, уплата церковной десятины вызвала столько проблем для франкских властных структур, что уже в следующем капитулярии 797 г. такая норма отсутствовала. Причиной отмены церковной десятины могла стать позиция учёного и богослова Алкуина, который активно критиковал её взимание [8, p. 1128]. По мнению богослова, христианизацию саксов следовало осуществлять с помощью проповедей и силы убеждения.

В связи с изложенным, можно сделать вывод, что Саксонский капитулярий 775 – 790 гг. является важным документом в системе уголовного законодательства Королевства франков второй половины VIII в. Это обусловлено содержанием капитулярия, значительную часть которого составляют составы правонарушений, направленные против христианской веры, выразившиеся в действиях или бездействии субъекта правонарушения, ответственность за которые была предусмотрена в виде смертной казни и штрафов.

Список источников и литературы

1. Земляков М. В. К вопросу о методике публикации, изучения и критике каролингских капитуляриев в XIX – начале XXI века // Источниковедение в современной медиавистике: Сб. материалов Всероссийской научной конференции, Москва 2020 – 2021 гг. / Отв. ред. И. Г. Коновалова и Е. Н. Кириллова; Институт всеобщей истории РАН. М., 2020. С. 148–151.
2. Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Вступ. ст., перев., примеч., указ. М. С. Петровой. М., 2005. 304 с.
3. Boretius A. Beiträge zur Capitularienkritik. Leipzig, 1874. 169 s.
4. Capitulatio de partibus Saxoniae 775 – 790 // MGH LL T. 1 / Ed. A. Boretius. Hannover, 1883. P. 68–70.
5. Ganshof F. L. The Impact of Charlemagne on the Institutions of the Frankish Realm // Speculum, 1965. Vol. 40, № 1. P. 47–62.
6. Kaschke S., Mischke B. Capitularies in the Carolingian Period // History Compass. 2019. URL: <https://doi.org/10.1111/hic3.12592> (дата обращения: 25.10.2022).
7. Landon C. T. Conquest and Colonization in the Early Middle Ages: The Carolingians and Saxony, с. 751 – 842. Toronto, 2017. 289 p.
8. Mayr-Harting H. Charlemagne, the Saxons, and the Imperial Coronation of 800 // The English Historical Review, 1996. Vol. 111, № 444. P. 1113–1133.
9. McKitterick R. Charlemagne: The Formation of a European Identity. Cambridge, 2008. 480 p.
10. Pössel C. Authors and recipients of Carolingian capitularies, 779 – 829 // Texts and Identities in the Early Middle Ages, Forschungen zur Geschichte des Mittelalters. Wien, 2006. P. 253–274.

Для цитирования: Шляшкин Ю. С. Саксонский капитулярий 775 – 790 гг. как правовой памятник Раннего Средневековья // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 175 – 180.

Организация княжеского двора в Древнепольском государстве (по материалам хроники Галла Анонима)

Аннотация. Основным властным институтом раннесредневековой монархии был двор правителя. Он соединял в себе функции управленческого, экономического и культурного центра государства. В настоящей статье на основе хроники Галла Анонима была предпринята попытка реконструировать устройство и историю развития княжеского двора в Древнепольском государстве. Также автор отдельно уделил внимание зарождению служилого сословия в Польше: известным по хроникам княжеским приближённым и придворным должностным лицам.

Ключевые слова: княжеский двор; Средневековая Польша.

Title: The organization of duke's court in duchy of Poland (based on Gesta principum Polonorum)

Abstract. The main rule institute on feudal monarchy was royal court. In it had joined managerial, economical and cultural functions. The author of this article tried to reconstruct structure and history of development the ducal court at duchy of Poland based on Gesta principum Polonorum. Also the author explored the occurrence of courtier service at Poland based on biography of duke's confidants and officials.

Key words: royal court; duchy of Poland.

Становление средневекового государства неразрывно связано с развитием монаршего двора — основного властного органа феодальной монархии. Возникнув как воинское окружение правителя, двор с течением времени превратился в полноценный бюрократический орган управления. Кроме того, двор был центром экономической и духовной жизни государства — словом, он заключал в себе значительную долю всей общественно-политической жизни державы.

В настоящей работе рассматривается эволюция польского монаршего двора. Географическое положение и особенности исторического развития Древнепольского государства, своеобразие западнославянской культуры

Комаров, Сергей Сергеевич — РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; ssk129@mail.ru

Научный руководитель: *Райкова, Вера Алексеевна* — к-т. ист. наук, доц., РГПУ им. А. И. Герцена Санкт-Петербург, Россия

Komarov, Sergey Sergeevich — State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia; ssk129@mail.ru

Scientific adviser: *Raikova, Vera Alekseevna* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg, Russia

выделяют двор польских правителей среди прочих европейских дворов. Указанные выше факторы делают польский двор примечательным примером организации власти в средневековом обществе, заслуживающим отдельного комплексного изучения. Актуальность исследования обусловлена заметным в последние годы общим оживлением научного интереса к проблематике властных институтов Средневековья: в контексте этой проблематики изучение монаршего двора как центрального органа власти представляется одной из первостепенных задач [4, с. 82–83]. Хронологические рамки настоящей работы обусловлены периодизацией польской истории: в X в. начался процесс формирования Древнепольской державы, а в середине XII в. единое государство распалось на несколько удельных княжеств.

При изучении государственных институтов раннесредневековой Польши остро встаёт проблема нехватки источников. Польское историописание возникло только в XII в. и, соответственно, слабо отражает реалии общественных отношений предшествующего периода. Наиболее ранним сочинением такого рода является «Хроника и деяния князей и правителей польских», принадлежавшая перу некоего Галла Анонима [1]. Личность автора первой польской хроники остаётся неизвестной: из текста самого источника можно заключить разве что его иноземное происхождение, причём не чешское и не германское (к этим народам автор питал явную неприязнь). Можно предположить, что Галл был современником Болеслава Кривоустого, правлению которого и посвящена большая часть сочинения. «Галлом» автора хроники впервые назвал польский историк XVI в. Мартин Кромер, предполагая его французское происхождение. Выдвигались также попытки обосновать французское, венгерское и даже итальянское происхождение первого польского хрониста, однако исчерпывающих доказательств ни одна из этих гипотез не получила [2].

По всей видимости, о ранней истории страны Галл черпал информацию из народных преданий, а в описании современных хронисту событий ему помогал канцлер Болеслава III Михаил [1, с. 23]. В хронике Галла полностью отсутствуют датировки; вероятно, это обстоятельство обусловлено назначением произведения: Галл задумывал хронику как рассказ о подвигах Болеслава III и его предков, а не в качестве «полноценной» истории Польской державы. Сам рассказ Галла в высшей степени красочен, но крайне пристрастен и схематичен: он в большей степени любит свои герои, нежели старается беспристрастно донести подробности их деятельности. Помимо жизнеописания правителей, Хроника Галла донесла до нас и множество ценных сведений об устройстве Древнепольского государства, традициях и обычаях населявших его племён, что превращает это

сочинение в основной источник по истории страны в VIII – XI вв. Кроме того, хроника Галла Анонима стала основой для дальнейшего развития историописания в Польше: в частности, на её основе впоследствии была составлена хроника Винцентия Кадлубека [7].

Система государственного управления на польских землях начала складываться одновременно с возникновением Древнепольского государства. Этот процесс традиционно связывается с именем первого исторически достоверного гнезненского князя Мешко I (середина X в.). Первоначально организация власти была самая простая: князь, окружённый своей дружиной, выделял доверенным лицам территории в держание. Нередко роль наместников выполняли вожди других польских племён, принявшие власть гнезненского князя [6, с. 84–85]. По всей видимости, большой толчок к развитию польский княжеский двор получил после женитьбы Мешко I на чешской княжне Дубравке: Галл пишет, что вместе с ней в Польшу прибыл «большой штат светской и духовной свиты» [1, с. 32].

Бурное развитие государственных институтов пришлось на правление Болеслава I Храброго (992 – 1025). Например, Галл описывает прибытие германского императора Оттона Рыжего ко двору Болеслава следующим образом: «он [Болеслав] построил разнообразные полки рыцарей, затем ... князей, стоявших как бы в виде хора; отдельные полки отличались друг от друга одеждой различного цвета» [1, с. 34]. Это свидетельство говорит о высоком уровне развития придворного церемониала в Польше если не в XI в., то, по крайней мере, в начале XII в. (т. е. во времена Анонима). Тут же вскользь упоминается традиция ежедневной перемены посуды во время многодневных пиров и наличие виночерпиев и столльников, обслуживавших гостей [1, с. 35]. По всей видимости, штат прислуги набирался из относительно знатных людей. Это подтверждается двумя примерами. Первый — история виночерпия Маслава, который во время языческого восстания 1038 г. стал князем Мазовии [1, с. 52]. Второй — виночерпий Дирсек, в сражении с чехами бившийся рядом с королём Болеславом III среди его личной охраны [1, с. 130]. Стол короля Болеслава обеспечивали звероловы, набранные не только из поляков, но и из жителей соседних стран [1, с. 44]. Существовала также должность коморника, по функциям схожая с древнерусским ключником: он заведовал имуществами двора и казной [5, с. 123–124].

Зафиксирован также обычай визитов просителей к князю, причём порядок этих обращений был строго формализован. После того, как проситель излагал своё дело, король посылал специального чиновника проверить правдивость сообщения. Сам же проситель на время разбирательства поручался другому чиновнику, который должен был уберечь его от про-

исков обвиняемого. После первичного разбирательства обвиняемому назначался день, в который он должен был прибыть ко двору, чтобы изложить своё видение дела. На основании версий обеих сторон король и принимал окончательное решение [1, с. 38–39]. Конечно, хронист излагает некую идеальную процедуру делопроизводства, однако сам факт фиксации такого порядка уже во многом показателен. При этом какой-то определённой столицы в современном понимании у Болеслава ещё не было: он предпочитал перемещаться по стране с места на место, а с ним путешествовал и его двор [1, с. 42]. Галл пишет, что вокруг себя Болеслав собрал круг из двенадцати друзей-советников, с которыми вместе принимал государственные решения. Цифра, возможно, вымышленная, и отсылает к числу апостолов, но сообщение хрониста свидетельствует о самом наличии некоего ближнего совета короля. Примечательно, что Галл отдельно отмечает, что в пирушках и обсуждениях совета принимали участие не только друзья короля, но и их жёны [1, с. 43].

Ключевую роль при дворе Болеслава по-прежнему играло воинское окружение правителя. Галл неоднократно сообщает о раздаче королевских подарков воинам, а также об обеспечении их вооружением за счёт правителя [1, с. 46]. Это свидетельствует о сохранении дружинного характера двора Болеслава I. Ещё одним пережитком дружинной организации был высокий статус княжеского воеводы — маршалка. Наиболее известен маршалок Скарбимир, служивший Болеславу III. В XI – XII вв. возникает также должность палатина, сочетавшего военные и административные обязанности. Полномочия палатина отчасти пересекались с полномочиями маршалка, но первый занимал более высокое положение в придворной иерархии и мог даже замещать князя в его отсутствие. Сам институт палатинства возможно был заимствован из Чехии [5, с. 120–121].

Описанный выше церемониал и институт чиновников-«комитов» лишь дополняли дружинный двор правителя. Вообще, о возникновении канцелярии при польском дворе можно говорить не раньше начала XII в. [3, с. 9]. Судя по всему, первым или одним из первых королевских канцлеров был некий Михаил, неоднократно упоминаемый Галлом. Формирующееся дворянское сословие оставалось открытым: любой человек вполне мог возвыситься даже до уровня аристократа-землевладельца, проявив себя перед королём. Это подтверждается историей безымянного простолудина, спасшего короля Казимира I во время битвы и пожалованного за это целым городом (городищем) [1, с. 52]. Собственно, княжья милость оставалась одним из основных способов формирования аристократического сословия наравне с интеграцией родовой и племенной элиты [5, с. 465].

При Болеславе III Кривоустом (1102 – 1138) происходило дальнейшее развитие аппарата управления. В Польше окончательно оформилась система вассально-ленных отношений. Предсмертный «Статут» Болеслава разделил Польшу на несколько удельных княжеств и положил начало феодальной раздробленности. С этого момента княжеские дворы Великой Польши, Силезии, Поморья и Мазовии развивались отдельно друг от друга, хотя и были подвержены общим тенденциям и принципам развития.

Из всего вышесказанного можно заключить, что в общем и целом развитие польского монаршего двора в IX – XII вв. выглядело следующим образом. На самом раннем этапе двор представлял собой дружину князя и их слуг, выполнявших хозяйственные функции. Постепенно дружина пополнялась как за счёт *homo novus*, заслуживших расположение правителя, так и представителями иноплемённой знати, присягнувших князю на верность. На представителей дружины возлагались не только военные обязанности, но и управленческие и судебные функции. Часть полномочий князь делегировал воеводе-маршалку. Впоследствии избранные дружинники стали формировать «ближний круг» князя — прообраз королевского совета. Отдельный от дружины бюрократический аппарат возник довольно поздно, не ранее XII в. О социальном составе ранней польской бюрократии судить довольно сложно, но можно предположить, что она складывалась из числа наиболее способных к такой работе дружинников. С наступлением периода раздробленности отдельные польские княжества встали на путь независимого развития, что неизбежно повлекло за собой упадок системы государственного управления. Таким образом, период X – XII вв. включает в себе целостный этап развития польской государственности и польского монаршего двора.

Список источников и литературы

1. Галл Аноним. Хроника и деяния князей, или правителей польских. М., 1961. 172 с.
2. *Borawska D.* Gallus Anonim czy Italus Anonim // *Przegląd Historyczny*. Т. 56. Warszawa, 1965. С. 111–119.
3. *Dąbrowski J.* Dawne dziejopisarstwo Polskie (do roku 1480). Wrocław, 1964. 267 с.
4. *Górecki P.* The Early Piasts Imagined: New Work in the Political History of Early Medieval Poland // *The Mediaeval Journal*. 2011. № 1. С. 81–102.
5. *Łowmiański H.* Początki Polski. Т. IV. Warszawa, 1970. 538 с.
6. *Trawkowski S.* Naroziny państwa Polskiego // *Polska pierwszych Piastów*. Państwo, społeczeństwo, kultura. Warszawa, 1968 С. 78–92.
7. *Żmudzki P.* New Versions of the Tales of Gallus Anonymus in the Chronicle of Master Vincentius // *Acta Poloniae Historica*. Т. 112, Studies on Medieval Historiography. Warszawa, 2015. С. 141–157.

Для цитирования: Комаров С. С. Организация княжеского двора в Древнепольском государстве (по материалам хроники Галла Анонима) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 181 – 186.

СЕКЦИЯ. ИСТОРИЯ ИДЕЙ, ПОНЯТИЙ И ОБРАЗОВ В АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Леонтьев Егор Сергеевич

Бедность и богатство в работе Татиана «Речь против эллинов»¹

Аннотация. В статье анализируется отношение Татиана к феномену бедности/богатства, сопоставляется точка зрения христианского апологета с основными философскими представлениями греко-римского мира (платонизм, эпикурейство, стоицизм). Отдельное внимание уделяется исследованию стереотипов и способов описания бедности/богатства и взаимосвязи этих явлений с нравственными характеристиками человека в изложении Татиана.

Ключевые слова: Татиан, раннее христианство, бедность, богатство.

Title: Poverty and wealth in Tatian's work «Oration to the Greeks»

Abstract. The article analyzes Tatian's attitude to the phenomenon of poverty/wealth, compares the point of view of the Christian apologist with the main philosophical discourses of the Greco-Roman world (Platonism, Epicureanism, Stoicism). Special attention is paid to the study of stereotypes and ways of describing poverty/wealth and the relationship of these phenomena with the moral characteristics of a person in Tatian's presentation.

Key words: Tatian, early Christianity, poverty, wealth.

Несмотря на то, что Татиан происходил из «ассирийской земли» (Tatian. Or. 42) и, возможно, был родом из Эдессы [4, p. 24], он был хорошо знаком с греческой философией (Tatian. Or. 35; Euseb. Hist. Eccl. 4. 16. 7) и являлся частью широкого движения Второй софистики². На его эллинскую

Леонтьев, Егор Сергеевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st077180@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Пантелеев, Алексей Дмитриевич* — к-т ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Leontyev, Egor Sergeevich — Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st077180@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Panteleev, Aleksey Dmitrievich* — PhD in History, Associate Professor, Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01357, <https://rscf.ru/project/22-28-01357/>.

² На это, в том числе, указывают его обвинения против популярного стремления подражать аттическому стилю, что было составной частью Второй софистики (Tatian. Or. 26-27).

образованность указывает Евсевий: «Татиан, который в молодости был софистом, занимался греческими науками, приобрёл тут немалую славу». (Euseb. Hist. Eccl. 4. 16. 7). Наиболее известной для читателя является его полемическая работа «Речи против эллинов». Для определения контекстуальной ситуации и риторической установки Татиана в «Речи против эллинов» необходимо определиться с жанром произведения и понять его потенциальную аудиторию. Как нам кажется, следует согласиться с точкой зрения М. Макги, который пишет, что такие признаки, как бранная речь, едкий сарказм над другими философами, ссылки на неизвестные публике идеи и предложение ответить на возникшие вопросы характерны только для протрептика — жанра, который побуждал читателя или слушателя присоединиться к какой-либо философской школе [9, p. 152]³. Целевой аудиторией «Речи» является нехристианское грекоязычное население: сам Татиан указывает, что он обращается к «эллинам» вообще (Tatian. Or. 42, пер. Преображенского); кроме того, в тексте отсутствуют типичные для христианского нарратива такие понятия, как «Христос», «Церковь», «Спаситель» и т.п. Их наличие могло отпугнуть учеников, и потому Татиан сознательно не использует эти категории [8, p. 70]. Кажется логичным, что и при описании своего взгляда на феномен бедности/богатства христианский апологет будет облекать свои аргументы в категориях греко-римской традиции. Дж. Хоторн отмечает заметное стоическое и платоническое влияния на мировоззрение Татиана [7, p. 177-180].

Разочаровавшись в греческой культуре и обратившись в христианскую веру, грекоязычный апологет выстраивает повествование в рамках чёткой оппозиции «Мы» (христиане, «варвары»)/«Они» (греки и римляне). Глубокие познания в греческой философии и культуре позволяют Татиану в «Речи» предать осмеянию и деконструкции атрибуты греческой идентичности. Для более точного понимания мы обратимся к понятию «мимикрия», которое предполагает, что угнетаемое население (в данном случае — христиане в Римской империи II в.) может освоить отдельные элементы господствующей культуры, а затем подвергнуть их злобному осмеянию и издёвке, дабы поставить авторитетные институты и пред-

³ Протрептические речи использовались философами для вербовки потенциальных учеников. Как правило, жанр предполагал указание на недостатки нынешнего образа жизни потенциальной аудитории и содержал обещание объяснить, как это можно исправить. Сам Татиан вполне возможно рассматривал христианство, прежде всего, как философию.

ставления под сомнение [5, p. 121]. Так, в своей работе Татиан охватывает все сферы жизни греков: риторику (Tatian. Or. 1, 26.), искусство (Tatian. Or. 26), язык (Tatian. Or. 1, 26), науку (Tatian. Or. 18), философию (Tatian. Or. 2, 3, 19, 25, 31, 35), религию (Tatian. Or. 8, 10, 21, 22.), законодательство (Tatian. Or. 28), спортивные состязания (Tatian. Or. 23), фестивали (Tatian. Or. 22) и театры (Tatian. Or. 24).

Обращение к теме богатства и бедности также используется для атаки на греческую культуру и философию. Татиан часто описывает богатство в негативных категориях⁴ и во-многом связывает его с отрицательными характеристиками — «ненасытной жадностью», «безумным честолюбием», «праздностью», «мотовством» — и прямо указывает, что «не желает быть богатым» (Tatian. Or. 11, 23). Тем не менее, Татиан не порицает богатство как таковое. В данном случае необходимо отметить, что в греко-римском мире богатство и предметы роскоши часто описывались негативно и рассматривались как атрибуты зависимости от окружающего мира. Татиан также поддерживает возможность подобного взгляда, но не считает его обязательным (Tatian. Or. 11, 25).

Так, Диоген Синопский воспринимался как поистине свободный человек, который добровольно принял бедность и потому существует в условиях самодостаточности (*autarkeia*) [3, p. 72]. Но, понимая скудное материальное положение философа, Татиан, тем не менее, отказывает ему в отсутствии пороков и критикует философа за невоздержанность и тщеславие, которые стали причиной его смерти (Tatian. Or. 2). Также он порицает Аристиппа, «ходившего в пурпурной одежде», за его распутную жизнь (Tatian. Or. 2). По Татиану, бедность не маркируется как нечто хорошее, а богатство как нечто плохое; он не привязывает финансовое положение к определённым набору характеристик человека. Богатство/бедность как таковое не имеет ключевого значения — порицания заслуживают пороки человека — пример богатого Аристиппа и бедного Диогена это хорошо демонстрирует.

Татиан утверждает свободную волю человека, на плечи которого ложится право выбора между делами «добрыми» и «худыми»: «Слово,

⁴ Более подробно с основными грекоязычными терминами (к которым обращается и сам Татиан), связанными с феноменом бедности/богатством, можно ознакомиться в следующем исследовании. См. Armitage D.J. *Theories of Poverty in the World of the New Testament*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2016. P. 38 - 41.

прежде сотворения человеков, создало ангелов. Тот и другой вид творения создан свободным» (Tatian. Or. 7)⁵. Потому богатство само по себе не имеет негативных или позитивных коннотаций, а воспринимается как инструмент, который может быть обращён в обе стороны. Оттого он критикует утверждение Аристотеля о невозможности достижения счастья без обладания богатством (Tatian. Or. 2). Также Татиан указывает, что искусство риторики не используется греками для постижения мудрости, а продаётся за деньги: «...Красноречие вы употребляете на неправду и клевету; за деньги продаёте свободу вашего слова» (Tatian. Or. 1). Но в данном случае он критикует выбор греков, которые отказались от истины в пользу богатства, а не само богатство как таковое. Деньги же должны быть потрачены с пользой, а неверное их применение заслуживает порицания: «Некоторые [философы] ежегодно получают от римского царя шестьсот золотых монет не для какого-нибудь полезного дела, но для того, чтобы они не даром носили отпущенную бороду» (Tatian. Or. 19) [10, p. 96;]⁶. Кроме того, терминология богатства уместна в «Речи» Татиана в эсхатологической оптике [10, p. 70; 6, p. 6]⁷: «Бог предлагает нам некое скрытое сокровище: когда мы раскапываем его, то покрываемся пылью, но зато мы упрочиваем за собою обладание им. Кто владеет всем этим сокровищем, тот приобрёл драгоценнейшие богатства» (Tatian. Or. 30).

В целом христианский взгляд воспринимает бедность как зло, суть которого заключается в лишении человека плодов Божественного творения; а причиной его назначаются человеческие прегрешения (сами по себе, а в особенности против других людей) [3, p. 248]. Стигматизируя бедность как феномен, христианская точка зрения не подвергает поруганию самих бедных и не ассоциирует неблагоприятное материальное состояние с нарушением заповедей на индивидуальном уровне [3, p. 248]. Наоборот, христианское учение призывает деятельно поддерживать и заботиться о бедных и уязвимых членах общины [3, p. 131].

⁵ Потому распространённая в греко-римском мире идея судьбы, которая распределяет, кто будет богатым, кто бедным, вызывает неприятие и отторжение Татиана: «Вот каковы демоны. Они-то изобрели судьбу» (Tatian. Or. 7-9).

⁶ В данном случае, вероятно, имеется ввиду установлением Марком Аврелием 4 кафедр в Афинах.

⁷ Это также характерно для всего христианского дискурса. Кроме того, эсхатологическая оптика позволяла христианским общинам обосновать необходимость перераспределения финансов богатых членов общины и сгладить реальное (и воображаемые) социальные расколы между бедными и богатыми последователями Иисуса.

Так, Татиан указывает на равное социальное положение богатых и бедных в христианской общине: «...Не одни богатые у нас философствуют, но и бедные даром пользуются учением» (Tatian. Or. 32). В отличие от греко-римских дискурсов бедности, которые отрицали бедность как таковую (кинико-стоическая культурная традиция), воспринимали её как незначительную проблему (эпикуреизм), порицали бедных за их низкую нравственность (платонизм) [3, р. 194-196], точка зрения Татиана на феномен бедности/богатства и существование обширной христианской программы заботы о бедных была более привлекательна для населения Римской империи.

Таким образом, Татиан, обращаясь, прежде всего, к примерам из греко-римской традиции, критикует и высмеивает греков за их дурную нравственность и порочное использование богатства (но не выступает против богатства как такового), а также отвергает объяснение причин бедности через судьбу, тем самым ставит для своей аудитории под сомнение греко-римские представления и культурные практики. В ответ Татиан указывает на христианское уважительное и заботливое отношение к бедным в этом мире, мудрое распределение финансовых ресурсов, а также обещает свои слушателям «драгоценнейшие богатства» в будущем. Выстраиваемый Татианом нарратив о бедности/богатстве служит делу привлечения потенциальных учеников в христианскую общину.

Список источников и литературы

1. *Евсевий Кесарийский*. Церковная история. / Пер. М. Сергеев URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/tserkovnaja-istorija/ (дата обращения: 31.10.2022).
2. *Татиан*. Речь против эллинов. / Пер. П. Преображенского. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tatian/protiv_ellinov/ (дата обращения: 31.10.2022).
3. *Armitage D.J.* Theories of Poverty in the World of the New Testament. Tübingen, 2016. 301 p.
4. *Bellettato A.* Greek and Syriac in Dialogue: Identity Construction in Tatian's "Oratio ad Graecos" and in the Bardesaneite "Liber Legum Regionum". 2018. Padua. P. 511-540.
5. *Bhabha H.* The Location of Culture. London, New York, 1994. 285 p.
6. *Brown P.* Treasure in Heaven. The Holy Poor in Early Christianity. Charlottesville and London, 2016. 162 p.
7. *Hawthorne G. F.* Tatian and his Discourse to the Greeks. Harvard Theological Review. Volume 57, Issue 03, 1964. P. 161-188.
8. *Hunt E. J.* Christianity in the Second Century: The Case of Tatian. London, New York, 2003. 256 p.
9. *McGehee M.* Why Tatian Never "Apologized" To The Greeks. Journal of Early Christian Studies. Volume 1, Number 2, 1993.
10. *Rhee H.* Loving the Poor, Saving the Rich: Wealth, Poverty, and Early Christian Formation. Ada, 2012.

Для цитирования: Леонтьев Е. С. Бедность и богатство в работе Татиана «Речь против эллинов» // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 187 – 192.

Получение власти королями в «Genealogia regum Anglorum» Элреда из Риво и «Historia rerum Anglicarum» Уильяма из Ньюбурга

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о восприятии авторами нортумбрийского канона второй половины XII в. королевской власти. Исследуя конструирование Элредом из Риво и Уильямом из Ньюбурга источников получения государями их права на господство, будет выявляться различие их с официальными документами. Раскрытие темы возможно через сопоставление нортумбрийских текстов как с актовыми источниками, так и с историческими сочинениями других традиций.

Ключевые слова: Элред из Риво; Уильям из Ньюбурга; королевская власть.

Title: Gaining Power by Kings in Aelred of Rievaulx' «Genealogia regum Anglorum» and William of Newburgh' «Historia rerum Anglicarum»

Abstract. This article raises the question of Northumbrian authors' perception of royal power in the second half of the XII century. Considering on the sources of gaining power by the sovereigns in Aelred of Rivaux' and William of Newburgh' texts the differences between authors' positions and official representation will be identified. The achievement of this goal will be realized through the comparison of Northumbrian texts with both act sources and historical writings of other traditions.

Key words: Aelred of Rievaulx; William of Newburgh; royal power.

При создании историографических произведений Средних веков важную роль играла культурная среда, в рамках которой существовали авторы. Примером реконструкции одной из таких традиций являются труды А. Лоуренс-Мэзарс, посвящённые нортумбрийскому канону XII в. [7, р. 22.]. Развивая идею региональной идентичности в текстах Элреда из Риво и Уильяма из Ньюбурга, Э. Фриман, тем не менее, не уделила большого внимания взглядам средневековых авторов на королевскую власть [6, р. 56–60]. М. Даттон сделала определённый вклад в изучение политических взглядов Элреда [4, р. 280–283]. Однако для интерпретации этого

Лозовой, Ярослав Вадимович — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; yavlozovoy@edu.hse.ru

Научный руководитель: Шарова, Антонина Владимировна — к-т. ист. наук, доц., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Lozovoj, Yaroslav Vadimovich — National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; yavlozovoy@edu.hse.ru

Scientific adviser: Sharova, Antonina Vladimirovna — PhD in History, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

аспекта, на наш взгляд, необходимо уделить большее внимание документам, дающим представление о контексте, в котором существовал автор.

Целью настоящего исследования является выявление способов конструирования Элредом и Уильямом королевской власти в их текстах «Genealogia regum Anglorum» 1153–1154 гг. и «Historia rerum Anglicarum» 1196–1199 гг. соответственно. Процедуру наделения правителя властью следует рассматривать как через ритуалы посвящения, так и через процедуру обретения королевского достоинства в политической борьбе. Однако, чтобы понять специфику построения политических образов в интересующих нас эпизодах, необходимо обратиться к хронологически близким источникам «Genealogia regum Anglorum» и «Historia regum Anglicarum». Таковыми можно назвать акты источники, доступные Элреду и Уильяму. Одним из них являлась Вестминстерская хартия 1153 г., после появления которой Элред начал составление своего труда. Представления о получении власти в «Historia rerum Anglicarum» удобнее сравнивать с Монлуизским и Фальезским мирными договорами. Они доступны Уильяму через текст хронику Роджера из Хоудена. С другой стороны, необходимо осуществить компаративный анализ образов, созданных в нортумбрийских текстах с «Historia Anglorum» Генриха из Хантингдона, к которой прибегали Элред и Уильям при описании далёких от них событий.

Актовые источники, приведшие к появлению «Genealogia regum Anglorum» и «Historia rerum Anglicarum», на первый взгляд, отличаются относительно участников, с которыми обладатель королевского статуса вёл переговоры. Вестминстерская хартия 1153 г. отображает разграничение власти между королём Стефаном и Генрихом, герцогом нормандским, которому лишь надлежит стать королём после смерти живущего монарха. Договоры 1174 г., в свою очередь, раскрывают взаимодействие между королём Генрихом II и его политическими оппонентами в 1173–1174 гг. Однако все политические фигуры являлись носителями королевского титула, и коммуникация происходила вокруг определённых объектов власти, конструирующих их статус. Важно, что данные документы фиксируют получение объектов владения, прежде всего территориальных, от самих королей. Именно государь может определять статус владельца политической территории и королевского достоинства за наследником (при условии, если наследник не будет оспаривать эти же права за предшественником). Это можно увидеть на примере следующего фрагмента из Вестминстерской хартии: «Знайте, что я, король Стефан, назначаю Генриха, герцога Нормандии, после себя преемником над королевством Англией и наследником моим по праву наследования и так ему и его

наследниками королевство Англию даровал и подтвердил. Герцог же ввиду той чести, дара и подтверждения, которое я ему сделал, принёс мне оммаж и обещание клятвой, а именно: что будет мне верным и что жизнь и честь мою сможет сообразно своей защищать по соглашениям, оговорённым между нами, которые содержатся в этой хартии» [8, р. 26]. В свою очередь, Генрих II определяет статус Вильгельма I, поскольку от принесения оммажа шотландского государя английскому зависит владение Шотландией [9, р. 80].

Нортумбрийские авторы, Элред и Уильям, вероятно, осознавали логику этой системы, выстроенной официальными источниками. Хронисты понимали, насколько в них видится незначительной роль Всевышнего и церковных институтов. В тексте же «*Genealogia regum Anglorum*» Элред из Риво описывает эпизод помазания Альфреда Великого и образ папы Льва IV, как представителя церкви, в несколько ином ключе: «...всматриваясь в черты лица и позу юноши, заметил в нём присутствие божественного величия через проявления искрящихся добродетелей, предсказав время и срок царствования таинством королевского помазания, подобно тому, как однажды святой Самуил [заметил] юношу Давида, так и его в короли святейший глава [церкви] посвятил благоговеннейши...» [2, р. 26]. На фоне текста Генриха из Хантингтона, ограничившегося лишь фразой «...папа Лев затем благословил его на царство и принял как сына...» [1, с. 216], Элред несколько переосмысляет и роль церковного главы, и роль ритуала. Едва ли Элред целился возвышать папу, поскольку спор за инвеституру ещё не оказал на Англию существенного влияния [3, р. 172]. Однако он и не старался легитимировать полноту власти короля. Добродетели, увиденные папой и заставившие того «благоговеннейши» помазать Альфреда, по Элреду, поддерживаются исключительно волей Господа.

Систему добродетелей, по которой Всевышний определил бы государя, Уильям перенял у Элреда, чтобы объяснить приход к власти Генриха I: «Он был последним по рождению из сыновей Вильгельма Великого, но первым по достоинству; ибо, в то время как другие родились во времена герцогства их отца, он один был его потомком как короля. Побуждаемые этой причиной и, кроме того, очарованные его дружелюбным нравом, прелаты и знать Англии решили торжественно посвятить Генриха в качестве своего короля, который, как они знали, по очевидным признакам соответствовал занимаемой должности...» [10, р. 26]. Можно предположить, что Уильям из Ньюбурга в данном отрывке скорее отстаивал идею выборности государя знатью. Однако если мы учтём эпизод перехода знати Роберта Куртнеджа на сторону Генриха I, поддержанный автором «*Historia rerum Anglicarum*», то картина несколько усложнится: «в течение

нескольких лет в Нормандии пребывающий, её своей слабостью погубил, и негодные шествовали свободно, никаким страхом перед общим порядком не стеснённые» [10, р. 27]. Таким образом, нормандская знать руководствовалась более высокой, богоугодной целью, а не собственным интересом, и осознавала, что Роберт, лишённый добродетелей Генриха, подвергал народ Нормандии бедам. Следовательно, по Уильяму, переход к новому государю выглядит вполне законным.

Генрих I выглядит легитимнее другого своего брата, Вильгельма II, получившего Англию по воле отца: «Он действительно желал, чтобы его первенец Роберт, вследствие невыполнения сыновнего долга и своего мятежного характера, довольствовался герцогством Нормандия; но своему сыну Вильгельму, которым он был более доволен, он завещал королевство Англию» [10, р. 21]. Критика Уильямом этих событий тем любопытна, что Генрих из Хантингдона не видел в решении Вильгельма I ничего предосудительного: «Король Вильгельм своему старшему сыну Роберту оставил Нормандию, второму сыну Вильгельму — королевство Англию, а третьему, Генриху — богатую казну» [1, с. 300]. Для Уильяма из Ньюбурга вероятность получения власти волей самого правителя становится, таким образом, отрицательной. Если идеальный монарх, с точки зрения Уильяма, есть тот, который обладает рядом качеств, необходимых в коммуникации с объектами власти, то Вильгельм I Завоеватель идёт против идеалов, отстаиваемых автором «*Historia rerum Anglicarum*».

Однако воля Всевышнего, для авторов-нортумбрийцев, не всегда могла быть связана с добродетелями короля. И тут нам стоит обратить внимание на осмысление авторами нормандского завоевания. Генрих из Хантингдона, прочитанный и Элредом из Риво, и Уильямом из Ньюбурга, составил описание прихода Вильгельма I следующим образом: «Тогда рассеялось войско англов, а Вильгельм, одержав столь великую победу, мирно вошел в Лондон и был коронован в Вестминстере архиепископом Йорка Эальдредом» [1, с. 290]. Объяснение прихода к власти нормандцев в Англию Генрих из Хантингдона связывал, конечно, с божественным провидением, но именно в контексте наказания народа англов: «Избрал Бог нормандцев для того, чтобы покончить с народом англов, поскольку видел, что этот народ превосходит все прочие своей исключительной свирепостью. Такова их природа, что когда они расправятся с каким-либо народом так, что нельзя его было бы сильнее унижить, то потом начинают угнетать и самих себя и приводят себя и свои земли к нищете и разорению» [1, с. 296]. Генрих из Хантингдона описывал в своём тексте принцип власти, который на основании «*Historia Novorum*» Эадмера пытался реконструировать Дж. Гарнетт [5, р. 173–175]. Исследователь показывает,

что короли-нормандцы выстраивали систему, позволяющую им на правах сюзеренов доминировать над всем, находящимся в их владениях. Для Генриха из Хантингдона такой принцип являлся вынужденным. Поэтому, вероятно, самостоятельность короля в выборе наследника не ставилась им под сомнение.

Теперь же следует проверить, как конструировали приход к власти нормандцев нортумбрийские авторы. Элред в «*Genealogia regum Anglocurum*» писал о завоевании следующее: «Действительно, Вильгельм, герцог нормандцев, ничего не зная о других представителях королевского рода, но зная, что Гарольд присвоил королевство родственника своего, короля Эдуарда, которое ему и по праву кровного родства, и по давнему между тем и Эдуардом соглашению, но и оттого, что Гарольд, который клялся торжественным обещанием, прибыл с собранным из частей заморских бесчисленным войском в Англию, и, по решению Бога, лишил Гарольда королевства и одновременно жизни» [2, р. 52–53]. Создаётся впечатление, что победа Вильгельма становилась для Элреда прежде всего результатом божественного заступничества, и государь получил власть на основании клятвы, защищённой Господом. Аббату Риво важнее показать, что в условиях пресечения легитимной родословной власть должна передаваться только по воле Всевышнего, который до пресечения за счёт добродетелей поддерживал прежнюю преемственность.

Большую критику нормандских принципов власти демонстрирует Уильям из Ньюбурга, перерабатывая сюжет, представленный в «*Historia Anglorum*»: «Но Эальдред, архиепископ Йоркский, достойный и благоразумный человек, мудро предвидевший необходимость уступать времени и понимавший, что Божьему назначению нельзя противиться, совершил обряд посвящения» [10, р. 20]. Уильям из Ньюбурга чётко отделил помазание как инструмент легитимации от военной победы короля. Также Уильям подчёркивал связь получения Вильгельмом власти с волей Всевышнего, которую прелат распознал. В данном моменте логична аналогия с Альфредом и папой Львом в «*Genealogia regum Anglorum*». При всей порочности и жестокости Вильгельма его правление Уильям из Ньюбурга не считал настолько отрицательным, пока государь слушал Эальреда Йоркского. За счёт этого и достигалось благо для народа англвов.

Подводя итог нашим наблюдениям, необходимо отметить, что тексты нортумбрийских авторов второй половины XII в. находились в конфронтации с официальной идеей получения власти королём как политическим субъектом. Актовые источники, знакомые Элреду и Уильяму, выстраивают систему получения господства над объектами исключительно из рук самого

короля-сюзерена. Такую же схему воспроизводит Генрих из Хантингдона, текстом которого нортумбрийцы пользовались для описания событий, несколько отдалённых от их времени. Тем не менее, Элред из Риво и Уильям из Ньюбурга соглашались с автором «*Historia Anglorum*», показывая, что в определении власти короля как политического субъекта решение Всевышнего играет главенствующую роль.

Список источников и литературы

1. *Генрих Хантингдонский*. История Англоу / пер. с лат., вступ. ст. С. Г. Мереминского. М., 2017. 591 с.
2. *Aelredi Rievallensis*. Genealogia Regum Anglorum / Aelredi Rievallensis // Aelredi Rievallensis. Opera omnia 6. Opera Historica et Hagiographica / Ed. D. Pezzini. Turnhout, 2017. 194 p.
3. *Blumenthal U.R.* The Investiture Controversy: Church and Monarchy from the Ninth to the Twelfth Century / Uta–Renate Blumenthal. Philadelphia, 1988. 191 p.
4. *Dutton M. L.* That Peace Should Guide and Society Unity: Ælred of Rievaulx’s Political Philosophy / Marsha L. Dutton. // *Cistercian Studies Quarterly*. 2012. Vol. 47, №3. P. 279–295.
5. *Garnett G.* The origins of the Crown / George Garnett. // *Proceedings of British Academy*. Oxford, 1996. №82. P. 171–214.
6. *Freeman E.* Narratives of a new order: Cistercian historical writing in England, 1150–1220 / Elizabeth Freeman. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 2002. 246 p.
7. *Lawrence-Mathers A.* Manuscripts in Northumbria in the Eleventh and Twelfth Centuries / Anne Lawrence-Mathers. Woodbridge, 2003. 303 p.
8. *Regesta Regum Anglo-Normannorum, 1066–1054*. Volume III / Ed. H. A. Cronne, R. H. C. Davis. Oxford, 1968. 442 p.
9. *Chronica magistri Rogeri de Houedene* // The Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland during Middle Ages. Vol. 2 / Ed. by W. Stubbs. L.: Longman & Co, 1869. 367 p.
10. *William of Newburgh*. *Historia Rerum Anglicarum* / William of Newburgh // *Chronicles of the Reigns of Stephen, Henry II, and Richard I* / Ed. R. Howlett. London, 1884. 408 p.

Для цитирования: Лозовой Я. В. Получение власти королями в «*Genealogia regum Anglorum*» Элреда из Риво и «*Historia regum Anglicarum*» Уильяма из Ньюбурга // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 193 – 198.

Русь в речи игумена Исидора на Базельском соборе.

Аннотация. В данной статье рассматриваются сведения о Руси в выступлении византийского посла Исидора (в будущем митрополита Киевского) перед членами Базельского собора. Особое внимание уделяется Новгороду и используемому для его обозначения игуменом термину Οὐγγράτην. Автор речи разделяет Русь на три части: новгородскую, северо-восточную и литовскую. Делается вывод о важности образа Руси как православной земли для речи Исидора.

Ключевые слова: Русь; Новгород; Исидор Киевский; Базельский собор.

Title: Rus in the speech of abbot Isidore at the Council of Basel.

Abstract. This article examines an information about Rus in the speech of the Byzantine ambassador Isidore (metropolitan of Kiev in the future) to members of the Council of Basel. Particular attention is given to Novgorod and the term Οὐγγράτην used for it by the abbot. The author of the speech divides Rus into three pieces: Novgorod, North-East and Lithuania. The conclusion is made that an image of Russia as an Orthodox land was very important for Isidore's speech.

Key words: Rus; Novgorod; Isidore of Kiev; the Council of Basel.

К началу 30-х годов XV века тема церковной унии стала основной в переговорах между Византией и европейским Западом. При этом византийское правительство оказалось в ситуации, когда было необходимо вести переговоры и с папой римским, и с враждебным ему Базельским собором одновременно. Одним из православных посольств, отправленных в Базель, стала миссия 1434–1435 годов, в которую вошёл игумен константинопольского монастыря св. Димитрия Солунского Исидор [5, с. 84–88]. Он был видным интеллектуалом, получил отличное образование, переписывался и был знаком со многими известными людьми своего времени, в том числе членами императорской династии и митрополитом всея Руси Фотием [1, с. 41, 49].

Слободенюк, Кирилл Викторович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, st067778@student.spbu.ru

Научный руководитель: Милотенко, Надежда Ильинична — к-т. филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Slobodyanyuk, Kirill Viktorovich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st067778@student.spbu.ru

Scientific adviser: Milutenko, Nadezhda Ilyinichna — PhD of philology, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

12 июля 1434 г. византийцы прибыли в Базель. 24 июля, в ответ на приветственную речь председателя собора кардинала Джулиано Чезарини, прозвучала речь Исидора. Она была переведена на латинский для членов собора итальянским гуманистом Джованни Ауриспа [1, с. 62–64]. Исидор оставил греческий текст в двух рукописях, из которых одна представляет собой черновик с исправлениями [11, ff. 180v–182r], а другая окончательную версию, которая, видимо, и была в итоге зачитана [10, р. 66–67]. Эта версия наряду с латинским переводом будет использоваться в данной работе по последнему изданию К. и С. Хайду [10, р. 68–88].

В первую очередь нас интересует часть речи, в которой Исидор перечисляет православные земли: области, принадлежащие Византии, территории за её пределами, которые населяют греки, а затем остальные страны и народы, входящие в греческую церковь. Русь Исидор помещает в самом конце этого списка [10, р. 74–75]. Подобные перечни православных земель и народов-союзников ромеев неоднократно приводились византийцами в спорах об унии. В одном из первых таких источников, послании кардиналам 1232 г., патриарх Герман аргументировал правоту православных их многочисленностью, среди которых была «неисчислимая многоплеменная Русь» [2, с. 287]. Особенно же актуальной тема содружества православных народов становится в последние десятилетия существования империи, однако её смысл меняется [3, с. 267–268]. В сер. XV века Сильвестр Сиропул вложил в уста византийского императора Иоанна VIII накануне Ферраро-Флорентийского собора сравнение католических и православных народов (в том числе «росов»), но речь идёт не о превосходстве православных, а о том, чтобы убедить их участвовать в унии, ведь она соединит множество народов и по своему величию превзойдёт деяния Константина [7, с. 53–55]. Мотив важности унии, почёта и уважения, которые она принесёт участникам соединения христианских народов, пронизывает и всю речь Исидора. Судя по всему, он попытался продемонстрировать слушателям, как многочисленны греки и другие верующие Константинопольского патриархата, чтобы показать необходимость и выгоду объединения католиков со всеми православными. Характерно, что Исидор добавил сюда указание на то, как многочисленны именно христиане греческой церкви [10, р. 74, 85]. В первой рукописи сразу делается акцент на многочисленности народа греков и его империи [12, р. 48]. В конце этого фрагмента он отдельно останавливается на том, как много православных по сравнению с католиками, и все они внимают патриарху Константинополя [10, р. 75].

Русь, находящуюся в числе православных земель, с которыми католикам предстоит воссоединиться, игумен представляет им следующим

образом: «... καὶ περὶ τὰ ὑπερβόρεια ἢ τῶν Ῥῶς μεγίστη κατὰ τὸν Οὐγγράτην δημοκρατία καὶ ὁ τῆς μεγάλης Ῥωσίας καλούμενος ῥῆξ, ἕτεροι τε ῥῆγες ἐν ἐκείνῃ καὶ ἡ κάτω πᾶσα Ῥωσία τῶν ῥηγῶν ἄνευ καὶ τινῶν περὶ ἐκείνους» [10, p. 75]. «...и на крайнем севере величайшая демократия Руси в Новгороде, и так называемый князь Великой России, и другие князья в той области, и вся Нижняя Росия, кроме князей и некоторых вокруг них».

Исследователи У. К. Хэнак и М. Филиппидес, сделавшие английский перевод первого варианта речи, передали «τῶν ῥηγῶν ἄνευ καὶ τινῶν περὶ ἐκείνους» как «with its upper and neighboring kings» [12, p. 54]. Они основывались на издании черновой версии текста, где вместо ἄνευ было указано ἄνω. Однако сравнение этого термина в рукописи с написанием εὐ в других её словах [11, f. 182r] показывает, что и в первом варианте речи было употреблено ἄνευ, а его интерпретация как ἄνω, видимо, была ошибкой издателей. Косвенным подтверждением этого является латинский перевод: «кроме королей и некоторых других» [10, p. 86].

Особый интерес в этой фразе вызывает слово Οὐγγράτην. Джованни Ауриспа просто не включил его в свой текст. У. К. Хэнак и М. Филиппидес также затруднились с передачей этого слова [12, p. 54]. “The most extensive democracy of the Rus’ (along the Ungrates)”. Что имелось в виду под “the Ungrates” авторы не прояснили. Между тем, есть основания полагать, что под этим термином Исидор имел в виду Новгород. Аналогичное слово Οὐκράτης встречается в «Истории» Лаоника Халкокондила [13, p. 214] и обычно идентифицируется исследователями как Новгород [2, с. 613; 4, с. 67–69]. По сведениям Халкокондила он находился рядом с океаном к югу от Арктики, был богаче всех остальных городов Руси, и в отличии от них управлялся аристократией, а не «тиранами» (князьями) [13, p. 212–214]. Как считает Э. Калделлис, «История» была написана примерно в 1464–1468 [13, p. VIII], то есть в то время, когда Новгород ещё был независимым боярским государством. В свою очередь Исидор, говоря об Οὐγγράτην, отмечает, что это самая большая демократия Руси, которая находится рядом с Гипербореей.

Такое положение подразумевает нахождение на крайнем севере, что согласуется с данными, которые приводит Халкокондил о Новгороде. Античный образ гипербореев и их северной страны сохранился в византийской традиции, и более того, многие авторы связывали его с Русью или граничащими с ней территориями. Георгий Гемист Плифон, который, возможно, был учителем Исидора, помещал к северу от России залив Гиперборейского океана. В конечном итоге, «гиперборейские пределы» даже вошли в первый официальный титул московского патриарха [3, с. 299–301].

Значение терминов демократия и аристократия для гуманистов XV века, судя по всему, также было связано с античной традицией. Халкокондил, описывая итальянские государства, называет демократиями те, где народ непосредственно участвует в управлении государством в отличие от аристократий, где велико влияние знатных семей. Так, говоря о Венеции, он отмечает, что раньше она была демократией, и её граждане управляли городом сами через свои общины и выборных лиц, но затем жители перестали участвовать в управлении и начали избирать для этого других людей, в руках которых постепенно сосредоточилась власть, и так правительство стало аристократическим [13, р. 320]. Непонятно, насколько строго подходил Исидор к обособлению этих политических типов, но он явно разделял их. В речи на Базельском соборе игумен говорит, что мир сохраняет аристократию, демократию и все остальные законные формы правления [10, р. 71]. В то же время северная демократия в речи Исидора чётко отделена от остальных областей Руси, которыми правят князья, что вполне согласуется со сведениями Лаоника Халкокондила. Схожесть описания географического положения и отдельного от остальной Руси политического устройства делает вполне обоснованным отождествление Οὐγγράτης Исидора с Новгородом и Οὐκράτης Халкокондила.

Г. Диттен, исследуя сообщение Халкокондила, пришёл к выводу, что его Οὐκράτης стал результатом слуховой ошибки либо возник по недосмотру переписчика сочинения, что привело к искажению названия на манер греческого, немецкого или одного из славянских языков [4, с. 69–71]. Однако помимо более раннего аналога в речи Исидора имеется ещё один термин, похожий на употреблённый игуменом и связываемый исследователями с Новгородом. Это «то Μίκρον Ὀνογγράτην» [6, с. 58] из приписок к рукописи первой половины XIV века, которую Исидор, будучи митрополитом, вывез из Москвы в Рим [9, с. 262]. Еще издатели текста М. Д. Приселков и М. Р. Фасмер предположили, что Ὀνογγράτην это графическое искажение слова Новгород, следовательно, фраза означает Малый Новгород, на роль которого они предложили Нижний Новгород или Малый Новгород XI века в Киевской земле [6, с. 58–59]. Вероятнее предположение А. В. Соловьёва, который считал, что речь в данном случае шла о литовском Новгородке [8, с. 483, прим. 23]. Данная форма, как и Οὐκράτης, схожа с имевшими место немецкими названиями Новгорода, особенно Nowgrat, Nowgrad, Nougat и Nowgraten [4, с. 70, прим. 143]. Вряд ли можно согласиться с тем, что это просто графическое искажение, учитывая, что существует ещё два поздних аналогичных термина у разных авторов, однако достоверно установить, как образовалась форма, использованная Исидором, пока не представляется возможным.

Великую и Нижнюю Россию в речи Исидора можно условно определить, как Северо-Восточную и Юго-Западную Русь соответственно. Всей Великой Росией управляет князь (в первом варианте речи великий князь [12 р. 48]), под которым, видимо, имеется в виду великий князь Владимирский, но в ней есть и другие князья. Правители нижней (южной) части страны и какое-то количество их подданных (возможно, приближённых) характеризуются как не подчиняющиеся патриарху Константинополя, что вкупе с географическим положением страны указывает на власть в этой земле литовских великих князей, исповедующих католицизм.

Характерно, что между выделяемыми игуменом территориями Руси можно провести не только политические, но и, в определенном смысле, канонические границы. Литовские правители неоднократно пытались добиться создания на своих землях отдельной от Москвы и Северо-Восточной Руси митрополии. Новгородская церковь, стоявшая первой в списке русских епархий [3, с. 262] и возглавляемая избираемым архиепископом, была фактически автономной от киевского архиерея. Корреспондент Исидора митрополит Фотий, как и его предшественник Киприан, вёл долгую борьбу с новгородцами за свои права и ничего в ней не добился. Возможно, именно он был источником сведений Исидора о Руси и Новгороде.

Представление Руси как трёх отдельных земель выделяет её из общего потока православных стран и народов. Оно могло быть обусловлено желанием игумена продемонстрировать многочисленность православных народов и стран, но и в представлении Исидора Русь действительно могла делиться на три особые части. Она также определённо представляла для него и, видимо, для всего Константинопольского патриархата особую значимость. Не случайно к концу существования империи ромеев произошла эволюция представлений греков о Руси: если раньше её жители считались дикарями и варварами, то теперь они стали членами одного с греками православного братства, а позднее основание патриаршества в России и вовсе будет обосновано её особой святостью [3, с. 267–269]. Кроме того, последние византийские императоры остро нуждались в поддержке не только католического Запада, но и своих православных единоверцев. Исидора могли заранее готовить к тому, чтобы занять киевскую кафедру, на которой он смог бы оказать посильную помощь императору в заключении унии, в том числе материальную [1, с. 57].

Рассмотрев сведения из речи Исидора, мы пришли к следующим выводам. Русь предстаёт в ней страной православного народа, подчинённого Константинополю. Он разделил её на три области: Новгород, Литву и

Северо-Восток, что обусловлено политическими и церковными границами между ними. В списке христианских народов-союзников Византии Русь занимает особое положение, для неё автором речи составлена наиболее подробная характеристика. Он обращается к Руси как к одному из многочисленных православных народов, образ которого может склонить католиков к заключению унии.

Список источников и литературы

1. Акишин С. Ю. Митрополит Исидор Киевский (1385/1390–1463). Екатеринбург, 2018. 321 с.
2. Бибиков М. В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Том 1. М., 2004. 736 с.
3. Бибиков М. В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Том 3. М., 2018. 304 с.
4. Диттен Г. Известия Лаоника Халкокондила о России // Византийский временник. 1962. Т. 21 (46). С. 51–94.
5. Пашкин Н. Г. Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402–1438). Екатеринбург, 2007. 238 с.
6. Приселков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 21. Кн. 1. Петроград, 1916. С. 48–70.
7. Сильвестр Сиропул. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439) / Пер. с греч., вступ. ст., коммент. и указатели диакона А. Занемонца. СПб., 2010. 352 с.
8. Соловьёв А. В. Великая, Малая и Белая Русь // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. 2, Кн. 1. С. 479–495.
9. Фонкич Б. Л. Палеографические заметки о греческих рукописях итальянских библиотек. Ещё раз о материалах по истории России второй четверти XIV в. // Византийские очерки: труды советских ученых к XVI международному конгрессу византистов. М., 1982. С. 254–262.
10. Hajdú Ch., Hajdú S. Anecdota quaedam Isidori abbatis futuri cardinalis Rutheni, Demetrii Hyaleae, Theodori Agalliani praesulumque quorundam Graecorum ad Vnionem Sanctae Ecclesiae spectantia // Cahiers de l'Institut du Moyen-Âge Grec et Latin. 2018. Vol. 87. P. 39–179.
11. BAV, Pal. gr. 226.
12. Philippides M., Hanak W. K. Cardinal Isidore (c. 1390–1462). A Late Byzantine Scholar, Warlord, and Prelate. London, New York, 2018. 421 p.
13. The Histories / Laonikos Chalkokondyles; translated by Anthony Kaldellis. Vol. 1. Cambridge, London, 2014. 559 p.

Для цитирования: Слободенюк К. В. Русь в речи игумена Исидора на Базельском соборе. // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 199 – 204.

СЕКЦИЯ. ИМАГОЛОГИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И РЕЦЕПЦИИ ПРОШЛОГО: ДРЕВНИЙ МИР

Сушкова Алина Вячеславовна

Почитание богов изначального прошлого в рамках проведения Праздника десятого дня в Древнем Египте

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема почитания древнеегипетских богов «предсуществования», которые, согласно поздним представлениям, упокоились на холме Джеме. К сожалению, вопрос изучения роли изначальных богов не разработан в российской египтологической литературе, а устоявшиеся в зарубежной литературе термины “Decade Festival/Dekadenfest” даже не введены в оборот. От эпохи Позднего времени известно о проведении т. н. Праздника десятого дня, во время которого изначальным богам, упокоившимся на холме Джеме, должны были подноситься жертвы, чтобы обеспечить связь между прошлым и настоящим.

Ключевые слова: древний Египет; изначальные боги; Праздник десятого дня; почитание прошлого.

Title: The worship of primeval gods under the Decade Festival in ancient Egypt

Abstract. This article focuses on the problem of primeval gods' veneration that, according to cosmogonic concepts, were buried on the mound of Djamet. Unfortunately, the issue of primeval gods has not been raised in Russian Egyptological literature, and already fixed in foreign historiography terms such as “Decade Festival” or “Dekadenfest” were not yet introduced into scientific circulation. From the Late Period there is evidence of celebration of Decade Festival, during which to the gods buried on the mound of Djamet offerings had to be made to ensure the relations between the past and the present.

Key words: ancient Egypt; primeval gods; the Decade Festival; veneration of the past.

Согласно египетским космогоническим представлениям, непосредственному сотворению мира предшествовало т. н. «предсуществование» [14], когда в мире пребывала лишь изначальная субстанция (нун или поток-ННw). Затем, согласно текстам, изначальный бог-творец начинает

Сушкова, Алина Вячеславовна — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; a.sushkova2010@yandex.ru

Научный руководитель: *Ладынин, Иван Андреевич* — д-р. ист. наук, доц., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Sushkova, Alina Vyacheslavovna — Moscow State University, Moscow, Russia; a.sushkova2010@yandex.ru

Scientific adviser: *Ladynin, Ivan Andreevich* — Dr. Sc. in History, Associate Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

создавать космические элементы и все явления материальной реальности. [14].

Фаза предсуществования — не имеющее начала безграничное время до момента *sr tru* (досл. «первый раз», момент, когда начинается непосредственное создание мира богом-творцом), когда царили мрак, недифференцированность и инертность, — связана с т. н. изначальными богами, или Огдоадой (др.-ег. *Хмпуу*). Боги Огдоады почитались в Гермополе (центр XV верхнеегипетского нома Унут) как восемь изначальных существ, которые были разделены на четыре пары богов:

1. Нун и Наунет, первобытный океан и нижнее небо. Наунет, спутница Нуна, понималась как противоположное «верхнему» небу нижнее или ночное небо, куда уходят Солнце на закате и звёзды на рассвете [2, s. 506];

2. Хеху и Хехет — странственная бесконечность и один из элементов, который описывает состояние хаоса наряду с *nww*, *tmw* и *kkw*. Хеху, как элемент хаоса, отождествлялся с одной из форм жидкой субстанции, где будут пребывать Атум и Осирис в конце времён, когда будет разрушен сотворённый мир: *hgw xrg.n Tm im m NNw m nww m kkw m tmw* (11, II, 4c-d) «день, когда воссуществовал Атум там из NNw, nww, kkw и tmw». Тексты ясно указывают на то, что упомянутые характеристики состояния предсуществования не могут быть поняты как отдельные божества (за исключением, возможно, нуна и потока-NNw, которые зачастую имеют детерминатив сидящего божества) [1, p. 27], они являются именно элементами неорганизованного, безграничного и мрачного хаоса. В текстах саркофагов, помимо хеху, т. е. некоей неопределённой субстанции, упоминаются также боги-NNw, которые держат небо на каждой из четырёх сторон света. Богов-NNw нельзя, по-видимому, отождествлять ни с Хеху (т. е. членом Огдоады), ни с группой восемь гермопольских изначальных богов;

3. Кеку и Кекет — первобытный мрак, царивший в неорганизованном мире до рождения солнечного божества. В храме Хибис в оазисе Харга можно встретить также изображения пары Герех и Герехет, имена которых, по всей видимости, всё-таки являются ошибочным написанием имён Кеку и Кекет [15, p. 178];

4. Амон и Амаунет — сокрытое; эта пара может быть заменена парой Ниау и Ниаут, имена которых ни в коем случае не являются вариантом написания имён Нуна и Наунет [15, p. 177], но, скорее всего, считаются воплощением «несуществования» и «пустоты» [10, s. 67]. В греко-римское время появляется новая пара божеств — Хемсу и Хемсут, имена которых можно перевести как «сидящий» и «сидящая»; скорее всего, эти обозна-

чения отсылают нас к распространённым эпитетам Огдоады — *pnuw* и *Hpyuw* «недвижимые» и «отдыхающие» [15, p. 179].

Таким образом, очевидно, что четыре пары богов воплощали силы, существовавшие ещё до установления миропорядка.

Однако происхождение этих богов довольно сложно проследить, поскольку свидетельства, описывающие религиозную систему Гермополя, довольно плохо сохранились, поэтому оно известно лишь благодаря фрагментарным текстам позднего времени, происходящих как из самого Гермополя, так и из других религиозных центров. Хотя в настоящее время отвергнута гипотеза К. Зете, что бог Амон был местным богом Гермополя, для Огдоады это несомненно, т. к. даже её наименование *2mnyw* (досл. «относящиеся к Гермополю») указывает на происхождение богов из этого города. Древнеегипетское название города Хемену сохранилось не только в коптском языке как Шмун, но и в арабском: как эль-Ашмунейн. В рамках развития представлений об этих богах следует обратить внимание, что, хотя они были интегрированы в фиванскую традицию, всё же сохраняли свою привязку к локальному религиозному центру. Но уже в поздней фиванской «Космогонии Хонсу» Огдоада рождается не в Гермополе, а в Фивах по той причине, что фиванское жречество стремилось обосновать роль этого города как «прародины и матери всех городов», перенеся туда место рождения изначальных богов [9, p. 196].

Первые точные свидетельства о существовании восьми изначальных богов относятся к концу правления XVIII династии, но лишь временем правления XXVI династии датируется употребление собственных имён членов Огдоады. В эллинистическое время, начиная со времени правления Птолемея III Эвергета, боги Огдоады начинают изображаться в качестве адресатов в сценах приношения. Так, например, в двух симметричных сценах пропилон храма Хонсу в Карнаке изображены боги Амон и Амаунет, Нун и Наунет, Хеху и Хехет, Кеку и Кекет, перед которыми совершаются возлияния [15, p. 218–219].

Довольно стандартным считается изображение членов Огдоады в виде людей с лягушачьими головами у представителей мужского пола и змеиными — у женского. Высказывалось предположение, что лягушки и змеи, которые, как считалось, появляются из грязи сами по себе, воплощают собой сырость и влажность, присущие изначальному миру, который не согревался солнечным светом. [2, s. 6]. Французская исследовательница Х. Зиви-Кош полагала, что объяснить такую иконографию можно лишь обратившись к способностям лягушек к воспроизводству. Главным качеством изначальных богов мужского пола является их способность к деторождению, которая необходима для продолжения жизни после

утверждения в мире богом-творцом половой дифференциации. [15, p. 176]. Эта идея присутствует и в других текстах. Так, К. Зете приводит отрывок из демотического папируса из Абусир эль-Мелек, где говорится о том, что, возможно, Птах-Татенен «позволил Огдоаде высадиться в Гермополе, причём они [были существами разного цвета] <...> быков и коров. Он позвал их и сказал: «пусть [объединятся четыре быка], пусть объединятся четыре коровы [.....] на месте. Тогда мужчины (самцы) стали (превратились – прим. А. С.) одним чёрным быком, а женщины (самки) — чёрной коровой». [10, s. 85]. Впоследствии бык оплодотворяет корову: в подобных текстах образы Огдоады скорее указывают на более древний слой религиозного сознания — способность этих первых богов быть источником жизни и воспроизводства.

Ещё меньше мы знаем об изначальном боге Кематефе. Впервые его имя было зафиксировано лишь в текстах эллинистического времени, описывавших мистического бога в облике змеи, который, выйдя из первобытного океана, начинает процесс создания мира [6, s. 382]. Однако Кематеф описывается как изначальное божество не только в храмах фиванского региона: он упоминается как самостоятельный действующий бог в Дендере, Коптосе, Эсне, Ком-Омбо, где олицетворяет времена глубокой древности и принцип самозарождения [12, s. 157]. Изначальный творец, «запуская» созидательный процесс, не продолжает его и удаляется из мира, по всей видимости, трансцендентно существуя за границами разворачивающейся уже в рамках творения вторым поколением богов Вселенной.

Имя Кематефа (Km-At=f), которое можно перевести как «завершающий своё мгновение» [3, p. 43-44], действительно отражает идею того, что первый акт творения приравнивается к этому At, т. е. тому мгновению во времени, когда Кематеф совершил единичный творческий акт и удалился от творения на холм Джеме — место упокоения изначальных богов на западном берегу Фив. Продолжает творение змей Ирта (Ir-tA, досл. «создавший землю»), который называется сыном изначального бога-творца Кематефа, обладающим его творческой энергией [13, p. 117]: Km-At=f pw it Ir-tA xpr n xpr xprw it itw pw mwt mwwt [7, p. 80] «это Кематеф, отец Ирта, существовавший, когда не существовало существующее, это отец отцов, мать матерей».

Почитание т. н. «умерших» или «ушедших» богов, т. е. Огдоады и Кематефа, было одной из целей т. н. Праздника десятого дня, отдельные упоминания о котором встречаются уже в тексте, относящемся ко времени правления Тутмоса II. [4, s. 169]. Но лишь свидетельства, датирующиеся XXV династией, доподлинно указывают на проведение этого праздника. Согласно текстам и изображениям, происходящим из небольшого здания к северу от Священного озера в Карнаке, возведённого при царе Тахарка,

некая процессия отправлялась из Карнака через Луксор в Мединет Абу, чтобы преподнести жертвы захороненным на холме Джеме богу Кематефу и членам Огдоады. Пунктом назначения был выбран Малый храм в Мединет Абу, стоящий на месте холма Джеме, по той причине, что в эллинистическое время в Фивах бытовало представление, согласно которому изначальный бог Кематеф должен был быть захоронен там вместе с членами Огдоады [10, s. 26]. Одно из названий Малого храма датируется птолемеевским временем и подтверждает существование культа упокоенных на холме Джеме богов — dwAt Dsrt nt Xmnyw («священный загробный мир Огдоады»). Каждые десять дней Амон Луксорский (т. е. царь или жрец) отправляется в Мединет Абу, где посещает iAt-Wsir (холм Осириса) и Dsr-st (Малый храм) как место упокоения Кематефа и Огдоады [8, p. 82]: sti Hr=f r TAmwt r br it=f m-ab msw=f nn xpr{w} m Naw=f [10, s. 58] «он обращает свой взор к холму Джеме, чтобы увидеть своего отца вместе со своими детьми, которые появились из его тела».

Главной целью этого праздника, с одной стороны, является подношение жертв уже умершим богам, отождествляемым с предпрошедшим временем; с другой, — совершая ритуал, царь обеспечивает дальнейшее существование и функционирование мира. Изначальные боги, считающиеся умершими физически (что противоречит их божественной природе) [4, s. 204], на самом деле пребывают и в организованном мире, но уже как божественные сущности, незримо поддерживающие творение.

Кематеф мыслился как старейший из всех богов, существовавший в изначальное время и являвшийся той силой, которая лежала даже в основе появления четырёх элементов неорганизованного мира, воплощённых в образах восьми изначальных богов. Огдоада же, хотя и не принимала непосредственного участия в создании мира, должна была незримо обеспечивать функционирование мира, контролируя течение важнейших природных процессов (восход Солнца или разлив Нила).

Подношение жертв изначальным богам обеспечивало постоянный обмен энергией между действующими живыми и изначальными силами, поддержание связи между которыми гарантировало непрерывность существования мира [13, p. 117]. В ходе Праздника десятого дня, таким образом, ритуалы связывали прошлое с настоящим, а сам праздник маркировал «временный переход от нормального течения времени в профанном измерении к отклоняющемуся от нормы сакральному периоду» [5, p. 134].

Праздник десятого дня, таким образом, представляет собой отношения между прошлым и настоящим, между незримыми силами, поддерживающими функционирование сотворённого мира, и силами действующего правителя, исполняющего роль живого бога-сына. Постоянный обмен

между этими двумя силами лежит в основе самого существования мира. Отправляющие культ жрецы стремились вернуть на короткий период момент *sp trv*, связанный с богами-предками, омолодить и «перезапустить» сакральное творение.

Список источников и литературы:

1. *Bickel S.* La cosmogonie égyptienne avant le Nouvel Empire (Orbis Biblicus et Orientalis 134). Fribourg-Göttingen, 1994.
2. *Bonnet H.* Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte. Berlin, 1952.
3. *Chantrain G.* Eléments de la terminologie du temps en égyptien ancien: Une étude de sémantique lexicale en diachronie. Hamburg, 2020.
4. *Demuss K.* Dsr-s.t–Studien zum Kleinen Tempel von Medinet Habu. Göttingen, 2007.
5. *Leach E. R.* Rethinking anthropology. London; New York, 1966.
6. Lexikon der Ägyptologie (LÄ) /Helck W., Otto E. (Hrsg.) Band III. Wiesbaden, 1980.
7. *McClain B. J.* The cosmogonical inscriptions of Ptolemy VIII Eurgetes II and the cultic evolution of the temple of Djeser-set // Perspectives on Ptolemaic Thebes. SAOC (Studies in Ancient Oriental Civilization 65). Chicago, 2004. P. 69–96.
8. *Parker R. A., Leclant J., Goyon J. C.* The edifice of Taharqa by the Sacred Lake of Karnak. Providence (RA), 1979.
9. Recklinghausen D. von. Anspruch und Wirklichkeit. Ptolemäische Beschreibungen der Stadt Theben // Pfeiffer St. (Hrsg.) Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz. 2007. Bd. 3. S. 140–165.
10. *Sethe K.* Amun und die acht Urgötter von Hermopolis. Eine Untersuchung über Ursprung und Wesen des ägyptischen Götterkönigs. Berlin, 1929.
11. The Egyptian Coffin texts. Vol. VII. Spells 787–1185. Ed. by A. De Buck. Chicago, 1961.
12. *Thissen H. J.* KMHF — Ein verkannter Gott // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1996. Bd. 112. S. 153–160.
13. *Traunecker C., Le Saout F., Masson O.* La Chapelle d’Achôris à Karnak. Recherche sur les grandes civilisations, synthèse. No. 5. Mémoires du Centre Franco-Égyptien d’Étude des Temples de Karnak. Vol. 2. Paris, 1981.
14. *Zeidler J.* Teologie locali dei templi egizi di epoca greco-romana // Assmann J., Smith M., Zeidler J. Scienza egizia. Cosmogonia, cosmologia e teologia. URL: <https://goo.su/zQzb> (дата обращения: 15.10.2022).
15. *Zivie-Coche Chr.* L’Ogdoade thébaine à l’époque ptolémaïque et ses antécédents // Thiers Chr. (éd.) Documents de théologies thébaines tardives (D3T 1). 2009. CENiM 3. P. 167–225.

Для цитирования: Сушкова А. В. Почитание богов изначального прошлого в рамках проведения Праздника десятого дня в Древнем Египте // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 205 – 210.

Пират: романтический герой или разбойник? Образ пиратства в архаический период

Аннотация. В данной статье исследуется природа пиратства в архаической Греции. Уделяется особое внимание личности и деятельности Поликрата Самосского, который был не только тираном острова, но и самого известным морским разбойником античности. Отправной точкой исследования будет гомеровский эпос, именно в "Одиссее" отражены идеалы Тёмных веков, в том числе отношение к пиратам.

Ключевые слова: Поликрат Самосский; пиратство; Гомер, старшая тирания.

Title: Pirate: Romantic hero or robber? The image of piracy in the archaic period.

Abstract. This article explores the nature of piracy in archaic Greece. Special attention is paid to the personality and activities of Polycrates of Samos, who was not only the tyrant of the island, but also the most famous sea robber of antiquity. The starting point of the study will be the Homeric epic, it is in the Odyssey that the ideals of the Dark Ages, including the attitude towards pirates, are reflected.

Key words: Polycrates of Samos; piracy; Homer, the elder tyranny.

В современности, когда мы говорим о пиратстве, для нас это особо тяжкое преступление. Однако в архаический период пираты не всегда считались подлыми преступниками, изгоями. Слово ὀλῳτῆς (др. греч. — разбойник, пират) происходит от слова женского рода ἡ λεία (др. греч. — добыча, награбленное). Это слово использовал Гомер при описании юности Одиссея, когда царь Итаки успешно занимался морским разбоем, не стесняясь этого и наоборот – хвастался своим прошлым Алкиною (Od., XIV, 230–234).

В гомеровском гимне к Аполлону этот бог в облике дельфина направил минойцев с Крита на Делос, где должно было быть обустроено его святилище. Вскоре Аполлон принял свой богоподобный облик и задал жителям Миноса вопрос: «Едете ль вы по делам иль блуждаете в море бесцельно, / Как поступают обычно разбойники, рыская всюду, / Жизньню играя своею и беды неся чужеземцам?» (НН1, 452, пер. В. В. Вересаева). В этом

Харина, Дарья Алексеевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076444@student.spbu.ru

Научный руководитель: Жестоканов, Сергей Михайлович, к-т. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Kharina, Daria Alekseevna — St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st076444@student.spbu.ru

Scientific adviser: Zhestokanov, Sergei Mikhailovich — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

отрывке жизнь пирата сравнивается с жизнью обычного человека. Вероятно, в Тёмные века пираты не выглядели воинственно, так как по внешнему виду Аполлон не понял, кто перед ним. Аналогичные вопросы к морским странникам мы можем найти и в «Одиссее». Например, приветствие Нестора Телемаху (III, 70) или обращение Циклопа к Одиссею (IX, 250). Один из исследователей античной литературы Тёмных веков Милман Пэрри полагал, что эти фразы в гомеровских стихах были «передышками» для рапсодов, чтобы те могли собраться с мыслями, прежде чем продолжат свой рассказ [13, p. 9]. Тот факт, что такая вопросительная фраза ἢ τί κατὰ πρῆξιν ἢ μαψιδίως ἀλάλησθε / οἷά τε ληιστῆρες ὑπεῖρ ἄλλα, τοί τ' ἀλόωνται повторяется из раза в раз в произведениях Тёмных веков, наводит нас на мысль, что морские разбойники были хорошо известны слушателю той эпохи и вызывали у него понятный страх.

Фукидид в «Истории» писал о времени Архаики, когда общение по морю сделалось проще, чем в Тёмные века, а пиратство стало очень распространенной профессией. Древний автор свидетельствовал о том, что пираты были могущественными людьми, которые действовали не только ради собственных интересов, но и защищали слабых представителей своего народа (Thuc., I, 5–7).

Для гомеровского человека добродетель ἡ ἀρετή заключалась в храбрости, умении обращаться с оружием и накоплении богатства. Очевидно, что пиратство приносило с собой страх и уважение. П. Валкот описывает цель таких успешных рейдов, как один из способов доказать свою мужественность [15, p. 349]. Мы с этим согласимся, так как это проиллюстрировано в «Одиссее», когда Афина является Телемаху в облике тафианского вождя Ментеса (XVI, 424). Не секрет, что тафиане были известными пиратами, которые базировались на небольших островах Акарнании у входа в Коринфский залив (Polyb., II, 38). Мы можем трактовать образ богини и её копьё как идею, что сыну Одиссея пора повзрослеть и больше быть похожим на своего отца. Теперь он должен стать настоящим мужчиной, который совершает набеги и приносит добычу, как это делают пираты.

Аристотель также считал, что пиратство — естественный, а главное продуктивный образ жизни, как это описано в гомеровских текстах. Однако он делал оговорку, что эта практика оправдана, если она не направлена на достижение неограниченного богатства, которое больше необходимого для ведения «хорошей жизни». Далее он говорил, что даже рабство, которое часто ассоциируется с пиратством, может быть оправдано, потому что набеги на неполноценных людей (рабов) — естественный ход вещей (Pol., II, 40).

Отношение греческого общества к пиратам стало меняться в VII–VI в. до н. э., когда во многих греческих полисах стали править тираны (Кипсел Коринфский; Фрасибул Милетский; Писистрат Афинский; Гиерон I Сиракузский и др.). Морской разбой становится одним из главных направлений внешней политики многих правителей, которые незаконно узурпировали власть. Показательным примером является тиран острова Самоса Поликрат. Геродот называл его первым греком, который стремился к морскому господству. Также, по словам историка, кроме Миноса и других царей, таким влиянием не обладал никто, кроме Поликрата (III, 122). По мнению «отца истории», набеги пирата-тирана были масштабными и очень неизбирательными. Поликрат с удовольствием грабил не только своих врагов, но и старых союзников. Нам известны слова правителя Самоса о том, что пострадавшие друзья будут ему более благодарны за возврат награбленного, чем если бы их вообще не грабили (III, 124). Д. Суза считает, что морская деятельность Поликрата была началом более масштабных, более организованных рейдов, которые были больше похожи на войну, чем на пиратство, поскольку он боролся за господство на море [12, р. 38]. Самос располагал большим флотом: 150 вёсельных кораблей и около сорока триер. Поликрат установил гегемонию Самоса на Эгейском море [3, р. 340].

Как мы можем заметить, во многих отношениях Поликрат следовал гомеровской традиции и использовал набеги для обеспечения своего дохода и престижа, а главное, расходовал средства на улучшения жизни острова. Он делал это очень эффективно, об этом свидетельствуют его строительные проекты: храм Геры (самое большое святилище во всей Элладе); водопровод «Эвпалинов тоннель» (строитель Эвпалий, сын Навстрофа из Мегары); искусственная гавань Самоса (дамба была размером 20 оргий в высоту и более 2 стадий в длину). Известно, что Поликрат приглашал иностранных архитекторов, которым платил хорошее жалованье (Athen., XIII, 78). Во времена правления тирана были воздвигнуты городские стены, а вокруг них был сооружен ров, что было необходимо для защиты населения (Athen., XII, 540). Г. Шипли на основании данных археологии убедительно доказывает, что остров экономически и культурно процветал вплоть до смерти Поликрата в 522 г. до н. э. [14, р. 79]. Пират Самоса предпринял походы на Лесбос и Милет, также захватил о. Рению, но потом принёс его в дар Аполлону, соединив его со священным островом в Делосе [3, р. 98].

При Поликрате был спроектирован и сконструирован новый тип судна — самена. Самое подробное описание корабля приводит Плутарх (Pericl., 26.). Автор отмечает, что это судно использовалось как для военных, так

и торговых целей. Популярность этого типа кораблей привела к тому, что саменой стали называть самосскую монету, на реверсе которой изображен этот весельный корабль [10, с. 24]. Нет ничего необычного в том, что монета могла именоваться по изображенному на ней предмету или животному. Нам кажется, что самена, как раз символизирует Самос времен Поликрата, который занимался и торговлей, и пиратством. Ведь в Древней Греции традиционно чеканили на реверсах монет изображения, которые были связаны с историей местности, с достопримечательностями полиса и. т. п. [11, р. 49]. Так, например, на афинских монетах изображался символ Афины — сова, на эгинских — черепахи, которые водились в изобилии на острове.

Поликрат правил на Самосе относительно недолго, около 13 лет. Но за этот небольшой промежуток времени он был известен во всём греческом мире, как пират-тиран. Его имя стало нарицательным и ассоциировалось с огромным богатством, непревзойденным успехом. Пиратскую деятельность Поликрата как одобряли, так и осуждали. С одной стороны, он следовал традиции Гомеровской эпохи о могущественном человеке, который использует море для демонстрации своей доблести и накопленного богатства. Многие древние авторы называли его «великодушным пиратом» (Athen., XII, 57). Позже, уже в классическую эпоху «морской разбой» Поликрата будет вызывать неодобрение. С афинской точки зрения (Фукидид и Геродот) морской разбой на Эгейском море осуждался, так как Афины пытались удерживать власть на Эгейском море (Hdt., VII, 164; Thuc., I, 5–7). Геродот считает пиратскую деятельность и тягу к богатству одной из причин ужасной гибели Поликрата через распятие (III, 126). Тем самым «отец истории» предостерегает своих читателей от занятий «морским разбоем», чтобы избежать страшного наказания богов. Но стоит отметить, что несмотря на критику Поликрата Геродотом, историк с печалью осознавал, что это был слишком ужасный конец для такого великого человека (III, 126). Борьба Рима с киликийскими пиратами повлияла на восприятие образа Поликрата, это отражается в литературной традиции того времени. Например, Страбон осуждал «морской разбой» самого известного самосского тирана (XIV, 17). Можно заметить, что более поздние авторы писали о том, что все пираты — обычные разбойники, их необходимо искоренить, такой точки зрения придерживался и Полибий во «Всеобщей истории» (II, 44–46).

Таким образом, пиратство в архаический период в Греции не всегда рассматривалось как преступление. Разумеется, пиратов боялись, они внушали страх не только простому человеку, но и особенно торговцу (это показывают произведения Тёмных веков). В этой работе мы исследовали

природу морских разбойников с упором на гомеровский эпос и внешне-политическую деятельность Поликрата Самосского. Гомер в какой-то степени отражает преобладающее в то время отношение к пиратству. Занятие пиратством считалось почётным, пират в какой-то мере воспринимался, как романтический герой, некий эталон для юношей, которые вскоре должны пройти обряд инициации и стать настоящими мужчинами. Правители архаической эпохи поддерживали «морской разбой», благодаря которому строились новые сооружения, развивалась экономика и культура. Позднее пираты порицались. «Гомеровский шарм» разбоя на море постепенно забывается.

Список источников и литературы:

- 1) *Аристотель*. Политика / Пер. С. А. Жебелева. М., 2016. 384 с.
- 2) *Афиней*. Пир мудрецов: в 15 кн. Книги I–VIII. / Пер. Н. Т. Голинкевича. М., 2003. 740 с.
- 3) *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. 640 с.
- 4) *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972. 348 с.
- 5) *Гомер*. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского. М., 2021. 416 с.
- 6) *Гомеровский гимн Аполлону* / Пер. В. В. Вересаева // Эллинистические поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. М., 1999. 312 с.
- 7) *Плутарх*. Застольные беседы / Пер. М. Л. Гаспарова. Л., 1990. 590 с.
- 8) *Полибий*. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. М., 2020. 1317 с.
- 9) *Страбон*. География / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 850 с.
- 10) *Фукидид*. История / Пер. Г. А. Стратановского. СПб., 2018. 875 с.
- 11) *Шергина Н. А.* Социальная политика самосского тирана Поликрата // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010. № 4. С. 22–31.
- 12) *Casson L.* Ships and Seafaring in Ancient Times. Ostin, 1994. 160 p.
- 13) *De Souza P.* Piracy in the Graeco-Roman World, Cambridge, 1999. 489 p.
- 14) *Parry M.* The Making of Homeric Verse. Oxford, 1971. 439 p.
- 15) *ShIPLEY G.* A History of Samos, 800–188 BC. Oxford, 1987. 352 p.
- 16) *Walcot P.* Cattle Raiding, Heroic Tradition and Ritual: The Greek Evidence // History of Religions. 1979. № 8. P. 326–351.

Для цитирования: Харина Д. А. Пират: романтический герой или разбойник? Образ пиратства в архаический период // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 211 – 215.

Особенности репрезентации женщины в аттической трагедии (на примере похоронного обряда)

Аннотация. В данной статье анализируются способы репрезентации и описания участия женщины в религиозных обрядах на основе трагедий аттических драматургов – Эсхила, Софокла и Еврипида. Подробно исследуются встречающиеся в трагедиях описания похорон и связанных с ними ритуалов, в первую очередь индивидуальные действия женщин при исполнении похоронного обряда. Предпринята попытка охарактеризовать роль и место женщины в древнегреческом обществе с точки зрения возможностей ее реализации за пределами семейной жизни.

Ключевые слова: аттическая драма; древнегреческая религия; похоронный обряд.

Title: Woman's representation through the funeral rite in Attic tragedy

Abstract. This article analyzes the representation and describing women in religious rituals in the tragedies of the Attic playwrights – Aeschylus, Sophocles and Euripides. Fragments of the description of funerals and related rituals are examined in detail, notably individual actions of women in the performance of the funeral rite. An attempt is made to characterize the role and place of a woman in ancient Greek society in terms of the possibilities of her realization outside of family.

Key words: Attic drama; ancient Greek religion; funeral rite.

Изучение роли женщины в религиозной жизни Древней Греции представляет особый интерес, поскольку именно в этой сфере общественной жизни женщинам предоставлялась возможность наибольшего самовыражения. Кроме того, исследование данной темы позволяет больше узнать о «женском» вопросе в Афинах, положении девушек и матерей, морали и социальном устройстве общества. Древнегреческая драма, пожалуй, ярче, чем какой-либо другой источник, отражает роль женщины в религиозной жизни Древней Греции, хотя интерпретация ее свидетельств представляет собой сложную проблему.

Середович, Анастасия Евгеньевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076526@student.spbu.ru

Научный руководитель: Кулишова, Оксана Викторовна — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Seredovich, Anastasia Evgenevna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st076526@student.spbu.ru

Scientific adviser: Kulishova, Oksana Viktorovna — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Поскольку тема смерти постоянно присутствует в трагедии, в ней часто встречается описание похоронного обряда, организация которого почти всегда ложится на плечи женщин (Eur. Hel., 1275). Примечательно, что почти нет примеров, когда мать умирает прежде сына, а жена раньше мужа. Исключение составляет трагедия Еврипида «Алкеста», где согласно сюжету, царь Фер и Фессалии Адмет, должен был умереть раньше своей жены Алкесты, однако она пожертвовала собственной жизнью ради его спасения. Тогда он приказывает подготовиться к похоронам и скорбит об ушедшей жене (Eur. Alc., 551).

В остальных трагедиях оплакивают умерших родственников, как правило, женщины. У Софокла Антигона с Исменой готовят к смерти еще живого Эдипа, а позже Антигона в одиночестве хоронит Полиника; Елена у Еврипида, пусть фиктивно, устраивает похороны для Менелая; в «Просительницах» Еврипида матери просят Тесея помочь вернуть тела погибших с поля боя для погребения. Различные подробности проведения обряда разбросаны на страницах «Финикиянок», «Ифигении в Авлиде», «Гекубе» и других трагедиях, что дает возможность составить общее представление о ритуальных действиях женщин в случае смерти близких родственников.

Прежде всего, женщины должны были совершить ритуальное омовение покойного, что мы встречаем в «Электре» Софокла (1137–1138). После омовения и выставления покойного в доме на прощание (πρόθεσις) следовала процессия (ἐκφορά), действия которой были строго регламентированы: сначала шла женщина с вазой для возлияний (Aesch. Supp., 40–41), за ней следовала родня. После того, как труп был сожжен, на родственниках лежала обязанность собрать останки из пепла погребального костра [12, p. 52]. Упоминание об этом мы встречаем только у Софокла: Электра сожалеет о том, что не смогла «принять бедный прах [Ореста. А. С.] из челюстей огня» (El., 1139–1143, пер. Ф. Ф. Зелинского). Стоит отметить, что в трагедии встречаются лишь случаи трупосожжения, но в Афинах V в. до н. э. практиковалось, хотя и в меньшей степени, также и трупоположение [1, с. 335].

Нечто похожее можно видеть в обряде, который проводит Антигона над трупом Полиника (Soph. Ant., 426–436). Для совершения ритуала девушка трижды посыпает тело брата песком (κόνις), набрав его в медный сосуд. Этих действий было достаточно для совершения погребального обряда (245–247) несмотря на то, что девушка была схвачена стражей во время исполнения ритуальных действий. Но прежде, чем приступить к совершению обряда, Антигона оплакала труп.

При любом несчастье в трагедии для женщин был характерен плач и причитания, совмещенные с молитвой, но обязательной и ритуальной частью проживания горя рыдания становились во время и после похорон. Электра после смерти отца долгие дни продолжает скорбеть по нему (Soph. El., 285–288), а позже оплакивает брата, Ореста (1122). Просительницы Еврипида не раз говорят о своей тяжелой доле – оплакивать непогребенных сыновей (Eur. Supp., 48–51, 79–80, 83–85). Даже Адраст решает воздать плач по воинам, погибшим под Фивами, наблюдая, как горюют их матери, и называя этих женщин «учительницами» скорби (διδάσκαλοι; Eur. Supp., 772–775).

В печали греки должны были соблюдать меру. У Софокла хор не раз останавливает рыдания Антигоны и Исмены, лишившихся отца, говоря «не воспламеняйтесь слишком большим горем» (Soph. OC., 1695) и в конце трагедии уже повелевает Антигоне: «Умолкни, не поднимай больше плача» (1777). Также Тесей призывает девушек прекратить плач и объясняет это тем, что рыдания неуместны, когда покойнику дана благодать подземного мира, имея в виду его захоронение в земле (1752–1754). Следовательно, плач прекращался по окончанию похорон. Дополнительно проживать тяжесть потери разрешалось взаперти. Когда Евридика, узнав о смерти своего сына Гемона, молча удаляется во дворец, вестник объясняет это ее благоразумием и желанием облегчить сердце в кругу домашних. И Электра предпочитает горевать по убитому отцу взаперти (Soph. El., 283–284). Хотя у того же Софокла существует и противоположный пример, когда Антигона с Исменой проливали слезы по пути в город так, что их плач возвестил о приближении девушек (Soph. OC., 1668–1669). Каждый автор по-своему описывал реакцию людей на смерть близких, но женщины в трагедиях предавались горю одинаково глубоко.

Живые взывают к смерти, желая воссоединиться с погибшим родственником, а Антигона говорит о смерти собственной души (ψυχή τέθνηκεν,) скорбя по погибшим братьям (Soph. Ant., 560). Некоторые женщины даже совершают самоубийство, не справляясь с тяжестью потери. Так, Евридика после плача вонзает в себя нож (ξίφος) около алтаря (βώμιος), узнав о смерти сына Гемона (1290–1306), а Иокаста совершает самоубийство рядом с телами погибших сыновей (Eur. Phoen., 1570–1578). Мы не имеем сведений о подобных случаях в обыденной жизни, едва ли самоубийство было распространенной практикой проживания горя утраты. Подобные сюжетные повороты восходили к древней традиции догомеровской эпохи, когда еще живых жен царей хоронили вместе с ними. В. Буркерт объясняет это тем, что, столкнувшись с фактом смерти, рефлекторная агрессия устремляется в пустоту и возвращается сама к себе [12, р. 53]. Она про-

являлась не только в безудержных рыданиях, но и посыпанием пеплом головы, раздиранием щек и выдираанием волос (Aesch. Sept., 853–859; Eur. Alc., 103–104; Eur. Supp., 48–51, 826–827; Eur. Hec., 647–656). Не совсем ясно, являлись ли эти действия отражением реальности, поскольку известно, что в Афинах VI в. до н.э. Солон ввел ограничения на пышность похорон (Plut. Sol., 21; Cic. De leg., II, 63). Следует отметить, что у исследователей нет единого мнения относительно действия ряда запретов Солона в дальнейшем [5, с. 659; 7, с. 253; 11, р. 21]. Систематизировав сведения источников, Р. Гарланд приходит к выводу, что ограничения касались прежде всего женщин: закон запрещал скорбящим носить более трех плащей, наносить себе увечья на похоронах и плакать о других усопших, выходить ночью для поминовения [15, р. 3–4]. Однако в аттической трагедии V в. до н.э. нередко встречаются эпизоды подобного поведения. Это может свидетельствовать о сохранении данной обрядовой практики в ее древней форме, поскольку религиозная сфера оставалась наиболее консервативной и менее восприимчивой к законодательным изменениям. В таком случае, указ ограничил пышность похорон и количество плакальщиц, а не ритуальные действия сами по себе. Кроме того, археология не зафиксировала уменьшения богатства могил после издания законов Солона [7, с. 253]. С другой стороны, в V в. до н.э. случаи нанесения себе увечий могли сохраниться лишь в театральных представлениях, являясь необходимой частью действия, добавляющей драматизма и, по мнению некоторых исследователей, составляющей его основу [2, с. 157–158; 13, р. 75–76].

К V в. до н.э. с наибольшей вероятностью сохранился обычай обрезания пряди волос, что также можно рассматривать как стремление осквернить себя в попытке справиться с «рефлекторной агрессией», и ношение траурной одежды – черного пеплоса (Eur. IA., 1437–1438; Eur. Phoen., 322–326). Остричься и начать плакать обещает Елена в знак траура по якобы мертвому Менелая (1053–1054), что она и делает позже, облачаясь в черный пеплос (1186–1189). Те же действия совершает и Иокаста в «Просительницах» Еврипида после изгнания из города ее сына Полиника (322–326).

Также после похорон полагалось устраивать поминки: на могилу приносились жертвенные подношения, там же совершались возлияния, читались молитвы. Электра осуждает свою мать, Клитемнестру, которая, убив мужа, каждый месяц приносила в жертву овец (μῆλοσφαγέω) и устраивала танцы (χορός; Soph. El., 279–282). Дочь считает, что эти дары Клитемнестра приносит богам в благодарность за свое освобождение от уз брака, и что подобные подношения оскверняют могилу отца (431).

Поэтому, вместо даров матери, Электра просит свою сестру Хрисофемиду пожертвовать на могилу отца свой пояс (ζῶμα) и пряди волос (βόστρυχος φόβη; 450–453). Вероятно, речь идет о поясе, который носила незамужняя девушка, и который полагалось снять после свадьбы. Эсхил в трагедии «Семеро против Фив» использует другое название пояса στρόφος, когда хор причитает о несчастьи девушек, которые «обвивают свои пояса вокруг одежд» (860–874). Под этим может подразумеваться траурные одеяния, поскольку мать Ксеркса и вдову Дария Атоссу хор называет «перепоясанная низко» (Aesch. Pers., 155).

Пояс не был обязательной частью подношений, чаще поминальный обряд был ограничен возлиянием. Описание возможных возлияний встречается у Еврипида в трагедии «Ифигения в Тавриде»: перечисляются молоко, вино и мед (Eur. IT., 158–171). Возлияния могли быть ограничены и чем-то одним, например, медом (632–635).

Таким образом, на основе анализа свидетельств трагедии можно сделать вывод о весьма значительной роли женщины на похоронах. Женщина совершала большую часть ритуалов, без которых сам обряд не мог состояться: омовение покойного, плач по усопшему и сбор праха. Необходимо отметить, что при омовении женщина непосредственно соприкасалась со скверной, а плач по усопшему, раздирание щек, вырывание волос, посыпание головы пеплом были актом осквернения себя. Вместе с этим, исполнение похоронного обряда являлось одним из возможных способов реализации женщин в древней Греции, что ясно показывают сюжеты аттических трагедий, в особенности «Антигона» Софокла, где похоронный обряд ненамеренно становится способом протеста.

Список источников и литературы

1. Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика / Пер. М. Витковской, В. Витковского. СПб., 2004. 584 с.
2. Нильссон М. Греческая народная религия / Пер. С. Ю. Клементьевой. СПб., 1998. 240 с.
3. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. / Изд. подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш; Т. 1. М., 1994. 702 с.
4. Софокл. Драмы / Пер. Ф. Ф. Зелинского. М., 1990. 606 с.
5. Суриков И. Е. Солон и его время. В 2 т. Т. 2. СПб., 2022. 336 с.
6. Трагедии Еврипида / Пер. Вланеса (В. Некляева) [Электронный ресурс] // Euripid.com. URL.: <http://euripid.com/> (дата обращения 20.05.2022).
7. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. 544 с.
8. Цицерон. Диалоги / Пер. В. О. Горенштейн. М., 1994. 222 с.
9. Эсхил. Трагедии / Пер. С. К. Алта. М., 1971. 383 с.

10. *Aeschylus*. In 2 vol. / With an English translation by H. W. Smyth. Cambridge, 1926.
11. *Alexiou M.* The Ritual Lament in Greek Tradition. Cambridge, 1974. 288 p.
12. *Burkert W.* Homo Necans: The Anthropology of Ancient Greek Sacrificial Ritual and Myth. Berkeley, 1983. 335 p.
13. *Else G. F.* The Origin and Early Form of Greek Tragedy. Norton, 1965. 128 p.
14. Euripidis Fabulae. In 3 vol. / Ed. G. Murray. Oxford, 1902.
15. *Garland R.* The Well-Ordered Corpse: an Investigation into the Movies Behind Greek Funerary Legislation // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 1989. Vol. 36. P. 1–15.
16. *Sophocles*. Vol. 2: Ajax. Electra. Trachiniae / With an English translation by F. Storr. London; New York. 1913.

Для цитирования: Середович А. Е. Особенности репрезентации женщины в аттической трагедии (на примере похоронного обряда) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 216 – 221.

Надписи на милевых столбах как элемент гентильно-генеалогических мемориальных практик Римской республики (случай Луция Аквиллия Флора)

Аннотация. Статья посвящена надписям на милевых столбах периода римской Республики. Анализируется случай квестора Луция Аквиллия Флора, восстановившего надпись на милевом столбе своего деда Мания Аквиллия. Автор относит восстановление Луцием Аквиллием Флором милевого столба с именем своего предка к форме гентильно-генеалогической мемориальной практики. Для потомков строителей дорог милевые столбы являлись своего рода памятниками.

Ключевые слова: Римская республика; мемориальные практики; милевые столбы.

Title: Roman Republican Milestone Inscriptions as an element of memorial practices (the Case of Lucius Aquillius Florus)

Abstract. This paper deals with the Roman Republican Milestone Inscriptions. It analyzes the case of quaestor Lucius Aquillius Florus, who restored the inscription on the milestone of his grandfather Manius Aquillius. The author attributes that restoration of the milestone with the name of his ancestor by Lucius Aquillius Florus to a form of genealogical memorial practice. For the descendants of the road builders, the milestones were a kind of monument.

Key words: Roman republic; memorial practices; milestones.

К настоящему времени известно несколько десятков милевых столбов, относящихся к республиканскому периоду римской истории. Милевые столбы содержат надписи, которые являются однотипными и состоят, как правило, из следующих элементов: имя, статус политика-строителя, расстояние, надписи могли быть и билингвами (пример: CIL I2 2977: CCLX / Cn(aeus) Egnati(us) C(ai) f(ilius) / proco(n)s(ul) // Γνωστός Ἐγγάτιος Γαίου / ἀνθύπατος Ῥωμαίων / σξ'). Очевидной практической целью надписи

Тарасов, Антон Николаевич — Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия; anttrsn@mail.ru

Научный руководитель: Деметьева, Вера Викторовна — д-р ист. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

Tarasov, Anton Nikolaevich — Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia; anttrsn@mail.ru

Scientific adviser: Dementeva, Vera Viktorovna — Dr. Sc. in History, Professor, Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

являлось указание расстояния. Менее понятно наличие имени политика, который руководил строительством дороги.

В исследовательской литературе надписи на милевых столбах рассматриваются в различных аспектах. Исследователи наделяют их пропагандистскими смыслами [3], функциями саморекламы и повышения личного престижа [5; 6]. На наш взгляд, в исследовательской литературе в недостаточной степени освещён вопрос о том, какие смыслы в надписи на милевых столбах могли вкладывать как непосредственно потомки строителей, так и остальные римляне.

В рамках нашего исследования интерес представляет следующий случай. Из Малой Азии происходит группа из одиннадцати надписей, относящаяся к Манию Аквилию (cos. 129). Он был консулом и проконсулом Азии в 129–126 гг., но во всех надписях фигурирует как консул (ὑπατος). В трёх из одиннадцати эпиграфических текстов с именем Мания Аквилия фигурирует квестор Луций Аквиллий Флор (CIL I2 651, CIL I2 650, SEG XLV 1625). В историографии есть две точки зрения на датировку данных надписей. Более распространённой является мнение Д. Френча, согласно которой квестор Луций Аквиллий Флор действовал в 70 г. до н. э. и восстанавливал участки дорог, ранее построенных Манием Аквиллием и пострадавших, предположительно, во время войны с Митридатом [см. об этом: 4, S. 152]. Немецкий исследователь М. Ратман предложил иную датировку. По его мнению, квестор действовал в когорте Мания Аквилия и, таким образом, надписи с квестором следует датировать наместничеством самого Аквилия [4, S. 151]. На наш взгляд, аргументы Ратмана против датировки Френча не являются достаточными.

Следует обратиться к одной из надписей Аквилия Флора CIL I2 651: M(anus) Aquillius M(anus) f(ilius) [co(n)s(ul) XXIII] // [M]άνιο[ς] Ἀκύλλιο[ς] Μα[νίου] υἱὸς [ὑπατος] Ῥωμαίων // [L(ucius)] Aquillius M(anus) f(ilius) M(anus) n(epos) Floru[s q(uaestor)] / restitu[it XX]III // [Λε]ύκιος Ἀκύ(λλ)ιο[ς] Μ[ανίου] υἱὸς / [M]άνιου δὲ υἱὸν[ὸς] Φλωρ[ὸς] ταμία[ς] / ἀποκατέστ[ησεν] / κδ'. Квестор не только восстановил изначальную надпись Мания Аквилия и обозначил себя, как восстановителя, но и привёл свою развёрнутую генеалогию, указав имя своего деда Мания (важно отметить, что указания на имя деда нет у Мания Аквилия).

Известно, что римляне придавали огромное значение мемориальной культуре. Для римской политической элиты происхождение играло важную роль, т. к. являлось способом легитимации своих притязаний на власть [2, с. 9]. Исследователи выделяют среди мемориальных практик гентильно-генеалогические. Под данным термином мы понимаем любое «воспоминание» о своих предках в публичном пространстве,

которое могло происходить в различных формах: *Pompa funebris*, *imagines maiorum*, и надгробия [1, с. 57]. Восстановление Луцием Аквиллием Флором милевого столба с именем своего предка относится, на наш взгляд, к подобного рода практикам. Для потомков строителей дорог милевые столбы являлись своего рода памятниками.

Таким образом, милевые столбы периода Римской республики могли выступать в качестве памятников для потомков. Восстановление Луцием Аквиллием Флором столба с именем своего предка, конечно, не свидетельствует о том, что возведение всех милевых столбов являлось гентильно-генеалогической практикой. Однако, позволяет сделать вывод о том, какие смыслы им придавали потомки. Одним из перспективных аспектов дальнейшего изучения мы видим сопоставление надписей на милевых столбах с эпитафиями.

Список источников и литературы

1. *Дементьева В. В.* Современное антиковедение: изучение римской политической культуры // Античная история и классическая археология: сб. науч. тр. / В. В. Дементьева (отв. ред). М.: ИВИ РАН, ГУГН, 2006. Издательская серия «Академклуб: Исторические науки. Вып. 2. С. 50–63.
2. *Шистеров М. В.* Breve et efficaх per exempla: миф, память, история // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 6–14.
3. *Levinson J.* The Language of Stones: Roman Milestones on Rabbinic Roads // Journal for the Study of Judaism. 2016. Vol. 47 (2). P. 257–276.
4. *Rathmann M.* Untersuchungen zu den Reichsstraßen in den westlichen Provinzen des Imperium Romanum. Mainz: Philipp von Zabern, 2003. 324 S.
5. *Wiseman T. P.* Roman Republican Road-Building // Papers of the British School at Rome. 1970. Vol. 38. P. 122–152.
6. *Witcher R.* Roman Roads: Phenomenological Perspectives on Roads in the Landscape // TRAC 97 (Theoretical Roman Archaeology Conference 97): Proceedings of the Seventh Annual Theoretical Roman Archaeology Conference / Forcey C., Hawthorne J., Witcher R. (eds.). Oxford: Oxbow, 1998. P. 60–70.

Для цитирования: *Тарасов А. Н.* Надписи на милевых столбах как элемент гентильно-генеалогических мемориальных практик Римской республики (случай Луция Аквиллия Флора) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 222 – 224.

Ефимова Мария Сергеевна

Образ Грааля в средневековой словесности: пути интерпретации

Аннотация: Статья посвящена формированию образа Грааля в средневековой словесности на старофранцузском языке. Автор представляет краткий обзор трансформаций, которые претерпевал этот образ с момента своего появления, в попытке обосновать изменения в его восприятии. Предполагается проследить, каким образом загадочный «грааль», известный нам по более ранним романам, становится евхаристической чашей и священной реликвией, и как данная трансформация соотносится с общими тенденциями в культуре средневековой Европы XII–XIII вв.

Ключевые слова: Грааль, куртуазный роман, средневековая литература, Кретьен де Труа

Title: The Grail in the Medieval literature: ways of interpretation

Abstract: This paper is dedicated to the evolution of the image of the Holy Grail in medieval literature in Old French. The author demonstrates the variety of transformations of this image from its first appearance trying to explain the major changes in its perception. The main purpose of this article is to trace how did the mysterious grail known to us from the first romances turn to a chalice and even the holy relic; and how can this transformation be linked to the main tendencies in the medieval culture of the XII–XIII centuries.

Key words: The Grail, courtly romance, Medieval literature, Chrétien de

Образ Грааля, ставший одним из ключевых в западноевропейской культуре, вызывал множество разнообразных толкований и интерпретаций с первого столетия своего существования. В данной небольшой статье нам хотелось бы рассмотреть ключевые трансформации этого образа

Ефимова, Мария Сергеевна — Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», Москва, Россия; masha4532@yandex.ru

Научный руководитель: *Долгорукова, Наталья Михайловна* — к.т. филол. наук, доц., Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Efimova, Maria Sergeevna — National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; masha4532@yandex.ru

Scientific adviser: *Dolgorukova, Natalia Mikhailovna* — PhD in Philology, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

в средневековых источниках и проанализировать, как преобразуются изначально преимущественно светские нарративы под его воздействием.

Впервые Грааль появляется в романе Кретьена де Труа «Сказание о Граале» (*Li Contes del Graal*), написанном в 1180–1190-е гг. Автор, французский трувер XII века, повествует о приключениях юного Персеваля, который оказывается в заколдованном замке загадочного Короля-Рыбака. Во время трапезы юноше является удивительная процессия: юноши и девушки проносят сквозь залу драгоценную утварь, в том числе, чудесное копьё со стекающей с него каплей крови и блюдо, называемое словом «грааль»:

I. graal antre ses .ii. mains
une dameisele tenoit <...>
atot le graal qu'ele tint,
une si granz clartez an vint <...>
Le graal, qui aloit devant,
de fin or esmeré estoit;
pierres precieuses avoit <...>
la lance blanche et le fer blanc,
s'issoit une gote de sanc
del fer de la lance an somet
et jusqu'a la main au vaslet
coloit cele gote vermoille [10, p. 1038].

В руках своих девица
Держала грааль. <...>
От всего грааля, который она несла,
Исходило сияние. <...>
Грааль, несомый впереди,
Был из чистого золота
И драгоценных камней <...>
Белое копьё и белый наконечник,
Появилась капля крови
С вершины наконечника
И на руку прислужника
Скатилась красная капля.

К. де Труа употребляет это слово с неопределённым артиклем, вероятно, не вкладывая в него никакого исключительного смысла, кроме того, о котором он говорит непосредственно [3, p. 91–92]. Эти два предмета — Грааль и копьё — таят в себе спасение для обитателей замка, как выясняется позднее, и Персеваль должен был поинтересоваться, для чего они служат, чтобы избавить Короля и его подданных от заклятья. В мире романа Кретьена де Труа Грааль вполне мог оказаться волшебным предметом, сродни чудодейственным объектам из кельтских сказаний, дарующим исцеление и приносящим изобилие — как и полагают многие исследователи [7, p. 20] — однако, роман обрывается, и мы так и не узнаем о происхождении Грааля и его подлинном значении. Любые предположения здесь едва ли уходят дальше спекуляций.

Разъяснение по поводу физической природы Грааля как предмета утвари предлагает другой средневековый автор Гелинанд из Фруамона. В своей «Хронике» (*Chronicon*), написанной уже в начале XIII в., он определяет Грааль как «*scutella lata et aliquantulum profunda*» [широкая и несколько углублённая чаша] [5, col. 815], что несколько расходится с традиционным изображением Грааля как потира, евхаристической чаши [8, p. 133].

Путь от загадочного объекта, наделённого неким мистическим предназначением, к евхаристической чаше был недолог. Оборвавшееся повествование первого романа о Граале породило множество продолжений: незаданный вопрос Персевяля оставил за собой вечное пространство недосказанности, которое каждый из продолжателей Кретьена де Труа стремился заполнить в меру своих возможностей. Одно из таких продолжений было вплетено непосредственно в текст романа: мы находим его в одной рукописи с текстом Кретьена. Этот отрывок был, вероятно, вставлен переписчиком и повествует о том, как Персевяль попадает к отшельнику и узнает о христианском мистическом смысле таинственной чаши и копя. Язык этого отрывка значительным образом отличается от языка всего произведения, наполнен молитвенными формулами и, очевидно, принадлежит перу другого автора [9, р. 31–53]. Однако именно в этом ключе, в ключе религиозного мистицизма и христианской символики, и будет в дальнейшем развиваться нарратив о Граале; у Кретьена де Труа же налицо была светская доминанта: темы рыцарства, земной любви и удовольствий, увлекательных приключений занимали в его романе центральное место.

Ключевой вехой в развитии образа Грааля стали не дошедшие до нас полностью стихотворные романы о Граале и Иосифе Аримафейском, написанные Робером де Бороном на рубеже XII–XIII вв. Уже в XIII веке были созданы изложения этих романов в прозе (их автора традиционно называют псевдо-де Бороном) [3, р. 40–41]. Если сближение Грааля-чаши и чаши для Причастия произошло ещё у первых продолжателей Кретьена де Труа, то именно в этих текстах мы впервые встречаем так называемую «родословную Грааля»: автор описывает его как чашу, присутствовавшую на Тайной вечере и при распятии Иисуса Христа и дарованную впоследствии Иосифу Аримафейскому явившимся ему в тюремном заключении Спасителем. Кроме того, созерцающие эту чашу верные последователи Иосифа получают божественное благословение, преисполняются вечной радости и становятся достойными спасения:

Tout cil qui ten veissel verrunt,
 En ma compeignie serunt;
 De cuer arunt emplissement
 Et joie pardurablement.
 Cil qui ces paroles poiirunt
 Aprene et qui les retenrunt,
 As genz serunt vertueus,
 A Dieu assez plus gratieus [4, р. 39].

[Иисус – Иосифу Аримафейскому]
 Все, кто увидит твой сосуд,
 Будут пребывать со мной;
 Преисполнятся их сердца,
 И будет с ними вечная радость.
 Те, кто эти слова сумеет
 Запомнить и соблюсти,
 Будут людьми добродетельными
 И возлюбленными Господом

Вокруг Грааля появляются и другие предметы культа: например, стол, вокруг которого собирается община Грааля, является одновременно и аллюзией на стол Тайной вечери, и прообразом знаменитого Круглого стола.

Saches que jamais sacremenz	«Знай: сколько ни будет таинство
Feiz n'iert, que ramembreioiz	Совершаться, будут вспоминать
De toi n'i soit <...>	О тебе <...>
A la Cène, le juedi;	На Вечере, в четверг,
Le pein , le yin y benéi,	Хлеб и вино Я благословил,
Et leur dis que ma char menjoieut	И сказал им, чтобы ели Мою плоть
Ou pein, ou vin mon sanc buvoient:	Под видом хлеба, и вино пили как
Ausi sera représentée	Мою кровь:
Cele taule en meinte contrée [4, p. 38].	И так будет воплощен
	Этот стол во многих странах».

Таким образом, мы видим, что Грааль становится центром внутрихристианского культа, имеющего, однако, слишком большое значение, чтобы оставаться ортодоксальным.

В будущем эта мистическая чаша будет перенесена в Британию. Из рода хранителей Грааля, веками стороживших священный предмет, в разных версиях средневековых нарративов о Граале будут происходить ключевые фигуры Артуровского цикла — Ланселот, Персеваль и Галаад. Таким образом, история одного, пусть даже мистического, предмета из рыцарского приключения была вписана во вселенскую историю, какой она представлялась средневековому книжнику. Такое построение нарратива в высшей степени было характерно для средневекового историописания [1, с. 33–34, 36], здесь, в подобной «фиктивной» истории наблюдаются очевидные параллели.

В дальнейшем мистический образ Грааля был доведён до своего апогея в цикле романов, называемом «Ланселот-Грааль». Поиски священной чаши, уже ставшие к первой половине XIII века традиционным сюжетом в средневековой словесности, объединяют лучших рыцарей Круглого стола. Но полностью достигнет цели лишь один из них — Галаад [6, p. 190] — наиболее совершенный среди прочих в нравственном смысле, представитель «небесного», а не земного рыцарства. В исследовательской литературе не раз отмечалось сближение между развитием в куртуазном старофранцузском романе образов высокодуховных рыцарей, служащих образцами нравственности в противоположность светским идеалам любви и воинской доблести, и дискурсом, окружавшим становление духовных рыцарских орденов [2, p. 5–7]. Именно образ Грааля становится тем центром, вокруг которого формируется новая традиция благочестивого рыцарского романа. Более того, в первой половине XIII века заметно

было усиление влияния религиозных идей на светские литературные традиции — на фоне обострившейся борьбы с ересями и создания инквизиции. В лирике трубадуров и труверов образы земной дамы сменяла Дева Мария, в куртуазном романе всё отчётливее выступали вперёд идеалы духовно просвещённого рыцарства. Есть также немалые основания полагать, что автором «Ланселот-Грааля» был монах-цистерцианец (именно к этому ордену принадлежал Бернард Клервосский, написавший трактат о небесном рыцарстве в назидание тамплиерам) [2, р. 10]. Именно Грааль, пожалуй, стал самой яркой точкой соприкосновения духовной и светской традиций в средневековой словесности.

Однако трудно признать, что образ Грааля ортодоксален по своей природе и поведение рыцарей, ищущих его, во всём служит образцом христианского благочестия. То, с какой силой концентрируются на этом чудесном предмете герои романов, то, как сам он превращается в объект служения и предел божественного благословения — настолько, что узревший его Галаад желает скорейшей смерти — все это свидетельствует о следующем: Грааль по своей значимости превосходит даже самую ценную христианскую реликвию. Этот акцент также очевиден в средневерхне-немецкой версии романа о Граале — в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха, где Грааль — это камень, бывший свидетелем мятежа ангелов против создателя и ниспосланный людям как благословение, в его почитании также смешиваются черты христианского культа и во многом противоречащих ему мистических мотивов [3, р. 184]. Недаром именно Грааль станет впоследствии центральным образом многих западноевропейских эзотерических течений и в таком свете будет запечатлён в современной массовой культуре [11, р. 122–133]. Этот образ, достигший апогея своего развития в синтезе христианского культа реликвий и превосходящего его по силе и древности стремления к неведомому и неизречённому (подобно непроизнесенному вопросу Персеваля); образ, ставший главным орудием «идеологического» преобразования средневекового рыцарского романа, претерпевал великое множество трансформаций в европейской культуре и стал одним из универсальных её символов.

Список источников и литературы

1. *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. Москва, 2002. 496 с.
2. *Barber R.* Chivalry, Cistercianism and the Grail // *Dover C.* A Companion to the Lancelot-Grail Cycle. Cambridge, 2003. P. 3–12.
3. *Barber R.* The Holy Grail: Imagination and Belief. Harvard, 2004. 463 p.
4. *De Boron R.* Le roman du Saint-Graal (publ. par F. Michel). Bordeaux, 1841. 205 p.

5. Helinandi Frigidi Montis Monachi Chronicon. Lib. XLV an. 731 // Migne J.-P. (ed.) Patrologia Latina. Paris, 1865. Vol. 212. 571 p.
6. Les aventures ou la quête del Saint Graal // Sommer H. K. The vulgate version of the Arthurian romances. Washington: The Carnegie Institution of Washington, 1913. P. 3–199.
7. Loomis R. S. The Grail, from Celtic myth to Christian sym. 1963. 298 p.
8. Mahoney D. B. The Grail: A Casebook. New York, London, 2014. 610 p.
9. Owen D. D. R. From Grail to Holy Grail // Romania. 1968. № 353. P. 31–53.
10. De Troyes C. Le Conte du Graal // De Troyes C. Romans. Paris, 2005. 1277 p.
11. Wood J. Eternal Chalice: The Enduring Legend of the Holy Grail. London, 2008. 256 p.

Для цитирования: Ефимова Е. С. Образ Грааля в средневековой словесности: пути интерпретации // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 225 – 230.

Древнерусская агиографическая традиция: истоки и реальность (на примере жития преподобного Феодосия Печерского)

Аннотация. Настоящая статья представляет собой попытку на основе жития преподобного Феодосия Печерского — из первых древнерусских агиографических текстов — выделить основные черты древнерусской агиографической традиции в целом. Основной момент работы — изучение истоков этой традиции и того, как они были скорректированы на Руси с учётом региональных особенностей. Это становится особо важным моментом, если учитывать, что житие Феодосия Печерского впоследствии легло в основу всей русской агиографической традиции.

Ключевые слова: Феодосий Печерский; Нестор; житие.

Title: The Old Russian hagiographic tradition: (on the example of the Life of St. Theodosius of the Caves)

Annotation. This article is an attempt based on the life of St. Theodosius of the Caves — one of the first Ancient Russian hagiographic texts — to highlight the main features of the Ancient Russian hagiographic tradition as a whole. The main point of the work is to study the origins of this tradition and how they were adjusted in Russia taking into account regional peculiarities. This becomes a particularly important point, considering that the life of Theodosius of the Caves subsequently formed the basis of the entire Russian hagiographic tradition.

Key words: Theodosius of the Caves; Nestor; life.

Житие представляет собой жанр религиозной литературы, изучением канонов которого занимается агиография. Жития были призваны словом и живым примером воспитывать и наставлять людей на путь истинный, путь спасения [7, с. 26]. При этом агиограф обращался не столько к разуму своего читателя, сколько к его душе, чувствам и воображению, рисуя красочные картины подвигов святого. Христианские модели в принципе редко подразумевают рациональное восприятие — достаточно вспомнить фразу, традиционно приписываемую Тертуллиану, «Credo quia absurdum est» («Верую, ибо абсурдно»). Но, помимо чудес и присутствия сверхъесте-

Епифанов, Иван Игоревич — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; ivan-epifanov2002@mail.ru

Научный руководитель: *Шемякина, Ольга Дмитриевна* — к-т ист. наук, научн. сотр., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Epifanov, Ivan Igorevich — Moscow State University, Moscow, Russia; ivan-epifanov2002@mail.ru

Scientific adviser: *Shemyakina, Olga Dmitrievna* — PhD in History, Researcher, Moscow State University, Moscow Russia

ственных сил, в житиях упоминались и реальные исторические события, персоналии. Например, в Житии Феодосия Печерского есть сообщения об усобице князей Ярославичей. Однако перед летописцем не стояло задачи верно изложить исторические события, они могли служить способом создания лучшего образа: так в тексте жития Феодосия целый ряд фактов был искажен [3, с. 277].

«Житие есть мощи, биография — труп» [6, с. 75] — так определяет этот жанр В. Ильин. Житие уподобляется иконе — чему-то вечному, в житии человек раскрывается и обретает свое собственное вечное, а биография человека — описание временного промежутка, в который случилась его жизнь. Поэтому биографии страшно время и забвение. Но это не значит, что житие отвергает биографию — напротив, оно собирает данные о человеке с бережливостью и аккуратностью.

Феодосий Печерский и его житие, или Нестор — русский Кирилл Скифопольский

Преподобный Феодосий умер в 1074 г. Его мощи были открыты в 1091 г. и перенесены в церковь Печерскую Успения Пресвятой Богородицы в знак местного почитания. В 1108 г. митрополит Киевский с епископами совершили обряд торжественной канонизации святого Феодосия в лике преподобных. Но житие преподобного Нестор составил еще до перенесения мощей, поэтому оно является одним из самых ранних памятников древнерусской литературы в целом и древнерусской агиографии в частности. Собственно, сам Феодосий стал одним из первых именно русских святых (до этого были только византийские), который попал в месяцесловы — богослужебные книги с указаниями дней памяти святых [8, с. 11]. Тем важнее для нас обратить внимание на житие этого подвижника, раз он стоял у истоков традиции святости на Руси. Этот текст — единственное известное нам житие Феодосия Печерского. Историк церкви Г. Федотов характеризует его как «...обширный, богатый содержанием. Лучший труд нашего летописца..., который лег в основу всей русской агиографии» [9, с. 31].

Сам Нестор принял постриг в Киево-Печерском монастыре при преемнике Феодосия, игумене Стефане, т. е. он не был очевидцем тех событий, о которых говорит, он даже не видел самого святого. Но он пришёл в монастырь в тот момент, когда память о Феодосии была еще жива, еще были люди, которые сами его видели, общались с ним: Нестор находит в качестве информаторов очевидцев событий, его повествование не голословно, он приводит имена тех, кто дал ему те или иные сведения: «Перед нами жизнь, а не литература» [9, с. 31]. И все же надо учитывать тот факт, что основным источником для Нестора становится память человека, сохраняющая

только то, что сам человек дает на сохранение. Возможно, именно это послужило одной из причин обращения Нестора к византийским житиям [3, с. 207].

Созданное Нестором житие не было самобытным — оно опиралось на большой пласт византийской традиции [11, с. 4]. Автор жития использовал при работе тексты житий византийских святых, которые были известны ему по славянским переводам (это стало ясно потому, что Нестор делает выписки именно из славянских переводов, в которых присутствуют некоторые расхождения с оригиналами: переводчики могли что-то добавить от себя или пропустить фрагмент текста [1, с. 245–246]). Основным источником для Нестора стал агиографический цикл, созданный в VI в. в Византии Кириллом Скифопольским: жития Саввы Освященного, Евфимия Великого, Феодосия Киновиарха, Иоанна Молчальника [9, с. 32]. Византийская агиографическая традиция, несомненно, присутствовала на Руси, и Нестор, по-видимому, был с ней хорошо знаком по славянским переводам. Житие Феодосия «представляет в вариантах и даже в копиях множество эпизодов византийских житий» [12, с. 75].

Однако Нестор позаботился и том, чтобы его труд не был полным подражанием византийским житиям: в некоторых моментах он отходит от привычного для византийских авторов агиографического канона. Например, Нестор описал жизнь Феодосия до пострижения в монастыре более подробно, чем эта же часть жизни святого описывалась в житиях Кирилла Скифопольского, тем самым придав повествованию более живой облик [2, с. 46].

Итак, Нестор, взяв в качестве основы цикл житий, созданных еще в VI в. в Византии Кириллом Скифопольским, создает собственное житие (которое, кстати, впоследствии легло в основу всей русской агиографии [9, с. 31]), несколько изменяя его под русские реалии и собственное усмотрение.

Перед началом повествования Нестор называет себя «грубым и неразумничным» — это известный прием, использовавшийся в агиографических текстах. К тому же для летописца это был уже не первый литературный опыт [8, с. 612]. Он сам говорит, что приступает к созданию жития святого Феодосия после завершения работы над «Сказанием о Борисе и Глебе» — казалось бы, ко второму своему труду он приступал уже подготовленным. Тем не менее, задача составления жития Феодосия Печерского представляется более сложной и ответственной. Во многом это оправдывается тем, что Феодосий Печерский представляет собой совершенно другой тип святого, нежели Борис и Глеб [8, с. 613].

В тексте «Сказания о Борисе и Глебе» жизнь подражает житию. Жизнь преподобного Феодосия, в свою очередь, сама становится примером для подражания: текст жития отличается высокой степенью поучительности и назидательности; жизнь преподобного изначально была призвана стать житием — в ней сразу предполагалась святость [8, с. 615]. Подтверждение этому можно найти в тексте самого жития, когда Нестор говорит, что «Священник же, взглянув на отрока, провидел сердечными очами, что смолоду тот посвятит себя Богу, и назвал его Феодосией» [5]. Такое кардинальное отличие в типах святости и потребовало от Нестора знания византийской традиции, на которую он мог бы опереться, ведь Византия такими святыми располагала, в отличие от Руси.

Отдельного внимания заслуживает пространственно-временная структура текста. Во-первых, автор точно указывает лишь две даты: смерть преподобного и переселение братии на новое место, т. е. начало монастыря. Однако в тексте присутствуют различные указания на даты, опираясь на которые, можно строить предположения о датировке; а также присутствуют упоминания исторических событий и персоналий, информация о которых содержится в других источниках [8, с. 623]. Самым главным вопросом для исследователей стала дата рождения преподобного Феодосия. Е. Голубинский относил эту дату к 1035–1038 гг., поскольку Феодосий пришёл к преподобному Антонию и был принят в возрасте 18–20 лет в 1055–1056 гг. [4, с. 476]. Немного отличается вариант датировки, предложенный В. Чаговцом, который предложил считать годом рождения святого 1036 г., а к Антонию он пришёл в 1056–1057 гг. [10, с. 28]. Но в обоих вариантах жизнь преподобного была меньше сорока лет, а читателю из-за ее насыщенности подвигами и чудесами она кажется длинной, и святой представляется глубоким стариком, если не знать об этой датировке. «Реальное время жития точно соотносено с историческим временем изображаемой в нем жизни» [8, с. 622], — дело в том, что время жития измеряет не годы, а события и дни, в которые они были совершены (от дня недели могло зависеть то или иное решение, ведь в христианстве некоторые дни недели являются постными, некоторые праздничными, т. е. почти каждый день имеет свою специфику). Заполненные событиями дни сливаются в месяцы и годы — единую линию — и органично вписываются в единую временную линию истории.

Пространственная структура очень схожа с временной. Точных пространственных указаний в тексте практически нет, они заменяются неопределенными «вблизи», «далеко» и т. д. Если главная временная структура — день и слияние дней в месяцы и годы, то главное пространство — монастырь на Киевских горах. Пространственная структура раз-

деляется на этапы, каждый из которых иллюстрирует переход святого от одного места к другому, т. е. текст воспринимается как путь Феодосия, конечной остановкой которого стал монастырь [8, с. 625–626].

Этому пространственно-временному миру требуется заполнение, заселение его вещами и событиями — чем-то кроме жизни и деятельности святого. Важная задача жития — описать те условия, в которых живет и подвизается святой. Влияние внешнего мира на жизнь святого так же велико и значимо, как и влияние его внутреннего мира. Мир внешний таит в себе много соблазнов и уловок — козней дьявола для прельщения святого, которые создаются с целью отвернуть подвижника от праведного пути [4, с. 645–646]. Подвижник стремится уйти от этого мира, отстраниться от него в уединённой молитве, но мир не хочет его отпускать — за подвижником идут новые монахи, его последователи и ученики, а за ними и простые люди идут к святому за помощью и содействием [3, с. 145]. Тем важнее становится место, выбранное святым: оно — островок святости в этом мире. При описании этого места автор жития неизбежно касается деталей быта: одежды, утвари, ремесел и т. д. Вместе с предметами описываются и люди — живые составляющие пространственно-временного мира — их менталитет, потребности и чаяния. Таким образом, житие не только становится рассказом о жизни святого, формирующим некий жизненный идеал, но и является важным источником для изучения древнерусского быта [8, с. 638].

Применительно к агиографическому канону, который сложился на Руси в XI–XII вв., можно выделить несколько признаков, общих черт. Во-первых, он базировался на церковно-славянском языке: церковно-книжные приемы изображения внутреннего состояния святого, его внешнего облика и уклада жизни присутствовали в каждом агиографическом повествовании. Во-вторых, целью повествователя было освободить своего персонажа от всего, что связано с категориями времени, частного и случайного — нужно было показать свободного от всего этого человека, в котором воплощается добро и святость, борьба с лукавыми помыслами и нечистой силой. Древнерусский агиографический канон содержал в себе черты не только повествовательного произведения, но и черты панегиризма (т. е. восхваления, прославления), ораторского мастерства — искусства убеждать, использовал «празднично-торжественные» эпитеты, придавая образу подвижника качества образцового христианина.

Важным замечанием будет тот факт, что агиографический канон не был разработан на Руси, а был перенят у Византии как целостный культурный феномен. На русскую почву он попал благодаря переводам византийских

житий, студийского монашеского устава и т. д. На Руси он был лишь скорректирован с учётом русских реалий.

Список источников и литературы

1. *Абрамович Д. И.* К вопросу об источниках Несторова жития Феодосия Печерского // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1898. Т. 3, кн. 1. С. 243–246.
2. *Адрианова-Перетц В. П.* Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 41–72.
3. *Артамонов Ю. А.* Житие Феодосия Печерского: проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000. М. 2003. С. 173–278.
4. *Борисов Н. С.* Сергей Радонежский (ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия. 2002. 298 с.
5. *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. М., 1880–1911. Т. 1. Ч. 2. 792 с.
6. Житие преподобного отца нашего, игумена Феодосия Печерского. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4872> (дата обращения 27.10. 2022).
7. *Ильин В. Н.* Иночество и подвиг // Путь: Орган русской религиозной мысли. rue Dupuytren. Paris. 1926. С. 72–88.
8. История русской литературы: в 4 т. / редкол.: гл. ред. *Н. И. Пруцков* и др. Л., 1980–1983. Т. 1. 812 с.
9. *Романова А. А.* Почитание святых и чудотворных икон в России в конце XVI – XVII в.: религиозная практика и государственная политика: Дис... канд. истор. наук. СПб, 2016. 507 с.
10. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. 874 с.
11. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 2017. 232 с.
12. *Чаговец В. А.* Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения (с приложением текстов поучений по новым данным). Киев., 1901. 267 с.
13. *Шахматов А. А.* Несколько слов о Несторовом житии Феодосия // Сборник отделения русского языка и словесности. 1896. Т. 64. № 1. С. 1–20.
14. *Яковлев В. А.* Древне-Киевские религиозные сказания. Варшава., 1875. 160 с.

Для цитирования: *Епифанов И. И.* Древнерусская агиографическая традиция: истоки и реальность (на примере жития преподобного Феодосия Печерского) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 231 – 236.

Образы французского духовенства XVI века и духовные темы в новеллах Маргариты Наваррской «Гептамерон»

Аннотация. К рассмотрению в качестве источника по истории религиозных отношений во Франции XVI в. предлагается сборник новелл «Гептамерон» Маргариты Ангулемской, королевы Наварры. В рамках исследования выделены образы французского католического духовенства, составленные в «Гептамероне», произведено сопоставление литературных сюжетов с историческими условиями, в которых создавались новеллы. Предпринята попытка интерпретировать по тексту источника личные духовные убеждения Маргариты Наваррской.

Ключевые слова: Франция; Маргарита Наваррская; Гептамерон.

Title: Images of 16th-century French clergy and spiritual themes in Marguerite of Navarre short stories «Heptameron»

Abstract. The «Heptameron» by Marguerite of Angoulême, Queen of Navarre, is offered for consideration as a source on the history of religious relations in 16th-century France. The study highlights the images of the French Catholic clergy compiled in the «Heptameron» and compares the literary plots with the historical context in which the short stories were created. An attempt has been made to interpret from the text of the source the personal spiritual convictions of Marguerite of Navarre.

Key words: France; Marguerite of Navarre; Heptameron.

Деятельность королевы Наварры в истории Франции XVI века являлась необычным предвестником грядущего религиозного конфликта в стране, а её биография пропитана толикой мистицизма: она родилась при дворе правящей династии Валуа и к концу жизненного пути уединялась в монастырях, посвятив остаток дней литературному творчеству и духовным размышлениям. Маргарита де Валуа (1492 – 1549 гг.) внесла значительный вклад в культурную жизнь французского общества, в том числе её активность охватывала и религиозные дела страны. В собрании новелл «Гептамерон» за авторством французской принцессы можно проследить не только литературное мастерство своего времени, но и интересные

Маевский, Дмитрий Евгеньевич — Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия; dmitr.maev@yandex.ru

Научный руководитель: *Хлевов, Александр Алексеевич*, д-р филос. наук, профессор, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

Mayewski, Dmitriy Evgenievich — Sevastopol State University, Sevastopol, Russia; dmitr.maev@yandex.ru

Scientific adviser: *Khlevov, Alexander Alekseevich* — Dr. Sc. in Philosophy, Professor, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

сюжеты, составленные как раз в период религиозных противоречий, возникших на почве начала движения французской Реформации. В связи с этим и можно выделить интерес к поднимаемому вопросу для исторической науки. Соответственно, исследование нацелено на то, чтобы составить образы Церкви и «церковников» во Франции из приводимых новелл и сопоставить их с религиозной ситуацией во французском обществе XVI века. Помимо всего прочего, любопытство в свете истории реформационного движения во Франции представляют и те духовные идеи, которые «между строк» заложены Маргаритой Наваррской, ведь и сама она активно способствовала развитию гуманистического движения, выступавшего за реформы Церкви «изнутри». В работе необходимо в комплексном виде: провести источниковедческий анализ сборника по поставленной проблеме, выделить религиозные сюжеты и духовные темы по тексту и проанализировать их в свете исторической ситуации.

Для того чтобы провести грамотный анализ источника, требуется учесть опыт и предшествующих специалистов, которые подробно рассмотрели этапы и условия создания обозреваемого источника. В этой связи стоит остановиться на тех моментах в исследовании литературного памятника, которые связаны с проблематикой заявленной темы. Невозможно не упомянуть, что широкое исследование сборника новелл «Гептамерон» в советский период провела историк французской литературы, переводчица, З. В. Гуковская (1907 – 1973 гг.). Статья «Маргарита Наваррская и её “Гептамерон”» Гуковской была включена непосредственно в советское издание новелл [2, с. 377–397]. Из данной работы необходимо выделить важные литературоведческие детали, относящиеся к настоящему исследованию: в «Гептамероне» фигурирует сама Маргарита Наваррская и её приближенный круг в образах рассказчиков [2, с. 388].

Таким образом, в новеллах действительно можно будет найти указания на личные убеждения и размышления королевы Наварры. Что же касается церковных вопросов, то Гуковская выдвигает наблюдение, что придворных дам в рассказах объединяет неприязнь конкретно к монашествующим, в особенности францисканцам, при том все герои, очевидно, являются приверженцами католицизма, не без симпатий идеям Реформации. [2, с. 394–395]. Помимо всего прочего, данной проблемой занимался английский искусствовед Гари Фергюсон [4]. Он дополняет изложенную ранее концепцию Гуковской тем фактом, что францисканцы имели большое влияние и вели достаточно бурную проповедническую деятельность; таким образом, они могли подрывать авторитет королевской власти в церковных делах [4, р. 158]. Со стороны французских исследователей историей «Гептамерона» занималась историк литературы Николь

Казоран. Она отмечает, что критика духовенства сконцентрирована именно в доктринальной области [4, р. 154]. Можно поставить следующую проблему: почему конкретно монахи, и в основном францисканцы, такие отрицательные персонажи повествования? В зарубежных исследованиях любят подчёркивать и гендерную проблему, что большинство жертв похоти священнослужителей — женщины [4, р. 161–162].

Если разделить новеллы и выделить поповествованию условно «религиозные» рассказы, то в совокупности их получится двадцать четыре, при том четырнадцать новелл однозначно посвящены францисканцам или «кордельерам», как их называли во Франции того времени [4, р. 152]. В новелле сорок восьмой Эннасюита рассуждает о францисканцах следующим образом: «...мне кажется, мы оказываем францисканцам большую честь тем, что все-таки снисходим до того, чтобы говорить о них. Ведь сами по себе это настолько никчёмные и бесполезные люди, что если бы они не сотворили никакого зла, о котором стоило бы вспомнить, о них вообще было бы нечего рассказать» [2, с. 276]. В «Гептамероне» францисканцы выставлены как подлые, похотливые и коварные люди. За столь жесткими обвинениями и едкой сатирой кроется весьма нетривиальная причина: францисканцы активно способствовали судебному процессу над близким другом и духовным наставником [2, с. 379] королевской сестры — Гийомом Брисонне, епископом Мо [5].

В целом, образ духовенства в новеллах представлен не сугубо антиклерикально; так, в двадцать второй новелле, когда герои обсуждают рассказ о приоре, Узиль отвечает Номерфиде о монахах следующее: «...Но есть среди них и хорошие, — возразила Узиль, — и не следует судить одинаково обо всех. Должна сказать, что самыми порядочными из них оказываются те, кто чуждается и светского общества, и женщин» [2, с. 164]. Любопытно, что в указанной новелле в повествовании напрямую фигурирует сама Маргарита Ангулемская как «королева Наваррская» [2, с. 163], которая расправляется с похотливым приором и возвышает пострадавшую от него монахиню до служения аббатисы. На этом моменте, проводя параллели с исторической реальностью, можно вполне обрисовать причинно-следственный круг, почему же представители клира, в особенности в крупных городах, ведут себя зачастую непристойно. Сама королева рассказывает, что смогла разрешить ситуацию с приором личным вмешательством. Она же упоминает и о дружбе с ним в прошлом [2, с. 156], что доказывает зависимость церковной иерархии во Франции от королевской власти, ведь как бы тогда он занял такое высокое положение при дворе и знати? В свою очередь, причиной возникновения таких нечестивых служителей Церкви служит

тот факт, что церковные должности в государстве попросту покупались или уже были заняты «друзьями» королевского двора. [3, с. 122–123].

В своих новеллах, помимо образного представления духовенства, Маргарита Наваррская не упускает случая выразить и свои собственные духовные воззрения. Устами Парламанты, которая, как выяснилось, олицетворяет саму королеву, она подчёркивает всю важность Священного Писания для христиан, выделяя, что сами духовники им пренебрегают: «...но я убеждена, что они не очень-то верят Евангелию. Я разумею дурных, потому что я знаю немало людей добрых, которые бесхитростно и с чистотой душевной проповедуют Священное Писание и сами живут так, как должно, без непотребства, без тщеславия, без вожделения, в целомудрии, и праведность их – неподдельная и непритворная». [2, с. 263–264]. Абсолютно точно известно, что Маргарита для консервативных церковных кругов в виде Сорбонны имела славу проповедницы «евангелизма», что не означало её формальной принадлежности к протестантизму, как ошибочно полагают [1, с. 191].

Можно выделить сорок четвёртую новеллу произведения как квинтэссенцию духовного мировоззрения не только Маргариты Наваррской, но и её приближенного круга. Мировоззрение, в свою очередь, характеризуется не столько радикализмом Реформации, сколько бродящими в то время среди знати богословскими идеями Эразма Роттердамского, хотя и не исключено, что за ними скрывались симпатии к протестантам [6]. Проявляются эти идеи, в свою очередь, не только в критике моральных качеств представителей духовенства, но и в критике учений и проповедей закоренелых «церковников» через призму упоминаемого «евангелизма», то есть возникла тенденция сопоставлять слова священников с текстом Библии. Ярким примером в новеллах является всё тот же рассказ Парламанты, где Маргарита словами героини не упускает шанса нанести очередной «удар» по францисканцам: «...я, например, знаю, что один из них, доктор богословия, по имени Колиман, известный проповедник и один из главных людей в их ордене, пытался убедить своих братьев, что Евангелию следует верить не больше, чем «Запискам» Цезаря или другим писаниям людей ученых. И едва только я услышала, что он говорит, как я потеряла к нему доверие, ибо слова его расходятся со словами Господа, которые суть настоящий пробный камень, помогающий отличить истину от лжи» [2, с. 264].

В конечном итоге, можно заключить, что образы французского духовенства в «Гептамероне» состоят, с одной стороны, из лично предвзятого отношения Маргариты Наваррской к монашеству, в особенности францисканцам, так как те были главными врагами её ближайших духовных

сподвижников, а с другой стороны, имеет место самораскрывающаяся проблема безнравственности духовенства, так как зачастую это можно объяснить общей бюрократизацией Церкви во Франции и неограниченной продажей церковных должностей любого уровня. Тут часть ответственности за упадок нравов в религиозной сфере лежит и на династии Валуа, сконцентрировавших административную власть в Церкви в своих руках. Позиция Маргариты состоит в поддержке общей тенденции эпохи Возрождения на внутреннюю реформу Церкви, что не даёт повода однозначно упрекнуть её в кальвинизме, так как она скорее симпатизировала совокупности популярных идей Реформации и французского гуманизма, в частности, развитию переводов и проповеди Писания, что отнюдь не было исключительно протестантским принципом. Безусловно, не стоит забывать, что Маргарита Наваррская не была неким уникальным критиком Церкви и носителем радикальных богословских убеждений. Роль её произведения свелась к публичному изложению уже известных гуманистических идей во Франции; в то же самое время невозможно однозначно отрицать за нею существование личной симпатии Маргариты к Реформации, которую она формально опровергала.

Список источников и литературы

1. *Гаврилова Е. В.* Маргарита Ангулемская и проблемы ренессансного религиозного инакомыслия // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения, 2021. № 2. С. 188–192.
2. *Маргарита Наваррская.* Гептамерон / Пер. с франц. А. М. Шадрина. Л., 1967. 420 с.
3. Французское общество в эпоху культурного перелома: От Франциска I до Людовика XIV / Под ред. Е. Е. Бергер, П. Ю. Уварова. М., 2008. 283 с.
4. *Ferguson G.* Mal de vivre, mal croire: l'anticléricalisme dans L'Heptaméron de Marguerite de Navarre. In: Seizième Siècle, 2010. N 6. P. 151–163.
5. *Greengrass M.* Les innovations au sein de l'Église établie et leurs limites: le cas français (1512 – 1561) // Benedict, Philip, et al. La Réforme en France et en Italie: Contacts, comparaisons et contrastes. Rome: Publications de l'École française de Rome, 2007. URL: <http://books.openedition.org/efr/1727> (généré le 30 octobre 2022).
6. L'essor du protestantisme en France (1520 – 1562) // Musée virtuel duprotestantisme. URL: <https://museeprotestant.org/notice/lessor-du-protestantisme-en-france-1520-1562/> (généré le 3 novembre 2022).

Для цитирования: *Маевский Д. Е.* Образы французского духовенства XVI века и духовные темы в новеллах Маргариты Наваррской «Гептамерон» // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 237 – 241.

Образ археолога в художественной литературе на примере романов о Генрихе Шлимане.

Аннотация. В данной статье поднимается вопрос интерпретации образа археолога в художественных произведениях. Почему в романах, написанных на основе биографии одного и того же археолога, образ главного героя различается? Влияет ли личное отношение автора к персонажу на понимание личности известного археолога Генриха Шлимана?

Ключевые слова: Генрих Шлиман; образ археолога; художественная литература.

Title: The image of an archaeologist in fiction: on the example of the novels about Heinrich Schliemann.

Abstract. This article raises the question of the interpretation of the image of the archaeologist in works of fiction. Why do novels written based on the biography of the same archaeologist differ in the image of the main character? Does the author's personal attitude to the character affect the interpretation of the life of the famous archaeologist Heinrich Schliemann?

Key words: Heinrich Schliemann; the image of the archaeologist; fiction.

Такие персонажи как Генрих Шлиман и Говард Картер всегда вызывали повышенный интерес у писателей разных жанров. К теме образа археолога в массовой культуре обращались иностранные авторы Холторф Корнелиус и Тимоти Кларк. Холторф Корнелиус в своей работе выделяет определенные типы образов археолога, основываясь на их целях при исследовании памятников археологии. Это в свою очередь говорит о представлении деятелей одной и той же профессии в разных формах: от авантюриста и грабителя до кабинетного ученого [6, р. 183].

Тимоти Кларк в своем исследовании задавался вопросом: нужны ли такие образы как: «авантюрист», «расхититель гробниц», как они влияют на представление о деятельности археологов, а также обозначил проблему неправдоподобности образа в массовой культуре [5, р. 323]. Обращаясь к работам вышеперечисленных авторов, становится ясно, что интерес

Романова, Анастасия Сергеевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st095372@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Тихонов, Игорь Львович* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Romanova, Anastasiya Sergeevna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st095372@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Tihonov, Igor Lvovich* — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

к археологии в массовой культуре возник с момента открытия Говардом Картера гробницы Тутанхамона и последующих теориях о «проклятье фараона». Генрих Шлиман, однако, всегда выделялся популяризацией своей деятельности, предприниматель активно сотрудничал с различными газетами, которые активно писали о его находках. Хотя в профессиональной среде его деятельность вызывала споры, для простых людей на тот момент он был самым известным археологом, и именно поэтому биография Шлимана используется как основа для сюжета множества романов, в которых разные авторы иногда схоже, а иногда и совсем иначе преподносят образ Шлимана в своих произведениях.

Автор, который создал не один роман об археологах — Филипп Ванденберг, писатель научно-популярных книг по эзотерической и археологической тематикам, а также исторических и детективных романов, центральными персонажами которых являются знаменитые археологи. Произведение, ставшее бестселлером и посвященное Генриху Шлиману — «Золото Шлимана». Причину, по которой Шлиман решил заниматься археологией, автор описывает как желание поддаться безумной идеи, для достижения которой необходимо приложить все возможные силы [2, с. 176]. Сама любовь к археологии в отличие от других произведений, которые будут упомянуты в дальнейшем, начинается со второго семестра учебы. Несмотря на интерес к греческой мифологии с детства, говорить о его стремлении найти Трои в столь юном возрасте неверно [2, с. 176]. Автор основывается на информации из личных заметок Шлимана или его жены. Он приводит большое количество цитат самого Шлимана для убедительности повествования. Сам же персонаж представлен как уверенный в себе с долей фанатичности исследователь, так он опровергает более ранние исследования местоположения Трои и ставит под сомнения все, что археологи до него знали об этом историческом месте, его цель — стать первооткрывателем и войти в историю [2, с. 196]. Средства, которые использует для достижения своей цели археолог вызывают недоверие со стороны его коллег.

Большое внимание Шлиман уделял рекламе, которая сделала его таким популярным среди обычных людей, а не только среди учёных. Он рано осознал важную роль маркетинга и старался затушевать недостатки продаваемого товара. «Его жена, Софья Шлиман, также была «продуктом» своего мужа» [2, с. 416]. Так ее преподносит автор, именно она доверила написание биографии о Генрихе самому знаменитому писателю того времени Эмилию Людвигу.

Стоит отметить, что Ф. Ванденберг писал также книги про биографию Говарда Картера, который также ставит своей целью войти в истории

с открытием гробницы Тутанхамона. Романы о Картере выполнены в той же стилистике и манере письма, как и о Шлимане, детально описывая шаги на пути к цели. Это говорит об интересе автора к самым известным археологам в истории, биографии которых не нуждаются в дополнении для лучшей подачи читателю.

Другой автор — Питер Акройд в романе «Падение трои» изображает Шлимана как маниакального человека. Действие происходит на раскопках древней Трои. Главные герои списаны с реальных людей — Генриха Шлимана и его жены Софии (в романе фамилии изменены), однако история вымышленная, так как в ней изменены некоторые факты из биографии прототипов и введены новые действующие лица.

Так, в диалогах можно проследить рассуждение главного героя о том, кто есть археолог, каковы его задачи и цели. «Задача археолога — свести воедино бесконечно большое и бесконечно малое» [1, с. 20]; «...археологически нельзя выучиться в университетах, ее нельзя препарировать» [1, с. 34]; «...моей жене не нужно образование, так же, как и мне, я стал археологом, когда решил найти дворец Одиссеи» [1, с. 49]; «...археолог должен обладать вдохновением, воображением, фантазией» [1, с. 146]. «Шлиман» ставит свои знания в археологии выше других, так как у него есть то самое «воображение».

Главный герой произведения предстает перед нами прямолинейным, весьма упрямым и принципиальным. Окружающим Оберманн казался ребенком, нетерпеливым и восторженным, в особенности, когда речь заходит о Гомере: «Цель жизни — научиться умирать. Это и есть великая тема Гомера» [1, с. 88].

Археолог в романе верен только своим идеям и теориям, которые для него превыше всего: «Вы неверующий, герр Оберманн. — Напротив. *Semper fidelis*. Верен Трое!» [1, с. 44]. «Я знаю себя в греческом понимании этого слова. Я знаю, когда бываю прав» [1, с. 157], он не соглашается с Торнтом (археолог в произведении, приглашенный на раскопки), когда тот сравнивает Трою с Византией и находит общие места истории. Главный герой считает это бессмыслицей, однако на вопрос о доказательствах отвечает: «Доказательства? Доказательства здесь. — Оберманн коснулся своей головы. — И здесь. — Он показал на сердце. — Другого руководства мне не нужно» [1, с. 176]. Неприемлемым считает главный герой троянская практика ритуальных обрядов с жертвоприношением, по его соображению троянцы — это гомеровские герои в блистающих доспехах.

Археолог представлен игнорирующим археологические находки, такие как керамика разных типов, найденная на разных уровнях. При указании на ошибки со стороны своих коллег главный герой становится

крайне жесток и стоит на своем: «Но тогда, разумеется, вы разделите керамику? — На это нет времени. — Вы должны... — "Должен" неподобающее для Оберманна слово» [1, с. 92].

Кроме того, «Шлиман» преувеличивает открытые им места: «В сообщении в "Тайме" вы пишете, что дворец построен на вершине горы. Между тем он расположен здесь, на северо-западном склоне» [1, с. 99]. Тем не менее, археолог не видит в этом ничего плохого. Он охотно в газете «Таймс» преувеличивает значимость находок для своих читателей.

Несмотря на то, что в книге затрагивается проблема взаимодействия с рабочими, которые порой могут повредить или продать находки, центральным сюжетом в произведении является личные переживания археолога, а не его профессиональная деятельность. Представлена история амбициозного человека, который не всегда поступал по-честному, порой обманывал всех ради своей выгоды. В такие моменты он вел себя не как ученый, а как эксцентричная личность, желающая стать великим человеком и обойти всех. В сравнении с биографией Шлимана здесь много неточностей и ошибок, так, к примеру, персонаж в книге погибает от повозки, которую везет его сын. Однако, схожесть характеров прослеживается между археологом и его прототипом, Шлиман также не сразу начал уделять внимание академической карьере, а занимался предпринимательством, мифологизацией биографии и саморекламой. Его находки были признаны археологическим обществом только после смерти.

Образ Шлимана встречается у немецкого писателя Штоля Генриха Александра в его произведении: «Генрих Шлиман: Мечта о Трое». Стоит сказать, что данный автор умело изменил биографию Шлимана, что заметно в детальном описании всех действий героя. К примеру, выкапывание за ночь вдвоём с женой без помощи рабочих сокровища Трои, вывоз их в Европу, дабы о них не узнали рабочие. Отношение автора к герою исключительно положительное. Он сглаживает все неровности характера и поведения Шлимана, ссылаясь на объективные причины. Однако, чем дальше читатель погружается в произведение, тем труднее отличить правду от вымысла. На протяжении всего рассказа прослеживается чувство, что знаний о методах полевых раскопок у Шлимана нет, о чем и говорит сам автор: «Шлиман прослушал сотни лекций по археологии и изучил сотни книг, но он не слышал и не читал ни слова о том, как подступиться к засыпанной землей древним руинам, как их раскапывать» [4, с. 190]. Таким образом, автор романа невольно ставит Шлимана на одну ступень с археологами-энтузиастами, не имеющих академических знаний о науке.

Переходя к следующему автору, необходимо отметить, что его роман основан на мемуарах и личной биографии Шлимана. Писатель подчеркивает это в названии: «Греческое сокровище. Биографический роман о Генрихе и Софье Шлиман», автор данного произведения Ирвинг Стоун — один из основоположников биографического романа, написавший двадцать пять романов о жизни великих людей.

Это наиболее правдоподобная история жизни Шлимана в сравнении с остальными произведениями, так как она избавляет читателя от «детства Шлимана» и преподносит его археологом, обладающим достаточными знаниями в археологии как о еще молодой науке того времени.

Особое внимание уделено отношениям с его женой Софией, а также намеренному выбору именно молодой гречанки в спутницы жизни: «Поэтому я и решил найти себе жену-гречанку. Она будет божьей рукой на моем плече. Моим греческим сокровищем» [3, с. 33]. Кажется, будто Генрих обезумел идеей найти Трою и хочет создать ее вокруг себя, окружив себя нужными людьми. Несмотря на это, значительная часть сюжета уделяется непосредственно полевым исследованиям, из-за чего он предстает уже археологом, знающим толк в своем деле: «это, зависит от толщины наслоений. Наш шурф мы закладываем на высоте сорока футов. Траншею поведем к вершине. Поднимаясь, мы углубим ее на десять–пятнадцать футов. Мне кажется, что, зарывшись футов на тридцать в глубину, мы достигнем материка» [3, с. 146].

Из вышеперечисленных примеров можно сделать вывод о построении образа Шлимана на основе личного отношения автора к нему. Писатель сам решает какие стороны его жизни показать в положительном свете, а что стоит опустить для сюжета. Излишне положительное отношение к личности Шлимана сказывается на искаженных фактах его профессиональной деятельности. Все больше произведений нового времени представляют Генриха как самоучку, авантюриста, но никак не квалифицированного археолога. Для построения правдоподобного образа Шлимана стоит делать акцент в сюжете именно на сложностях, предстающих перед археологом девятнадцатого века. В первую очередь это применимо к полевым работам, сложности взаимодействия с чиновниками и рабочими, а также противоречиями между археологическими школами того времени.

Список источников и литературы

1. *Акройд П.* Падение трои. М., 2012. 304 с.
2. *Ванденберг Ф.* Золото Шлимана. Смоленск, 1996. 592 с.
3. *Стоун И.* Греческое сокровище. М., 2012. 544 с.
4. *Штоль Г. А.* Генрих Шлиман: Мечта о Трое. М., 1991. 432 с.

5. *Clack T.* Archaeology and the media. New York., 2016. 323 p.

6. *Holtorf C.* The Meaning of Archaeology in Contemporary Popular Culture. Oxford., 2007. 183 p.

Для цитирования: Романова А. С. Образ археолога в художественной литературе на примере романов о Генрихе Шлимане // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 242 – 247.

Эсхатологические мотивы в «Стихах о Европе» 1937 г. А. П. Ладинского через оптику теории культурной травмы

Аннотация. В статье на примере сборника А. П. Ладинского «Стихи о Европе» анализируются проявления эсхатологических мотивов в эмигрантской литературе. Исследуются контексты их реализации в текстовом пространстве и связанные с этим образы. Производится попытка рассмотреть эсхатологические настроения как характерную черту кризисного состояния эмигрантского творческого сознания через оптику теории «культурной травмы».

Ключевые слова: А. П. Ладинский, культурная травма, эсхатологические мотивы, литература эмиграции.

Title: Eschatological motives in A. P. Ladinsky's "Poems about Europe" 1937 through the optics of the theory of cultural trauma.

Abstract. The article analyzes the manifestations of eschatological motives in emigrant literature using the example of A. P. Ladinsky's "Poems about Europe". The contexts of their implementation in the text space and the images associated with it are investigated. An attempt is made to consider eschatological moods as a characteristic feature of the crisis state of emigrant creative consciousness, through the optics of the theory of "cultural trauma".

Key words: A. P. Ladinsky, cultural trauma, eschatological motives, emigrant literature.

Эсхатологические настроения, ощущение «конца старого миропорядка» и связанные с этим эмоциональные переживания наиболее ярко проявляются в кризисные исторические эпохи, в эпохи масштабных исторических перемен [3, с. 11]. Подобной эпохой в мировой истории, и, в особенности, в истории России был XX в. Трагедия Первой мировой войны, крушение Российской империи, революционные потрясения и Гражданская война — вот исторический контекст первых десятилетий XX в. Вынужденные покинуть свою Родину в результате социально-политических перемен, эмигранты уносили с собой и память о пережитых потрясениях.

Опыт эмигрантов-литераторов, в особенности младшего поколения, по нашему мнению, является показательным, поскольку отражает пере-

Трофимов, Никита Михайлович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076183@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Егорова, Ксения Борисовна* — к-т. филол. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Trofimov, Nikita Mihajlovich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st076183@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Egorova, Kseniya Borisovna* — PhD in Filology, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

живания различного рода «травматичного опыта». Согласно польскому социологу П. Л. Штомпке, XX в. являлся периодом «травматичных» событий [13, с. 475–476]. При этом, современниками в качестве «травматичных» могли восприниматься и прогрессивные изменения, в особенности в сфере культуры [13, с. 475–476]. Изменение ценностей, социальных практик и ритуалов, изменение условий существования, — это факторы, вызывавшие стремление к эмоциональному самовыражению, к осмыслению пережитого опыта. Подобные изменения, по нашему мнению, могли осмысляться как проявление «кризиса» и связываться с эсхатологическими настроениями.

Согласно Н. Дж. Смелсеру, одна из характеристик культурной травмы — это восприятие изменений как катастрофических и непоправимых [14, р. 44]. Современниками, переживавшими смену ценностных парадигм и разрушение устоявшихся систем ритуалов и практик, социальные изменения, политические потрясения и войны, данные события могли восприниматься как свидетельство «близкого конца истории», либо как маркер «разрыва с прошлым».

Совокупность эмоциональных переживаний, связанных с «разрывом ткани исторической реальности», с ощущением «безвозвратного» и «катастрофического» отрыва от прошлого, находила свое отражение в творчестве. Литераторы-эмигранты стремились не только осмыслить произошедшие перемены, но и выразить свои ожидания относительно будущего. Разрыв с прошлым переживался как предпосылка будущих потрясений. В литературе актуализировались эсхатологические предчувствия, выражались мысли о «конце истории», «гибели цивилизации».

Эсхатология, согласно определению С. С. Аверинцева, является системой представлений о конечных судьбах мира, человеческой личности и сущего «вообще» [1]. При этом выделяются «уровни» индивидуальной (о конце «единичной» человеческой личности, души) и универсальной эсхатологии (о конце, цели и назначении космической и человеческой истории) [1].

По мнению исследовательницы О. Р. Демидовой, эсхатологичность является одним из базовых свойств культуры, что проявляется в связи с воспроизведением метафор «конца времен», «конца века», «разорванности связи времен» и т. д. [2, с. 89].

Вслед за Т. Ю. Сидориной и О. Р. Демидовой, мы рассматриваем эсхатологичность, как характерную черту кризисного мировосприятия [3, с. 11–12.]. Подобный взгляд на мир был характерен для людей во все эпохи, в связи с чем, мы говорим лишь об актуализации эсхатологических ожиданий, в конкретный исторический период [3, с. 11–12].

Осмысление состояний человеческого сознания в кризисные исторические эпохи — предмет множества дисциплин: исторической психологии, социологии, истории эмоций и тд. По нашему мнению, литературные источники могут внести определённый вклад в изучение данной проблематики. Стоит отметить, что, по мнению американского историка и культуролога К. Т. Карут, одним из средств выражения «травматичного опыта» может быть литературное творчество [15, р. 2–4]. В связи с этим, литература первой волны русской эмиграции видится нам источником, дающим представление о кризисных состояниях сознания в эпоху перемен, о сознании людей, переживших ряд «культурных травм». В этом контексте мы рассмотрим «Стихи о Европе» 1937 г. поэта и писателя из младшего поколения эмигрантов-литераторов — А. П. Ладинского (1895–1961).

Так, в стихотворении «Статуя» А. П. Ладинский выражает ощущение непоправимости перемен следующими строками: «Не надо спящую будить, / В мир суетливый уводить, / В мир бранных и непрочных стен, / Непоправимых перемен» [7, с. 30]. Вечному статичному идеалу прекрасного нет места в «мире непоправимых перемен». «Страшному миру» противопоставляется «прекрасный сон», «невероятное царство сна». Так выражается тенденция к «надмирности», отмеченная исследователем эмигрантской литературы В. Крейдом в качестве одной из основополагающих черт эмигрантского творческого сознания [5, с. 18]. «Непоправимые перемены» произошедшие в мире способствуют появлению эсхатологической образности, ощущения надвигающегося конца.

«И поздно говорить о Боге
Когда рушится мир» [7, с. 56].

В «Стихах о Европе» А. П. Ладинский концентрирует внимание на теме заката европейской цивилизации. Эсхатологические мотивы у поэта связывается именно с этим сюжетом. Он развивается в открывающем сборник цикле «Похищение Европы», состоящем из 4-х стихотворений. [7, с. 7–10].

Вот мир отплывает, как льдина,
И гибели — кучкой зевак —
Мы машем платками: картина
Достойная слез как-никак.
<...>

Европа, ты зябким и сырым
Летишь голубком, но — куда?
С непрочным и призрачным миром
Прощаешься ты навсегда.

В стихах из «Похищение Европы», приведенных здесь, стремление к концу осмысляется как синхронно-совершающийся процесс, за которым

наблюдает автор. «Синхронность» передается при помощи использования глаголов настоящего времени («оплывает», «летишь» и т. д.). Автором переосмыслиется мифологический сюжет «Похищения Европы». В своём художественном осмыслении мифа А. П. Ладинский накладывает на античный сюжет дополнительный актуальный слой. Мифическая Европа, «оббившая шею быка», это одновременно и конкретно-историческая Европа, современная автору («Снимаются с якоря горы / Деревья, дома и гробы»; «Пейзаж европейских холмов»). Современность получает следующую характеристику автора: «И бедную лиру с улыбкой/ Я страшным векам отдаю» Конец «пути Европы» видится поэту в мрачных красках, вызывает в нём чувства горя и грусти — чувства, которые передаются автором в образах «прощания»: «мы машем платками» ... «уходит корабль в океан».

В данном цикле стихотворений мы наблюдаем мотив «отплытия». Как и ряд других мотивов: дороги, странствия, вокзала, по мнению М. К. Лопачевой, он передает «пороговое» состояние творческого сознания и является характерным для «среднего поколения» литераторов-эмигрантов [6, с. 11]. Тем не менее, нам видится возможным рассматривать указанные мотивы, как присущие и младшему поколению эмигрантской литературы, что доказывает пример творчества А. П. Ладинского. Данные мотивы отражают динамику творческого сознания в переходных исторических условиях, в период социальных, политических и культурных перемен.

Эмоциональная модальность определяется использованием лексики и образов, выражающих сниженный эмоциональный фон текстов. В цикле неоднократно употребляется слово «слёзы», ассоциируемое с «образами прощания». В различных формах оно встречается в трёх из четырёх произведений цикла: «картина достойная слёз», «Ты смотришь сквозь слёзы», «задышался от слёз» [7, с. 7–10]. В тексте употребляются эмоции, призванные более полно раскрыть эмоциональные переживания лирического героя. В данном случае, автор сближается с лирическим героем, наблюдающим «отплытие Европы». Подобное сближение автора и лирического героя является характерной чертой «парижской ноты», которая «звучит» в творчестве А. П. Ладинского [12, с. 75]. Связанными с эсхатологическими мотивами, в данном случае, оказываются следующие эмоции: «печального», «горя», «страшной», «скучный», «меланхоличный» и т. д.

А. П. Ладинский выражает опасения по поводу упадка культуры, замечая, что в «час ненастья», европейцы, заботящиеся лишь о собственных житейских интересах, не смогут остановить «падения» евро-

пейской цивилизации. Следующим образом эти переживания находят своё выражение в произведении «О душе» [7, с. 27]:

Кому это нужно — паренье
И с готикой смутный роман?
Важнее здесь пищеваренье,
Спокойствие, сон и карман.
Европа, когда в час ненастья
Высокая гибель придет,
Тебя все покинут в несчастье,
Спасая душонки средь вод.

В ряде произведений А. П. Ладинского возникают образы погибшей Римской цивилизации, упадок величия которой соотносится с переживаемым упадком европейского величия: «Кто же средь римской скуки / Знал, что, вот, побегут / Легионы! Что виадуки, / Как лёгкий сон, упадут!» [7, с. 58]. Или в «Элегии», где строки «Я с горькой славой Рима / Судьбу твою сравнил» относятся уже к России, в частности, к мифопоэтическому пространству Петербурга, своим появлением «наперекор сугробам», образно наследующему римской славе [7, с. 11]. Поэтические ассоциации с упадком Римской империи, таким образом, связывают контекст Российского и Европейского «заката» в рамках единого образного пространства.

Выражению эсхатологических настроений служит образ «заката», получивший распространение еще в Серебряном веке, символически ассоциируемый с темами упадка, катастрофы, гибели. [8, с. 51]. В «Стихах о Европе» А. П. Ладинского, образ заката приобретает смысл Шпенглеровской метафоры, символически передавая представление автора об упадке Европейской культуры и цивилизации. Строки «Европа средь птичьего гама / Прекрасен твой черный закат» во втором стихотворении цикла приводятся наряду с тревожными размышлениями автора о судьбах европейского «тысячелетнего дома»: «И страшно за участь дальних / Ее кораблей и квадриг, / За судьбы ее хрустальных / Фонтанов и книг» [7, с. 57].

Эсхатологические ожидания соотносятся не только с западноевропейским культурным пространством. Нераздельно связанной с судьбой Европы автором воспринимается и русская цивилизация, её язык, её культура: «Неужели средь завываний / Умолкнет тот сладкий язык» [7, с. 59].

В рамках сближения эсхатологических ожиданий относительно России и Европы может возникать вопрос о «двоящейся» культурной идентичности эмигрантов младшего поколения [4, с. 331–336]. В этом разрезе культурная идентичность возводится как к русскому цивилиза-

ционному пространству (н. п. в произведении Элегия), так и к западно-европейскому (н. п. — в произведении «Европа счастливых / амбаров и школ»).

Таким образом, в «Стихах о Европе» А. П. Ладинского находят выражение эсхатологические ожидания, связанные с тематикой заката Европы, упадка европейской культуры. Тенденция подобного творческого осмысления исторической действительности характерна и для других литераторов-эмигрантов, что, по нашему мнению, может быть связано с переживанием различных форм «травматического опыта», вследствие активных социальных, политических и культурных изменений начала XX века. Таким образом, мы можем вести речь о характерной черте эмигрантского творческого сознания, маркирующей его кризисное состояние.

Список источников и литературы:

1. *Аверинцев С. С.* Эсхатология // Электронная библиотека ИФ РАН: Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0163bfe2ef893900cec1e763> (Дата обращения: 20. 09. 2022).
2. *Демидова О. Р.* Эсхатология индивидуальная и массовая: суицид в культуре. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Т. 2. Философия. № 2. 2014. С. 86–95.
3. *Сидорина Т. Ю.* Парадоксы кризисного сознания. М., 2005. 239 с.
4. *Кибальник С. А.* Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб., 2011. 412 с.
5. *Крейд В.* О духовном опыте эмигрантской поэзии. // Вернуться в Россию стихами ... 200 поэтов эмиграции: Антология /Сост., авт. предисл., коммент, и биогр. сведений В. Крейд. М., 1995. С. 5–22.
6. *Лопачева М. К.* Писатели-эмигранты первой волны о кризисе идентичности // Вестник СПбГУКИ № 1 (26), март 2016. С. 10–15.
7. *Ладинский А. П.* Стихи о Европе. Париж., 1937. 59 с.
8. *Митина Г. В.* Закат и Рассвет: система образов и мотивов в поэзии И. А. Бунина. // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 1. С. 50–55.
9. *Макушина И. В.* О художественной эсхатологии М. Алданова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-hudozhestvennoy-eshatologii-m-aldanova-na-materiale-romana-nachalo-kontsa/viewer> (Дата обращения: 20.09.2022).
10. *Маматов Г. М.* «Он всех мучительнее сейчас». Эсхатологические мотивы в творчестве Б. Ю. Поплавского и идеи Д. С. Мережковского // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей IX Международной научной конференции молодых учёных (7 февраля 2020 г.). Ч. 2: Современные лингвистические исследования. Екатеринбург.: УМЦ-УПИ, 2020. С. 6–13.
11. *Проскурина Е. Н.* Поэтика эсхатологического сюжета в романной прозе Г. Газданова // Культура и текст. № 3. 2015. С. 141–158.

12. *Тукодян Н. Х.* «Дышит почва и судьба»: О лирике представителей «Парижской ноты» // Гуманитарные и социальные науки. № 2. 2014. С. 74–83.
13. *Штомпка П. Л.* Социология. Анализ современного общества. М., 2005. 664 с.
14. *Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N. J., Sztomпка P. L.* Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, Los Angeles, London, 2004. 327 p.
15. *Caruth C.* Trauma: Explorations in Memory. Baltimore, Maryland. 1995. P. 2–153.

Для цитирования: Трофимов Н. М. Эсхатологические мотивы в «Стихах о Европе» 1937 г. А. П. Ладинского через оптику теории культурной травмы // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 248 – 254.

"Книга, пожалуй, в самом деле будет напечатана": роль И. И. Минца в публикации романа В. Г. Яна «Чингиз-хан»

Аннотация: Статья посвящена встрече писателя В. Г. Янчевецкого (Василия Яна) — автора романа «Чингиз-хан» — с И. И. Минцем, одним из редакторов серии «Исторические романы». Автор анализирует, какие замечания были сделаны Минцем во время встречи, насколько они были учтены писателем при переработке рукописи, а также рассматривает влияние Минца на публикацию романа и причины, по которым он посчитал нужным напечатать роман в 1939 г.

Ключевые слова: Василий Ян, Чингисхан, Минц, исторические романы.

Title: “The book, perhaps, will actually be printed”: the role of I. I. Mints in the publication of the novel by V. G. Yan “Genghis Khan”

Abstract: The article is devoted to the meeting of the writer V. G. Yanchevetsky (Vasily Yan), the author of the novel “Genghis Khan”, with I. I. Mints, one of the editors of the “Historical novels” series. The author analyzes what remarks were made by Mints during the meeting, to what extent they were taken into account by the writer when revising the manuscript, and also considers Mints's influence on the publication of the novel and the reasons why he considered it necessary to publish the novel in 1939.

Key words: Vasily Yan, Genghis Khan, Mints, historical novels.

Биография и творчество Василия Григорьевича Яна (Янчевецкого) с конца 1960-х гг. вызывает интерес исследователей. За почти полвека вышло немало исторических и литературоведческих работ, посвящённых жизни и творчеству В. Г. Яна. Тема остается актуальной и в XXI в. Но несмотря на это исследований, в полной мере раскрывающих вопрос о судьбе и издании одного из наиболее важных произведений писателя — романа «Чингиз-хан», не существует. Много вопросов вызывает и то, как повлияла на публикацию произведения встреча писателя с бывшим тогда редактором серии «Исторические романы» известным историком Исааком Израилевичем Минцем.

Этот вопрос затрагивает на страницах своей книги «Десять жизней Василия Яна. Белогвардеец, которого наградила Сталин» И. В. Просветов,

Аблаева, Дарья Сергеевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076127@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Рачковский, Валерий Александрович* — к-т. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Ablaeva, Darya Sergeevna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st076183@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Rachkovskij, Valerij Aleksandrovich* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

однако должного анализа оставленной в тот день В. Г. Яном дневниковой записи о встрече с историком автор не провел — этот кусочек биографии представляет собой по большей части цитирование архивного документа [6, с. 216–218]. Вследствие этого в данной статье мы постарались проанализировать дневниковую запись В. Г. Яна, оставленную им после встречи с И. И. Минцем, для того, чтобы понять, какие причины побудили историка продвигать роман, какие замечания были им сделаны относительно текста романа, и насколько они были учтены писателем при переработке произведения.

Начатый в 1934 г., роман должен был рассказать о наиболее значимом для советского читателя эпизоде из жизни Чингиз-хана — о вторжении татаро-монгольской армии в Среднюю Азию, «на те земли, где теперь находятся советские республики» [8, с. 108 – 109].

Начиная роман, Янцевецкий ещё не знал, что произведение, которому он собирался посвятить полгода своей жизни, будет с трудом пробираться через цензуру, подвергнется жесточайшей критике и только спустя 5 лет будет опубликовано — во многом благодаря И. И. Минцу, с которым Янцевецкий встретился летом 1938 г.

10 июня Исаак Израилевич встретился с писателем «по поручению М. Горького», от которого, как впоследствии вспоминал И. И. Минц, он и узнал о существовании романа: Горький прочитал рукопись и посчитал её интересной, но почувствовал, что «в ней чего-то не хватает», поэтому дал её И. И. Минцу, чтобы тот почитал рукопись «как историк» [4, с. 4–5]. Вряд ли, конечно, Алексей Максимович давал Минцу «поручение» встретиться с В. Г. Яном — слишком уж поздно, лишь спустя два года после смерти Горького, И. И. Минц его выполнил. Однако читать и положительно отзываться о рукописи романа Горький мог — к моменту его кончины «Чингиз-хан» уже не один год «бродил» по издательствам СССР.

Встреча с И. И. Минцем была для В. Г. Яна очень важна, он понимал, что от его зависит судьба многострадального романа, и в тот день оставил в дневнике довольно подробную запись их разговора.

Первая мысль, которая возникла у создателя «Чингиз-хана», звучала не очень ободряюще: «разговор начался в таких тонах, что я думал: “дело конченное! книга погибла!”» [1, л. 2].

Такие мысли не были случайными и появились не из-за того, что В. Г. Ян был уже умудренным опытом человеком, которому в течение 4 лет отказывали в печатании книги различные издательства. И. И. Минц начал разговор с критики романа, отмечая, что «такую книгу печатать нельзя», поскольку «теперь неудобно говорить о татарах» как о «передовом обществе того времени», какими они выходят в романе В. Г. Яна.

Попытки писателя оправдаться и объяснить, что он не хотел создавать образ татар как «передового общества», а стремился лишь описывать их «такими, какими они были в действительности», остались Минцем незамеченными [1, л. 2]. Он продолжал говорить о своём — о деталях, которые считал необходимыми подправить.

Основная часть замечаний, сделанных И. И. Минцем, была связана с его желанием (или, может быть, заветами А. М. Горького, считавшего необходимым «показать ужас его [Чингиз-хана] нашествия <...> важность и возможность ему сопротивляться» [4, с. 5]) более ярко продемонстрировать ужас, который вызывали татарские орды у «культурных народов» Средней Азии. Для этого он считал необходимым включить в повествование «какие-нибудь мелкие бытовые сцены» [1, л. 2]. Однако его замечания, касающиеся вопроса демонстрирования ужаса, который переживал культурный мир, были по большей части связаны с чувствами русского народа — И. И. Минц в основном говорил о битве при Калке.

Прекрасно осознавая, что основной недостаток роман — это избытие сцен поражения передовых народов того времени — хорезмийцев и русских — от стоящих на более низкой ступени развития татар, И. И. Минц считал необходимым показать не только поражения культурных народов, но и военную мощь, которую они демонстрировали до столкновения с полчищами Чингиз-хана. Он хотел, чтобы В. Г. Ян добавил «несколько строчек», в которых описал бы разгромы половцев, «длительную борьбу предварительную со степью, из которой Киевское государство вышло победителем», показал, что передовые люди Русского государства, в первую очередь князья, осознавали опасность, идущую с востока [1, л. 2].

В данном контексте стоит сказать о том, что Минца вряд ли заботили вопросы престижа русских князей во времена раздробленности, он не хотел переписать историю и превратить поражение в битве на Калке в победу. Гораздо важнее для него было сделать книгу актуальной, связать события XIII в. с событиями, переживаемыми Европой в 1930-е гг., о чем говорит вывод, сделанный Минцем после предложения показать, что «князья знали, слышали о движении Чингис-хана», — «это сделает книгу актуальной» [1, л. 2–2].

И. И. Минц, несомненно, должен был знать о происходящем на международной арене: о нескрываемых попытках Гитлера расширить жизненное пространство, о попытках Советского Союза создать систему коллективной безопасности, о нежелании Великобритании и Франции идти на союз с СССР и их попытках умиротворить агрессора. Он понимал, что в какой-то момент Советскому Союзу придется вступить в войну с Германией — и в этом прослеживается влияние Максима Горького,

еще в 1935 г. во время бесед с И. И. Минцем говорившего о неизбежности войны с Германией, возглавляемой Гитлером, которого он назвал «Чингиз-ханом с автоматом» [2, с. 41]. И поэтому И. И. Минц хотел получить от В. Г. Яна роман, который наглядно показал бы их современникам, к чему приводит игнорирование очевидной угрозы со стороны явно агрессивно и враждебно настроенных государств и народов.

В. Г. Ян лишь частично внял советам И. И. Минца — в главе «Тревога в Киеве» писатель чётко показывает, что не только простое население русских княжеств, но и князья не знали о том, кто такие татары и откуда они взялись. Единственная информация, которой они владели до нашествия Чингиз-хана — это то, что татары — «страшного вида племя» [7, с. 270].

Большинство князей, согласно роману В. Г. Яна, узнало о татарах лишь после того, как половецкий хан Котян потерпел от них поражение. Да и то вся полученная ими информация не носила конкретного характера, это были общие сведения. Князья до последнего не представляли, с насколько сильным врагом им придётся бороться и надеялись на то, что превентивный удар принесет русским князьям победу и «добычу немалую» не только им самим, но и «простым ратникам» [7, с. 279].

Не показал В. Г. Янчевецкий и бывших побед русских князей над половцами, наоборот, о бывших врагах писатель говорит как о племени, нанешедшем значительный урон Киевскому княжеству и истощившем его силы [7, с. 272].

В целом роман, о котором И. И. Минц уже после смерти В. Г. Яна вспоминал как о «написанном ярко и вдохновенно», позволяющем увидеть «перед глазами всю эпоху и её героев», историку понравился, тем более, что он освещал «во многом созвучные современности» события XIII века «с позиций марксистско-ленинского понимания истории» и заполнял «большой исторический пробел в нашей художественной литературе» [4, с. 4–5].

О том, что роман позволяет увидеть «перед глазами всю эпоху», И. И. Минц говорил и лично В. Г. Яну во время их разговора 10 июня [1, л. 3]. И, вероятно, в этих словах содержалась не только похвала литературному таланту писателя, который сумел показать далекую эпоху во всей красе — Минц таким образом отмечал и выполнение Василием Яном государственного заказа: «историю Великороссии не отрывать от истории других народов СССР», а «историю народов СССР не отрывать от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории» [3].

И. И. Минц вспоминал, что единственные рекомендации, которые он дал автору «Чингиз-хана», сводились «главным образом к тому, чтобы усилить показ насилия и жертв завоевателя <...> и вместе с тем опроки-

нуть бытовавшее мнение, будто бы монголы проходили через покоряемые страны без всякого сопротивления, как нож сквозь масло» [4, с. 5]. Судя по записи в дневнике В. Г. Яна, напрямую о том, что в романе надо показать сопротивление, оказываемое ордам Чингиз-хана завоеванными народами, не говорилось, однако подобный тезис можно прочесть между строк, ведь все сделанные Минцем замечания явно были направлены на то, чтобы усилить воздействие на будущих читателей романа, показать им, что даже самым страшным завоевателям можно сопротивляться, и в конечном итоге морально подготовить к будущей схватке с Гитлером, который ещё не начал свои «великие» завоевательные походы, но активно подготавливал.

Вскоре современный подтекст книги «Чингиз-хан» станет явным не только для Горького и Минца, актуальность произведения увидит большинство представителей научной и литературной элиты, да и, вероятно, большинство представителей советского общества. Однако в 1938 г. поход Гитлера на Восток, на советские территории, ещё не начался и сравнивать его с «покорителем Вселенной» мало кто решался. Минц же сделать этого, по крайней мере для себя, не побоялся.

И его желание напечатать книгу, желание такой влиятельной в исторической сфере фигуры, какой был Минц, было учтено. В тот же день В. Г. Ян поехал к редактору серии «Исторические романы» Александру Николаевичу Тихонову, которому подробно пересказал разговор с Минцем, после чего редактор, ранее не желавший печатать роман, заявил о готовности заключить с Яном договор. Вывод писателя о том, что Тихонов переменял своё мнение «под влиянием отзыва Минца, который он знал уже раньше из встречи с ним», выглядит вполне убедительным. Мы склонны с ним согласиться и признать, что роман «Чингиз-хан» был напечатан в 1939 г. в первую очередь благодаря заступничеству И. И. Минца, который и во время последующего за беседами В. Г. Яна с Минцем и Тихоновым заседания Гослитиздата «горячо высказывался в пользу этой рукописи, говорил, что повесть очень интересная и её необходимо напечатать» [1, л. 4].

Таким образом, встреча В. Г. Яна с И. И. Минцем сыграла решающую роль в выходе романа в свет. После беседы с историком в жизни Янчевецкого началась «белая полоса». 22 августа 1938 г. Гослитиздат получил вновь перепечатанную исправленную версию романа. Лицом к Яну повернулись и другие издательства, ранее отклонявшие рукопись: «Молодая гвардия» предложила В. Г. Яну напечатать «Чингиз-хана» в двух вариантах — как художественное произведение в Гослитиздате и в научно-

популярном жанре в серии «Жизнь замечательных людей» [9, с. 116–117]. Пиком признания романа стал 1942 г., когда В. Г. Янчевецкому за роман «Чингиз-хан» была вручена Сталинская премия первой степени [5].

Список источников и литературы:

1. Архив РАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 618. Фрагмент (выписка) из дневника писателя В. Яна о встрече с Минцем И. И. в 1938 г. 4 л.
2. «Из памяти выплыли воспоминания...»: Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И. И. Минца / [Сост., авт. коммент. В. Л. Телицын; послесл. И. Х. Урилов]. М., 2007. 600 с.
3. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» // Правда. 1936. 27 января.
4. Минц И. И. Патриотический цикл произведений В. Яна // Ян В. Г. На крыльях мужества: Исторические повести. Рассказы. Путевые заметки / Сост. и посл. М. В. Янчевецкого; Вступ. ст. И. И. Минца. М., 1988. С. 3–10.
5. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР. О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1941 год // Правда. 1942. 12 апреля.
6. Просветов И. В. Десять жизней Василия Яна. Белогвардеец, которого наградили Сталин. М.: Центрполиграф, 2017. 287 с.
7. Ян В. Г. Чингиз-хан. Повесть о жизни старой Азии (XIII век) / Вступ. статья С. В. Киселёва. М., 1939. 352 с.
8. Ян В. Г. Путешествия в прошлое // Вопросы литературы. 1965. № 9. С. 99–116.
9. Янчевецкий М. В. Писатель-историк В. Ян. Очерк творчества. М., 1977. 191 с.

Для цитирования: Аблаева Д. С. "Книга, пожалуй, в самом деле будет напечатана": роль И. И. Минца в публикации романа В. Г. Яна «Чингиз-хан» // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 255 – 260.

Конструируя советский роман: случай текста Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана»

Аннотация. На примере романа Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана» в статье предпринята попытка выделить элементы, которыми должен был обладать идеальный текст советского национального автора о войне для того, чтобы быть признанным важным для советской культуры. Материалами служат внутренние рецензии на роман, стенограммы обсуждений, имевших место в Союзе Советских Писателей в 1940 – 1950-е гг., а также русскоязычное издание текста (1950).

Ключевые слова: соцреализм; советский роман; советская культура; национальная республика; Казахская ССР.

Title: Constructing the Soviet novel: the case of G. Musrepov's text "The Soldier from Kazakhstan"

Abstract. Using G. Musrepov's novel «The Soldier from Kazakhstan» as an example, the article attempts to highlight the elements that the ideal text of a Soviet national author about the war should have had to be recognized as important for Soviet culture. The materials are an internal review of the novel, transcripts of the discussions that took place in the Union of Soviet Writers in 1940 – 1950, as well as the Russian edition of the text (1950).

Key words: social realism; Soviet novel; Soviet culture; national republic; Kazakh SSR.

Одной из максим советского проекта была максима о благотворном влиянии советской власти на национальное развитие. Предполагалось, что лишь Октябрьская революция освободила народы и способствовала их культурному становлению [9, л. 45]. Национальная интеллектуальная элита, созданная в советском государстве, была призвана влиять на население. Распространяя идеологическую повестку Центра среди читателей своей республики, авторы не только переделывали «человеческие души», но и отдавали долг власти, позволившей достичь желаемого положения.

Политика в первую очередь проявлялась в создании произведений, попадающих под текущий идеологический курс государства. Писатели содействовали советской власти, популяризировали её, начинания кампа-

Синепупова, Ирина Андреевна — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; sinppveee@gmail.com

Научный руководитель: *Козицкая, Юлия Михайловна* — к-т. филол. наук, преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Sinepupova, Irina Andreevna — National Research University Higher School of Economics Moscow, Russia; sinppveee@gmail.com

Scientific adviser: *Kozitskaya, Yulia Mikhailovna* — PhD in Philology, Lecturer, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

нии. Однако они неизбежно сталкивались с постоянным догматизмом и цензурными запретами. Их тексты, изданные и распространённые в таких условиях, были эталонными, идеологически выдержанными.

Одним из характерных примеров является роман «Солдат из Казахстана», написанный Габитом Мусреповым, классиком казахской литературы. Мусрепов был видным автором в поле советской культуры, в 1940-е годы его тексты «составляли славу и гордость современной казахской литературы» [3, с. 535].

Долгая и запутанная история издания и перевода романа заслуживает отдельного исследования, мы же постараемся проанализировать внутреннюю рецензию В. Нечаевой, критика и литературоведа. Текст сохранился в фонде журнала «Знамя». Мы, вслед за А. Блюмом, предполагаем, что в литературном процессе рецензенты зачастую предвосхищали заключения цензурных инстанций: их статьи по содержанию мало отличались от собственно цензурных [1, с. 25]. Таким образом, критические работы становятся незаменимыми источниками для изучения истории культуры в целом и литературы в частности.

Кроме того, нам важно показать, как замечания отразились на финальном варианте романа, опубликованном в 1950 г. в «Советском Писателе». Мы сознательно выбрали версию, вышедшую в московском издательстве. Публикация в Центре означала признание текста важным для всей советской культуры [5, с. 127]. Учитывая, что роман Мусрепова — одна из первых работ национального автора о войне, мы предполагаем, что произведение стало образцом для остальных писателей. В перспективе это позволит подойти и к более глобальной проблеме: как должна была быть изображена Вторая мировая война — образующее событие для советской истории и культуры — в текстах авторов из национальных республик.

Структурно текст Мусрепова поделён на три части. Первая охватывает детство К. Исагулова, главного героя. По мере развития сюжета герой проходит несколько этапов: от беспризорной жизни на улице до военной службы на границе с неизвестным «восточным» государством. Он воплощает целое поколение, рождённое в советской стране в начале 1920-х гг. Действие второй части начинается незадолго до войны. Так, Исагулов становится пограничником — крайне важной фигурой для советской культуры. После нападения на Советский Союз герой в числе первых оказывается на фронте, принимает участие в битвах за Кавказ и Ростовна-Дону. В третьей части речь идёт о высадке на крымском побережье, а также об успешных попытках удержать один из плацдармов. За этот подвиг Исагулов и его сослуживцы становятся Героями Советского Союза.

Для того, чтобы охватить как можно больше аспектов, мы совместили анализ рецензии и романа. За каждым примером из критической статьи следует цитата из опубликованного текста Мусрепова.

Так, во-первых, автору обязательно следовало рассказать об изменениях, произошедших на некогда «отсталой» территории после установления советской власти [8, л. 35]: «Караваны веков медлительной поступью потянутся перед тобой, неся свой древний тяжкий груз, нами сброшенный уже... Мысль, родившаяся в эпоху стрелы и копья ..., стремилась жить в эпохе электричества, жить, как вечная истина, сохраняя владычество прошлого над настоящим» [6, с. 58].

Кроме того, важно показать, как «закладывался фундамент грандиозной социалистической стройки» в Казахстане, как менялась карта страны [8, л. 36]: «Приземистый и бесцветный прежде Гурьев теперь поднялся и вырос, по обоим берегам Урала возвышались стройки...» [6, с. 50]. Помимо этого, в романе должны были быть подробно описаны изменения, произошедшие с самосознанием жителей «восточной» республики [8, л. 37]. Так, интересы матери главного героя перестали «вертеться вокруг удоя коров и вокруг очага» [6, с. 51]. Она поняла свою роль в строительстве социализма: «Они говорили о "нашем" заводе, о "нашей" стройке, о "нашем" заводе и клубе» [6, с. 51].

Во-вторых, требовалось продемонстрировать, каким образом советское воспитание сформировало «нового человека» в молодёжной среде [8, л. 35]. Особенно чётко в романе проговариваются отличия между развитием детей до революции и в советское время: изучаемое предыдущим поколением за всю жизнь «вмещалось в скромный курс семилетки» [6, с. 43].

Проводимая в советской стране национальная политика позволила «восточным» народам найти себя в ранее недоступных областях. Этим объясняется профессиональный выбор главного героя: он становится пограничником. Защитники границ государства относились к числу избранных. Они были символическими «героями», носителями статуса «нового человека» [4, с. 787]. Рубежи государства превращались в места неприкосновенные: они отделяли пространство сакральное, воплощённое в советском государстве, от враждебной территории. В тексте Мусрепова это проявляется следующим образом: «В сотый раз я думал о том, что все милые нам мечты и надежды, уверенное ощущение себя человеком и гражданином — всё это возможно лишь по эту сторону пограничного знака. Представь себе, что ты за этим столбом, на той стороне, — и ... ты утратишь даже право на привычные с детства мечты, которые воспитала в тебе родина, ты окажешься в царстве далёкого прошлого, в печальном царстве дедов и прадедов» [6, с. 58]. Государственная граница приоб-

рела значение «рубежа Добра и Зла», где «Добром» было пролетарское и рабоче-крестьянское, «Злом» — буржуазное [7, с. 74].

В-третьих, в тексте важно было упомянуть и политику «дружбы народов» [8, л. 37]. Героя постоянно окружали люди различных национальностей. Однако обязательно оговаривалось особое положение русского народа, в союзе с которым солдаты из национальных республик защищали страну [6, с. 108, 156]. Советская «дружба народов» противопоставлялась объединению, созданному под началом Германии. Если первая была основана на равенстве и сотрудничестве, то вторая — на страхе [6, с. 164].

В-четвёртых, роман должен был выглядеть как работа автора национального [8, л. 36]. Так, в произведении часто упоминается канонизированный классик казахской литературы — Абай. Главный герой несколько раз цитирует стихотворения поэта [6, с. 40, 60, 168]. Кроме того, роман следовало писать языком, напоминающим «пёстрый национальный ковёр» [8, л. 36]. Это соответствовало стереотипу о пышной «восточной» речи. Важно отметить, что русскоязычная версия полна непереведённых казахских слов. Они маркировали роман как текст автора национального, «восточного», отличного от русских писателей. Все иноязычные понятия объяснены в примечаниях, что лишь подтверждает максимум о национальной форме и социалистическом содержании.

В-пятых, важно было показать «переключку с русской литературой» [8, л. 35]. Культурная связь в романе обрела своё визуальное воплощение: «Это стояла священная скала с портретом и словами великого Лермонтова, к которой враг уже не подойдёт. На ней я оставил имя Абая» [6, с. 168]. Отмечено в тексте и свойственное «восточным» народам внимание к предкам: «С нами и он, и Абай, а за ним, в халате нараспашку, с домброй в руке, призывая ветер победы к окопам, идёт столетний мудрый акын Джамбул» [6, с. 115]. Можно предположить, что эпизод призван не только подчеркнуть «восточный колорит», но и необходим для развития темы исторической преемственности, впервые проявившейся в речи Сталина от 7 ноября 1941 года [11].

Выступление вождя завершается следующим: «Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на Отечественную войну так же, как 23 года назад... Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас непобедимое знамя великого Ленина!» [11]. В тексте Мусрепова есть схожее перечисление: «Стихи Лермонтова подняли к нам в пополнение великие силы гениев и героев: с нами были и Белинский, и Чернышевский, и Толстой, и Глинка,

Чайковский, Горький, Суворов, Донской, Кутузов — весь генеральный штаб русской мысли прошедших веков и нашего века... И с нами сегодня Ленин, с нами сегодня тот, кто всегда вдохновляет на подвиг» [6, с. 115].

Можно заметить, что в приведённых выдержках совпадает и структура, и список деятелей прошлого. Однако у Мусрепова есть и новые имена: Чернышевский и Белинский, Толстой и Глинка, Чайковский и Горький. В романе названы важные для советского человека личности во всех сферах. Особого внимания заслуживает фигура М. Горького, чья «Песня о Соколе» неоднократно упоминается в тексте [6, с. 42–43, 64]. Горький, который «представлял и осенял своим авторитетом послереволюционную советскую литературу» [2, с. 145], стал главным теоретиком соцреалистического метода. Его тексты являлись образцами, на которые национальные авторы должны были ориентироваться [10, л. 15]. Соответственно, ссылка на писателя дополнительно легитимировала роман Мусрепова.

Таким образом, анализ рецензии и эпизодов позволяет понять, что текст в своей финальной редакции является образцовым советским романом. Роман в полной мере соответствовал требованиям, сформулированным Нечаевой во внутренней рецензии. Его содержание подчинено тому, что Центр хотел увидеть в переводном произведении национального автора: от показа модернизационных устремлений советской власти и героизма солдат всех национальностей до отсылок на речь Сталина и масскульт. Текст стал немаловажной частью советской культуры и повлиял на способы изображения Второй мировой войны в национальной литературе.

Список источников и литературы:

1. Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929 – 1953. СПб., 2000. 311 с.
2. Добренко Е. А. Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999. 557 с.
3. История казахской литературы: в 3 томах. Т. 3. Алма-Ата, 1971. 800 с.
4. Кларк К. Сталинский миф о «Великой семье» // Соцреалистический канон. М., 2000. С. 785–796.
5. Козицкая Ю. М. «Автор не внёс исправлений времени»: рецензия как инструмент контроля над национальной советской литературой // Научное рецензирование в гуманитарных дисциплинах: жанр, исследования, тексты. М., 2020. С. 125–140.
6. Мусрепов Г. М. Солдат из Казахстана. М., 1950. 235 с.
7. Паперный В. З. Культура Два. М., 2016. 412 с.
8. РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 14. Д. 61. Статьи: Анненков Ю. «На подступах к коммунизму»; Венцлова А. «Пушкин в Литве»; Нечаева В. «Повесть о войне из Казахстана». 40 л.
9. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 34. Д. 244. Обзоры журналов, рецензии на произведения казахских писателей. 80 л.

10. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 34. Д. 861. Справка о фактах влияния русской литературы на литературы народов СССР. 23 л.

11. Речь председателя государственного комитета обороны и народного комиссара обороны тов. И. В. Сталина на Красной площади в день XXIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1941. 8 нояб.

Для цитирования: Синепупова И. А. Конструируя советский роман: случай текста Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана» // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 261 – 266.

СЕКЦИЯ. ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ОТ ИМПЕРИИ ДО СССР

Ким Максим Шисунович

К истории собрания Волковского старообрядческого молитвенного дома (по материалам Отдела рукописей РНБ)

Аннотация. Статья посвящена истории рукописного собрания Волковского старообрядческого молитвенного дома, хранящегося в Отделе рукописей РНБ в фонде № 154. В рамках исследования предпринимается попытка определить число книг в библиотеке Волковского старообрядческого молитвенного дома на момент его закрытия, историю формирования собрания, особенности хранения и географии перемещения рукописей.

Ключевые слова: старообрядчество; рукописные собрания; владельческие записи; библиотечные наклейки.

Title: To the history of the Collection of Volkov Old Believer Prayer House (on materials of Manuscripts Department of NLR)

Abstract. The article is devoted to the history of the manuscript collection of the Volkov Old Believer Prayer House, stored in the Manuscripts Department of the NLR in f.154. As part of the study, an attempt was made to determine the number of books in the library of the Volkov Old Believer Prayer House at the time of its closure, the history of the formation of the collection, features of library storage and geography of the movement of manuscripts.

Key words: Old Believers; Manuscript collection; ownership records; library stickers.

В 1940 г. в Отдел рукописей Публичной библиотеки (совр. – РНБ) поступило собрание Волковского старообрядческого молитвенного дома в Петербурге, состоящее из 122 рукописных книг XVI–XX вв.

Данная коллекция является относительно крупным собранием рукописных книг, среди которых старинные рукописи XVI–XVII вв. Собрание

Ким, Максим Шисунович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076164@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Поляков, Иван Анатольевич* — к-т. ист. наук, Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург, Россия

Kim, Maksim Shisunovich — Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; st076164@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Polyakov, Ivan Anatolievich* — PhD in History, National Library of Russia, Saint-Petersburg, Russia

не рассматривалось исследователями как единое целое. Часть рукописей вовсе не становилась предметом исследований. Нами предпринимается попытка рассмотрения данного собрания в целом.

История Волковского молитвенного дома началась в 1777 году, когда петербургские федосеевцы получили разрешение на постройку кладбища на Волковом поле. В 1778 г. Волковская община обратилась к главе московских федосеевцев И. А. Ковылину с просьбой предоставить им наставника. В результате, из Москвы в Санкт-Петербург был отправлен П. Федоров, что привело к появлению тесной связи между московской и петербургской общинами [4, с. 10]. Зависимость последних от Москвы проявлялась в вопросах управления, обучения, материального обеспечения молелен книгами и иконами и т. д.

В середине XIX в. положение Волковского старообрядческого молитвенного дома ухудшилось. В 1847 г. Волковская богадельня была передана в ведение Попечительному совету заведений общественного презрения, что сковало свободу действий общины. С 1853 г. часть имущества стала принадлежать РПЦ [4, с. 50–51]. С середины XIX в. до 1917 г. представители Волковской общины безуспешно пытались вернуть свою собственность [21, л. 1–8]. После Октябрьской революции новая власть отнеслась к старообрядцам терпимо. Более того, в 1922 г. Волковской общине была передана православная церковь Успения Пресвятой Богородицы на Волковском кладбище [24, с. 238]. В 20-е годы XX в. деятельность Волковской общины была под контролем власти. В 1929–1930 гг. закрывается Волковская старообрядческая богадельня [24, с. 244]. Окончательно Волковский молитвенный дом был упразднён осенью 1934 г., когда была ликвидирована старообрядческая церковь Успения Пресвятой Богородицы [24, с. 246].

В ходе исследования истории собрания обнаружен ряд архивных документов, свидетельствующих об истории Волковской общины. Тем не менее, среди них не было выявлено материалов, касающихся проблем истории, структуры, состояния библиотеки и судьбы отдельных книг.

Так, например, в ЦГИА СПб имеется опись «древлепечатных книг церковных», которые хранились при Волковской богадельной церкви. Упомянутые в описи 83 печатные и рукописные книги были переданы в Александро-Невскую лавру в 1859 г. [22, л. 1–4]. В данном деле также содержится просьба от единоверческих церквей Тихвина и Крестцов о предоставлении им «разных богослужебных книг, именно Устав большой или Церковное око, минеи месячные, служебник, патерик...» [22, л. 5]. В результате, 22 книги остались в библиотеке Александро-Невской лавры [22, л. 12].

В ЦГА СПб выявлен комплекс документов, касающихся истории закрытия молельни Федосеевского согласия в конце 20-х–начале 30-х годов XX в., однако в них не содержится какой-либо информации о судьбе рукописей и печатных изданий из Волковской библиотеки [20, л. 5].

Таким образом, основным источником для реконструкции истории и характера собрания Волковского молитвенного дома становятся сами рукописи, сохранившиеся до наших дней в фонде № 154 Отдела рукописей РНБ. В исторической справке фонда упоминается лишь то, что рукописи поступили в Отдел рукописей в 1940 г.

В фонде содержится 122 единицы хранения — кодексы и рукописные листы. Наиболее ранняя рукописная книга датируется 1500 г., некоторые рукописи относятся к нач. XX в.

Для реконструкции Волковского собрания нами были исследованы библиотечные пометы, экслибрисы и архивные шифры, сохранившиеся в рукописях. Из 122 книг — 33 рукописи не имеют основной наклейки библиотеки «Старообрядческого Волковского молитвенного дома» 1912 г. или их шифров. Наличие данных шифров на большей части рукописей собрания свидетельствует о том, что в 1912 г. проводилось большое описание и перерегистрация рукописей в самом собрании. С большой долей вероятности отсутствие шифра может говорить о том, что книга не находилась в Волковской молельной в 1912 г.

С помощью шифров можно предположить размер собрания на 1912 г. Так, наибольший порядковый номер имеет рукопись ОР РНБ. Ф. 154. Волк. 80 – «№ 578». Таким образом, в 1912 г. собрание насчитывало не менее 578 книг. С большой долей вероятности, общий порядковый номер имели также и печатные издания. В фонде № 154 Отдела рукописей РНБ сохранились только 89 рукописей с шифрами 1912 г., следовательно, большая часть библиотеки на сегодняшний момент утрачена или рассеяна по другим отделам РНБ (печатные издания могли быть переданы в Отдел редких книг или Русский книжный фонд РНБ и «раствориться» в общей массе).

На сегодняшний день имеются сведения о наличии только одной рукописи с наклейкой библиотеки «Старообрядческого Волковского молитвенного дома» 1912 г. вне ф. 154 ОР РНБ – знаменитой «Азбуки фряской» 1604 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. № 160). Эта же рукопись, помимо своего значения в истории русской каллиграфии, может нам рассказать об истории библиотеки Волковской молельной. Впервые данный памятник упомянут в «Славянской кирилловской палеографии» Е. Ф. Карского [23, с. 801]. Ученый отметил, что рукопись «Азбука или образцы заставок старообрядческого Волковского молитвенного дома» имеет

шифр «№ 390» [3, с. 182]. Наиболее вероятно, что на момент написания труда в 1928 г. «Азбука фряская» находилась в составе библиотеки Волковского молитвенного дома. Наклейка библиотеки 1912 г. сохранилась. Вероятно, Е. Ф. Карский имел доступ к библиотеке Волковского старообрядческого молитвенного дома до 1928 г. и сделал снимки рукописи, приложенные к его труду.

Для реконструкции собрания, истории его комплектования и бытования интерес представляют сведения о владельцах, местах и времени создания отдельных рукописей, которые можно получить в ходе их научного описания и изучения.

В ходе исследования всех рукописей из фонда № 154 Отдела рукописей РНБ было установлено, что только одна из них, Волк. 31, датированная 1899 г., была создана при Волковской молельни. В данной рукописи «Каноне богородице-троеручице» присутствует писцовая запись: «Сия тетрадь писана 1899 года Волковской моленою. Писано Марфои м:б:» [5, л. 10]. Происхождение остальных рукописей, имеющих писцовые или владельческие записи, не связано с Волковским старообрядческим домом. Более того, 36 рукописей из фонда были изготовлены до середины второй половины XVIII в., т. е. до времени создания Волковской общины. Данное наблюдение позволяет предположить, что в XVIII – первой трети XX в. в Волковском молитвенном доме отсутствовал скрипторий, а книги покупались на средства общины и вкладывались её членами.

О вкладах как основном источнике поступления книг в Волковский молитвенный дом свидетельствуют следующие владельческие записи. В рукописи Волк. 105 кон. XIX – нач. XX вв. имеется запись: «Сия тетрадь пожертвована в Волковскую Моленну Ксенией Яковлевной Сазоновой 1901 года месяца октября 1 день» [6, л. 1].

В рукописи Волк. 72 на переплетном листе записано: «Синодик в моленну после инокини Досифеи» [7, л. 1].

Историю поступления остальных рукописей в библиотеку Волковской моленной установить не удалось. Скорее всего, большая часть рукописей была куплена или же передана прихожанами.

Для исследования проблемы состава и принципов комплектования Волковской библиотеки рассмотрим рукопись XVII в. Волк. 108. На листах рукописи имеются две печати «Библиотека И. А. Шляпкина № 335». И. А. Шляпкин собрал большую книжную коллекцию, которая содержала, в том числе, рукописные книги. После смерти И. А. Шляпкина значительная часть книг его собрания была передана в Самарский университет в 1916–1918 гг. [19, с. 101–102]. Предположительно, эта рукопись

могла быть подарена человеку, который потом передал ее в Волковскую моленную или же была куплена общиной.

Интересным представляется вопрос о географии рукописей из Волковского собрания — местах их создания и бытования до попадания в библиотеку

В рукописи Волк.42 записано: «Сия книга волозерскаго жильца Алексея Дмитриева, именуемая ответы. Подписан своєю рукою. Ни продана, ни заложена» [8, л. 303]. Скорее всего, Алексей Дмитриев проживал в поселении Верхнее Волозеро (совр. Карелия).

В рукописи Волк.46 записано: «Куростровской в(о)л(ос)ти крестьянин читал» [9, л. 166]. Куростров входит в состав Холмогорского сельского поселения в Архангельской области.

В рукописи Волк.69 имеется следующая запись: «Сия книга обители Казанския Богородицы Шартаскаго селения» [10, л. 2–23]. Данное поселение являлось центром старообрядчества на Урале [2, с. 165]. Фигурирующая в записи «обитель Казанския Богородицы» являлась одной из крупнейших и почитаемых скитов Шарташа [1, с. 131].

В рукописи Волк. 75 есть следующая запись: «лета 1697 в 25 день положили Евангелие тетр письменное Федор Савельев сын з детьми...к Покрову Богородицы в церковь под Ладогу» [11, л. 13–19].

Рукопись XVII в. Волк.76 содержит следующие записи: «Сия книга Санкт петербургскаго мещанина Александра Ульянова...ево Михаила Алташоновъ писал 1808 года декабря...» [12, л. 1], «162 мая в 21 день продал сию книгу Архангельсково города посацкой человек Еремеи Нестеров Заостровской волости церковному прикащику Афонасию Васильеву» [12, л. 3–13]. Таким образом, прослеживается история перемещения данной рукописи, которая до 1654 г. находилась в Архангельске, затем была продана в Заостровскую волость. В нач. XIX в. рукопись оказалась в Санкт-Петербурге.

Рукопись Волк.81 имеет ряд владельческих записей, в том числе автобиографических: «Сия книга...протоиерея Алексия Дворницкаго» [13, л. 0.1]. Исходя из информации из владельческих записей, А. Дворницкий служил в Великом Новгороде.

В рукописи Волк.84 читаем: «Его превосходительства господину Астраханскому губернатору Трофиму Карповичу со изъявлением нашего прошения...» [14, л. 112–113 об.]. Вероятно, данная рукопись находилась в Астрахани.

В рукописи Волк.101 сохранился ряд помет, среди которых можно выделить следующие: «Тамбовской губернии Темниковской села Стораги того села помещика Петра Никифорова» [15, л. 2], «мы...города Темникова

мещанине...руку приложили» [15, л. 3], «Тамбовской губернии Темниковской окрестки села Кириши на сей городской губернии Ардатовской округи села Кременок...руку приложил» [15, л. 55]. Таким образом, рукопись была в Тамбовской губернии, в г. Темникове, в ряде сёл данного региона, затем оказалась в Петербурге.

Особенно примечательна рукопись Волк.2, в которой записано следующее: «А с печатного сие рукописные жития vibrano и вписано у Старой Водолаги Павлом Криничким писаром тогда бившаго у Водолаги 1755 году ноября 17 дня окончая» [16, л. 2]. Скорее всего, рукопись списана в с. Старая Водолага, расположенное в Харьковской области.

Рукопись Волк.117 находилась в Борисоглебском на Устье Ростовском монастыре. Это можно узнать из содержания одной из владельческих записей: «Сия книга Ростовского Борисоглебскаго монастыря что на устье слуги Александра Иванова сына Сулова» [17, л. 1].

В рукописи Волк.119 имеются следующие записи: «сия книга... д. Вотолына Гаврило Кузминъ Бобровщиков», «куплена в Выборхе» [18, л. 1].

В заключении, подведем итоги нашего исследования. Во-первых, в Отделе рукописей РНБ сохранилась лишь малая часть рукописного собрания Волковской общины, но даже в ней содержатся редкие и уникальные памятники: старинные Евангелия, Степенная книга XVII в. и другие. Во-вторых, анализ писцовых и владельческих записей показал, что при Волковской моленной отсутствовал скрипторий. Библиотека общины преимущественно пополнялась книгами за счёт покупки и вкладов. В-третьих, рукописи данного собрания имели широкий диапазон географического бытования до поступления в библиотеку Волковской моленной.

Список источников и литературы

1. Белобородов С. А. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия белопоповцев/часовенных XVIII – начала XX в.: монография / С. А. Белобородов, Ю. В. Боровик. Екатеринбург, 2017. 382 с.
2. Боровик Ю. В. Старобрядцы-часовенные Екатеринбурга: численность, сословная принадлежность и проявление конфессиональной обособленности / Ю. В. Боровик // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2018. Т. 20, № 1 (172). С. 160–180.
3. Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. 494 с.
4. Нильский В. В. Раскол в Петербурге. Псков: Славянский тип., 1877. 68 с.
5. ОР РНБ. Ф. 154. №31.
6. ОР РНБ. Ф. 154. №105.
7. ОР РНБ. Ф. 154. №72.

8. ОР РНБ. Ф. 154. №42.
9. ОР РНБ. Ф. 154. №46.
10. ОР РНБ. Ф. 154. №69.
11. ОР РНБ. Ф. 154. №75.
12. ОР РНБ. Ф. 154. №76.
13. ОР РНБ. Ф. 154. №81.
14. ОР РНБ. Ф. 154. №84.
15. ОР РНБ. Ф. 154. №101.
16. ОР РНБ. Ф. 154. №2.
17. ОР РНБ. Ф. 154. №117.
18. ОР РНБ. Ф. 154. №119.
19. *Пчелинцев И.* Книжные собрания И. А. Шляпкина и П. М. Мальцева в контексте русского библиофильства к. XIX–нач. XX вв. // *Новый Век: Человек, Общество, История Глазами Молодых: Межвуз. Сб. Науч. Тр. Молодых Ученых, Аспирантов и Студентов, (17).* С. 94–103.
20. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 5.
21. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 102. Д. 322.
22. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 6.
23. *Цыпкин Д. О.* «Азбука фряская» 1604 года как источник по истории искусства письма Древней Руси // *Актуальные проблемы истории и теории искусства: сборник научных статей. Вып. 6 / Под ред. А. В. Захаровой.* СПб. НП-Принт, 2016. С. 800–814, 912 с.
24. *Шкаровский М. В.* Петербургские старообрядцы, не имеющие священства, в 1720-х–1941 гг. // *Христианское чтение.* 2021. № 2. С. 228–251.

Для цитирования: *Ким М. Ш.* К истории собрания Волковского старообрядческого молитвенного дома (по материалам Отдела рукописей РНБ) // *Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных.* СПб., 2023. С. 267 – 273.

Анализ религиозного мировоззрения крестьян Зарайского уезда в первой половине XIX века

Аннотация. В статье рассмотрена проблема мировоззрения крестьянского населения, которая является малоизученной. В ходе исследования делается попытка выявить особенности веры простого народа на протяжении первой половины XIX столетия. При изучении данного вопроса были сделаны выводы о наличии своеобразного религиозного мировоззрения у сельского населения, выявлены причины перехода части крестьянского населения в секты.

Ключевые слова: крестьяне, мировоззрение, церковь, религия, Зарайский уезд.

Title: Analysis of the religious worldview of the peasants of Zaraisk district in the first half of the XIX century

Annotation. The article considers the problem of the worldview of the peasant population, which is poorly studied. In the course of the study, an attempt is made to identify the features of the faith of the common people during the first half of the XIX century. When studying this issue, conclusions were drawn about the presence of a peculiar religious worldview among the rural population, the reasons for the transition of part of the peasant population to sects were revealed.

Keywords: peasants, worldview, church, religion, Zaraisk district.

На сегодняшний день тема религиозного мировоззрения крестьянского населения Зарайского уезда, является полностью нераскрытой. Главная цель, которая была поставлена перед исследованием, касается анализа религиозного мировоззрения крестьянства Зарайского уезда в первой половине XIX в. Хронологические рамки, выбранные для аналитического рассмотрения, ярко демонстрируют архаичные мировоззренческие черты простого народа. Задачами исследования является, во-первых, выявление особенностей веры сельского населения, во-вторых, определение уровня духовного и нравственного развития крестьянства в первой половине XIX в. Важным и основополагающим источником при работе с данной темой являются «Рязанские епархиальные ведомости» [7]. Они позволяют понять уровень духовного развития прихожан той или иной

Большаков, Михаил Владимирович — Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; mishapram.1997@gmail.com

Научный руководитель: *Блохин, Владимир Владимирович* — д-р. ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Bolshakov, Mikhail Vladimirovich — Russian University Of Peoples Friedship, Moscow, Russia; mishapram.1997@gmail.com

Scientific adviser: *Blokhin Vladimir Vladimirovich* — Dr. Sc. in History, Russian University Of Peoples Friedship, Moscow, Professor, Russia

волости. Ещё одним источником являются «Материалы для географии и статистики, собранные офицерами генерального штаба. Рязанская губерния» [1] Баранович М. С. Это всеохватывающий труд, который затрагивает многие стороны жизни различных слоёв населения Рязанской губернии. На сегодняшний день существует ряд работ, тема которых была посвящена религиозному мировоззрению крестьян Рязанской губернии во 2 половине XIX века: Свиридов И. С. «Духовное состояние крестьян Ранинбургского уезда Рязанской губернии во 2 половине XIX в.» [8]; Тульцева Л. А. «Религиозные верования и обряды русских крестьян на рубеже XIX и XX веков (по материалам среднерусской полосы)» [9] и др. Для детального рассмотрения религиозного мировоззрения крестьян Зарайского уезда необходимо было проанализировать материалы Государственного архива Рязанской области (ГАРО), в котором был использован Ф.5 Оп.1 Д. 255,503,578,673 [4, 5, 6, 7].

Главной социальной ячейкой, неотъемлемой составляющей которой являлось всё крестьянское население, была община. Её роль в повседневной жизни была велика, она крайне внимательно относилась к молодёжи, строго следившей за соблюдением необходимых изменений, сопровождавших переход в совершеннолетие [2, с. 76]. Именно в ней закладывался фундамент мировоззрения, представления об окружающем мире — природе обществе, о своём предназначении, социальной справедливости [8, с. 44] и т. д. Все важнейшие вопросы решались на сходках мира, многие спорные, уголовные дела первым делом проходили через старост.

Общинный характер сознания крестьянства, соответствовавший патриархальному укладу крестьянского быта, требовал единого подчинения регламентированным нормам быта и труда. В общественном культе социальная практика была активно вплетена в ритуал, в то время как индивидуальный культ находился лишь под строгим контролем принятых в обществе норм поведения. Например, считалось, что посты следует соблюдать потому, что таков «закон», потому что «пост установлен», а не потому, что назначение поста — вызвать в верующих соответствующее религиозное настроение. Стоит отметить особенности синкретического освоения постов народными массами, когда четыре больших поста, по сути, ассоциировались у народа с цикличной сменой времён года, что характерно для средневекового восприятия. Основными рубежами в годовом цикле были время, предшествующее возрождению природы (великий пост), и время сбора урожая (успенский пост) [9, с. 36].

Под влиянием общинности сформировалось представление крестьян о вере. В сельской среде было распространено так называемое «бытовое православие». Это христианская вера, которая параллельно существо-

вала с языческими традициями: наделением сил природы божественном началом, суевериями и т. д. И эти два диаметрально противоположных верования гармонично уживались в сознании среднестатистического сельского человека.

Во всех случаях жизни крестьяне обращались к покровительству различных святых. Свойства же, которыми наделял их крестьянин, часто не имели ничего общего с их агиографией. Ведь крестьянину нужны были в доме не безмолвные образа, а помощники в повседневной жизни и труде. Самое типичное и распространенное представление о святых — как посредниках между богом и людьми [9, с. 34].

В корне отличалось от догматического православия и понимание крестьянами сущности религии. Вот следующее обобщенное наблюдение священнослужителей: «Простой [...] народ главное содержание религии часто видит лишь в обрядовых установлениях. Силу этих установлений простонародье полагает не столько в их внутреннем смысле, сколько в понятии о них как о законе, который люди обязаны исполнять, чтобы спастись...». Это пастырское заключение констатирует прямую зависимость религиозного сознания крестьянства от условий его бытия. Жизнь же крестьянина определялась «властью земли» и традициями патриархальной общины [9, с. 35]. Существует множество свидетельств, которые описывают крестные ходы вокруг полей, что также является доказательством тесной связи православия и сельскохозяйственной жизни крестьян. Например, в день праздника с иконами и пением молитв шли вокруг селения, полей, лугов, на источник или к деревенской часовне, в других местах, как в с. Плуталово Зарайского уезда, «по рыгам, наполняемым хлебом». Крестные ходы как целенаправленное аграрно-магическое действие идентичны обрядам опаживания.

Как выше было отмечено, на ряду с обожествлением природных явлений, тесной связи православия и земельных работ, в крестьянском быту существовали и различные суеверия. Священник из с. Рожново Зарайского уезда отмечает большое количество таких предрассудков, сохранившихся в сознании крестьян. Например, примета, что на чьей избе сядет ворон, там быть покойнику; вера в дворного или домового, то холящего, то мучающего скотину на дворе; вера в огненного змея, будто бы с заходом солнца прилетающего на постель к избранной женщине в образе её умершего мужа и пропадающего с восходом солнца, вера в леших, любящих потешаться над пьяными; представление о священномученике Власие, как покровителе скота и пророка Ильи, как громовержце, развезжающем по небу на огненной колеснице.

В этой связи наряду с сосуществованием языческих обрядов и православной традиции, можно сделать заключение, что религиозное мировоззрение у крестьян было довольно «рыхлым» и проповеди, службы, а также церковные таинства воспринимались крестьянами не по канонам греко-христианской церкви, а по своему представлению об этих обрядах. Следовательно, сельское население было подвержено влиянию около религиозных организаций – сект.

В ходе анализа географического ареала распространения сектантских течений в начале XIX в. в Рязанской губернии было выявлено несколько уездов: Скопинский, Раннебургский, Михайловский, Егорьевский, Зарайский уезды. В данном исследовании мы обратим внимание только на последнюю из перечисленных территорий.

Имеются свидетельства наличия сектантства в самом уездном городе Зарайске. По донесению протоиерея Троицкой церкви Ивана Данилова и священника Ивана Алекснадрова, что в д. Беспятово крестьянин Пантелемонов с женою Наталию и ещё с 5 людьми вхожи в сектантское течение, но скрывают это, говоря, что они принадлежат греко-российской церкви, и посещают храм только для видимости, а не по внутреннему убеждению. Вывод о том, что они примкнули к неправославному вероисповеданию, был сделан на основе наблюдений. В воскресные дни и религиозные праздники они сходятся в дом Зарайского мещанина Федота Котельникова, который выбыл из прихода с. Глебова (Зарайской округи). К нему очень многие приезжают, в особенности из Михайловского уезда. Данная организация образовалась около 1818 года [6, л. 8].

Ещё один пример сектантского движения был зафиксирован в с. Трасна Зарайского уезда в начале XIX в. где крестьянин Фёдор Борисов во время благословления ни разу не подошёл к священнику, пояснив это тем, что он благословлён самим Богом. Борисов не крестился, не поклонялся, а просто стоял. Об этом случае было передано сотскому деревни [4]. Предположительно, данный крестьянин относился к тому же самому духоборческому течению.

Кроме вышеназванной секты, своё распространение получило и религиозное объединение «Моисеева закона». Данное сектантское течение развилось в д. Мамонтово Зарайского уезда и состояло в ней 219 человек. На дворе настоятеля имеется особое строение в виде молельной [5].

На территории всего Зарайского уезда по документам существовали различные сектантские направления: старообрядчество, старообрядцы, отвергающие священства, но поклоняющиеся иконам, старообрядцы, приемлющих священство, духоборцы, молокане, приемлющие священство, субботники или жидаы, хлыстовщина, духоборцы, иконоборцы, скопцы,

молокане. Итого по уезду 136 мужчин, 145 женщин – разного сословия и 311 мужчин, 248 женщин – помещичьих крестьян, состоящих в секте [6]. Несмотря на наличие большого количества около религиозных движений, подавляющее большинство населения на рассматриваемой территории были православными (694 281 м. и 700 038 ж.) [3, с. 16].

Таким образом, уровень религиозного верования крестьян Зарайского уезда в первой половине XIX столетия имело своеобразное содержание. На ряду с существованием греко-христианской церкви в сознании крестьян были устоявшиеся верования, имевшие языческие корни. Два диаметрально противоположных мировоззрения органично уживались в крестьянской среде. Это объяснялось сильной верой в различную нечистую силу низшей категории одновременно с христианским Богом и множеством святых, которые должны были помогать простому народу в их хозяйственной жизни. Из-за «рыхлости» веры многие крестьяне попадали под влияние сектантских течений, разные ответвления которых действовали на территории Зарайского уезда. Однако большая часть крестьянского населения оставалось на стороне православной церкви.

Список источников и литературы

1. *Баранович М. С.* Материалы для географии и статистики, собранные офицерами генерального штаба. Рязанская губерния/ СПб., 1860. 570 с.
 2. *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. 279 с.
 3. *Воронина Т. А.* Практика поста в Рязанской области XIX-XXI вв. (историко-этнографический очерк) Рязань, 2016. 101 с.
 4. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф.5. Оп. 1. Д. 578. Дело о принадлежности крестьян д. Кузнецовой, Михайловского уезда, И. Дмитриева и А. Яковлева, с. Трасны, Зарайского уезда, Ф. Борисова к раскольнической секте.
 5. ГАРО. Ф.5. Оп.1. Д.503. Дело о секте Моисеева закона, существовавшей в д. Мамонтово Зарайского уезда.
 6. ГАРО. Ф.5. Оп.1. Д. 255. Материалы о раскольниках и старообрядцах (протоколы, список, переписка)
 7. Рязанские епархиальные ведомости, издаваемые при Братстве св. Василия Рязанского. Рязань, 1876-1889.
 8. *Свиридов И. С.* Духовное состояние крестьян Раненбургского уезда Рязанской губернии во второй половине XIX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. № 8. Казань, 2018. С. 43–46.
 9. *Тулъцева Л. А.* Религиозные верования и обряды русских крестьян на рубеже XIX и XX веков (по материалам среднерусской полосы) // Советская этнография. № 3. М., 1978. С. 31–46.
- Для цитирования:** *Большаков М. В.* Анализ религиозного мировоззрения крестьян Зарайского уезда в первой половине XIX века // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 274 – 278.

История адресной системы Петербурга, или «петербургская чётность»

Аннотация. В статье рассматриваются этапы развития адресной системы Санкт-Петербурга, которая сформировалась в ходе государственных реформ XVIII и XIX вв. и только потом была введена в других городах России. История развития адресной системы Петербурга мало изучена. А такой важный момент, как изменение «чётности» при нумерации домов Петербурга в 1858 г., до сих пор остаётся «белым пятном» в петербурговедении.

Ключевые слова: адресная система; петербургская чётность; полицейский номер дома; городской номер дома; табельный номер дома.

Title: The history of St. Petersburg address system, or "St. Petersburg parity"

Abstract. The article studies the stages of St. Petersburg address system's development. The address system was formed during the state reforms of the XVIII and XIX centuries. Only after its formation it was introduced in other cities of Russia. That process of developing is little studied. And such an important part of it as the change of the "parity" in numbering the houses of St. Petersburg in 1858 still remains a "blank spot" in the city's history.

Key words: address system; St. Petersburg parity; police house number; city house number; house service number.

С начала XVIII в. дома в Петербурге именовались по фамилиям владельцев или по соседним объектам с указанием части города. Например, в 1720 г. лейб-медик Лаврентий Блюментрост так указывал свой адрес: «Загородный двор, который на Адмиралтейском острове, (в 1718 г. Петербург был разделён на пять частей: Санкт-Петербургский остров, Адмиралтейский остров, Московская часть, Выборгская сторона, Васильевский остров [6, с. 1].) на берегу Маленькой речки (Мойка) позади его, Блюментростова, двора, что у Зимнего Государева дому» (Современный адрес: Миллионная ул., д. 4.) [1, с. 328–329].

21 апреля 1785 г. Екатерина II издаёт «Грамоту на права и выгоды городам Российской империи», согласно которой «каждый дом, или иное строение в городе да означится номером», который заносят в Городовую обывательскую книгу [5, с. 363]. В Петербурге считали все дома подряд,

Копылова, Мария Андреевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st101803@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Аксельрод, Владимир Ильич* — к.т. пед. наук, декан, Юношейский дворец Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия

Kopylova, Mariia Andreevna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st101803@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Akselrod, Vladimir Il'ich* — PhD in Pedagogy, Deccan, St. Petersburg Youth University, St. Petersburg, Russia

цифра оказалась четырёхзначной. На практике такая (сквозная) нумерация оказалась неудобной, ведь введена она была только для централизованного учёта домовладений, но это обеспечило появление «городового» номера и первых городских справочников [13].

Петербург первой адресной книгой обязан писателю Генриху Кристофу фон Реймерсу (1768 – 1812), известному в качестве автора книги «Санкт-Петербург в конце своего первого столетия». При сборе материала для книги о юбилее столицы у Реймерса возникла идея создания «Адресной книги Петербурга» [6, с. 1].

19 января 1802 г. Александр I издает Указ об учреждении в Петербурге Комитета для уравнивания городских повинностей (Комитеты также были учреждены в Москве и в губернских городах.). Задачи Комитета: составить Табеля оценочного сбора о домовладельцах и домах по частям столицы для объективного расчёта налога на имущество, напечатать Табеля и снабдить ими всех заинтересованных лиц. Реймерс тоже получил эти Табеля с описанием домов, пронумерованных по частям столицы, которые и легли в основу первой адресной книги Петербурга, а номера домов получили термин «табельные» [12, л. 13]. Табельная нумерация, как и городовая, на практике оказалась неудобной, ведь переучёт домовладений проходил раз в 3–4 года и табельные номера изменялись [14, л. 4, 9]. К тому же табельные номера не имели «дворцы: Зимний, собственный Его Императорского Величества и Членов Императорской фамилии», административные здания, церкви и часовни, т. к. на эти здания не начислялся налог [11, л. 26].

В 1830-е гг. назрела необходимость реформирования столичной полиции. Указом 14 апреля 1830 г. Сенат поручил министру Внутренних Дел «ускорить приведение Управы Благочиния (полицейской) в должное состояние для безостановочного действия по относящимся до ведомства его делам, приняв, по усмотрению, ближайшие меры к поспешному течению в оной всех дел и пресечению медленности и беспорядков» [2, с. 100].

Одним из этапов полицейской реформы было открытие 17 января 1833 г. в Петербурге первой в России городской почты. До этого письма в городе разносили курьеры.

Следующий этап, который был необходим для бесперебойной и оперативной работы полиции, да и городской почты тоже, стало введение «полицейской» нумерации домов. В то время самой распространённой была европейская система нумерации с нечётными номерами на одной стороне улицы и чётными на другой, эту систему ещё называют «французской», т. к. в Европе впервые она была введена в Париже в 1805 г.

Новые результаты исследований доказывают, что «французская» система нумерации происходит из США. В 1790 г. маршал США Клемент Биддл (1740 – 1814) ввёл чётно-нечётную систему во время переписи населения. Ведь до 1789 г. Бидл был квартирмейстером Пенсильванской полиции и уже тогда столкнулся с проблемой поиска нужного адреса [8].

В 1834 г. генерал-губернатор Петербурга, граф П. К. Эссен, предложил ввести европейскую систему нумерации в столице. После рассмотрения этого предложения последовало Высочайшее Его Императорского Величества Повеление учредить нумерацию домов по следующим правилам: нумерация создаётся в рамках одной улицы с расположением на правой стороне чётных номеров, на левой — нечётных; начало улицы считается от берега Невы или от здания Адмиралтейства, а если улица находится не в центре города, то от большой магистрали [4, с. II]. С введением европейской системы нумерации в Петербурге появились понятие полицейского номера, логика в формировании городского адреса, чётная и нечётная стороны улиц, место начала отсчёта улицы [14, л. 6–7]. А в Табеля оценочного сбора добавили таблицу соответствия между полицейскими и табельными номерами домов.

К 1858 г. Александр II утверждает ряд указов «О переименовании улиц Санкт-Петербурга» для систематизации названий и ликвидации одноимённых и безымянных улиц. Поэтому в 1863 г. была выпущена новая Адресная книга Петербурга, в которой была отражена и новая нумерация: чётные номера переместили на левую сторону улицы, а нечётные — на правую. Такая система распределения номеров домов по сторонам улицы является особенностью Петербурга. В XX в. в Петербурге (Ленинграде) появились магистрали с лево-нечётной нумерацией — это улицы Типанова, Севастьянова, Сызранская и Свеаборгская, Новоколомяжский проспект, Яковлевский переулок.

Вопросом смены чётности домов в Петербурге занимался в начале XX в. известный краевед П. Н. Столпянский, который в 1925 г. писал: «почему нужно было сделать этот перенос, мы не знаем» [7, с. 154–155]. В современных топонимических справочниках также написано: «причина изменения чётности до сих не выяснена» [3, с. 285; 9, с. 629].

С инициативой смены чётности домов в столице к петербургскому обер-полицеймейстеру графу Шувалову в 1857 г. обратился вице-директор Хозяйственного департамента МВД, А. А. Бобринский, и она была принята в 1858 г. [9, с. 629].

Почему через 24 года после реформы 1834 г. правительство пошло на такое затратное действие, как изменение нумерации домов в столице?

Изначально при Петре I Петропавловская крепость и Адмиралтейская верфь предопределили топографию городского центра, который расположился у раздвоения Невы [1, с. 214]. В результате работы градостроительной Комиссии при Анне Иоанновне планировка Петербурга стала лучевой, лучи начинались от Адмиралтейства. По реформе 1834 г. начало улиц было уже узаконено: это Главное Адмиралтейство и берег Невы [4, с. 4]. Также здание Адмиралтейства было взято за точку отсчёта вёрст согласно Указу Николая I от 1 марта 1839 г.: «Начальным пунктом исчисления вёрст по всем трактам принять в Петербурге Адмиралтейство, а в Москве — Кремль. Во всех прочих местах Империи — Почтовые конторы».

Предположив, что в ходе реформы 1834 г. была допущена неточность, которая проявилась в 1858 г., я предлагаю свою версию рождения «петербургской чётности».

Проанализировав адресные книги за 1836 и 1863 гг., я обнаружила, что с 1858 г. принципиально изменился адрес Адмиралтейства и Зимнего Дворца. Их адреса в 1836 г.: «1-ая Адмиралтейская часть, Главное Адмиралтейство, правая сторона Адмиралтейской площади» и «1-ая Адмиралтейская часть, Зимний Дворец, правая сторона Адмиралтейской площади» [4, с. 133]. В 1834 г. административным зданиям не присвоили полицейские номера по аналогии с табельной нумерацией [11, л. 27об.]. А в 1857 г. проблему присутствия в столице домов, у которых не было номеров, решал Бобринский, понявший, что, раз Адмиралтейство находится на правой стороне площади, то в результате существующего правила нумерации номер дома у него будет чётный. И получается, что здание Адмиралтейства, от которого по полицейской реформе 1834 г. «должно считать начало улиц в столице», и от которого, по Указу Николая I 1839 г., должно отсчитывать «нулевую версту», будет иметь не первый номер.

В результате поисков в ЦГИА СПб я нашла информацию, которая стала ключом для подтверждения моей версии о причине изменения нумерации домов в столице в 1858 г. Это отчёт на поручение 1875 г. от Петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова Управляющему Адресной Экспедиции полковнику О. М. Флорову составить указатель правильной нумерации в столице. В отчёте О. М. Флоров писал, что составил «указатель владений в черте Столицы, присвоив каждому владению последовательный номер по порядку, не отступая при этом от принятого Правила: считать нумерацию домов от Зимнего Дворца, для правой стороны — нечётной, для левой — чётной» [10, л. 13]. Очевидно, Бобринским в 1858 г. и было предложено это Правило. Зимний Дворец взяли за точку отсчёта как императорскую резиденцию, а чтобы Главному Адмиралтейству как

историческому центру города присвоить номер 1, поменяли нумерацию домов, так в 1858 г. родилась «петербургская чётность». Результат видим в Адресной книге за 1863 г.: адрес Адмиралтейства — «1-ая Адмиралтейская часть, 2 квартал, Адмиралтейская площадь, д. 1, правая сторона Адмиралтейской площади», адрес Зимнего Дворца — «1-ая Адмиралтейская часть, 1 квартал, Дворцовая набережная». До начала XX в. у Зимнего Дворца был только городской номер — № 1 [13, л. 4], т. к. ни табельный, ни полицейский номера императорской резиденции не присваивались [11, л. 26]. Современный адрес Зимнего дворца — Дворцовая пл., д. 2, или Дворцовая наб., д. 38., номера появились после 1945 г

С конца XVIII в. и до середины XIX в. адресная система Петербурга прошла три этапа: сквозная нумерация домов по городу и появление «городового» номера с 1785 г.; сквозная нумерация домов по частям города и введение «табельного» номера с 1804 г.; нумерация домов в возрастающем порядке по каждой улице, появление чётности и «полицейского» номера дома с 1834 г.

Термин «полицейский» номер дома был введён Военным генерал-губернатором Петербурга П. И. Игнатьевым, который в 1857 г. писал: «Этот номер получит название Полицейского и будет служить средством к скорейшему отысканию домов», а табельные номера тоже останутся для оформления документов о собственности на недвижимость [16, л. 176].

В городах Российской империи введение полицейской нумерации домов началось в связи с подготовкой предстоящей переписи населения. Согласно циркуляру МВД от 4 мая 1877 г. за № 297, «для будущего народоисчисления установить правильную нумерацию домов во всех городах Российской Империи... сделать нумерацию домов следующим порядком ... нумерацию на каждой улице начинать с № 1, распределяя номера таким образом, чтобы на одной стороне улицы находились чётные числа, а на другой — нечётные» [15, л. 1]. Как видно из данного распоряжения, распределение чётности по сторонам улиц не оговаривалось — видимо, местная администрация сама принимала решение, опираясь на особенности топографии городов. Практически везде ввели лево-нечётную нумерацию, как в Европе. Но были исключения, например, в Томске, Симферополе, Гомеле ввели право-нечётную нумерацию, как в Петербурге.

Процесс ввода полицейской нумерации продолжался до 1897 г., когда прошла Первая всеобщая перепись населения Российской империи, и эта нумерация существует практически в неизменном виде до сих пор, только полицейские номера сейчас называются почтовыми, а табельные — кадастровыми.

Список источников и литературы

1. *Анисимов Е. В.* Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. 363 с.
2. *Высоцкий И. П.* Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703–1903). СПб., 1903. 326 с.
3. *Дубин А. С.* По петербургским адресам. СПб., 2008. 288 с.
4. Нумерация домов в Санкт-Петербурге. СПб., 1836. 737 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 22. СПб., 1830. 1168 с.
6. *Реймерс Г.* Санкт-Петербургская адресная книга на 1809 г. СПб., 1809. 266 с.
7. *Столянский П. Н.* Старый Петербург. Адмиралтейский остров. Сад Трудящихся. М; Пг., 1923. 192 с.
8. *Тангер А.* Обращение к домам: Введение нумерации домов в Европе // История и измерение. 2009. № XXIV-2. С. 7-30.
9. Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в 3 т. Т. 2: Деятнадцатый век. Кн. 4. М-О. СПб., 2005. 838 с.
10. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 2. Д. 139А. По заявлению члена управы Жуковского о том, не следует ли войти в сношения с градоначальником для распоряжения о проверке номеров на домах. 1876–1877 гг. 98 л.
11. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 72. Д. 475. О проверке и исправлении нумерации домов в Санкт-Петербурге. 1887 г. 87 л.
12. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 90. Д. 452. По предложению члена Управы Троицкого о проверке и исправлении полицейских номеров домов в Санкт-Петербурге. 99 л.
13. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 168. Д. 319. Атлас г. Петербурга. 1798 г. 165 л.
14. ЦГИА СПб. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1016. По предложению гражданского губернатора о доставлении сведений о порядке нумерации домов в Санкт-Петербурге. 1851-1852 гг. 64 л.
15. ЦГИА СПб. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 52. Список домовладельцев и зданий для проведения нумерации зданий к предстоящей переписи населения. 78 л.
16. ЦГИА СПб. Ф. 2111. Оп. 1. Д. 16. Всеподданнейшие записки 1833–1858 гг. на имя Санкт-Петербургского военного Генерал-Губернатора. 195 л.

Для цитирования: *Копылова М. А.* История адресной системы Петербурга, или «петербургская чётность» // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 279 – 284.

Советская повседневность конца 1910-х – начала 1920-х гг. в документах Бюро жалоб и заявлений РКИ (на основе Петроградских материалов)

Аннотация. Бюро жалоб и заявлений начали создаваться с апреля 1919 г. при народном комиссариате государственного контроля, спустя год преобразованного в наркомат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). В статье представлен анализ документации бюро жалоб как источника об истории советской повседневности. Автором делается вывод о возможности использования данной разновидности источников для изучения в том числе пространственных структур повседневности.

Ключевые слова: История повседневности, бюро жалоб, РКИ.

Title: Soviet everyday life history in the late 1910s – early 1920s in the documents bureau for complaints and petitions RKI (based on Petrograd materials)

Abstract. The Bureau of complaints and petitions created in April 1919 under the People's commissariat of state control, a year later transformed into the People's commissariat of the workers' and peasants' Inspection (RKI). The article presents an analysis of the documentation of the complaints bureau as a source of the history of Soviet everyday life. The author concludes that it is possible to use this variety of sources to study the spatial structures of everyday life.

Key words: History of everyday life, bureau for complaints, RKI.

Бюро жалоб не становилось самостоятельным предметом исследования в советской историографии, в отличие от современной. Однако российские исследователи, как правило, до сих пор обращали внимание в основном на нормативно-правовой аспект деятельности [1; 7; 16]. В то же время комплекс документов бюро жалоб, как и остальные материалы органов государственного контроля, имеет большой потенциал. Подчеркивается возможность использовать документы партийно-государственных органов в рамках таких направлений исторических исследований, как микроистория, история повседневности, история эмоций [4, с. 643].

В контексте советской истории для изучения механизмов взаимодействия общества и власти приобрели популярность в том числе такие источники, как «письма во власть», жалобы и доносы [3, с. 21]. В данной

Касьянов, Владислав Владимирович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076021@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Ратьковский, Илья Сергеевич* — к.т. ист наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Kasyanov, Vladislav Vladimirovich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st076021@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Ratkovsky, Ilya Sergeevich* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

статье мы постараемся показать, какого рода информация о структурах повседневности может содержаться в документах бюро жалоб, и что из них мы можем узнать о, соответственно, советской повседневности. В статье в основном использованы материалы бюро жалоб Петроградского отделения РКИ (Петрорабкрин).

Кратко упомянем об истории создания бюро жалоб. После создания Центрального бюро в апреле 1919 г. сеть бюро жалоб постепенно расширялась: создавались бюро при губернских отделениях наркомата, в уездах и волостях, при избах-читальнях и агитпоездах [2, с. 50]. Столь разветвлённая структура была характерной чертой становления советского аппарата в данный хронологический промежуток. Сложившаяся экономическая ситуация после окончания гражданской войны и необходимость экономии расходов вызвали значительное сокращение штатов сотрудников и структурных подразделений, особенно на уровне волостей и уездов.

Согласно нормативно-правовым документам, предметом для подачи жалобы могли быть бюрократизм и волокита, злоупотребления должностных лиц, грубое обращение с гражданами, незаконные аресты и реквизиции и т. д. Однако следует признать, что компетенции бюро были чрезвычайно размыты, что в том числе вызвало необходимость принятия в 1922 г. циркуляра «О разграничении компетенции органов прокуратуры и бюро жалоб РКИ» в связи с созданием первых [16, с. 34]. Исследователи отмечают ряд особенностей, присущих жалобам первых десятилетий советской власти. К ним относятся уверенность в заинтересованности властей в деле устранения недостатков и пресечения правонарушений и высокая инициативность граждан [5, с. 37].

Для периода гражданской войны характерно было преобладание жалоб на незаконные реквизиции и аресты. В документах бюро жалоб встречаются данные сюжеты, в частности, бюро жалоб Петрорабкрин переписывалось с наркоматом юстиции по вопросу реквизиции предметов домашнего обихода. Подобное допускалось в случаях установления факта спекуляции или наличия острой общественной нужды, в иных случаях реквизиции не допускались, чтобы трудящиеся «не лишались возможности поддерживать трудоспособность и психическую энергию трудовой жизни» [12, л. 1]. Если производились реквизиции жилья в пользу рабочих, то организации и учреждения обязывались выплачивать выселенным стоимость переезда. Так как зачастую это требование либо игнорировалось, либо выплачивалась часть суммы, за справедливостью граждане обращались в бюро жалоб. Можно было добиться и возвращения реквизированного сверх норм имущества, например, в зависимости

от количества членов семьи устанавливались объёмы владения благородными металлами и драгоценностями.

Трудно переоценить значение продовольственного вопроса в данный хронологический промежуток. По одному из августовских заседаний 1919 г. было решено привлечь к ответственности должностных лиц Новосаратовского волостного совета, а также предшествующего ему комбеда. Обвиняемые изымали у населения продукты по сильно заниженным ценам (на картофель — в три раза), ими же устанавливались произвольные сборы и штрафы [11, л. 5]. Спекуляции продуктами и незаконное использование карточек тоже становились предметами разбирательств.

Одной из стратегий выживания в условиях перебоев с поставками продовольствия являлось наличие земельных участков. В одном из рапортов августа 1921 г. упоминается конфликт между работниками железных дорог и органов здравоохранения. Первые уже два года обрабатывали один и тот же участок, не предупредив местный сельхозсовет о повторной обработке. Землю передали сотрудникам здравоохранения, которые засеяли картофелем уже обработанный железнодорожниками участок, из-за чего и произошёл конфликт [15, л. 35].

В основном мы рассматриваем документы бюро жалоб, связанные с деятельностью на территории Петрограда, но стоит отметить существование в данный период разъездного бюро жалоб при военной секции Петроградского совета [10, л. 107]. Разъездное бюро осуществляло свою работу на территории 34 уездов Петроградского военного округа и занималось делами, непосредственно касающимися красноармейцев и их семей. Характер рассматриваемых дел определялся социальным составом военнослужащих, поскольку большинство были крестьянами. Предметами разбирательства становились реквизиции, неправильные разделы земли, просьбы о сельскохозяйственной помощи, халатное отношение исполкомов, выплата пособий, получение прав на строительство и т. п. Наличие одного или нескольких членов семьи, служащих в Красной армии, значительно повышало шансы их семей на успешное рассмотрение дела. Семьям красноармейцев в первую очередь предоставляли лошадей.

Проявлялись различные черты военного коммунизма, например, трудовая повинность. Одно из решений Реввоенсовета предусматривало освобождение семей красноармейцев от данной повинности, но на местах это требование слабо соблюдалось. Часто встречаются жалобы на реквизицию скота, а отданную уже кому-то скотину могли заменить путём реквизиций у более зажиточных крестьян. Денежные пособия в сельской местности трудно было получить по причине отсутствия непосредственно денежных знаков в населённых пунктах [13, л. 23].

Представляют интерес материалы, характеризующие взаимоотношения большевистских властей с представителями «мелкой буржуазии». Однажды бюро жалоб рассматривало заявление сразу от 21-го держателя парикмахерских, жаловавшихся на незаконно проведённую национализацию, ссылаясь на декрет ВЦИК от 26 апреля 1919 г., допускавший кустарные предприятия с числом наёмных рабочих до десяти человек [8, с. 202–203]. Бюро жалоб приняло сторону заявителей, признав неправильными решения сразу нескольких организаций [11, л. 3]. Разбирались и многочисленные споры относительно торговых помещений, если их не удавалось разрешить в рамках конфликтных комиссий. Так как нормативно-правовая база была рыхлой, имелось множество пробелов, бюро жалоб зачастую руководствовалось собственными представлениями. Соломоновой мудростью отдаёт решение бюро жалоб первого городского района от 9 ноября 1921 г. Спор вился относительно владения помещениями между гражданином Ларичевым, желавшим организовать пекарню, и гражданами Бене и Жуковским, хотевшими, в свою очередь, разместить в этом же месте кондитерскую. Бюро жалоб решило: кто первым организует производство в течение ближайших двух недель, тот и забирает все спорные помещения. Данная история закончилась благополучно, так как вышеперечисленные лица создали товарищество [11, л. 32].

Имеет смысл и привлечение материалов бюро жалоб для рассмотрения различных пространственных структур. Приведём в пример жилой дом и тюрьму.

В одном из отчётов от 12 июля 1921 г. приводятся данные комиссии по улучшению быта рабочих при исполкоме первого городского района о доме на улице Стремянной, характеризующие как материальное его состояние, так и социальный состав жильцов. В пятиэтажном доме проживало 74 человека: 19 рабочих, 11 железнодорожников, 10 красноармейцев и 3 члена их семей, 9 советских служащих, 7 домохозяйек, 5 человек из медперсонала, 4 артиста государственных академических театров, 4 ребенка и 2 студента.

Данный дом решили отдать служащим одной из государственных типографий, поэтому жильцы подлежали выселению. Как выяснили сотрудники бюро жалоб, уполномоченные вышеупомянутой комиссии и жилищного отдела угрозами и силами милиции вынуждали жильцов подыскивать новое жильё [11, л. 30–31]. При этом жителями уже была потрачена крупная денежная сумма на восстановление канализационной и водопроводной сетей.

В контексте комиссии по улучшению быта рабочих стоит упомянуть, что сотрудники РКИ проверяли все приготовленные для передачи рабо-

чим вещи. В акте об обследовании от 14 сентября 1921 г. отмечалось ужасное состояние вещей (в основном, одежда, постельное бельё и посуда), во многом они были порваны либо побиты, в зависимости от материала [11, л. 48].

Производились обследования мест заключения в Петрограде. Так, в ноябре 1921 г. были обследованы дом предварительного заключения (ДПЗ на ул. Шпалерной, д. 25), находившийся в ведении Петроградской губернской чрезвычайной комиссии, и 2-й лагерь принудительных работ на Арсенальной набережной в неизвестных «Крестах». Лагерь принудительных работ стали организовываться весной 1919 г. в соответствии с декретом ВЦИК от 21 марта 1919 г. и постановлением от 17 мая этого же года [6, с. 34]. В отчёте об обследовании ДПЗ отмечалось, что при расчёте на 850 человек фактически там находилось 1120 человек, включая 300 политических. Из общего числа заключённых больных было 172 человека, имелся больничный паёк, но лазарет вмещал всего 30 человек. Количество заключённых уступало этому же показателю в предшествующие годы, но при этом число больных не уменьшалось [9, с. 13]. В ДПЗ имелись баня, используемая раз в две недели, прачечная, клуб, театр, кинематограф. В рамках самоорганизации самими заключёнными читались лекции, имелись мастерские примитивного характера. На одного заключённого на день выделялось полфунта хлеба, немного крупы, сахара, селёдки и тюленьего жира. Ситуация особо не менялась с начала 1919 г., когда на одного заключённого выделялось 8 рублей, что позволяло приобрести по выбору фунт картофеля, квашеной капусты, репы или же бутылку молока [9, с. 12]. Также в ДПЗ практически не было столовых приборов.

Лучше ситуация с наполненностью была в «Крестах»: при расчёте на 996 человек здесь содержалось 585 заключённых. Имелись оборудованный лазарет и баня, которой пользовались раз в месяц, были и неплохие мастерские. Существовал ряд кружков: хорового пения, политический, драматический, музыкальный. При этом указывались недостатки организации управления лагерем, например, заготовка дров заключёнными велась без охраны. Особое возмущение у инспекторов вызвал тот факт, что комендант лагеря прежде был заключённым в нём же [14, л. 64]!

Тем самым мы можем заметить, что в документах органов государственного контроля оседает немало информации, фиксирующей бытовую, повседневную сторону жизни людей. Бюро жалоб как структурное подразделение РКИ стало одним из мостиков, связывающих власть и общество. Для многих граждан это было средство добиться справедли-

ности и отстаивать свои права. Как видно из вышеприведенного материала, материалы бюро жалоб могут многое рассказать о повседневной стороне жизни граждан советского государства, и в этом направлении предстоит ещё много работы.

Список источников и литературы

1. Булюлина Е. В. "Жалобщики" и "удручённые": о работе с заявлениями граждан в рабоче-крестьянской инспекции в 1919 – 1920-е гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2010. № 2. С. 98–105.
2. Дорохова Г. А. Рабоче-Крестьянская Инспекция в 1920 – 1923 годах. М., 1959. 184 с.
3. Журавлёв С. В. Современные методы и новые источники изучения истории России XX века. М., 2010. 194 с.
4. Иванцов И. Г. Некоторые источники по истории повседневности провинциального города 1920 – 1930-х годов и культурной истории эмоций в документах органов партийно-государственного контроля ВКП(б) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 8. С. 643–646.
5. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920 – 1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011. 382 с.
6. Кузьмин С. И. Аналитический обзор деятельности мест заключения РСФСР в период с 1917 по 1930 год // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 11 С. 31–39.
7. Марченко А. В., Хажеева И. В. Делопроизводство Тюменского губернского бюро жалоб в 1920 – 1922 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 36. С. 48–52.
8. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М., 1943. 886 с.
9. Ходяков М. В. «Приходится тратить немало денег для сохранения конспиративности»: Петроградская губернская ЧК периода гражданской войны в материалах финансовых органов // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 7–23.
10. ЦГА СПб. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 3342А. Инструкции бюро жалоб и заявлений. 171 л.
11. ЦГА СПб. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 3344. Постановления и заключение бюро жалоб по расследованиям. 45 л.
12. ЦГА СПб. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 3348. Приказы и инструкции Наркомата РКИ и Бюро жалоб. 48 л.
13. ЦГА СПб. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 3352. Материалы о результатах обследований, произведённых разъездным бюро жалоб. 51 л.
14. ЦГА СПб. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 3355. Отчёты о работе бюро жалоб за 1921 – 1925 годы. 314 л.
15. ЦГА СПб. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 3549. Протоколы заседаний бюро жалоб отделения и материалы к ним. 127 л.
16. Шабанов В. В. Рассмотрение жалоб граждан как форма контроля над советским государственным аппаратом (1917 – 1927) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 33–37.

Для цитирования: Касьянов В. В. Советская повседневность конца 1910-х – начала 1920-х гг. в документах Бюро жалоб и заявлений РКИ (на основе Петроградских материалов) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 285 – 291.

Отражение изменений начального периода НЭПа в дневниках и воспоминаниях советских граждан

Аннотация. В статье на основе дневников и воспоминаний советских граждан рассматриваются тенденции в восприятии изменений новой экономической политики в 1921–1924 гг., выявляется общее и различное в отношении к переменам и проблемам периода у представителей разных социальных групп. Сопоставление дневников и воспоминаний позволяет определить вопросы, которые остались существенными в понимании авторов спустя время.

Ключевые слова: новая экономическая политика, советское общество, 1921–1924 гг.

Title: Reflection of changes in the initial period of the NEP in the diaries and memoirs of Soviet citizens

Abstract. Based on the diaries and memoirs of Soviet citizens, the article examines trends in the perception of changes in the new economic policy in 1921–1924, identifies common and different attitudes to changes and problems of the period among representatives of different social groups. The comparison of diaries and memoirs allows us to identify issues that remained essential in the understanding of the authors after a while.

Key words: new economic policy, Soviet society, 1921–1924.

Новая экономическая политика в силу своей противоречивости уже долгое время является объектом пристального внимания историков. Существенным аспектом для понимания начального периода НЭПа (1921–1924 гг.) можно назвать изучение отношения советских граждан к переменам этого периода.

Насколько разработана проблема? Еще в 1920–е гг. появлялись работы, в которых описывались настроения сельского населения после введения НЭПа, однако в выводах исследователи опирались преимущественно на собственные наблюдения «на местах» (А. М. Большаков «Деревня» [1]). В 1930–1940-е гг. подобная тематика не привлекала внимание историков. С 1950-х гг. круг источников в изучении НЭПа расширился, отмечалось улучшение массовых настроений с переходом к новой политике

Савина, Мария Сергеевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076028@student.spbu.ru

Научный руководитель: Ходяков, Михаил Викторович — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Savina, Mariya Sergeevna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st076028@student.spbu.ru

Scientific adviser: Khodyakov, Mikhail Viktorovich — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

(Ю. А. Поляков «Переход к НЭПу и советское крестьянство» [13]). С конца 1980–х гг. интерес к данной проблематике возрос, в работу включались новые источники. Больше внимание стали уделять наличию в обществе противоречивых оценок НЭПа. В качестве примера приведем труд А. Я. Лившина «Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг.», в основу которого положен анализ «писем во власть» [8], монографию Л. П. Колодниковой «Советское общество 1920–х годов XX века: по документам ВЧК–ОГПУ» [7].

Несмотря на рост числа работ, рассматривающих отношение населения к НЭПу, дневники и воспоминания советских граждан в подобных трудах используются незначительно. Между тем, эти источники могут предложить альтернативные взгляды на проблемы того времени, их анализ позволяет выявить позицию людей по различным вопросам, общие тенденции в восприятии.

Цель данной статьи — проследить, как отразились изменения первых лет новой экономической политики в дневниках и воспоминаниях советских граждан. Включенные в работу источники личного происхождения принадлежали представителям различных социальных групп: крестьянам (дневники Дмитрия Ивановича Лукичева, Ивана Григорьевича Глотова, воспоминания Ивана Степановича Карпова), служащим (дневник Никиты Потаповича Окунева, воспоминания Якова Федоровича Макарова), представителям интеллигенции (дневники историка Юрия Владимировича Готье, писателя Михаила Михайловича Пришвина, мемуары публициста и экономиста Николая Владиславовича Валентинова), представителям оппозиционных партий (воспоминания Екатерины Львовны Олицкой). Этот фактор позволяет проследить мысли и настроения, существовавшие в разных средах советского общества.

Переход к новой экономической политике и замена продразверстки продовольственным налогом были объявлены на X съезде РКП(б), проходившем с 8 по 16 марта 1921 г. [15, с. 608–609]. Изменение экономической политики отразилось в дневниках в форме размышлений о сути данного перехода. Перемены воспринимались прежде всего, как вынужденное отступление большевиков от прежней программы.

Например, московский служащий Никита Потапович Окунев 16 марта 1921 г. написал в дневнике о важном решении, вынесенном прошедшим партийным съездом, связывая его при этом с кронштадтскими событиями и голодом [11, с. 122]. А на письмо Ю. Ларина и речь В. И. Ленина, напечатанные в «Правде» 28 мая 1921 г. по итогам X партийной конференции, Окунев отреагировал как на попытки оправдать измену коммунистической программе, которую пришлось сделать [11, с. 146].

Писатель Михаил Михайлович Пришвин, живший в 1921 г. в Смоленской губернии, стараясь понять перемены, писал, что «теперь, видимо, добро начинает зло перемогать», так как «злым» стало нечего есть [14, с. 192]. А историк Юрий Владимирович Готье видел в новых декретах свидетельство уступок большевиков перед железным законом жизни [4, с. 475].

В то же время для крестьянских дневников не были характерны рассуждения о смысле происходивших изменений, а первые упоминания о продналоге появились в записях крестьян значительно позже принятия решения о его введении. При этом в подобных заметках преобладала практическая сторона вопроса: размер, фиксация факта уплаты. Лишь крестьянин Дмитрий Иванович Лукичев отмечал, что населению очень тяжело выплачивать семенную ссуду и продналог [10, с. 64].

В большей степени в дневниках получили освещение вопросы, связанные с финансовой ситуацией. На протяжении 1921 г. авторы записей отмечали обесценение советских денежных знаков. Лукичев еще в апреле 1921 г. записал в дневнике, что советские деньги совершенно обесценились, и купить на них ничего невозможно [10, с. 52]. Готье в конце сентября 1921 г. также отмечал стремительное падение денег [4, с. 470], а Окунев восклицал: «Что теперь 100 тысяч по сравнению с прежним рублем!» [11, с. 168].

Декрет от 3 ноября 1921 г., объявлявший деноминацию [16, с. 1049–1050], не был воспринят как путь к выходу из кризиса [4, с. 480]. И действительно, 1922 г. не улучшил финансовое положение. Авторы дневников писали о продолжающемся падении советских денег.

Именно обесценение совзнаков предстает в дневниках основным фактором колоссального роста цен. О взаимосвязанности этих процессов писали Окунев, Готье, Лукичев, наблюдавшие за изменением стоимости различных товаров. В целом дневниковые записи за 1921–1924 гг. позволяют нам оценить масштаб инфляции.

В кон. 1922 – нач. 1924 гг. были предприняты меры, которые составили главное содержание денежной реформы: создавался червонец [17, с. 1429–1430], выпускались в обращение государственные казначейские билеты [5, с. 515–516], серебряные и медные монеты [5, с. 556–559], прекращалась эмиссия совзнаков [5, с. 548]. Стоит отметить, что появление червонца было отмечено авторами дневников позднее принятия соответствующего декрета, тогда как изменения февраля – марта 1924 г. нашли отражение в их записях практически сразу. Показательно, что после осуществления указанных мер из дневников ушли записи, фиксировавшие цены, а распространенный до этого натуральный обмен вытеснялся расчетом

с помощью денег. Последний процесс наиболее ярко прослеживается в дневнике крестьянина Ивана Григорьевича Глотова, который в течение 1922–1923 гг. неоднократно писал об обмене каких-либо товаров на рожь, однако с лета 1924 г. в дневнике описывается покупка и продажа за деньги [3, с. 85–181].

Изменения в сфере потребительской кооперации регламентировались декретом от 7 апреля 1921 г. [16, с. 248–250]. Однако развитие кооперации в исследуемый период не заняло значительного места в дневниковых рассуждениях, тогда как появление новых налогов и возвращение платности нашло в них большее отражение.

Так, в июле 1921 г. был установлен промысловый налог для не национализированных предприятий и личных промысловых занятий [16, с. 635–637]. Об этой мере упомянули Окунев [11, с. 163], Готье [4, с. 468], отразилась она на жизни Лукичева, который держал кузницу [10, с. 87].

В дневниках мы находим высказывания, указывающие на связь между возвращением платности перевозок и ростом цен на товары. Например, Готье 18 июля 1921 г. (платность перевозок была возвращена декретом от 9 июля 1921 г. [16, с. 591–592]) отметил, что фрахт на ввозимые продукты может привести в городах к страшной дороговизне и голоду [4, с. 471]. Окунев также записал 18 июля, что введение нового пассажирского тарифа взвинтит все «вольные» цены на недостижимую высоту [11, с. 161].

Отметим, что наряду с записями о дороговизне встречаются и такие: «Празднование Николина дня гораздо роскошнее, чем год, два и три назад» [4, с. 482], «Рождественские приготовления в этом году шире и больше, чем в прошлых» [4, с. 511]. Так писал Готье в кон. 1921 – нач. 1922 г. Окунев в октябре 1921 г. записал, что стал засматриваться вовнутрь магазинов, набитых разными товарами [11, с. 177–178]. Однако Пришвин даже в конце 1921 г. писал о вечных мыслях «как прокормиться на сегодня и завтра и т. д.» [14, с. 226]. Т.е. применительно к городской жизни уже в кон. 1921 – нач. 1922 гг. можно проследить постепенное улучшение ситуации с продовольствием, восстановление города после разрухи, тогда как провинция отставала в этом отношении.

Одним из пунктов в мемуарах, описывающих годы НЭПа, также стало стремление дать оценку подоплеке смены политики советским руководством. Несмотря на различное положение в советском обществе авторы воспоминаний, рассуждавшие на эту тему, сходились в характеристике НЭПа как вызванного кризисом отступления советской власти от прежнего курса.

Так, Николай Владиславович Валентинов (Вольский), в 1922 – 1928 гг. являвшийся редактором «Торгово-промышленной газеты», писал, что к весне 1921 г. недовольство существовавшей системой достигло крайней степени, и в этих условиях «Ленин выбросил из багажа Октябрьской революции еще одну из ее основных идей и пошел на “свободу оборота”» [2, с. 44]. Обращаясь к воспоминаниям Екатерины Львовны Олицкой, члена партии эсеров с 1918 г. и участницы подпольного движения, мы встречаем такие слова: «Чтобы вывести страну из тупика, коммунистической партии пришлось отказаться от прежней политики...» [12, с. 149].

Не был обойден в мемуарах вопрос трудностей с продовольствием, существовавших в начале НЭПа. Среди причин этих проблем приводилась ситуация, сложившаяся в сельском хозяйстве, делались указания на ошибки в работе потребительских обществ («весьма часто не могли приобрести хлеба по карточкам и вынуждены были покупать его у спекулянтов» [18, л. 19]).

Тема развития кооперации после провозглашения НЭПа раскрыта в воспоминаниях полнее, чем в дневниках. Однако данная ситуация скорее объясняется принадлежностью ряда воспоминаний людям, которые были связаны с кооперативной деятельностью.

Проблемы денежного обращения в первые годы НЭПа не отразились во всех включенных в наше исследование мемуарах. Об этом вопросе посчитали нужным рассказать Валентинов, видевший особенности экономического развития страны «изнутри», и крестьянин Иван Степанович Карпов, отмечавший падение ценности денег [6, с. 40].

В воспоминаниях, как и в дневниках, мы находим слова о хозяйственном возрождении, важным показателем которого стало появление продуктов и налаживание торговли. Например, Карпов писал о появлении в магазинах товаров, возвращении прежних торговцев [6, с. 48]. Валентинов констатировал оживление хозяйства [2, с. 40], подчеркивал значение мелких торговцев [2, с. 134–135].

Кроме того, в воспоминаниях были подняты такие вопросы, как хозрасчет, введение сдельной оплаты труда, распространение безработицы и функционирование бирж труда.

Таким образом, для дневников и воспоминаний характерны два сюжета, по которым даются схожие оценки. Во-первых, это попытки понять причины перехода к НЭПу и суть этой политики. Стремясь сформулировать свое видение этой проблемы, авторы были склонны оценивать НЭП как вынужденный шаг советской власти, носящий характер отступления. Во-вторых, в обеих группах источников с новой экономической полити-

кой связывалось восстановление хозяйства, которое проявлялось в возможности достать продукты, в развитии торговли. Остальные суждения, имея общие и различные пункты, дополняют картину периода.

Список источников и литературы

1. *Большаков А. М.* Деревня: 1917–1927 / С предисл. *М. И. Калинина* и акад. *С. Ф. Ольденбурга*. М., 1927. 472 с.
2. *Валентинов Н. Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания / Сост. и авт. вступ. ст. *С. С. Волк*. М., 1991. 367 с.
3. *Глотов И. Г.* На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Вельский р-он. краевед. музей; публ. подгот. *М. И. Мильчик, М. А. Шумар*. М.: [б.и.], 1997. 324 с.
4. *Готье Ю. В.* Мои заметки. М., 1997. 588 с.
5. Денежная реформа 1921 – 1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы: сборник / Федеральное арх. агентство России, РГАСПИ. М., 2008. 862 с.
6. *Карпов И. С.* По волнам житейского моря. Воспоминания / Вступ. сл. *Г. В. Маркелова* // Новый мир. 1992. № 1. С. 7–76.
7. *Колодникова Л. П.* Советское общество 20-х годов XX века: по документам ВЧК–ОГПУ / Отв. ред. *А. Н. Сахаров*; Ин-т российской истории РАН. М., 2009. 479 с.
8. *Лившин А. Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 344 с.
9. Мужской род. Первое лицо. Единственное число: дневники Д. И. Лукичева и Д. П. Беспалова / Под ред. *С. Б. Адоньевой*. СПб., 2013. 285 с.
10. *Окунев Н. П.* Дневник москвича, 1917–1924: в 2-х книгах. Кн. 2. М.: Воениздат, 1997. 285 с.
11. *Олицкая Е. Л.* Мои воспоминания: в 2-х книгах. Кн. 1. Frankfurt/Main: Посев, 1971. 318 с.
12. *Поляков Ю. А.* Переход к НЭПу и советское крестьянство / АН СССР. Ин-т истории. М., 1967. 511 с.
13. *Пришвин М. М.* Дневники: Книга третья. Дневник 1920 – 1922 гг. / Подг. текста *Л. А. Рязановой*. М., 1995. 334 с.
14. РКП(б). Съезд, 10-й. 1921. Стенографический отчет. М., 1963. 915 с.
15. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1921 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1944. 1198 с.
16. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1922 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1950. 1932 с.
17. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-4000. Оп. 18 Д 167. Воспоминания Макарова Якова Федоровича, бывшего члена Царкосельского совета рабочих и солдатских депутатов, об отражении наступления войск Краснова-Керенского в октябре 1917 года, партийной и хозяйственной работе в 1918–1959 годах. 50 л.

Для цитирования: Савина М. С. Отражение изменений начального периода НЭПа в дневниках и воспоминаниях советских граждан // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 292 – 298.

СЕКЦИЯ. ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

Соковнина Светлана Александровна

Акты магдебургского права в Великом княжестве Литовском (конец XIV – середина XVI вв.): Формулярный анализ

Аннотация. Статья посвящена анализу актов, касающихся системы немецкого городского права в период с XIV в. до заключения Люблинской унии. Изучается формирование формуляра грамот в канцелярии Великого княжества Литовского. Особое внимание уделяется начальному протоколу и основной части документов. Через изучение источников по истории магдебургского права в Великом княжестве выделяются некоторые общие основные, характерные для них черты.

Ключевые слова: магдебургское право; формулярный анализ; Великое княжество Литовское.

Title: Acts of Magdeburg Law in the Grand Duchy of Lithuania (late XI – mid XVI centuries): Formulary analysis

Abstract. The article is devoted to the analysis of acts concerning the system of german urban law in the period from the XIV century to the conclusion of the Union of Lublin. The formation of the charters form in the Chancery of the Grand Duchy of Lithuania is being studied. Special attention is paid to the initial protocol and the main part of the documents. Through the study of sources on the history of Magdeburg law in the Grand Duchy, some common main features characteristic of them are highlighted.

Key words: Magdeburg law; formulary analysis; Grand Duchy of Lithuania.

В 1385 г. между Польшей и Великим княжеством Литовским заключается Кревская уния, положившая начало процессу объединения двух государств в Речь Посполитую. Одним из последствий унии стало и распространение так называемого немецкого права на территории княжества в конце XIV – XVI вв. В 1387 г. оно было предоставлено столице Вильне.

Соковнина, Светлана Александровна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st087229@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Филишкин, Александр Ильич* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Sokovnina, Svetlana Alexandrovna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st087229@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Filiushkin, Alexander Ilyich* — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

В XV в. магдебургское право даровано было Трокам, Берестью, Ковну, Луцку, Кременцу, Владимиру, Полоцку, Киеву, Минску и Новгородку; в XVI в. его получили и многие другие, менее значительные места [4, с. 148].

Этот период оставил нам немало актов, связанных с системой магдебургского права. Среди изученных нами источников следует выделить жалованные и подтвердительные грамоты на магдебургское право Вильне, Минску, Высокому, Владимиру, Полоцку, Берестью и Волковыйску; судные грамоты, грамоты о даровании определенных привилегий и о правонарушениях. Чтобы несколько сократить объем источников, ограничимся хронологическими рамками до Люблинской унии.

Различные вопросы по истории документов канцелярии Великого княжества Литовского рассматривали В. С. Межинский, Н. Г. Бережков, А. Л. Хорошкевич, П. Кеннеди Гримстед и многие другие историки. Появление и ранняя история книг городов с магдебургским правом изучались З. Каяупе и В. Полищуком. Похожая же исследовательская работа по формулярному анализу источников более позднего периода проводилась С. П. Стренковским, но с акцентом лишь на диспозиции грамот на магдебургское право. Итак, столь обширный материал позволяет нам через анализ актов выявить некоторые особенности магдебургского права на территории Великого княжества и взгляд князя на него. Формуляр грамот состоит из трёх основных частей: начальный протокол, основная часть и конечный протокол.

Начальный протокол начинается с инвокации, в которой в XV в. великий князь обращается к Святой Троице. При Александре Ягеллончике (рубеж XV – XVI вв.) вместо нее систематически более употребительным становится обращение к Богу. Инвокация используется довольно редко, в основном, только в грамотах на магдебургское право. Она придает акту особый авторитет, гарантирует подлинность и справедливость [3, с. 91].

Затем следует обозначение великого князя, от которого исходит документ. При Александре Ягеллончике интитуляция приобретает более стабильную формулировку, которая продолжает использоваться в дальнейшем: «Александръ, Божьею милостью король Полский, великий князь Литовский, Руский, княжа Прусское, Жомоитский и иныхъ» [1, с. 346]. В грамотах на магдебургское право часто используются слова «пан и дедич», чем подчеркивается власть великого князя как наследственного помещика-господина в Великом княжестве Литовском.

Среди адресатов чаще всего фигурируют мещане. Заметно изменение формулировки обращения Александра Ягеллончика: «Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить, або чтучи его услышитъ,

нинешнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того ведати» [5, с. 183], которая сохраняется и в дальнейшем, по сравнению с более ранней грамотой времен правления Сигизмунда Кейстуовича: «Вызнаваемъ тою грамотою всемъ которымъ надобно есть нинешнимъ людямъ и который потомъ будутъ которые сю грамоту нашу оузрятъ или оуслышать чтучи» [6, с. 4]. Среди адресатовъ могут также могутъ фигурировать различные местные урядники — чиновники государственныхъ учреждений (обычно в грамотахъ по вопросамъ о нарушении магдебургскаго права), дворяне-шляхта, а также войт — глава магистрата, бурмистры и радцы. Довольно часто в инскрипции акцентируется внимание на сохранение положений грамоты для будущихъ преемниковъ: «хто и напотомъ будетъ отъ насъ Городень держати» [1, с. 374].

Основная часть начинается с преамбулы, в которой перечисляются мотивы создания документа. Чаще всего в аренге приводятся следующие основания: создание условий для развития и процветания места; подтверждение уже имеющихся привилегий; «милость» великаго князя; удовлетворение челобитной (как мотивъ появляется при Сигизмунде I); награда за верную службу; преодоление упадка места и «кривд». В последнемъ случае обычно имеются в виду набеги татар, злоупотребления старост и воевод, деятельность перекупщиков. Довольно часто встречается сочетание сразу нескольких оснований.

В большинствѣ грамотъ на магдебургское право в аренге говорится о намерении великаго князя за счётъ создания системы местного управления обеспечить подъёмъ и благополучие места, увеличение численности его населения: «Иже мы хотяче и жадаюче штобы нашому месту вильни всимъ тымъ што оу немъ живутъ бытъе лепшее оучинити тымъ оурядомъ ижбы за нашего часу счастливаго правованья нашими дарами и поможеньемъ и помочою и твердостью ижбыся люди множили и ширили справедливостью» [6, с. 4]. При Александре Ягеллончике и Сигизмунде I преамбула формулируется следующимъ образомъ: «Ижъ маючи взглядъ посполитого добраго розмноженья и хотечи положенье места нашего Менскаго въ мере лепшой поставити, абы люди наши тамъ мешкаючы черезъ врьдъ добрый а справедливый были розмножены» [1, с. 187].

Далее следуетъ изложение обстоятельствъ дела. Обычно здѣсь встречается пересказ челобитной. Ее инициаторами могли выступать воеводы и шляхта, но чаще всего с прошениемъ к великому князю обращались урядники местъ с магдебургскимъ правомъ и сами мещане. Такая формулировка наррации появляется при Александре Ягеллончике в концѣ XV в. Иногда отмѣчается и конфессиональная принадлежность мещан. В челобитной могутъ излагаться следующие виды просьбъ: жалобы на нарушение правъ

другими лицами; подтверждение привилеев; новые привилегии или освобождение от определенных повинностей и податей.

В наррации также может идти речь о заседании рады. В грамотах, касающихся вопросов по судебной организации, она звучит следующим образом: «Смотрели есмо того дела, съ паны радою нашою» [1, с. 227]. С 1498 по 1510 гг. используется довольно стабильная формулировка: «Сказила бы всякие речи съ часомъ старость, кгды бы вчинки людские, которые жь съ прирощенья своего конецъ мають, не были черезъ листы уцвнены и годнымъ сведетствомъ къ пришлой ведомости взнамочены» [2, с. 75], которая изменяется при Сигизмунде I.

Затем излагаются непосредственно распоряжения по существу дела. Следует остановиться на диспозиции жалованных грамот на магдебургское право, статьи которых можно разделить на несколько основных блоков. Прежде всего, говорится о даровании месту магдебургского права. Формулировка этой статьи часто изменяется, на рубеже XV – XVI вв. она звучит следующим образом: «Тое место нашо Новгородокъ съ права Литовского и Русского и которое коли будетъ тамъ перво держано, у право Немецкое, которое зовется Майтборское, переменяемъ на вечные часы, уставляемъ, и даемъ имъ знову обычай подлугъ того права Майтборского, зуполное рязенье и всю уставу» [2, с. 90].

В подтвердительных грамотах отмечается подражание крупным, процветающим городам с магдебургским правом. Ещё в первой половине XV в. таким городом был польский Краков: «по томуж как место краковское тое истое право немецкое матьборское держати» [6, с. 5]. И уже в начале XVI в. такими образцами становятся столица Вильна, Брест и некоторые другие города Великого княжества Литовского, что свидетельствует об укреплении и утверждении Немецкого права в стране к этому времени.

Закономерным продолжением является освобождение места от иных законов, нарушающих магдебургское право, и юрисдикции других урядников. Следующие статьи посвящены учреждению должности войта и определению его доходов. Уделяется внимание организации местной власти и судебной системы, где зачастую в очередной раз подчеркивается «вызволение» от суда воевод, старост и наместников. В дальнейшем немало актов будут изданы по причине злоупотреблений воевод и различных нарушений ими магдебургского права, что свидетельствует о распространенности и обыденности данного явления в Великом княжестве Литовском. Стоит отметить уделяемое великими князьями внимание к устранению «несправедливостей», испытываемых войтом, бурмиистрами

и радцами. Это подтверждает идею об убеждении властей в достижение городами благополучия благодаря организации местного «уряда».

Другие статьи жалованных грамот на магдебургское право посвящены правам и обязанностям мещан, организации торговли, перечислению местных доходов, некоторых полномочий местных властей, налогообложению, порядку вступления в должности и т. д. В некоторых актах определяется круг лиц, находящихся под юрисдикцией войтовской власти. Следует отметить, что почти ни в одной грамоте (особенно в подтвердительных) не присутствуют сразу все перечисленные выше статьи. Одними из наиболее полных можно назвать акты Полоцку и Новгородку Литовскому, изданные на рубеже XV – XVI вв.. В грамоте же 1432 г. столице Вильне обнаруживаются только статьи о даровании немецкого права, освобождении от иных прав, организации местной власти и суда, определении местных доходов и перечислении местных выплат великому князю [6, с. 4–6]. Городское право продолжает формироваться на основе других актов, изданных в XV – XVI вв. (например, грамота, освобождающая от службы).

Завершается основная часть корробораций. В середине XV в. грамоты подтверждаются печатью великого князя, к которой спустя столетие добавляется его подпись. С конца XV в. также начинается регулярное подчеркивание свидетельского назначения этих знаков. Также для подтверждения документа довольно часто в это же время начинает приводиться список «сведоков», которыми были «панове рада Великого Княжества Литовского» [6, с. 59]. По социальному составу это влиятельные урядники, среди которых можно выделить такие должности, как канцлер Великого княжества Литовского, воевода троцкий, староста жомотский, воевода виленский, маршалки (придворный чин), наместники, католические епископы и другие. Как правило, эти свидетели перечисляются в грамотах, дарующих или подтверждающих магдебургское право и регулирующих полномочия должностных лиц.

Завершаются же акты конечным протоколом, в котором содержится информация о месте и дате издания документа. Издаются акты чаще всего в важных политических центрах, которыми в первой половине XV в. были Троки и Вильна. Некоторые грамоты были написаны в польских городах Кракове и Варшаве. В датировке действует система летоисчисления «под леты рожества Христова», однако на рубеже XV – XVI вв. используется датировка от сотворения мира. При Сигизмунде I вновь возвращаются к системе «лета Божьего».

Таким образом, на рубеже XV – XVI вв., в годы правления Александра Ягеллончика и Сигизмунда I, в канцелярии Великого княжества Литов-

ского начинает формироваться формуляр грамот, а вместе с ним и система городского права. В дальнейшем он продолжит развитие во второй половине XVI в. и будет использоваться во время правления Стефана Батория, Сигизмунда Вазы и Владислава Вазы [7, с. 25]. В грамотах также зачастую отмечается сохранение привилегий для будущих поколений, постоянно издаются подтверждающие грамоты. Прослеживается убежденность правителей Великого княжества Литовского в обеспечении процветания городов благодаря созданию местного управления и освобождения от власти других урядников. Однако при этом со стороны последних наблюдаются регулярные злоупотребления и нарушения магдебургского права, тормозившие успешное развитие городских поселений.

Список источников и литературы

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1: 1340 – 1506 гг. 375 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1848. Т. 2: 1506 – 1544 гг. 405 с.
3. Бортникова А. В. Грамоты на магдебургское право городу Луцку XV –XVI вв. // Славяноведение. 2010. № 2. С. 88–104.
4. Любавский М. К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. 420 с.
5. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 28 (1522 – 1552 гг.). Кніга запісаў 28. Менск, 2000. 312 с.
6. Собрание древних грамот и актов городов: Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Вильно, 1843. Ч. 1. 194 с.
7. Стренковский С. П. К вопросу о сходстве формуляров привилегий на магдебургское право городам Великого княжества Литовского // Курбатовские исторические чтения: Материалы Первой межвузовской научно-практической конференции. Краснодар, 2010. С. 22–26.

Для цитирования: Соковнина С. А. Акты магдебургского права в Великом княжестве Литовском (конец XIV – середина XVI вв.): Формулярный анализ // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 299 – 304.

Об отражении новгородских известий XV в. в новгородских летописных сводах XVI – XVII вв.

Аннотация. В данной статье мы обращаемся к анализу отражения известий за XV век в новгородских летописных сводах XVI – XVII веков и поиску их источников. Для этого мы изучаем своды, к которым эти известия могли бы восходить, пытаемся ответить на вопрос: не отразились ли в них следы неофициального летописания. Также в статье мы касаемся проблемы использования древней части новгородской владычной летописи поздними сводами.

Ключевые слова: Новгородская владычная летопись, Новгородская четвертая летопись, новгородские своды XVI – XVII вв.

Title: On the reflection of Novgorod articles of the 15th century in chronicles of Novgorod of the 16 – 17th centuries

Abstract. In this article, we turn to the analysis of the reflection of articles for the 15th century in the Novgorod chronicles of the 16th – 17th centuries and the search for their sources. To do this, we are studying the chronicles to which these articles could be traced, trying to answer the question of whether they reflected traces of unofficial chronicles. Also in it we touch upon the problem of using the ancient part of the Novgorod royal chronicle by later vaults.

Key words: Novgorod archiepiscopal chronicle, Novgorod fourth chronicle, Novgorod vaults of the 16 – 17th centuries.

Как мы знаем, ранние редакции текстов могут сохраняться в более поздних списках. Исходя из этого, для поиска дополнительных сведений о летописании Новгорода XV в. мы можем обратиться к поздним летописям. В том числе, к рассмотрению ранних известий в летописных сводах XVI – XVII вв. можно прибегнуть, чтобы изучить: не отразились ли в них другие самостоятельные летописи Новгорода. Ведь в самом XV в. если и существовали летописные центры, отличные от владычного, они могли игнорироваться официальным летописанием, и не включаться в основной список владычной летописи (далее — НВЛ).

Чекалдина, Надежда Андреевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st085073@student.spbu.ru

Научный руководитель: Шibaев, Михаил Алексеевич — д-р ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Chekaldina, Nadezhda Andreevna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st085073@student.spbu.ru

Scientific adviser: Shibaev, Mikhail Alekseevich — Dr. Sc. in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Существование невладычного летописания в Новгороде с XII в. предполагалось исследователями, начиная с А. А. Шахматова [12, с. 188–190], говорившего скорее о компиляциях, чем о самостоятельных летописцах. В современной историографии этот вопрос рассматривался А. А. Гиппиусом и Т. В. Гимомом, пришедшими к выводу, что до XV в. нет основания говорить о наличии параллельной линии летописания и об активном копировании НВЛ для церквей и монастырей [4, с. 380; 5, с. 357–358]. А. Г. Бобровым же было предложено считать окончание Строевского и Синодального списков (далее — Ст. и С. соответственно) Новгородской четвёртой летописи (далее — Н4) отражением зарождавшегося городского летописания [3, с. 239].

Летописи первой половины XVI в. (Новгородская летопись по списку Дубровского, Летописец по списку Никольского) не несут принципиально новых известий за XV век. О. Л. Новиковой подробно описано, к каким спискам Н4 восходят данные своды [7, с. 62–81, 114–125].

Летописи XVII в. исследовались небольшим количеством учёных, их состав изучен общо, не проводились постатейные сверки и зачастую не выяснялись непосредственные списки-источники. Но в то же время мы имеем весьма обоснованную стемму их взаимоотношений, созданную С. Н. Азбелевым [1, с. 130].

Новгородская вторая летопись (далее — Н2), относящаяся ко второй половине XVI века, долгое время воспринималась исследователями как единый памятник. Но не так давно О. Л. Новикова обосновала, что данная летопись представляет собой сборник текстов, которые могли быть независимыми рукописями до попадания под единый переплёт. Также, по её мнению, некоторые тетради летописного сборника были перепутаны при реставрации в XIX веке. Ей же были описаны источники Н2 на протяжении всего текста, основными из которых являются Новгородская первая летопись (далее — Н1), Н4 и Краткая новгородская летопись 1500–1501 гг. (далее — КНЛ). На отрезках текста за XV век известия берутся только из Н4 и КНЛ [7, с. 185–191].

До сих пор дискуссионным считается вопрос о существовании Лисицкого летописца, который исследователи относят к 1450 г. и считают одним из протографов Н2. Данная проблема появилась из-за наличия в Н2 следующих известий, идущих одно за другим: «В лето 6958 написана бысть сия книга в летописець в обители причистей Рожества на Лисьи горы повелинием раба божия дьякона инока Геронтия, в полдесть, держань. В лето 7000 восьмьдесятога месяца февраль въ 5, вторник, а служиль того дни в манастыри на Лисьи горе обидню и смотрил в манастыри книги литописца церковнаго. А сказывал, что литописець Лесицкои добри

сполна, аже не сполна. Развие написано в летописце Лесуцкомъ владыкы Новгородцькые, не вси сполна писаны, развие до владыкы Еуфимия Ноугородцького. А смотрил въ кельи у старца у келаря у Деонисия» [9, с. 194–195].

Но, как мы уже отметили, источники Н2 известны благодаря постоянной анализу текста О. Л. Новиковой. А. Г. Бобров предположил, что Лисицкий летописец был лишь упомянут в Н2, но не был её источником. Исследователь приводит ряд известий о Лисицком монастыре, которые отразились в Н2 (1392, 1393), Новгородской Карамзинской летописи (далее — НК) (1389, 1393, 1403, 1406, 1410) и Н4 (1389, 1392, 1393, 1400, 1403, 1406, 1410). Ссылаясь на то, что ни одного из этих известий нет в Софийской первой летописи (далее — С1), А. Г. Бобров говорит, что их не было и в Новгородско-Софийском своде, а появляются они в своде-оригинале Н4 — НК, с которым и связан Лисицкий свод Геронтия 1450 г. [2, с. 95–97].

Можно было бы предположить, что перед данным известием про Лисицкий летописец в Н2 находятся статьи, взятые из него. Но перед ним стоит лишь одно известие за 6987 г. о строительстве церкви Рождества на Михалице, которому, казалось бы, нет аналога. Однако мы можем найти то же сообщение в Н4 под 6887 г., то есть составитель Н2 ошибся в написании года.

Для С1 свойственно упускать некоторые события новгородского характера. Мы видим, что в более поздней Н4 имеется больше нужных нам известий, чем в НК, и сообщения эти находятся во всех списках Н4. Также было бы странно писцу упоминать прочитанную им, но не использованную в качестве источника рукопись. Поэтому логичнее, как нам кажется, было бы считать Лисицкий летописец списком Н4, использованным составителем Н2. Но в любом случае, даже А. Г. Бобров не видит в Лисицком летописце отдельной летописи, так что и признавать Лисицкий монастырь можно только книгописным центром.

Так как новгородский архиепископ Евфимий II (1429 – 1458) сам был игуменом Лисицкого монастыря, то он мог знать его историю и добавить её в свой новый свод. В Н1 это не могло отразиться, так как Евфимий не мог дописать текст «официального экземпляра» НВЛ за рубеж XIV – XV вв., поэтому известия об этом монастыре есть только в НК и Н4.

Новгородская Уваровская летопись XVII в. (далее — НУв.) была впервые найдена С. Н. Азбелевым и является до сих пор неопубликованной летописью. Текст НУв. за XV в. передает известия близко к С1, иногда незначительно изменяя её.

Новгородская третья летопись (далее — НЗ) известна в большом числе списков, из которых С. Н. Азбелев выделил две редакции: Краткую, по которой НЗ опубликована, и Пространную, о которой можно судить по Румянцевскому II списку (РГБ, Румянцевское собр. № 252) [1, с. 90].

Текст НЗ за XV век уже гораздо подробнее передает именно новгородские известия. Её краткая редакция уделяет больше внимания строительству церквей, а потому и естественно называется Летописец церквам Божиим, и не несёт каких-либо особенных чтений. Пространная же редакция освещает больший круг событий. Источники НЗ за XV в. исследователями подробно не характеризовались. Данная летопись опиралась не только на текст С1, но и на текст обеих редакций Н4, за вторую половину XV в. в ней мы находим текст, близкий к НВЛ, о которой мы можем судить по Летописи Авраамки (далее — ЛА).

Из дополнений в текст НЗ за XV век мы можем назвать легенду о чуде, связанном с попыткой Ивана III открыть гроб Варлаама Хутынского, которое находит соответствие в Житии этого святого. Так что и в этой летописи мы не находим уникальных известий о новгородской истории XV в.

Основным источником Новгородской Забелинской летописи (далее — НЗаб.) является первоначальный вид Пространной редакции НЗ [1, с. 118–119], чем и объясняется схожесть текстов данных летописей за XV в. Также НЗаб. дополнялась по псковской летописи.

Новгородская Погодинская летопись (далее — НПоГ.) основана на НЗаб. и, по мнению С. Н. Азбелева, составлена в 80–90-е гг. XVII в. [1, с. 128].

НПоГ. дополняет текст за XV в. псковскими известиями и несколькими рассказами: о Флорентийском соборе, о Симеоновском море, о внутренних смутах в Новгороде перед походом Ивана III в 1471 г. Но они не несут принципиально новой для нас информации (рассказ о распрях в 1471 г. — пересказ известия из МС), кроме сообщения о Симеоновском море 6975 года, в котором перечисляется число умерших людей. По смыслу известие в НПоГ. отличается от представленного в ЛА. НПоГ. сначала приводит сводку умерших, потом рассказывает о гласе с неба, который услышал архиепископ Иона, и о явлении на скудельнице Симеона Богоприимца, а дальше — о строительстве и освящении церкви. Этот, на первый взгляд уникальный, рассказ связан с граффити на стенах самой церкви Симеона Богоприимца, в котором говорится о погибших и о явлении Симеона на скудельнице. Но мы не можем однозначно утверждать, что данное граффити является источником летописной статьи, так как в нём самом сказано: «Аще бы не было б явления святого Симеона было бы мерзость и запустение граду и всем пяти пятинам, да извисно написано в книги в часословцы подлинно» [11, с. 29–33], само оно опиралось на надпись,

которая была реконструирована М. А. Несиным [6, с. 75–76], а та, в свою очередь, видимо, зависела от некоторого Часослова, который и мог оказаться в руках у составителя НПог. В ЛА мы мало узнаём о самом море, но нам говорится о выборе жребием святого, которому будет посвящена церковь, а потом подробнее о её строительстве. Также в этом же известии НПог. следует чтению из Ст. и С., сокращавших НВЛ (см. Приложение 1).

В то же время в НПог. есть и известие о знамении 6979 г., общее для НЗ и Ст.-С. («В евфимии девиче монастыре, от иконы пресвятыя богородицы текоша слезы из очесе ея яко строя» [10]).

Ст. и С. не имели широкого хождения, так как мы не находим летописей с линией регулярных заимствований из них, но наличие почти дословного аналога отдельных их известий в поздних летописях говорит о возможности передачи этих сведений из их протографа, более близкого официальному летописанию.

Разбирая текст за XV в. сводов XVI – XVII вв., мы замечаем небольшое число сообщений, выходящих за рамки имеющихся в более ранних сводах, но все они находят логичное объяснение и не являются уникальными рассказами о событиях того времени. Распространение ранних известий в целом было свойственно летописанию XVI – XVII вв., составители часто привлекали внелетописные источники, а именно жития святых, повести и сохранившиеся легенды и предания. То есть в поздних сводах нет регулярной цепочки уникальных известий, которые можно было бы возвести к единому источнику, а значит, по исследуемым сводам нельзя судить о возможности существования самостоятельного летописания при церквях и монастырях.

Подводя итоги, следует сказать, что основными источниками новгородских летописей XVI – XVII вв. за XV в., как ни странно, были преимущественно своды, несущие московские известия за данный период (С1, МС и т. д.). За первую половину этого столетия известия брались также часто из Н4 и преимущественно её младшей редакции, а за вторую половину мы имеем гораздо меньше сообщений о новгородских событиях. Важно заметить, что интересующие нас летописи брали за основу именно Н4 и не обращались к Н1 и самой НВЛ. Перебой с наличием новгородских известий начинается как раз в то время, когда завершается Н4, что ещё раз подтверждает, что составители летописей XVI – XVII вв. не имели доступа к ранней части НВЛ.

В дополнение к основным выводам, можно задать вопрос: почему летописи, создаваемые при архиепископской кафедре XVI – XVII вв., не могли использовать более древнюю часть «официального экземпляра», хотя

включали более поздние владычные записи? Получается, что сложилась ситуация, при которой владыки не имели доступа к своей же летописи. Это можно объяснить лишь отсутствием самой НВЛ в Новгороде того времени.

Список источников и литературы

1. *Азбелев С. Н.* Летописание Великого Новгорода: Летописи XI – XVII веков как памятники культуры и как исторические источники. М., 2016. 280 с.
2. *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого новгородского монастыря (конец XIV – первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси. XI – XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78–98.
3. *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб.; М., 2001. 287 с.
4. *Гимон Т. В.* Новгородское летописание XI – середины XIV вв. как социокультурное явление: дис. ... д-р ист. наук. М., 2014. 426 с.
5. *Гиппиус А. А.* К характеристике новгородского владычного летописания XII – XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 345–364.
6. *Несин М. А.* Надпись на внутренней стене церкви Св. Симеона Богоприимца Зверина монастыря в Великом Новгороде // *Valla*. 2017. Т. 3. № 3 (10). С. 73–81.
7. *Новикова О. Л.* Новгородские летописи XVI века: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 252 с.
8. ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. 215 с.
9. ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. 239 с.
10. РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1411.
11. *Сивак С. И.* Неизвестное граффити церкви Симеона Зверина монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1984. С. 29–33.
12. *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // *ЖМНП*. 1900. № 11. С. 135–200.

Табл. 1. Сравнение известий о море 6975 г.

Ст. — С.	НПог.
<p>6975. Бысть моръ во Пьскови и в Новгородѣ и по волостемъ Новгородскимъ; и поставиша церковь деревянну свягаго Семеона Богоприемца во Звѣринцахъ, на новомъ мѣсте, единого дни, <i>беревна из лѣса принесоша своимъ рамены людие, октября въ 1, на Покров святыя Богородица, и свяца ю архиепископъ Иона, того дни и литургию свершиша, а на другое лѣто поставиша церковь каменну на томъ же мѣстѣ свягаго Семеона Богоприимца</i> [8, с. 446].</p>	<p>... и того дне поставиша церковь древяну во имя свягаго и праведного Симеона Богоприимца на той скудельнице единымъ днем. <i>Людие же носиша бревна на рамахъ своихъ из лѣса, октовриа в 1 день, на покров пресвятыя Богородицы, и освяти ю сам архиепископъ Иона и литургию соверши,</i> и преста мор [10]</p>

Для цитирования: Чекалдина Н. А. Об отражении новгородских известий XV в. в новгородских летописных сводах XVI – XVII вв. // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 305 – 311.

«За возвращением его в Полоцк вернулась и вера святая католическая...»: политико-религиозный аспект возвращения мощей Иосафата Кунцевича в Полоцк в 1667 г.

Аннотация. В статье рассматривается политико-религиозный контекст возвращения мощей Иосафата Кунцевича в Полоцк в 1667 г. Констатируется, что организация торжественной перевозки мощей в Вильно и в Полоцк в 1667 г. должна была означать окончательно возвращение восточных провинций государства в лоно католической церкви и, соответственно, католического королевства.

Ключевые слова: Иосафат Кунцевич, перенесение мощей, Полоцк, католичество, униатская церковь.

Title: “After his return to Polotsk, the Holy Catholic faith also returned...”: the political and religious aspect of the return of the relics of Josaphat Kuntsevych to Polotsk in 1667

Abstract. The article examines the political and religious context of the return of the relics of Josaphat Kuntsevych to Polotsk in 1667. It is stated that the organization of the solemn transportation of relics to Wilno and Polotsk in 1667 should have meant the final return of the eastern provinces of the state to the bosom of the Catholic Church and, accordingly, the Catholic kingdom.

Key words: Josaphat Kuntsevych, transfer of the relics, Polotsk, Catholicism, the Uniate Church.

После гибели 12 ноября 1623 г. в Витебске униатского Полоцкого архиепископа Иосафата Кунцевича, павшего жертвой конфликта с православным населением, начал формироваться культ убиенного, что дало возможность начать процесс его беатификации. В конце концов, декретом Римской Конгрегации обрядов от 14 дек. 1642 г. и бреве Урбана VIII от 16 мая 1643 г. Кунцевич был провозглашён блаженным, днём его памяти был установлен день кончины — 12 ноября, однако официально к лику святых он был причислен только в 1867 г. Изначально останки мученика хранились в Софийском соборе в Полоцке, но в 1653 г. в связи с опасностью войны с Россией были перенесены из Полоцка в Супрасльский

Медведев, Кирилл Максимович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st069758@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Филошкин, Александр Ильич* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Medvedev, Kirill Maksimovich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st069758@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Filiushkin, Alexander Ilyich* — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

монастырь, где и пребывали до 1667 г., когда были возвращены обратно. В 1706 г. мощи были перевезены в Бялу-Подляску, где хранились до падения Речи Посполитой [2].

В современной историографии культ Кунцевича в Речи Посполитой во многом является предметом историко-культурного анализа, направленного на изучение иконографии, гимнографии и агиографии блаженного. Именно с такой точки зрения возвращение мощей блаженного в Полоцк в 1667 г. рассматривала в своей статье литовская исследовательница Т. Рачюнайте [8]. Немецкий же историк С. Родевальд, подробно изучивший политический и этноконфессиональный аспекты культа Иосафата в XVII в. [4], только немного упомянул о данном событии и его месте в развитии и популяризации культа мученика. В нашей статье мы рассмотрим политико-религиозный аспект возвращения мощей Кунцевича в Полоцк в 1667 г.

Финская исследовательница М. Такала-Рощенко справедливо отметила, что И. Кунцевич после его убийства православными жителями Витебска стал одним из символов униатской церкви, а его культ, явно антиправославный, стал явным маркером отделения и отмежевания от православной церкви [10, р. 93-94]. Неудивительно, что в таких условиях Кунцевич вскоре после гибели стал для его почитателей защитником от различных «безбожников», которые поднимались против их государства и католической веры [4, с. 353-354]. Особенно актуальным и популярным его образ как святого заступника католической церкви и королевства, помогающего в борьбе с «безбожниками», посягающими на его целостность, стал в сер. и во 2-й пол. XVII в., когда сама Речь Посполитая могла исчезнуть с карты Европы. Именно к 1660-м гг., когда в ходе русско-польской войны 1654-1667 гг. польско-литовским войскам удалось одержать ряд побед и отбить у русских войск значительную часть Великого княжества Литовского, относится большое количество обращений от короля, сенаторов, магнатов и урядников разного ранга, униатских и католических иерархов Речи Посполитой в Рим с просьбами об официальной канонизации Иосафата как заступника всего государства в борьбе со «схизматиками» и «еретиками» [4, с. 361-365].

После заключения в 1667 г. Андрусовского перемирия Полоцк снова был передан в состав Польско-литовского государства. В этом же году было осуществлено возвращение мощей Кунцевича из Супрасльского монастыря в Полоцк. Данное событие было приурочено к возвращению самого Полоцка и других восточных территорий Великого княжества Литовского в состав Речи Посполитой. В апр. 1667 г. униатский митрополит Гавриил Коленда в своём письме к папе, назвав Иосафата «явно

предназначенным Руси апостолом», отметил, что вместе с возвращением мощей в Полоцк после тринадцати лет «изгнания» вернётся и сам митрополит, дабы с радостью «вернуться к католической вере» [9, р. 193]. Если верить литовскому провинциалу ордена проповедников, саркофаг с мощами Кунцевича ввозили в Вильно 25 сент. 1667 г. на колеснице в сопровождении торжественной барочной милитаризованной процессии в присутствии католических и униатских иерархов и литовских сенаторов. Мощи везли к униатскому монастырю Пресвятой Троицы, где некогда архимандритом был сам Иосафат [2], а собравшиеся люди «приветствовали возвращающегося из изгнания патрона Литвы». Провинциал ордена проповедников также заметил, что на торжества явились и многие «схизматики», которые «не смогли удержаться от слёз», и кто-то из них даже захотел принять католичество [9, р. 197-198]. Присутствовавший на торжествах василианин Б. Михневич позже писал, что процессию у Трокских ворот в Вильно вышли встречать «еретики, иудеи, татары» [7, р. 23], а собравшиеся католики пели песни и гимны, прославлявшие «триумфы» Кунцевича над «схизмой», и в особенности победу польско-литовских войск над «московитами» во главе с князем Хованским в битве под Полонкой [7, р. 11]. Как считалось, в победной для них битве с «московитами» под Полонкой 28 июня 1660 г. польско-литовские войска пошли в атаку с кличем «блаженный Иосафат» [4, с. 361-162].

Уже в дек. 1667 г. униатский митрополит Гавриил Коленда писал в Рим, что само перенесение мощей состоялось «по совету магнатов и по воле светлейшего короля». Останки находились в Вильно с 25 сент. по 17 окт., и к 12 ноя. (судя по всему, это было приурочено именно к дню памяти мученика) были привезены в Полоцк [9, р. 199-200]. Уже в 1671 г. Коленда в отчёте в Рим утверждал, что в самом Полоцке местные шляхтичи и мещане также радостно встретили возвращение останков Кунцевича: в честь этого они стреляли из пушек и сами, выпрягав коней, вместе с приехавшими сенаторами довели повозку с саркофагом до кафедрального Софийского собора. Также у мощей мученика начали происходить чудеса, что способствовало переходу в католицизм многих местных «еретиков» и «схизматиков» [11, р. 594-595]. Очень любопытным в данном случае выглядит акцентирование внимания на заступничестве Иосафата в борьбе польско-литовских войск с «безбожниками» и на чудесных обращениях «иноверцев» в католицизм. Одним из главных составляющих культа Кунцевича была вера в то, что он способствует обращению в католицизм представителей других конфессий (не зря католические и униатские авторы всячески подчёркивали, что его при жизни называли «душехватом») [5, р. 14]. В данном случае это должно было

означать, что ныне возвращающийся мученик и после смерти побеждает «схизму» и возвращает население всего ВКЛ в лоно католической церкви и, соответственно, в состав католического королевства также, как он «ловил души» и обращал в католицизм при жизни.

Понять смысл, который вкладывали в торжества организаторы и который должен был транслироваться на их участников и свидетелей, нам помогут проповеди аудитора Коленды василианина Киприана Жоховского в Вильно и Полоцке в 1667 г. В них, отталкиваясь от популярного в Средние века постулата, согласно которому любой социум, образующий христианское сообщество, будет процветать или страдать в зависимости от того, заслуживает он Божье благословение или гнев [6, р. 100], василианин, обращаясь не только к католикам обоих обрядов, но и к «схизматикам» и «еретикам», подчёркивал, что пребывание в лоне католической церкви и чёткое следование её предписаниям означает и безусловное пребывание в составе Речи Посполитой, а страшный грех «богохульства» и «вероотступничества» приведёт не только самих «грешников» и «иноверцев», но и всех праведных католиков, делящих с ними кров, к порабощению врагами. Так, в первой проповеди, оглашённой в церкви монастыря Пресвятой Троицы в Вильно, Жоховский утверждал, что мученик был «изгнан» со своей кафедры грехами его паствы [15, s. A2-A2v], но теперь вместе с мощами И. Кунцевича в Вильно вернулся и сам Христос [15, s. A-Av].

Когда же процессия с мощами собиралась в дорогу в Полоцк, Жоховский прочитал новую проповедь в униатском кафедральном Пречистенском соборе, в которой утверждал, что после пребывания в Вильно мученик возвращается в Полоцк, однако, покидая город, он оставляет богатыми тех, кого встретил бедными. Приехал же он в Вильно для того, чтобы снова быть «душехвatom», и ныне он чудесным образом многих обратил в унию и укрепил веру в сердцах католиков. Говоря о чудесных обращениях в католицизм, Жоховский просил Кунцевича об обращении в католицизм тех «схизматиков» и «еретиков», которые, будучи свидетелями чудес, до сих пор не уверовали. Он напомнил им о судьбе казаков, которые за грех убийства Полоцкого архиепископа ныне претерпевали страшные мучения со стороны «магометан». Василианин, однако, просил мученика сжалиться над убийцами и даровать им святую унию [1, р. 476-477]. Когда же мощи Кунцевича были доставлены в Полоцк, Жоховский прочитал ещё одну проповедь в Софийском соборе, в которой огласил, что блаженный вернулся из «изгнания» в Полоцк, и теперь «неприступной будет крепость, пока есть у неё Иосафат» [14, s. B2-B2v]. Говоря же о возвращении останков мученика в Полоцк, Жоховский провозгласил, что

«великий тогда довод, явная демонстрация, что уния святая с церковью римской есть с Богом [единство], который хотел Духа Святого с Иосафатом вместе с вступлением унии святой в Полоцк ныне учинить» [14, s. Cv]. Василианин поздравил весь Полоцк с тем, что «ныне, избавившись от земной неволи, <...> возвращаешься в овчарню Иосафатову» [14, s. C2v].

Организация торжеств, посвящённых переносу останков, а также яркие проповеди Жоховского должны были показать всем, что возвращение мощей «апостола единства» в Полоцк означает возвращение сюда католической веры и скрепление единения восточных земель Речи Посполитой («Литвы» и «Руси») с Польским королевством под защитой небесного заступника Иосафата Кунцевича. Т. е. сама организация торжеств должна была способствовать политико-религиозным целям — объединению населения под эгидой католического «патриотизма». Сама церковная уния и фигура блаженного, как замечал С. Родевальд, обретали «новое политическое значение» [4, с. 363].

Возвращение мощей Иосафата в Полоцк имело значительное влияние на институализацию культа блаженного на государственном уровне и признание мученика олицетворением политико-религиозного единства всех провинций Речи Посполитой. Так, в авг. 1669 г. Г. Коленда в своём окружном послании чёрному и белому духовенству, утверждая, что «злоба украинская» хочет уничтожить унию и разорвать единство с Речью Посполитой, велел вместе с паствой молиться за унию Богородице и мученику Иосафату, «Атланту святой унии» [3, л. 1]. Во время коронационных торжеств по случаю восшествия на престол Михаила Вишневецкого 12 ноя. 1669 г. в день поминовения Кунцевича в Кракове в кафедральном Вавельском соборе в присутствии короля и сенаторов униатские иерархи отслужили службу по греческому обряду на церковнославянском языке в честь блаженного [11, р. 598]. Тогда же К. Жоховский прочитал новую проповедь, посвящённую Иосафату, в которой, говоря о переносе его мощей в Полоцк в 1667 г., подчёркивал, что «за возвращением его в Полоцк вернулась и вера святая католическая» [13, s. C]. Василианин также обратился к мученику с молитвой, умоляя его ниспослать наказание на всех врагов католической веры и королевства [13, s. D]. В 1673 г. сейм официально назвал Кунцевича заступником «Короны Польской и Великого княжества Литовского» [12, s. 89].

Список источников и литературы

1. *Боцян О.* Йосафатіяна: Причинки до історії почитання // *Analecta OSBM. Ser. 2. Sect. 2. Vol. VI (XII). Fasc.1/4. Miscellanea in honorem S. Josaphat.* 1967. P. 441-510.

2. Корзо М.А. Кунцевич Иосафат (в миру Иван (Ян) Гаврилович Кунчиц) (1580/1584-1623) // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2462261.html> (дата обращения: 25.09.2022).
3. ОР РНБ. Ф. 971. Оп. 1. Авт. 158. № 10.
4. Родэвальд Ш. Пра ўшанаванне Язафата Кунцэвіча ў XVII ст. Сродак уніяцкай канфесійнай ідэнтычнасці ці польска-русінскага яднання? // Беларускі гістарычны агляд. Т. 16. С. 2 (31). 2009. С. 345-372.
5. *Fukushima C.* Uniate Martyr Josaphat and His Role as a Confessionalizing, Integrating, and Nationalizing Influence // *Entangled Interactions Between Religion and National Consciousness in Central and Eastern Europe* / ed. by Yoko Aoshima. Boston: Academic Studies Press, 2020. P. 1-28.
6. *Kaplan B.J.* Divided by Faith. Religious Conflict and the Practice of Toleration in Early Modern Europe. Cambridge, Massachusetts – London, 2007. 429 p.
7. *Michniewicz B.* Rosa Autumnalis Coelo Manibus Schismaticorum inserta... [Wilno - ?], 1667. 40 p.
8. *Račiūnaitė T.* Globojant šventą kankinio kūną: Juozapato Kuncevičiaus kultas “loca sancta” aspekto // *Acta Academiae Artium Vilnensis*. 2011. T. 60. P. 127-147.
9. S. Josaphat hieromartyr. *Documenta Romana beatificationis et canonisationis* / ed. by P. Athanasius G. Welykyj. Vol. III. 1637-1867. Romae, 1967. XXIII, 492 p.
10. *Takala-Roszczenko M.* The ‘Latin’ within the ‘Greek’: The Feast of the Holy Eucharist in the Context of Ruthenian Eastern Rite Liturgical Evolution in the 16th–18th Centuries. Joensuu, 2013. 288 p.
11. *Theiner A.* *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae*. T. 3. A Sixto PP. V usque ad Innocentium PP. XII. 1585-1695. Romae, 1863. XXXII, 771 p.
12. *Volumina legum*. Przedruk zbioru praw staraniem xx. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego. T. V. Petersburg, 1860. XV + 463 s.
13. *Żochowski C.* Dobry pasterz w żywoćie y śmierci, to iest b. Iozaphat Kvncewicz... Kraków, [post 15 XI 1669]. 6.
14. *Żochowski C.* Relacya czternastoletniego wygnania z katedry połockiey B. Męczennika Iozaphata... Wilno, 1667. 20 s.
15. *Żochowski C.* Wstęp po drodze do Stołecznego W^o Xięstwa Lit. Miastá Wilna... Wilno, 1667. 22 s.

Для цитирования: *Медведев К. М.* «За возвращением его в Полоцк вернулась и вера святая католическая...»: политико-религиозный аспект возвращения мощей Иосафата Кунцевича в Полоцк в 1667 г. // *Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных*. СПб., 2023. С. 312 – 317.

СЕКЦИЯ. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Макей Артём Дмитриевич

Деятельность Особого совещания 1883 г.в разработке проекта по отмене гражданских чинов

Аннотация. На основе ранее неопубликованных документов Российского государственного исторического архива (РГИА), изучается деятельность Особого совещания 1883 г. по реформированию гражданских чинов. Рассматривается проблема роста бюрократического аппарата из непривилегированных сословий и противоречия, связанные с несоответствием гражданских чинов и должностей. На основе метода когнитивного картирования исследуются мотивы министров Государственного совета, которые стремились не допустить реализацию реформы по уничтожению чинов.

Ключевые слова: чиновничество, должности, чины, Особое совещание.

Title: Activities of the Special Meeting of 1883 in the development of a project for the abolition of civil ranks

Abstract. On the basis of previously unpublished documents of the Russian State Historical Archive (RGIA), the activities of the Special Meeting of 1883 on the reform of civil ranks are being studied. The problem of the growth of the bureaucratic apparatus from the unprivileged estates and the contradictions associated with the discrepancy between civil ranks and positions are considered. On the basis of the method of cognitive mapping, the motives of the ministers of the State Council, who sought to prevent the implementation of the reform to destroy the ranks, are investigated.

Key words: bureaucracy, positions, ranks, Special meeting.

На протяжении XIX в. неоднократно поднималась проблема изменения порядка чиновпроизводства в гражданской сфере. Особые учреждения, создававшиеся по этому вопросу, всегда приходили к заключению о необ-

Макей, Артём Дмитриевич — Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; artem.makej@bk.ru

Научный руководитель: *Гальцов, Валерий Иванович* — к-т ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Makey, Artyom Dmitrievich — Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; artem.makej@bk.ru

Scientific adviser: *Galtsov, Valery Ivanovich* — PhD in History, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

ходимости постепенно заменить гражданские чины должностями, однако по ряду причин реформа чиновпроизводства каждый раз откладывалась.

Юридическое закрепление статуса чиновничества, а также порядок присвоения гражданских чинов были установлены в Российской империи по принципам, введенными Петром I в 1722 г. указом Табеля о рангах. Согласно данному документу, в стране был сформирован перечень гражданских и военных чинов, ранжированных по XIV классам [2, с. 202–227]. Однако уже в XIX в. назрели предпосылки к реформированию сложившейся системы чиновпроизводства ввиду роста бюрократического аппарата и несоответствия гражданских чинов с должностями [13, р. 56–57].

28 октября 1883 г. по распоряжению Александра III было создано Особое совещание под руководством Статс-секретаря А.С. Танеева, которое должно было сформировать проект нового порядка гражданского чиновпроизводства. В состав особого совещания вошли М. С. Каханов, Э. В. Фриш, А. А. Половцев, К. К. Рененкамф, И. А. Шестаков и др. [5, с. 113].

Согласно документам комиссии 1856 г., было принято решение «заменить гражданские чины иерархию должностей и прекратить отдельные повышения гражданскими чинами» [6, л. 7]. Однако, проект не был реализован по ряду замечаний министров Государственного совета. Среди замечаний к проекту 1856 г. можно отметить следующие: во-первых, отмена чинов привела бы к резкому уменьшению численности гражданских служащих, поэтому существовала угроза «кадрового голода» [6, л. 8–9]. Во-вторых, до принятия решения об отмене чинов, необходимо было увеличить оклад служащим, чтобы компенсировать вызванные реформой неудобства. В-третьих, для повышения окладов чиновников, было рекомендовано разработать проект по децентрализации ведомств, упрощению делопроизводства и сокращению чиновников и отдельных правительственных учреждений [6, л. 9].

В 1883 г. Особое совещание выразило мнение, что сокращение численности чиновников в результате принятия реформы стало бы проявлением ее эффективности по отношению к разросшемуся бюрократическому аппарату [3, с. 44–46].

В Записке Особого совещания 1883 г. к проекту о порядке прохождения гражданской службы было сказано: «По мнению Совещания, не представляется оснований опасаться, чтобы Правительство могло встретить затруднения в замещении должностей, тем более что упомянутая реформа отстранила бы от поступления на государственную службу таких лиц, которые ищут, главным образом чин, а не возможности приносить действительную пользу» [7, л. 1–2].

Исходя из вышесказанного отмечается, что первое и третье замечание можно считать взаимозависимыми, т.к. уничтожение гражданских чинов, позволило бы сократить разросшийся бюрократический аппарат и привести в порядок правительственные ведомства, сократив при этом те, которые оказались бы наименее эффективными.

Согласно второму замечанию, к проекту комитета 1856 г., предлагалось увеличить оклады государственных служащих всех ведомств. Однако в докладе Особого совещания сообщалось, что данные меры уже были реализованы в рамках деятельности предыдущей комиссии. В отчете об этом говорится следующее: «Мера, предложенная комитетом 1856 г. – увеличение окладов содержания служащих была осуществлена по всем ведомствам. В большей части этих учреждений оклады должностных лиц увеличены с тех пор в полтора, два и даже более раз. Хотя и ныне трудно считать размер материального вознаграждения чиновников вполне достаточными, тем не менее условия гражданской службы несравненно более нормальны, чем в 40-х годах, когда по выражению журнала комитета 1856 г. служащие правительству жили иногда в нищете или вынуждены были питаться злоупотреблениями» [6, л. 13]. Тем самым, по оценке Особого совещания 1883 г. увеличение окладов гражданских служащих уже было успешно реализовано, поэтому отмена чинов не сказалась бы серьезным образом на уровне жизни чиновников.

Наконец, по третьему замечанию, сообщалось, что намеченные комитетом 1856 г. преобразования получили дальнейшее развитие. Так, введение в действие положения о земских учреждениях и городского положения 1870 г. привело к уменьшению централизации бюрократического аппарата [6, л. 17].

В конечном счете, Особое совещание 1883 г. выработало ряд положений к проекту гражданского чиновничества, среди них: «1) заменить существующую ныне систему гражданских чинов иерархию должностей...; 2) прекратить по гражданскому ведомству производство в чины, отдельно от повышения в должностях; 3) лицам, получившим чины по действующим ныне правилам, сохранить соединенные с этими чинами права и преимущества в том числе наименование чинов, впредь до назначения на высшей должности сравнительно с нынешними их чинами, разрядом» [6, л. 22].

Важно отметить, что история развития российского законодательства с 1856 г. до 1883 г. в сфере гражданского чиновничества уже имела ряд полезных инициатив, направленных на отмену чинов. Например, в акцизном и судебном ведомствах порядок организации был основан не на чинах, а на получении должностей, и эффективность данных

ведомств, можно рассматривать как успешный опыт отказа от гражданских чинов [1, с. 202–207]. Другим примером можно считать принятие закона 1873 г. о замене пошлины за производство в чины сбором при увеличении содержания служащих. [6, л. 26] Принятие данной меры стало косвенным признанием того, что производство в чины без повышения в должности не представляет для чиновника каких-либо действительных выгод.

Тем не менее, проект Особого совещания 1883 г. ждала судьба предыдущих учреждений, подавляющее большинство министров Государственного совета выступала против реализации данной реформы [6, л. 28].

Для определения мотивов министров Государственного совета в препятствовании реализации реформы по уничтожению чинов применяется метод когнитивного картирования. На основе данного метода были построены когнитивные карты государственного секретаря А. А. Половцова и управляющего Морским министерством И. А. Шестакова. Выбор представленных государственных деятелей объясняется сохранившимися историческими источниками личного происхождения, в которых отражается их позиция по отношению к реформе. Для визуализации когнитивных карт было принято решение использовать компьютерную программу «XMind». На этапе построения когнитивных карт были выделены основные лексемы, которые в виде карты узлов были связаны стрелками. В представленных когнитивных моделях (см. рис. 1;2) главная лексема визуально выделена по центру. Направление стрелок отражают причинно-следственные связи между лексемами, а ширина стрелок (выделены пунктиром или сплошной линией) указывает на уровень плотности связей. Цвет стрелок демонстрирует является ли эта связь положительной (зелёный), нейтральной (синий) или отрицательной (красный); отрицательные и положительные связи обозначены знаками «←» и «→». Например, зеленая стрелка между лексемами «Чины» и «Государь» (см. Рис.1), отражает сильную взаимосвязь и объясняется это тем, что император Александр III был одним из инициаторов отмены гражданских чинов и принимал непосредственное участие в разработке проекта Особого совещания 1883 г. Таким образом, представленные когнитивные карты отражают систему убеждений исследуемых государственных деятелей – А. А. Половцова и И. А. Шестакова.

Интерпретация когнитивной карты. На схеме (см. рис. 2) отражена когнитивная карта государственного секретаря А. А. Половцова. Рассмотрим контуры когнитивной карты. В контуре «Чины — Министры — Мотивы» отражаются такие характерные для бюрократического аппарата явления как «кумовство», «самолюбие», «честолюбие» и «тунеядство».

В своем дневнике А. А. Половцов пишет следующее: «...сверх того, чины отвлекают от деловой деятельности, особливо из провинции, умножают число тунеядцев, которые числом годов жизни приобретают чины, а потом являются полными претензий и на получение мест, и на казенные деньги в форме содержаний, и особливо пенсий...» [4, с. 201]. Данная взаимосвязь отражает важное социальное явление - чинопочитательство, которое стало характерно для бюрократического аппарата с принятия указа Табеля о рангах в 1722 г.

Важная особенность интерпретации когнитивной карты А. А. Половцова заключена в содержании обратных связей карты узлов. Так, лексема «Министры» выражена в отрицательном значении, и согласно результатам исследования все причинно-следственные связи с отрицательным значением в когнитивной карте исходят именно от данной лексемы. Сложившуюся особенность можно объяснить тем, что именно подавляющее большинство министров Государственного совета выступали противниками отмены гражданских чинов.

Обратимся к когнитивной карте управляющего Морским министерством И. А. Шестакова (см. приложение 2). В контуре «Чины — Народ — Непонимание/презрение» отражается проблема непонимания обществом природы чинов, что проявилось в негативном отношении к ним.

В контуре «Чины — Интеллигенция — равнодушие/неуважение» прослеживается проблема несовершенства системы гражданских чинов, которая заключается в существовании значительного числа низших иерархических степеней, через которые проходило огромное число чиновников, получающие чин не за действительные заслуги, а выслугу лет.

В своем письме И. А. Шестаков отмечает: «Наличие чинов создает для государства лишнюю обузу в виде массы бесполезных, но тем не менее жаждущих служебных благ людей. Это проторговавшиеся купцы и спекуляторы всякого рода, нигде не служащие, ничего не делающие, выжидающие благоприятных обстоятельств, чтобы занять более или менее важную должность, на что чин дает право» [7, л. 9].

Проведенный анализ когнитивных карт исследуемых государственных деятелей А. А. Половцова и И. А. Шестакова позволяет сделать следующие выводы.

Проект реформы гражданских чинов можно рассматривать как последовательное развитие российского законодательства в сфере гражданского чинопроизводства, более того, в XIX в. все отчетливее проявлялось то, что существующая с восемнадцатого века система деления гражданских должностей подлежит серьезному пересмотру и видоизменению. Среди главных недостатков организации гражданской службы

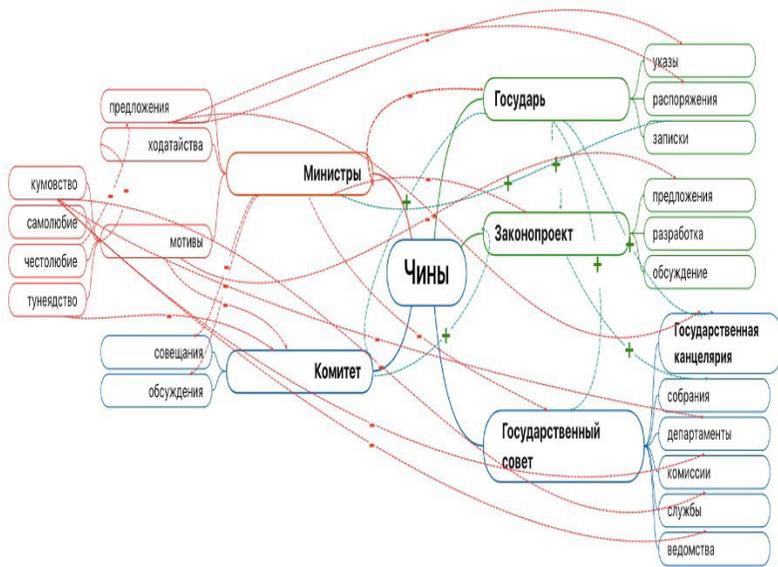
в изучаемый период можно выделить рост бюрократического аппарата и противоречия в несоответствии гражданских чинов и должностей. Тем не менее, реализация реформы о чинах была бы преждевременной мерой. Во-первых, данная реформа вызвала бы структурные изменения в организации государственных ведомств, которые на протяжении двух веков функционировали на основании указа Табеля о рангах 1722 г., поэтому с отменой чинов необходимо было разработать новый механизм организации гражданской службы. Во-вторых, с отменой чинов пришлось бы принимать отдельные меры по дополнительному повышению материального положения чиновников, и с учетом роста бюрократического аппарата, это вызвало бы серьёзные финансовые затраты. Все эти факторы приводили к тому, что реформа чиновничества постоянно откладывалась и чины просуществовали вплоть до 1917 г.

Список источников и литературы

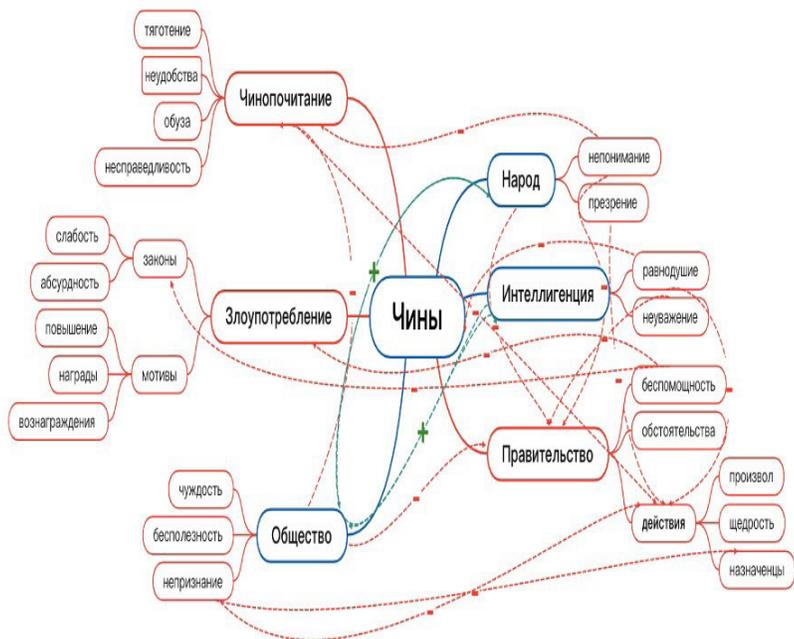
1. *Дубенцов Б. Б.* Попытки преобразования организации государственной службы в конце XIX в. Ч. 1. М., Л. 1976. С. 202–207.
2. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. 368 с.
3. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.
4. *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. 1861 – 1904 гг. М., 1979. 304 с.
5. *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. В двух томах. Том 1. 1883 – 1886 гг. М., 2005. 605 с.
6. РГИА. Ф. 1200 Оп. 1. Д. 6. Дело о рассмотрении отдельных вопросов для пересмотра устава о службе гражданской. Л. 5–42.
7. РГИА. Ф. 1200 Оп. 1. Д. 8. Дело о доставлении министрами и главнокомандующими отдельными частями ведомств расписаний должностей по классам, а также по разряду мундиров и пенсий Л. 1–36.
8. *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. 349 с.
9. *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. 397 с.
10. *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. т. 1: от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. 605 с.
11. *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. 248 с.
12. *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России XVIII-н. XX вв. СПб., 1999. 479 с.
13. *Raef M.* The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia // The American Historical Review. 1979. 411 p. URL: <http://dx.doi.org/10.2307/1855141> (дата обращения: 18.10.2022)

Приложение 1

Илл. 1. Когнитивная карта государственного секретаря А.А. Половцова. Составлено автором.

Илл. 2. Когнитивная карта управляющего Морским министерством И. А. Шестакова. Составлено автором.

Для цитирования: Макей А. Д. Деятельность Особого совещания 1883 г.в разработке проекта по отмене гражданских чинов // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 318 – 325.

Становление украинских организаций в общественно-политической жизни России 90-х гг. XIX в.

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема формирования украинского национализма на территории Российской империи на рубеже XIX – XX вв. Автор рассматривает вопрос возникновения первых политических украинских организаций, причины и исторический контекст их возникновения. Автор стремится понять, какую роль в общественно-политической жизни России играли украинские организации, и каково было их отношение к России.

Ключевые слова: Российская империя, общественно-политическая жизнь, национализм, украинские организации, украинофилы.

Title: Formation of the Ukrainian organizations in Russian social-political life in the 90's of XIX century

Abstract. This article is devoted to the problem of the Ukrainian nationalism formation on the territory of the Russian empire at the turn of the XIX – XX centuries. The author studied the cause and historical context of the emergence of the first Ukrainian political organizations. The author seeks to understand the role of Ukrainian organizations in the Russian social-political life and their attitude to Russia.

Key words: Russian Empire, social-political life, nationalism, Ukrainian organizations, ukrainophiles.

На рубеже XIX – XX в. происходит процесс становления украинских общественно-политических и культурных организаций в русской общественной жизни. Исследование процесса формирования украинских организаций, формирования их отношения к России, социальной базы чрезвычайно важно для понимания истории становления украинского движения. Слово «украинский» в данном исследовании мы употребляем исключительно в партийно-политическом значении как принадлежность организаций и людей к определённому общественно-политическому направлению (украинофилы), но никак не в значении этнонима, поэтому фактически речь идёт об исследовании становления такого явления как

Озадовский, Владислав Евгеньевич — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; OzadovskiyVE@yandex.ru

Научный руководитель: *Гайда, Федор Александрович* — д-р ист. наук, доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Ozadovskiy, Vladislav Evgenievich — Moscow State University, Moscow, Russia; OzadovskiyVE@yandex.ru

Scientific adviser: *Gayda, Fyodor Alexandrovich* — Dr. Sc. in History, Associate Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

украинский национализм. Само наличие «украинского» народа в исследуемый период должно вызывать у исследователей критическое осмысление, так как речь идёт о наличии определённой малороссийской народности в рамках русского народа, за идентичность которой шла борьба определённых общественно-политических сил, чему и будет посвящена наша статья.

Первой украинской организацией, если исходить из контекста слова, определённого нами выше, стала ВУБДО (Всеукраинская беспартийная демократическая организация), созданная на основе объединения украинофильских громад в 1897 г. И хотя данное объединение было весьма кратковременным и не выполнило той задачи, которую перед ней ставили её создатели, оно стало весьма ярким проявлением новых тенденций, сложившихся в украинском движении на рубеже веков, поэтому понять причины и исторический контекст создания ВУБДО нам необходимо для осмысления дальнейшей логики развития украинского движения.

В период 80 – 90-х гг. XIX в. начинается происходить конфликт между двумя поколениями украинского движения. Молодое поколение резко противопоставляет себя предшествующему, избегающего активную политическую борьбу, концентрировавшегося на «просветительской» и «этнографической» деятельности. Тем не менее, «просветительской», в строгом смысле слова, деятельность данного поколения украинофилов назвать никак нельзя. Просто из фактов разгрома Кирилло-Мефодиевского братства и польского восстания они делали вполне закономерные выводы о слабости и узости социальной базы украинского движения и, как следствие, о невозможности открытой конфронтации с властями Российской империи. Хотя одной даже «просветительской» работы представителей украинских студенческих «громд» в созданном Киевском отделении Русского географического общества стало достаточно для его скандального закрытия и обнародования Эмского указа 1876 г. с пунктами о высылке украинофилов П. П. Чубинского и М. П. Драгоманова за границу как «неисправимых и положительно опасных в крае агитаторов» [3]. Но уже в 90-е гг. XIX в. украинское движение начинает уходить от сугубо просветительской работы, ситуация внутри украинского движения начинает подвергаться изменениям. Общая активность революционного движения на территории Российской империи нарастает, требуя от нового поколения украинофилов более прямого участия в общественно-политической борьбе. Вдобавок к этому, не без содействия австрийского правительства, украинское движение начинает активно проявлять себя в общественно-политической жизни Галиции. Эти обстоятельства подталкивали к созданию украинских политических организаций.

Так, весьма одиозная, но тем не менее весьма репрезентативная для украинского движения фигура начала XX в., Н. И. Михновский, в своей брошюре «Самостийна Украина», ставшей программным документом самой массовой (насколько так возможно вообще утверждать относительно весьма малочисленного украинского движения) украинской партии начала XX в. — Революционной украинской партии (РУП), в радикальной и предельно жёсткой манере провёл водораздел между двумя поколениями представителей украинского движения: «Эти поколения (т. е. предыдущие — В. Е.) придали украинофильству характер не доношенной умом этнографической теории. Эти поколения сами лучше всего назвали себя украинофилами, то есть людьми, которые симпатизируют Украине. Они не хотели даже называть себя украинцами. . . Третья украинская интеллигенция начинает борьбу за свой народ, борьбу кровавую и беспощадную. . . Она пишет на своём флаге слова: "Одна, единая, нераздельная, свободная, самостоятельная Украина от Карпат и до Кавказа"» [10, с. 62]. Таким образом, предыдущее поколение украинофилов, занимающееся культурной работой и подготовкой борьбы политической, было новым поколением националистической молодежи в лице Н. И. Михновского отсечено, при этом им даже было отказано в праве называться украинцами. Безусловно, радикальные взгляды Н. И. Михновского разделяло не всё молодое поколение представителей украинского национализма, однако, без наличия определённой консолидированной позиции в кругах радикальной молодежи, без соответствующих идей, озвученных единомышленниками, брошюра не приобрела бы такого отклика. Тем более, что брошюра и прокламации являлись чуть ли не излюбленным пропагандистским средством РУП. В фондах Особого отдела Департамента полиции Российской империи хранятся дела, содержащие сведения о распространении прокламаций РУП на территории малороссийских губерний. Так, в отчётах Департамента полиции указано, что в городе Лубны Полтавской губернии у простого учителя Ивана Яковлевича Сидоренко было конфисковано 1955 экземпляров прокламаций РУП различного содержания [6, л. 7]! Также в отчётах Департамента полиции фигурирует информация, что из поезда, следующего из Харькова в Киев, 19 января 1905 г. было конфисковано 2338 экземпляров различных прокламаций РУП [5, л. 141]. Таким образом, молодое поколение украинофилов активно вовлекалось в пропагандистскую работу с населением «на земле».

Самые дальновидные представители «просветительского» поколения прекрасно осознавали опасность размежевания с политически активной молодежью, поэтому уже в 1897 г. видными украинофилами В. Б. Антоновичем и А. Я. Конисским была создана Всеукраинская беспартийная

демократическая организация (ВУБДО), которая ставила перед собой цель объединить разрозненные силы украинского движения под единой эгидой. В особенности стояла необходимость привлечь на свою сторону политически активную молодёжь. К необходимости создания такой организации В. Б. Антоновича и А. Я. Конисского также активно подталкивал параллельный стремительный рост украинского движения в Галиции, к чему сами Антонович и Конисский приложили немало усилий. Оба видных украинофила ещё в 80 – 90-е гг. организовали ряд поездок в Галицию с целью установления контактов с местными представителями украинского движения, которые после разгрома Австрией галицийских русофилов начинают играть в Восточной Галиции всё большую роль. При определённых цензурных и организационных послаблениях, инициируемых австрийской властью, содержательное наполнение для своего украинства галицийские деятели перенимали в первую очередь от украинофилов из Малороссии. В подтверждение данному тезису можно привести выдержку из небольших по объёму путевых записок В. Б. Антоновича во Львов в конце 1890 – начале 1891 гг., где он описал свою встречу с делегацией от общества «Просвіта»: «Огоновский сказал очень торжественную речь, в течение которой я неимоверно смутился, и затем ответил такую же торжественную речью ex promptu, которая сошла не згирше. Дело в том, что они оказались депутациею общества «Просвіта», которое меня почтило выбором в почётные члены; затем Лавровский (секретарь общества) преподнёс мне диплом на звание почётного члена в роскошном переплёте и издания общества за текущий год, в числе которых я узрел с недоумением календарь, в коем изображён мой собственный портрет в середине меж портретом Основьяненко и Хмельницкого» [1, с. 30]. В меньшей степени культурно развитая Галиция обращалась за идейным содержанием к малороссийской украинофильской интеллигенции и в идеологическом отношении в большей степени ориентировалась на представителей малороссийского украинского движения, вбирая идеологическое наполнение от них. Это подтверждает и высказывание И. Я. Франко в отношении М. П. Драгоманова: «Своими трудами, так же как и примером своей жизни, он дал нам высокий образец неустрашимого и несломленного борца прежде всего за свободу мысли, исследования, критика и развития человеческой личности, и народов, и через это навсегда будет предметом гордости и чести для народа, который выдал такого человека» [5, с. 137]. На фоне того, что культурный и научный уровень у украинофилов Российской империи был на порядок выше, галицийская интеллигенция тяготела к нему и в отношении идейного содержания вбирала именно от украинофилов малороссийских, а не наоборот, как иногда это принято считать. Укра-

инское движение формировалось в первую очередь в Малороссии среди представителей местной интеллигенции, а уже потом как искусственный конструкт было перенесено в Галицию, где нашло благодатную почву под австрийским владычеством и покровительством униатов.

Таким образом, наличие определённого идейного содержания при отсутствии организационных институтов, а также необходимость создать плотную связь с идеологически близкими организациями в Галиции также толкали представителей малороссийского украинского движения к созданию собственных организаций. Основатель ВУБДО В. Б. Антонович вообще в этом отношении обладал способностью мыслить стратегически, а умение играть составляло особенную черту его характера. Так, известный представитель украинского движения Д. Дорошенко отмечал, что со своего дома на Жилянской в Киеве Владимир Антонович «руководил фактически целым украинским движением на протяжении последних десятилетий XIX века, и его влияния шли далеко за границы Украины Поднепровской, аж до Львова и Черновцов» [11, с. 85]. В. Б. Антонович, будучи сыном венгерского революционера и польской шляхтянки, в студенческие годы активно проявлявший себя как «хлопоман» и активный член украинской и польской студенческой громады, сумел при этом стать одним из неформальных лидеров украинофильства, будучи штатным доцентом и профессором Киевского университета, имея титул коллежского советника и тесные контакты с местной научной, административной и полицейской элитой Малороссии. По этому поводу Н. Могилянский впоследствии написал: «Антонович — двуликий Янус, который с кафедры университета проповедовал одно и был в дружбе даже с Новицким (жанدارмский генерал — В. Е.), а у себя дома, в кругу избранной молодёжи проповедовал другое: ненависть к России» [13, С. 87]. При этом Антонович сумел не попасть в список деятелей, упомянутых в Эмском указе, подлежащих высылке в отдалённые губернии, как М. П. Драгоманов и П. П. Чубинский, хотя и участвовал наравне с ними в просветительской работе Киевского отделения РГО. При этом сам Драгоманов, оказавшись в итоге в эмиграции, не смог наладить контакт с различными группами украинофилов Галиции и Малороссии, а в украинском движении начала XX в. в итоге возобладала именно парадигма Антоновича и его ученика М. С. Грушевского, согласно которой малороссийское украинское движение должно ориентироваться на Австрию, в частности, Галицию как на точку приложения своих общественно-политических усилий.

Таким образом, активизация общественно-политической жизни Российской империи на рубеже XIX – XX вв., а также необходимость струк-

туризации и самоопределения в новой, спешно меняющейся реальности, толкала украинское движение к необходимости создания собственных политических организаций, первой из которых стала ВУБДО. Сама данная организация в силу рыхлости, слабости, немногочисленности и разобщённости украинского движения просуществовала недолго и не оставила весомого вклада в историю украинских организаций. Однако на неформальном уровне на основе ВУБДО были завязаны и возникли более плотные контакты различных деятелей украинского движения, которые впоследствии легли в основу формирования первых нелегальных украинских политических партий.

Список источников и литературы

1. Антонович В. Б. Моя сповідь Вибрані історичні та публіцистичні твори. К., 1995. 816 с.
2. Беляков С. С. Весна народов. Русские и украинцы между Булгаковым и Петлюрой. М., 2020. 749 с.
3. Выводы Особого Совещания для пресечения украинофильской пропаганды после исправления в соответствии с замечаниями, сделанными Александром II 18 мая в г. Эмс // Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 242–244.
4. Гайда Ф. А. Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М., 2019. 198 с.
5. ГА РФ Ф. 102. Оп. 231. Д. 1555. Ч. 1. Об украинской революционной партии. Г. Харьков. 141 л.
6. ГА РФ Ф. 102. Оп. 231. Д. 1555. Ч. 2. Об украинской революционной партии. Г. Полтава. 92 л.
7. Горбач Н. Справжній Михайло Драгоманов. Львов, 2008. 288 с.
8. Марчуков А. В. Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М., 2011. 293 с.
9. Марчуков А. В. Украинское национальное движение: УССР. 1920 – 1930 годы: цели, методы, результаты. М., 2015. 593 с.
10. Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. 260 с.
11. Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. 287 с.
12. Міхновський М. І. Самостійна Україна. К., 2002. 80 с.
13. Могилянський Н. М. Трагедія України (Із пережитого в Києві в 1918 році) // Архів російської революції. Берлін, 1923. Т. 11. С. 74-105
14. Ульяновский В. А. Син України: Володимир Боніфатійович Антонович. К., 1997. 447 с.

Для цитирования: Озадовский В. Е. Становление украинских организаций в общественно-политической жизни России 90-х гг. XIX в. // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 326 – 332.

СЕКЦИЯ. ИМАГОЛОГИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И РЕЦЕПЦИИ ПРОШЛОГО: СРЕДНИЕ ВЕКА

Артамонов Ярослав Сергеевич

К вопросу о захвате Городна монголами в «Древней истории литовского народа» Т. Нарбута: сконструированный факт или достоверное известие?

Аннотация. Данная статья посвящена истории изучения прошлого Западно-русских земель. Рассматривается конструктивная природа созданного Т. Нарбутом факта захвата Городна монголами, в связи с чем уточняются возможные источники учёного и анализируются их сообщения. Помимо этого, прослеживается изменение положения тезиса литовского историка как в дореволюционной научной литературе, так и в советской и современной.

Ключевые слова: историография XIX в.; Понеманье; Гродно; монгольское завоевание.

Title: On the question of the capture of the Grodno by the Mongols in the «Ancient History of the Lithuanian People» by T. Narbut: a constructed factor or reliable data?

Abstract. This article is devoted to the history of the study of the past of the Western Russian lands. The constructive nature of the fact of the capture of the Gorodna by the Mongols created by T. Narbut is considered, in connection with which possible sources of the scientist are clarified and their data are analyzed. In addition, there is a change in the position of the thesis of the Lithuanian historian both in pre-revolutionary scientific literature, and in Soviet and modern.

Key words: historiography of the XIX century; Ponemanye; Grodno; the Mongol conquest.

История Понеманских земель и Городно в частности в первой половине XIII в. освещается в дошедших источниках крайне слабо [7, с. 140]. Галицко-Волынская летопись, фактически будучи единственным narra-

Артамонов, Ярослав Сергеевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st075971@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Филишкин, Александр Ильич* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Artamonov, Yaroslav Sergeevich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st075971@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Filiushkin, Alexander Ilyich* — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

тивом по теме, так или иначе позволяет заполнить лакуны в вопросах, связанных со становлением княжества Миндовга и развитием русско-литовских связей в рассматриваемую эпоху. Однако на основании её данных практически невозможно проанализировать влияние фактора татаро-монгольских походов 40-х годов XIII в. на ситуацию в Понеманье.

Изучение обозначенной проблемы затрудняется наличием сконструированного, как сможем убедиться, литовским историком Т. Нарбутом факта, согласно которому в конце 1240 – начале 1241 гг. территория между Западным Бугом и литовской границей была разорена монголами под предводительством военачальника Батгя Кайдана. Последнему в рамках данной акции удалось взять несколько понеманских городов, в т. ч. и Городно, при осаде которого погиб защищавший свою отчину местный князь Юрий Глебович [28, s. 94–95]. Однако приведённые сюжеты не подтверждаются ни древнерусским летописанием, ни археологическими данными.

Несмотря на это, последующая историческая литература, рассматривавшая историю существовавшего здесь с начала XII в. Городенского княжества, опиралась на вышеприведённые положения. Так, П. О. Бобровский с небольшой корректировкой перечня разорённых городов (Мельника, Дорогичина и Городна) пересказал Т. Нарбута, уточнив лишь, что Кайдан приходился сыном Оготэю (Угэдэю) [2, с. 31]. Сюжет с меньшими подробностями, но также включающий в события Юрия Глебовича и Кайдана, присутствует в другой его работе, посвящённой конкретно истории Городно [1, с. 29]. Редакцию литовского ученого приняли составители «Живописной России» [8, с. 189] и очерка о польской истории [30, s. 291]. Е. Ф. Орловский, не называя Кайдана, ограничился общим замечанием о разорении городенской крепости монголами, сопротивлении Юрия Глебовича и восстановлении укреплений Эрдзивилом [13, с. 9–10]. В работе Ф. В. Покровского воспроизводится аналогичное, только из сюжета исключены и татарский военачальник, и городенский князь [14, с. 49]. Как видно, на протяжении всего XIX в. рассказ Т. Нарбута переходил из одной работы в другую, при этом авторы не столько не ссылались на литовского историка, сколько не ставили под сомнение его изложение.

Впервые в отечественной историографии анализ вышеприведённых построений был предпринят советским учёным Н. Н. Ворониным, которому удалось выявить, пусть и не до конца, основные источники Т. Нарбута и обозначить этапы в конструировании факта взятия Городна татарами [3, с. 149–151]. Исследователь отметил, что корни повествования восходят к так называемой легендарной части Белорусско-литовских летописей, сообщавшей об основании литовским князем из рода Палемоновичей Новогородка и Городна, а затем о восстановлении им разрушенных

Батыем Берестья, Дорогичина и Мельника. В изложении легенды М. Стрыйковским разорёнными данным ханом предстоят уже все перечисленные города, к которым добавляются Сураж, Браньск и Бельск [31, с. 235]. Наконец, согласно легенде в редакции Т. Нарбута, Городно, Новгородок и Услоним опустошаются Кайданом, при осаде первого погибает князь Юрий Глебович; Луческ и Пинеск разрушаются Байдаром [28, с. 94–95].

Такое критическое отношение к легендарному сказанию в изложении литовского историка предопределило принцип рассмотрения обозначенного вопроса в литературе советского периода и нашего времени. Отмечалась недоказанность сюжета о Кайдане и Юрии Глебовиче [10, с. 10–11], во многом связанная с отсутствием подтверждающих разорение города археологических данных [21, с. 9–10]. Однако это не помешало в иной раз утверждать, что борьба за город между галицко-волынскими и литовскими князьями началась после смерти Юрия в 1241 г., которую, в свою очередь, представили как факт без указания на его легендарность [20, с. 33]. В новейших работах на легенду в редакции Т. Нарбута либо вовсе не ссылаются, констатируя при этом существование угрозы завоевания татарами Понеманья [4, с. 14; 9, с. 10], либо используют её в качестве введения к изложению событий XIII в., отмечая маловероятность истории про Юрия Глебовича и Кайдана [6, с. 21]. Без каких-либо отсылок к легендарному сказанию существуют мнения как о захвате Городна Литвой после смерти князя в 1241 г. [18, с. 11], так и о прохождении Батыя через Новгородок, Городно и Волоковыск [5, с. 29].

Завершается анализ Н. Н. Воронина тезисом о том, что включение в повествование Юрия Глебовича и Кайдана является либо следствием неправильно понятых источников и легенд, поскольку участие последнего в походе из южнорусских земель в Венгрию не позволяет допустить его присутствие в это время в Понеманье, либо отголоском более поздних столкновений Литвы с кочевниками. В целом же, вопрос о захвате татарами Городна и других понеманских городов исследователь охарактеризовал как открытый [3, с. 150–151].

В этой связи необходим более тщательный поиск и подробное изучение того нарратива, который мог бы послужить источником, стать основой для введения двух упомянутых фигур в сюжет. Между тем, В. Н. Татищев в примечаниях к собственной работе, критикуя легенду в редакции М. Стрыйковского, оставил следующий комментарий: «Город Гродна задолго прежде татар (был основан — наше прим.), и князь гроденский в первом сражении против татар был. И сие (легенда — наше прим.), видится, для отнятия претенсии русской на те места (Понеманье — наше

прим.) от поляков и литвы вымышлено» [19, с. 468]. И если последнее положение о цели создания легендарного сказания можно полностью принять и сегодня, то первое читать необходимо более чем осторожно.

Вероятно, Т. Нарбут, державший в своих руках работу первого русского историографа, столкнулся с таким двусмысленным примечанием. С одной стороны, указание на первое сражение с татарами является отсылкой к развернувшимся в 1223 г. событиям на Калке, однако участие в сражении кого-либо из городенских или близких к ним князей не подтверждается ни одним источником. С другой, такая формулировка может трактоваться как первое столкновение с татарами непосредственно в Понеманье или вовсе в окрестностях Городна. По-видимому, литовским историком был принят второй вариант.

Если ремарка В. Н. Татищева действительно послужила Т. Нарбуту почвой для размышлений, то закономерен вопрос о логике последнего при наречении им данного князя. Местному ономастикону не присуще имя «Георгий/Юрий». Ближайшим родственником, носившим его, был Юрий Ярославич Туровский, женатый на дочери первого городенского князя [15, с. 226–227]. Второго сына Всеволода звали Глебом [15, с. 225], такое же имя носил и Глеб Волковыский [15, с. 560–561], точное происхождение которого, как и родство с городенской ветвью, не установлено. Так или иначе, в данном случае источники не позволяют развить анализ более.

Обращаясь к фигуре татарского военачальника из легенды, отметим, что в вопросе его идентификации существует единственная точка зрения, обозначенная ещё Н. Н. Ворониным [3, с. 150–151], согласно которой Кайдан считается сыном Угэдэя, а в его биографию включаются, как уже упоминалось, эпизоды с участием в разорении волыньских, галицких и венгерских земель, находящие подтверждение в практически современных событиям источниках [15, с. 522; 17, с. 44–46; 24, р. 162, 164, 166, 198, 214; 16, с. 44; 32, р. 260, 282, 288, 298, 300, 302]. Однако ни один из них не сообщает о продвижении Кайдана на северо-запад.

Уникальными являются данные Я. Длугоша, упомянувшего в числе участников татарской экспедиции в Польшу некоего Кайдана (Kaidanus) [22, р. 13–14], который при описании на последующих страницах венгерских событий 1241 г. встречается неоднократно [22, р. 27, 38–39]. Г. Лябуда показал, что такая форма имени была образована от имени Кайдана, сына Угэдэя, находившегося в Венгрии в то время [23, с. 206]. Действительно, очевидцы татарского нашествия, Магистр Рогерий и Фома Сплитский, называют его Cadan [24, р. 162, 164, 166, 198, 214] и Caydan (-o; -us) [32, р. 260, 282, 288, 298, 300, 302] соответственно. Отсюда следует, что мы имеем дело с двумя разными лицами.

Причина, побудившая Я. Длугоша именно так назвать действующего в Польше татарского полководца, до конца не ясна. Можно лишь осторожно предположить, что последний имел либо созвучное, либо вовсе аналогичное имя. Фактически, произошло объединение двух фигур под одной, на что обратил внимание ещё в начале XVI в. М. Меховский [11, с. 50; 26, р. 135]. При этом в историографии предпринимались попытки отождествить «польского» Кайдана как с «венгерским» [25, р. 143], так и с племянником последнего — Хайду/Кайду [26, с. 24]. Если первый вариант априори невозможен, то от второго следует отказаться по причине малолетства внука Угэдэя на момент событий Западного похода [29, р. 222].

Итак, обобщив вышесказанное, третью редакцию легенды можно считать достаточно устойчивым во времени конструктом, при создании которого Т. Нарбут, по-видимому, пользовался помимо прочих работами Я. Длугоша и В. Н. Татищева. Несмотря на то, что изучение данного мало-достоверного факта практически не привносит нового знания в тематику истории Понеманья во времена монгольских походов, его характер и этапы конструирования могут служить хорошей иллюстрацией к развитию историографической мысли первой половины XIX в.

Список источников и литературы

1. *Бобровский П. О.* Историческая монография города Гродны // Вестник Западной России. 1866. Т. 3. № 7. Отд. 2. С. 28–43.
2. *Бобровский П. О.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. Часть I. СПб., 1863. 868 с.
3. *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно // МИА. № 41. М., 1954. 241 с.
4. Гродно. Энциклопедический справочник. Минск, 1989. 439 с.
5. *Жумаганбетов Т. С., Сундетова А. Н.* Черная и Червоная Русь в период монгольских походов // Русин. 2019. Т. 58. С. 26–38.
6. *Карпач Е. С.* Развитие Гродненского исторического центра в период вхождения Гродно в состав Великого княжества Литовского (XIII в. – 1569 г.) // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты. 2019. № 6-7 (15). С. 20–26.
7. *Кибинь А. С.* От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X – XIII веках. М., 2019. 272 с.
8. *Киркор А. К.* Городские поселения в Литве // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. III. Часть I. Литовское полесье. СПб.; М., 1882. С. 163–204.
9. *Краўцэвіч А. К.* Рыцары і дойліды Гародні. Wrocław, 2009. 104 с.
10. *Кудряшев В. И.* Гродно. М., 1960. 128 с.
11. *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. 288 с.
12. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. Часть I. СПб., 1863. 868 с.

13. Орловский Е. Ф. Очерк истории города Гродны, составленный на основании печатных источников Е. Орловским, учителем Гродненской гимназии. Гродно, 1889. 76 с.
14. Покровский Ф. В. Археологическая карта Гродненской губернии. Вильно, 1895. С. 165 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1871. 691 с.
16. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М., 1957. 271 с.
17. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М., Л., 1960. 253 с.
18. Рындин И. Ж. Формирование княжеского ономастикона в Галицком, Турово-Пинском и Городенском княжествах в XI – начале XIV в. // Российский научный журнал. 2016. № 4 (53). С. 10–14.
19. Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8-ми томах (5-ти книгах): Т. 4. История Российская. М., 1995. 556 с.
20. Швед В. В., Госоцеў А. П., Дабрыян А. А. Горадзен: Аповяды з гісторыі горада (10 ст. – сярэдзіна 16 ст.). Гродна, 1996. 60 с.
21. Швед В. В. Падзеі і постаці Гродзенскай даўніны. Гродна, 1995. 176 с.
22. Długossii J. Annales Seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber VII–VIII. Warszawa, 1975. 433 s.
23. Labuda G. Wojna z Tatarami w roku 1241 // Przegląd Historyczny. 1959. T. 50. №. 2. S. 189–224.
24. Magistri Rogerii. Epistola in miserabile carmen super destructione regni Hungarie per Tartaros facta. Budapest; New York, 2010. 268 p.
25. Man J. The Mongol Empire: Genghis Khan, his heirs and the founding of modern China. London, 2014. 457 p.
26. Maroń J. Legnica 1241. Warszawa: Wydawnictwo Bellona, 1996. 168 s.
27. Mechovita M. de. Chronica Polonorum. Cracoviae, 1521. 379 p.
28. Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. T. IV. Wilno, 1838. 712 s.
29. Saunders J. J. The History of the Mongol Conquests. New York, 1971. 275 p.
30. Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym opisana przez Michała Balińskiego i Tymoteusz Lipińskiego. T. 4. Warszawa, 1886. 889 s.
31. Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi. T. I. Warszawa, 1846. 392 s.
32. Thomae Archidiaconi Spalatenensis. Historia Salonitanorum atque Spalatinorum pontificum. Budapest; New York, 2006. 404 p.

Для цитирования: Артамонов Я. С. К вопросу о захвате Городна монголами в «Древней истории литовского народа» Т. Нарбута: сконструированный факт или достоверное известие? // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 333 – 338.

Римские святыни в восприятии русского человека в середине XV – первой трети XVI вв.

Аннотация. В середине XV – первой трети XVI вв. происходит значительный рост контактов Русского государства с Римом. В восприятии русского человека этого периода образ Рима сочетал грани враждебности к «латинству» и почитания в качестве общехристианского центра. В данной статье рассматривается отношение к римским святыням на основе анализа посещения некоторых из них русскими делегатами, а также прослеживается рецепция римских сказаний об иконах в русской культуре.

Ключевые слова: русско-итальянские отношения, римские святыни, восприятие.

Title: Roman shrines in the perception of the Russian people in the middle of the XV – first third of the XVI centuries.

Abstract. In the middle of the XV – first third of the XVI centuries, there was a significant increase in contacts between the Russian state and Rome. In the perception of the Russian people of this period, the image of Rome combined the facets of hostility to «Latinism» and veneration as a common Christian center. Russian delegates' visits to Roman shrines are analyzed in this article, as well as the reception of Roman legends about icons in Russian culture is traced.

Key words: Russian-Italian relation, roman shrines, perception.

Период середины XV–первой трети XVI вв. ознаменовался увеличением дипломатических, торговых и культурных контактов между Русским государством и Римской землей. Вместе с тем интересно отметить, что в сознании русского человека параллельно существовало несколько граней образа Рима, отслеживающихся в источниках этого времени. С одной стороны, Рим представлялся как центр католического мира, что обуславливало его восприятие в качестве враждебного «латинского» центра. С другой стороны, «вечный город» оставался общехристианским центром, бывшим современником жизни Иисуса Христа и первых веков распространения христианства. Кроме того, Рим являлся центром

Степура, Дарья Сергеевна — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; darya.stepuro@gmail.com

Научный руководитель: *Матасова, Татьяна Александровна* — к-т ист. наук, доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Stepuro, Daria Sergeevna — Moscow State University, Moscow, Russia; darya.stepuro@gmail.com

Scientific adviser: *Matasova, Tatiana Aleksandrovna* — PhD in History, Associate Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

ренессансной культуры, влияние которой простирается на Русь во многом именно благодаря указанным контактам.

В рамках данной работы нам представляется наиболее интересным остановиться на восприятии Рима в качестве общехристианского центра, в связи с чем будет рассмотрена проблема отношения русского человека к римским святыням и интерпретации некоторых из них в рамках русской культуры. В качестве источников, освещающих эту тему, нами были выбраны «Заметка о Риме», составленная одним из участников посольства на Ферраро-Флорентийский собор, Сказание об иконе Богоматери Римской и Сказание о Лоретской Мадонне. Интерес к Заметке обусловлен представленным в ней первым описанием «вечного города», включающим также личные впечатления автора. В то время как сказания дают возможность отследить связь текстов о почитании Богоматери на Руси с римскими корнями этой традиции.

«Заметка о Риме» была написана одним из участников русской делегации на Ферраро-Флорентийский собор и включает описание Рима и маршрута, по которому следовали русские делегаты, оказавшись в «вечном городе». Согласно источнику, они посетили мощи святых апостолов Петра и Павла и мощи святого папы Сильвестра, отдельно автор указывает о нахождении голов святых апостолов в церкви Иоанна Предтечи, в которой крестился Константин и где хранится его крестильница из зеленого мрамора [1]. Этими словами составитель заметки обозначает, что Рим стоял у истоков христианства, из которого оно было распространено на Византию, а впоследствии и на Русь. Кроме того, для создателя текста представляется важным собственное прикосновение к святыням: он отмечает, что, будучи на месте гибели апостола Павла, вместе с остальными участниками поездки в Рим осенил себя мечом, которым и отсеки голову апостолу, где ныне имеются три родника, из которых путники пили святую воду [1]. Несмотря на отсутствие прямых указаний на эмоции автора, в тексте прослеживается почтение его к увиденным реликвиям, а также некоторая восторженная радость возможности приобщиться к истокам христианской веры, которые являются прямыми показателями восприятия Рима русскими людьми в конце 1430-х гг. в качестве центра зарождения мировой христианской религии.

Помимо описанных выше достопримечательностей автор заметки упомянул также императорский дворец и дом Евфимиана, в заключение отметив, что «о другом виденном не написали» [1]. Таким образом, создатель произведения указывает на разграничение, сделанное им при составлении этого текста, вызвавшееся во включении в него только тех

сюжетов, которые имели отношение к раннему христианству и казались ему важными для донесения до читателей.

Перечисление религиозных памятников в заметке сопровождается тщательным описанием расстояний, пройденных путниками до города, географического расположения Рима и размеров посещаемых ими церквей. Эти замечания придают ей оттенок хождения, описывающего паломничество к святым местам, в котором автор стремится как можно более объемно передать пространство, чтобы создать у читателей ощущение самостоятельного посещения описываемых мест.

Однако интересно, что маршрут, представленный в Заметке, расходится с традиционным паломническим маршрутом по Риму, включающим посещение семи главных базилик (Сан-Пьетро, Сан-Паоло-фуори-ле-Мура, Сан-Джованни ин Латерано, Санта-Мария-Маджоре, Сан-Лоренцо-фуори-ле-Мура, Сан-Мартино-аи-Монти, Санта-Кроче-ин-Джерусалемме). В связи с этим можно предположить, что участники делегации на Ферраро-Флорентийский собор, оказавшись в «вечном городе», осматривали именно те святыни, которые были важны для них в контексте почитания в православной традиции.

Создание «Заметки о Риме» относится к периоду середины XV века, в то время как мы можем наблюдать интерес к римским памятникам на Руси в более ранний и более поздний период. Так, в конце XIV века в русскую традицию вошла Проповедь о Римляныне, повествующая о чудесном перенесении Лиддской иконы Богоматери в Рим во время иконоборческих гонений в Византии. Позднее икона, согласно сказанию, чудесным образом вернулась в Константинополь, чем вызвала тревогу римлян, видевшим в этом «предзнаменование гибели своего отечества» [10, с. 231.].

На Руси почитание Римской иконы Богоматери получило широкое распространение. Как указывает М. Б. Плюханова, Проповедь о Римляныне предстает характерным (и часто даже единственным) чтением праздника Торжества Православия, а в XV веке становится основой для почитания чудотворных богородичных икон, службы которым включают цитаты из текста почитания Богоматери Римляныне [7, с. 395.].

Однако особо примечательной является дальнейшая история почитания этого образа на русской земле. Так, по указаниям ряда исследователей (Н. В. Квливидзе, М. Б. Плюханова), в рукописях, относящихся к середине XVI века, можно наблюдать новую версию проповеди, дополненную перенесением иконы на Русь, на Тихвину, что приводит к отождествлению Римской и Тихвинской икон Богоматери. Кроме того, отмечается особое внимание к Лиддской иконе Богоматери в Московском царстве и во вто-

рой половине XVI века, что выражается в создании нескольких произведений церковного искусства с иллюстрациями Сказания, которые были направлены на поддержание легитимности царского титула московских государей [3, с. 236.].

Появление сюжета перенесения иконы Римской Богоматери на Русь хронологически совпадает с окончательным оформлением концепции «третьего Рима», идея которой заключается в перемещении на Русь центра христианства после «падения» Рима и Константинополя (первого и второго Рима, соответственно). При этом под «падением» в данном случае подразумеваются не политические (падение Западной Римской империи в 476 г. и падение Византии в 1453 г.), а духовные процессы – выраженные в отступлении от истинной христианской веры. Подобная трактовка (которой придерживаются крупнейшие исследователи концепции «третьего Рима» В. Малинин, Н. В. Сеницына) приводит нас к совершенно другим хронологическим координатам, согласно которым, «падение» Рима относится к XI веку, что связано с коронацией Карла Великого в Риме (800 г.) деятельностью папы Формоса (конец IX в. Коронация Карла Великого дала начало новому Римскому царству, что разрушило связи со старым Римом и единство с Восточной Римской империей – Византией; нововведение Формоса заложили основу для будущего разделения православной и католической церквей), а Византии – с принятием ей унии в 1439 г.

В связи с этим, понятие Рима, перенесенное на Русь, выступает в качестве символа, олицетворяющего центр истинной христианской веры. Под Римом в данном случае подразумевается «Ромейское царство», являющееся трансцендентной духовной империей, лишенной пространственно-временных параметров [9, с. 336].

Таким образом, мы можем видеть, как сказание об иконе Богоматери Римской, почитание которой первоначально связано с восприятием Рима в качестве места зарождения и распространения раннего христианства, интерпретируется в рамках общих тенденций появления концепций перенесения общехристианского центра на Русь и в конце концов встраивается в образ Богоматери Тихвинской.

На формирование образа Тихвинской Богородицы оказал влияние также перевод Сказания о Лоретской Мадонне, принесенный во второй половине 20-х годов XVI века русским посольством, отправленным к папе Клименту VII. Кроме того, известно, что послы Еремей Трусов и Тимофей Лодыгин, пребывая в Риме в 1527-1528 гг., «видоша сию святую церковь» [11, с. 540.]. Сказание передает историю о доме Богоматери в Назарете, который после захвата турками Иерусалима «преиде оттуда

в область Римскую, в град Тарсию» [11, с. 537.], после чего переместился в место, называемое Лорето.

Восприятие этого сюжета на западе существовало в русле представлений о Восточной церкви, ищущей спасение в объятиях Римской, что символизировалось в перелетающем доме Богоматери. В России же, по мнению М. Б. Плюхановой, версия повести о чуде бегущей церкви появляется слишком поздно, чтобы повлиять на сформировавшуюся до этого концепцию; история Тихвинской иконы, коррелирующая со Сказанием об иконе Римляныне, весьма близкая к истории Лоретского чуда уже сложилась ко времени появления лоретской повести в русской книжности [6, с. 695.]. В связи с этим повесть о Лоретской Мадонне лишь актуализировала идею римского пребывания святыни (имеется в виду икона Богоматери, перелетевшая позднее в Тихвин) и римского происхождения чистой веры, которое отражалось в понятии Ромейского царства, снизошедшего на Русь. Таким образом, перевод Сказания о Лоретской Мадонне, производный от латино-итальянских текстов инкорпорировался в русскую традицию сказаний об иконах (лишь повлияв на последовательность «остановок» на пути чудесного шествия Одигитрии [7, с. 505.]), заняв в ней положение рядом с сюжетом о чудесном явлении иконы на Тихвине, что стало возможным в связи со сходством сюжета,

Подводя итоги изучения отношения на Руси к римским святыням, обозначим несколько сделанных выводов. Во-первых, на Руси в середине XV– первой трети XVI вв. были глубоко почитаемы святыни, относящиеся к первым векам распространения христианства, о чем свидетельствуют маршрут составителя «Заметки о Риме» и факт посещения Лоретской святыни посольством Лодыгина и Трусова. Во-вторых, некоторые римские святыни получают особую интерпретацию, становясь составной частью почитания иконы Богоматери Тихвинской. Сказание о ней, имея в основе текст Проповеди о Римляныне, дополняется фактом перемещением иконы на Русь (что в целом соответствует концепции «третьего Рима», заключающейся в идее перенесения христианского центра в Москву), а также некоторыми деталями Сказания о Лоретской Мадонне и имеет большое влияние на русскую культуру последующего времени.

Список источников и литературы

1. Заметка о Риме / Подгот. Текст. перевод и комментарии *Н. А. Казаковой*. / СПб., 1999. Т. 6. С. 491.
2. *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV-XVI веков: Из истории междунар. культ. связей России. Л., 1980. 278 с.
3. *Квливидзе Н. В.* Сказание о Лиддской-Римской иконе Богоматери в московском искусстве второй половины XVI в. // Вестник РГГУ. № 10. М., 2007. С. 230–237.

4. *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Ист.-лит. исследование В. Малинина. Киев, 1901. 1029 с.
5. *Матасова Т. А.* Русские посланники в Орвието зимой 1528 г., или Почему в России закончилось «столетие итальянских влияний»? // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н. С. Борисова. Сборник научных статей. СПб., 2020. С.252–263.
6. *Плюханова М. Б.* Культ Божьей Матери Лорето, его русские параллели и связи // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 669–697.
7. *Плюханова М. Б.* Кипение света: Русские Одигитрии в литургической поэзии и истории. СПб., 2016. 604 с.
8. *Синицына Н. В.* Образ Рима и идея Рима в русском национальном сознании XV–XVI вв. // Россия и Италия. М., 1993. С. 20–38.
9. *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. 416 с.
10. Сказание об иконе Богоматери Римской (пер. с греч. А. Ю. Никифоровой, предисл. к публ. А. М. Лидова) // Реликвии в Византии и Древней Руси: Письменные источники. М., 2006. С. 225–237.
11. Сказание о Лоретской Мадонне // Русский феодальный архив XIV - первой трети XVI века. М., 1987. Ч.3. С.537–540.

Для цитирования: Степуро Д. С. Римские святыни в восприятии русского человека в середине XV – первой трети XVI вв. // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 339 – 344.

СЕКЦИЯ. ИМАГОЛОГИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И РЕЦЕПЦИИ ПРОШЛОГО: НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Рахманова Александра Евгеньевна

Роль античных рецепций в конструировании идеологии Британской империи (на примере полемики в парламенте по делу Дона Пасифико)

Аннотация. В данной статье рассматривается роль античных рецепций в британской идеологии после 1850 г., когда дело Дона Пасифико вызвало вмешательство Британии в греческую политику на основании провозглашенного министром иностранных дел Г. Пальмерстоном принципа *civis Romanus sum*. Источниками для статьи выступили парламентские дебаты за июнь 1850 г.

Ключевые слова: лорд Г. Пальмерстон; У. Гладстон; Греция; империализм.

Title: The role of the ancient receptions in designing the ideology of the British Empire (on the example of the controversy over the Don Pacifico affair in the Parliament)

Abstract. This article examines the role of the ancient receptions in British ideology after 1850, when the Don Pacifico affair was a reason that caused British interference in Greek politics. Indeed, that was based on the *civis Romanus* doctrine, declared by the Foreign Minister H. Palmerston. Parliamentary Debates of June, 1850 served as sources for the article.

Key words: Lord H. Palmerston; W. Gladstone; Greece; imperialism.

Имперский статус Великобритании неизбежно вызывал отсылки к античности, как в викторианскую эпоху, так и в наши дни. Недавно бывший британский премьер-министр Борис Джонсон вновь обратился к данной аналогии в своей книге «С мечтой о Риме». В качестве иллюстрации он использовал дело Дона Пасифико [4, с. 55–57]. Поэтому и мы решили рассмотреть это существовавшее ранее сравнение Британии и Рима, проанализировать, на чём строилась аргументация в дискуссии

Рахманова, Александра Евгеньевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st096606@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Борисенко, Виктор Николаевич* — к-т ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Rakhmanova, Alexandra Evgenievna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st096606@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Borisenko, Viktor Nikolaevich* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

о преемственности тогда, и понять, как она отразилась на конструировании идеологии Великобритании.

Обобщая выводы современных исследователей данной проблематики, можно заметить различие во мнении отечественных и зарубежных историков. Если российская историография признаёт сходство «цивилизаторского» характера британского и римского империализма [3; 5; 6, с. 29; 7], то западная, наоборот, стремится подчеркнуть различия между ними и необоснованность сравнения [2, с. 144–145; 11].

Интересно проследить, как менялось отношение к «римской идее» в британском сознании в XVIII–XIX вв. Если до викторианской эпохи Британия изображала себя исключительно торговой империей, чьё единственное сходство с «кровавым» Римом заключалось в свободолюбии её граждан, то распространение к XIX в. имперских монархий в Европе вынудило британскую пропаганду искать способ подчеркнуть собственную уникальность, которым и стала параллель с Римом [3].

В 1847–1850 гг. развернулся дипломатический конфликт с участием Британии и Греции. В Афинах произошёл погром торговой лавки британского подданного Дона Пасифико, являвшегося португальским евреем. Рождение в британском Гибралтаре давало ему право британского гражданства. В Афинах Пасифико оказался, вступив в должность генерального консула Португалии в Греции, однако был уволен со своего поста. Драма разгорелась, когда на Пасху полиция запретила грекам по традиции сжигать изображение Иуды Искариота, чем толпа была очень раздражена. Всё это вылилось в разгром единственного ближайшего к месту событий еврейского дома, принадлежавшего Пасифико. Надо сказать, что сведения о его личности остаются противоречивыми, по неподтвержденным данным, он сам крайне неуважительно относился к христианским жителям Афин.

Суммарные убытки, по подсчетам хозяина, составили 32 тыс. ф. ст. Греческое правительство не возместило ущерб, и тогда в дело вмешался лорд Пальмерстон, не потерпевший угнетения греками подданного своей страны. Британией была отправлена нота, одним из пунктов которой значилась компенсация Пасифико в размере 886,736 драхм. Но «дело» было поводом к произошедшему далее, реальные причины крылись в освободительной борьбе греков.

Основной претензией в ноте было изгнание революционеров с Ионических островов (которые находились под протекторатом Англии с наполеоновских войн). Лорд Пальмерстон направил к греческим берегам английскую эскадру под командованием адмирала Паркера, поступив в духе «дипломатии канонерок». Британский флот блокировал Пирей и ряд

других греческих портов, для гарантии сатисфакции началась конфискация судов, заходивших в эти порты. В конце концов, блокада греческих берегов была снята, однако эти события привели к серьёзному дипломатическому кризису в Европе: произошло охлаждение отношений Британии с Францией и Россией, выразивших протест действиям Пальмерстона.

Для самого Пальмерстона причины ситуации лежали глубже защиты португальского подданного. Противодействуя греческой революции, он выступил против усиления влияния России в Греции. Британский министр иностранных дел считал греков потенциальными союзниками российского императора в «восточном вопросе», стремился ослабить российское влияние на Балканах. Пальмерстон видел в поддержке Россией Греческого королевства угрозу и без того слабеющей Османской империи, остававшейся, по его мнению, единственным оплотом против имперских амбиций Франции и России в Средиземноморье.

Парламентские дебаты по «делам в Греции» продолжались всю вторую половину июня 1850 г., в то время парламент был раздроблен сильнее, чем на две фракции. Несмотря на принадлежность к либералам, во внешней политике Пальмерстон руководствовался чисто торийскими принципами поддержки британских торговцев и промышленников и стремления к ослаблению главных континентальных конкурентов Британии. Поначалу действия Пальмерстона одобрены не были. Члены Палаты Лордов порицали его поступок: «было бы слишком абсурдно, слишком смешно, слишком глупо делать это [греческое дело — А. Р.] предметом выступлений в Палате Ваших Светлостей, если бы не тот знаменательный факт, что именно от таких глупостей зависит мир в Европе» [9, col 1310]. Лорд Стенли осудил действия Форин Офиса в Палате Лордов: «я испытал сожаление и стыд за ту роль, которую сыграла моя страна. <...> возникли ненужные осложнения, были созданы ненужные трудности, а мелочи сами по себе поднялись до уровня значительнейших вопросов» [9, col 1294]. Сентенция виконта Каннинга исчерпывающе отражает отношение парламентской оппозиции к «политике, основанной на несправедливости, проводившейся с высокомерием и завершённой без достоинства» [9, col 1387]. Таким образом, члены парламента подчёркивали абсурдный характер действий Британии в Греции.

Однако всё изменилось после дебатов в Палате Общин 29 июня. В ответ на все претензии виконт Пальмерстон произнёс вдохновенную пятичасовую речь, в которой аргументировал свою международную политику и настаивал на том, чтобы каждый британский подданный, как и гражданин Древнего Рима, имел право на защиту и заботу со стороны Великобритании в любой точке мира (так как ранее именно статус римского

гражданина являлся единственным античным образцом для британцев). Пальмерстон также апеллировал к принципам Форин офиса Великобритании, провозглашая таким образом их преемственность римским. «Если принципы, на которых строится внешняя политика правительства Ее Величества, и чувство долга, которое заставляет нас думать, что мы обязаны обеспечивать защиту наших соотечественников за рубежом, являются основополагающими для тех, кто выполняет обязанности Правительства Англии и является, как римлянин в древние времена, свободным от унижения, если бы он мог сказать *civis Romanus sum*, то и британский подданный, в какой бы стране он ни находился, будет уверен, что зоркий глаз и сильная рука Англии защитят его от несправедливости и зла» [10, cols 443–444]. Аргументы и аллюзия на Римскую империю показали убедительными. Палата Общин оправдала министра и поддержала новый, вдохновлённый Римом, принцип внешней политики. Пальмерстон использовал рабочий инструмент пропаганды: теперь всем казалось логичным, что при величии и мощи Британской империи она должна по праву считаться и, главное, быть преемницей величайшей империи античности в вопросах политики и права.

Стоит разобраться со смыслом принципа *civis Romanus sum*. Данная формула переводится как «я — римский гражданин!», она «заявляла о полноправии гражданина и гарантировала ему неприкосновенность за пределами Рима» [8, с. 71–72].

О принципе римского гражданства мы знаем от Марка Туллия Цицерона: он упоминал указанную формулу в речах против пропретора Сицилии Верреса (V, 52). За исключением речи Цицерона, античных источников о данном принципе нет, однако, исходя из известных данных о правах римских квиритов, наличие права защиты гражданина за пределами государства вполне возможно.

Но вернёмся в 1850 г. В момент всеобщего ликования и патриотического единения вокруг новой имперской идеи одним из немногих, кто выступил против подобной доктрины, стал Уильям Гладстон.

Он возразил Пальмерстону, отказав использованной последней формуле гражданства в нравственности и гуманности. Аргументация Гладстона основывалась на том, что римские граждане не были равны британским. «Римский гражданин являлся членом привилегированной касты победителей и завоевателей, державших в подчинении силой своего оружия другие нации» [10, cols 380–386.]. Гладстон утверждал, что римские законы распространялись только на римских граждан, жизнь же всего остального мира регулировалась отдельным правом для провинций. Будучи знатоком античной истории, Гладстон разделял греческий и рим-

ский типы колонизации и считал второй насильственным и невыгодным экономически, так как метрополия была вынуждена тратить средства на силовое удержание власти в колониях и подавление местных недовольств [1, с. 75–85]. «Англия — цивилизованная, современная страна благородных и справедливых людей и не может позволить себе следовать жестокой идее, согласно которой британские подданные имели бы те права, которых был лишен остальной мир. Британия должна проводить политику объединения, образования братства и поддержки независимых государств и их политики, призывать к уважению международных законов, а не нарушать их самостоятельно» [10, cols 380–386.]. Речь Гладстона, выдержанная в духе истинного либерализма, провозглашала истинно демократические ценности, которыми и должно было руководствоваться министерство во внешней политике.

Дебаты продолжались четыре дня и завершились оправдательной резолюцией, обосновавшей необходимость и неизбежность проведения Форин Офисом именно такой политики. Гладстон остался в меньшинстве. На этот раз принципы гуманизма и международного права не были проведены в международные отношения Европы.

По нашему мнению, однозначно судить об актуальности и возможности сравнения римского и британского империализма нельзя. Для составления полной картины необходимо учитывать особенности взаимодействия колоний и метрополии внутри империи, характер управления, а также социально-экономический контекст эпохи. Однако можно проанализировать, как «греческое дело» и полемика по его поводу повлияли на становление идеологии Британской империи.

Античные рецепты помогли оформить идею британского империализма как ключевую во внешней политике викторианской эпохи. Как и Рим, Британия вступала в отношения с другими государствами с позиции признания «власти и величия английского народа». Это выразилось во вмешательстве в дела геополитически более слабых соседей (например, Греции), поведение которых не отвечало интересам Британии. Вместе с тем очевидна связь с Римом и «блестящей изоляцией», — внешнеполитического курса второй половины XIX в., когда Британия, достигшая своего расцвета, могла, подобно Римской империи, смело считать себя гегемоном в Европе и быть абсолютно свободной в международном взаимодействии, не вступая в союзы и альянсы. Направляя канонерки к греческим берегам, Британия не испугалась сопротивления Франции и России.

Если говорить о воздействии на колониальную политику Великобритании, то, как и в Риме, управление колониями здесь во многом основыва-

валось на военной силе. Стремление «цивилизовать» туземное население перекликалось со взаимоотношениями римлян и варваров.

В итоге можно сказать, что “*Rex Britannia*” стремился походить на “*Rex Romana*”, как минимум, на словах. Предложенная Г. Пальмерстоном концепция органично вписалась в британское мировоззрение викторианской эпохи, однако к концу века исчерпала себя на фоне соседних государств, быстро развивавшихся экономически. С «мечтой о Риме» Британия дожила до XX столетия, когда Вторая англо-бурская война положила конец «блестящей изоляции» и показала необходимость налаживания международных отношений и заключения Великобританией союзов с усилившимися странами европейского континента [6, с. 20]. Полвека античные рецепции были значимым элементом пропаганды британской внешней политики. Однако вступать в новейшее время нужно было не в одиночку. Поэтому можно сказать, что к концу викторианской эпохи возможность управления Британской империей так же, как Римом, не представлялась возможной, и эта перцепция так и не смогла встроиться в британскую идеологию.

Список источников и литературы

1. *Борисенко В. Н.* Гладстон и Египет 1882–1885 гг. (проблемы либеральной имперской экспансии) // Личность в истории в эпоху Нового и новейшего времени (памяти профессора С. И. Ворошилова): Материалы международной науч. конференции, Санкт-Петербург, 8–9 декабря 2009 г. СПб., 2011. С. 75–85.
2. *Брендон П.* Упадок и разрушение Британской империи. 1781–1997. М., 2010. 957 с.
3. *Гурин И. Г., Тартыгина О. О.* Имперская идея в представлении элиты Великобритании XIX – начала XX вв. // Вестник СамГУ. 2007. № 5-3 // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperskaya-ideya-v-predstavlenii-elity-velikobritanii-xix-nachala-xx-vv> (дата обращения: 24.10.2022).
4. *Джонсон Б.* С мечтой о Риме [пер. с англ. А. В. Галактионова]. М., 2017. 260 с.
5. *Нохрин И. М.* Понятия раса и нация в общественно-политической жизни Британской империи XIX в. // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3 (24). С. 103–108.
6. *Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. 454 с.
7. *Шишков В. В.* Российская и Британская империи: опыт политико-философского сопоставления // Вестник Российской нации. 2013. № 3–4 (29–30). С. 64–84.
8. *Цыбульник Ю. С.* Крылатые латинские выражения. М., 2003. 992 с.
9. PD. 1850. 3d ser. Vol. 111.
10. PD. 1850. 3d ser. Vol. 112.
11. *Vance N.* Imperial Rome and Britain’s language of empire, 1600–1837 // History of european ideas. L.: 2000. Vol. 26. № 3–4. P. 211–224.

Для цитирования: Рахманова А. Е. Роль античных рецепций в конструировании идеологии Британской империи (на примере полемики в парламенте по делу Дона Пасифико) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 345 – 351.

Белорусы-Католики Северо-Западного края глазами Виленского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского

Аннотация. В настоящей статье рассматривается изображение католического населения Северо-Западного края во всеподданнейшем отчёте Виленского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского за 1902 – 1903 гг. Изучаются особенности и специфика изображения католиков Северо-Западного края во всеподданнейшем докладе. Делается вывод о влиянии существовавших стереотипов восприятия католиков Северо-Западного края в бюрократических кругах на их восприятие П. Д. Святополк-Мирским.

Ключевые слова: П. Д. Святополк-Мирский; этноконфессиональная политика; Российская империя в XIX – начале XX вв.; католицизм.

Title: General-governor P. D. Svyatopolk-Mirski's perception of Belarus Catholics of the North-Western province

Abstract. The article examines the way how the catholic population of the North-Western borderlands of the Russian Empire was described in the report made by P. D. Svyatopolk-Mirski. The peculiarities of this presentation of Catholics are inquired into. The author concludes that both P. D. Svyatopolk-Mirski's perception and the image of Catholics presented in his report were largely defined by the widespread stereotypes against the catholic population.

Key words: P. D. Svyatopolk-Mirski; confessional politics; late Russian empire; Catholic Church.

В последние десятилетия при изучении истории Российской империи начала XX в. исследователи всё больше внимания уделяют сюжетам, связанным с историей этноконфессиональных отношений на окраинах империи, в особенности на её западных рубежах, в состав которых входила территория современной Беларуси. Пёстрый этнический и конфессиональный состав населения, иные, по сравнению с центром, способы управления населением, наконец, сам статус западных окраин, являвшихся своего рода «экспериментальной площадкой империи» [4] — всё

Ерохов, Никита Сергеевич — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; nikita1312er@gmail.com

Научный руководитель: *Гайда, Федор Александрович* — д-р ист. наук, доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Yerokhov, Nikita Sergeevich — Moscow State University, Moscow, Russia; nikita1312er@gmail.com

Scientific adviser: *Gayda, Fyodor Alexandrovich* — Dr. Sc. in History, Associate Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

это делает западные окраины одним из наиболее интересных регионов для изучения этноконфессиональных отношений.

Выбор хронологических рамок нашей работы обосновывается тем, что большая часть работ о западных окраинах фокусируется на второй половине XIX в., начало XX в. же остаётся одним из периферийных интересов исследователей. Так, исследование М. Д. Долбилова, являющееся одной из немногих фундаментальных работ по истории этноконфессиональных отношений на западных окраинах, затрагивает лишь период правления Александра II [3]. О том же пишет и Д. Сталюнас: национальная и конфессиональная политика Российской империи на западных окраинах в начале XX в. изучена гораздо хуже по сравнению с этой же политикой во второй половине XIX в. [15, с. 308]. В крайне важной для данного направления работе А. А. Комзоловой, в которой анализируется политический курс виленских, гродненских и ковенских генерал-губернаторов в период 1855 – 1880-х гг., правительственная политика в Северо-Западном крае в начале XX в. также не становится предметом анализа [5]. Данная лакуна в историографии и определила наш интерес к выбранной теме.

Среди использованных нами источников материалы личного фонда П. Д. Святополк-Мирского, а также архив начальника канцелярии при П. Д. Святополк-Мирском А. Н. Харузина. Данные материалы позволяют нам восстановить те идейные основания и взгляды, которыми руководствовался П. Д. Святополк-Мирский при осуществлении своего политического курса. Также в настоящем исследовании нами использовался всеподданнейший отчёт П. Д. Святополк-Мирского. На примере изображения генерал-губернатором подчинённого ему населения можно наиболее чётко увидеть то, как воспринимались отдельные категории подданных империи имперской бюрократией. Как показал в своей работе С. В. Любичанковский, губернаторские отчёты нередко использовались не только как средство предоставления сведений о губернии вышестоящим представителям власти, но и как способ создать в среде правящей бюрократии устойчивый образ губернии, выделить характерные черты территории и населения региона [8, с. 176].

В основе системы управления в Северо-Западном крае после 1863 г. лежало представление о враждебности всех высших слоёв польского населения и, в частности, католических священников правительству [5, с. 171]. При этом практически одновременно с «национализацией» политического курса правительства в Северо-Западном крае среди публицистов империи начинается дискуссия о том, какой именно критерий должен лечь в основу определения национальности: вероисповедная или языковая

принадлежность человека [17, с. 135–142]. Так, М. Н. Катков продвигал идею того, что в основе определения национальности должен лежать язык (а значит, католик, по его мнению, вполне мог быть русским) [9, с. 65], в то время как ряд других публицистов (А. В. Рачинский, К. Н. Леонтьев) фиксировали такую трактовку этой принадлежности, в основе которой религиозная общность и которая принципиально отличается от западной политической традиции нации [9, с. 69]. С того же момента можно говорить и о противоборстве двух пониманий «русскости» в отношении населения окраин: то, в котором доминирует конфессиональное понимание «русскости» и то, в котором ключевая роль отводится языку [14, с. 576–578], — причём среди бюрократов Северо-Западных окраин скорее доминировало первое понимание «русскости» [4, с. 282–290; 5, с. 190]. Не менее важным для нас является также наблюдение А. Э. Котова, указавшего, что даже М. Н. Катков, первым отделивший православие от народности, не отрекался от лояльности к Православной Церкви, которая продолжала оставаться важным элементом русского национализма XIX в. [6, с. 256].

Среди генерал-губернаторов Северо-Западного края идеи «бюрократического национализма» чаще всего связывают с именем П. Д. Святополк-Мирского, представившего в 1904 г. комплексную программу переустройства всей территории, подчинённой виленскому, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору [7, с. 318]. При этом большую роль в разработке этой программы, по нашему мнению, играл начальник канцелярии Святополк-Мирского, профессиональный этнограф А. Н. Харузин (он, в частности, собирал материалы для анализируемого нами отчёта) [12], которому Святополк-Мирский лично предложил занять этот пост вскоре после своего собственного назначения [2, л. 8–10].

Сам А. Н. Харузин придерживался панславистских и славянофильских взглядов — на это указывает то, что в личном фонде Алексея Харузина сохранилось большое количество вырезок из газет, в которых обсуждались вопросы славянского всеединства [10, л. 4об.–5], публиковались письма «поляков-славянофилов» [10, л. 11–12], статьи, в которых говорилось, что «в славянском здании не хватает польского кирпича» [10, л. 1об.]. Одновременно с этим А. Н. Харузин явно отрицательно относился к католицизму — об этом свидетельствуют его письма директору департамента духовных дел иностранных вероисповеданий А. Н. Мосолову, в которых А. Н. Харузин пишет, что ксендзы ведут «борьбу против русских начал, вытесняя их началами польскими» [11, л. 68], а также указывает на необходимость «расчленив местное население римско-католического вероисповедания по народностям, дабы раз и навсегда пресечь дальней-

ший ход полонизации литовского, а главным образом — белорусского племени» [11, л. 68об.].

Таким образом, нам представляется, что взгляды А. Н. Харузина, в которых сочетались панславизм и отрицательное отношение к католицизму, непосредственно повлияли на то, как в отчёте Святополк-Мирского изображались белорусы-католики.

Если мы обратимся к тексту отчёта П. Д. Святополк-Мирского, то можем увидеть, что он прежде всего разделяет католиков на несколько крупных групп: католиков-литовцев, католиков-поляков и католиков-белорусов, которые считались П. Д. Святополк-Мирским одной из ветвей русского народа [13, л. 10–14]. Для Святополк-Мирского принципиально важно такое разделение католиков, поскольку оно позволяет, с одной стороны, отделить от поляков-католиков католиков-литовцев и тем самым уменьшить «удельный вес» поляков в населении Северо-Западного края [13, л. 15об.], а с другой стороны, оно позволяет «включить» в состав «русских» и католическое белорусское население: «Северо-западный край есть край русско-литовский, но русское племя в Северо-западном крае не есть безусловная носительница православной церкви» [6, л. 14об.].

Восприятие же славянского населения края как «русского», в свою очередь, оказывается тесно связано с идеей о том, что сам край является «исконно русской» территорией [19, р. 983–984; 15, с. 248]. Однако Д. Стальюнас указывал, что разногласия между сторонниками двух концепций «русскости» ни в коем случае не следует преувеличивать: многие из сторонников введения русского языка в католическое богослужение надеялись, что это будет только первым шагом к «возвращению» «русских» в православие [14, с. 586].

Восприятие католиков П. Д. Святополк-Мирским было именно таким: в своём отчёте он указывает, что «в то время, как белорусское племя впитает в себя русское сознание, оно само обратится в лоно православной церкви — это явление естественно», хоть и оговаривается тут же, что это произойдет не «в самом скором времени» [13, л. 15].

Таким образом, для П. Д. Святополк-Мирского православная вера оказывается непременной частью «русского» национального сознания, и в перспективе русское население Северо-Западного края должно будет перейти в православие, однако для достижения этого необходимо, во-первых, обеспечить «умиротворение» католической церкви [13, л. 19], а во-вторых, не допустить распространение влияния польского языка в католических костёлах. Это необходимо, поскольку «пользование польским языком (в церкви — прим. авт.) приучает местное русское население

к осознанию, что принадлежность к римской церкви знаменует вместе с тем и принадлежность к польской народности» [13, л. 15].

Характерно при этом, что в отчёте ничего не говорится о собственном выборе католического славяноязычного населения Северо-Западного края — лишь один раз во всём отчёте П. Д. Святополк-Мирский упоминает об «общем благожелательном настрое народных масс» католиков [13, л. 17об.], в остальной же части доклада, посвящённой «располячиванию» костёла говорится о том, как противодействовать «пропаганде» ксендзов — польских националистов. Теодор Виск указывал, что доминирующим представлением бюрократии в отношении белорусского (считавшегося «русским») населения Северо-западного края являлось восприятие их как пассивных и индифферентных жителей [18, р. 217]. В случае П. Д. Святополк-Мирского такой взгляд на «русских католиков» позволял представлять их лишь как объект борьбы между «полонизаторами» и администрацией региона.

Взгляды П. Д. Святополк-Мирского и созданный им образ белорусов-католиков влияли на проводимую им политику в отношении этой группы: им было принято решение не назначать в «русские» приходы нерусских священников [11, л. 69], а в своем распоряжении от 2 июля 1903 г. он указывал: «В виду сплетения в клире начал Западной церкви с началами польской народности, я не могу не обратить внимания на то, что проповеди к народу, а равно и песнопения на польском языке, в тех случаях, когда обычный разговорный язык является иным, совершенно с правительственной точки зрения недопустим» [11, л. 85].

Подводя итог, можно сказать, что, хотя предлагаемая П. Д. Святополк-Мирским программа «располячивания» Северо-Западного края была гораздо либеральнее, чем альтернативные проекты конфессиональной реформы этой окраины (проект генерал-губернатора Троицкого, который считал, что католики не будут нарушать закон только при «твёрдой и положительной правительственной системе» [13, л. 135]), однако для его проекта, так же как и для его предшественников, характерно игнорирование собственных интересов белорусов-католиков. Как показывает наше исследование, формирование такого образа белорусов-католиков оказывается частично связано с взглядами начальника канцелярии П. Д. Святополк-Мирского А. Н. Харузина, который сочетал желание объединить «славянские племена» с намерением ограничить «полонизаторскую» роль католицизма.

Представляется возможным осторожно предположить, что в таком противоречивом восприятии населения Северо-Западного края кроется

одна из причин религиозно-политического кризиса на окраинах империи, с которым столкнулась губернаторская власть в период первой русской революции [1, с. 173–192].

Список источников и литературы

1. Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи. Минск, 2010. 439 с.
2. ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1576. Письма А. Харузина /управляющий канцелярией Виленского, Ковенского и Гродненского губернатора/ П. Д. Святополк-Мирскому — об антагонизме между польским, еврейским и русским населением Западного края; о волнениях крестьян; о росте революционного движения народных масс; об усилении полицейского надзора в городах; об отставке Витте и Дурново; о Русско-Японской войне; о своей служебной деятельности и др. 259 л.
3. Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. 1000 с.
4. Западные Окраины Российской империи. М., 2006. 605 с.
5. Комзолова А. А. Политика Самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху великих реформ. М., 2005. 380 с.
6. Котов А. Э. Русский национализм и православие во второй половине XIX в. // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 248–257.
7. Крот М. Н. «Касаться вопросов веры с возможной осторожностью...»: политика «церковно-приходского обрусения» Северо-Западного края и Виленский генерал-губернатор князь П. Д. Святополк-Мирский // Тетради по консерватизму. 2020. № 2. С. 318–330.
8. Любичанковский С. В. Образ Оренбургского края в отчётах его гражданских губернаторов (конец XIX – начало XX века) // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. М., 2021. С. 176–194.
9. Миллер А. И. Нация или могущество мифа. СПб., 2016. 146 с.
10. ОР НБ МГУ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 37.
11. ОР НБ МГУ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 101.
12. ОР НБ МГУ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 111.
13. РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 352. Замечания по «всеподданнейшему» отчёту виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора за 1902 – 1903 гг.
14. Сталюнас Д. Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-х годах XIX века // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. С. 570–588.
15. Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022. 376 с.
16. Сталюнас Д. Северо-западный край в ментальных картах имперских властей и недоминирующих этнических групп // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. М., 2021. С. 246–268.
17. Тесля А. А. Истинно русские люди. История русского национализма. М., 2019. 319 с.

18. *Staliunas D.* Affirmative Action in the Western Borderlands of the Late Russian Empire? // *Slavic review*. 2018. № 4. P. 978–997.
19. *Weeks T.* “Us” or “Them”? Belarusians and Official Russia, 1863 – 1914 // *Nationalities Papers*. 2003. № 31 (2). P. 211–224.

Для цитирования: *Ерохов Н. С.* Белорусы-Католики Северо-Западного края глазами Виленского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского // *Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных.* СПб., 2023. С. 352 – 358.

**Отражение событий Великой Отечественной войны в автобиографиях
первых послевоенных абитуриентов Псковского педагогического
института (1945 – 1949)**

Аннотация. Статья представляет собой анализ автобиографий абитуриентов первых послевоенных лет как исторического источника сведений о событиях Великой Отечественной войны — о жизни на оккупированных территориях, в эвакуации, в тылу, о деятельности фронтовиков и партизан. Основным материалом исследования стали автобиографии абитуриентов исторического и литературного факультетов Псковского государственного педагогического института 1945 – 1949 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социальная история, автобиографии абитуриентов, история Псковского государственного педагогического института.

Title: Reflection of the events of the Great Patriotic War in the autobiographies of the first post-war entrants of the Pskov State Pedagogical Institute (1945 – 1949)

Abstract. The article is a review of autobiographies of entrants of the first post-war years as a historical source of information about the events of the Great Patriotic War — about life in the occupied territories, in evacuation, in the rear, about the activities of front-line soldiers and partisans. The main material of the research was the autobiography of entrants of the historical and literary faculties of the Pskov State Pedagogical Institute in 1945 – 1949.

Key words: Great Patriotic War, social history, autobiographies of applicants, history of the Pskov State Pedagogical Institute.

Личные дела и автобиографии советских студентов второй половины 40-х гг. XX в. нечасто использовались в качестве исторического источника, и их применение в исторической науке ограничивалось сбором и обработкой социально-демографических данных или источниковедческим обзором [13, 14, 18]. В то же время указанные материалы — это кладезь подробных авторских, личных сведений от тех, кому на момент окончания Великой Отечественной войны и поступления в ВУЗ из-за вынужденных перерывов в получении образования было уже около 20 лет,

Штацкая, Ангелина Михайловна — Псковский государственный университет, Псков, Россия; lina.shtatskaya@yandex.ru

Научный руководитель: *Алиева, Людмила Владимировна* — к-т ист. наук, доц., Псковский государственный университет, Псков, Россия

Shtatskaya, Angelina Mikhailovna — Pskov State University, Pskov, Russia; lina.shtatskaya@yandex.ru

Scientific adviser: *Alieva, Lyudmila Vladimirovna* — PhD in History, Associate Professor, Pskov State University, Pskov, Russia

а значит, они были и активными участниками событий 1941 – 1945 гг., и теми, кто полностью осознал и интерпретировал происходящее. Выполняя работу над установлением колллективного социально-исторического портрета студентов гуманитарных факультетов Псковского государственного педагогического института первых послевоенных лет, мы не могли не обратить внимание на данное обстоятельство и не сделать на нём заметный акцент.

За изучаемый период в архиве Псковского государственного университета — правопреемника Псковского пединститута — хранятся личные дела 279 выпускников исторического и литературного факультетов. Согласно Указаниям о порядке ведения первичной документации и внутренней отчётности в высших учебных заведениях, утверждённым Всесоюзным комитетом по делам высшей школы в июле 1944 г., во всех ВУЗах страны на каждого студента заводилось личное дело, в состав которого включалась автобиография, составляемая абитуриентом при поступлении в ВУЗ [18, с. 99]. Из 279 отобранных для исследования личных дел автобиографии сохранились в 248 делах, т. е. в 89% дел. В свою очередь, из 248 исследуемых автобиографий в 201 имеются сведения о судьбах абитуриентов и/или членов их семей в годы Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что в ходе изучения указанных автобиографий в обзор попадает не только Псковская область. В приёмных кампаниях Псковского пединститута 1945 – 1949 гг. местные абитуриенты составили чуть больше половины набранного контингента вуза (53%) [17, с. 148]. Во вторую половину контингента вошли молодые люди, приехавшие из 38 регионов СССР.

Итак, исследуемые автобиографии, содержащие воспоминания поступающих о Великой Отечественной войне, можно разделить на несколько групп: автобиографии, проживавших на оккупированных территориях, автобиографии; проживавших в эвакуации; автобиографии, воевавших на фронте и в партизанских отрядах, автобиографии, проживавших и до, и во время войны в тылу, автобиографии жителей блокадного Ленинграда и Кронштадта; автобиографии, авторы которых описали положение своих родственников в годы войны, но не упомянули о своём положении.

Каждая из этих групп заслуживает самостоятельного изучения, и для этого есть достаточный документальный материал. Самую большую группу составили абитуриенты, проживавшие в годы войны на оккупированных территориях, — 72 человека. В основном об оккупации писали поступающие из Псковской, Смоленской, Калининской и Новгородской областей. Несмотря на то, что автобиография как документ представляет

собой формализованный текст, молодые люди часто упоминали о колоссальных трудностях, преследующих их во время жизни в немецко-фашистской оккупации: это невозможность получать качественную медицинскую помощь, невозможность продолжать образование и трудовую деятельность, гибель родственников или их заключение под стражу. Одна из студенток, на начало войны проживавшая с семьёй в г. Торопце Калининской (ныне Тверской) области, описывает события, как в июле 1941 г. немецкие диверсанты убили её отца, а ей с матерью и шестимесячным братом, оставив всё имущество, пришлось бежать в деревню, не занятую врагом, где они отсиживались до освобождения Торопца в январе 1942 г. [5, л. 42].

11 абитуриенток стали жертвами событий, когда в период отступления гитлеровских войск в 1944 г. оккупанты осуществили массовый угон населения Псковской области на принудительные работы в Германию, Литву и Латвию. Всего за период оккупации из региона было вывезено 112 701 человек, из которых подавляющую массу составляли женщины и дети в возрасте до 16 лет [16, с. 236].

Многие студенты, которые в годы войны были вынуждены проживать на оккупированных территориях, впоследствии отдельно отмечали в своих автобиографиях, что в годы оккупации «занималась(-ся) сельским хозяйством», «не состоял(-а) ни в какой организации», «никто из семьи никаких должностей не занимал, в органах не работал», «из семьи никто на немцев не работал». К бывшим жителям оккупированных территорий могли относиться с подозрением, о чём свидетельствуют, например, протоколы заседаний учёного совета Псковского государственного педагогического института за сентябрь 1946 г. и февраль 1950 г. В указанных протоколах встречаются такие цитаты участников заседаний: «Коллектив института не должен забывать об одной задаче, вытекающей из особенностей института, находящегося на территории, бывшей некоторое время в немецкой оккупации. В какой-то степени у какой-то части советских людей, бывших в оккупации, остались какие-то следы чуждой идеологии. Коллектив института должен работать с большей бдительностью, чем, например, институты Восточной территории» [11, л. 2] или «Неблагополучно с идеологическим воспитанием, а оно необходимо, ведь на 3 и 4 курсах есть много бывших в оккупации» [12, л. 42].

4 человека упомянули о своей работе учителем в школах при оккупационной власти. Карьера таких педагогов стояла под угрозой: в первые послевоенные годы к ним так же относились с подозрением, несмотря на то, что они имели самые положительные характеристики [15, с. 206].

Другая крупная группа — это проживавшие в годы войны в эвакуации (71 человек). География эвакуаций, упоминаемых в исследуемых автобиографиях, охватывает 35 регионов СССР. Некоторым (13 человек) приходилось эвакуироваться дважды. Первой причиной смены места жительства после эвакуации являлись военные действия: первое место эвакуации настигала война, или оно было непригодно для проживания из-за тяжелых материальных условий. Другой причиной повторной эвакуации становился поиск родных и близких, разбросанных по всей стране. Одну из абитуриенток, жительницу г. Порхова Псковской области, война застала в летнем лагере в г. Луге Ленинградской области. Из лагеря её эвакуировали в г. Ленинград, оттуда — в детский дом в Ленинградской области, но и там она не смогла задержаться и уехала в Кировскую область. В ноябре 1941 г. она узнает, что её мать находится в эвакуации в Татарской АССР и переезжает к ней [8, л. 175]. Встречались описания случаев самостоятельной эвакуации. Так, студентка из с. Медведь Шимского района Ленинградской (ныне Новгородской) области рассказывала о том, что в ходе немецкого наступления она была вынуждена бежать с семьёй в лес, где они скитались месяц, пока не вышли к неразрушенной железной дороге и не уехали по ней в Сибирь, в Кемеровскую область [8, л. 117].

Участниками фронтовых событий и партизанских боёв стали 25 абитуриентов. Воевали будущие студенты Псковского пединститута на Прибалтийском, Белорусском, Украинском, Сталинградском фронтах. По окончании войны молодые люди имели на всех 4 ордена и 15 медалей: орден Отечественной войны II степени — 1, орден Красной Звезды — 2, орден Славы — 1, медаль «За победу над Германией» — 4, медаль «За отвагу» — 6, медаль «За оборону Ленинграда» — 3, медаль «Партизану Отечественной войны» — 1, медаль «За взятие Кёнигсберга» — 1. Трое из них окончили войну в офицерском звании. Девять — потеряли на войне здоровье.

Некоторые из впоследствии поступавших в Псковский пединститут уходили на фронт добровольно. Одна из абитуриенток литературного факультета писала: «В июле 1941 г. я ушла добровольно рядовым бойцом на фронт, но в августе была направлена в госпиталь, где осталась работать медсестрой до июля 1942 г. Затем приехала к родным в Башкирию, куда они эвакуировались, и поступила в Башкирский мед. институт в г. Уфе. Когда начались бои под Сталинградом, я ушла добровольцем на Сталинградский фронт. После демобилизации в 1945 г. снова вернулась в Башкирию и в 1946 г. вновь была зачислена в Башкирский мед. институт, но учиться не смогла из-за болезни и реэвакуации в г. Псков» [8, л. 112]. В других документах личного дела этой абитуриентки есть сведения о том, что она имеет ранение, контузию и является инвалидом

Отечественной войны II группы. Награждена орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу» [8, л. 115].

Среди абитуриентов были и жители блокадного Ленинграда и Кронштадта (5 человек). Одну из будущих студенток вместе с матерью, «сильно больных и с дистрофией», в 1942 г. эвакуировали из Ленинграда в Новосибирск. Бабушка осталась и в том же году умерла от истощения [6, л. 164].

Были в послевоенный период в Псковском педагогическом институте абитуриенты и из тыловых регионов СССР, до которых не дошла линия фронта. Таких абитуриентов приехало немного — 14 человек. Как свидетельствуют их автобиографии, они тоже вносили немалый вклад в приближение победы: работали на заводах, в школах, занимались сбором гуманитарной помощи.

Ещё 14 человек упомянули в своих автобиографиях Великую Отечественную войну только в контексте описания судеб своих родственников — фронтовиков. Всего за 201 автобиографию встречается 34 упоминания о гибели родных на фронте, в оккупации или в блокадном Ленинграде.

Кадровые автобиографии не подразумевают рефлексии событий автором, их структура шаблонна и упорядочена, факты излагаются сухо, строго и в хронологической последовательности. Но и за такой стилистикой изложения отчетливо виден масштаб беды, пришедшей в каждую без исключения советскую семью. Война читается между строк даже в тех автобиографиях, в которых не упоминаются напрямую её события. Она прямо или косвенно влияла на перемену будущими абитуриентами места жительства, работы, на их учебную миграцию, на выбор профессии или её смену. Таким образом, личные дела и автобиографии первых послевоенных абитуриентов советских ВУЗов встают в один ряд с такими источниками сведений о событиях Великой Отечественной войны как мемуары, воспоминания, письма и дневники современников.

Список источников и литературы

1. Архив Псковского государственного университета. Д. Личные дела студентов IV курса литературного факультета, окончивших в 1947/48 учебном году. 15 л.
2. Архив Псковского государственного университета. Д. Личные дела студентов, окончивших исторический факультет в 1948/49 году. 118 л.
3. Архив Псковского государственного университета. Д. Личные дела студентов, окончивших исторический факультет в 1950 году. 123 л.
4. Архив Псковского государственного университета. Д. Личные дела студентов литературного факультета, окончивших в 1950 году. 125 л.
5. Архив Псковского государственного университета. Д. Личные дела студентов исторического факультета, окончивших в 1951 году. 158 л.

6. Архив Псковского государственного университета. Д. Личные дела студентов литературного факультета, окончивших в 1951 году. 167 л.
7. Архив Псковского государственного университета. Д. Личные дела студентов исторического факультета, окончивших институт в 1951/52 году. 151 л.
8. Архив Псковского государственного университета. Д. Личные дела студентов литературного факультета, окончивших в 1951/52 уч. году. 188 л.
9. Архив Псковского государственного университета. Д. Личные дела студентов литературного факультета, окончивших в 1953 году. 241 л.
10. Архив Псковского государственного университета. Д. Личные дела студентов, окончивших исторический факультет в 1953 уч. году. 160 л.
11. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-734. Оп. 2. Д. 25. Протоколы заседаний ученого совета института за 1946/47 учебный год. 49 л.
12. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-734. Оп. 2. Д. 66. Протоколы заседаний ученого совета института. 63 л.
13. *Корниенко К. Б.* Автобиография как субжанр личного дела // Современные научные исследования: тенденции и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чистополь, 28 февраля 2020 года / Под общей редакцией *Е. А. Назарова*. Чистополь, 2020. С. 70–75.
14. *Макеев В. В.* Автобиографии студентов 1930 – 1940-х годов Томского государственного педагогического института как исторический источник // XIV Всероссийская с международным участием конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Наука и образование» (19 – 23 апреля 2010 г.). В 6 т. Т. IV. История. Культурология. Философия и социальные науки; ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет». Томск, 2010. С. 107–110.
15. *Филимонов А. В.* Поднятый из руин: послевоенное восстановление и развитие Пскова (1944 – начало 1950-х гг.) / В авт. ред. Псков, 2008. 448 с.
16. *Филимонов А. В.* Репатрианты в Псковской области в первые послевоенные годы // Метаморфозы истории. 2017. № 9. С. 234–257.

Для цитирования: *Штацкая А. М.* Отражение событий Великой Отечественной войны в автобиографиях первых послевоенных абитуриентов Псковского педагогического института (1945 – 1949) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 359 – 364.

СЕКЦИЯ. МУЗЕИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Мичурин Федор Дмитриевич

Выставка «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма» в деле сохранения памяти о Ленинградской битве

Аннотация: В статье проанализированы история и экспозиция выставки «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма». Установлено, что применялись разные методы построения экспозиции и делался акцент на идеологии и борьбе с захватчиками. На выставке были представлены различные артефакты, в том числе и трофеи, захваченные в ходе боёв за Ленинград. Данный выставочный проект стал одним из первых по сохранению памяти о Битве за Ленинград в музейно-выставочном пространстве.

Ключевые слова: выставка, трофеи, Битва за Ленинград, Великая Отечественная война, история Санкт-Петербурга.

Title: Exhibition “Great Patriotic War of Soviet people against German Fascist” in wave of preservation of memory about Battle of the Leningrad

Abstracts: The article analyzes the history and exposition of the exhibition «The Great Patriotic War of the Soviet People against German Fascism». It was found that different methods of constructing the exposition were used and emphasis was placed on ideology and the fight against invaders. Various artifacts were presented at the exhibition, including trophies captured during the battles for Leningrad. This exhibition project was one of the first to preserve the memory of the Battle of Leningrad in the museum and exhibition space.

Keywords: exhibition, trophies, the Battle for Leningrad, the Great Patriotic War, trophy exhibitions, the history of St. Petersburg.

Битва за Ленинград, начавшаяся 10 июля 1941 г. и завершившаяся 9 августа 1944 г., стала важнейшим событием Великой Отечественной

Мичурин, Федор Дмитриевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st070497@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Калиновский, Владимир Витальевич* — к-т ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Michurin, Fedor Dmitrievich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st070497@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Kalinovskiy, Vladimir Vitalyevich* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

войны, ввиду того что в ходе этой битвы были продемонстрированы и трагическая (Блокада Ленинграда), и героическая (оборона Ленинграда) стороны войны. Память об этом событии была сохранена в разных формах, в том числе и музейно-выставочной. Одним мероприятий такой формы стала выставка «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», которая нередко упоминалась в отечественной историографии, но при этом по-прежнему нуждается в более подробном рассмотрении.

Выставки военной тематики в Ленинграде, которые затрагивали тему Великой Отечественной войны, открывались ещё в первые недели войны. 29 июня 1941 г. в Государственном музее революции СССР была открыта выставка «Героика великого русского народа», на которой экспонировались материалы, отражавшие события Великой Отечественной войны [7, с. 4.]. Кроме того, летом 1941 г. в Ленинграде появляются первые трофейные выставки, где были показаны захваченная техника и вооружение в ходе начавшейся Битвы за Ленинград. К примеру, в августе 1941 г. на Кировской площади были представлены трофеи Великой Отечественной войны, собранные в боях за Ленинград. В их числе были сбитый над Ленинградом 24 июля 1941 г. самолёт Junkers-88, немецкая бронемашина и лёгкий танк (по данным советской прессы, он был чехословацкого происхождения) [3, с. 4.]. Потребность данных выставок заключалась в том, что за счёт показа уничтоженной или захваченной техники противника, а также демонстрации отдельных подвигов, поддерживался моральный дух советских граждан, в особенности ленинградцев, в деле борьбы с врагом. Уличные выставки вражеской техники были и в других городах: например, в Москве экспонировались сбитые самолёты [9, с. 47]. Из-за близости Ленинграда к фронту там показывалась и наземная техника.

Тем не менее, создавались и более богатые на трофеи выставки внутри помещений, примерно с такими же целями. Например, одна из первых трофейных выставок была открыта в Мурманске в июле 1941 г. [6, с. 4.]. Со временем потребность в похожей выставке созрела и в Ленинграде, поскольку враг рвался к городу. Уже 13 августа 1941 г. появился анонс выставки «Великая Отечественная война советского союза против германского фашизма» в Спортклубе Дома Красной Армии им. С. М. Кирова. (1-я Красноармейская, д. 13) [4, с. 2.]. К 30 августа основные работы были завершены [14, с. 4.], а на следующий день выставка была открыта [12, с. 4.].

15 июля 1941 г. вышло Директивное письмо Наркомпроса «Ко всем работникам музеев», в котором указывалось, что музеям было нужно направить деятельность на патриотическое воспитание, а также раз-

работать новые методы для показа и раскрытия данной темы [8, с. 9.]. Несмотря на то, что данная выставка не была организована музеем, она всё равно имела патриотическую направленность и использовала разные методы для раскрытия темы, что говорило о том, что она была актуальна, как для поддержания патриотизма у граждан, так и с точки зрения раскрытия событий Великой Отечественной войны.

На выставке имелось несколько разделов. При построении экспозиции использовались разные методы. На момент открытия первый раздел выставки был посвящён гитлеризму и его политике по отношению к населению на оккупированной территории, для раскрытия сущности врага для борьбы с ним. В ней была раскрыта преступная политика захватчиков на оккупированных территориях [13, с. 4.]. Экспонировалась карта Европы, на которой были обозначены гитлеровские концлагеря и тюрьмы, где были заключены представители разных народов (сербы, французы, норвежцы и т.д.) [5, с. 3.]. Дополнял эту тему ряд документов и фотографий, которые свидетельствовали о преступлениях немецких оккупантов на захваченных территориях, в том числе о разрушениях, уничтожении населения Польши и Югославии и других преступлениях [13, с. 4.]. Данный раздел открывал выставку с целью показать, насколько коварен и жесток враг, а также то, что ожидало Советский Союз в 1941 г.

Часть экспозиционного материала следующего раздела была посвящена началу Великой Отечественной войны, где акцент был сделан на всенародном характере борьбе с немецкими захватчиками. Среди фотографических материалов экспонировалась фотография с советскими гражданами, слушающими сообщение о том, что началась война. Также экспонировались фотографии советских антифашистских митингов [13, с. 4.]. Тему начала войны раскрывали схемы, задачей которых был показ мощи и подготовленности противника к войне. На выставке были показаны карты, на которых были отмечены важные объекты военной промышленности и сырьевые стратегические базы Германии. Также выставлялась и схема построения единиц немецкой армии, которая показывала состав немецкой армии и её разделение на дивизии (горнострелковые, авиадесантные, танковые и др.) и их вооружение. Дополняли данную тему рисунки с изображением немецких типов самолётов и орудий [5, с. 3.]. Эти факты говорят о том, что были использованы научно-вспомогательные и пропагандистские материалы для раскрытия темы, для вдохновения советских граждан на борьбу с гитлеровцами и их союзниками, а также просвещения в деле распознавания вражеской техники, организации и оснащения армии противника в целях борьбы с ним.

В этом зале был размещён Исторический раздел [13, с. 4.], где экспонировались фотографии и репродукции картин, которые были посвящены основным событиям борьбы русского народа против немецких захватчиков: Ледовому побоищу, Грюнвальдской битве, событиям Семилетней войны, Первой Мировой и Гражданской войн [14, с. 4.]. Так, за счёт показа героизма героев прошлого, происходило воодушевление советских граждан в борьбе с врагом.

Также с целью поднятия морального духа были представлены материалы, иллюстрировавшие героев Великой Отечественной войны и их подвиги. Среди них была картина М. В. Бобышева с изображением подвига Н. Ф. Гастелло [13, с. 4.].

Значительную часть экспозиционного материала составляли трофеи и боеприпасы противника, которые были захвачены Красной Армией. Как и мурманская выставка, выставка в Ленинграде была уникальной с точки зрения музейного дела, поскольку собранные трофеи представляли большой интерес, поскольку трофеи стали важными предметами музейного комплектования с 15 ноября 1941 г., когда вышло письмо Наркомпроса № 170 «О сборе материалов Великой Отечественной войны», в котором указывалось, что необходимо организовать сбор трофеев [11, с. 14.]. Поэтому сохранявшиеся и показывавшиеся артефакты начального этапа Великой Отечественной войны представляли собой особые ценности.

Такие артефакты, выставлявшиеся в разных помещениях, раскрывали мощь РККА в борьбе с захватчиками [5, с. 3.], т. к. показывалось то, что сильный противник может быть повержен. Например, артефакты показывались во внутреннем дворе Sportклуба. Здесь были выставлены крупногабаритные образцы техники. Среди них можно выделить танк Pz.Kpfw. III (в периодической прессе, названный «Танком-141») на котором были сохранены опознавательные знаки («чёрный крест») и следы повреждения в бою [13, с. 4.]; остатки самолёта Junkers-88, сбитого на подступах к Ленинграду [14, с. 4.] и некоторые другие. При экспонировании крупногабаритной техники во дворе выставки использовался тематический метод, т. к. предметы были разноплановые, но объединялись они единой темой — трофеи и боеприпасы, захваченные в ходе боёв за Ленинград (что отчасти роднило эту выставку с ранее упомянутыми показами трофейной техники).

В отличие от выставки на Кировской площади, немало экспонатов этой выставки было выставлено в закрытых пространствах. Предметы были представлены в витринах, на постаментах и стендах. К примеру, на стенде экспонировались различные образцы стрелкового оружия, в т. ч. винтовка системы «Маузер», станковый пулемёт MG-34 и др. образцы [13, с. 4.].

В закрытом помещении был выставлен трофейный мотоцикл с пулемётом, который экспонировался вместе с манекенами мотоциклистов в униформе [14, с. 4.]. Это было сделано для того, чтобы отобразить аутентичность боевых будней врага. Подобный метод в экспозиции можно отнести к ансамблевому, т. к. данная композиция реконструировала реальную обстановку передвижения врага.

Экспонировались и предметы связи противника, например, полевые телефоны Feldfernsprecher-33 и походные радиостанции; различные предметы амуниции (патронташи); средства защиты (противооприятные костюмы, противогазы); технические средства (парашюты, кислородные баллоны) [13, с. 4.]; резиновые надувные лодки; награды противника (Железные кресты), флаги [5, с. 3.] и т. д.

В числе экспонатов были ещё 50-мм миномёт [13, с. 4.] и 20-мм зенитное орудие [5, с. 3.], а также авиационные орудия и авиабомбы противника. В их числе были 20-мм авиационная пушка «МЕ-109» и авиационный пулемёт MG-15 [13, с. 4.], 500-кг фугасная бомба замедленного действия, 250-кг авиационная бомба, осколки от 100-кг бомбы, взорвавшейся вблизи Ленинграда, и обезвреженные бойцами МПВО зажигательные бомбы [1, с. 4.].

Среди трофеев экспонировалась груда вещей, которые попали в руки гитлеровцев в ходе грабительской и мародёрской деятельности [5, с. 3.]. Эта деталь могла вызвать ненависть к врагу и тем самым вдохновить народ на борьбу с ним.

Завершала выставку галерея портретов героев Великой Отечественной войны, которые были представлены к высшей государственной награде от советского правительства. В самом конце выставки экспонировалось панно с изображением И. В. Сталина, выполненное художником В. А. Серовым [13, с. 4.].

Выставка была открыта ежедневно с 9 до 21 часов [12, с. 4.]. Она была популярна у ленинградцев. Согласно номеру газеты «Ленинградская Правда» за 3 октября 1941 г. можно выявить, что к этому времени выставку посетили около 30 000 человек. Проводились экскурсии и действовала книга отзывов [1, с. 4.]. 7 ноября 1941 г. была организована встреча с военнослужащими из подразделений, оборонявших Ленинград [2, с. 4.]. При данной выставке был создан кабинет трофейного оружия, где инструкторы обучали новобранцев пользоваться им в бою [15, с. 97-98.]. На 1 апреля 1943 г. выставка продолжала работать и пополняться новыми предметами, к примеру, трофейными предметами «Голубой дивизии» [10, с. 4.].

Из-за того, что выставка пополнялась новыми предметами, работу стало вести сложно. Она влилась в состав более крупной выставки — «Героическая Оборона Ленинграда», — ставшей в 1945 г. Музеем обороны Ленинграда. Это подчёркивает значимость данной выставки в деле сохранения памяти об этой битве [9, с. 47-48, 85.].

Таким образом, выставка «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма» стала одним из важнейших начальных мероприятий в деле сохранения памяти о Битве за Ленинград в музейно-выставочном пространстве города на Неве. Во-первых, данная выставка играла большую роль в поддержании морального духа советских граждан в деле защиты СССР и Ленинграда. Во-вторых, на выставке были разными методами продемонстрированы материалы (от изобразительных материалов до трофейной техники.

Список источников и литературы

1. 30 тысяч посетителей выставки бойцами // Ленинградская Правда. 1941. 3 окт. № 236 (8029). С. 4.
2. Встреча с героическими бойцами // Ленинградская Правда. 1941. 9 ноя. № 267 (8060). С. 4.
3. Выставка боевых трофеев // Ленинградская правда. 1941. 7 авг. № 187 (7980). С. 4.
4. Выставка «Великая Отечественная война» // Ленинградская правда. 1941. 13 авг. № 192 (7985). С. 2.
5. Выставка в Ленинградском Доме Красной Армии // Известия. 1941. 31 авг. № 206 (7582). С. 3.
6. Выставка образцов трофейного оружия и снаряжения, захваченного в боях с фашистской армией // Полярная правда. 1941. 23 июл. № 172. С. 4.
7. «Героика великого русского народа» Новая выставка в Музее Революции// Ленинградская Правда. 1941. 1 июл. № 155 (7948). С. 4.
8. *Кантор Ю. З.* Отражение событий Великой Отечественной войны в музеях РСФСР в 1941-1945 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 3 (142). С. 8-22.
9. Музей Ленинградской Победы. СПб., 2019. 271 с.
10. На выставке «Великая Отечественная война» // Ленинградская Правда. 1943. 1 апр. № 76 (8491). С. 4.
11. Работа политико-просветительных учреждений в условиях военного времени (директивные и инструктивные материалы для музеев). Вып. 4. М., 1943. 48 с.
12. Сегодня — открытие выставки, посвященной Отечественной войне // Ленинградская Правда. 1941. 31 авг. № 208 (8001). С. 4.
13. *Трускин С., Венков В.* Выставка, посвященная Великой Отечественной войне // На страже Родины. 1941. 31 авг. № 215 (5897). С. 4.
14. У стендов с боевыми трофеями // Ленинградская правда. 1941. 30 авг. № 207 (8000). С. 4.

15. *Шишкин А. А.* Добротворский Н. П. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда // История Санкт-Петербурга. 2004. № 1 (17). С. 72-78.

Для цитирования: Мичурин Ф. Д. Выставка «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма» в деле сохранения памяти о Ленинградской битве // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 365 – 371.

Музейное проектирование и музейная архитектура. Проблемы использования исторических зданий на примере Иркутского областного художественного музея

Аннотация. В данной статье рассматриваются музейное проектирование и музейная архитектура на примере Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва. Произведён анализ возникающих в ходе эксплуатации проблем, описан опыт современного использования исторических зданий. Поднимается вопрос о поиске и разрешении накопившихся задач.

Ключевые слова: музей; Иркутск; архитектура; проектирование

Title: Museum design and museum architecture. Problems of using historical buildings on the example of the Irkutsk Regional Art Museum

Abstract. This article deals with museum design and museum architecture on the example of the Irkutsk Regional Art Museum. V. P. Sukachev. The analysis of problems arising in the course of operation is made, the experience of modern use of historical buildings is described. The question of finding and solving the accumulated problems is raised.

Key words: museum; Irkutsk; architecture; design

Согласно Приказу Министерства культуры Российской Федерации № 418, Министерства регионального развития Российской Федерации № 339 от 29.07.2010 — г. Иркутск справедливо занимает место в перечне исторических поселений. Территория Восточной Сибири, в т. ч. и территория Приангарья, имеет богатую историю, отражающуюся в объектах культурного наследия: объекты археологического наследия — Глазковский некрополь, стоянка Мальга, Манхайский комплекс; объекты деревянного зодчества — усадьбы С. Г. Волконского и С. П. Трубецкого, купца В. Винтовкина, и, конечно же, В. П. Сукачёва; объекты архитектурного наследия — здание Восточно-Сибирского Отделения Императорского

Тарасова, Наталья Игоревна; Писецкая, Карина Алексеева — Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачёва, Иркутск, Россия; nataliatarasova012@gmail.com

Научный руководитель: *Шахеров, Вадим Петрович* — д-р ист. наук, проф., Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Tarasova, Natalia Igorevna; Pisetskaya, Karina Alekseevna — Irkutsk Art Museum, Irkutsk, Russia; nataliatarasova012@gmail.com

Scientific adviser: *Shakherov, Vadim Petrovich* — Dr. in History, Professor, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Русского географического общества (ВСОИРГО), памятник архитектуры федерального значения особняк купцов Сибиряковых, а также здание Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва. Перечисленные объекты архитектурного наследия и деревянного зодчества находятся в исторической части города на сохранившихся старинных улицах, площадях, которые занимают около пяти процентов от площади застроенной городской территории [7].

При всех попытках соблюдения мер по сохранению и поддержанию первоначального состояния и адаптации под современное использование зданий муниципалитетом, исторический центр города всё равно постепенно приходит в упадок. В настоящее время большая часть объектов культурного наследия г. Иркутска находится в состоянии, близком к критическому [7].

Зачастую реставрационно-реконструктивные мероприятия затрагивают лишь единичные объекты, которые, в свою очередь, представляют весомую историко-культурную ценность. Однако далеко не всем подобным объектам предоставляется подобная «помощь»: 13 мая 2022 г. произошло возгорание старого здания Театра юного зрителя им. Вампилова (ул. Ленина, 13), но на сегодняшний день реконструкционные работы не ведутся, несмотря на то, что проект по реставрации был давно разработан, а сейчас зданию требуется полное восстановление. Ярким примером также выступает многолетнее сокрытие факта разрушения Дома офицеров Иркутского гарнизона, которое на данный момент сильно разрушено, что видно невооружённым глазом и обычному горожанину. Показательно, что проект реставрации откладывается на неопределённый срок, т. к. требуются крупные суммы на практически полное переустройство здания. Открытая категоричность в этом вопросе не умаляет того факта, что реставрационные проекты вышеописанных примеров всё же разработаны, и это говорит о некоторых сдвигах в этом направлении.

Неудовлетворительное состояние объектов культурного наследия г. Иркутска обуславливается как объективными причинами (время, климат, технические условия эксплуатации), так и субъективными — отсутствие необходимых средств на ремонтно-реставрационные работы, отсутствие механизмов привлечения инвесторов и программ использования объектов культурного наследия, слабость и непоследовательность правовой базы на федеральном и местном уровнях [7].

Переходя к музейной архитектуре и музейному проектированию, стоит отметить проблему сохранения и использования Главного здания Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва.

Здание и помещения внутри Иркутского художественного музея изначально были спроектированы под Первую Губернскую мужскую гимназию. Соответственно, не было задумано как помещение для музея. Из чего вытекает проблема эксплуатации исторических зданий под современное использование. Это приводит к нарушению внутримузеевской коммуникации и распределению помещений для оптимального функционирования музея. Для того чтобы создать комфортные условия построения композиции и оптимального осмотра экспозиции, необходимо соблюдать точную структуру музея и деление объекта на 7 основных зон: входная группа, экспозиционная часть, помещения культурно-просветительского назначения, административные помещения, фондохранилище, обслуживающие и подсобные помещения, технические помещения.

Обращаясь к примеру художественного музея, можно с уверенностью сказать, что формальное деление на основные зоны присутствует. Обычный посетитель, приходя в музей, не замечает каких-либо неудобств [8, с. 33]. Выставочные залы располагаются на втором этаже здания, посетитель проходит экспозицию, не возвращаясь дважды в один и тот же зал.

Между тем, большие неудобства испытывает персонал музея. Сама архитектура здания устроена так, что имеет форму буквы П, из-за чего возникают затруднения не только при работе с экспозицией, но и в размещении административного блока. При оптимальных условиях доступ персонала к экспозиции должен быть организован на одном этаже с выставочными залами, для того чтобы была возможность быстрого доступа и внесения изменений в структуру залов. Фондохранилища и реставрационные мастерские должны иметь технологическую связь с экспозиционными залами. Из-за изначального планирования здания, лишь несколько фондохранилищ имеют сквозной доступ для сотрудников, но при этом не имеет связи с залами и зоной реставрации. Все хранилища находятся на первом этаже, что затрудняет быстрое перемещение предметов, особенно скульптуры и больших живописных работ [1, с. 46].

Наряду с этим, проектирование музейных помещений должно подразумевать специальное оборудование для быстрого перемещения экспонатов, например, грузовой лифт [4, с. 78].

Всю площадь музея занимают выставочные залы, фондохранилища и реставрационные мастерские, это сокращает объемы территории для организации рабочего пространства научных сотрудников. В свою очередь, часть хранителей имеет своё рабочее пространство непосредственно в самом фондохранилище. Места для лаборантов и рабочих располагаются в коридоре, отведённом для прохода в реставрационную

мастерскую, что говорит о полном отсутствии специальных и отдельно отведённых комфортных рабочих мест.

Ядром архитектурной композиции музея являются экспозиционные залы. Важно учитывать их размер, систему связи между собой, приемлемое освещение, которое позволяет без затруднений осматривать экспонаты, а также постоянный температурно-влажностный режим и систему наблюдения за меняющимися условиями [3, с. 106].

Усилить впечатление от постоянной экспозиции музея позволяет правильное освещение, это даёт возможность создать необходимые акценты, организовать и зонировать пространство. Освещение должно работать на посетителя, способствовать раскрытию замысла экспозиционеров и концентрировать эмоции человека. Однако, в исторических зданиях не всегда удаётся соответствовать вышеупомянутым требованиям. В художественном музее частично установлено трековое освещение — это позволяет создавать разные вариации сценариев подсветки. Но у такого освещения есть и минусы в эксплуатации, во-первых, оно распределено точно, во-вторых, привлекает внимание посетителей, в-третьих, картины, которые располагаются под ним, сильно отвечивают [6, с. 13].

Большую роль в восприятии информации посетителем, играют инновационные информационные технологии. На сегодняшний день, в особенности региональные музеи, значительно отстают в плане подачи информации на уровне технологий [5, с. 79].

Музей — это единый организм, который выступает посредником между искусством и всеми категориями посетителей. Он должен обеспечивать комфортное времяпрепровождение и доступно подавать информацию. Несмотря на широкую дифференциацию, в первую очередь, главными критиками музея выступают дети, которым необходимы ответы на их вопросы на понятном для них языке. В этом могут помочь интерактивные доски, планшеты, развивающие игры, что добавляет музею современности, привлекательности и позволяют идти музею в ногу со временем. Современные технологии помогают удерживать их внимание и воспринимать информацию на должном уровне, а также прививать любовь к музеям и поддерживать желание возвращаться туда вновь [2, с. 116].

Говоря о музейном проектировании на сегодняшний день — оно подразумевает под собой перекалфикацию музея «старого» типа в музей XXI в., который ищет пути для своего развития, создаёт новые концепции и программы для осуществления культурно-образовательной деятельности. Такого рода проекты должны быть нацелены не только на детскую аудиторию, а наоборот, работать на все группы населения. Каждой категории граждан необходим «свой» подход, но для этого нужны не только

финансовые ресурсы, но и достаточное количество кадрового состава. В этом случае происходит правильное распределение задач между сотрудниками, которые, в свою очередь, обеспечивают быстрое развитие коммуникации между музеем и посетителем.

Важно учитывать немаловажный фактор: современные технологии создают особое впечатление, обладают информативностью, скрашивают досуг посетителей, но в таком случае необходимо соблюдать меру. При бесконтрольном использовании технологий историческая значимость предмета потеряется и уйдет на второй план — надлежит поддерживать баланс.

Вернемся к Иркутскому областному художественному музею. В настоящее время музей старается выйти на новый уровень в общении с потребителем, но процесс этот замедлен. Музей оснащён аудиогuidaми совместно с системой IZI.TRAVEL и программой дополненной реальности ARTEFACT, музей имеет тактильные копии произведений, что позволяет прикоснуться к искусству в буквальном смысле слова. Этого не достаточно для привлечения ещё большего количества людей и особенно молодёжи, однако это не говорит о полном отсутствии дополнительного материала.

Зачастую существующие проблемы имеют накопительный эффект и решающее слово в этом вопросе остается не за администрацией данных учреждений, а за вышестоящими инстанциями. Камнем преткновения выступает ещё тот фактор, что подобные здания стоят на балансе у Центра сохранения историко-культурного наследия, что замедляет процесс по реставрационно-ремонтным работам. Основные работы в сфере поддержания архитектурного наследия проводятся либо когда возникает критическая ситуация, либо когда появляются необходимые средства от государства.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что использование исторического здания под нужды музея не всегда представляется возможным, в частности, это касается полезного пространства, где можно разместить экспозицию, которая будет обозрима на доступном уровне. Очень важно иметь широкие и открытые помещения, которые не заставляют скапливаться большое количество людей у одного экспоната или витрины. Большая часть исторических зданий, особенно в маленьких городах, по своим объёмам сильно уступают таким музеям, как Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей, Третьяковская галерея и т. п. Это сильно сокращает возможности удачного расположения выставочных пространств, но, тем не менее, сотрудники своим собственным трудом

стараятся приспособить такого рода здания и логично размещать имеющиеся коллекции.

Также необходимо помнить о непригодности таких зданий для хранения предметов искусства, т. к. то и дело возникают проблемы с соблюдением температурно-влажностного режима, из-за чего приходится намного чаще, чем требовалось бы, производить реставрационные работы экспонатов, что негативно влияет на финансовое положение музея.

Как говорилось ранее, исторические здания использовались не только для одной организации. Здание Иркутского художественного музея, построенное в начале XX в., имеет богатую историю: изначально это была Первая Губернская мужская гимназия, затем, в годы Великой Отечественной Войны, в ней расположился патронный завод, а с 1949 г. в здании начал работать Восточно-Сибирский филиал Академии Наук СССР, и лишь в 1973 г. здание было передано музею. Размещение патронного завода впоследствии повлекло за собой ряд проблем, из-за которых пришлось засыпать подвальные помещения, и на сегодняшний день фундамент здания медленно проседает, разрушается от спор плесени, что негативно влияет на внутреннюю среду музея и сказывается на самих предметах.

Наиболее простым решением всех накопившихся проблем стали бы дополнительные помещения на парковой территории музея, что не только увеличило выставочное пространство, но и способствовало наилучшему сохранению и без того большой коллекции. Современные помещения всё же легче приспособить под нужды музея, легче создать правильное освещение, подстроить их под новое поколение посетителей, организовывая в них полезные пространства (кинозалы, творческие мастерские для молодых художников, места для проведения мастер-классов, кафетерий)

Список источников и литературы

1. Архитектурно-строительное проектирование: сборник научных трудов. Ульяновск, 2018. 60 с.
2. *Дукельский В. Ю.* Проектирование музейной экспозиции // Музейное проектирование. / Отв. ред. *А. А. Щербакова*, сост. *А. В. Лебедев*. М., 2009. 256 с.
3. *Казакова С. Ф.* Выставка «Подвиг на земле Тюменской» // Музейное дело в СССР: Сб. науч. тр. М, 1982. С. 103–112.
4. *Казбек-Казиев З. А.* Архитектурные конструкции: учебник. М., 2010. 342 с.
5. *Лебедев А. В.* Виртуализация музея или новая предметность? // Музейное проектирование / Отв. ред. *А. А. Щербакова*; сост. *А. В. Лебедев*. М., 2009. С. 77–98.
6. *Лебедев А. В.* О природе музейного проектирования // Музейное проектирование / Отв. ред. *А. А. Щербакова*; Сост. *А. В. Лебедев*. М., 2010. С. 11–25.
7. Об утверждении муниципальной программы «Сохранение объектов культурного наследия города Иркутска на 2013 – 2017 гг.» // Администрация города Иркутска. 2012.

Постановление № 031-06-2047/12-1. URL: <https://docs.cntd.ru/document/440526632>
(дата обращения: 16.10.2022).

8. Шмит Ф. И. Музейное дело: Вопросы экспозиции. Л., 1929. 85 с.

Для цитирования: Тарасова Н. А., Писецкая К. А. Музейное проектирование и музейная архитектура. Проблемы использования исторических зданий на примере Иркутского областного художественного музея // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 372 – 378.

Специфика российского законодательства в деле сохранения исторических некрополей на примере Санкт-Петербурга

Аннотация. Историческое кладбище — это особая территория, поэтому мероприятия по сохранению памятников должны согласовываться не только с законами, связанными с объектами культурного наследия, но также и с нормативно-правовыми актами, относящимися к похоронному делу. Из-за этого происходит пересечение разных законодательных практик. Таким образом, в данной статье рассмотрены правовые особенности исторических кладбищ в области охраны данного культурного наследия.

Ключевые слова: историческое кладбище; объект культурного наследия; памятник; законодательство.

Title: Specifics of Russian legislation on the conservation of historic cemeteries, using St Petersburg as an example

Abstract. A historic cemetery is a special area and therefore the preservation of monuments must comply not only with laws related to cultural heritage sites, but also with regulations related to funeral laws. Because of this, there is a crossing between different legislative practices. Thus, this article examines the legal features of historical cemeteries in the field of protection of this cultural heritage.

Key words: historic cemetery; cultural heritage; memorial; legislation.

В последнее время рассмотрение проблем сохранения и популяризации исторических кладбищ стало востребованным в современном обществе, поэтому всё чаще некрополи становятся популярной темой для исследований. Тем не менее любые культуроохранные мероприятия должны осуществляться в рамках закона. И поскольку данный вопрос ещё только на стадии активного развития, то данная статья представляется важной для этой области. Таким образом, цель работы — выявить особенности правового регулирования в сфере сохранения исторических кладбищ на примере городских некрополей в Санкт-Петербурге. Основными источниками для анализа служат Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 07.03.2006 № 210 (ред. от 04.04.2019) «Об организации похоронного дела в Санкт-Петербурге» [5], Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении

Ефремова, Валерия Максимовна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st071335@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Калиновский, Владимир Витальевич* — к-т ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Efremova, Valeria Maksimovna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st071335@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Kalinovskiy, Vladimir Vitalyevich* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

и похоронном деле» [6] и Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [7]. В данной статье рассматриваются исторические общественные кладбища XVIII–XIX вв. в современных границах Санкт-Петербурга.

В первую очередь необходимо проанализировать Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (Федеральный закон № 8) [6], поскольку в нём и определяется, что такое кладбище, его основные формы и характеристики. В статье 4 прописывается, что кладбища — это сооружения, отведённые на определенном участке земли для места погребения в соответствии с этическими, санитарными и экологическими требованиями. Также важно отметить, что в статьях с 18-й по 20-ю определяются основные формы кладбищ: общественные, вероисповедальные, воинские и военно-мемориальные. Исторические кладбища города попадают под категорию общественных. Например, Смоленское Лютеранское кладбище хоть и имеет в своём наименовании конфессиональную принадлежность, однако на территории некрополя захоронены лица разных религиозных культур. Подобное связано с политикой советского государства в прошлом столетии: в рамках Декрета Совета Народных Комиссаров об отделении церкви от государства и школы от церкви [1] и Декрета Совета Народных Комиссаров о кладбищах и похоронах [2] церковные организации, до этого занимавшиеся уходом за захоронениями, ведением метрических книг и благоустройством кладбищ, отстранялись от похоронной деятельности, а конфессиональное деление упразднилось. В итоге с 1918 г. до закрытия в 1955 г. на Смоленском Лютеранском кладбище хоронили всех людей [3, с. 286–309]. И поскольку к настоящему моменту не выходило никаких нормативно-правовых актов, упразднявших действие советских декретов, то официально кладбища считаются общественными. Таким образом, вероисповедальное историческое кладбище — редкий вариант для сегодняшних реалий, и рассматриваемые нами некрополи попадают под форму общественных. Это важно обозначить, поскольку в законе о похоронном деле прописывается, что повторное использование мест захоронения на мемориальных, военно-мемориальных и воинских кладбищах недопустимо. Тем самым исторические кладбища не попадают в данную категорию, поэтому сохранение данных некрополей возможно только благодаря Федеральному закону от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (Федеральный закон № 73) [7].

Также в Федеральном законе № 8 есть понятие «могила» — это место захоронения останков усопшего [6]. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что в данном документе определяются «утилитарные» функции кладбищ и захоронений. Тем не менее в документе в статье 4 прописывается то, что места погребения могут относиться к объектам, имеющим культурно-историческое значение. Тем самым действие Федерального закона № 73 также может распространяться на захоронения.

В Федеральном законе № 73 нет подробных определений форм или типов кладбищ. Единственное, в статье 3 в понятии ансамбля прописываются некрополи: «...ансамбли — четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников... некрополи...» [7]. Однако уточнение определений «кладбища» или «места захоронения» в данном законе не является необходимым, поскольку здесь некрополи или захоронения рассматриваются именно как памятники истории и культуры, т. е. как объекты, представляющие собой ценность с точки зрения истории, архитектуры, искусства и социальной культуры.

Однако возникает другая проблема: что именно относится к объектам культурного наследия и как идёт разграничение действия Федеральных законов. Рассмотрим на примере могилы В. В. Докучаева. В Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (ЕГРОКН) отмечено, что могила В. В. Докучаева является объектом культурного наследия федерального значения, однако вид объекта — памятник [4]. И подобный вид будет, как правило, везде, поскольку в список ОКН вносятся только надмогильные сооружения (крест, стела, склеп и т. д.), а не останки. Данная ситуация связана с тем, что, согласно статье 40 «Сохранение объекта культурного наследия» Федерального Закона № 73, для сохранения ОКН необходимо проводить мероприятия, направленные на обеспечение физической сохранности и сохранение историко-культурной ценности памятника. Также, согласно статье 47.6 «Охранное обязательство собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, включенного в реестр» того же закона, собственник обязан не допускать ухудшения состояния памятника [7]. Иными словами, необходимо поддерживать останки в том же состоянии, в котором они находятся в момент включения в ЕГРОКН, т. е. проводить реставрационные, консервационные и иные виды работ, направленные на поддержание текущего состояния, что является неэтичным и невозможным. Таким образом, действие Федерального закона № 73 направлено исключительно на надмогильные сооружения.

Такой же принцип работает и со всей территорией кладбища, являющейся объектом культурного наследия, т. е. устанавливаются зоны охраны и режим, но распространяется это только на надземельные сооружения: ограду, церковь и т. д. (являющиеся элементами охраны ОКН).

После определения границ действия законов возникает вопрос о конкретных мероприятиях, связанных с сохранением кладбищ и захоронений. Для каждого региона существуют свои правила и рекомендации, не противоречащие федеральному законодательству. Например, для Санкт-Петербурга это Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 07.03.2006 № 210 (ред. от 04.04.2019) «Об организации похоронного дела в Санкт-Петербурге» [5]. Из данного документа следует, что благоустройством и сохранностью общей территорией кладбища занимается администрация кладбища, но, согласно статье 9.2, за захоронениями обязаны следить ответственные собственники: «...обязаны содержать склепы, могилы, надмогильные сооружения, живую изгородь могил в надлежащем порядке, своевременно производить поправку могильных холмов, ремонт и окраску надмогильных сооружений, расчистку проходов у могил, осуществлять вынос мусора в специально отведённые места (контейнеры) собственными силами либо по договору на оказание этих услуг с администрацией кладбища...» И одна из главных проблем исторических кладбищ на территории города в том, что собственники исторических захоронений неизвестны, а проводить какие-то мероприятия, например, по реставрации надмогильного сооружения без разрешения собственника нельзя. Разрешение данной ситуации прописывается в статьях с 9.3 по 9.7: если у администрации кладбища имеются доказательства того, что могила давно не посещается, то она имеет право начать процесс о признании захоронения бесхозным, чтобы впоследствии передать его на баланс городу. В этом случае вызывается комиссия от ГУ «Специализированная служба» для составления акта о состоянии могилы, далее на год устанавливается табличка, а в официальных источниках размещается информация о поиске ответственного за захоронение. По истечении срока могила признается бесхозной и передается городу. И если надмогильное сооружение имеет статус объекта культурного наследия, то администрация кладбища обеспечивает сохранность в соответствии с законодательством об охране памятников истории и культуры. И, например, возможна реставрация по инициативе города.

Таким образом, законодательство в сфере сохранения исторических кладбищ представляется сложным. Во-первых, исторические кладбища входят в категорию общественных кладбищ, что означает отсутствие запрета для повторного использования мест для захоронения. Из-за

этого основным способом сохранения данного вида некрополей является Федеральный закон № 73. Иными словами, кладбище или могила должны являться либо объектом культурного наследия, либо выявленным объектом культурного наследия. Во-вторых, действие Федерального закона № 73 распространяется только на надмогильные сооружения, поэтому реставрационные или консервационные работы могут проводиться только с этими объектами. В-третьих, в каждом регионе существует своя система благоустройства кладбищ и захоронений. В Санкт-Петербурге расположено большое количество кладбищ, однако есть проблема с определением собственника (ответственного за захоронение лица), поэтому проведение культуроохранных мероприятий не всегда возможно. В заключение также необходимо отметить, что в первую очередь на кладбище действует Федеральный закон № 8, а Федеральный закон № 73 накладывает дополнительные обязательства для сохранения определенных захоронений или территории некрополя. Однако в случае наличия статуса объекта культурного наследия администрация кладбища обязана выполнять мероприятия по сохранению памятников.

Список источников и литературы

1. Декрет Совета Народных Комиссаров об отделении церкви от государства и школы от церкви // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/95659> (дата обращения: 01.11.2022).
2. Декрет Совета Народных Комиссаров о кладбищах и похоронах // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/10170> (дата обращения: 01.11.2022).
3. Кобак В. А., Пирютко М. Ю. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М., 1993. 797 с.
4. Могила Докучаева В. В. (1846–1903), естествоиспытателя // Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn#:a=eyJ0YWliOiJidWlsZF90YWJsZS9> (дата обращения: 01.11.2022).
5. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 07.03.2006 № 210 (ред. от 04.04.2019) «Об организации похоронного дела в Санкт-Петербурге» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=62148&ysclid=lhdcv5ekit797625745#uNLUZdTquBaj7zNX1> (дата обращения: 01.11.2022).
6. Ф3 от 12.01.1996 № 8-Ф3 «О погребении и похоронном деле» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8919/?ysclid=lhdcyhzvqq373046568 (дата обращения: 01.11.2022).
7. Ф3 от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/?ysclid=lhdd0oh4ki500374349 (дата обращения: 01.11.2022).

Для цитирования: Ефремова В. М. Специфика российского законодательства в деле сохранения исторических некрополей на примере Санкт-Петербурга // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 379 – 384.

Особенности музеефикации ценных фрагментов городской среды исторических поселений

Аннотация. В данной статье рассматривается зарубежный и отечественный опыт сохранения ценной исторической застройки в структуре города. На основе анализа, синтеза, сравнения и переосмысления исследуется опыт в вопросах сохранения и музеефикации городской среды, выделяются методы по сохранению историко-архитектурного наследия на примере рассмотрения конкретных типов музеев. Изучаются особенности музеефикации наиболее ценных фрагментов городской среды исторических поселений.

Ключевые слова: музеефикация; ценные фрагменты; городская среда; историческое поселение.

Title: Features of museumification of valuable fragments of the urban environment of historical settlements

Abstract. This article examines the foreign and domestic experience of preserving valuable historical buildings in the city structure. On the basis of analysis, synthesis, comparison and reinterpretation, the experience in the preservation and museumification of the urban environment is investigated, the methods for the preservation of historical and architectural heritage are highlighted by the example of considering specific types of museums. The features of museumification of the most valuable fragments of the urban environment of historical settlements are studied.

Key words: museumification; valuable fragments; urban environment; historical settlement.

В условиях урбанизации утрачивается уникальный облик малых исторических городов, и всё чаще возникает интерес к сохранению генетического кода исторических поселений, ставятся вопросы использования историко-культурного, архитектурно-градостроительного и природного наследия. Исторические поселения становятся непривлекательными для туристов по причине отсутствия необходимой инфраструктуры, неудовлетворительного состояния памятников архитектуры. Одним из способов актуализации историко-культурного наследия городов ста-

Скуднева, Марьяна Валерьевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st070705@student.spbu.ru

Научный руководитель: Калиновский, Владимир Витальевич — к-т ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Skudneva, Maryana Valerievna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st070705@student.spbu.ru

Scientific adviser: Kalinovskiy, Vladimir Vitalyevich — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

новится музеефикация отдельных архитектурных объектов (превращение в музеи), в то время как сложившаяся историческая застройка не включена в репрезентативный облик малого города.

Актualityность исследования состоит в изучении зарубежного и отечественного опыта по сохранению ценных фрагментов городской среды и выработки на этой основе основных направлений музеефикации исторических поселений.

В качестве одной из форм сохранения городской среды необходимо выделить музеефикацию, подразумевающую включение памятников в архитектурно-градостроительную среду города и ландшафт исторического поселения. Традиционное определение музеефикации, введённое М. Е. Каулен, предполагает преобразование историко-культурных и природных объектов в музейные для сохранения и выявления их ценности [1, с. 13]. Городское пространство как специфический объект музеефикации должно раскрываться визуально и наделяться особым музейным смыслом, подразумевающим восприятие посетителем так, будто он находится в музее [3, с. 144].

Музей под открытым небом фиксирует пространство и время в определённый исторический этап развития города. К данному типу относятся музеи-заповедники, музеи-парки, экомuzeи, урбоскансены, экспозиционное пространство которых в основном располагается вне стен зданий. Такие типы музеев совмещают природу, историю, общество, и сохраняют фрагменты историко-культурной и природной среды, нематериальное наследие, превращая взаимодействие территории и музея в новую культурно-природную реальность, приобретающую музейный контекст [1, с. 85].

Зарубежный опыт связан с восстановлением застройки исторических кварталов и пешеходных улиц, пострадавших в годы Второй мировой войны, а также формированием заповедных зон.

Скандинавские страны являются основоположниками музея под открытым небом, где одной из первых попыток музеефикации архитектурных объектов и образа жизни стало создание в 1914 г. музея «Старый город» («Den Gamle By») в Орхусе [8, с. 24]. Этот музей относится к типу «скансен» и размещает на своей территории перевезённые постройки (магазины, мастерские, бакалейные лавки), воссоздаёт среду старого города, (извилистые улицы, придомовые участки, вписанные в природный ландшафт). Подлинные архитектурные объекты показывают развитие городской культуры и архитектуры Дании, разделяя территорию музея на тематические кварталы: жизнь города в XVIII –XIX вв.; в начале XX в. (1920-е гг.); в последней трети XX в. (1970-е гг.). Посетителю доступны

интерьеры зданий, сцены из городской жизни, участие в которых принимают сотрудники музея и актеры, создавая иллюзию «живого» города.

«Старый город» в Орхусе относится к новейшему типу музея под открытым небом — урбоскансену, представляющему модель города Нового времени. Музей «Аурбайр» (“Árbær”) в Рейкьявике, учреждённый в 1957 г., также можно отнести к этому типу. Музейное пространство включает воссозданный городской квартал, ферму и деревню, транслирующие быт и повседневные занятия исландцев прошлых веков [9].

Рассмотренные музеи создавались методом “ex situ” за счёт перемещения и сосредоточения построек на специально выделенной территории. С одной стороны, метод позволяет сохранить постройки от негативного воздействия на месте их бытования, но, с другой стороны, существует угроза утраты строений при их перемещении. В то же время, городская среда воссоздаётся искусственно, происходит градостроительный разрыв, изъятие объекта из окружающего ландшафта и историко-культурного контекста. Несмотря на это, связь материального и нематериального в таком музее является наиболее аттрактивной для посетителя.

Метод сохранения памятников на месте их создания и бытования (“in situ”) менее распространён в зарубежной практике. Частичное его применение осуществлялось при создании музеев под открытым небом в скандинавских странах.

Музей городской культуры и среды «Старый Берген» (“Gamle Bergen”) в Норвегии сохраняет плотную отреставрированную деревянную застройку, частично находящуюся на месте первоначального бытования и принадлежащую различным слоям населения. Для посетителей также открыт доступ к интерьерам мастерских, музеев, поэтому «Старый Берген» воспринимается целостно и раскрывает строительные традиции и городскую культуру прошлого.

Одновременно с музеем в Бергене создавался «Старый Линчёпинг» (“Gamla Linköping”) в Швеции, его причиной появления стало послевоенное развитие крупных городов, новое строительство в которых угрожало сносу зданий XVIII – XIX вв., формирующих застройку Линчёпинга. Несмотря на применение метода “ex situ”, здания расположились согласно плану центра города вдоль улиц, представляющих их точную копию. Посетителям доступен визуальный осмотр экстерьеров и интерьеров исторических зданий, отражающих быт и городскую культуру различных сословий XVIII – XX вв. Сотрудники акцентируют внимание посетителей на трансляции истории и культуры города через рассказы личных историй из прошлого жителей Линчёпинга [10, p. 44].

Другое направление музеефикации ценных фрагментов среды связано с сохранением исторических центров городов. В европейской практике данные участки находятся под охраной, максимально сохраняются и включаются в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Английский архитектор Д. Родвелл, обобщая имеющийся опыт, выделяет «эволюционный» и «музеологический» подходы к сохранению памятников в городской среде. Первый подход связан с развитием городов подобно живым организмам, стремящимся к постоянному качественному улучшению жизни и приспособляющимся под актуальные нужды. В рамках такого подхода возможно применение реконструктивных вмешательств в структуру города, а также реставрация отдельных зданий, их приспособление для современного использования. «Музеологический» подход предполагает восстановление внешнего облика и интерьеров всех исторических зданий в границах ценной сложившейся застройки (квартала), а также благоустройство и озеленение внутридворовых и придомовых пространств [11, р. 16]. Данный подход предполагает отказ от жилой функции в пользу приспособления памятников под актуальные нужды в качестве административных объектов (квартал Маре в Париже), или объектов музеефикации (Историко-архитектурный заповедник в Пловдиве).

Изучение зарубежного опыта музеефикации городской среды западноевропейских городов позволит выработать новые направления музеефикации пространств исторических городов и поселений Российской Федерации.

Отечественный опыт сохранения ценной застройки в структуре города связан с историческими поселениями как уникальными городскими пространствами, объединяющими на своей территории материальное и нематериальное культурное наследие. Изменения социально-экономического положения, отсутствие внимания и заинтересованности со стороны компетентных органов и местного сообщества приводят к утрате их аутентичности.

Во второй половине XX в. начинается постепенное признание историко-культурной и эстетической ценности крупных фрагментов городской среды исторических поселений. Возникает необходимость их сохранения в качестве памятников градостроительного наследия, истории и культуры, начинаются работы по реконструкции, реставрации и музеефикации городов. Возникают музеи-заповедники на территории исторических поселений, сохраняющие отдельные архитектурные памятники на месте их создания или в новом для них пространстве путём перемещения.

Наиболее острыми проблемами для исторических поселений Российской Федерации являются смена планировочной структуры, утрата гра-

достроительных доминант, ансамблей, ветхость деревянной и каменной застройки. Новое строительство угрожает центрам исторических поселений, чья застройка оценивается застройщиками как ветхая и аварийная [7, с. 211].

Несмотря на существование проблемы сохранения и музеефикации городской среды исторических поселений в России, необходимо отметить её малоизученность, связанную с недостаточной теоретической и практической базой.

Имеющийся отечественный опыт в основном представлен предложениями и рекомендациями по сохранению особо ценных участков городской среды, их преобразованию. Первый опыт был связан с сохранением облика Суздаля и его превращением в туристический центр, начиная с 1960-х гг. Предпроектные исследования были направлены на определение роли каждого архитектурного объекта в будущем музеефицированном комплексе, где памятники и исторические ансамбли должны были превратиться в объекты показа путём реставрации, и места размещения музейных экспозиций [4, с. 85]. В то же время, в период «музейного бума» (1960-е – 1980-е гг.) разрабатывались «сценарии» (модели) пребывания туристов в Суздале, представляющие собой различные маршруты.

Актуализированная историческая среда Суздаля требует обновления согласно Стратегии пространственного развития (мастер-план) до 2030 г., путём реставрации архитектурных памятников, обновления городской инфраструктуры, создания новых туристских маршрутов [2].

На территории исторического поселения Томск, обладающего уникальной деревянной застройкой середины XIX – начала XX вв. усадебного типа, ещё в начале 1970-х гг. были предложены рекомендации по сохранению его исторического центра. С 1980-х гг. Л. С. Романовой разрабатывались научно-практические рекомендации по формированию музеефицированного комплекса «Старый Томск» на базе наиболее ценных участков исторического города (место возникновения города, первая улица, исторически сложившиеся фрагменты застройки середины XIX – начала XX вв.). Несмотря на многочисленные утраты средовых элементов, архитектурно-пространственная составляющая города сохранила атмосферу композиционного единства и сомасштабности человеку.

Предложения по музеефикации сводились к воссозданию облика зданий, элементов благоустройства, дизайну среды, запрету строительства современных зданий на центральных исторических улицах [6, с. 5]. Наиболее перспективными мероприятиями по музеефикации являются консервация, адаптация деревянной застройки, модернизация инженерного

обеспечения, приспособление памятников с возвращением их утраченных функций, а также изменением старых функций на новые [5, с. 116].

В качестве следующего примера, на основе которого можно сформулировать основные направления музеефикации городской среды, можно рассмотреть средневековую часть исторического поселения Выборг, уникальность которой связана с богатой историей западноевропейского и русского градостроительства. Средневековая часть города по-прежнему сохраняет ауру места, остатки дорегулярной планировочной структуры, отдельные памятники средневековой архитектуры, а также здания XVII – XX вв. Следовательно, музеефикация городской среды средневековой части Выборга является наиболее перспективным объектом исследования.

На основе рассмотренных отечественных и зарубежных примеров стоит выделить такие актуальные направления музеефикации, как консервация, реставрация и реконструкция отдельных памятников и ценных фрагментов городской среды. Актуализация историко-архитектурного наследия в среде города может быть достигнута путём создания экскурсионных маршрутов с интерактивными зонами, приспособлением памятников под современное использование и т. д.

В заключение стоит отметить, что проблема сохранения исторически сложившихся территорий становится более актуальной, начиная со второй половины XX в. Наибольшую популярность приобретает сохранение не просто отдельных памятников и ансамблей, но целых исторических городов с их фрагментами в виде отдельных районов, кварталов, улиц.

Список источников и литературы

1. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. 432 с.
2. Неретина М. Суздаль: перерождение // РИА Новости. URL: <https://realty.ria.ru/20201019/suzdal-1579696313.html> (Дата обращения: 29.10.2022)
3. Осипова М. М. Музеефикация в городе: от объектов к пространству // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 212. С. 140–146.
4. Ранинский Ю. В. Суздаль — туристский центр / Под общ. ред. М. А. Орлова. М., 1981. 278 с.
5. Романова Л. С., Малевич С. С. Адаптация исторической застройки к современным условиям. Из опыта Томской реставрационной школы // Вестник ТГАСУ. 2013. № 4 (41). С. 115–126.
6. Романова Л. С. Принципы формирования музеефицированного комплекса в историческом центре города: на примере комплекса «Старый Томск»: автореф. дисс. ... кандидата архитектуры. Новосибирск, 1999. 26 с.
7. Шевченко Э. А. Об исторических поселениях, недвижимых объектах наследия и градостроительных проблемах охраны наследия. СПб., 2018. 367 с.

8. Шмелев В. Г. Музеи под открытым небом. Киев: Наук. думка, 1983. 119 с.
9. Árbær Open Air Museum. URL: <https://reykjavikcitymuseum.is/arbaer-open-air-museum> (Дата обращения: 07.02.2022)
10. *Grahm K., Karlsson M., Lindell A.* Friluftsmuseet som historieförmedlare: Exemplet Gamla Linköping // *Kronos: historia i skola och samhälle*, 1989. Nr. 1. P. 43–46.
11. *Rodwell D.* Conservation and sustainability in historic cities. Blackwell Publishing, 2007. 272 pp.

Для цитирования: Скуднева М. В. Особенности музеефикации ценных фрагментов городской среды исторических поселений // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 385 – 391.

**Художественные музеи и посетитель в середине XX – начале XXI вв.:
эволюция отношений (по материалам англоязычной профессиональ-
ной периодики)**

Аннотация. В данной статье ставится задача проследить в последовательном развитии систему отношений между художественными музеями и фигурой посетителя с конца 1940-х гг. и вплоть до современности на основе материалов музейной периодики. Процесс демократизации музеев во второй половине XX в. определил три основных этапа становления кардинально новых отношений между художественными музеями и их публикой. Итоговая линия изменения статуса посетителя представляется как зритель — клиент/гость — активный участник, что демонстрирует также концептуальные изменения в деятельности художественных музеев.

Ключевые слова: художественные музеи; посетитель; демократизация музеев.

Title: Art museums and the visitor in the mid-XX – early XXI centuries: evolution of the relationship (based on materials from English professional periodicals)

Abstract. This article aims to explore the system of relations between art museums and the figure of the visitor from the late 1940s to the present, on the basis of materials from museum periodicals. The process of democratisation of museums in the second half of the XX century defined three major stages in the development of a radically new relationship between art museums and their public. The final line of the change in the status of the visitor is presented as spectator — client/guest — active participant, which also demonstrates the conceptual change in the work of art museums.

Key words: art museums; visitor; democratisation of museums.

Изучение музеев художественного профиля с социальной точки зрения началось лишь в конце XX – начале XXI вв. Зарубежные исследователи (например, Пьер Бурдьё) в своих работах по истории художественных музеев и их публики представляют музеи как институты производства социальных различий, общественного неравенства [4]. В отечественной историографии анализ социальной стороны художественных музеев основывается на социологических методах. Так, лучше всего удалось

Плешкова, Наталья Михайловна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076023@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Ананьев, Виталий Геннадьевич* — д-р культурологии, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Pleshkova, Natalia Mikhailovna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st070705@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Ananyev, Vitaly Gennadievich* — Dr. in Culturology, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

изучить Государственный Русский музей на основе материалов, собранных отделом социально-психологических исследований (1974–2010) [2]. В данной работе для рассмотрения взаимоотношений художественных музеев с их публикой в последовательном развитии с середины XX в. и вплоть до современности использовались исключительно материалы англоязычных профессиональных периодических изданий (“Museum International”, “Curator: The Museum Journal”, “Museum management and curatorship”, “Museum and society”), позволяющие сформировать наиболее полное и разностороннее представление по исследуемому вопросу.

Выбранные хронологические рамки обусловлены концепцией «музейных революций» Петера ван Менша — современного нидерландского музеолога. Конец 1960-х – начало 1970-х гг. — это время «второй музейной революции», когда происходила массовая демократизация музеев, а начало XXI в. ознаменовалось «третьей музейной революцией», которая основывалась на распространении идей социального характера: мультикультурализма и социальной инклюзии [1, с. 21]. Это всё особым образом отразилось на художественных музеях, которые по-новому стали воспринимать фигуру посетителя.

Выбранные периодические издания ориентированы на освещение как теоретических, так и практических актуальных вопросов музейного дела. Именно в этих журналах наблюдается наибольший процент статей о художественных музеях и их практической деятельности относительно посетителей. Большинство исследуемых материалов относится к британским, североамериканским и европейским музеям. Отобранные статьи условно можно разделить на два блока: социально-практический (описание конкретных примеров социально направленной практической деятельности художественных музеев) и социально-аналитический (описание и анализ результатов проводимых музеями исследований аудитории). На основе материалов данных научных статей можно выделить три этапа становления отношений между художественными музеями и посетителем.

Первый этап охватывает конец 1940-х – начало 1970-х гг. и характеризуется поворотом деятельности музеев в сторону «служения обществу». В художественных музеях наблюдается стремление к учёту интересов посетителей при организации экспозиционного пространства. В журнале “Museum” авторы статей стараются дать чёткие рекомендации, какими должны стать музеи для посетителей. Относительно художественных музеев Ж. А. Ривьер пишет о необходимости адаптации экспозиции для обычных посетителей ясным, доступным и информативным образом: шедевры искусства выставляются отдельно и сопровождаются необходимым минимумом информационного материала, делается акцент на эмоци-

ональную сторону объекта; должны быть экспозиции, представляющие второстепенный интерес, ориентированные на знатоков искусства [15, р. 209]. В частности, такая практика успешно применялась в музее Метрополитан в Египетском отделе [6, р. 157].

Вторая характерная черта данного этапа — это стремление художественных музеев увеличить посещаемость и информированность общества о музейных программах. Можно выделить три основных способа привлечения посетителей, которые активно применялись художественными музеями: пресса, радио и телевидение. Сотрудничество музеев с прессой было выгодным вариантом для обеих сторон: первые получали возможность рекламы и популяризации искусства среди населения, вторые — постоянный источник новостей (от небольших заметок про часы работы музея до статей про выставки и коллекции) [17, р. 230]. Иногда такое сотрудничество могло перейти в нечто большее. Например, в Японии крупные газеты страны помогали музеям и галереям организовывать художественные выставки, спонсируя и предоставляя необходимые ресурсы. Если выставка была организована без участия уважаемой газеты, то процент посетителей был в разы меньше, что показывает влиятельную роль прессы на посещаемость музеев [13, р. 252–253]. Американские художественные музеи предпочитали сотрудничать с радиостанциями и телевидением в просветительных и рекламных целях. Выпускались разные типы радиопередач: от обычных бесед и интервью с музейными специалистами до круглого стола и радиодрамы (аудио-представления). Такое практиковал Художественный музей Кливленда, а Художественный музей Сент-Луиса в добавок размещал свои рекламные объявления, которые звучали в перерывах между программами [5, р. 241]. Однако самым популярным СМИ того времени стало телевидение, и художественные музеи США (Художественный музей Уолтерса, Бруклинский художественный музей) активно пробовали запускать экспериментальные короткие программы про их коллекции и выставки. Художественный музей Сан-Франциско создал телепередачу «Искусство в вашей жизни», которая имела успех среди телезрителей, что отразилось и на посещаемости музея [10, р. 248–249].

Второй этап пришёлся на 1970-е – 1990-е гг. Длительность этого периода (целых 30 лет) объясняется замедленным процессом демократизации художественных музеев, так как они всё так же продолжали работать с заметным акцентом на заботу в первую очередь о коллекциях, что могло идти в ущерб обслуживанию посетителей [11, р. 22]. Художественные музеи сохранили часть консервативных и элитарных черт. Однако уже в 1980-е гг. в музейной сфере начинает распространяться мнение, что

музеи — это производители услуг, а посетители — это их клиенты, чьи интересы должны быть превыше всего. Поэтому важной задачей становится изучение посетителей — visitor studies. Материалы специальных периодических изданий позволили определить, что массовый интерес к изучению публики возник у крупных художественных музеев в 1990-е гг. До этого момента проводились в основном базовые статистические исследования, затем добавились исследования бихевиористского характера (наблюдение за поведением посетителей), а в американских музеях в 1990-х гг. уже наступил этап исследования посетителей с уклоном в когнитивизм. Так, исследователи из Смитсоновского института изучали, как посетители художественных музеев воспринимают экспозицию и в целом искусство, их ожидания и итоговый полученный опыт [9]. В Галерее Тейт ограничивались исследованием отзывов, потребностей и общих оценок, даваемых музеем разными категориями посетителей [16, р. 325]. В этом и заключалась разница между американскими и европейскими художественными музеями. Кроме того, в данный период крупные художественные музеи начали внедрять в свою деятельность практики социальной инклюзии, но пока ещё они носили ограниченный и непостоянный характер, касаясь в основном людей с ограниченными возможностями здоровья, а именно незрячих людей [8].

С началом XXI в. наступает третий этап, когда посетитель становится полноценным объектом исследования для художественных музеев. Теперь о посетителе хотят знать всё, и полученная информация обязательно учитывается при планировании и реализации музейных проектов, а также в целях привлечения новой публики. В музейной периодике большой процент статей посвящён исследованиям различных категорий музейной аудитории. Художественные музеи больше всего интересуют конкретные группы посетителей: дошкольники, молодые люди от 18 до 30 лет и семьи с детьми [3]. Кроме того, на первый план выходят исследования визуального опыта посетителя как теоретической, так и практической направленности. В области теории интересны взгляды чешского музеолога Л. Кеснера, который утверждает, что художественным музеям свойственно настаивать на единственно правильном способе понимать и оценивать искусство, тем самым формируя определённый характер опыта своих посетителей [12, р. 13]. Потому музеям необходимо давать посетителям больше свободы интерпретации и индивидуального понимания искусства. Исследования практической направленности носят междисциплинарный характер и ориентированы на вопросы восприятия, поведения и опыта посетителей, так как экспозиция художественного музея сама по себе непроста и, как отмечено в ряде исследований, требует особого визуального навыка

её восприятия, для развития которого предлагаются различные методики и форматы. Например, развивать визуальные навыки посетителей предлагалось без дополнительного информационного окружения, чтобы посетитель мог самостоятельно учиться выявлять и анализировать информацию [14, р. 293]. В итоге художественные музеи становятся настоящими центрами по изучению музейной аудитории, и вся их деятельность строится вокруг интересов посетителя. Сюда же относится активная разработка и внедрение практик социальной инклюзии, которая теперь охватывает различные категории особых групп посетителей: людей с инвалидностью, представителей этнических меньшинств, ЛГБТ сообщества и т. д. Одним из ведущих методических центров по данному вопросу можно считать Государственную Пинакотеку в Сан-Паулу (Бразилия) [7].

Таким образом, материалы профессиональной музейной периодики более чем за 60 лет позволили проследить эволюцию отношений художественных музеев с их посетителями. От отстранённости и элитарности музеи перешли к концептам доступности и понимания. Относительно описанных выше трёх этапов становления отношений можно выделить три статуса посетителя в художественном музее, которые последовательно сменяли друг друга. Сначала посетитель был обычным зрителем, которого делили на обывателя и профессионала, затем он стал гостем или клиентом, чьи интересы стали учитывать. На сегодняшний день посетитель приобрёл статус активного участника, который может влиять на работу всего музея.

Список источников и литературы

1. *Ананьев В. Г.* История зарубежной музеологии: Идеи, люди, институты. М., 2018. 392 с.
2. *Ивлева Н. В., Потапова М. В.* Музей и публика. СПб., 2013. 198 с.
3. *Beaumont E., Sterry P.* A study of grandparents and grandchildren as visitors to museums and art galleries in the UK // *Museum and society*. 2005. Vol. 3. № 3. P. 167–180.
4. *Bourdieu P., Darbel A.* The Love of Art. European Art Museums and their Public. Cambridge, 1991. 182 p.
5. *Brown H. D.* Museums and radio // *Museum*. 1949. Vol. 2. № 4. P. 238–246.
6. *Cassou J.* Art Museums and Social Life // *Museum*. 1949. Vol. 2. № 3. P. 155–162.
7. *Chiovatto M., Aidar G.* Inclusive Education in Museums Case study: Pinacoteca do Estado de Sao Paulo // *Museum International*. 2012. Vol. 64. № 1–4. P. 69–79.
8. *Delevoy-Otlet S.* A Museum for the blind: the Royal Museums of Art and History, Brussels // *Museum*. 1976. Vol. 28. № 3. P. 178–180.
9. *Doering Z. D., Pekarik A. J.* Exhibitions and Expectations: The Case of “Degenerate Art” // *Curator*. 1997. Vol. 40. № 2. P. 127–142.

10. *Grier H. D. M.* Television Experiments in American Art Museums // *Museum*. 1949. Vol. 2. № 4. P. 247–260.
11. *Kawashima N.* Knowing the Public. A Review of Museum Marketing Literature and Research // *Museum Management and Curatorship*. 1998. Vol. 17. № 1. P. 21–39.
12. *Kesner L.* The role of cognitive competence in the art museum experience // *Museum Management and Curatorship*. 2006. Vol. 21. № 1. P. 4–19.
13. *Makoto I.* Fine Art Exhibitions and Newspapers in Japan // *The International Journal of Museum Management and Curatorship*. 1983. Vol. 2. P. 249–255.
14. *Rice D., Yenawine P.* A Conversation on Object-Centered Learning in Art Museums // *Curator: The Museum Journal*. 2002. Vol. 45. № 4. P. 289–301.
15. *Riviere G. H.* The Organisation and Functions of the Museums // *Museum*. 1949. Vol. 2. № 4. P. 206–227.
16. *Soren B. J.* Audience Research Informs Strategic Planning in Two Art Museums // *Curator: The Museum Journal*. 2000. Vol. 43. № 4. P. 324–342.
17. *Zepp E. C.* The museum and the press // *Museum*. 1949. Vol. 2. № 4. P. 227–232.

Для цитирования: Плешкова Н. М. Особенности музеефикации ценных фрагментов городской среды исторических поселений // *Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных*. СПб., 2023. С. 392 – 397.

Феномен “visual thinking strategies” и его связь с музейной арт-медиацией

Аннотация. Проблема музейной коммуникации порождает целый ряд новых теорий и форм работы с аудиторией. В данной статье будут рассмотрены методики: фасилитированная дискуссия как развитие стратегии визуального мышления (VTS) и арт-медиация. Новые формы работы с посетителями создавались с целью сделать образовательный процесс более увлекательным, инклюзивным и создающим ощущение равенства и свободы. В рамках данной статьи рассматривается связь, то общее и различное, что мы можем наблюдать между этими методиками.

Ключевые слова: медиация; стратегии визуального мышления (VTS); партиципация; музей и посетитель.

Title: The phenomenon of “visual thinking strategies” and its connection with museum art mediation

Abstract. The problem of museum communication gives rise to a number of new theories and forms of working with the audience. In this article, the following methods will be considered: facilitated discussion as a development of a visual thinking strategy (VTS) and art mediation. New forms of work with visitors were created in order to make the educational process more exciting, inclusive and creating a sense of equality and freedom. Within the framework of this article, the general features and differences that we can distinguish between these methods are considered.

Key words: mediation; visual thinking strategies (VTS); building communication; participation; museum and visitor.

Актуальной задачей современного музейного образования является разработка методик вовлечения зрителей в активную интеллектуальную и эмоциональную работу, позволяющую получить новый эстетический опыт. Во многих музеях сейчас происходит переосмысление и модернизация коммуникационной модели «музей — посетитель». Развитие культуры участия в музейных пространствах последних десятилетий делает всё более востребованными партиципаторные практики. Партиципатор-

Корносенко, Екатерина Владимировна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st087112@student.spbu.ru

Научный руководитель: Бирюкова, Марина Валерьевна — д-р культурологии, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Kornosenko, Ekaterina Vladimirovna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st087112@student.spbu.ru

Scientific adviser: Biryukova, Marina Valeryevna — Dr. in Culturology, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

ные практики знаменуют собой смену парадигмы музея или выставочного пространства из формата «хранителя ценностей» в коммуникативный.

Б. А. Столяров в своей работе «Развитие визуальной культуры у учащихся в условиях музея» отмечает, что избыточная, агрессивная визуальная среда приводит к «атрофии восприятия неподвижного объекта» [5, с. 48]. Результатом становится то, что современные подростки не могут удерживать внимание на неподвижном арт-объекте и монологе экскурсовода. Для продуктивного и полноценного восприятия посетителю необходимо воображение, а современная культура потребления его не развивает, предлагая огромные объёмы готовой визуальной продукции, не требующей дополнительного осмысления.

Арт-медиация и фасилитированная дискуссия являются современными партиципаторными практиками. Феномен партиципации (культуры участия) исследует Нина Саймон. Саймон определяет партиципаторный музей, как место, «где посетители могут создавать, делиться и соединяться друг с другом на основе его содержания» [4, с. 4]. Современный музей ищет в своих посетителях не пассивных наблюдателей, а людей, готовых к совместной работе и сотворчеству.

Арт-медиации особенно актуальны в музейной практике последних лет. Среди трудов, в которых предпринимается попытка четко разделить экскурсию и медиацию, можно выделить работу «Арт-медиация после экскурсоведения» Яны Кличук [3]. В этой работе Кличук обращается к понятию «невежественного наставника», введенного еще Жаком Рансьером, говоря, что «арт-медиатор в качестве “невежественного наставника” в первую очередь сокращает дистанцию между искусством и зрителем, создает комфортные условия для рассмотрения произведения, его обсуждения и составления собственного мнения» [3, с. 2]. Значимыми работами по этой теме также являются: «Партиципаторный музей» Нины Саймон [4], «Искусственный ад. Партиципаторное искусство и политика зрительства» Клэр Бишоп [1], «Педагогика угнетенных» Паулу Фрейре [6], «Время культурной медиации» Кармен Мёрш [8] и другие.

Медиация — прямой перевод немецкого слова *kunstvermittlung* или голландского слова *kunstbemiddeling*. В Великобритании «галерейное образование», активно развивавшееся с середины 1970-х гг., основано на практиках радикального искусства, провозгласившего уход искусства от «стабильного положения» к открытости, диалогу, интуитивной критике и плюрализму взглядов.

Стратегия же визуального мышления была разработана в конце XX в. искусствоведем Филиппом Йенавайном, который на момент разработки технологии являлся сотрудником МоМА в Нью-Йорке и психологом

Абигейл Хаузен. «Несмотря на мои профессиональные сомнения, я был оскорблен в середине 1980-х гг., когда Фонд Гетти опубликовал отчет “Неопределенная профессия”, в котором названы неудачи музейных педагогов. В отчете утверждалось, что как группа мы не разрабатывали согласованных программ для посетителей музеев, и в отличие от наших коллег-кураторов, которые были признанными участниками изучения и записи истории искусств, нас нельзя считать серьезными игроками в образовании. Идея доклада задела за живое, потому что в нём была доля правды», — пишет Филипп Йенавайн [9, р. 2]. Работая в Музее современного искусства в Нью-Йорке, Йенаван всё чаще замечал, что классические методики преподавания всё меньше соответствуют времени. Не последнюю роль здесь играло распространение Интернета, но и оно было не основной проблемой. Смущала пассивность аудитории, а ведь современное искусство предполагает активную и открытую дискуссию. Адаптированным же для российских посетителей вариантом методики Visual Thinking Strategies стала «фасилитированная дискуссия», разработанная и успешно применявшаяся в Русском музее Н. В. Иевлевой и М. В. Потаповой. О своей работе они пишут в статье «Свободная дискуссия: как говорить с молодёжью в музее» [2].

ART-дискуссии (фасилитированные дискуссии) — это занятия с молодёжью в формате свободного обсуждения произведений искусства. В небольшой группе каждый участник говорит о своём видении той работы, на которую направлена дискуссия, о своих впечатлениях. Ведущий помогает поддерживать дискуссию, но только так, что сам не участвует в ней. Роль ведущего состоит ровно в том, чтобы каждому хотелось выразить свои впечатления и обсуждение проходило столь активно и интересно, чтобы все участники невольно включались в разговор. Для этого ведущий использует три вопроса, которые нужно задавать по порядку: «Что вы здесь видите? Что вам это напоминает? Что ещё вы здесь видите?» [7, р. 1249]. Эти три вопроса являются основным инструментом техники «Визуальные стратегии мышления».

Йенавайн выделил три формы теории образования:

«Те, которые являются результатом длительного периода размышлений, наблюдений, чтения и опыта — другими словами, прикладного интеллекта;

Те, которые начинаются с гипотезы, которая затем подтверждается экспериментами или другими методами сбора данных;

Те, которые развиваются в результате открытого исследования, которое в конечном итоге выявляет феномен в отсутствие априорной гипотезы» [9, р. 2–3].

Избрана была третья форма. По сути, в рамках фасилитированной беседы тщательно собранные и контролируемые данные приводят к множественным выводам, неограниченным какой-то одной гипотезой.

У арт-медиации и фасилитированной дискуссии есть много общего. Основной схожестью является то, что обе методики уходят от формального обучения, основанного на трансляции готовых знаний от специалиста-знаюка к аудитории. Партиципаторные практики учат, что посетитель в музей приносит с собой свой личный опыт и знания, и эти знания ничуть не менее важны, чем знания ведущего.

Вместе с тем медиация и фасилитированная дискуссия отличаются друг от друга. Это различие заключается, прежде всего, в роли посредника, субъекта, осуществляющего регуляцию коммуникации. Ведущий фасилитированной дискуссии является профессионалом и отлично владеет материалом, в понимание которого он и вовлекает зрителя. Зачастую такой ведущий является экспертом в своей области, имеет соответствующее профессиональное образование. В то время как арт-медиатор может и не обладать специальными знаниями, он не обязан быть искусствоведом-профессионалом. Наоборот, его «не экспертность» в определённой области позволяет ему выстроить горизонтальные связи с другими участниками беседы, исключая классическую вертикальную схему обучения. Хоть медиатор и использует порой схожие вопросы, но сами методики и модели поведения у двух техник различны. Ведущий фасилитированной дискуссии профессионально направляет зрителя к чтению художественного языка, а арт-медиатор вступает в дискуссию, стимулирующую зрителя к размышлениям, ассоциациям, переносящим разговор в более широкое диалоговое поле. В рамках VTS ведущему строго запрещено высказывать свое мнение, задавать собственные оригинальные вопросы. Во многом он ограничен тремя одобренными вопросами. В то время как медиатор ощущает большую свободу, он может участвовать в диалоге. Но участие это не должно переходить границ, не должно мешать каждому в группе высказать свои мысли. Кроме того, в условиях отсутствия ограничений крайне сложно выдержать формат и не уйти в классическую экскурсию. Метод VTS является удачной опорной точкой для проведения медиации, однако на него невозможно опираться целиком, так как личная агентность медиатора, исходящая из гендера, возраста, места учёбы, круга интересов и хобби, в медиации важна и должна быть четко артикулирована во время сессии. Возможно, именно с этими особенностями связана популярность арт-медиации и её активное распространение в отечественной практике.

Хочется отметить, что феномены «фасилитированной дискуссии» и арт-медиации в отечественных проектах всё еще не очень хорошо изучены, и зачастую практика тут опережает теоретическое осмысление. Безусловно, существует грань между этими феноменами, и вместе с тем в условиях динамичного их развития и самих особенностей проведения грань эта порой бывает не очень четкой. Это связано с высокой ролью личности ведущего и медиатора, изменчивостью сценария и уникальностью каждого диалога в зависимости от группы, принимающей в нём участие. Мы можем проследить связь между этими двумя подходами, некоторую схожесть вопросов, и это связано с общей средой формирования, общим периодом актуализации, когда происходило вовлечение посетителя в дискуссию, а сам музей только начинал становиться её модератором. На сегодняшний день методики фасилитированной дискуссии и арт-медиации занимают своё особое место в рамках музейной педагогики, но всё ещё требуют анализа и осмысления.

Список источников и литературы

1. Бишоп К. Искусственный ад. Партиципаторное искусство и политика зрительства / пер. с англ. В. Соловья. М., 2018. 528 с.
2. Иевлева Н. В., Потапова М. В. Свободная дискуссия: как говорить с молодёжью в музее // Музей: научно-практический журнал. 2018. № 1–2. С. 78–81.
3. Кличук Я. Арт-медиация после экскурсоведения // Музей и музейщики: проблемы профессионального образования: материалы международной конференции 14–15 ноября 2014 г. СПб., 2015. С. 66–70.
4. Саймон Н. Партиципаторный музей / пер. А. Глебовской. М., 2017. 439 с.
5. Столяров Б. А. Развитие визуальной культуры у учащихся в условиях музея // Педагогика искусства. 2015. № 3. С. 46–59.
6. Фрейре П. Педагогика угнетенных / пер. с англ. И. В. Никитиной, М. И. Мальцевой-Самойлович. М., 2018. 286 с.
7. Kelly-Hedrick M. et al. Art museum-based teaching: visual thinking strategies // Academic Medicine. 2022. Vol. 97. № 8. 1249 с.
8. Mörsch C; Fürstenberg S; Chrusciel A (eds.). Time for Cultural Mediation. Kulturvermittlung Schweiz // Kultur-vermittlung. URL: <http://www.kultur-vermittlung.ch/zeit-fuer-vermittlung/> (дата обращения: 23.10.22).
9. Yenawine P. Theory into practice: The visual thinking strategies // Conference, aesthetic and art education: A transdisciplinary approach. Lisbon, 1999. P. 1–11.

Для цитирования: Корносенко Е. В. Феномен “visual thinking strategies” и его связь с музейной арт-медиацией // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 398 – 402.

СЕКЦИЯ. «ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ПОТряСЕНИЯХ XX ВЕКА

Ратин Фёдор Денисович

Выборгское воззвание (по материалам перлюстрации Департамента полиции)

Аннотация. В данной статье поднимается проблема закономерности возникновения Выборгского воззвания в контексте деятельности Первой Государственной Думы Российской империи. Автор привлекает в качестве источника материалы перлюстрации писем депутатов Государственной Думы и связанных с ними людей, акцентируя внимание на основных политических силах «выборгской коалиции» — политическом объединении депутатов-авторов Выборгского воззвания — и их идеях. Делается вывод о закономерности возникновения Выборгского воззвания как плода работы Первой Думы и сформировавшихся в ней настроений.

Ключевые слова: Государственная Дума; кадеты; радикалы; Выборгское воззвание.

Title: The Vyborg Appeal (Based on the materials of the Police Department's perlustration)

Annotation. This article raises the issue of the consistency of the origin of the Vyborg Appeal in the context of the work of the First State Duma of the Russian Empire. The author takes as a source, materials of perlustration of letters of members of the State Duma and people associated with them, focusing on the main political forces of the “Vyborg coalition” — political association of deputies-authors of the Vyborg Appeal — and their ideas. The conclusion is made about the consistency of the origin of the Vyborg Appeal as the fruit of the work of the First Duma and the moods formed in it.

Keywords: The State Duma; cadets; radicals; the Vyborg Appeal.

Изучение такого феномена отечественной истории, как Выборгское воззвание, занимает относительно небольшую нишу в отечественной исторической науке. Только на этапе современной историографии можно говорить о начале специализированной разработки Выборгского воззвания как исторического источника. До этого Выборгское воззвание рассматривалось историками как второстепенный момент событий Первой Русской революции [1]. Так, В. С. Дякин не рассматривает воззвание как

Ратин, Фёдор Денисович — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; ratin.fedor@mail.ru

Ratin, Fedor Denisovich — Moscow State University, Moscow Russia; ratin.fedor@mail.ru

отдельный эпизод революционных событий [3]. Казалось бы, Выборгское воззвание — лишь эпизод в столь насыщенном событиями этапе истории России. Тем более, воззвание не привело к коренным изменениям, которых ожидали его авторы.

Сегодня наблюдается рост интереса к этому моменту революции 1905–1907 гг. Прежде всего, следует отметить работу К. А. Соловьева «Выборгское воззвание: теория и практика пассивного сопротивления» [6]. В ней были отдельно исследованы история и содержание Выборгского возвания. Автор характеризует его как «пассивное сопротивление» [6, с. 292]. К. А. Соловьев приходит к выводу о закономерности возникновения Выборгского возвания по итогам работы Думы [6, с. 307]. Сходный вывод делает в своей статье из сборника «Парламентаризм в России и Германии: история и современность» О. В. Гаман-Голутвина [2, с. 70]. Итак, проблема влияния деятельности Первой Думы на возникновение Выборгского возвания кажется нам наиболее актуальной на данный момент.

Одним из источников, который мог бы пролить свет на данную проблему являются материалы перлюстрации писем депутатов Государственной Думы. Не так давно в свет вышел сборник подобных материалов под редакцией В. В. Шелохаева и К. А. Соловьева «Представительные учреждения в Российской империи. 1906–1917. Материалы Департамента полиции» [4].

Разумеется, перлюстрация не может представить всю полноту информации по проблеме. В то же время перед нами источники личного происхождения. Они позволяют изучить взгляды, размышления и намерения тех или иных участников рассматриваемых событий. В указанном издании представлены письма с датировками, адресатами и адресантами, что помогает нам рассмотреть позицию депутатов в динамике. Важно заметить, что в этих письмах представители общественности пытались донести до публики свою позицию, это же они попытаются сделать и в рамках Выборгского возвания. Причём очень часто центральной темой становились думская деятельность, отношения Думы и правительства. В большинстве случаев тема думской деятельности поднималась с первых строк письма и оставалась центральной. Причём она фигурировала либо в форме простого описания происходящих событий с выражением отношения к ним, либо в форме призыва к определённым действиям (об этом мы скажем ниже).

Перлюстрация заключалась во вскрытии и прочтении чиновником частной переписки депутата. Следует заметить, что чиновники должны были проводить свою работу незаметно. Поэтому, как правило, авторы

писем не знали, что их письма читаются. Адресанты были довольно откровенны. В то же время политическая тематика в ту пору была для депутатов важнейшей: работа в Думе была в центре жизни депутатов (особенно, кадетов). В письмах А. А. Токарского и М. А. Кваскова мы видим крайне эмоциональную реакцию на происходящие в стране события. Итак, эти источники позволят нам выявить причины возникновения Выборгского воззвания через изучение позиции депутатов, но дадут нам ограниченную информацию.

К. А. Соловьев выявляет две группы авторов воззвания: кадетов и трудовиков. Позиция первых названа им «тактической философией», вторых — «тактической психологией» [5, с. 40–62]. Мы согласны с таким подходом, но полагаем, что он нуждается в некотором уточнении. Стоит говорить не столько о трудовиках, сколько о радикально-левых силах. Это позволяет отнести к ним некоторых социал-демократов и радикально настроенных крестьян. Трудовики были наиболее представленной среди этих сил группой, но членство в их фракции не означало поддержку социалистических идей. В мае 1906 г. А. А. Токарский писал, что Трудовая группа — это довольно разобщенный набор сочувствующих социалистическим идеям [4, с. 25]. В нём встречались и абсолютно безразличные к подобным идеям люди. Схожую позицию выражает И. Е. Лаврентьев, отметивший, что в группе менее половины действуют сплочённо [4, с. 26].

Ключевым объединяющим фактором для радикальных сил служили уверенность в своей правоте и в необходимости дальнейшего продолжения революции. Причём оба эти аспекта казались радикалам абсолютно реалистичными. Народ (прежде всего крестьяне и рабочие) был уже готов к новому витку революции, надо было лишь подтолкнуть его к этому [4, с. 26]. Радикалов не смущало, что часть крестьянских депутатов откровенно не поддерживает левые идеи. В этом они обвиняли правых и бюрократов, которые обманом пытались дискредитировать оппозицию (так, в нескольких письмах встречается сюжет о священниках, переманивающих крестьян) [4, с. 26].

Таким образом, концепция левых сводилась к следующему: их однозначно поддерживало большинство, а правое меньшинство пыталось помешать. Логичным следствием такой концепции являлись призывы левых депутатов (как правило, из нижних слоёв общества) к крестьянам и рабочим слать наказы с описанием их проблем и требований к правительству [4, с. 20–26, 30–31]. Уже в этих письмах впервые возникает воззвание, как форма обращения к избирателю.

Крайний интерес здесь представляет письмо левого беспартийного депутата Н. И. Бирюкова на Ижевский завод [4, с. 20]. Составленное

в виде воззвания, оно открыто побуждает рабочих готовиться к вооруженному восстанию в случае роспуска Думы (названного неизбежным) и призывает писать жалобы о невыплате премий, чтобы дискредитировать правительство. Другой депутат — казак М. И. Свешников — призывал казаков прекратить поддержку правительства и готовиться к скорому обострению политической ситуации [4, с. 21]. Призывая писать наказы, радикалы прежде всего собирали информацию для дискредитации правительства.

Не вполне верно утверждение, что радикалы «готовили почву». Народ, по их мнению, был уже готов к восстанию, оставалось лишь подтолкнуть его. Радикальные депутаты совершенно не замечали противоречия. Показательно письмо И. Е. Лаврентьева В. П. Есину [4, с. 26]. Первый пишет, что крестьяне уже устали от бездействия Думы по аграрному вопросу. Но виновником этого называет правительство, которое спешит дискредитировать Думу. Он уверен и в «возбуждении» народа, и в его «усталости» от действий Думы. Для радикалов продолжение революции было единственно возможным и логичным исходом. По мнению левых, правительство не могло одержать верх, потому что народ настроен оппозиционно ему.

Мы полагаем, что кадетов логично рассматривать в качестве другой системообразующей силы «выборгской коалиции». Их фракция была идейно едина. Но мы полагаем, что части этой «коалиции» определялись скорее способностью к конструктивной парламентской работе, а не партийной принадлежностью. Кадеты были умереннее радикалов. Они были оппозиционны правительству, но изначально хотели достичь своих целей мирным путем.

Кадеты не были столь уверены в поддержке общественности. Яркий пример тому — письма Е. И. Кедрина [4, с. 17–18] и некоей неизвестной [4, с. 18], написанные в конце апреля 1906 г. В них авторы выражают тревогу из-за отсутствия амнистии, за которую кадеты боролись. Они опасаются, что общественность «не простит» им такого. Кадеты ощущали груз ответственности, который лёг на их плечи в Думе. Они боялись, что достигнутое положение может моментально рухнуть. Кадеты не были так категоричны в вопросе поддержки, как трудовики.

Ощущение ответственности для кадетов усиливалось формой восприятия ими происходящего. М. А. Квасков в письме от мая 1906 г. рассуждает о провозглашении Думы Учредительным собранием [4, с. 27–28]. В его мыслях содержится отсылка на события Французской революции. Стоит отметить значимость для кадетов этой аналогии: отсюда выходило их самопонимание. Нередко они сравнивали себя с депутатами Генеральных

штатов 1789 г., творцами «нового порядка» во Франции. Такую же роль они собирались сыграть в истории России. Революция должна была развиваться по известному сценарию: Генеральные штаты, Учредительное собрание и т. д. Как итог, правительство должно быть сломлено.

Кадеты считали, что бюрократия должна потерпеть поражение. Бюрократ в глазах кадетов был образцом закостенелости и отсталости. Любый сценарий был лучше сохранения власти в руках бюрократов. Полученное представительство казалось кадетам недостаточным. Ведь у власти были всё те же люди [4, с. 17–18]. Во время Французской революции возникновение Национального собрания вынудило правительство уступить власть революционным силам. Так же должно было произойти и здесь. Кадеты признавали сложность работы, отсутствие результатов, но уступок ждали от правительства [4, с. 27–28]. Когда Д. Н. Набоков призывал исполнительную власть подчиниться законодательной, он говорил именно об этом.

Кадеты не видели в восстании желательного сценария. Квасков отмечал, что правительство ещё может добиться мирного исхода, а кадеты действовать резко не хотят [4, с. 27–28]. Кадетские депутаты критиковали трудовиков за неспособность к конструктивной работе и добавляли, что вовсе не помышляют о роспуске Думы [4, с. 23–24]. Парламентская трибуна оставалась для кадетов важнейшим достижением, где они должны ещё были сыграть свою роль. Говоря о возможных беспорядках, кадеты предполагали, что они смогут оседлать протест и вынудить правительство пойти на уступки [4, с. 28]. Т. е. в любом случае кадеты должны были одержать верх над правительством и добиться своего «перехода от Генеральных штатов к Национальному собранию». Таким образом, концепция кадетов не предполагала компромисса с правительством, она предполагала победу над ним. При этом кадеты рассчитывали это сделать, оставшись в парламенте.

Когда 9 (22) июля стало известно о роспуске Думы, каждый действовал в силу своего видения будущего. Для радикалов выход был очевиден: они уже готовились к роспуску и ждали всплеск недовольства масс [6, с. 72]. Обратиться к народу с воззванием было для них единственно правильным решением. В предыдущие месяцы радикалы уже писали «маленькие воззвания». Теперь нужно было лишь дать последнее большое воззвание с призывом к всенародному протесту, который давно назрел.

Для кадетской концепции однозначного ответа не было. Не все кадеты в конечном итоге высказались за подписание воззвания. Всё же кадеты надеялись избежать роспуска. Но правительство неожиданно для них решилось на столь резкую меру. Идеи кадетов подсказывали только одно: правительство не должно победить в этом противостоянии. Поэтому

кадеты уцепились за первую возможность ответить ему и присоединились к воззванию.

Так сформировалась «выборгская коалиция» радикальных и центристских сил. Для первых участие в ней было логичным решением, для вторых — ситуативным. В обоих случаях оно было продиктовано уже сформировавшимися идеями этих политических группировок.

Трагедия Первой Думы заключается в том, что подавляющее большинство в ней имели силы, которые мыслили фантомными образами. Кадеты — своим видением бюрократии, радикалы — народной поддержки. Ситуация требовала от них быть готовыми к компромиссам. Но они не смогли этого сделать. Как итог, воззвание не вызвало реакции, а правительство ответило арестами подписантов [6, с. 84]. Это был провал идей обеих сторон [5, с. 307].

Таким образом, Выборгское воззвание на основе материалов перлюстрации видится нам абсолютно логичным итогом работы Первой Думы, а если быть точнее — взглядов его авторов. Ими являлись левые радикалы, уверенные в предстоящей успешной революции, и кадеты, не желавшие компромисса с правительством. Роспуск Думы запустил процесс, породивший воззвание, а отсутствие реакции на него подвело итог работы Думы: она оказалась неудачной.

Список источников и литературы

1. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш., Дубенцов Б. Б., Дякин В. С., Потолов С. И.* Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. 662 с.
2. *Гаман-Голутвина О. В.* Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе // *Парламентаризм в России и Германии: История и современность* / отв. ред. *Я. А. Пляйс, О. В. Гаман-Голутвина*. М., 2006. С. 56–73.
3. *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. 245 с.
4. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции / отв. ред., автор пред. *В. В. Шелохаев*, сост. и автор коммент. и пред. *К. А. Соловьев*. М., 2014. 718 с.
5. *Соловьев К. А.* Выборгское воззвание: Теория и практика пассивного сопротивления. М., 2021. 320 с.
6. *Соловьев К. А.* Самодержавие и конституция: политическая повседневность в России в 1906–1917 гг. М., 2019. 283 с.

Для цитирования: *Ратин Ф. Д.* Выборгское воззвание (по материалам перлюстрации Департамента полиции) // *Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных.* СПб., 2023. С. 403 – 408.

А. Ф. Редигер и революция 1905–1907 гг. Роковое непонимание вызовов времени

Аннотация. В настоящей статье на основе мемуаров генерала А. Ф. Редигера рассматривается вопрос восприятия событий 1905–1907 гг. высшей бюрократией. Оцениваются представления власти о сущности Первой русской революции и причинах, породивших её. Автор уделяет внимание характеристике степени готовности правительственных кругов к отражению революционной угрозы. В тексте статьи также выявляется спектр проблем, с которыми столкнулась самодержавная система во время борьбы с радикальным движением нач. XX в.

Ключевые слова: А. Ф. Редигер, высшая бюрократия, революция, дезорганизация власти.

Title: A. Rediger and the revolution of 1905–1907. Fatal misunderstanding of the challenges of the epoch

Abstract. The article draws on General Alexander Rediger's memoirs to explore how the high rank bureaucracy considered the revolution of 1905–1907. The authorities' ideas about the essence of the First Russian Revolution and the reasons, that gave rise to it, are evaluated. The author characterizes the government's readiness to repel the revolutionary threat. The text also reveals the range of problems the autocratic regime faced during the struggle against the radical movement of the early 20th century.

Key words: A. Rediger, the high rank bureaucracy, revolution, power collapse.

Россия вступила в XX в., по-прежнему оставаясь самодержавной монархией. В начале столетия такая форма правления уже выглядела архаично [9, с. 5]. Однако является ли этот факт безусловным показателем неэффективности государственного строя? Как нам представляется, нет. Судить об успешности модели управления можно, исходя из её способности преодолевать вызовы, угрожающие стабильности государственной системы. В интересующий нас период первым таким вызовом была революция 1905–1907 гг. Самодержавие было вынуждено пойти на политический компромисс с оппозицией. Такой исход противостояния свидетельствовал о неспособности власти отстоять собственные идеалы в условиях начала

Симинченко, Олег Игоревич — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; siminchenko.oleg@yandex.ru

Научный руководитель: *Мухина, Елена Николаевна* — к-т ист. наук, доц., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Siminchenko, Oleg Igorevich — Moscow State University, Moscow, Russia; siminchenko.oleg@yandex.ru

Scientific adviser: *Mukhina, Elena Nikolaevna* — PhD in History, Associate Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

нового столетия [9, с. 651–652]. Что же пошло не так? Один из возможных ответов на этот вопрос связан с высшей бюрократией, обеспечивающей функционирование государственной системы. Именно она оказалась неготовой к потрясениям 1905–1907 гг.

Выразительным примером несостоятельности отдельных представителей власти в годы тяжёлых испытаний являются размышления военного министра А. Ф. Редигера о революции, изложенные им в своих мемуарах. Мемуары были записаны в восьми тетрадях, содержащих описание служебной деятельности автора, его семейной жизни, ключевых исторических событий нач. XX в., а также портретов государственных и военных деятелей, современников Редигера. Большая часть воспоминаний генерала была написана в 1917–1918 гг. Крах империи заставляет автора предпринять попытки осмысления причин поражения власти в борьбе с революцией. В тексте мемуаров чувствуется желание Редигера найти виновных в трагическом конце самодержавной России.

Начать рассмотрение взглядов мемуариста на события 1905–1907 гг. следует с анализа причин революционных потрясений, которые выделяет Редигер. Генерал убеждён, что ключевая проблема состоит в бездарном высшем военном командовании, к которому редко применялся механизм ротации [12, с. 450]. Кадровые проблемы, по мнению автора, значительно ухудшила русско-японская война, которая вызвала переброску на восточное направление подготовленных офицеров [12, с. 430]. Таким образом, в Европейской части страны остались, в большинстве своём, безынициативные «почтенные» генералы, которые не могли пресечь выступления в тулу [12, с. 455].

Указанные проблемы, конечно, имели место, однако считать их ключевыми в 1905–1907 гг. крайне нецелесообразно [15, с. 54]. Редигер явно не понимает масштаба Первой русской революции, охватившей все основные социальные слои российского общества. В тексте воспоминаний мы не увидим каких-либо размышлений об аграрном, рабочем и национальном вопросах. Редигер концентрирует внимание читателей исключительно на волнениях в армии, восстания рабочих и крестьян находятся вне поля его зрения. Нет у генерала и представления о степени организованности антиправительственной борьбы в России: в стране работали революционные типографии, была налажена поставка оружия повстанцам из западных стран [1, с. 18–23].

Автор практически не использует термин «революция», заменяя его менее конкретными синонимами: «смута», «волнения», «беспорядки» и т. п. Это не случайно, ведь Редигер не видит в событиях 1905–1907 гг. системности, а рассматривает их лишь как череду бунтов и волнений.

Без чёткого осознания причин, породивших революционное движение, мемуарист не мог понять его природу, а значит, и предложить эффективные меры противодействия.

Оторванность размышлений Редигера от революционной реальности показывает и его убеждённость в аполитичности солдат и матросов [12, с. 505]. Удивительно, но данное суждение мемуариста относится к ноябрю 1905 г., т. е. оно было высказано уже после восстания на броненосце «Потёмкин» и во время Севастопольского восстания П. П. Шмидта, когда флот, по выражению историка В. Д. Поликарпова, становился «ядром революционной армии» [11, с. 103–104].

В условиях широкого возмущения в армии мемуарист не считал нужным давать право солдатам участвовать в выборах в Государственную думу [12, с. 529]. Из приведённых свидетельств видно, что Редигер плохо осознаёт деструктивные процессы в армии, которая была восприимчива к революционной агитации [13, с. 55]. По меткому выражению исследователя Н. Г. Королёвой, «дух свободы проник в казармы везде и повсюду» [8, с. 67].

Важно подчеркнуть, что Редигер со своим видением революции не выделялся на фоне значительной части высшей бюрократии России. Историк И. М. Пушкарёва отмечает, что правящие «верхи» долгое время оставались в бездействии, а вызов, брошенный оппозицией, просто отказывались замечать [10, с. 206–210]. Такое поведение можно объяснить лишь ложной убеждёностью в отсутствии реальных угроз власти, проистекающей из посредственности высших чиновников, окружавших Николая II [7, с. 43]. Власть плохо представляла, с чем именно ведёт борьбу и какие будут последствия исхода этой борьбы для самодержавной системы.

В мемуарах Редигера, тем не менее, есть указание на необходимость реформирования политической системы страны под натиском революции. Так, мемуарист утверждает, что был уверен в нецелесообразности разработки А. Г. Булыгиным проекта законосовещательной Государственной думы и необходимости создания законодательного органа [12, с. 444]. Однако, данный пассаж Редигера не вписывается в общий ход мыслей автора и выглядит как более поздняя вставка, добавленная уже после описываемых событий. Учитывая условность границы между законодательными и законосовещательными функциями Думы, на что указывает историк Р. Ш. Ганелин [3, с. 134–135], акцентирование Редигером внимания читателей именно на этом вопросе выглядит необоснованным. Вероятно, рассуждения о важности наделения Думы законодательными полномочиями соотносятся со стремлением генерала позиционировать себя как прогрессивного государственного деятеля. Только этим можно

объяснить рассуждения мемуариста о необходимости постепенного перехода России к конституционной монархии, за которыми не стоит какого-то прочного представления об эволюции правительственной системы. Напротив, Редигер, перечисляя необходимые черты образа «идеального императора», создаёт архаичный портрет правителя эпохи Николая I: «... Самодержец должен чувствовать себя слугой государства <...> он лично должен быть безупречным, без фальши, верным своему слову и твёрдым в принимаемых решениях» [13, с. 285]. Такой портрет государя одной из крупнейших стран в Европе вряд ли соответствовал запросам XX в., который требовал от правителя быть не честным и твёрдым человеком, а искусным политиком. Консерватизм мышления мемуариста ставит под сомнение его возможности предложить стратегию выхода страны из кризиса.

Иной проблемой, на которую указывает Редигер, являлось отсутствие актуальной информации о скорости разворачивающихся событий. Недостаточная осведомлённость о ходе развития революции была вызвана значительной задержкой в получении центром данных о текущем положении дел на местах. Редигер, например, говорит, что узнал о волнениях в Одессе и восстании на броненосце «Потёмкин» лишь спустя месяц [12, с. 454]. Правительство, при учёте таких задержек, не могло подготовить хоть сколько-нибудь адекватный ответ. Примечательно, что из событий 1905–1907 гг. не были извлечены соответствующие уроки — в феврале 1917 г. центральная власть так же страдала от недостатка информации [4, с. 72].

Очевидно, что без своевременного доступа к актуальным сведениям о развитии революции не могло быть и речи о выстраивании стратегии борьбы с радикальным движением. Почему же система связи между регионами и столицей оказалась парализованной? Вероятно, виной тому была наступившая дезорганизация местной власти, которая зачастую не могла составить конкретный отчёт о происходящем для центра [12, с. 454].

Воспоминания Редигера показывают, что дезорганизация имела место и в центральном аппарате, что влекло за собой негативные последствия. В условиях революции власть в полной мере не смогла воспользоваться армией для подавления выступлений, хотя, по мнению историка В. С. Дякина, крестьянская по своему подавляющему составу армия была верна царской власти [5, с. 114]. Тем не менее, непродуманное увольнение солдат запаса, что привело к искусственному недостатку войск, столь необходимых для подавления выступлений [12, с. 513]. По мнению исследователя В. Д. Поликарпова, свою роль сыграла и дислокация воинских частей, выбранная без конкретной связи с внутривосточной обстановкой, что не позво-

лило командованию быстро мобилизовать их для борьбы с революцией [11, с. 70]. Даже после заключения Портсмутского мира в августе 1905 г. и высвобождения крупной дальневосточной группировки командованию не удалось своевременно перебросить их в Европейскую часть страны. По словам Редигера, причина тому заключалась не в низкой пропускной способности Транссибирской магистрали, а в потере связи [12, с. 525]. Действительно, в Сибирь в конце 1905 г. были посланы отряды П. К. Ренненкампа и А. Н. Меллера-Закомельского, которые восстановили порядок на железной дороге, нарушенный революционерами Читинской республики. Однако пропускную способность Транссиба переоценивать также не стоит — для переброски одного армейского корпуса в период войны с Японией требовалось около месяца [14, с. 462].

Делу подавления революции служили и военно-полевые суды, образованные по инициативе П. А. Столыпина в августе 1906 г. в ответ на рост террористических актов [2, с. 116]. Насколько эффективными они были? Мемуары Редигера показывают неотлаженность их работы. В качестве примера генерал приводит приговор убийце городского от ноября 1906 г. Революционера осудили не за убийство, а за нанесение ран, что, по мнению Редигера, является показателем низкой квалификации самих судей [13, с. 154]. Мемуарист убеждён, что именно ускоренный формат судебного процесса порождал множество ошибок [13, с. 81].

Наиболее ярко дестабилизация работы центральной власти проявилась в высокой степени конфликтности министров. Редигер признаётся, что никакого «объединённого правительства» на деле не существовало. Вместо него было «двенадцать обособленных ведомств», которые демонстрировали полную разрозненность управления [12, с. 267]. Не зря историк Т. В. Зайкина характеризует систему отношений в высших военных ведомствах как «крайне неясную, противоречивую и сложную» [6, с. 64]. Воспоминания Редигера содержат много эпизодов его конфликтов как с великими князьями, так и с ключевыми государственными деятелями (В. Н. Коковцовым [13, с. 302], П. А. Столыпиным [13, с. 82], Ф. Ф. Палицыным [13, с. 9] и др.). Порой складывается впечатление, что мемуариста в условиях революции больше беспокоят дела своего министерства, чем судьба страны. Его личные интересы превалируют над государственными. Редигер негативно высказывался об использовании войск для подавления выступлений, что, с его точки зрения, вредило их боеспособности [12, с. 477]. Мемуарист не чувствует ответственности за будущее страны и после своей отставки. Покидая пост военного министра в 1909 г., Редигер отмечает своё удовлетворение тем, что ему не придётся отвечать

за неподготовленность русских войск к будущей Первой мировой войне [13, с. 296–297].

Таким образом, мемуары Редигера указывают на то, что не все представители власти были готовы к отражению революционной угрозы. Отсутствие ясного представления о природе революции, а также проявившиеся изъяны государственного управления мешали вести уверенную борьбу с радикальным движением. Безусловно, сделать напрашивающийся вывод о кризисе всей бюрократической системы было бы нецелесообразно, ведь для этого нужна более широкая источниковая база.

Список источников и литературы

1. *Васильев М. В.* Революция 1905 года — репетиция смуты // Архонт. 2019. № 5 (14). С. 16–36.
2. *Веретенников Н. Н.* Военно-полевые суды и первая русская революция // Власть. 2010. № 1. С. 115–118.
3. *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. 221 с.
4. *Дякин В. С.* Кризис верхов в России накануне Февральской революции // Вопросы истории. № 3. М., 1982. С. 70–83.
5. *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. 248 с.
6. *Зайкина Т. В.* Роль военного министра А. Ф. Редигера в проведении военных реформ сквозь призму его взаимоотношений с российскими государственными, политическими и общественными деятелями. Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 20, № 3. Самара, 2018. С. 62–66.
7. *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. 351 с.
8. *Королёва Н. Г.* Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. М., 1982. 183 с.
9. Кризис самодержавия в России: 1895–1917 / *Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, В. С. Дякин* [и др.]. Л., 1984. 654 с.
10. Первая революция в России: взгляд через столетие / *А. П. Корелин, И. М. Пушкарева, Н. Г. Королева* [и др.]. М., 2005. 602 с.
11. *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России 1905–1917 гг. М., 1989. 389 с.
12. *Редигер А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. *В. А. Золотарёв*. М.; Кучково поле, 1999. 550 с.
13. *Редигер А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. Т. 2. / Отв. ред. *В. А. Золотарёв*. М., 1999. 483 с.
14. *Свечин А. А.* Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. 1. М.-Л., 1928. 619 с.
15. *Томплин А. Р.* Русская армия и революция 1905 г. // Революции в конце XVIII – начале XX вв. Общее и особенное. (Материалы круглого стола) / Исторический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2017. С. 54–57.

Для цитирования: Симинченко О. И. А. Ф. Редигер и революция 1905–1907 гг. Роковое непонимание вызовов времени // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 409 – 415.

Влияние итогов русско-японской войны на принципы внешней политики России по воспоминаниям министров А. П. Извольского и С. Д. Сазонова

Аннотация. В данной статье речь пойдёт о непосредственном влиянии итогов русско-японской войны на направления внешней политики Российской империи в 1905–1914 гг. На основе мемуаров глав внешнеполитического ведомства России в ней будут рассмотрены акценты, которые оно расставило в своей дипломатии после заключения мирного договора в Портсмуте. Делается вывод, что поражение в русско-японском конфликте заставило императорское правительство существенно изменить внешнеполитический курс и что оно стало одной из причин формирования двух политических блоков, которые и столкнулись между собой в 1914 г.

Ключевые слова: внешняя политика; Министерство иностранных дел; А. П. Извольский; С. Д. Сазонов.

Title: Influence of the results of the Russo-Japanese War on the principles of Russia's foreign policy according to the memoirs of ministers A. P. Izvolsky and S. D. Sazonov

Abstract. This article will focus on the direct impact of the Russo-Japanese War on the directions of the foreign policy of the Russian Empire in 1905–1914. Based on the memoirs of the heads of the Russian Foreign Ministry, it will examine the accents that it placed in diplomacy after the conclusion of the peace treaty in Portsmouth. It is concluded that the defeat in the Russo-Japanese conflict forced the imperial government to significantly change its foreign policy and that it became one of the reasons for the formation of two political blocs, which collided with each other in 1914.

Key words: foreign policy; Ministry of Foreign Affairs; A. P. Izvolsky; S. D. Sazonov.

Дальневосточное направление было одним из важнейших для Российской империи в течение всей второй половины XIX и начала XX вв. Со второй половины 1890-х гг. она перешла к политике активного экономического проникновения в Маньчжурию, что, в конечном счёте, привело к столкновению с Японией [11, с. 109–110]. Русско-японская война — событие, которое можно отнести к числу самых дискуссионных во всей российской истории [7, с. 387–390]. Однако исследователи сходятся в важном положении: все считают этот конфликт тяжёлым поражением Российской

Стекачев, Артём Евгеньевич — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; artem.stekachev19@yandex.ru

Научный руководитель: Гайда, Фёдор Александрович — д-р ист. наук, доц., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Stekachev, Artem Evgenievich — Moscow State University, Moscow, Russia;
artem.stekachev19@yandex.ru

Scientific adviser: Gaida, Fyodor Alexandrovich — Dr. Sc. in History, Associate Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

империи, что серьёзно сказалось на её внешней политике [1, с. 360; 2, с. 105–111]. Более того, эта тематика привлекала внимание и зарубежных исследователей [9].

А. П. Извольский в первой половине 1900–х гг. был послом в Токио, что позволяет нам сделать вывод о его активном участии в политике императорского правительства на дальневосточном направлении. С. Д. Сазонов же в 1904 г. был назначен советником посольства в Лондоне, соответственно, он был посвящён в действия внешнеполитического ведомства России, что предполагало глубокую и всестороннюю подготовку чиновника, ведущего здесь работу (к примеру, требовалось владение языком, а также знание основных вопросов геополитической ситуации в той или иной стране; так, азиатский департамент МИД Российской империи обращал особое внимание на подготовку квалифицированных специалистов-востоковедов).

К тому же, их мемуары были созданы через несколько лет после революции в России, в 1920-х гг., что позволяет нам говорить об осмысленности высказанных в них тезисов. Мемуары позволяют проследить точки зрения министров касательно всех событий. В этом контексте подобный тип источников представляет для исследования большую ценность, поскольку мы имеем возможность изучить тексты с меньшей эмоциональной окраской, чем если бы мы работали с дневниками и другими источниками, созданными в момент происшествий всех событий.

Важно отметить, что каждый из министров обладал своими целями и идеями, что не могло не отразиться на их политике. С другой стороны, нужно проявить осторожность при их изучении, поскольку мемуары вышеуказанные деятели писали в эмиграции и, следовательно, делали это по памяти и на основании опубликованной в СССР документации в журнале «Красный архив». Сами царские чиновники, в частности Сазонов и Извольский, не вывозили какие-либо документы из России. Можно заметить и исключения, как, например, А. Н. Яхонтов, который отвечал за всю делопроизводственную документацию Совета министров в 1914–1916 гг. и предпочёл сохранить эти данные при себе. Вполне вероятно, что в процессе написания воспоминаний, Извольский и Сазонов также обращались к этим текстам.

Более того, мемуарное наследие рассматриваемого периода достаточно богатое. Так, свои воспоминания оставили С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов и другие государственные и военные деятели Российской империи. Однако опираться мы будем именно на мемуары дипломатов, профессионально подготовленных и имеющих особый взгляд на международные отношения людей.

Учтя все эти факторы, мы можем критически опереться на данный тип источников и определить, как повлиял исход русско-японской войны на внешнеполитический курс Российской империи, по мнению министров Извольского и Сазонова.

В начале XX в. Николай II пытался как сохранять лояльность Франции, так и поддерживать взаимопонимание с Вильгельмом II, пойдя на знаменитые переговоры с ним у острова Бьорк. Основной причиной этого события стала поддержка со стороны германского императора во время войны с Японией. Согласно текстам его телеграмм, именно Вильгельм II поддержал Российскую империю поставками угля во время конфликта, в то время как Британия отказалась это делать [5, с. 31–33].

Англия в это время находилась в политическом одиночестве. С Россией она вела небезызвестную «Большую игру» в Центральной и Южной Азии (геополитическое соперничество за господство в этом регионе). Кроме того, ситуацию обострил Гульльский инцидент, когда российская Вторая Тихоокеанская эскадра по ошибке открыла огонь по британским рыболовным судам, приняв их за японские боевые корабли. Более того, Англия пошла на союз с Японией для борьбы с Россией при дипломатической поддержке Вильгельма II [5, с. 33]. Таким образом, мнение Извольского подтверждает факт борьбы Великих держав между собой. Мы можем сделать вывод, что на момент ведения русско-японской войны Англия воспринимала Россию таким же противником, как и Германию. Она желала снизить влияние первой на Дальнем Востоке. Ради свершения этой цели она пошла на заключение союза с Японией после того, как у той не получилось подписать соглашение с Российской империей: «Дальновидный представитель Японии в Лондоне счел необходимым поспешить с заключением англо-японского союза» [5, с. 14].

Российское правительство понимало, что именно Вильгельм II желал создать конфликтную обстановку в складывающемся антигерманском союзе. Этот факт, а также благополучное разрешение Гульльского инцидента при посредничестве Франции сыграли главную роль в том, что между Англией и Россией не продолжилась эскалация конфликта, а были установлены достаточно крепкие отношения [5, с. 31].

Немецкой дипломатии это событие нанесло ощутимый урон, несмотря на её видимое спокойствие [6, с. 619–620]. В этом контексте поражение России в войне с Японией оказалось и косвенным проигрышем для Германии, поскольку для последней было важно так или иначе вывести Россию из системы европейской политики. Таким образом, поражение Российской империи в этом конфликте могло бы быть выгодным для Германии при условии, что первая предпочтёт решать противоречия в этом

регионе военным способом. Вероятно, Вильгельм II мог избежать поражения, спровоцировав реваншистские настроения у Николая II или разрыв отношений между Россией и Францией. Однако российский император избрал другой путь.

Важным событием стала конференция в Альхесирасе. На ней решался спор о контроле над султанатом Марокко, разгоревшийся между Францией и Германией. Для последней дело обстояло наиболее остро ввиду того, что она имела гораздо меньше колониальных владений, чем большинство остальных европейских стран. Германская империя желала пересмотра этой системы в свою пользу. Её поддержала только Австро-Венгрия, и немецкая сторона оказалась в политической изоляции.

В это время российское правительство уже достаточно холодно относилось к Германии и, к тому же, Франция согласилась экономически поддержать Россию в связи с начавшейся в ней революцией: «В конце концов немецкие банки решили воздержаться от участия в русском займе, переговоры о котором велись в Париже и часть которого должна была быть предоставлена немецким финансистам» [5, с. 27]. В этом контексте убедительно звучит тезис Лунтинена Перти о корыстных целях Франции в этом деле, стремившейся любой ценой оставить контроль над Марокко за собой [12, р. 107]. Более того, стоит отнестись к высказываниям Извольского, стремившегося сблизиться с Францией, критически. Франция требовала созыва Думы для начала поддержки, в то время как Германия выделила займ сразу в надежде найти опору в лице Российской империи [4, с. 168–170]. Тем не менее, Николай II не желал участвовать в каком-либо военном столкновении и принял решение не поддерживать Германию. Для немецкой стороны это было дипломатическим провалом — Марокко было признано независимым государством. Вильгельм II, пытаясь спровоцировать конфликты и противоречия между Россией, Францией и Англией, добился обратного результата, поскольку все эти страны пошли на политическое сближение. После Альхесирасской конференции начался новый этап международных отношений, как это отмечает сам Извольский [5, с. 26]. С этого момента, когда было заключено соглашение с Англией в 1907 г., начинается повествование С. Д. Сазонов, который также поддерживает сближение императорского правительства с новой союзницей в Европе [8, с. 26]. Тем не менее, он был сторонником поддержания политического равновесия в международной политике. Он не стремился к дальнейшему охлаждению отношений с Германией.

Итогом дальнейшей эскалации между двумя политическими блоками стала аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г. России пришлось уступить, поскольку к открытому военному столкновению она

была не готова ввиду политических и экономических причин [1, с. 398–400]. Для министерства под руководством Извольского это было провалом, однако данные события привели к сплочению славянских держав, в частности усилению русско-сербских отношений, для будущей борьбы со странами Тройственного союза. [3, с. 157]. Тем не менее, Болгария проводила политику, враждебную по отношению к прочим государствам на Балканах и России. Это могло быть вызвано тем, что ещё с XIX в. усиливалось влияние Германии (так, болгарский царь Фердинанд I опирался на её поддержку, в том числе и в ходе Балканских войн).

После заключения соглашения с Англией появилась возможность без последствий налаживать коммуникации в Персии. В это же время Николай II стремился, как отмечает Сазонов, «обезвредить Германию» путём экономических уступок [8, с. 37]. Вскоре были организованы переговоры в Потсдаме, где Вильгельму II и были обещаны те самые «уступки». Это осуществлялось по двум основным направлениям. С одной стороны, Германия добивалась своего участия в разделе Персии на сферы влияния [8, с. 33]. С другой стороны, она желала установления собственного контроля над Марокко и поэтому, когда Франция решила ввести войска в Фес для подавления местного восстания, Германия денонсировала альхесирасский трактат, послав боевые корабли в акваторию этого государства. Подобное действие было расценено мировым сообществом как провокация и, по мнению Сазонова, могло привести к началу мировой войны [8, с. 44]. Стоит заметить, что немецкое правительство едва ли было готово пойти на открытый вооружённый конфликт. В течение всего рассматриваемого периода оно использовало другой метод: давление на политических соперников. Германия таким образом пыталась вынудить Францию пойти на переговоры [10, с. 471].

Вильгельм II на очередной встрече с Николаем II и Сазоновым пытался вновь сместить акцент внешней политики России с европейских дел на Дальний Восток, поскольку его и остальных представителей Тройственного союза не устраивала активная поддержка Российской империей целостности славянских стран на Балканах [8, с. 63]. Тот факт, что Сербия представляла для императорского правительства предмет «искренней и горячей заботливости», позволяет нам сказать, что для отстаивания независимости этого региона Россия была готова пойти на эскалацию конфликта со странами Тройственного союза, что в будущем привело к началу полномасштабной войны. Важно заметить, что мы реконструировали ситуацию именно глазами министров и что изучение истории России начала XX в. на основе мемуаров сегодня актуально, поскольку они

помогают увидеть политические процессы «изнутри». При этом с ними надо работать, учитывая различные обстоятельства, в том числе личные интересы авторов. Так, Извольский настаивал на сближении с Францией и Англией, в то время как Сазонов хотел поддерживать отношения как с этими странами, так и с Германией.

Мы видим, что, по мнению министров иностранных дел, на Дальнем Востоке Николай II отказался от военных действий и перешёл к политике мирного урегулирования всех вопросов. На Западе же участие России в международных отношениях активизировалось, поскольку она пыталась поддерживать отношения с обоими политическими блоками. Императорское правительство отказалось от немецкой поддержки и пошло на заключение соглашения с Англией в 1907 г., оформив Антанту. Можно сказать, что политика Германии в этом отношении потерпела поражение.

Список источников и литературы

1. *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. М., 2018. 768 с.
2. *Антипин Н. А.* Манипуляции памятью: трансформации образов русско-японской войны в советской историографии (1920–1950) // Диалог со временем. М., 2017. Вып. 61. С. 101–118.
3. *Виноградов К. Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. Л., 1964. 160 с.
4. *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. 221 с.
5. *Извольский А. П.* Воспоминания / пер. с англ. А. Сперанского; предисл. Л. Нежданова. Петроград ; М., 1924. 191 с.
6. *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. 668 с.
7. *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М. ; Л., 1947. 496 с.
8. *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. 398 с.
9. Схиммельпенинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. 423 с.
10. *Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918 / пер. с англ. А. О. Зелениной, Д. Э. Куниной. М., 1958. 644 с.
11. Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / Д. Г. Янченко, М. В. Ходяков, А. А. Иванов [и др.]; отв. ред. М. В. Ходяков. 2-е изд. СПб., 2021. 660 с.
12. *Luntinen P.* French Information on the Russian war plans 1880–1914. Helsinki, 1984. 259 p.

Для цитирования: *Стекачев О. И.* Влияние итогов русско-японской войны на принципы внешней политики России по воспоминаниям министров А. П. Извольского и С. Д. Сазонова // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 416 – 421.

Проблема Черноморских проливов и возможность их нейтрализации накануне Первой мировой войны (по заметкам А. А. Гирса и Р. Р. Розена)

Аннотация. Статья посвящена идее нейтрализации как одному из вариантов решения проблемы Черноморских проливов в начале XX века. Автор изучает аргументы в пользу нейтрализации Проливов на основе заметок А. А. Гирса и Р. Р. Розена и приходит к выводу о том, что Россия столкнулась с практически неразрешимой дилеммой о судьбе Проливов. Решена она была лишь благодаря вступлению Османской империи в Первую мировую войну на стороне Германии.

Ключевые слова: Босфор и Дарданеллы; Черноморский регион; нейтрализация; А. А. Гирс; Р. Р. Розен.

Title: The problem of the Black Sea Straits and the possibility of their neutralization on the eve of the First World War (according to the notes of A. A. Girs and R. R. Rosen)

Abstract. The article is devoted to the idea of neutralization as one of the options for solving the Black Sea Straits issue in the early 20th century. The author examines arguments in favour of neutralization of the Straits on the basis of A. A. Girs and R. R. Rosen's notes and comes to the conclusion that Russia was faced with an almost insoluble dilemma about the fate of the Straits. It was only resolved by the Ottoman Empire's entry into the First World War on the side of Germany.

Key words: Bosphorus and Dardanelles; Black Sea region; neutralization; A. A. Girs, R. R. Rosen.

Проблема статуса Босфора и Дарданелл являлась основой всей ближневосточной политики Российской империи на протяжении XIX века [7, с. 51]. С одной стороны, Проливы являлись важнейшей торговой артерией: экспорт зерна с юга России наполнял царскую казну значительными доходами в течение всего XIX века [4, с. 226]. Помимо этого, с ростом в начале XX века экспорта нефти и угля выросла и экономическая значимость Проливов [3, с. 16–17]. С другой стороны, Черноморские проливы имели и важное стратегическое значение. Проход флота враждебной для России и более могущественной в военно-морском плане державы через Босфор

Андряков, Данила Вячеславович — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; andr9100@list.ru

Научный руководитель: *Родин, Денис Валерьевич* — к-т ист. наук, научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Andriakov, Danila Viacheslavovich — Moscow State University, Moscow, Russia; artem.stekachev19@yandex.ru

Scientific adviser: *Rodin, Denis Valeryevich* — PhD in History, researcher, Moscow State University, Moscow, Russia

представлял значимую угрозу южным рубежам империи в связи с протяжённостью береговой линии.

Рост экономического и стратегического значения Проливов привёл к тому, что в начале XX века проблема Проливов стала ключевой для всей внешней политики России [3, с. 15]. Режим Проливов, регулировавшийся Лондонской конвенцией 1871 года, согласно которой Босфор и Дарданеллы в мирное время были закрыты для прохода военных судов всех стран, кроме Порты [9, с. 7–8], в некоторой степени обеспечивал безопасность южных рубежей Российской империи в случае нейтралитета Турции [3, с. 15]. Однако в начале XX века возможность столкновения с Османской империей не казалась столь уж призрачной, в том числе из-за армянской проблемы [5, с. 10]. Поступившие в 1911 году новости о закупке Турцией за границей двух дредноутов вызвали большие опасения у российского правительства [7, с. 60]. Из-за условий Лондонской конвенции Россия не могла заказывать суда за границей, при этом темпы строительства кораблей на российских верфях были существенно ниже, чем в Европе [6, с. 17]. Серьёзной угрозой для России было и усиление немецкого влияния в Османской империи, проявлением чего стала миссия Лимана фон Сандерса. Российскому правительству также приходилось учитывать и изменение соотношения сил на Балканах после двух Балканских войн.

Помимо угроз стратегического характера, 1910-е нанесли России и более осязаемый урон. В апреле 1912 года Порта закрыла Проливы для судоходства из-за атаки Дарданелльских укреплений Италией, с которой Турция с 1911 года находилась в состоянии войны. Несмотря на то, что Османская империя в скором времени под давлением великих держав была вынуждена открыть Проливы, Россия понесла значительные финансовые потери из-за сокращения экспорта [2, с. 437–438].

Подобные экономические и стратегические вызовы вынуждали Санкт-Петербург искать пути скорейшего решения проблемы Черноморских проливов. Захват проливов российскими войсками представлялся непосильной задачей. Так, когда во время Первой Балканской войны при подходе болгарских войск к Константинополю России представился реальный повод для высадки десанта на берегах Босфора, у Черноморского флота не оказалось достаточного количества транспортных судов для переброски необходимого количества войск [9, с. 136–137]. Таким образом, проблему Босфора и Дарданелл предстояло решать только с помощью дипломатии [7, с. 54].

Однако добиться установления выгодного для себя режима Проливов при помощи дипломатии Санкт-Петербургу не удалось. Предложе-

ния России не нашли отклик даже у союзников по Антанте [7, с. 213]. Попытка же договориться о пропуске российских военных кораблей непосредственно с Османской империей, предпринятая российским послом в Константинополе Н. В. Чарыковым, чуть не привела Россию к дипломатической изоляции [3, с. 52].

Альтернативным вариантом являлась нейтрализация Проливов. Можно было ожидать, что на подобное предложение согласились бы другие державы, так как они сами не раз предлагали нейтрализовать Босфор и Дарданеллы. Проводником идеи нейтрализации в начале 1910-х годов стал советник МИД А. А. Гирс [7, с. 61–62]. Александр Гирс был опытным дипломатом, меморандумы которого принимались во внимание правительством и императором Николаем II [8, с. 160, 165]. В связи с этим весьма важным при освещении темы представляется обращение к «Письмам и заметкам. 1913 – 1915» [5], из которых можно извлечь основные аргументы А. А. Гирса в пользу нейтрализации. При изучении идеи нейтрализации Проливов также стоит учесть и меморандум Р. Р. Розена, составленный летом 1912 года [10]. Розен являлся профессиональным дипломатом, имевшим опыт работы в российских посольствах как в Европе, так и в неевропейских странах [8, с. 155]. Меморандум Розена позволяет взглянуть на аргументацию по поводу нейтрализации Проливов с несколько иной точки зрения.

Идею нейтрализации Гирс предложил российскому правительству ещё в мае 1911 года. На фоне новостей о закупке Портой дредноутов Гирс предлагал найти скорейший путь укрепления Черноморского флота [3, с. 47–48]. Вынести на международную конференцию вопрос о нейтрализации Проливов Гирс вновь предложил в ноябре 1913 года, когда миссия Лимана фон Сандерса создала «совершенно новое положение дел на Босфоре» [5, с. 10].

Дипломат отмечал, что «столкновения с Турцией при её подчинённости Германии нам не избежать», в связи с этим необходимо было нейтрализовать Проливы, что дало бы «возможность пополнить наш Черноморский флот судами Балтийского и теми, которые мы могли бы приобрести на стороне» [5, с. 11]. Стоит отметить, что темпы строительства кораблей на российских верфях были ниже примерно в 2 раза, чем на заводах Англии [6, с. 17]. Таким образом, варианты, предложенные Гирсом, были единственными мерами, которые могли бы быстро укрепить флот на Чёрном море, что, в свою очередь, являлось весомым аргументом в пользу нейтрализации. При этом Гирс также отмечал, что в случае начала войны при существующем режиме Проливов союзники России окажутся не в силах

помочь из-за риска вызвать мировую войну в силу нарушения договорённостей [5, с. 10–11].

В стремлении скорейшего пересмотра статуса Проливов также заключалось и желание опередить другие державы. По мнению Гирса, вопрос о режиме Черноморских проливов мог быть поднят другой державой «во всякое время и вопреки нашему желанию... и мы можем подвергнуться риску, что нам будут навязывать не нами выработанную, а иную схему прохождения судов через Проливы». Например, как вариант, могла быть предложена схема прохода военных судов через Проливы с возможностью основания портов нечерноморских держав на Черноморском побережье [5, с. 11–12].

Такой аргумент представляется несколько сомнительным, так как при увеличивающемся немецком влиянии в Османской империи на подобное вряд ли бы согласилась Англия. Весьма маловероятно, чтобы Лондон, для которого стремительное проникновение Германии на Ближний Восток являлось вызовом [1, с. 75], согласился на условия, при которых кайзер получал возможность укрепить своё влияние в Черноморском регионе. Однако тезисы об укреплении флота и защите коммуникаций с союзниками представляются весьма весомыми.

Важно заметить, что А. А. Гирс в своих записках не раскрывает понятие «нейтрализация» и комплекс мер, с ней связанных. В отличие же от своего коллеги, Р. Р. Розен в меморандуме уделяет внимание мероприятиям, связанным с предлагаемой нейтрализацией проливов. Розен предполагал, что нейтрализацию Проливов необходимо произвести «наподобие нейтрализации Суэцкого канала, под гарантией всех Великих Держав» [10, с. 13]. Нейтрализация же Суэцкого канала подразумевала свободный проход как коммерческих, так и военных кораблей всех держав в мирное и военное время [11, с. 272]. Такой режим Проливов обеспечил бы свободу торгового мореплавания в любое время, что, по мнению дипломата, являлось существенным интересом «не только России, но и всех Держав, ведущих торговлю в Чёрном море». [10, с. 13].

Однако, если нейтрализация в заметках Гирса представляется мерой вынужденной, то для Розена стремление овладеть Проливами является ложной внешнеполитической задачей, к осуществлению которой Россию подталкивают представители общества, которые не отдают себе отчёта в том, «куда бы повело Россию, если бы то было возможным, осуществление их заветной мечты» [10, с. 8–13]. В плане оценки настроений российского общества следует признать правоту Розена, так как на фоне Первой Балканской войны даже либерально настроенная часть общественности призывала не довольствоваться нейтрализацией, а взять Проливы под

контроль [7, с. 257]. Истинную же задачу России на Ближнем Востоке Розен видел в том, чтобы «великое дело освобождения балканских народностей от турецкого ига...на этот раз было довершено» и в том, чтобы «Балканский полуостров перестал быть очагом постоянных смут» [10, с. 17]. При этом дипломат считал бессмысленной и даже опасной идею захвата Проливов. Во-первых, занятие Босфора и Дарданелл вызвало бы «самое серьёзное противодействие других Держав, в том числе и Болгарии». Во-вторых, попытка удержать столь отдаленную от основной части России позицию представлялась Розену практически непосильной задачей [10, с. 13].

Таким образом, Р. Р. Розен, предлагая нейтрализацию Проливов, исходил скорее из того, что Россия в своей внешней политике слишком большое значение придавала Ближнему Востоку. А. А. Гирс же, не принимая значимость Проливов для России, видел в нейтрализации вынужденную меру для скорейшего укрепления флота. Однако обоих дипломатов объединяла идея о том, что средством решения проблемы Босфора и Дарданелл являлась их нейтрализация.

В российском правительстве к указанной идее относились неоднозначно. Если меморандум Розена вряд ли серьёзно изучался Николаем II в силу радикальной критики внешней политики [8, 157], то предложения Гирса император направил для заключения морскому министру И. К. Григоровичу и военному министру В. А. Сухомлинову. Военное министерство согласилось с запиской Гирса 1911 года. Признавая, что Порта может по тайному соглашению впустить флот враждебной России державы в Чёрное море, Сухомлинов соглашался с необходимостью открыть Босфор и Дарданеллы для прохода военных судов с целью закупки иностранных кораблей. Морской генеральный штаб и лично И. К. Григорович, напротив, сочли идею рискованной. Вызывали опасения возможность включения Болгарии и Румынии в гонку вооружений на Чёрном море, а также сокращение времени для принятия защитных мер в случае появления неприятельского флота в акватории Чёрного моря ещё до объявления войны [7, с. 63–64]. В итоге было принято решение «заморозить» вопрос о судьбе Проливов и накапливать силы [9, с. 241].

Таким образом, в плане выбора политики по отношению к проблеме Черноморских проливов Россия оказалась в тупике. С одной стороны, ни силовым методом, ни дипломатией добиться установления выгодного для себя режима Проливов Россия не могла. С другой стороны, нейтрализация Черноморских проливов хоть и несла в себе определённые выгоды и, скорее всего, была бы поддержана другими державами [7, с. 62], однако создавала большой риск для южных рубежей империи в случае войны.

Активизация же ближневосточной политики других держав вряд ли бы позволила России надолго сохранить проблему в «замороженном виде» [7, с. 59]. Однако вступление в Первую мировую войну Османской империи на стороне Германии решило дилемму Проливов. Занятие Россией Босфора, на что в условиях войны согласились Англия и Франция, стало видиться российскому обществу и правительству главной наградой за победу в войне [12, с. 411], тем самым идея нейтрализации отпала за ненадобностью.

Список источников и литературы

1. *Агансон О. И.* В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903 – 1914 гг. СПб., 2022. 362 с.
2. *Айрапатов О. Р.* История внешней политики Российской империи. 1801 – 1914 гг. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894 – 1914. М., 2018. 768 с.
3. *Боброфф Р.* Пути к славе: Российская империя и Черноморские проливы в начале XX века. СПб, 2022. 327 с.
4. *Вольфганг С.* Зерновой экспорт России в XIX – начале XX в. Структурные особенности и причины зависимости экономики России // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 5. С. 226–232.
5. *Гирс А. А.* Письма и заметки. 1913 – 1915. // ГПИБ. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/19727> (дата обращения: 21.10.2022).
6. *Козлов Д. Ю.* «Странная война» в Чёрном море (август – октябрь 1914 года). М., 2009. 223 с.
7. *Кострикова Е. Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеальная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. 384 с.
8. *Ливен Д.* Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. М., 2017. 431 с.
9. *Лунева Ю. В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908 – 1914). М., 2017. 272 с.
10. *Розен Р. Р.* Европейская политика России. Доверительный меморандум, составленный летом 1912 года, в предвидении приближения мировой войны и грозящей России катастрофы, и сообщенный Правительству в октябре того же 1912 года. ГПИБ. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/17533> (дата обращения: 21.10.2022).
11. Сборник договоров России с другими государствами. 1856 – 1917. М., 1952. 462 с.
12. *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Искушение Царьградом? Цели России в Первой мировой войне // Русский Сборник: Россия и Война: Международный научный сборник в честь 75-летия Брюса Меннинга. Т. XXVI. М., 2018. 792 с.

Для цитирования: *Андряков Д. В.* Проблема Черноморских проливов и возможность их нейтрализации накануне Первой мировой войны (по заметкам А. А. Гирса и Р. Р. Розена) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 422 – 427.

Французская пропаганда в России в годы Первой мировой войны (по материалам издания «Французские рассказы с фронта»)

Аннотация. В данной статье раскрываются проблемные аспекты «Французских рассказов с фронта», их место во французской пропаганде в России. В исследовании анализируется деятельность французской военной миссии в России в годы Первой мировой войны. Статья выполнена на основе контент-анализа материалов «Французских рассказов с фронта», издававшихся с 1915 по 1916 гг., функции которых заключались в поддержании положительного имиджа Франции среди россиян. В ходе исследования удалось прийти к выводу о том, что у «миссии» сформировался механизм по ведению пропаганды.

Ключевые слова: Французская военная миссия, пресса, французская пропаганда, первая мировая война

Title: French propaganda in Russia during the First World War (based on the materials of the publication "French stories from the Front")

Abstract. This article reveals the problematic aspects of "French stories from the front", their place in French propaganda in Russia. The study analyzes the activities of the French military mission in Russia during the First World War. The article is based on the content analysis of the materials of "French Stories from the Front", published from 1915 to 1916, the functions of which were to maintain a positive image of France among Russians. In the course of the study, it was possible to come to the conclusion that the "mission" has formed a mechanism for conducting propaganda.

Key words: French military mission, the press, French propaganda, the First World War

Издание «Французские рассказы с фронта» является одним из немногих вышедших в России военных брошюр периода Первой мировой войны, фактически служит одним из ключевых инструментов для изучения французской пропагандистской кампании. Ценность данного издания заключается в том, что, оно является той частью пропагандистского механизма, проводимого французской военной миссией в России, которая пользовалась услугами популярных в стране переводчиков и историков для осуществления своей деятельности. Одним из таких стал Н. М. Лагов —

Балашов, Артем Сергеевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st102754@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Демичева, Таисия Максимовна* — к-т. ист. наук, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Balashov, Artem Sergeevich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st102754@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Demicheva, Taisia Maksimovna* — PhD in History, Senior lecturer, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

автор многих пропагандистских материалов, таких как «Так говорит Германия» — сборник подлинных немецких документов о германских замыслах и планах на мировое господство, опубликованный в 1915 году, в разгар Первой мировой войны; «Страницы славы бельгийской армии» являются аналогом «Французских рассказов», в которых также переведены статьи, посвящённые действиям бельгийских войск в 1914 году, печатавшиеся в «Le Courte de l'Armée» — популярном бельгийском журнале [5, с. 262]. «Французские рассказы с фронта» предстают перед нами, на первый взгляд, в образе обычной брошюры военного времени, содержание которой рассказывает о жизни и быте французских солдат, описание боевых действий на Западном фронте окутаны героизмом и успехами армии союзника Российской империи.

В отечественной историографии феномен французской пропагандистской деятельности в России представлен довольно скромно — пропаганда является лишь вытекающим элементом кампании французской военной миссии, поскольку в ее первоначальную функцию входил широкий спектр работ: от технической помощи до участия в боях [3, с. 15]. Помимо этого пропаганда французской военной миссии не синтезировала с цензурой властей Российской империи, а была вынуждена противоборствовать с цензурными комитетами [1, с. 71]. Однако мобилизация патриотизма была необходима Российской империи для создания образа врага [4, с. 17]. В зарубежной историографии изучение данного вопроса касается, в основном, создания информационной-пропагандистских систем и появлением феномена военных корреспондентов [6, р. 426]. Цель настоящей статьи — выявить появившиеся проблемные аспекты и смысловые сюжеты в дискурсе деятельности французской военной миссии в России.

Возвращаясь к «Французским рассказам с фронта», важно подчеркнуть следующие моменты. Широкое распространение упомянутого коммюнике подтверждается тиражом, который достигал 85 000 экземпляров, хотя публиковались они с 1915 по 1916 гг. Один из экземпляров был вручён Николаю II генералом Жаненом, который являлся главой французской военной миссии [3, с. 138]. Данное издание было военной брошюрой. Первоначально выпуски выходили без каких-либо иллюстраций и включали в себя информацию об определённых сюжетах двух первых кампаний войны на Западном фронте. Постепенно издание развивалось, так, в шестом выпуске появились первые иллюстрации, седьмое издание уже было ими насыщено — на 262 страницах брошюры содержалось 92 иллюстрации, а также карту французского фронта и 18 карт с планами боевых действий.

Если анализировать информацию с титульного листа «Французских рассказов», можно выяснить следующее: Генеральный штаб русской армии рекомендовал данное издание «крайне желательным, дабы книга получила широкое распространение в частях войск, учреждениях военного ведомства и лечебных заведениях; и наиболее широкое распространение среди офицеров с целью ознакомления с ее содержанием нижних чинов путём бесед с последними» [5, с. 4]. Аудитория ранеными солдатами не заканчивалась — издание продавалось во всех главных книжных магазинах страны и также на железнодорожных станциях. Стоит отметить, что крупные заказы изданий адресовались непосредственно секретарю Французского благотворительного общества в Петрограде.

Французская военная миссия лоббировала развитие подобных коммунике среди российской прессы, используя для этого различные издательства. Для «Французских рассказов с фронта» таким стало Товарищество Суворина, известное в широких кругах благодаря газете «Новое время». Упомянутая газета была самой популярной в армейских кругах, ее читали как обычные солдаты и офицеры, так и военачальники. А журналисты изданий «Нового времени» беспрепятственно получали самую оперативную информацию, поскольку военачальники высоко оценивали их работу [2, с. 305].

Один из ключевых работников французской военной миссии — Лавернь — для централизованной пропагандистской кампании представил ряд предложений. Например, была необходима публикация серии статей, в которых должны были факты, демонстрирующие тяжесть ведения войны французскими войсками, а также уровень их подготовленности. Из этого вытекает следующая проблема — недостаток подходящей информации, которую можно было бы отправлять в редакции газет. Дело в том, что получаемая информация из Франции предназначалась для коммуникации с русским военным командованием, из-за чего был запрет публикации в прессе. Позже французское военное министерство станет отправлять в Россию материалы, разрешённые для публикации, часть из них войдут в издание «Французские рассказы с фронта». Для разрешения ситуации Лавернь составил список из 20 тем, по которым французская военная миссия в России должна была получать оперативную информацию для дальнейшего распространения в прессе. В данный список входили следующие вопросы: жизнь на фронте, история франко-русского союза, преступления немцев во Франции, война под землей (подкопы, закладка фугасов и т. д.) и другие [3, с. 135], подобный механизм будет широко использован в дальнейшем.

«Французские рассказы с фронта» имеют широкий спектр смысловых сюжетов, которые могли «правильно донести» информацию до читателя.

Во-первых, первый том источника логически разделён на два периода — первый год войны и на второй (до октября). Далее, рассматривая «Первый год войны», идёт разветвление на четыре аспекта, посвящённые четырём фронтам — бельгийский, северный, центральный и восточный соответственно. Перед введением в курс в дела, в каждой главе, читателя знакомят с военачальником, руководящим французской армией на том или ином фронте. Помимо сухой биографической информации автор приводит неформальную характеристику персонажа. Например, при окончании описания биографии генерала Ж. Жоффа приводятся следующие слова: «В своих распоряжениях он всегда краток и ясен. С солдатами и офицерам отечески добр, но строг. Он не выносит распушенности и ослабления дисциплины. Но он бережёт французскую кровь. И это в нем ценят французы» [5, с. 12]. Подобные приёмы нацелены на формирование положительного облика французских командиров и «очеловечивания» их в глазах солдат. Также подобные сюжеты помогают проводить параллели со своими, российскими, военачальниками, что, в свою очередь, будет положительно складываться на поддержании лояльности в рядах армии.

Во-вторых, как было подмечено ранее, содержание источника имеет многовекторный характер. Для данного тезиса необходимо обратиться к VIII главе «Сентябрьское наступление в Шампани», представляющая экскурс двумя телеграммами французского главнокомандующего, в которых солдат французской армии готовят к надвигающемуся наступлению, однако впечатление от подобной пропаганды сказывается и на обычного читателя на примере некоторых вырезок: «Действия ведутся по всей линии; наши разгоряченные первым своим успехом войска проявляют себя исполненными наступательного духа и уверенности. Число взятых в Шампани не раненных пленных до сих пор достигает 17.000 человек. Брошенный бегущим неприятелем огромный военный материал ещё не приведён в известность. До настоящего часа в тыл уже доставлено 24 орудия» [5, с. 199]. Подобные заявления ещё раз подтверждают факт, что неподвижность Западного фронта скорее миф, как и те предположения, что французская войска не так активно идут в бой, как русская армия. В этой же главе читателя так же погружают в события на фронте, помимо самого описания битвы, делая экскурс в моменты подготовки наступления, повествуя о местности, а также обращая внимание на состояние противника на примере захваченных немецких писем: «Письмо, адресованное одному солдату его товарищем: "У нас теперь один батальон эрзац-ландштурма. Это сплошь больные люди"» [5, с. 240].

Помимо детальных описаний боев, преимущественно в Шампани и Артуа, стоит обратить внимание на то, какие темы включены в содержание. Для подтверждения тезиса нужно обратиться к вышеупомянутому докладу Лаверна, в котором приводится список из 20 тем, материалы по которым необходимо было получать французской военной миссии для разворачивания пропагандистской деятельности в России с большим объемом. «Французские рассказы с фронта» являются проводником для чёткого понимания о состоянии линии фронта на момент 1914–1915 гг. и 1916 г. в контексте логического продолжения — «Французские рассказы с фронта. Верденское сражение», об успехах армии союзниках и неудачах войск противника для того, чтобы сформировать мнение у аудитории — в основном, офицеры и солдаты российской армии — что Западный фронт не является «застывшим», как считали в России, а является активной и прогрессирующей локацией, в которой Антанта одерживает победу за победой.

Так, при описании боев в Аблен-Сен-Назер приводится статья, посвященная германским оборонительным средствам: «Они [оборонительные германские сооружения] состояли из многих рядов окопов, которые терпеливо укреплялись и из которых создано было серьёзное препятствие для всякой фронтальной атаки... Перед большинством этих укреплений устроена была целая система оборонительных подкопов, благодаря которым противник всегда мог взорвать площадь, занятую атакующими, и бороться с французским подземным наступлением» [5, с. 83]. Эта вырезка иллюстрирует немецкую систему обороны на фронте, что является рекомендуемой Лавернем темой развития сюжета при написании пропагандистской брошюры. Также при окончании данной статьи приводятся слова о французских сапёрах, которые с упомянутой немецкой оборонительной системой готовы были справиться: «Первостепенные заслуги, при подобных обстоятельствах, выказали тут некоторые пехотинцы родом из каменноугольных областей и работавшие под именем пехотных "пионеров" или "пехотных гренадёров" — тем самым поднимая тему о «французской душе» солдат союзников, подготовленных к любым трудностям на фронте [5, с. 84].

Ещё одним схожим сюжетом, способным поднять дух патриотизма в рядах армии, а также раскрыть суть души французского солдата, является статья «Немецкий флаг на дереве»: «Близ Апремона, к востоку от Сэн-Миэля, германцы как-то прикрепили на вершине одного дерева свой национальный флаг. Один унтер-офицер и один ефрейтор конных егерей решили уничтожить эту эмблему. Однажды ночью они

проскользнули сквозь неприятельские проволочные заграждения до самого подножия этого дерева так, что их не заметил расположенный в нескольких метрах немецкий сторожевой пост. При помощи взрывного патрона они повалили дерево и невредимые вернулись в свои окопы вместе с германским флагом» [5, с. 162]. В подобных историях нуждалась российская общественность и армия.

Смысловые аспекты также акцентируют внимание на биографиях генералов. Так, в первой главе читателей знакомят с генералом Жофром. Повествуют о месте его рождения, семье и трудностях, которые он встретил перед выпуском из Политехнического университета — началась франко-прусская война. Здесь же аудитории демонстрируют о героической странице будущего генерала французской армии: «Восемнадцатилетний инженер-подпоручик Жофр участвовал в обороне одного из парижских фортов» [5, с. 11]. Далее идёт рассказ о судьбе Жофра, о его становлении в качестве военного, а также о личной жизни. Также упоминается факт приезда в Россию и получения там ордена Св. Георгия Победоносца [5, с. 12]. Подобные смысловые сюжеты помогают читателю почувствовать героя «своим человеком», благодаря чему он имеет положительный облик на протяжении всего повествования.

Таким образом, проведя анализ смысловых сюжетов и проблемных аспектов издания «Французские рассказы с фронта», таких как: облик военных начальников, быт солдат, описание битв, которые отвечали установкам Лаверня, сформированные им для ведения пропаганды, можем провести логическую цепочку действий пропагандистской кампании французской военной миссии, целью которой было формирование нужного облика армии страны-союзницы. Вынужденная мера, вызванная большим негодованием населения России, по итогу превратилась в целую цепочку механизмов воздействия на общественное мнение.

Список источников и литературы

1. *Галкина Ю. М.* Создание информационно-пропагандистской системы в России (1915–1916 гг.). // Журналистика и массовые коммуникации. СПб., 2017. С. 68–73.
2. *Жирков Г. В.* Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг. Ижевск, 2014. 382 с.
3. *Павлов А. Ю.* В кабинетах и окопах. Французские военные миссии в России в годы Первой Мировой войны. СПб., 2019. С. 131–139.
4. *Поршнева О. С.* Союзники глазами русского общества в годы Первой мировой войны (1914–1917). Екатеринбург, 2009. С. 17–37.
5. Французские рассказы с фронта: [по документам французского военного министерства]. Т-во А.С. Суворина. Пер. *Лагов Н. М.* Петроград, 1915–1916. Вып. 1-7. С. 264.

6. Forcade O. Information, censure et propagande. // Encyclopedie de la Grande Guerre. Paris, 2004. P. 425–438.

Для цитирования: Балашов А. С. Французская пропаганда в России в годы Первой мировой войны (по материалам издания «Французские рассказы с фронта») // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 428 – 434.

Студенчество Петрограда в Февральской революции 1917 года

Аннотация. В статье рассматривается участие студентов Петроградских высших учебных заведений в событиях Февральской революции 1917 г. Февральские события, захлестнувшие Петроград в 1917 г., не оставили равнодушной самую активную часть интеллигенции — студенчество. Молодые люди встали в авангард революции и участвовали в наиболее горячих местах революционного Петрограда. Цель работы — рассмотрение студенческого революционного движения в Петрограде накануне и во время событий февраля 1917 г., определение его роли в революционных событиях.

Ключевые слова: Февральская революция, высшие учебные заведения, студенчество, Петроград.

Title: Students of Petrograd in the February Revolution of 1917

Abstract. The paper considers participation of Petrograd students in the events of the February Revolution of 1917. The February events in Petrograd in 1917 did not leave indifferent the most active part of the intelligentsia — the students. Young people joined the vanguard of the revolution and participated in the most hot spots of revolutionary Petrograd. Research the student revolutionary movement in Petrograd on the eve and during the events of February 1917, determines its role in the revolutionary events are purposes of the work.

Key words: February Revolution, higher education institutions, students, Petrograd.

Студенчество всегда являлось одной из самых активных частей интеллигенции. Для студенчества дух преобразования и реформаторства был свойственен во все времена. Молодые люди особенно остро реагировали на события и процессы, протекающие в государстве. Исключением не стала Февральская революция 1917 г.

Тема революционного студенчества, а также вопрос о вкладе учащих высших учебных заведений в события февраля интересуют как отечественных, так и зарубежных историков. Наиболее известной работой является монография А. Е. Иванова «Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации» [4]. Зарубежным историком С. Морисси исследуется

Семченкова, Елизавета Игоревна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st096572@student.spbu.ru

Научный руководитель: Ратьковский, Илья Сергеевич — к-т. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Semchenkova, Elizaveta Igorevna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st102754@student.spbu.ru

Scientific adviser: Ratkovsky, Ilya Sergeevich — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

количественный состав петроградских студентов, их идеологическая дифференциация, а также совершается попытка подсчитать приблизительное число участников второй русской революции от студенчества [5]. Современными отечественными исследователями Февральской революции Ю. В. Аксютиным, Н. Е. Гердтом [1] и А. Б. Николаевым [6] отмечается высокая роль, которую сыграли студенты Петрограда в этом событии.

Процессы, происходящие на внутренней и внешней политической арене, служили неким катализатором, который двигал влево наиболее прогрессивные слои населения и вправо консервативно-настроенное население, которое отстаивало право на жизнь самодержавного строя. Для студенчества Петрограда, как и для всего российского студенчества начала XX века, были характерны отсутствие единства политических взглядов и их поляризация. Молодые люди чаще всего придерживались левого либо правого лагеря либо занимали нейтральную позицию.

Правый лагерь или, как их ещё называли, «академисты», в общественной жизни предреволюционной России имел наименьшее значение. Финансированием их работы занималось правительство П. А. Столыпина через главу черносотенной организации «Русский народный союз им. Михаила Архангела» В. М. Пуришкевича [4, с. 362]. Одну из центральных лагун в деятельности движения занимала позиция неприятия революционных идей. «Академический союз» нередко бывал уличён лагерем их противников, левым студенчеством, в сотрудничестве с охранным отделением, что вызывало широкое недовольство среди последних.

Группы правых среди студенчества были малочисленны. Так, в Петрограде на 1913 г. насчитывалось 350 человек в Петроградском университете, 50 в Политехническом, 30 в Технологическом, чуть меньше 60 в Горном институте [5, с. 296]. К 1916 г. правые группировки составляли только 60 человек в Петроградском университете (их число, по сравнению с тремя годами ранее, сократилось почти в шесть раз), которые принадлежали к таким крайне правым организациям, как Союз Архангела Михаила [5, с. 296].

Наибольшее количество приверженцев среди студенчества имело левое направление. Это были самые активные группы универсантов. Они руководили общественной жизнью образовательного учреждения. В студенческих сообществах большую роль играло социально-революционное (эсеры) и меньшевистское направления [4, с. 326].

Дни с 23 по 26 февраля пришлось на пик революции и показали правительству, что люди больше не готовы терпеть ухудшающуюся с каждым днём обстановку. Революция инкорпорировала в свои ряды всё большее и большее количество человек. Одну из наиболее активных позиций в пере-

ломные дни наравне с рабочими сыграли студенты высших учебных заведений. Они принимали активное участие в демонстрациях на Невском проспекте. Петроградские студенты в февральские революционные дни 1917 г. высказывали мнение, что события в столице развиваются стремительно [10, с. 2].

Молодые люди участвовали в митингах, выражали солидарность рабочему движению, революционным идеям, поддерживали мысль о необходимости срочных перемен в жизни государства. Во время массовых волнений они шли по улицам города вместе с рабочими, учащимися, служащими, выражая тем самым единство интересов [3, с. 75; 2, с. 204]. Студенчество со всем присущим ему энтузиазмом влилось в революционные события. Многими из них ощущалось чувство сопричастности к переломным событиям в истории страны.

Молодые люди были искренне уверены в грядущей победе революции и любыми способами способствовали ей. Студенты высших учебных заведений Петрограда не только выражали активно свою жизненную позицию на улицах города, но и оказывали посильную поддержку пострадавшим и раненым. Так, по воспоминаниям М. М. Пришвина в Петроградском университете студентами были организованы санитарные отряды и питательные пункты [7, с. 371].

Студенческая корпорация в событиях Февраля 1917 г. играла роль своеобразного помощника революции. Воодушевлённые духом грядущих перемен, несущих корпускулы свобод и демократии, студенты инкорпорировались в различные общественные структуры. Общими усердиями всего петроградского студенчества через создание городской милиции, пытались стабилизировать обстановку в городе. По воспоминаниям Артура Булларда, сотрудника американского Комитета общественной информации, в одном из созданных взамен старых «Полицейских участков» «Штабов полиции» на посту дежурного стоял некий молодой студент [9, с. 159].

Студенты-милиционеры в дни революции помогали сотрудникам правопорядка. Февральские события провоцировали убийства и самоубийства. Люди не выдерживали столь быстрого темпа перемен. Применялось насилие к личностям, которые ассоциировались в глазах общественности со старым порядком. Студенты в качестве добровольцев могли присутствовать на месте трагедий [9, с. 161], а также содействовали раскрытию мелких преступлений, совершённых на улицах города, число которых во время революционного хаоса выросло. Так, некий студент-милиционер провёл досмотр мальчика-подростка, который обвинялся неопределённым кругом лиц в воровстве [9, с. 161]. Подросток всячески отрицал свою

вину, однако его карманы не прошли испытание проверкой: карманы мальчика были полны украденным.

Постепенно к вечеру 27 февраля высшие учебные заведения Петрограда стали превращаться в местные опорные пункты революции. Так, по инициативе виднейшего деятеля общественно-педагогического движения В. И. Чарнолуского, группы студентов, находившиеся в непосредственной близости на тот момент к Таврическому дворцу, были отправлены каждая в свои районы для организации «революционной охраны» [6, с. 193]. Таким образом, детища «храмов науки» Петрограда основывали центры восстаний в районах столицы, что способствовало приданию революции черты организованности.

Февральские события внесли коррективы в привычный ритм жизни империи и столичного города. Их влияние ощущалось в том вихре перемен, захлестнувших не только политическую жизнь государства, но и его социальную составляющую. Так, революционно настроенная часть населения направила свои силы и энергию на борьбу с элементами, вызывающими ассоциативный ряд с царской Россией. В силу этого на улицах города проходили массовые снятия с витрин и учреждений двуглавых орлов, происходили убийства полицейских и городских, проводились аресты. В воспоминаниях известного русского композитора С. С. Прокофьева, который в те дни находился в Петрограде в гостях у матери, описан эпизод, в котором два неизвестных студента, схватив за руки «толстого седого человека в штатском», влекли его по улице [8, с. 644]. Возбуждённая толпа кричала вслед: «Переодетый пристав!». Скорее всего, данная процедура была проведена с целью дальнейшего ареста.

Студенты принимали активное участие в работе созданной 28 февраля «Городской милиции», целью которой ставилось наблюдение за порядком на улицах, прекращение стрельбы, т. е. стабилизация обстановки в городе. Существовала отдельная «студенческая милиция», которая занималась патрулированием города и следила за его восстановлением после беспорядков [6, с. 533].

Студенты высших учебных заведений Петрограда 27 февраля не только принимали активное участие в революционных событиях, которое выразилось в проявлении активной жизненной позиции на улицах города, но и оказывали посильную поддержку пострадавшим и раненым. Так, по предложению профессора ВМА В. А. Юревича, из студентов и курсисток, находящихся в здании, где заседала Государственная дума, были созданы летучие санитарные отряды, целью которых ставилось оказание помощи раненым и пострадавшим [6, с. 210]. Студенты обращались с просьбой к коменданту Государственной думы выдать им пропуск для

санитарного автомобиля, с помощью которого они смогут свободно разъезжать по улицам города и оказывать нуждающимся помощь. В состав этих отрядов входили также военные врачи и слушатели ВМА. Вскоре подобные отряды были рассредоточены в различных частях Петрограда.

Студенчество участвовало в организации политической власти в районах Петрограда. Так, Н. С. Юрцовский, который являлся членом сибирской студенческой организации на момент событий, вспоминает: «... один из наших тоболяков был членом совета старост Политехнического института, державшего в своих руках весь Лесной район и располагавшего вооружённой силой в несколько тысяч солдат и пулеметами» [10, с. 10].

Молодые люди участвовали в захвате и установлении власти на местах. В результате этого они приобрели оружие и вооружённой силой отстаивали победу революции. Однако стоит отметить, что не все молодые люди свободно могли обращаться с оружием. Некоторые только впервые брали в руки ружьё. С. С. Прокофьев вспоминает свою встречу с одним из студентов на улице революционного Петрограда. Юноша рассказывает: «Суют мне в руки ружьё, а я не знаю, как с ним обращаться, боюсь выстрелит» [8, с. 642].

Уже в марте из-за неблагоприятной обстановки в городе занятия в высших учебных заведениях Петрограда прекратились. Многие студенты были вынуждены уехать в свои города. С отъездом студенчества в различные регионы Российской империи связано начавшееся развитие революционных идей в периферии. Студенты уезжали в родные города и уносили из Петрограда — «колыбели Революции» — свои революционные идеи и мечты, с которыми они связывали будущее государства.

В силу отъезда большей части студенчества, в том числе и активных студентов, активность учащихся петроградских высших учебных заведений значительно упала. Революционное движение петроградских студентов, успев вспыхнуть в феврале 1917 г., постепенно угасало и окончательно погасло к Октябрьской революции. Уже после 1917 г. большевистское правительство задумалось о создании нового поколения студенчества, которое будет кардинально отличаться от того, коими являлись студенты Петрограда в феврале 1917 г.

Петроградское студенчество сыграло немаловажную роль в Февральской революции 1917 г. Молодые люди не остались равнодушными к событиям, захлестнувшим Петроград в 1917 г. Они встали в авангард революции и участвовали в горячих точках революционного Петрограда. Благодаря усилиям студенчества посредством создания на базе ВМА летучих санитарных отрядов удалось избежать большего количества жертв

революции. Молодые люди шли вместе с рабочими по центральным улицам столицы, выражая знак солидарности с бастующими. Знаменитые синие фуражки студентов, которые часто попадались очевидцам во время февральских протестных митингов, говорили о подавляющем участии студенчества в революционном движении. Таким образом, равнодушных студентов, оставшихся в стороне, в столице было крайне мало.

Список источников и литературы

1. Аксютин Ю. В., Гердт Н. Е. Русская интеллигенция и революция 1917 года: в хаосе событий и в смятении чувств. М., 2017. 703 с.
2. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. 344 с.
3. Гиппиус З. Н. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914 – 1918. Белград, 1929. 234 с.
4. Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. 407 с.
5. Морисси С. Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 288 – 302.
6. Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2005. 695 с.
7. Пришвин М. М. Дневники. 1914 – 1917. СПб., 2007. 608 с.
8. Прокофьев С. С. Дневник 1907 – 1933. Т. 1. Париж, 2002. 812 с.
9. Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания. М., 2015. 510 с.
10. Юрцовский Н. С. Сибирское студенчество в Петрограде в революционные дни. Тобольск, 1917. 10 с.

Для цитирования: Семченкова Е. И. Студенчество Петрограда в Февральской революции 1917 года // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 435–440.

Религиозная тематика в публикациях газеты «Правда», издаваемой на временно оккупированной территории Северо-Запада РСФСР 1941-1943 гг.

Аннотация. В данной статье анализируется содержание отдельных публикаций коллаборационистской газеты «Правда», издававшейся в Пскове в период немецкой оккупации с религиозным подтекстом. Публикации с привязкой к традициям, эмоциям, сравнением советского антирелигиозного прошлого и «свободы вероисповедания» после оккупации имели задачей нарисовать выгодную для оккупантов идеологическую картинку и выдать ее читателям за реальность.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Русская православная церковь; периодическая печать; газета «Правда».

Title: Religious theme in the publications of the newspaper «Pravda» published in the temporarily occupied territory of the North-West of the RSFSR 1941-1943 ss.

Annotation. This article analyzes the content of individual publications of the collaborationist newspaper «Pravda», published in Pskov during the German occupation with religious overtones. Publications with reference to traditions, emotions, comparison of the Soviet anti-religious past and «freedom of religion» after the occupation had the task of drawing an ideological picture favorable to the occupiers and passing it off to readers as reality.

Key words: The Great Patriotic war; the Russian Orthodox Church; periodical press; newspaper «Pravda».

В предвоенные годы на территории СССР руководство страны в рамках политики строительства социализма и бесклассового общества поощряло массовое закрытие храмов и монастырей, а также проведение антирелигиозной пропаганды среди граждан. В стране проводились и репрессии против священнослужителей и мирян, которых советские власти рассматривали в качестве классовых противников [3, с. 243–244]. В результате, по подсчетам М. В. Шкаровского, к моменту начала войны на территории СССР из 50 тыс. православных храмов остались действующими лишь около 350, не учитывая присоединенных в 1939 г. территорий [14, с. 52].

Щепин, Григорий Константинович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076532@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Рачковский, Валерий Александрович* — к-т. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Shchepin, Grigoriy Konstantinovich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st076532@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Rachkovsky, Valery Alexandrovich* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Нацистские лидеры же, планируя нападение на СССР, решили воспользоваться религиозным вопросом, сделав его орудием в пропагандистской войне в целях внесения раскола в советском обществе, дестабилизации обстановки в тылу и подрыва доверия к представителям власти. Для усиления пропагандистского эффекта немецко-оккупационная администрация не препятствовала возрождению православной церкви в занятых ими регионах и даже в ряде случаев содействовала открытию православных храмов, предоставляя относительную автономию деятельности православного духовенства. В то же время представители духовенства, оставшиеся на занятых вермахтом территориях, оказались в непростом положении. С момента оккупации связи с Московской патриархией, изначально призывавшей к решительной борьбе с врагом, были прерваны. Представителям духовенства в силу безвыходной ситуации приходилось взаимодействовать с оккупантами, дабы сохранить свою паству и организовать церковную жизнь в новых для себя условиях, сохраняя только видимую лояльность к «новым хозяевам». Тем не менее, среди представителей православной церкви находились и те, кто открыто поддерживал захватчиков, принимая участие в пропагандистских мероприятиях по возвеличиванию роли нацистов в глазах населения как «героев» и «освободителей».

Как известно, главными ресурсами, которые использовали немецкие власти в агитации и пропаганде, были радио и газеты, доступные большинству жителей. Особую роль играла именно периодическая печать, так как она не только передавала огромный объем информации, но и должна была оказывать большое влияние на сознание читателей. По подсчетам И. В. Грибкова, на оккупированных советских территориях издавалось более 400 русскоязычных коллаборационистских газет и около 100 журналов [2, с. 111]. Особо стоит отметить, что нацистские пропагандисты часто сохраняли как дореволюционные, так и советские названия изданий, как например, «За Родину», «Колокол», и «Правда». Именно о «Правде» и пойдет речь в данной работе.

Обращаясь к историографии по данной теме, стоит сказать, что ряд исследователей уже посвятили свои работы изучению деятельности Русской православной церкви и духовенства в различных оккупационных периодических изданиях. Например, Д. Ю. Асташкин рассмотрел отдельный вопрос об участии церковных деятелей в антисемитской пропаганде по материалам газеты «За Родину», издававшейся в Риге и Пскове в 1942–1944 гг. [1]. О. В. Терешина подробно описала церковную жизнь в период оккупации на территории Орловской области через призму газеты «Речь», издававшейся в 1941–1944 гг. [13]. И. В. Петров в своем

исследовании под названием «Меж двух зол. Православное духовенство на временно оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг.» проанализировал положение православных приходов и участие духовенства по таким изданиям как «Голос Крыма», выходившим в Симферополе, «Новый путь», выходившим в Смоленские и др. [5]

Несмотря на то, что в последние годы заметен прогресс в изучении и освещении церковной жизни и обстоятельств ее возрождения на оккупированной территории РСФСР, все-таки многие коллаборационистские газеты и журналы, описывающие отдельные элементы жизни и деятельности православного духовенства, попытки синтезировать православие с нацистской идеологией, а также степень участия духовенства в немецкой пропаганде в каждом отдельном регионе, до сих пор не проанализированы.

Обращаясь непосредственно к газете «Правда», стоит отметить, что в каждом ее выпуске характерно отсутствие ряда выходных данных: не указаны ни фамилия редактора, ни периодичность выпуска, ни тираж. В некоторых выпусках даже отсутствовал идентификационный номер. При этом каждая газета с первой страницы начиналась с главного лозунга пролетариев, искаженного под нацистский манер: «Трудящиеся всех стран, соединяйтесь для борьбы с большевизмом!» [5, 6, 7, 8, 9, 10].

Характерной чертой в освещении материала по данной теме можно указать постоянство сюжета статей. Довольно типичным явлением в коллаборационистской периодике была демонстрация расцвета и налаживания церковной жизни после прихода вермахта в разных регионах советской России. Так, например, в номере газеты «Правда» от 13 сентября 1941 г. сообщалась новость о первом богослужении в Смоленске. В частности, говорилось о чуде уцелевшем кафедральном соборе, который был преобразован большевиками в антирелигиозный музей, и жители в массе своей приступили к очистке собора от фанерных перегородок и антирелигиозных плакатов. По словам автора, на богослужение пришло столько народа, что собор не смог всех вместить, демонстрируя читателю огромный религиозный подъем смолян [7, с. 3]. Однако огромное стечение народа на службу можно объяснить тем, что в тяжелейших условиях оккупации людям, как правило, нужна была духовная и моральная поддержка, и именно церковь могла обеспечить всем этим.

Так как в СССР с 1925 г. основным костяком в антирелигиозной компании был «Союз воинствующих безбожников» во главе с Емельяном Ярославским, то нацистские пропагандисты нередко старались запятнать репутацию данной организации, которая, по их мнению, не сумела достичь ничего, противопоставляя церкви, которая наоборот, только «сохраняла и укрепляла свои позиции в стране». Так, в номере газеты

от 11 сентября 1941 г. автор утверждает о недовольстве советского правительства работой воинствующих безбожников, которым «не удалось выставить достаточного числа агитаторов, которые могли бы дать народу «логическое объяснение происхождения мира с материалистической точки зрения». Церковь, наперекор всему, ведет борьбу с безбожниками на разных фронтах и не без успеха» [6, с. 3]. При этом автор, не называя никаких имен, утверждает, что в церкви появились и некие религиозные стахановцы, то есть люди, сделавшие огромное число усилий для укрепления и развития церкви. Однако в подтверждение своих слов автор никаких примеров или конкретных достижений этих стахановцев не приводит.

Довольно характерным способом в пропагандистской войне является критика или обращение любого, казалось бы, положительного решения противника в поражение или обман. Так, в ответ на новость об учреждении ордена Александра Невского в номере от 26 сентября 1942 г. была опубликована статья с саркастичным заголовком: «Александр Невский как ... безбожник». В статье автор пытается убедить читателя, что большевики учредили орден с целью закрыть 25-летнюю брешь в истории русского народа, и это было в действительности так, ведь после Октябрьской революции многое из древнерусской и царской истории было предано забвению, и лишь во время войны советские власти обратились к возвращению некоторых старых порядков, в том числе к возвращению погонов и орденов в честь русских полководцев. Однако автор статьи дальше, не вдаваясь в конкретику, начинает иронизировать, что большевики объявили борцом за коммунизм самого святого князя, принудив последнего к проповеди безбожия [8, с. 2].

Практически во всей оккупационной периодике наблюдается сравнение и противопоставление «светлого настоящего» и «темного большевистского» прошлого. Так, в номере от 5 декабря 1942 г., чтобы продемонстрировать читателю заботу Германии о церкви, сообщалась новость о вручении солидного подарка, а именно о передаче 1026 православных духовных книг, сохранившихся в СССР, патриаршему экзарху Латвии и Эстонии Сергию (Воскресенскому) представителями штаба рейхсминистра восточных территорий Альфреда Розенберга. При этом в новости особо подчеркивалось, что среди подаренных духовных книг находятся несколько роскошных изданий, отделанных серебром, Евангелия и молитвенники XVII–XVIII вв., а также рукописи XVI, XVII и XVIII вв. Однако здесь же подается антагонизм культурной политики Германии и СССР. Если, по мнению автора, в СССР только уничтожали духовную культуру путем разрушения церквей и репрессий против духовенства и мирян,

то Германия, наоборот, сохраняет и ценит «национальные особенности русского народа» [9, с. 2].

Часто в коллаборационистских газетах публиковались новости о проведении на оккупированных территориях различных церковных праздников и торжеств, чтобы убедить читателя в том, что с приходом немцев наступает церковное возрождение. Так, в номере от 8 мая 1943 г. сообщалось о проведении крестного хода на Пасху у гатчинского Петропавловского собора. По словам автора, под псевдонимом Аль-Пэ, на службу пришли и представители коллаборационистского формирования – Русской освободительной армии (РОА), а также германские офицеры и солдаты, опять же с целью продемонстрировать о единении немецкого и русского народов в борьбе с большевизмом. При этом Аль-Пэ для придания новости более эмоционального оттенка переформулирует слова из Псалма 67 «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его» (Пс. 76:1) на военную тематику: «воскрес Бог – открылись и восстановились поруганные церкви» и «Христос победит гонения на религию и своей смертью и воскресением поборет поведующимый большевиками атеизм» [11, с. 3].

Нередко в оккупационной печати тему православия связывали и с идеей национального возрождения русского народа с приходом немцев с примесью антисемитизма. Так, один из публицистов под псевдонимом Игорь Свободин в номере от 29 апреля 1943 г. утверждает, что немцы устанавливают новый европейский порядок, который оградит народы от «гниения капиталистической системы в союзе с иудо-большевизмом». И. Свободин добавляет, что ради освобождения русских от большевиков Русская освободительная армия пошла в крестовый поход, а день Пасхи привязывает ко дню начала возрождения России [10, с. 2]. По мнению О. В. Будницкого, под «Игорем Свободиним», скрывался писатель Аркадий Георгиевич Каракатенко (1900-1970), который много печатался на страницах оккупационной печати и, именно под его редакторством выходил рижский журнал «Вольный пахарь» в 1943-1944 гг. [12, с. 187]. Это подтверждают и другие исследователи, как И. И. Ковтун и Д. А. Жуков, которые добавляют, что Каракатенко был фанатичным антисемитом, поэтому в его публикациях неоднократно встречаются призывы убивать евреев, а также идеи полного очищения Европы от их влияния [4, с. 238].

В заключении можно сказать, что в псковской газете «Правда», как и в других коллаборационистских изданиях, пропагандистами активно искажались факты, часто давались отрывочные сведения, а большинство авторов публикаций оставались анонимными. Это объясняется тем, что нацистские пропагандисты, воспользовавшись сложным положением

церкви в СССР, стремились сбить с толку читателей, подрывая доверие к советским властям, что с успехом могла с этим справиться церковь, так как у верующих именно она является одним из главных авторитетов в жизни. Тем не менее, можно констатировать факт того, что степень участия представителей духовенства в псковской газете «Правда» оставался минимальным в связи с небольшим объемом статей на религиозную тематику, указывающих на второстепенную их роль в газете, и отсутствием авторства среди собственно духовенства. При этом для определения уровня и степени объективности информации как в «Правде», так и в любой другой оккупационной периодике необходимо использовать только в комплексе с другими источниками.

Список источников и литературы

1. *Асташкин Д. Ю.* Антисемитская пропаганда на оккупированной территории Ленинградской области (по материалам газеты «За Родину» 1942-1943 гг.) // Вестник НовГУ. № 83–2. Новгород, 2014. С. 9–12.
 2. *Грибков И. В.* Периодическая печать на временно оккупированных территориях СССР (1941-1945 гг.): проблемы сохранения и изучения в современных условиях // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. № 1. 2019. С. 109–116.
 3. *Ермолов И. Г.* Под знаменами Гитлера. Советские граждане в союзе с нацистами на оккупированных территориях РСФСР в 1941-1944 гг. М., 2013. 464 с.
 4. *Ковтун И. И., Жуков Д. А.* Антисемитская пропаганда на оккупированных территориях РСФСР, 1941–1944 гг. Ростов-на-Дону, 2015. 283 с.
 5. *Петров И. В.* Меж двух зол. Православное духовенство на временно оккупированной территории РСФСР в 1941-1944 гг. Москва, 2021. 744 с.
 6. Правда (Псков). 1941. 11 сентября.
 7. Правда (Псков). 1941. 13 сентября.
 8. Правда (Псков). 1942. 26 сентября. № 40 (60).
 9. Правда (Псков). 1942. 5 декабря. № 50 (70).
 10. Правда (Псков). 1943. 29 апреля. № 17.
 11. Правда (Псков). 1943. 8 мая. № 18 (91).
 12. «Свершилось. Пришли немцы!» Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012. 325 с.
 13. *Терешина О. В.* Религиозная жизнь на оккупированной территории в освещении орловской газеты «Речь» (1941-1944 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 1. М., 2016. С. 97–108.
 14. *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. 522 с.
- Для цитирования:* *Щепин Г. К.* Религиозная тематика в публикациях газеты «Правда», издаваемой на временно оккупированной территории Северо-Запада РСФСР 1941-1943 гг. // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 441–446.

КРУГЛЫЙ СТОЛ. МЕДИЕВАЛИЗМ: ОБРАЗЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КУЛЬТУРЕ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Глухова Анастасия Сергеевна

Репрезентация образов Средневековья посредством кинематографа

Аннотация. В данной статье исследуется проблема конструирования образа Средних веков современным массовым кинематографом. Средневековая эпоха остается актуальной по комплексу причин. Также остается актуальным вопрос отнесения кинематографа к изучению публичной истории и особенности работы с таким источником. Главная цель — выявление средств репрезентации прошлого и механизмов вовлечения зрителей в исторический контекст, используемый кинематографистами.

Ключевые слова: образ Средних веков, кинематограф, массовая культура, исторический нарратив.

Title: Representation of images of the Middle Ages through cinema

Abstract. This article explores the problem of constructing the image of the Middle Ages by modern mass cinema. The medieval era remains relevant for a number of reasons. The question of classifying cinematography as a source of public history and the peculiarities of working with such a source also remains relevant. The main goal is to identify the means of representing the past and the mechanisms for involving viewers in the historical context used by filmmakers.

Key words: image of the Middle Ages, cinematography, mass culture, historical narrative.

Произведения массовой культуры, зачастую, трактуют события истории в угоду развитию сюжета или интереса среднестатистического потребителя, что рождает стереотипы, которые откладываются в коллективной памяти. Е. Е. Ибраев утверждает, что кинематограф, вдохновляясь современными реалиями, становится зеркалом отношения современности

Глухова, Анастасия Сергеевна — Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, gluhovaanastasia27@gmail.com

Научный руководитель: *Шадрина, Наталия Анатольевна* — к-т. ист. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Glukhova, Anastasia Sergeevna — Kazan Federal University, Kazan, Russia, gluhovaanastasia27@gmail.com

Scientific adviser: *Shadrina, Natalia Anatolyevna* — PhD in History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

к прошлому, задаёт направление к восприятию исторического процесса [5, с. 27].

В целом работы по изучению кинематографа как источника сравнительно недавнее явление. Существует ряд исследований, в которых утверждается, что продукты массовой медийной среды, нуждаются в историческом осмыслении для того, чтобы достичь понимания, как менялись представления об исторических эпохах с течением времени [4, с. 11].

Кинематограф как источник является продуктом культуры, из которого можно получить сведения об образе прошлого и проследить трансформацию этого образа. В данном случае, он будет источником по изучению образов прошлого в современной культуре, т. е. источником по публичной истории.

Кинематограф воссоздаёт прошлое через различные знаковые системы: это и визуальный ряд, и диалоги, и язык жестов. Через особые изобразительные средства кинематограф отражает и отношение к прошлому. Например, с помощью увеличения монтажного плана [9, с. 63], режиссёр показывает, какие персонажи играли большое значение в истории, какие второстепенные, а использование дальних планов нередко дистанцирует персонажа, чтобы показать его «инаковость». Движение камеры нередко раскрывает психологию персонажей [9, с. 65]. Отношение к историческим персоналиям проецирует угол съёмки, поскольку его с помощью главные персонажи ставятся в доминирующее или подчинённое положение [9, с. 80].

Механизмы конструирования образов в историческом кино становятся теми постоянными, которые позволяют вовлекать зрителя в исторический контекст. К внешним механизмам относится стремление к воссозданию визуальной составляющей эпохи: костюмы, вооружение, стилизация интерьеров, архитектурное соответствие и т. д. Внутренние механизмы касаются того, как раскрываются феномены и явления эпохи. Как раз внутренние механизмы позволяют проецировать современные проблемы на исторический нарратив, вовлекая зрителя в историю и формируя некую собственную историческую реальность. Об этом, к примеру, говорит в своём интервью режиссёр «Истории рыцаря» (фильм 2001 года) Б. Хелгеленд, который отмечает, что сделал главного героя крестьянином, желающим стать рыцарем, потому что в современном мире происхождение не играет никакой роли [19].

Несомненно, важной составляющей работы является не только выявление того, как с помощью кинематографа создаются исторические образы, но и на чём они основываются. Анализ происхождения фильма, обстоятельств его создания позволяет выяснить степень обращения авторов

фильма к научной исторической литературе, использование исторических источников при создании фильма, а также его связь с актуальными проблемами современности, которые влияют на обращение к тем или иным проблемам прошлого, в том числе и эпохи Средневековья.

Так, Я. Гийу — автор книг, позже экранизированных под названием «Ари: Рыцарь-тамплиер» (реж. П. Флинта, 2007), утверждал, что обратился к тематике крестовых походов как к аналогии «Холодной войны» [24, р. 90–91]. А режиссёр фильма «Царствие небесное» — Р. Скот, после террористических актов 11 сентября 2001 года, решил выбрать для фильма тематику крестовых походов для продвижения идеи толерантности и принятия, на которую тогда возрос спрос в массовой культуре [16]. По мнению Л. П. Репиной, актуализация прошлого через проблемы современности — это один из трёх процессов, которыми пользуются создатели фильмов, необходимый для формирования исторической памяти [13, с. 11].

Исторический образ может иметь художественное воплощение в нескольких вариациях. Так, художественные фильмы делятся на 2 подгруппы: исторические и антуражные [1, с. 60]. На фоне омассовления кинематографа, границы между историческим и антуражным кино стираются, в результате чего, при обращении к историческому кино следует его называть продуктом смешения художественного и исторического нарратива. При более общем определении историческое кино — это фильмы, отражающие историческую тематику или использующие исторический антураж с целью создания образа исторической эпохи [1, с. 60].

Массовая киноиндустрия, выдавая продукт своей деятельности на обозрение широким массам, в первую очередь, ориентируется на извлечение коммерческой выгоды, а уже потом — на раскрытие познавательного потенциала данного продукта. Об этом свидетельствует большое количество примеров высокобюджетного кино — коммерчески ориентированных фильмов, затрагивающих тематику Средних веков, в которых исторические персонажи/события/феномены являются только антуражем («В ловушке времени» [20], «Чёрный рыцарь» [21], «Храбрые перцем» [20], «Трансформеры: Последний рыцарь» [17], «Рождённый стать королем» [14] и др.). За счет этого рождается конфликт нарративов: исторического и медийного [15, с. 44]. Однако этот конфликт стирается за счёт многопланового пересечения нарративов, поскольку интерпретации истории становятся неотъемлемой частью современной культурной среды.

Учитывая специфику кинематографа как формы репрезентации образов прошлого, необходимо понимание того, как изучать кинематограф и порождённые им образы. Анализ содержания классического источника [7,

с. 565] предполагает его интерпретацию и установление степени полноты и достоверности информации, представленной в нем. Рассуждения о степени полноты и достоверности исторической информации в фильмах — неотъемлемая часть работы в рамках исследований, касающихся формирования коллективной памяти. Эти рассуждения должны быть в контексте сохранения специфики средневекового феномена в художественном нарративе без включения в полемику о превосходстве академического исследования над массовой интерпретацией истории — это будет прямым противоречием, поскольку публичная история признает значимость академической и неакадемической интерпретации исторических сюжетов в рамках распространения исторического знания.

Гельмут Корте предлагает собственный подход к анализу фильмов — системный киноанализ, подразумевающий единство анализа самого продукта и контекста его восприятия [9, с. 55]. В рамках системного киноанализа области *cinema studies* и *public history* связываются и взаимодополняются, а связующим звеном здесь служит анализ контекста: историческая ситуация и социокультурный фон, в которых создается фильм, уровень исторического развития кино, значимость проблематики, затронутой в фильме. Однако без анализа самого продукта и его восприятия невозможен синтез с дифференциацией факторов воздействия — выявления механизмов конструирования образов.

В работах, посвящённых тематике Актуального Средневековья, нет однозначного ответа на вопрос, почему сейчас массовая культура обращается к средневековым сюжетам. В большинстве работ утверждается, что средневековые реалии подстраивают под современность, чтобы зрителю было удобнее воспринимать исторический сюжет [18, с. 176]. Обращение к прошлому для поиска ответов на вызовы современности — это прямая проекция кризисного сознания, характерного для человеческого общества на рубеже столетий [22, с. 96]. Если к античным сюжетам прибегают для проекции классики, то к Средневековью — для проекции нестабильности, шаткости, поскольку в историографии есть традиция отображения Средневековья как промежуточной эпохи, что фигурирует даже в названии периода [8, с. 26].

Интерес к Средневековому наследию в массмедиа среде некоторые исследователи объясняют бытованием Средних веков в современной повседневности: архитектура, изобразительное искусство [23, р. 250]. В таком виде Средневековье бытовало во всех постсредневековых эпохах.

На рубеже XX и XXI веков изменилось кинопроизводство. Появилась цифровая графика, компьютерная анимация, что существенно удешевило производство [2, с. 397]. В XXI веке многие поджанры исторического

кино ушли в прошлое. Наиболее популярными фильмами стали фильмы о супергероях. Обращение к истории не потеряло своей популярности, поскольку история форматировалась под популярные каноны. Средневековая история была полна своими героями — рыцарями, на которых теперь делался особый акцент. В частности, в названиях фильмов все чаще упоминаются рыцари и рыцарские атрибуты («Меч короля Артура» [11], «Последние рыцари» [12], «Легенда о Зеленом рыцаре» [10] и т. д.). На первый план начали выходить не исторические поджанры, а обычные жанры с уклоном в историю, такие как военные фильмы, фильмы-эпопеи, биографии [6, с. 275].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что к средствам репрезентации образов Средневековья посредством кинематографа относятся в основном внешние механизмы конструирования — инструментарий создания визуальной составляющей эпохи, включая знаковые системы, особые изобразительные средства (монтаж и съёмка). Внутренние механизмы конструирования отвечают за сюжет. Однако в целом механизмы опираются на оптику социальной системы с нарративными наслоениями образов разных эпох. Следовательно, способы репрезентации прошлого зависят не только от современной социокультурной ситуации (которая также должна приниматься во внимание), но и от художественных наслоений, имеющих историческую первооснову.

Список источников и литературы:

1. Архипов В. Б., Менщиков В. В. Историческое кино как фактор формирования исторического сознания // Вестник Курганского государственного университета. 2011. № 3 (22). С. 58–61.
2. Беленький И. В. Киносъёмки, кинопромышленность, киноискусство. М., 2019. 405 с.
3. «В ловушке времени» // «Timeline» / Реж. Ричард Доннер, 2003. [Электронный ресурс] // URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/4582/> (дата обращения 30.10.2022).
4. Завадский А. Ю. Всё в прошлом: Теория и практика публичной истории / Под ред. А.Ю. Завадского, В. И. Дубиной. М., 2021. С. 9–16.
5. Ибраев Е. Е. Эволюция «бремени белого человека» в британском кинематографе XX века. 2016. № 4 (49). С. 26–36.
6. Исаев Е. М. Кинематограф // Всё в прошлом: Теория и практика публичной истории / Под ред. А. Ю. Завадского, В. И. Дубиной. М., 2021. С.267–286.
7. Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева, О. И. Хоруженко, Е. Н. Швейковская; отв. ред. М. Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2015. 685 с.
8. Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох. М., 2020. 304 с.
9. Кортэ Г. Введение в системный киноанализ, 2-е изд. М., 2020. 360 с.

10. «Легенда о Зеленом рыцаре»// «The Green Knight»/ Реж. Дэвит Лоури, 2020. [Электронный ресурс] //URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/1209476/> (дата обращения 29.10.2022).
 11. «Меч короля Артура»// «King Arthur: Legend of the Sword»/ Реж. Гай Ричи, 2017. [Электронный ресурс] // URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/824437/> (дата обращения 28.10.2022).
 12. «Последние рыцари»// «Last Knights»/ Реж. Кадзуаки Кирия, 2014. [Электронный ресурс] // URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/715091/> (дата обращения 30.10.2022).
 13. *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания: Пособие для вузов / *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* М., 2004. 288 с.
 14. «Рожденный стать королем»// «The Kid Who Would Be King»/ Реж. Джо Корниш, 2019. [Электронный ресурс] // URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/1044981/> (дата обращения 01.11.2022).
 15. *Романовская А., Смирнов Г.* По ту сторону исторического кино // Пространство документации: режимы существования кинематографических свидетельств: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 05 декабря 2018 года / ответственный редактор *Л. М. Немченко*; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2019. С. 40-51.
 16. *Скотт Р.* «Это немного похоже на рисование. Я люблю отступить и обратиться к холсту», 2014. [Электронный ресурс] //URL.: http://www.bbc.co.uk/films/2005/05/04/ridley_scott_kingdom_of_heaven_interview.shtml (дата обращения 01.11.2022).
 17. «Трансформеры: Последний рыцарь»// «Transformers: The Last Knight»/ Реж. Майкл Бэй, 2017. [Электронный ресурс] // URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/811609/> (дата обращения 26.10.2022).
 18. *Хапаева Д.* Неомедиевализм плюс рестаилинизация всей страны! // Неприкосновенный запас. 2018. № 1 С. 173–186.
 19. *Хелгеленд Б.* «A Knight's Tale», 2001. [Электронный ресурс] //URL.: <http://splicedwire.com/01/features/bhelgeland.htm> (дата обращения 27.10.2022).
 20. «Храбрые перцем»// «Your Highness»/ Реж. Дэвид Гордон Грин, 2010. [Электронный ресурс] // URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/455105/> (дата обращения 01.11.2022).
 21. «Чёрный рыцарь» // «Black Knight» / Реж. Джил Джангер, 2001. [Электронный ресурс] // URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/8110/> (дата обращения 03.11.2022).
 22. *Чиглинцев Е. А.* Рецепция античности в современной массовой культуре. Казань, 2009. 290 с.
 23. *Fuhrmann H. L.* Jberall ist Mittelalter: Von der Gegenwart einer vergangenen Zeit. Mimchen, 2002. 328 s.
 24. Guillou Ja. På jakt efter historien. 2003, pp. 90–91. [Электронный ресурс] //URL.: https://www.piratforlaget.se/wp-content/uploads/2012/11/pajaktefterhistorien_janguillou.pdf (дата обращения 04.11.2022).
- Для цитирования:** Глухова А. С. Репрезентация образов Средневековья посредством кинематографа // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 447–452.

Образ Средневековья в мышлении чешских националистов в 1860-е – начале 1870-х годов (на примере сокольского движения)

Аннотация. В статье рассматриваются чешские националистические представления о Средневековье на примере деятельности сокольских обществ, объединявших приверженность национализму и занятия широко понимаемой гимнастикой. Были выделены такие элементы чешского националистического медиевализма, как образы чешского средневекового государства, горы Ржип, замков, Яна Гуса, гуситов, браницких рыцарей, героев Краледворской рукописи, князя Ольдржиха и его жены Божены.

Ключевые слова: историзм; медиевализм; сокольское движение; чешский национализм.

Title: The Image of the Middle Ages in Czech Nationalist Thinking in the 1860s and at the beginning of the 1870s (on the Example of the Sokol Movement)

Abstract. The article examines Czech nationalist concept of the Middle Ages, which is explored through the case of the Sokol (Czech for a "falcon") societies. These societies combined nationalism with gymnastics conceived in the broadest sense. The study identifies the images of the medieval Czech state, the Rzhip Mountain, castles, Jan Hus, the Hussites, the knights of Blahnic, the heroes of the Kraledvorsky manuscript, duke Oldrzych of Bohemia and his wife Bozhena as the components of Czech nationalist medievalism.

Key words: Czech nationalism; Historicism; Medievalism; Sokol movement.

К значимым чертам развития монархии Габсбургов в XIX в. относится подъём национальных движений, включая чешское. 1860-е гг. стали началом нового, более массового периода в его развитии. Одним из проявлений перемен было возникновение множества чешских добровольных объединений, включая общества «Сокол». Эти организации объединяли занятия широко понимаемой гимнастикой и приверженность чешскому национализму. Члены сокольских обществ образовывали единое движение и разделяли общую культуру, включавшую, например, такие практики, как совершение «вылетов» (походов или поездок), использование обращений «брат» и «ты» и ношение особой сокольской формы.

Разнообразная деятельность «соколов» может служить «пробным камнем» при исследовании мышления чешских националистов. Одним из главных принципов, на которых строилось это мышление, был историзм, предполагавший не просто наличие образа прошлого, но признание за историей роли

Котов, Виктор Викторович — младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; vikvikkot@gmail.com

Kotov, Viktor Viktorovich — junior research assistant, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; vikvikkot@gmail.com

«учительницы жизни», т. е. функции ключа к пониманию настоящего и даже будущего [7, s. 14–15]. Заметную роль в чешских националистических представлениях о прошлом играл образ Средневековья. При этом значительная часть акций националистов была связана с мемориализацией других эпох и в первую очередь — с нарративом так называемого «Национального возрождения», в который, в том числе, вписывался образ «соколов». Для последних особое значение также представляло античное наследие, что объясняется восприятием древнегреческого и древнеримского патриотизма и «спорта» как образцов.

Историзм затрагивается в ряде исследований по теории национализма [8, s. 168–199]. Изучению чешского конструирования средневекового прошлого в XIX в. был посвящён ряд работ медиевистов [21] и новистов [14; 18]. Роль «соколов» в этом конструировании рассматривалась американской исследовательницей К. Нолти [15, p. 63, 97–98, 101–102, 153–154]. В русскоязычной историографии значительное внимание было уделено развитию чешской медиевистики, тогда как чешский медиевализм в Новое время недавно получил разработку в статье о 500 летнем юбилее со дня казни Яна Гуса, отмечавшемся в 1915 г. [1], и в первом томе коллективной монографии «Мобилизованное Средневековье» [3].

Функцию «несущей стены» чешской националистической культуры изучаемого периода выполняли периодические издания. Материалы газет и журналов, а также другие исторические источники позволили установить и уточнить ряд сведений, касающихся, во первых, чешского националистического медиевализма, и во вторых, его влияния на деятельность чешских «соколов» в 1860-е – начале 1870-х гг.

Приверженность национализму была сущностной характеристикой сокольского движения. Помимо историзма, образ мышления чешских националистов строился на таких взаимосвязанных принципах, как тотальность (восприятие нации как наивысшей ценности, исходя из которой должны были совершаться все умозаключения и действия), органицизм, прогрессизм, эгалитаризм и владение общим набором символов.

Националистический образ Средневековья был тесно связан с идеей чешской государственности. Важная для большинства национальных движений роль представления о длительном существовании нации и связанных с ним мифов является предметом консенсуса участников теоретических и историографических дискуссий [4, с. 37; 8, s. 24, 199]. Различия в формах конструирования истории в Европе связываются с фактором существования в настоящем или в прошлом государства, которое могло восприниматься как национальное. Философ Э. Геллнер в свойственной ему метафорической манере называл такие государства и письменные

культуры «пупками» [6, s. 117–118]. Чешские националисты, как и большинство других, относились философам к числу выдумавших «пупок», так как преемственность между их движением и существовавшими до Тридцатилетней войны (1618 – 1648 гг.) чешскими государством и высокой культурой была мифом [6, s. 118–122]. Этот образ был заимствован из дискуссии креационистов и дарвинистов о пупке Адама, первочеловека авраамических религий, которому не удаляли пуповину. Подобным образом, согласно конструктивистской теории национализма, нации «обладали» многовековой историей, «родившись» лишь в Новое время [6, s. 112–113] Историк М. Грох, наоборот, причислял чехов к группе наций, претендовавших на преемственность по отношению к утраченной государственности, реликты которой сохранились в значительном объёме [8, s. 181, 184–185].

С особым отношением к «пупку» или реликтам утраченной государственности было связано то, что главным лозунгом чешского национализма была защита исторического государственного права. Согласно этой концепции, многовековая чешская государственность являлась национальной, суверенной и непрерывной [23, s. 301–304]. Данная идея привлекала и чешских гимнастов: этим объясняется размещение в одном из первых номеров журнала «Sokol» («Сокол») рекламы книги историка Й. Калоусека «Чешское государственное право» (1871 г.) [12], тема которой была далека от основной сферы деятельности сокольских обществ, но являлась важной с точки зрения их идеологии.

Значение этой концепции выдвинуло одного из главных её авторов, историка Ф. Палацкого, в лидеры чешской националистической политики и даже привело к присвоению ему символического титула «отца нации» [8, s. 188]. Несмотря на симпатии к младочехам, т. е. альтернативному по отношению к Палацкому течению внутри чешской Национальной партии, «соколы» разделяли культ этого политика. В 1868 г. общество «Пражский Сокол» выступило в качестве инициатора масштабного шествия в честь 70 летия историка [19]. Что касается провинциальных обществ, в телеграмме, отправленной гимнастами города Лоуны в честь 70 летия историка, он назывался «защитником нации», а их «братья» из Нова-Паки писали, что Палацкий «возвратил чехам их далёкое прошлое» [11]. Также «соколы» участвовали в сборе средств для «Фонда Палацкого», впоследствии финансировавшего издание исторических источников [16].

Историзм проявлялся в различных сокольских практиках. Так, значительная часть сокольских «вылетов» включала посещение чешских физических «мест памяти». Первый «вылет» «Пражского Сокола» состоялся 27 апреля 1862 г. и имел своей целью гору Ржип [13]. Она была связана

с легендарной точкой отсчёта чешской истории и предоставляла обзорный вид на местность к северу от Праги [3, с. 30–31]. Особую роль в романтической культуре чешских националистов играли замки: так, в 1866 г. вместе с Ржицом они были изображены на стенах кофейни Й. Шестака, члена правления «Пражского Сокола» [10]. Столичные гимнасты неоднократно посещали изображённые в этом заведении замки, например, Карлштейн (в 1863 и 1865 гг.) и Кршивовклат (в 1862, 1863 и 1867 гг.) [17, s. 206; 24].

Центральное место в чешской националистической мифологии занимали образы Я. Гуса (ум. 1415 г.) и гуситского движения XV в. [3, с. 214–215; 18, s. 49–66]. Роль «соколов» в конструировании этих образов стала темой отдельной статьи [2], поэтому в данной краткой работе целесообразным представляется лишь отметить, что главной причиной особого отношения чешских гимнастов к «божьим воинам» был военный потенциал сокольского движения и что данный исторический сюжет рассматривался чешскими националистами в призме таких принципов и установок, как эгалитаризм, антиклерикализм и германофобия.

Военный потенциал чешских гимнастических обществ также позволял связывать их с образом браницких рыцарей, спящих, согласно легенде, под одноимённой горой вместе со святым князем Вацлавом (X в.) в ожидании битвы, в которой им предстоит спасти Родину [3, с. 215]. В 1871 г. на освящении знамени «Сокола» Кршижанова член этого общества В. Ф. Грубый назвал появление «соколов» исполнением пророчества о рыцарях [20]. Также этот образ, по данным историографии, упоминался в изначальной версии популярной «Песни “соколов”» композитора Я. Л. Прохазки и поэта К. Тумы [9, s. 63].

Предметом чешской национальной гордости в рассматриваемый период были Краледворская и Зеленогорская рукописи. Герои первой из них также были значимы с точки зрения вооружённого сопротивления «Другому». Являясь созданными в начале XIX в. подделками, рукописи считались подлинными памятниками чешской средневековой письменности, якобы возникшими в IX – XIV вв. [3, с. 145–150, 153–157]. Герои рукописей были широко известны. Так, в 1862 г. победитель рыцарского турнира Любор дал имя одному из первых сокольских обществ, располагавшемуся в Нова-Паке и уже в следующем году поменявшему название на «Сокол» [17, s. 275]. В 1867 г. представители шести сокольских обществ приняли участие в юбилейных празднествах, связанных с 50-летием «обнаружения» Краледворской рукописи в городе Двур-Кралове [17, s. 117, 269]. В 1873 г. М. Тырш, один из основателей сокольского движения, рекомендовал использовать для оформления гимнастических залов —

«соколовен» портреты могучих Забоя и Славоя, одолевших немецких завоевателей [22, s. 26].

В целом, средневековые образы часто применялись националистами в условно «неполитических» сферах жизни. Так, в 1862 г. в опубликованном в чешской «*Národní listy*» («Национальной газете») поэтическом послании «сокола» к своей возлюбленной их встреча сравнивалась с легендой о чешском князе Ольдржихе (XI в.) и крестьянке Божене из хроник Козьмы Пражского (XII в.) и Вацлава Гаека из Либочан (XVI в.) [5].

Задействование «соколами» образов Ольдржиха и Божены, чешского средневекового государства, Ржипа, замков, гуситов, браницких рыцарей и героев поддельных рукописей было проявлением чешского медиэвализма, т. е. отражавших современные проблемы представлений о Средних веках. В XIX в. медиэвализм использовался при формулировании политических требований и в целом представлял большую значимость для чешской националистической культуры как источник востребованных символов чешскости и «Другого». Что касается влияния этого универсального языка националистов на сокольскую культуру, следует отметить особую роль образов различных воинов.

Список источников и литературы

1. Гимадеев Т. В. Память в глубоком тылу: «Гусов юбилей» 1915 г. в Праге в условиях Первой мировой войны // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых учёных в рамках Дней славянской письменности и культуры. 24–25 мая 2022 г. М., 2022. С. 28–32.
2. Котов В. В. Ян Гус, гуситы и «соколы»: инструментализация событий XV века чешскими националистами и отзвуки их акций в Российской империи (1862 – 1916) // *Vox medii aevi*. 2019. № 2. С. 102–126. URL: <http://voxmediiavei.com/volumens/2019-2/2019-2-kotov> (дата обращения: 27.10.2022).
3. Мобилизованное Средневековье: в 2 т. Т. I: Медиэвализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах. СПб., 2021. 476 с.
4. Мылъников А. С. Народы Центральной Европы: Формирование национального самосознания. XVIII – XIX вв. СПб., 1997. 176 с.
5. Blahorodé slečně Antonii J... // *Národní listy*. 11.10.1862. S. 3.
6. Gellner E. Nacionalismus. Brno, 2003. 133 s.
7. Hroch M. Konec historismu? // 19 století v nás: modely, instituce a reprezentace, které přetrvávaly. Praha, 2008. S. 12–25.
8. Hroch M. Národy nejsou dílem náhody: příčiny a předpoklady utváření moderních evropských národů. Praha, 2009. 315 s.
9. Jandásek L. Sokolství Jindřicha Fügnera. Brno, 1935. 159 s.
10. Kavárna pana Josefa Šestáka "u české koruny"... // *Národní listy*. 14.10.1866. S. 3.
11. Na oslavu Františka Palackého // *Národní listy*. 14.6.1868. S. 2.

12. Nákladem knihtiskárny J.S. Skřejšovského v Praze vyšlo a dostati lze... // Sokol. 1871. № 5. S. 44.
13. Národní slavnost na Řípu // Národní listy. 29.4.1862. S. 1–2.
14. *Němec J.* Das Bild des Mittelalters in den tschechischen und deutschen Erinnerungskulturen Böhmens, Mährens und Schlesiens. Eine Stichprobe aus den österreichischen und tschechischen Lehrbüchern für Geschichte // Friedrich Barbarossa in den Nationalgeschichten Deutschlands und Ostmitteleuropas (19–20.Jh.). Köln; Weimar; Wien, 2017. S. 63–103.
15. *Nolte C. E.* The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the Nation. Basingstoke, 2002. 258 p.
16. Osvědčení strany nadací Palackého // Národní listy. 3.7.1868 (příloha). S. 2.
17. Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského. Praha, 1883. 340 s.
18. *Rak J.* Bývali Čechové: České historické mýty a stereotypy. Jinočany, 1994. 148 s.
19. Řádná valná hromada pražské tělocvičné jednoty «Sokola» // Národní listy. 30.3.1868. S. 2.
20. Slavnost svěcení praporu «Sokola» Křížanovského // Moravská orlice (Brno). 30.7.1871. S. 2.
21. *Šmahel F.* "Old Czechs Were Hefty Heroes": The Construction and Reconstruction of Czech National History in its Relationship to the "Great" Medieval Past // The Uses of the Middle Ages in Modern European States. History, Nationhood and the Search for Origins. New York, 2011. P. 245–258.
22. *Tyrš M.* Tělocvik v ohledu estetickém (Pokračování) // Sokol. 1873. № 4. S. 25–27.
23. *Velek L.* České státní právo na toaletním papíře. Mýtus, skutečnost a jejich symbolický význam. Příspěvek k počátkům české moderní politické kultury a jejího dědictví // 19 století v nás: modely, instituce a reprezentace, které přetrvaly. Praha, 2008. S. 301–327.
24. Výlet "Sokola" // Národní listy. 8.9.1865. S. 2.

Для цитирования: Котов В. В. Образ Средневековья в мышлении чешских националистов в 1860-е – начале 1870-х годов (на примере сокольского движения) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 453–458.

Изменения в исторической культуре Уэльса во второй половине XX – начале XXI вв. на примере трансформации образов Оуайна Глиндур (ок. 1359 – ок. 1415) в исторических романах

Аннотация. Оуайн Глиндур, средневековый лидер последней войны за независимость, является одним из главных национальных символов в Уэльсе. Его фигура воплощает в себе и устремления националистических партий, и восприятие валлийцами своего исторического опыта. В Европе и США второй половины XX – начала XXI вв. изменения в исторической культуре побудили население многих стран переосмыслить свое прошлое. Этот процесс переоценки исторического опыта в валлийском обществе анализируется в данной статье на примере трансформации образов Оуайна Глиндур в исторических романах.

Ключевые слова: Оуайн Глиндур; исторический роман; историческая культура.

Title: Changes in Welsh historical culture in the second half of the XX and early XXI centuries on the example of the transformation of images of Owain Glyndwr (c. 1359 – c. 1415) in historical novels

Abstract. Owain Glyndwr, a medieval leader of the last war of independence, is a major national symbol in Wales. His figure embodies both the aspirations of the nationalist parties and the Welsh perception of their historical experience. In Europe and the USA in the second half of the XX and XXI centuries, changes in historical culture have prompted people in many countries to rethink their past. This process of reassessment of historical experience in Welsh society is analyzed in this article on the example of the transformation of Owain Glyndwr's images in historical novels.

Key words: Owain Glyndwr; historical novel; historical culture.

В период восстания Глиндур 1400–1415 гг. почти вся территория Уэльса была освобождена из-под власти английской короны, был создан первый парламент, существовали планы по открытию валлийских университетов, принятию валлийского права, установлению независимой валлийской церкви. В связи с этим Глиндур является символом национального движения Уэльса по крайней мере век. Во время Первой мировой войны памятник ему был установлен в мэрии Кардифа, в 70-е гг. националистическое движение Meibion Glyndwr (Сыны Глиндур) про-

Пилюгина, Полина Игоревна — Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, Россия; pipilyugina@edu.hse.ru

Научный руководитель: Русанов, Александр Витальевич — к-т ист. наук, доц., Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, Россия
Pilyugina, Polina Igorevna — National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; pipilyugina@edu.hse.ru

Scientific adviser: Rusanov, Alexander Vitalievich — PhD in History, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

вело ряд террористических актов в ответ на жилищный кризис в Уэльсе, знамя Глиндурра каждый раз появляется на протестах за независимость, его имя упоминалось в дискуссиях о Брексите [12] и совсем недавно вновь было реактуализировано в связи с предстоящей коронацией Карла III.

Вторая половина XX в. в Европе была отмечена дискуссиями о деколонизации, которые во многих странах повлекли за собой необходимость заново взглянуть на свой исторический опыт и порой переосмыслить его. В рамках этих дискуссий история о борьбе малого угнетенного народа против могущественного захватчика стала казаться более предпочтительной, чем нарратив о сильной империи. Фигура средневекового лидера борьбы за освобождение оказалась очень подходящей для антиколониального дискурса. Однако, как видно из анализа источников этой статьи, процесс переосмысления валлийским обществом своего исторического опыта проходил медленно и нелинейно.

Источниками работы выступают следующие произведения: «Кровавое поле у Шрусбери» Э. Перджетер, «Страна Глендовер» М. Рохарт, «Дракон в Азенкуре» М. Прайса, «Тяжела корона: роман об Оуайне Глиндуре» Н. Джемини Сассон. Все авторы — валлийцы, пишущие по-английски, или люди, вовлеченные в жизнь валлийского общества. Анализ исторических романов позволяет увидеть на примере трансформации образов средневекового принца изменения в восприятии национального прошлого. Хотя существует ряд работ, рассматривающих образы Оуайна Глиндурра в фольклоре и народной культуре [6], а также в художественной литературе [4; 13], данным романам ранее не были посвящены исторические исследования.

Самым ранним проанализированным романом является «Кровавое поле у Шрусбери» (1972 г.) Эдит Перджетер, британской писательницы с валлийскими корнями, известной серией романов о монахе Кадфаэле. В центре сюжета — конфликт между Генрихом IV и Генри Перси Хотспуром. Повествование ведется от лица трёх Генрихов: будущего Генриха V, Генри Хотспура и Генриха IV. Кульминацией романа является битва у Шрусбери 1403 г., в которой Генри Перси выступил на стороне Оуайна Глиндурра. Глиндур здесь — второстепенный персонаж, его борьба служит фоном для развития судеб главных героев.

Восстание Глиндурра в романе репрезентируется как региональный конфликт между соседями, что было характерно для британской историографии конца XIX – первой половины XX вв. [7]. Главной причиной восстания является оскорбление, нанесенное Глиндурру его соседом англичанином, а не власть английского короля в Уэльсе или несправедливые законы в отношении валлийцев: «Я не буду трогать англичан...

За исключением одного единственного» [8, р. 60]. В романе у Глиндур отсутствует открытая враждебность к английской гегемонии и принципиальное неприятие возможности договориться с Генрихом IV. Отношения представителей двух противоборствующих наций можно описать как иронично-снисходительные: «Валлийцы все колдуны... А лорд Оуэн величайший колдун из всех. Вы разве не слышали об этом?» [8, р. 36]. Здесь еще отсутствует ощущение, что восстание Глиндур — это борьба не только за освобождение, но и за выживание валлийской нации, что будет чертой более поздних произведений.

Иной взгляд на исторический опыт Уэльса представляет роман «Страна Глендовер» (1973 г.) валлийской писательницы Марты Рофхарт. В центре сюжета — история жизни Оуайна Глиндур от рождения до смерти. В романе можно проследить элементы колониального дискурса, выделенные Э. Саидом, о примитивности и варварстве коренного населения, неспособного создать собственную государственность и нуждающегося в перевоспитании [1, с. 6]. Оуайн Глиндур показан как человек, принадлежащий скорее к общеевропейской культуре эпохи Ренессанса: он знает древние языки, много путешествует, подолгу живет в Италии и увлекается античной историей. Образованность и «ренессансность» Глиндур являются итогом его обучения в Лондоне, его интереса к английской и европейской литературе. Через призму этого Глиндур-европейца читатель видит Уэльс в рамках дихотомии колония-метрополия. Можно выделить несколько черт этого восприятия. Во-первых — постоянные отсылки к Риму и присутствию Римской империи в Британии: «...римляне жили здесь, оставляя за собой позолоту прошлого величия... Возможно, это был дом романизованного брита, совсем недавно прикоснувшегося к цивилизации» [10, р. 17]. Артур и Мерлин, в восприятии Глиндур, также являются римлянами [10, р. 333]. Все значимые стороны валлийской культуры оказываются связаны с имперским влиянием. Во-вторых, незатронутые римлянами стороны культуры Уэльса кажутся Глиндур отталкивающими, вызывающими презрение: «Если присмотреться, то все здание очень нелепое и не выглядит долговечным... своего рода грубый храм» [10, р. 32]. Он называет свидетельства древней кельтской культуры «пережитками прошлого» и «глупыми обрядами». В целом, он кажется сильно не к месту среди своих валлийских сторонников, проводит значительную часть книги в Англии, развлекаясь в окружении английских монархов и аристократии. М. Рофхарт хотела показать Глиндур частью общеевропейского мира, человеком, погруженным в контекст средневековой культуры наиболее могущественных и влиятельных стран того времени. На наш взгляд, в стремлении реконтекстуализировать исторический опыт

валлийского общества, соотнести его с другими европейскими странами М. Рофхарт, не вполне осознанно, наделила Глиндур и имперским мировоззрением.

Другой виток в трансформации образов Оуайна Глиндур представляет роман «Дракон в Азенкуре» (2003 г.) валлийского автора Малькольма Прайса. Главным героем является не Оуайн Глиндур, а Хью Гетин — молодой лучник, присоединившийся к восстанию. В романе гораздо больше внимания, чем во всех остальных, уделяется деятельности Глиндур как национального лидера. Глиндур М. Прайса начинает размышлять о судьбе Уэльса в Британии, о его месте в Европе, о развитии страны и её институтов: «Он говорил об основании колледжа в Уэльсе... Он напишет духовникам... им не терпелось создать независимую церковь Уэльса, свободную от кентерберийского ярма». [9, р. 64]. К началу описываемых событий Глиндур уже давно вынашивает планы по достижению независимости, по реорганизации жизни в стране, по возвращению валлийских законов и порядков. Английское присутствие описано в лексике подавления и порабощения: «ярмо», «проклятие», «вторжение». Исторический опыт Уэльса сравнивается с другими колониями в противовес имперской риторике, которая имплицитно присутствовала в романе М. Рофхарт. Размышляя об участи своей страны, Глиндур сравнивает её перспективы с Ирландией: «Амбиции короля Англии не остановить водным пространством, не важно каким широким: они были таким же проклятием для ирландцев, как и для его соотечественников» [9, р. 81]. Опыт Уэльса оказывается соотнесен и с более поздними заморскими колониями Англии: Америкой, Индией, Австралией, — которых не защитили и океаны. Уэльс является первым в длинном списке английских завоеваний, и он уже не может добиться признания других европейских держав и встать с ними на один уровень. Подтверждением этому служит попытка заручиться поддержкой Франции, король которой видит в восстании лишь возможность нанести урон своему главному противнику — Англии, и даже в этом случае он не делает больших ставок на Уэльс. Французы воспринимают его как отсталый и дикий край, соглашения с которым можно нарушать, поскольку они подписаны между неравными силами: «Я не доволен, что эти люди наши союзники. Они даже не похожи на солдат и одному Богу известно, могут ли они сражаться...» [9, р. 101]. Уэльс оказывается лишь пешкой в игре двух держав, а не равнозначным участником. В фокусе автора действия Глиндур как национального лидера, его проекты по замене английских институтов валлийскими и возвышению роли Уэльса в Европе, символика восстания, широкая поддержка населением борьбы. Можно наблюдать изменения в восприятии прошлого, которые

произошли со времен публикации романов Э. Перджетер и М. Рофхарт: опыт Уэльса воспринимается как часть колониальной истории Британии, в которой у него больше общего с Ирландией и заморскими владениями, чем с Англией и прочими европейскими странами.

Схожие черты присутствуют и в последнем рассматриваемом произведении — «Тяжела корона: роман об Оуайне Глиндуре» (2012 г.) Н. Джемини Сассон, американской писательницы, активно вовлеченной в жизнь валлийского общества. В центре повествования — история Оуайна Глиндур, рассказанная с его перспективы, а также с точки зрения его ближайшего окружения. Автор представляет Уэльс первой жертвой зарождающейся колониальной политики Англии. Она проводит сравнения с Ирландией и Францией с целью демонстрации стремления Глиндур вывести Уэльс из подчиненного положения на уровень прочих европейских стран: «Уэльс больше не был бородавкой на щеке Англии. А Оуайн Глиндур больше не был простой мошкой, от которой можно отмахнуться» [11, р. 214]. Настойчивое сопротивление власти Англии характерно для Глиндур Джемини Сассон. В отличие от романов М. Рофхарт и Э. Перджетер, здесь он с самого детства ощущает несправедливость подчиненного положения Уэльса: «Его отец был валлийцем до мозга костей, он не должен был сражаться и в итоге погибнуть на службе у английского короля» [11, р. 21]. Глиндур видит и экономическую эксплуатацию своей страны, и унижительное положение валлийцев, не считающихся равными англичанам, но вынужденных отдавать жизнь за интересы английского короля. Он не принимает как данность доминирование Англии: «Отправляйся домой, Генри... Возвращайся в проклятую Англию» [11, р. 168]. Н. Джемини Сассон затрагивает те же темы, что и М. Прайс, в то же время она сильнее драматизирует важность восстания Глиндур для будущего валлийской нации: «Обещай мне, что никогда, ни за что не выдашь себя. Пока ты остаешься свободным, Уэльс будет жить» [11, р. 281].

На примерах проанализированных романов можно было наблюдать процесс актуализации образа средневекового лидера в рамках современных авторов общественных тенденций. От изображения Глиндур как в принципе верного подданного короля, начавшего восстание из-за соседской распри, к попытке сделать его носителем общеевропейской культуры и, наконец, к созданию образа лидера борьбы за независимость, ненавидящего английское доминирование и мечтающего о свободе для Уэльса. Эти изображения отражают процесс изменения исторической культуры в валлийском обществе. Если в начале XX в. восстание подается как региональный конфликт [7], то ко второй половине XX в. можно наблюдать

попытки осознать место Уэльса в европейском контексте, не имея при этом сильных национальных движений, в отличие от Ирландии и Шотландии. К концу XX в. – началу XXI в. в исследовательской литературе опыт Уэльса начал сравниваться с другими английскими колониями, а политика Англии в отношении его начала описываться в терминах постколониальных исследований [2, p. 36; 3, p. 40]. В обществе также усилилась поддержка децентрализации, что продемонстрировано результатами референдума 1997 г., в котором больше половины проголосовавших валлийцев высказалось за деволюцию и создание Парламента Уэльса [5]. Таким образом, на примере трансформации образов Оуайна Глиндурра в исторических романах мы можем наблюдать процесс изменения в валлийском обществе представлений о прошлом и о положении Уэльса в настоящем.

Список источников и литературы

1. Саид Э. Культура и империализм / пер. А. В. Говорунов. СПб., 2012. 736 с.
2. *British Identities and English Renaissance Literature* / Ed. by J. D. Baker, W. Maley. Cambridge, 2002. 297 p.
3. *Corrigan P. The Great Arch: English State Formation as Cultural Revolution*. Oxford, 1985. 286 p.
4. *Cull M. R. Shakespeare's Princes of Wales: English Identity and the Welsh Connection*. Oxford, 2014. 224 p.
5. *Davies J. A. History of Wales*. London, 1993. 718 p.
6. *Henken E. R. National redeemer: Owain Glyndwr in Welsh Tradition*. Ithaca, 1996. 268 p.
7. *Lloyd J. E. Owen Glendower*. Oxford, 1931. 161 p.
8. *Pargeter E. A Bloody Field by Shrewsbury*. London, 1972. 259 p.
9. *Pryce M. A Dragon to Agincourt*. Talybont, 2003. 304 p.
10. *Rofheart M. Glendower Country*. New York, 1973. 390 p.
11. *Sasson N. G. Uneasy Lies the Crown: A Novel of Owain Glyndwr*. Ohio, 2012. 341 p.
12. *Wigley D. Glyndŵr Day is worthy of a new national holiday* // The National Wales. URL: <https://www.thenational.wales/news/19582497.glyndwrday-worthy-new-national-holiday/> (дата обращения: 27.10.2022).
13. *Wyn J. E. Glyndŵr a Gobaith y Genedl — Agweddau ar y Portread o Owain Glyndŵr*. Aberystwyth, 2007. 112 p.

Для цитирования: Пилюгина П. И. Изменения в исторической культуре Уэльса во второй половине XX – начале XXI вв. на примере трансформации образов Оуайна Глиндурра (ок. 1359 – ок. 1415) в исторических романах // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 459 – 464.

Основные тезисы обсуждения в рамках работы круглого стола

Модератор: Алимов Денис Евгеньевич, к-т ист. наук. доцент, (СПбГУ)

Докладчики: Глухова Анастасия Сергеевна, К(П)ФУ; Котов Виктор Викторович, Институт славяноведения РАН; Пилюгина Полина Игоревна, НИУ «ВШЭ»

Участники дискуссии: Маевский Дмитрий Евгеньевич (СевГУ); Комогоров Андрей Викторович (ЗабГУ); Мартин Михаил Андреевич (СПбГУ); Емельянов Владислав Сергеевич (СПбГУ); Хлопов Серафим Михайлович (СПбГУ), Шайкенов Валентин Олегович (СПбГУ).

Аннотация: Данный материал является стенограммой круглого стола «Медиевализм: образы Средневековья в культуре Нового и Новейшего времени», который прошел в рамках XIV Всероссийской научной конференции «Ноябрьские чтения».

Ключевые слова: Медиевализм, Средневековье, Новое и Новейшее время

Title: The main theses of the discussion in the framework of the round table

Annotation: This material is a transcript of the discussion of the round table "Mediaevalism: Images of the Middle Ages in the culture of Modern era and contemporary history", which was held as part of the XIV All-Russian Scientific Conference "November Readings".

Keywords: Mediaevalism, the Middle Ages, Modern and Modern times

Круглый стол посвящен феномену медиевализма – использованию образов и символов средневековья в культуре, политике и других сферах общественной жизни, как современности, так и прошлых исторических эпох. При работе круглого стола представлены доклады А. С. Глуховой, В. В. Котовым., П. И. Пилюгиной, охватившие проблемы отражения средневековых реалий в современном кинематографе, использования средневековых образов движением чешских националистов «Соколов», а также фигуры Глендура как национального героя Уэльса в современной англоязычной художественной литературе.

«Репрезентация образов Средневековья посредством кинематографа»

Глухова Анастасия Сергеевна

Маевский Д.Е.: Как повлиять на историческую некомпетентность режиссеров и сценаристов? Если признать подобные «исторические источники», то в поп-культуре и массовом сознании укрепятся мифы о средневековье?

Глухова А.С.: Относя кинематограф к источнику по публичной истории, первичен вопрос: какие образы и стереотипы появляются из-за него. Рассматривая это, мы изучаем не только изменение относительно научной литературы. Возможно, некоторые из них – не продукт XXI века, а появились гораздо раньше, к примеру, в XIX-XX вв.

Комогоров А.В.: Какие произведения и какого периода рассматривались?

Глухова А.С.: Суммарно рассматривала больше пятидесяти фильмов, в основном Голливудских, работа обобщает происходящее. С 2001 по 2020 гг. Я затрагивала вопросы, связанные с XX веком и Новым временем, чтобы рассмотреть, как образы, сформированные в предыдущие столетия, влияли на отражение Средних веков в кино сейчас.

Алимов Д.Е.: Вы упомянули нестабильность и турбулентность, поэтому люди обращаются к средневековью, как и к другому прошлому, в условиях неопределенности и непостоянности или речь об определённом восприятии Средневековья как эпохи нестабильной, турбулентной?

Глухова А.С.: По подобному сюжету можно назвать много фильмов. Весь массовый кинематограф, который снимался в 2010-х гг. К Средневековью обращаются, как к чему-то близкому с точки зрения проживания истории. Если брать конкретно, то подойдет весь период 2010-х годов: «Время ведьм» (2010), «Железный рыцарь» (2011), «Царствие небесное» (2005).

Алимов Д. Е.: «Игра престолов» (2011–2019) вписывается в тенденцию? Чем объясняется популярность сериала, качественной съемкой или схожестью с происходящей турбулентностью и нестабильностью?

Глухова А.С.: В «Игре Престолов» цепляет тоже самое, что и в «Гарри Поттере» (2001 – 2011), «Властелине Колец» (2001–2003) – средневековый антураж, пытающийся выгладеть не классической историей, а создаваемый искусственно, уходящий в альтернативную историю.

Маевский Д.Е. Пример неклассического Европейского Средневековья, в России вышел «Викинг» (2016). Не кажется ли, что новый постмодернистский концепт, где создатели убеждают в полной исторической достоверности и переманивают на свою сторону историков для подтверждения, создаёт новую историческую реальность, которая на деле не существует?

Глухова А.С.: Если говорить о «Викинге», то историческая неточность рождает не исключительно от работы консультанта, режиссера. Даже когда проект одобрен консультантом, все равно в момент производства могут произойти колоссальные изменения.

Алимов Д.Е.: Высказали позиции, происходит либо реконструкция, либо фрагментарный перевод старого нарратива на воспринимаемый нынешним зрителем язык. Какие-либо тенденции наблюдаются в кинематографическом медиевализме? Что появилось, закрепится ли новое на долгую перспективу или нет?

Глухова А.С.: Если разбирать фильмы начала XXI века, там сохраняется тенденция ещё с конца XX века, фильмов сатиричны: «История рыцаря» (2001), «Черный рыцарь» (2001) и др. До начала 2010-х гг. показывались идеалы ратного и куртуазного рыцарства, но было много и карикатур,

пародий. В угоду эффектам страдает сюжет, особенно в жанре фэнтези, это продолжается до 20-х гг.

«Образ Средневековья в мышлении чешских националистов в 1860-е – начале 1870-х годов (на примере сокольского движения)»

Котов Виктор Викторович

Алимов Д.Е.: Один из модернизационных процессов, рассматриваемых у движения Соколов – милитаризм. Какой у них был социальный состав? Сложно ли в рамках движения выработать эгалитарную структуру?

Котов В.В.: В 60-е гг. XIX в. Грох относил их к так называемой фазе «С» [2], то есть периоду массового национального движения. Членство в Сокольском обществе недоступно абсолютно каждому из жителей чешской земли, хотя сами взносы не были значительными. Участие предполагало покупку формы для занятий и наличия свободного времени. Более 50% членов Сокольских обществ не посещали гимнастические занятия, при этом участвовали в других акциях.

Алимов Д.Е.: Что значит быть Соколом? Если половина не участвовала в занятиях спортом, то какие обязательства, распорядок года у Сокола?

Котов В.В.: Самое главное – внесение членских взносов. Ситуация сильно различалась в Праге, крупных городах и провинции. Быть Соколом означало носить Сокольскую форму, поддерживать ценности чешского национализма. Существовали также разные категории членства. К примеру, меценаты, оказывающие денежную поддержку.

Маевский Д.Е.: Националисты придумали чешское Средневековье, как нечто особое, отличающееся от исторической действительности настоящего Средневековья?

Котов В.В.: Националисты имели искаженный образ Средневековья. Ряд популярных тезисов являлись трансляцией современных идей на прошлое. К моменту появления Сокольского движения образ был по большей части сформирован. Единственный новый акцент, который они поставили – больший упор на военную историю, но в целом всё было выработано уже в первой половине XIX века.

Маевский Д.Е.: Выходит романтизированный образ? Как его приукрасили? Возможно, добавились героические истории, которых не было. Подобное происходит, когда националисты стремятся укрепить идеологию.

Котов В.В.: Предмодерное общество мыслило иначе, для него идентичность более текуча, соответственно сложно разделить явления средневековой истории строго на случаи чешской истории или немецкой истории.

Хотя именно этим и занимались в XIX в., и подход до сих пор влияет на мышление.

Емельянов В. С.: Вы упомянули в докладе про Яна Гуса или Святого Вацлава, а обращались ли Соколы к легендарным предкам, например, Чеху, фигурирующего у Козьмы Пражского [1]?

Котов В.В.: Одной из наиболее частых целей Сокольских поездок, в основном общества Богемии, являлась гора Ржип. В тот период авторитетом в области исторического знания стала наука. Поэтому Соколы занимались исследованиями, меньше обращались к легендам. Сомневаюсь, что вообще исторические персонажи делились на реальных и мифических.

Хлопов С.М.: Как Яна Гуса воспринимали члены Сокольского движения в Социалистической Чехословакии? Он для них религиозный деятель или герой, сделавший чехов чехами?

Котов В.В.: В социалистический период Сокольских обществ уже не существовало. Мне немного известно об этом, но насчет фильма, уже упомянутого сегодня, обычно его сравнивают с трилогией Отокара Вавры (1954 – 1957), вышедшей в послевоенный период, где представили сатирический образ Гуса и гуситов. Тогда коммунисты не отвергали прежний националистический нарратив, а стремились связать со своим.

«Изменения в исторической культуре Уэльса во второй половине XX – начале XXI вв. на примере трансформации образов Оуайна Глиндурра (ок. 1359 - ок. 1415) в исторических романах»

Пилюгина Полина Игоревна

Алимов Д.Е.: Националистические интерпретации средневековых героев в современных движениях часто вторичны к классической эпохе национализма? Присутствовал ли подобный образ в XIX в. у валлийского национального движения? Созвучна ли актуализация Глиндурра как борца за независимость Уэльса?

Пилюгина П.И.: Валлийское национальное движение в XIX в. не было сильным, Глиндурра вернули, в какой-то мере, в конце XVIII в., причем английским автором, совершившем путешествие в Уэльс и описавшем восстание Глиндурра. В XIX веке в Уэльском национальном движении Глиндурр не является борцом с колонизаторами. Тогда главная цель националистов – создание независимой Уэльской церкви, но именно лексика и терминология постколониального дискурса является произведением авторов начала XXI в.

Алимов Д.Е.: Постколониальный дискурс – удел интеллектуалов, с чем связан рост сторонников автономии Уэльса и собственного парламента?

Можно ли связывать это с влиянием распада СССР, Чехословакии? Откуда появилась идея вообще в 90-ые гг. XX вв.?

Пилюгина П.И.: Выделяя один сильно повлиявший фактор, то это Маргарет Тэтчер. Тэтчеризм очень непопулярен там, так как ее экономическая политика нанесла большой урон Уэльсу. С приходом Маргарет Тэтчер растёт поддержка национальной партии Уэльса. Самый горящий пример – известнейшая националистическая песня «Yma o Hyd», появившаяся в 80-е гг. В ней один из куплетов посвящён борьбе против Маргарет. До сих пор песня очень популярна, ее играют на всех стадионах и соревнованиях.

Емельянов В. С.: Как обстоят дела с экранизацией национальных историй? В Уэльсе существует телекомпания, вещающая только на валлийском. Как образ Глиндур эксплуатируется в кинематографе?

Пилюгина П.И.: Есть не так много кинообразов Глиндур. Точно помню, что вышел полудокументальный фикшн-фильм в 80-е гг. XX в. на английском языке. В англоязычной серии *Horrible Histories* – комедийная историческое шоу для детей, тоже присутствовал Глиндур.

Шайкенов В.О.: Глиндур занял второе место в списке валлийских националистов, а кто на первом? Из-за последних тенденций может ли усилиться националистическая направленность?

Пилюгина П.И.: Вопрос о 100 главных валлийских героях раскрывает давний конфликт между лейбористами и националистами в Уэльсе. Лейбористская партия – самая популярная в Уэльсе уже многие годы, поэтому первое место занял Эньюрин Бивен. Националистические группировки заявляли, что всё подтасовали, так как проводящие опрос не хотели, чтобы такой националистический символ был первым. Лейбористы говорили, что за Глиндур мало голосов, он должен быть не на втором месте, а ниже. Даже на опросе было противоречие. Если говорить о современности, то тенденции лишь усиливаются. Недавно видела статью, что в Уэльсе после смерти Елизаветы II и Коронации Карла III, возобновились дискуссии о существовании термина «принц Уэльский», усилились протесты, а поддержка валлийской независимости выросла до 40%.

Мартин М.А.: В британском национальном эфире образ доброго валлийца на службе империи – консенсусная концепция, скрепляющая британский миф. Популярно ли это в валлийском обществе сейчас? А также находятся ли люди, представляющие подобный взгляд, по одну сторону баррикад с англичанами, сторонниками британского мифа. Считаются ли они условными лоялистами?

Пилюгина П.И.: Марта Рофхарт и ее образ Глиндур [3] – несколько особенный случай. Когда проходили дискуссии о Брекзите, часто говорили, что Уэльс и Глиндур – части общеевропейской культуры, но это делалось в угоду представлений о европейском пути и расхождении с Британией.

Емельянов В. С.: Валлийская диаспора достаточно разветвленная, например, община в Аргентине. Используется ли образ мигрантами? Они тоже стремятся вернуться на Родину, получить условную независимость.

Пилюгина П.И.: Марта Рофхарт жила в Америке большую часть жизни, ее родители валлийцы, в семье поддерживались идеи национализма, рассказывались истории о восстании и Глиндуре. Она решила обратиться к этому и написать роман, поскольку Глиндур восхвалялся в семье. Повышенный интерес к его образу и к валлийской культуре рождается из желания вернуться к корням.

Список литературы и визуальных источников:

1. *Козьма Пражский*. "Чешская хроника" / Вступ. статья, перевод и комментарии Г. Э. Санчука; отв. ред. *Л. В. Разумовская и В. С. Соколов*. М., 1962. (Серия "Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы"). 296 с.
2. *Hroch M.* Evropska narodni hnuti v 19 století: spolecenske-pfedyoklady vzniku novodobych narodu. Praha. 1986. 400 s.
3. *Rofheart M.* Glendower Country. New York: Putnam, 1973. 390 p.

СЕКЦИЯ. ИСКУССТВО ВНЕ ЕВРОПЫ: ОТ ДРЕВНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Антипова София Ильинична

Ритуальные керамические сосуды эпохи Корё и Чосон (X – XVI вв.)

Аннотация. В статье рассматриваются функциональные и художественные особенности корейских ритуальных керамических сосудов X–XVI вв. Сравнение ритуальной керамики селадон эпохи Корё и пунчхон Ранней эпохи Чосон показало, что сосуды двух эпох достаточно сильно различаются: 1) по функции (в Раннюю эпоху Чосон уже фактически не использовались сосуды для буддийских ритуалов); 2) по характеру декора (керамика селадон украшалась гораздо богаче, использовались изображения людей, цветов, животных, а для керамики пунчхон характерен минимализм декора); 3) по форме (отличаются в том числе и формы сосудов одного типа).

Ключевые слова: корейская средневековая керамика; ритуалы; пунчхон; селадон.

Title: Ritual Ceramic Vessels of the Goryeo and Joseon Era (10th – 16th centuries)

Abstract. The article deals with the functional and artistic peculiarities of Korean ceramic vessels of the 10th – 16th centuries. Comparison of celadon ritual ceramics of the Goryeo era and buncheong of the Early Joseon era showed that the ritual vessels of the two eras are quite different: 1) differ the functions of vessels (in the Early Joseon era vessels for Buddhist rituals were actually no longer used); 2) the vessels have different decorations, celadon ceramics were decorated much richer, images of people, flowers, animals were used, and buncheong ceramics are characterized by minimalism of decor; 3) the shapes also differ, including vessels of the same type.

Key words: Korean medieval ceramics; rituals; buncheong; celadon.

Технологии производства корейской керамики складывались на протяжении веков и окончательно сформировались в эпоху Корё, когда возник такой тип керамики как селадон. Несмотря на то, что селадон был заимствован у сунского Китая, корёские гончары смогли преобразить его

Антипова, София Ильинична — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, st078629@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Курбанов, Сергей Олегович* — д-р. ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, Россия

Antipova, Sofiya Ilyinichna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, st078629@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Kurbanov, Sergej Olegovich* — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

и придать сосудам особенные, корейские черты [1]. Так, даже китайские писатели (посол государства Северная Сун Сюй Цзин и автор эпохи Южная Сун Тайпин Лаожэнь) отмечали в своих произведениях изысканный цвет селадонных сосудов, а также утонченность и разнообразие сосудов [4, с. 63]. Для селадона была характерна усложненность форм и разнообразие декора. С началом эпохи Чосон в кон. XIV в. на базе селадона формируется пунчхон, новый, исконно корейский тип керамики. В отличие от селадона, пунчхон была свойственна скромность декора и форм. В собраниях музеев мира сохранились сосуды селадон и пунчхон разных форм, украшенные декором, выполненным в различных техниках [5].

Изучение корейских ритуальных керамических сосудов X–XVI вв. является актуальным, во-первых, поскольку эта тема малоизучена в отечественной и зарубежной корееведческой науке, во-вторых, ритуальные сосуды занимают важное место в структуре ритуала, и изучение форм, технологии изготовления и декора сосудов позволит в полной мере исследовать корейские ритуалы.

Рассматривая ритуальную керамику как отдельный тип корейской керамики, следует выделить два ее варианта: 1) керамика, изготовлявшаяся для религиозных ритуалов, то есть для буддийских обрядов; 2) сосуды, сделанные для ритуалов не религиозного характера (для обрядов жизненного цикла и пяти государственных ритуалов). Конечно, стоит отметить, что и на обряды жизненного цикла значительно повлияли традиционные верования, но в эпоху Чосон на них и на структуру их исполнения большое воздействие оказало идеологическое учение неоконфуцианство, поэтому такого рода керамические изделия стоит относить к «не религиозным» ритуальным сосудам.

Также стоит отметить, что нет достаточного количества информации о корейских шаманских ритуалах, на основе которой можно было бы делать предположения об определенных типах сосудов, использовавшихся шаманами.

Применение ритуальных сосудов было, скорее всего, ограниченным, так как религиозная ритуальная керамика использовалась в большинстве своем лишь священнослужителями, а сосудами, предназначенными для обрядов жизненного цикла и пяти государственных ритуалов, могли пользоваться лишь члены королевской семьи и высшие слои населения, поскольку эта посуда была очень дорогостоящей. Именно поэтому в собраниях музеев мира представлено очень ограниченное количество сосудов, которые корейские специалисты относят к ритуальным.

В качестве особенностей ритуальной керамики селадон эпохи Корё можно выделить: пышное убранство, разнообразие форм сосудов

(керамические изделия в виде животных, растений, людей, божеств), отсутствие разнообразия техник декорирования (инкрустация и резьба). К сожалению, не представляется возможным рассмотреть все типы ритуальных сосудов селадон, поэтому остановимся на наиболее известных. Так, одним из наиболее известных типов ритуальных сосудов является кундика. Сосуды кундика использовались монахами для разбрызгивания воды в ходе буддийских церемоний. Такие сосуды изготавливались не только из глины, но и из металла, так в Национальном музее Кореи хранятся сосуды кундика как в металлическом, так и в керамическом вариантах. Прототипом корейской кундики являются индийские сосуды, технологии изготовления которых были восприняты китайцами, и затем, претерпев изменения, были заимствованы корейскими мастерами уже из Китая. В частности, такого рода керамические изделия использовались в буддийской церемонии «абхисека», во время которой учитель передавал свои знания избранному ученику посредством окропления его головы водой из сосуда кундика [8, p. 118]. Особой изысканностью и сложностью форм отличаются сосуды в виде божеств, а также курильницы. Курильницы в культурах многих стран Восточной и Юго-Восточной Азии использовались на разных исторических этапах. В Корее также, как и в Китае, курильницы применялись в религиозных церемониях, в ритуалах культа предков, в традиционной медицине, а также в повседневной жизни. Эти сосуды изготавливались в форме животных, геометрических фигур, мифических существ, украшались ажурными узорами, выполненными из глины, а на стенках также могли изображаться цветы и животные [8, p. 148–151].

В отличие от керамики эпохи Корё особенностями сосудов пунчхон Ранней эпохи Чосон были скромный декор, в основном сосуды украшались орнаментами, цветочными узорами, изображениями животных, цветов, однако для этого типа керамики также было характерно разнообразие форм. Кроме того, материал, из которого изготавливались керамические изделия пунчхон, отличался от материалов для сосудов селадон [4, с. 19–21]. Рассматривая ритуальную керамику пунчхон, стоит особо выделить такой тип сосудов, как сосуд для хранения плаценты. Так как в корейской культуре плацента имела важное значение, для её сохранения изготавливались особые сосуды. Для сосудов этого типа характерны объемные формы, донце (нижняя часть) шире венчика (верхней части). Ещё одной отличительной чертой некоторых сосудов такого типа являются четыре ручки на сосуде, которые скорее всего предназначались для веревки, которой прикреплялась крышка. Сосуд для хранения плаценты можно отнести к типу сосудов, использовавшихся в обрядах жизненного

цикла [6, p. 218–221]. В Раннюю эпоху Чосон изготавливалось множество сосудов для государственных ритуалов, сосуды использовались для хранения ритуального зерна (сундучки, сосуды фу), также существовали сосуды для ритуального вина, воды (кувшины, чаши, сосуды в виде животных, бутылки в форме бочонка), миски для мытья рук перед церемониями и т. д.

Сравнение ритуальной керамики селадон эпохи Корё и пунчхон Ранней эпохи Чосон показало, что ритуальные сосуды двух эпох достаточно сильно различаются. Во-первых, они отличны по функции, так в Раннюю эпоху Чосон уже фактически не использовались сосуды для буддийских ритуалов. Во-вторых, сосуды имеют разный декор, так керамика селадон украшалась гораздо богаче, использовались изображения людей, цветов, животных, а для керамики пунчхон характерен минимализм, в основном сосуды украшались растительными орнаментами, абстрактными узорами, но также могли быть изображены рыбы и некоторые животные. В-третьих, различались и формы, так, несмотря на то, что некоторые сосуды относятся исследователями к одному типу, они достаточно заметно отличаются по форме. Например, для эпохи Корё были характерны сосуды типа мэбён, в Раннюю эпоху Чосон также встречаются подобные керамические изделия, однако уже гораздо реже, нет достоверной информации о том, что такого рода сосуды в эпоху Чосон использовались в качестве ритуальных. Для эпохи Чосон характерны такие бутылки как чарабён и чангун, для эпохи Корё такие сосуды не характерны и не представлены в собраниях музеев мира [11].

К сожалению, нет достаточного количества материалов, на основе которых можно делать более точные и развернутые предположения о назначении, специфике форм и декора ритуальных сосудов. Однако стоит отметить, что в «Анналах короля Сечжона» упоминаются ритуалы (5 государственных ритуалов), описывается их структура, а также дается характеристика сосудов, которые должны использоваться в ходе этих ритуалов [9]. Сопоставление данных письменных источников со сведениями, полученными при анализе керамических сосудов, может позволить более детально представить значение ритуальной керамики в жизни корейского общества X–XVI вв.

Список источников и литературы

1. *Арапова Т. Б.* Фарфор и керамика Китая из собрания Шанхайского музея. СПб. 2007. 35 с.
2. *Глухарева О. Н.* Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века. М., 1982. 255 с.
3. *Курбанов С. О.* История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб., 2018. 678 с.

4. Рожденная в пламени. Корейская керамика из Национального музея Кореи: каталог выставки, Санкт-Петербург, 29 июля – 6 ноября 2016. СПб., 2016. 231 с.
5. Толстоулаков И. А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток, 2002. 238 с.
6. Kim J. White porcelain and punch'ong ware. Seoul., 2002. 311 p.
7. Lee S., Jeon S. Korean Buncheong Ceramics from Leeum, Samsung Museum of Art. New York, 2012.
8. Pak Y., Whitfield R. Earthenware and Celadon. Seoul: Yekyong Publ., 2004. 279 p.
9. Yunjangsup haneuleul ttangeuro bureun geureut buncheongsagijegi. Seoul, 2010. (Юн Чансуп. Сосуды ритуальной керамики пунчхон, соединяющие небо и землю. Сеул, 2010.)
10. National Museum Korea: URL: <https://www.museum.go.kr/site/main/home> (дата обращения 20.10.2022).
11. Horim Museum Sinsa. URL: http://horimmuseum.org/sinsa/archives/essential_grid/%eb%b6%84%ec%b2%ad%ec%82%ac%ea%b8%b0%eb%b0%95%ec%a5%90%ec%97%b0%ec%96%b4%eb%ac%b8%ed%8e%b8%eb%b3%91 (дата обращения 24.10.2022).

Для цитирования: Антипова С. И. Ритуальные керамические сосуды эпохи Корё и Чосон (X – XVI вв.) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 471–475.

**Мужские и женские божества в антикварном индийском оружии
XVIII–XIX вв.**

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение предметов индийского холодного оружия, происходящих из нидерландских антикварных собраний восточного вооружения и включающих в себя фигурные изображения двух индийских божеств — Вишну и Дурги. Анализ художественных приёмов, использованных при работе с данными предметами, а также сравнительная характеристика их декора покажет, как понималось различие между мужским и женским началом в культуре Индии и, более узко, в национальной воинской культуре.

Ключевые слова: Вишну; Дурга; индийское оружие.

Title: Male and female deities in antique Indian arms of the XVIII–XIX centuries

Abstract. The purpose of the article is to consider items of Indian steel arms originating from the Netherlands antique collections of oriental weapons and including figurative images of two Indian deities — Vishnu and Durga. An analysis of the artistic techniques used when working with these items, as well as a comparative description of their decor, will show how the difference between the male and female principles was understood in the culture of India, and more narrowly, in the national military culture.

Key words: Vishnu; Durga; Indian arms.

Начиная с древнейших времён, оружие было одним из главных символов индийской культуры. «Само грозное небо из-за рёва этого змея отступило от страха, когда твоя ваджра, о Индра, в опьянении выжатым (сомой) с силой разрубила голову Вритры, угнетавшего оба мира» [6, с. 68], — так в гимнах «Ригведы» описывается ритуальное оружие ваджра, с помощью которого бог Индра побеждает демонического змея Вритру. Эпические поэмы более позднего времени также содержат описания традиционного индийского оружия, зачастую фантастические. Так, Арджуна, герой «Махабхараты», закликает «стихами священной молитвы» свой лук, вручённый ему тем же Индрой, и в битве обретает нечеловеческую силу:

Хмельницкая, Александра Богдановна — Санкт-Петербургская Академия Художеств имени Ильи Репина, Санкт-Петербург, Россия; rossetti1831@gmail.com

Научный руководитель: *Курпатова, Алла Абдуловна* — к-т иск, доц., Санкт-Петербургская Академия Художеств имени Ильи Репина, Санкт-Петербург, Россия
Khmelnitskaya, Aleksandra Bogdanovna — Imperial Academy of Arts, Saint-Petersburg, Russia; rossetti1831@gmail.com

Scientific adviser: *Kurpatova, Alla Abdulovna* — PhD in Arts, Associate Professor, Imperial Academy of Arts, Saint-Petersburg, Russia

«Карну обливал сонмом стрел с острями / Одетыми в золото и мечущих пламя, / Карна разбивал тетиву, но тугую / Натягивал Арджуна быстро другую» [4, с. 225].

Всё это не могло не оказать влияние на форму оружия, способы его бытования и применения, и в особенности на декоративное оформление. Оружие сочетает в себе резьбу по металлу и дереву, мелкую пластику, тонкое живописное оформление, богатую орнаментацию и ювелирное мастерство. Его можно считать проявлением высокого художественного ремесла Индии, которое отличается «не меньшим разнообразием стилей, чем памятники архитектуры» [8, с. 79-80]. Кроме того, своей формой и назначением оружие выражает одну из характерных черт индийской культуры — «связь эстетического и религиозного опыта» [3, с. 116], перенос наслаждения красотой предмета в область сакрального смысла. Потому фигурные изображения божеств и мифологических героев, а также религиозные знаки, слова или фразы, включённые в орнаментику предмета вооружения (а зачастую и в сам орнамент) являются важными элементами, позволяющими «прочитать» священное послание, которое стремился заложить в своё произведение мастер.

В данной статье будет рассмотрено два примера предметов индийского вооружения, происходящих из нидерландских антикварных собраний восточного оружия Mandarin Mansion Antiques и Antiques by the Sea: в декор первого из них, кинжала «катар», включены фигурные изображения одного из главных мужских божеств индийского пантеона — Вишну [13]. Второй же, меч «сосун пата», украшен резными образами могущественного женского божества — Дурги [10].

Начиная с катара, стоит сказать, что этот тип представляет из себя уникальную форму индийского кинжала, характерной особенностью которого является легко узнаваемая H-образная рукоять, расположенная перпендикулярно лезвию. Две узкие вертикальные кромки рукояти, зачастую богато орнаментированные, защищали боковые поверхности кисти и запястья. Благодаря этому свойству катар был наиболее полезен в ближнем бою, и активно использовался как самостоятельное оружие, так и в сочетании с круглым щитом.

Впрочем, личный кинжал с драгоценной отделкой считался показателем «статуса и состоятельности хозяина» [2, с. 57], даже если не предназначался для участия в сражении. Потому, наряду с привнесёнными из Персии кханджарами и пешкабзами, такой исконно индийский тип клинка, как катар (другое его название — джамадхар. Согласно одной из распространённых версий, с хинди название «джамадхар» переводится как «клык бога смерти», что на семантическом уровне связывает форму

катара с образом ведийского божества Ямы, который в Упанишадах, а позднее и в индуистской и буддийской традиции выступает в качестве бога смерти. Однако в последнее время такая трактовка перевода всё чаще подвергается сомнению как в индологии, так и в оружиеведении [6, с. 220]), являлся неотъемлемой частью костюма представителей знати, простолудинов и иногда даже детей. «В этой стране, — отмечает в одном из своих писем князь А. Салтыков, в середине XIX века посетивший Индию и Шри-Ланку, — все до малого ребёнка ходят с оружием; даже наши факельщики были со щитами». [7, с. 108]. Однако в том случае, если кинжал украшался изображениями богов или их атрибутов, такие мотивы не просто выполняли декоративную функцию, а действительно «наделяли» предмет сверхъестественной силой.

Рассматриваемый катар, в 2018 г. проданный в частную коллекцию из антикварного собрания «Mandarin Mansion Antiques», изготовлен в Южной Индии, вероятнее всего в штате Тамилнад на рубеже XVII–XVIII вв. [13]. На рукояти катара выточены изображения десяти фигур, каждая из которых является определённой аватарой — земным воплощением бога Вишну. Чёрная поверхность украшена слоем позолоты, который когда-то покрывал рукоять целиком, но почти полностью стёрся. Различные формы Вишну расположены в два вертикальных ряда, по пять на каждой стороне рукояти, «ровно в том порядке, в котором они появились на земле в различные эпохи существования человечества» [9, р. 5].

Изображения, даже при их небольшом размере, выполнены со значительной долей тонкости и пластичности. Тщательно гравированы складки одежды и сами лики аватар: при детальном рассмотрении становятся ясно различимыми их эмоции и даже типологическая разница в разрезе глаз. Примечательно, что почти везде, где это позволяет композиция, фигуры сохраняют присущие им узнаваемые атрибуты, в том числе и условно обозначенные предметы оружия: так, Парашурама держит в левой руке свой боевой топор, а Баларама — соху. Калки, чаще изображаемый как всадник с мечом, в данном случае выполнен в виде антропоморфного существа с головой коня.

Воплощения Вишну призваны словно бы огибать кисть владельца оружия, защищать её и направлять удар, иными словами — действовать заодно с хозяином катара и покровительствовать ему. Таким образом, благодаря своему декору предмет выступает в качестве посредника в общении между человеком и божеством в его многочисленных явлениях, воплощая силу и мировой порядок, поддерживаемый последним.

Рассматриваемый катар может быть сопоставлен с практически аналогичным образцом из Метрополитан-музея [11]. Список воплощений

Вишну, изображённых на этом катаре, несколько отличается от первого. Рама отсутствует вовсе, а место девятой аватары занимает Гаутама Будда — ассимилировавший из буддизма образ своеобразного индуистского «еретика», который в качестве аватары Вишну призван возбудить в людях, нестойких в вере, сомнение в святости Вед, а затем «погубить их» [1, с. 287]. В целом декоративная отделка образца из «Mandarin Mansion Antiques» несколько сложнее, чем у катара из Метрополитен-музея, и включает в себя дополнительные детали орнаментации рукояти: выточен каждый ее миллиметр, в том числе внутренняя сторона каждой из фигур аватар.

Одной из наиболее известных индийских богинь, и самой, пожалуй, важной в контексте темы оружия, является Дурга — свирепая и непобедимая истребительница злых сил, образ которой на протяжении нескольких столетий встречается в декоре ряде предметов холодного вооружения. Так, в коллекции Метрополитан-музея сохранился эфес клинка XIV в. с детально выгравированной сценой поражения Махиши от рук Дурги [14], а также наконечник копья, датируемый XVI в., основание которого оформлено рельефным изображением богини верхом на тигре, вооружённой трезубцем Шивы и мечом. Присутствие подобных мотивов в декоре свидетельствует о том, что поклонение Дурге как величайшему воину было важным средством достижения «одухотворённой убеждённости» в успехе предстоящего сражения. Д. Ла Рокка, в частности, пишет об особенном ритуале «освящения определённых видов оружия и почитания их как второстепенных божеств» [9, р. 6], которые, возможно, выступали в качестве земных воплощений Дурги.

Популярность богини в оружейной культуре не исчезает и в XIX в., о чём свидетельствует пример меча сосун пата из собрания Antiques by the Sea, с лезвием, украшенным изображениями Навадурги — девяти священных ипостасей Дурги, которых по сей день вспоминают в ходе девятидневного индуистского фестиваля Наваратри. Типологическое название «сосун пата» с персидского и хинди переводится как «лист лилии», что связывается, в первую очередь, с изящной формой клинка. П. Деккер отмечает, что такие мечи обладают высоким качеством стали и происходят, как правило, из регионов Пенджаба и Лахора [12], а значит, ассоциируются с раджпутской традицией производства и украшения предметов декоративно-прикладного искусства.

Рассматриваемый образец также изготовлен на Северо-Западе Индии, вероятно в Джайпуре. Об этом можно судить по характерному североиндийскому орнаменту кофтгари, украшающему цельнометаллическую рукоять исламского типа. Узор в виде солнечных лучей на навершии «является важной особенностью культуры раджпутов, ведущих своё

легендарное происхождение от солнечного божества» [10]. Его цельнометаллическая рукоять имеет исламское происхождение, декор лезвия при этом представляет собой динамичную фризную композицию, вдохновлённую индийскими мотивами. Все девять богинь Навадурги пребывают в йогической позе или верхом на своих ездовых животных-ваханах; они движутся между колоннами, увенчанными головами слонов, которые развёрнуты друг к другу хоботами. На оборотной части лезвия более статичные и спокойные ипостаси Дурги восседают на коврах, колонны же, разделяющие их, завершаются трехфигурными композициями из существ с молитвенно сложенными руками — подобиями антропоморфных капителей. На обеих сторонах клинка, ближе к его основанию, письмом деваганари высечены имена каждой из Навадурги.

Данный меч вполне может быть сопоставлен с южноиндийским катаром, на которым изображены десять аватар Вишну. Как и в его случае, антропоморфные фигуры на рассматриваемом сосун пата высечены до мельчайших деталей — так, что при внимательном рассмотрении видна имитация материалов одежды и украшений Навадурги, а также эмоции, выражаемые в их бровях, выражении глаз и губ. Такой подход мастера к работе с рельефом и в первом, и во втором примере свидетельствует о соблюдении всех правил иконографии, а, следовательно, и о глубоком почитании божеств, изображаемых на предметах оружия.

Подводя итог, можно сказать, что как музеи, так и антикварные собрания восточного оружия содержат примеры предметов, декор которых демонстрирует сложную символику, уходящую корнями в самые первые тысячелетия существования индийской религии и культуры. Понимание проявлений мужской и женской энергии в Индии, как можно было убедиться, плотно связано с проявлениями воинской доблести. И бог Вишну, и богиня Дурга, как изображения, включенные в декор предметов индийского оружия, персонифицируют высшие добродетели, к которым следует стремиться воину, выступают защитниками и устроителями мироздания вокруг него.

Список источников и литературы

1. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Искусство Востока. Индия: Учеб. пособие. Красноярск, 2005. 402 с.
2. Карлова Е. М. Оружие Индии в собрании Музея Востока / Смертельная красота. Оружие Индии и Китая. Каталог выставки. М., 2015. 366 с.
3. Курочкин А. Ю. Опыт герменевтического подхода к решению гносеологической проблемы интерпретации предметов исторического оружия Индии как вещей-символов традиционной культуры // Историческое оружиеведение, № 8, 2020. С. 93–134.
4. Махабхарата / пер. С. Липкина. М., 1974. 605 с.

5. Носов К. С. Традиционное оружие Индии. М., 2011. 220 с.
6. Ригведа: Мандалы I-IV:[Перевод / АН СССР]; Изд. подготовила Т. Я. Елизаренкова. М., 1989. 767 с.
7. Салтыков А. Д. Письма об Индии. М., 1985. 176 с.
8. Эгертон Э. Индийское и восточное оружие. От державы Маурьев до империи Великих Моголов. М., 2007. 292 с.
9. La Rocca D. The Gods of War: Sacred Imagery and the Decoration of Arms and Armor. New York, 1996. 47 p.
10. Andeweg P. Sosun Pattah with 'Nav Durga' blade. [Электронный ресурс]: Antiques by the sea, 2022. URL: <https://antiquesbythesea.com/product/a-sosun-pattah-with-nav-durga-blade/> (дата обращения: 25.10.2022)
11. Dagger (Katar). [Электронный ресурс]: The Metropolitan Museum of Art. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/24305> (дата обращения: 26.10.2022).
12. Dekker P. Sosun pattah. [Электронный ресурс]: Mandarin Mansion Antiques, 2019. URL: <https://www.mandarinmansion.com/glossary/sosun-pattah> (дата обращения: 25.10.2022)
13. Dekker P. Ten avatars of Vishnu. Katar. [Электронный ресурс]: Mandarin Mansion Antiques, 2018. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/ten-avatars-vishnu-katar> (дата обращения: 23.10.2022)
14. Sword Handle with Scenes of the Goddess Durga Slaying the Buffalo Demon Mahishasura. [Электронный ресурс]: The Metropolitan Museum of Art. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/39361> (дата обращения: 26.10.2022).

Для цитирования: Хмельницкая А. Б. Мужские и женские божества в антикварном индийском оружии XVIII–XIX вв. // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 476 – 481.

Переосмысление и развитие японской гравюры в первой трети XX в.

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития японской гравюры в связи с активными европейскими заимствованиями, характерными для периодов Тайсё (1912–1926) и раннего Сёва (1926–1989). Автором предпринимается попытка проанализировать основные тенденции главных направлений искусства гравюры указанного периода: син-ханга и сосаку-ханга, благодаря которым трансформировалось восприятие японской ксилографии.

Ключевые слова: Япония, гравюра, син-ханга, сосаку-ханга

Title: Rethinking and development of Japanese woodblock prints (the first third of the XX-th century)

Abstract. The article considers the process of development of Japanese prints, as a response to intensive borrowing European cultural experience. This applies to Taisho (1912–1926) and early Showa (1926–1989) periods. The author attempts to analyze the main trends of the basic print directions: shin-hanga and sosaku-hanga that have transformed the perception of woodblock engraving.

Key words: Japan, prints, shin-hanga, sosaku-hanga

После реставрации Мэйдзи Япония открылась внешнему миру и, следуя примеру европейских стран, стремилась к активному росту промышленного производства и внедрению в экономическую систему элементов капитализма. Тенденция к заимствованию западного опыта не могла не затронуть и сферу искусства. Так, в первой трети XX в. искусство Японии представляет собой слияние европейского художественного наследия и национально-традиционных жанровых и стилевых особенностей страны. Одним из видов искусств, наглядно демонстрирующих этот синтез, стала современная гравюра. Однако для понимания её специфики важно обратиться к традиционной японской гравюре, а также выявить аспекты восприятия.

Перевозчикова, Анна Михайловна — Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия; istar99.am@gmail.com

Научный руководитель: *Лекус, Елена Юрьевна* — к-т культурологии, доц., Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия

Perevozchikova, Anna Mikhailovna — Stieglitz Academy, Saint-Petersburg, Russia; istar99.am@gmail.com

Scientific adviser: *Lekus, Elena Yurievna* — PhD in Cultural, Associate Professor, Stieglitz Academy, Saint-Petersburg, Russia

Укиё-э — японская гравюра, выполненная в технике ксилографии. В процессе её создания участвует четыре человека: художник, гравёр, печатник и издатель. Каждый из них, в соответствии со своими навыками, выполняет определённый этап. Несмотря на популярность укиё-э в Европе, в Японии значимость ксилографии как вида искусства не признавалась. Печать на дешёвой бумаге, доступность, фиксация бытовых тем (гейши, кабуки, пейзажи), иллюстрирование прессы и массовой литературы, использование укиё-э в коммерческих целях — факторы, определявшие гравюру как ремесло. Ближе к концу XIX в. укиё-э постепенно теряет актуальность. Одной из причин стало появление фотографии и, как следствие, вытеснение гравюры из типографии. Даже в начале XX в. статус гравюры подвергался сомнению, «художественная ценность современной гравюры не признавалась вплоть до 1945 г.» [1, с. 10]

В период Тайсё (1912–1926), в связи с активным заимствованием западного опыта в ущерб собственной культуре, поднимается вопрос о национальной идентичности. Возрождается интерес к традиционным техникам в искусстве, в том числе, ко ксилографии. Однако гравюра больше не может существовать в рамках укиё-э, так как не отвечает требованиям современного зрителя. В связи с падением актуальности жанровых изображений, тенденции к индивидуализму на фоне индустриализации, замене функции укиё-э фотографией, гравюра видоизменяется под современные реалии Японии начала XX в. Развитие гравюры происходит в двух направлениях: син-ханга и сосаку-ханга. Син-ханга ориентируется на традиции укиё-э, а сосаку-ханга — преимущественно на модернистские тенденции Европы. Основная разница между ними заключалась в технике работы над гравюрой, разностью стилистических приёмов и жанровыми темами. Однако несмотря на различия и специфику сосаку-ханга и син-ханга многие художники работали в обоих направлениях (например, Окуяма Гихачиро, Йосида Тоси).

Син-ханга — движение, близкое технике и художественным особенностям укиё-э. Идея и мотивы изображения в гравюрах этого направления трансформируются не столь радикально. Несмотря на то что художники заимствуют европейские средства выразительности (например, использование приема светового контраста), син-ханга существует в рамках традиционных для Японии художественных методов. Ключевой особенностью син-ханга становится сохранение коллективной работы над гравюрой, что характерно для укиё-э. Также гравюры син-ханга укладываются в традиционную для укиё-э жанровую систему. Например, они фиксируют такие жанровые сцены как бидзин-га (изображение красавиц), якуся-э (изображение актёров кабуки), фукэй-га (пейзаж) и пр. И всё же, несмо-

тря на множественные сходства, гравюра син-ханга значительно меньше сковывала художников рамками канонов. Например, пейзажные работы Йосида Хироси «не ограничиваются изображением Японии: на некоторых из его гравюр запечатлены западные страны, Индия, Китай» [2, с. 96]. Ярче всего особенности син-ханга демонстрируют гравюры Каваса Хасуя, Цутия Коицу и Йосида Хироси.

В работах Кавасэ Хасуя, ставшего наиболее известным художником син-ханга в западном мире, прослеживаются тенденции художественного творчества современной Японии: «соединение европейского реализма и декоративизма японского традиционного искусства характерно для периода Тайсё» [5, с. 156]. Влияние европейского искусства проявляется в проработке светотеневой моделировки, использовании воздушной перспективы, использовании нетипичных для Японии цветовых сочетаний, а также более скрупулёзной проработке деталей. Чёрный видимый контур, характерный для укиё-э, сменяется тонкой линией, для которой мог быть использован любой цвет. В качестве примера гравюры, где отчётливо прослеживается импрессионистическое влияние Винсента Ван Гога, можно привести работу Ода Кадзумы «Рыбалка в Накауми» 1925 г. Художник заимствует контрастное сочетание цветов, градиент, манеру изображения свечения. Творчество мастеров син-ханга было направлено преимущественно на экспорт, так как не находило своего покупателя на отечественном рынке и всё также не воспринималось в качестве самостоятельного произведения искусства

Параллельно с син-ханга развивалось модернистское направление гравюры — сосаку-ханга. Главное его отличие от син-ханга в осуществлении процесса работы. Художники сосаку-ханга работали над гравюрами самостоятельно, а не коллективно, «эта идея полностью противоречила традиции укиё-э» [7, с. 4]. Такая перемена в традиционной технологии характеризуется стремлением к индивидуализму. Кроме того, художники сосаку-ханга могли полностью отходить от канонических японских жанров гравюры и имели свободу выбирать абсолютно любой сюжет для изображения. Например, Хирацука Унити вдохновлялся укиё-э и работал преимущественно над изображением пейзажей, а Маэкава Сэнпан изображал стилизованные бытовые сценки из жизни японского народа. На некоторых работах запечатлены беспредметные абстрактные формы, а контур, важный для традиции укиё-э и вовсе отсутствует. Для художников сосаку-ханга было характерно использование персональных особенностей таких как «использование влажной бумаги, нанесение пигмента и полировка при помощи барэна с целью подчеркнуть собственную индивидуальность» [6, с. 16]. Первопроходцем сосаку-ханга считается

Ямамото Канаэ. Его работа «Рыбак» 1906 г. признаётся первой гравюрой, созданной художником без вмешательства других мастеров [2]. Здесь Ямамото применяет изогнутый штихель, смешивая традиционные японские и европейские техники работы с гравюрой. «Рыбак» радикально отличается от гравюры укиё-э. Отсутствует контур, нет заполнения локальными цветовыми пятнами. Использовано всего два цвета: чёрный и белый. Благодаря их взаимодействию художник создаёт плотность материала, объём, светотень. В этой и последующих работах Ямамото плоскостности изображения, он ориентируется на европейскую художественную школу. Художники сосаку-ханга «экспериментировали с европейскими техниками литографии и травления, соединяя их с ксилографией» [2, с. 163]. Главная сложность в работе мастеров сосаку-ханга заключалась в том, чтобы внедриться в западный мир модернизма, при этом не пожертвовав собственной природой. Они осознавали, что их работы становятся слишком европеизированными, исчезает национальная идентичность.

Ярким представителем сосаку-ханга и первопроходцем абстрактного искусства в Японии стал Онти Косиро. Во время учёбы в художественной академии Уэно он работал с масляной живописью, что впоследствии нашло отражение в его гравюрах. На переход Онти к гравюре повлияли произведения Ямамото и его единомышленников, публиковавшихся в журнале «Хосун» [7, с. 188]. Однако ещё большее значение для его творчества имело наследие западных художников: в особенности В. Кандинского и Э. Мунка. Он был очарован не новой художественной формой, чуждой для японского искусства, а содержанием этих работ и новизной их идей. Онти продолжал курс, заданный Канаэ Ямамото, однако его гравюры имеют иной характер. Онти Косиро, будучи выходцем из аристократической семьи, не приветствовал крестьянскую тему и изображения простых сюжетов [7]. Этот факт иллюстрирует стилевую и сюжетную разнородность сосаку-ханга, чуждую для традиционного искусства укиё-э. Онти отрицал выверенную академичность укиё-э. Его гравюры близки к живописи: в них полностью отсутствует контур, форма не выверена и выглядит написанной свободно, если не небрежно. Гравюры Онти Косиро выстроены на взаимодействии формы и цвета (сильно заметно влияние Кандинского). Ярче всего это демонстрируют его абстрактные работы.

Таким образом, в первой трети XX в. искусство японской гравюры характеризуется поиском новых форм выразительности, использованием нового художественного языка. Главной его чертой стала адаптация европейского художественного опыта к особенностям национальной культуры Японии. Так, например, визуальные эффекты и художественные приемы, используемые в западной масляной живописи, получают новое

прочтение и находят применение в ксилографии японских художников. Гравюра перестаёт восприниматься как часть массовой культуры, связанной со стремлением к получению коммерческой прибыли. Признаётся её художественная ценность. Япония, в связи с индустриализацией и активными заимствованиями у западных стран, неспешно отходит от строгих рамок, в условиях которых искусство существовало продолжительный период времени.

Список источников и литературы:

1. *Blakemore F.* Who's Who in Modern Japanese Prints. New York, 1975. 263 p.
2. *Fujikake S.* Japanese Woodblock Prints. Tokyo, 1953. 219 p.
3. *Kawakita M.* Contemporary Japanese Prints. Tokyo, 1967. 187 p.
4. *Michener J.* The Modern Japanese Print: An Appreciation. Tokyo, 1968. 57 p.
5. *Munsterberg H.* The Japanese print: a historical guide. New York, 1982. 220 p.
6. *Petit G., Arboleda A.* Evolving Techniques in Japanese Woodblock Prints. Tokyo, 1977. 175 p.
7. *Statler O.* Modern Japanese Prints: An Art Reborn. Tokyo, 1956. 209 p.

Для цитирования: Перевозчикова А. М. Переосмысление и развитие японской гравюры в первой трети XX в. // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 482 – 486.

Модернизация эфиопской живописи в 60-е гг. XX в.: на примере творчества Гэбрэ Крыстоса Дэста (1932–1981 гг.) и Александра Богоссяна (1937–2003 гг.)

Аннотация. В статье будет рассмотрено влияние творчества эфиопских художников Гэбрэ Крыстоса Дэста и Александра Богоссяна на развитие живописи XX в. в Эфиопии. Оба автора являются основоположниками процесса модернизации эфиопской живописи, который пришёлся на 1960-е гг. Гэбрэ Крыстос Дэста и Александр Богоссян первыми преподнесли эфиопскому зрителю новое искусство, характеризовавшееся изменением взглядов на концепцию живописи и форму художественного выражения.

Ключевые слова: Гэбрэ Крыстос Дэста; Александр Богоссян; современная эфиопская живопись; модернизация эфиопского искусства.

Title: Modernization of Ethiopian art in the 60s of the XX century: on the example of creativity of Gebre Kristos Desta (1932–1981) and Alexander Boghossian (1937–2003)

Abstract. This article examines the influence of creativity of Ethiopian artists Gebre Kristos Desta and Alexander Boghossian on the development of art of the XX century in Ethiopia. Both artists are the founders of the process of modernization of Ethiopian art, which occurred in the 1960s. Gebre Kristos Desta and Alexander Boghossian were the first to present a new art characterized by a change in views on the concept of art and the form of artistic expression to the Ethiopian audience.

Key words: Gebre Kristos Desta; Alexander Boghossian; modern Ethiopian art; modernization of Ethiopian art.

Эфиопию от других стран Африки отличает многовековая художественная традиция, которая, бесспорно, оказала влияние на развитие и состояние современной живописи в стране. Фундаментом светской эфиопской живописи является христианская художественная традиция, примерами которой служат рукописи, сопровождавшиеся иллюстрациями Ветхого Завета и изображениями святых, фресковая живопись и иконопись. Светская живопись впитала в себя традицию предшествующей религиозной формы, но при этом она внесла некоторые изменения, расширив представление об искусстве и добавив в него новые элементы и течения. В XX в. светская

Константинова, Таисия Михайловна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076716@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Семенова, Валерия Николаевна* — к-т ист, научный сотрудник., Отдел этнографии Африки МАЭ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Konstantinova, Taisiya Mikhailovna — St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; st076716@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Semenova, Valeria Nikolaevna* — PhD in History, research associate of the Department of Ethnography of Africa of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

живопись сформировалась и обрела тот вид и те основные направления, которые определяют её развитие и в наше время.

Вплоть до 1950-х гг. основной аудиторией эфиопских художников оставались представители высшего слоя общества, среднему классу не было близко искусство, потому что оно не транслировало идеи, которые могли бы разделить выходцы не из знатных семей. Основная аудитория художников расширилась в 60-х гг.: в неё вошли представители интеллектуальной элиты — образованная часть населения. Поспособствовало этому изменение тематики изображения. Помимо картин на патриотические темы и парадных портретов, которые репрезентовали ключевые исторические события в Эфиопии, стали появляться изображения более сложные, требующие понимания контекста и выражающие личные переживания автора. До 1950-х определяющее влияние на тематику и стилистику работ художников оказывали государство и церковь [2, s. 66]. Лишь в 60-х творчество художников перестало всецело подчиняться вкусу заказчиков, что и послужило основой трансформации эфиопской живописной традиции.

Из художников этого периода особо выделяются Гэбрэ Крыстос Дэста и Александр Богоссян, более известный под псевдонимом Скандер. Они оба были преподавателями в Школе Изящных Искусств, открытой в 1957 г., и в значительной степени оказали влияние на формирование стиля своих учеников.

Художник-модернист Гэбрэ Крыстос Дэста (1932–1981 гг.) являлся ключевой фигурой художественного возрождения в Эфиопии. Как сын священнослужителя эфиопской церкви Гэбрэ Крыстос понимал уникальность и ценность иконописной традиции Эфиопии. Гэбрэ Крыстос получил образование в Кёльне. Находясь в Германии, он познакомился с искусством авангарда, которое вдохновило его на поиск собственного пути творческого выражения [1, p. 10]. Вернувшись в Эфиопию, художник представил свои работы на выставке в Аддис-Абебе в 1963 г. Среди представленных работ были как реалистичные портреты и пейзажи, так и картины, выражающие новые для эфиопского искусства формы.

Художник отделял своё творчество от традиционной эфиопской формы самовыражения, в основе которой лежит веками господствовавшая в Эфиопии религиозная живопись. При этом Гэбрэ Крыстос использовал иконографические символы традиционного эфиопского искусства. Художник черпал вдохновение в смысловой составляющей образов, а не в форме их передачи. Выбор абстрактной формы изображения был осознанным: художник полагал, что именно она позволяет не просто копировать реальность, а использовать другой язык для передачи того, что находится за пределами видимого [1, p. 10].

Такое радикальное изменение сложившейся живописной традиции не было воспринято аудиторией положительно. Эфиопская публика ещё не была готова к восприятию абстрактного искусства. Самая известная картина художника «Распятие», имевшая огромный успех за рубежом, посвящена традиционной для Эфиопии религиозной теме [2, s. 68]. Тем не менее форма изображения, выбранная Гэбрэ Крыстосом, далека от эфиопской традиции. Вместо того чтобы выразить религиозную идею более конкретно, иконообразно, художник передает её абстрактно [9]. Этот эффект достигается благодаря экспрессионистской работе кистью и использованию черно-красной цветовой гаммы для передачи религиозной идеи о жертвенном агнце и искупительной крови Иисуса Христа [5, p. 275]. При изображении Спасителя используется ярко-красный цвет, что разрушает привычный сакральный образ. Таким образом автор исследует восприятие божественного. Для работы характерно отсутствие объёма и перспективы.

Гэбрэ Крыстос использует определенный набор элементов — круги и линии, тёмный контур которых поддерживается яркими цветами. Круги являются символом природных универсалий: земли, солнца [1, p. 12]. Линии, которые он использует при создании изображения, создают ощущение движения [7, p. 136]. В работах художника часто можно заметить небесные тела, они дополняют разнообразные композиции из окружностей. Гэбрэ Крыстоса привлекали различные текстуры. В своих картинах, помимо красок, он использовал верёвки, песок, банки и другие предметы. Отчасти в этом прослеживается влияние немецкого авангардизма [7, p. 137]. Многочисленные художественные приёмы автор использует для того, чтобы достичь основной цели — вызвать у зрителя эмоции.

Отдельное место в творчестве этого эфиопского художника занимает тема смерти. Чаще всего для передачи идеи смерти Гэбрэ Крыстос использует изображение скелета. На выставке 1967 г. были представлены так называемые “Skeleton series”. Одной из главных работ этой серии является картина «Чистильщики обуви» [8]. На ней изображены обезличенные фигуры людей, редуцированных до своей скелетной основы. Автор подчёркивает, что после смерти социальные различия не будут иметь значения. Абстрактно изображённые скелеты, выполненные светлыми красками с вкраплениями красного, выделяются на тёмном фоне. На дальнем плане можно увидеть изображение глаза и характерных для творчества художника окружностей. На своих картинах Гэбрэ Крыстос изображает жизнь бедняков, не идеализируя действительность. Вероятно, эти работы могут отражать растущее недовольство режимом того времени, и попыткой системы оправдать наличие социального деления. Подобное настроение актуально среди интеллектуальной элиты 60-х.

Гэбрэ Крыстос Дэста постоянно находился в поиске нового и стремился мыслить критически. Он внёс существенный вклад в развитие современной эфиопской культуры. Творчество художника, подвергнувшееся критике со стороны современников, достигло своей цели. Эфиопы впервые увидели, каким разнообразным может быть художественное выражение.

Определяющей фигурой этого времени для эфиопской живописи стал Александр Богоссян, известный в художественной среде под псевдонимом Скандер. Он отличался от других художников наличием собственной философской идеи, которую транслировал через свои работы. Обучаясь в Лондоне, он познакомился с творчеством художников из Западной Африки. Идея всеобъемлющей силы, присутствующей во многих африканских верованиях, захватила Александра. Общаясь с художниками из Африки, Латинской Америки и афроамериканцами, он приобщился к философии негритюда, в основе которой лежит уникальность негроидной расы. Вдохновленный этими идеями, художник начинает создавать африканские маски и пластику. Многие африканские художники, которые, как и Скандер, приезжали в Европу для обучения, знакомились с африканским искусством посредством европейского «перевода». Европейский взгляд на африканские традиции был несколько поверхностным, сосредоточенным лишь на внешней стороне предмета. Сам же Скандер интересовался не формальными проявлениями африканского искусства, а его глубинными составляющими, такими как различные религиозные верования и идеи, лежащие в их основе. Александр Богоссян стремился исследовать иррациональную сторону жизни, создавая работы, которые были отнесены искусствоведами к сюрреализму [3, р. 227].

Ранее упомянутое творчество африканских художников и идеи негритюда вдохновили Скандера на поиск своего собственного пути в живописи. Вернувшись в Эфиопию, художник принимает участие в выставке 1966 г., организованной центром художественного творчества в Аддис-Абебе. Эта выставка оказала сильнейшее влияние на творчество молодых художников и открыла принципиально новые грани эфиопского искусства.

После обретения Александром Богоссяном популярности его творчество стало копироваться другими художниками: картины перерисовывались с точностью до детали. Тем не менее картинам Скандера невозможно подражать, потому что копии не вызывают тех эмоций, которые вызывает оригинал. Даже ученики Скандера не могли в точности копировать работы учителя [4, р. 128]. Его холсты изобилуют скрытыми символами. Частым элементом его картин являются глаза, которые светятся сквозь покрытие холста. Изображение глаза в эфиопской традиции имеет особое

значение: начиная со средних веков, местные художники при помощи глаз демонстрировали характер изображённого. Подобные символы помогают Скандеру точно передать необходимое состояние. Александр Богоссян уделял особое внимание магическим представлениям, бытующим внутри эфиопского христианства, в частности магическим свиткам с их загадочными формулами и уникальными линиями, а также рукописям, тексты которых сопровождалась миниатюрами.

Для создания более яркого эффекта Скандер работал в различных техниках. Художник использовал выпуклые объёмы: к работе масляными красками добавлял шкуры животных и кору деревьев, рисовал при помощи акрила, гуаши, ручки и чернил. Он разработал особую технику. Разливая воду по поверхности холста, художник разбрызгивал краски, тем самым создавая эффект «живой» работы. Картина Скандера «Ночной полёт ужаса и восторга» 1964 г. кажется подвижной, наполненной космической энергией, исходящей от галактик, звёзд и планет [6]. Брызги красок словно пульсируют и переливаются, как драгоценные камни. Композиционно работа делится на две части: небо и землю. Барьер между мирами разрушают два крылатых существа. Существо, напоминающее кота, изображает ужас; сова символизирует восторг. Работа отсылает к идее о двойственности вещей.

Выставка Скандера в галерее Бельведер в 1968 г. включала в себя серию картин, написанных на страницах старой рукописи. В этих работах фрагменты письма проглядывают через слой краски [5, р. 130]. Традиционно считалось, что магические свитки в Эфиопии содержат силу, способную противодействовать губительному влиянию злых существ. Картины художника, холстами для которых служат свитки, сияют красками и пестрят сложными узорами, которые усиливают таинственный, магический эффект.

В 1969 г. Скандер был вынужден уехать из Эфиопии. За время преподавания в Аддис-Абебе (1966–1969 гг.) вокруг Александра Богоссяна сформировалась группа учеников, многие из которых последовали за учителем в Вашингтон. Преподавательская деятельность принесла свои плоды. Так, например, молодые эфиопские художники разработали дизайн марок для Организации Объединённых Наций (1985) на тему «Кризис в Африке» [4, р. 131] Несмотря на то, что идеи художников отличаются некоторой оригинальностью, в них, тем не менее, четко прослеживается влияние Скандера.

Творчество Александра Богоссяна стало прорывом в эфиопской живописи XX в. и поделило её на «до» и «после». В дальнейшем многочис-

ленные ученики художника будут продолжать заложенные им традиции. При этом многие из них впитывают идеи Скандера настолько, что не смогут отделить их от собственных.

Таким образом, период 60-х гг. стал решающим в развитии современной живописи в Эфиопии. Модернизация эфиопской живописи стала возможна благодаря деятельности Гэбрэ Крыстоса Дэста и Александра Богоссяна. Художники создавали работы, отталкиваясь от собственных представлений о назначении искусства, использовали новые для эфиопского искусства техники. Эфиопская живопись этого периода демонстрирует баланс между эфиопской иконографической традицией и художественными тенденциями XX в.

Список источников и литературы

1. Achameleh Debela Honoring the Painter Poet Gebre Kristos Desta, Washington, 2002. 36 p.
2. *Biasio E.* Die Verborgene Wirklichkeit. Zurich, 1989. 214 s.
3. *Giorgis E. W.* Modernist Art in Ethiopia. Athens, 2019. URL: <https://ru.scribd.com/read/397216430/Modernist-Art-in-Ethiopia#-> (дата обращения 01.04.2020).
4. *Kindred W.* Skunder and Modern Ethiopian Art // Aspects of Ethiopian Art from Ancient Axum to the 20th Century. London, 1993. P. 126–133.
5. *Martin Nagy R., Debela A.* Adbar and Angel: Evocations of Spiritual Forces in Contemporary Ethiopian Art // Proceedings of the Sixth International Conference on the History of Ethiopian Art, Institute of Ethiopian Studies Addis Ababa University. Addis Ababa, 2003. P. 264–278.
6. Night Flight of Dread and Delight // North Carolina Museum of Art. URL: <https://learn.ncartmuseum.org/artwork/night-flight-of-dread-and-delight/> (дата обращения 16.06.2023).
7. *Wolde S.* Debre Kristos Desta: Painter and Poet // Aspects of Ethiopian Art from Ancient Axum to the 20th Century. London, 1993. P. 134–140.
8. Werifa gebire kirisitosi desita be'ädäsi äbebalikahēdi newi // Rīporiteri URL: <https://www.ethiopianreporter.com/112717/> (дата обращения 16.06.2023).
9. Yegebire kirisitosi "gologota" // Rīporiteri URL: <https://www.ethiopianreporter.com/68740/> (дата обращения 16.06.2023).

Для цитирования: Константинова Т. М. Модернизация эфиопской живописи в 60-е гг. XX в.: на примере творчества Гэбрэ Крыстоса Дэста (1932–1981 гг.) и Александра Богоссяна (1937–2003 гг.) // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 487 – 492.

СЕКЦИЯ. ПРИКЛАДНЫЕ ФОРМЫ ТВОРЧЕСТВА В XX СТОЛЕТИИ

Радушинский Георгий Дмитриевич

Интерпретация концепции света и проблемы техники в автомобильном дизайне стримлайна

Аннотация. В статье рассмотрены концепция света и проблема связи техники и человека через призму модернизма на примерах скульптуры Франции первой трети XX века и автомобильного дизайна французских марок 1930-х: Delahaye, Talbot-Lago и Peugeot. Природа этой связи с идеями модернизма показана в сфере пластики, к которой относятся кузова избранных марок. Статья написана на основании анализа выбранного ряда памятников и произведений с привлечением архивных журнальных статей, трудов крупнейших специалистов изучения модернизма первой трети XX века.

Ключевые слова: стримлайн, ар-деко, автомобильный дизайн, концепция света.

Title: Interpretation of light conception and technic problem in automotive streamline design

Abstract. In this article the conception of light and aspect of human-machine connection are analyzed via modernism prism with base on examples of French sculpture and French automotive design of the decades before WWII. The nature of this connection with modernist concepts is revealed in sculptural aspect, as automotive design of selected brands merges with contemporary sculpture. This article is based on the analysis of selected art pieces' row and involvement of archival journal articles, books of renown specialists in the studying of the first third of the XX century modernism.

Key words: streamline, art-deco, automotive design, light conception.

В 1930-е в западной Европе появляется стиль стримлайн — направление, которое элегантно воспевало эстетику техники. Она выступала реперной точкой стримлайна. Техника впечатляла и расширением людских возможностей. Самая высокая скорость, которую тогда можно было

Радушинский, Георгий Дмитриевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, st079581@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Рыков, Анатолий Владимирович* — д-р. филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, Россия *Radushinskij, Georgij Dmitrievich* — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, st079581@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Rykov, Anatolij Vladimirovich* — Dr. Sc. in Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

представить — скорость света, измерения которой начались ещё в Эпоху Просвещения [1, с. 54]. Это идеальная, недостижимая для человека скорость, однако техника подаёт надежду на преодоление ограничений человеческого тела. Сверхчеловек — важный образ модернистской эстетики, и в его отношении с техникой с ним связаны мотивы света и скорости.

Автомобильный дизайн 1930-х стал уникальной сферой для развития художественных концепций. Нахождение на стыке искусства и промышленности дало возможность для яркого раскрытия проблемы взаимодействия человека и техники. В связи, с одной стороны, с уникальностью явления, с другой — нехваткой её освещения в литературе, формируется актуальность исследования. Ниже рассмотрен язык художественной выразительности скульптурного контекста стримлайн-дизайна автомобилей 1930-х в призме модернистской интерпретации концепций света и техники.

Мотив света в 1930-е весьма широко распространён в западноевропейском искусстве, его можно увидеть в архитектуре (потолок интерьера театра Сида Граумана), печатной графике [13], малой пластике, даже на обуви (Anthony d'Offay) и в оформлении интерьера автомобиля (Delahaye type 165, 1939). В солярных изображениях примечателен интерес именно к солнечным лучам — они символизируют свет и получают наиболее разнообразную трактовку, а характер их изображения задаёт выразительность образу света.

Примечательно суждение Бивиса Хиллера, о том, что появление и распространение солярного мотива, и вместе с ним же возросший интерес к линии, зигзагу, волнообразности — в развивающихся волосах или решетке радиатора [2, 11] — знаменует смену декаданса послевоенного периода своеобразным классицизмом 1930-х: «в общих чертах прямолинейные формы берут верх над сладострастными изгибами, что казалось более уместным; в то же время роль контура, силуэта становится виднее объёма» [7, p. 99].

Говоря о связи автомобиля и мотива света, наиболее показательным будет начать с описания из журнальной заметки о Парижском автосалоне 1937 г., проведенного в Гран Паласе [8, p. 15–16], в том же месте, где регулярно проходили салоны более традиционных форм искусства: «И без того светлый и просторный за счёт стеклянной крыши Гран Палас, с наступлением темноты становился обителью красоты, когда пространство преображалось со включением неоновых труб розовых, зелёных и бледно-голубых цветов, которые подавали мириады отражений от искрящихся поверхностей автомобилей под их сенью» [8, p. 15–16].

Это внимание характеру света навевает воспоминание описаний аббата Сугерия [4], жившего в столь далёкие времена не так далеко от Парижа.

Автомобили под сенью неона состоят в пластическом диалоге с современной им скульптурой.

Вектор направления техники некоторых скульпторов-модернистов первой трети XX века продиктовал пластические образы с выдающимися и очень узнаваемыми чертами: ясные грани, резкие углы, резкие переходы или ровные, гладкие поверхности как основные формообразующие элементы. Манера напоминает образы куросов и кор периода греческой архаики, или древнеегипетские образцы. Такая связь вполне резонна, ведь штудирование древних культур и обращение к их образам, в том числе из указанных периодов, имело место среди скульпторов новой волны [6, р. 18]. Этот интерес демонстрирует и «египтомания» начала века, распространение солярного мотива, интерес к свету как художественному образу и средству выразительности. С этим же связана ведущая роль линии в рассматриваемых образах. Линейная трактовка роднит примеры малой пластики и автомобильного дизайна, как и активная роль света в их презентации. Однако, в автомобильном дизайне блестящая поверхность напоминает о подвижной природе объекта даже в статичном положении и отличным от привычной скульптуры способом раскрывается в движении — когда блеск металла подчеркивает динамичные линии корпуса, что закономерно усиливает его визуальную динамику и выводит в план новой скульптуры, которая не только вдохновлена движением, но и задумана под динамическое восприятие. Исследование в области аэродинамики привели к разработке обтекаемых форм, которые, в теории, должны были повысить показатели автомобиля, однако на практике кузовные мастера не опирались при создании работ на испытания в аэродинамических трубах, а эстетизировали саму скорость как модель. Это очевидно из сравнения аэродинамических прототипов и гоночных авто с городскими автомобилями 1930-х.

Проекты 1930-х французских марок Delahaye, Delage, Talbot-Lago, Voisin, Peugeot выполнены из полированного металла разных цветов с молдингом и фурнитурой из хрома [12]. Блестящие элементы подчеркивают выразительные изгибы объёмов и силуэта авто, дополняют его гладкую поверхность для завершенности образа, и одновременно служат утилитарным целям, как и автомобиль. Свет играет заметную роль в трактовке кузовной скульптурности, в связи с чем перспективно рассмотреть контекст мотива света в малой пластике Франции, выявить ключевые образы.

В культурной мифологии семантика света весьма обширна, в рамках статьи она ограничена значениями экстаза, познания и тяги к идеалу. Принимая во внимание пару «свет» и «техника» в связи с человеком, мотивом движения, а также учитывая активное обращение ар-деко к древним культурам, уместнее всего вспомнить миф об Икаре как образе связи проблемы техники и человека.

Прежде, чем перейти непосредственно к теме Икара, стоит обозначить, что образы героев мифов регулярно появлялись как в широком, так и в более эксклюзивном круге автомобилистов 1930-х. О первом ярко свидетельствует рекламная обложка рекламы бензина бренда “National Benzole Mixture” с маскотом Меркурием, которая регулярно появлялась в британском автомобильном журнале “Motorsport” в 1930-е ещё с 1920-х [9, p. 50]. Этот образец являет уверенное использование античного образа в маркетинге, и подводит к вопросу ассоциации мифического образа с эстетикой скорости в автомобильной сфере. Так, Меркурий связан с успешной торговлей и темой скорости — её транслируют крылья на шлеме, а также сам товар, бензин, источник движения. В эксклюзивной же сфере весьма примечательна крылатая фигура авторства Ч. Р. Сайкса на капот Rolls-Royce, которая ещё до 1930-х была названа «Дух Скорости», и буквально цитирует «Нику», но переводит её в новый план, своеобразно развивая сравнение Маринетти.

Говоря о месте образа Икара в художественном плане, стоит определить его семиотику в искусстве модернизма. Одной из наиболее популярных концепций была философская модель Ницше, согласно которой, максимальной жизненной цели человека является приближение своей сущности к сверхчеловеческой. Тема роста и улучшения весьма живо ощущалась в общественной мысли первой трети XX века. Выбранный для примера образ Икара ярко воплощает тягу к достижениям. Миф Икара соединяет в себе очарование светом и использование человеком техники. Однако, есть и другие образы, обращающиеся к этой концепции.

Пьер лё Фаге часто изображает персонажей с разными инструментами — лук, копьё, щит, рычаг — это всё мотив человека аугментированного, модифицирующего себя; совершенно не случайно смотрится в ряду его скульптур на эту тему и «Икар» [1, 10] — персонаж, прямо символизирующий тягу к аугментации (в работе слово «аугментация» использовано в значении «усиление, приращение, увеличение потенциала»), самосовершенствованию путём техники. Важно отметить в мифе Икара значительную роль сочетания образа света с динамическим свойством полёта. К этому обращались разные скульпторы малой пластики, например Александр Улин в «Икаре» 1930 г. [6, p. 184]. Тематика скульптуры этого

автора схожа с репертуаром П. Фаре, как и у ещё одного скульптора — Ф. Фохта. Авторы, обращаясь к теме Икара, хватают в западной Европе и США для утверждения о популярности темы среди скульпторов.

Связанные со светом и техникой, в 1930-е приходят новые явления в малой пластике — современные персонификации, например, скульптура “L’Aviation” авторства Фредерика Фохта — воплощает целенаправленное движение, использует свет в блеске материала и в самом образе. Блеск поверхности и тема света навеяны непосредственно эстетикой воздушного пространства и летательного аппарата — зачастую они в то время были из блестящего алюминия. “L’Aviation” можно интерпретировать как воплощение триумфа человека и техники. Символ звезды на пике стилизованного потока света отсылает к комете — быстро пролетающей звезде (символу скорости), а также яркий световой след. Она подобна Икару и в том, что, побывав в плане за гранью неба, обожжённая летит в земную твердь. В искусстве ар-деко разрабатывалась красота этого полёта.

В первой трети XX века «комета» — новый, популярный и чрезвычайно характерный французскому ар-деко образ, получивший эффектные воплощения в малой пластике. Вполне естественно, что он прижился в автомобильной среде (в названии автогонок [5, p. 68], моделей) как образ, олицетворяющий скорость и поток света (буквально — “streamline”). Как упоминалось ранее, малая пластика тесно переплетена с миром автомобилей высокого класса через фигурки на капоте.

Рассматривая образ Икара, уместно рассуждать соединении мотивов света и техники, с человеком в ключевом модернистском образе — скорости. С семиотикой мифа Икра связаны также распространённые в первой трети XX в. образы Ники, Кометы [5, p. 68]) и популярность линий как символа движения и света. Можно наблюдать разложение мифа на составляющие: использование в культуре крыльев как символа движения, света как символа направления, которые объединяет концепция скорости, получившая уже свою персонификацию. Скорость — тема ключевая и богатая на трактовку; она объединяет в рамках одного периода влияние авангардных направлений начала XX века с эстетикой древнейших культур разных континентов.

Стримлайн-дизайн 1930-х отражает два ключевых момента в формообразовании периода: Первый — соединить человека и технику в изящном автомобиле, то есть сделать так, чтобы он не пугал и не пытался маскироваться под предметы из прошлого, а обрел свой выразительный художественный язык. Второй — использование новых и современных материалов, техник производства и обработки, которые придают блеск чистой поверхности, что выступает важным элементом образа.

Форма кузова зачастую имеет плавные обтекаемые очертания или украшена лаконичными, изогнутыми в энергичном напряге линиями, которые вдохновлены бегом света по поверхности полированного металла и выступают характерной чертой французских авто. Свет же не только привлекает блеском, но и позволяет прочувствовать форму предмета, потому декоративные линии зачастую вторят силуэту. Предметов с такими характеристиками становится в первой трети XX века гораздо больше, чем раньше, от предметной до архитектурной среды — везде появляется блестящая изогнутая линия, стримлайн. В это же время появляется и развивается неоновое освещение уличных вывесок и выставок. Мотивом света пронизаны и связаны рассматриваемые в статье примеры пластики периода ар-модерна или стримлайна. О комплексном осмыслении динамики света свидетельствуют появление персонификации скорости и волна популярности среди скульпторов темы Икара — героя, чья история соединяет в себе очарование светом и использование человеком техники.

Список источников и литературы

1. *Пьер ле Фаге*. Икар. 1925 г. Бронза, чёрный мрамор. 49,5 см. Частное собрание. URL: https://www.kollerauktionen.ch/en/325549-0016-----5039-PIERRE-LE-FAGUAYS-_1892-1962_-5039_144107.html (дата обращения: 20.06.2022).
2. *Пьер ле Фаге*. Фавн и Нимфа. 1924. Посеребрённая бронза. 20.75x27.75 см. URL: <https://martellgallery.com/artists/50-pierre-le-faguays/works/384-pierre-le-faguays-nymph-faun-1928/> (дата обращения: 20.06.2022).
3. *Стюарт И.* Математика космоса. Как современная наука расшифровывает. М., 2018. 541 с.
4. Сугерий, аббат Сен-Дени. Жизнь Людовика VI Толстого, короля Франции (1108–1137) / пер. с лат., вступ. ст. и коммент. *Т. Ю. Стукаловой*. М., 2006. 352 с.
5. *Down B.* Art Deco and British Car Design: The Airline Cars of the 1930s. Veloce, 2012. 144 p.
6. *Duncan A.* Art Deco Sculpture. London, 2016. 408 p.
7. *Hillier B.* Art Deco of the 20s and 30s. 99 p.
8. In Gay Paris. Many Sports Cars at the salon. First Details of the Grand Prix Delahay // Motor Sport magazine. November, 1937. Vol. XIII. №12. P.15–16.
9. Motor Sport magazine. April, 1939. Vol. XV. № 4. P. 150.
10. The official website of the Koller Auktionen AG. Icarus on a black marble base by Pierre Le Faguays: [электронный ресурс]. URL: https://www.kollerauktionen.ch/en/325549-0016-----5039-PIERRE-LE-FAGUAYS-_1892-1962_-5039_144107.html. (дата обращения: 20.06.2022).
11. *Graham-Paige* «Shark-Nose» Model 97. 1938. Petersen Automotive Museum. URL: <https://www.hemmings.com/stories/article/streamlined-dream-1939-graham-sharknose> (дата обращения: 20.06.2022).

12. Talbot-Lago T-150C-SS Teardrop. 1938. коллекция Дж. В. Мэрриота мл. URL: <https://newatlas.com/talbot-lago-t150-goutte-teardrop-rm-sothebys-villa-erba/49677/> (дата обращения: 20.06.2022).
13. *Ward L.* Gods' Man: A Graphic Novel in Woodcuts. Dover Publications, 2004. 160 p.

Для цитирования: Радушинский Г. Д. Интерпретация концепции света и проблемы техники в автомобильном дизайне стримлайна // Ноябрьские чтения – 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2023. С. 493 – 499.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Обращение к читателям</i>	3
СЕКЦИЯ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ	5
<i>Владими́рова Н.А.</i> Рабочий год податного инспектора (по материалам отчетов податных инспекторов северо-западных губерний 1895-1899 гг.)	5
<i>Михайлова А.Е.</i> Женское предпринимательство в Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв.	10
<i>Халимочкин В. С.</i> Проблемы продовольственного обеспечения перестроечного Ленинграда в докризисный период (1985–1988 гг.)	17
СЕКЦИЯ. ЭТНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	24
<i>Курдюков Д. К.</i> Воинская традиция как культурообразующий элемент средневекового раджпутского общества	24
<i>Жиленкова А. П.</i> Андалузский диалект и лингвистическая идентичность жителей Андалусии	30
<i>Бахтов С. А.</i> DIY-похороны как стратегия преодоления комплексных трудностей на примере современных стран Запада и раннего Советского союза	36
<i>Патрик А.В.</i> Провал политики мультикультурализма и хиджра британок на примере дела Шамимы Бегум	41
СЕКЦИЯ. ИСТОРИЯ ИДЕЙ, ПОНЯТИЙ И ОБРАЗОВ В НОВОЕ ВРЕМЯ	47
<i>Сковородникова Е. Д.</i> Образ Генриха Наваррского в сочинениях Антуана дю Вердые	47
<i>Салахова А. И.</i> Кардинал Ришелье в «Мемуарах» кардинала де Реца (1613 – 1679)	51
<i>Емельянов В. С.</i> Идея объединения славян в трудах Юрия Крижанича	57
<i>Воротнев Г. П.</i> Феномен графа д’Антрега в контексте шпионажа конца XVIII века	63
<i>Величко Е. О.</i> Дискуссия о «лучшей форме правления» в британской и американской прессе как индикатор англо-американских отношений во время визита принца Уэльского в США в 1860 г.	69
<i>Мартин М. М.</i> Роль терминов «Braddon’s Amendment», «Braddon Blot» и «Braddon Clause» в политическом языке австралийских федералистов	75
<i>Воротынцев Г. Д.</i> Эволюция понятий «атеизм» и «безбожие» в дореволюционный период по текстовым источникам	81
<i>Герасименко И. О.</i> Теоретическая деятельность М. А. Петрова в контексте создания Советского Военно-Морского Флота	87
<i>Табачник К. К.</i> Ритуал «красных крестин» в контексте развития теории о советской обрядности в 1920–е гг.	94

СЕКЦИЯ. СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ	101
<i>Высоцкий А. А., Негревский И. А.</i> Дела об оскорблении членов императорской семьи в период Первой русской революции (на примере Новгородской губернии).....	101
<i>Скрипник С. С.</i> Социальные аспекты в реформировании железнодорожного транспорта в Швеции во второй половине 1980-х годов.....	107
СЕКЦИЯ. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ	114
<i>Буеверов А. А.</i> «Флот — слава Романии»: военно-морской флот Византии IX – XII вв. в восприятии жителей Империи.....	114
<i>Кирсанов Д. Ю.</i> Искусство войны гугенотского капитана Франсуа де Ла Ну.....	121
<i>Ежов Т. А.</i> «Artykuły wojenne hetmańskie» 1609 г. и их связь с военной повседневностью в армии Речи Посполитой.....	128
СЕКЦИЯ. ИСТОРИЯ АУДИАЛЬНОЙ И ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В XX ВЕКЕ	135
<i>Самсоненко А. Ю.</i> Актёрский театр начала XX века: категория стиля и «стилевой» актёр в оценке театральной критики.....	135
<i>Бискуп П. Ю.</i> Вызовы международным вещательным проектам Интербеллума.....	142
<i>Сидорова А. А.</i> Фильм «Господин оформитель» (1988) в контексте основных тенденций кинематографа Перестройки	148
СЕКЦИЯ. ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА	153
<i>Румянцев И. С.</i> Каменная архитектура Балахны XVII в.	153
<i>Иванова И. А., Миронова Е. Г.</i> Жилая архитектура Заонежья в XIX в.: на примере дома Сергина	160
<i>Шевелева А. С.</i> Архитектор Н. А. Львов как создатель историкокультурных ландшафтов Тверской области	168
СЕКЦИЯ. ИСТОРИЯ ВЛАСТИ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	175
<i>Шляшкин Ю. С.</i> Саксонский капитулярий 775 – 790 гг. как правовой памятник Раннего Средневековья	175
<i>Комаров С. С.</i> Организация княжеского двора в Древнепольском государстве (по материалам хроники Галла Анонима)	181
СЕКЦИЯ. ИСТОРИЯ ИДЕЙ, ПОНЯТИЙ И ОБРАЗОВ В АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	187
<i>Леонтьев Е. С.</i> Бедность и богатство в работе Татиана «Речь против эллинов».....	187
<i>Лозовой Я. В.</i> Получение власти королями в «Genealogia regum Anglorum» Элреда из Риво и «Historia rerum Anglicarum» Уильяма из Ньюбурга.....	193
<i>Слободенюк К. В.</i> Русь в речи игумена Исидора на Базельском соборе.....	199
СЕКЦИЯ. ИМАГОЛОГИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И РЕЦЕПЦИИ ПРОШЛОГО: ДРЕВНИЙ МИР	205

<i>Сушкова А. В.</i> Почитание богов изначального прошлого в рамках проведения Праздника десятого дня в Древнем Египте	205
<i>Харина Д. А.</i> Пират: романтический герой или разбойник? Образ пиратства в архаический период.....	211
<i>Середович А. Е.</i> Особенности репрезентации женщины в аттической трагедии (на примере похоронного обряда)	216
<i>Тарасов А. Н.</i> Надписи на милевых столбах как элемент гентильно-генеалогических мемориальных практик Римской республики (случай Луция Аквилія Флора).....	222
СЕКЦИЯ. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ	224
<i>Ефимова Е. С.</i> Образ Грааля в средневековой словесности: пути интерпретации.....	224
<i>Маевский Д. Е.</i> Образы французского духовенства XVI века и духовные темы в новеллах Маргариты Наваррской «Гептамерон».....	237
<i>Романова А. С.</i> Образ археолога в художественной литературе на примере романов о Генрихе Шлимане	242
<i>Трофимов Н. М.</i> Эсхатологические мотивы в «Стихах о Европе» 1937 г. А. П. Ладинского через оптику теории культурной травмы.....	248
<i>Аблаева Д. С.</i> «Книга, пожалуй, в самом деле будет напечатана»: роль И. И. Минца в публикации романа В. Г. Яна «Чингиз-хан».....	255
<i>Синепупова И. А.</i> Конструируя советский роман: случай текста Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана»	261
СЕКЦИЯ. ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ОТ ИМПЕРИИ ДО СССР	267
<i>Ким М. Ш.</i> К истории собрания Волковского старообрядческого молитвенного дома (по материалам Отдела рукописей РНБ).....	267
<i>Большаков М. В.</i> Анализ религиозного мировоззрения крестьян Зарайского уезда в первой половине XIX века	274
<i>Копылова М. А.</i> История адресной системы Петербурга, или «петербургская чётность»	279
<i>Касьянов В. В.</i> Советская повседневность конца 1910-х – начала 1920-х гг. в документах Бюро жалоб и заявлений РКИ (на основе Петроградских материалов).....	285
<i>Савина М. С.</i> Отражение изменений начального периода НЭПа в дневниках и воспоминаниях советских граждан.....	292
СЕКЦИЯ. ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ	299
<i>Соковнина С. А.</i> Акты магдебургского права в Великом княжестве Литовском (конец XIV – середина XVI вв.): Формулярный анализ	299
<i>Чекалдина Н. А.</i> Об отражении новгородских известий XV в. в новгородских летописных сводах XVI – XVII вв.	305
<i>Медведев К. М.</i> «За возвращением его в Полоцк вернулась и вера святая католическая...»: политико-религиозный аспект возвращения мощей Иосафата Кунцевича в Полоцк в 1667 г	312

<i>Макей А. Д.</i> Деятельность Особого совещания 1883 г.в разработке проекта по отмене гражданских чинов	318
<i>Озадовский В. Е.</i> Становление украинских организаций в общественно-политической жизни России 90-х гг. XIX в.....	326
СЕКЦИЯ. ИМАГОЛОГИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И РЕЦЕПЦИИ ПРОШЛОГО: СРЕДНИЕ ВЕКА	333
<i>Артамонов Я. С.</i> К вопросу о захвате Городна монголами в «Древней истории литовского народа» Т. Нарбута: сконструированный факт или достоверное известие?.....	333
<i>Степура Д. С.</i> Римские святыни в восприятии русского человека в середине XV – первой трети XVI вв.	339
СЕКЦИЯ. ИМАГОЛОГИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И РЕЦЕПЦИИ ПРОШЛОГО: НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ	345
<i>Рахманова А. Е.</i> Роль античных рецептов в конструировании идеологии Британской империи (на примере полемики в парламенте по делу Дона Пасифико).....	345
<i>Ерхов Н. С.</i> Белорусы-Католики Северо-Западного края глазами Виленского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского	352
<i>Штацкая А. М.</i> Отражение событий Великой Отечественной войны в автобиографиях первых послевоенных абитуриентов Псковского педагогического института (1945 – 1949)	359
СЕКЦИЯ. МУЗЕИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	365
<i>Мичурин Ф. Д.</i> Выставка «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма» в деле сохранения памяти о Ленинградской битве.....	365
<i>Тарасова Н. А., Писецкая К. А.</i> Музейное проектирование и музейная архитектура. Проблемы использования исторических зданий на примере Иркутского областного художественного музея.....	372
<i>Ефремова В. М.</i> Специфика российского законодательства в деле сохранения исторических некрополей на примере Санкт-Петербурга.....	379
<i>Скуднева М. В.</i> Особенности музеефикации ценных фрагментов городской среды исторических поселений	385
<i>Плешкова Н. М.</i> Особенности музеефикации ценных фрагментов городской среды исторических поселений.....	392
<i>Корносенко Е. В.</i> Феномен “visual thinking strategies” и его связь с музейной арт-медиацией	398
СЕКЦИЯ. «ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ПОТРЯСЕНИЯХ XX ВЕКА	403
<i>Ратин Ф. Д.</i> Выборгское воззвание (по материалам перлюстрации Департамента полиции).....	403
<i>Симинченко О. И. А. Ф.</i> Редигер и революция 1905–1907 гг. Роковое непонимание вызовов времени	409
<i>Стекачев О. И.</i> Влияние итогов русско-японской войны на принципы внешней политики России по воспоминаниям министров А. П. Извольского и С. Д. Сазонова.....	416

<i>Андряков Д. В.</i> Проблема Черноморских проливов и возможность их нейтрализации накануне Первой мировой войны (по заметкам А. А. Гирса и Р. Р. Розена)	422
<i>Балашов А. С.</i> Французская пропаганда в России в годы Первой мировой войны (по материалам издания «Французские рассказы с фронта»).....	428
<i>Семченкова Е. И.</i> Студенчество Петрограда в Февральской революции 1917 года	435
<i>Щепин Г. К.</i> Религиозная тематика в публикациях газеты «Правда», издаваемой на временно оккупированной территории Северо-Запада РСФСР 1941-1943 гг.....	441
КРУГЛЫЙ СТОЛ. МЕДИЕВАЛИЗМ: ОБРАЗЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КУЛЬТУРЕ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ	447
<i>Глухова А. С.</i> Репрезентация образов Средневековья посредством кинематографа	447
<i>Котов В. В.</i> Образ Средневековья в мышлении чешских националистов в 1860-е – начале 1870-х годов (на примере сокольского движения).....	453
<i>Пилюгина П. И.</i> Изменения в исторической культуре Уэльса во второй половине XX – начале XXI вв. на примере трансформации образов Оуайна Глиндур (ок. 1359 – ок. 1415) в исторических романах.....	459
Основные тезисы обсуждения в рамках работы круглого стола.....	465
СЕКЦИЯ. ИСКУССТВО ВНЕ ЕВРОПЫ: ОТ ДРЕВНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ	471
<i>Антипова С. И.</i> Ритуальные керамические сосуды эпохи Корё и Чосон (X – XVI вв.)	471
<i>Хмельницкая А. Б.</i> Мужские и женские божества в антикварном индийском оружии XVIII–XIX вв.....	476
<i>Перевозчикова А. М.</i> Переосмысление и развитие японской гравюры в первой трети XX в.	482
<i>Константинова Т. М.</i> Модернизация эфиопской живописи в 60-е гг. XX в.: на примере творчества Гэбрэ Крыстоса Дэста (1932–1981 гг.) и Александра Богоссяна (1937–2003 гг.)	
СЕКЦИЯ. ПРИКЛАДНЫЕ ФОРМЫ ТВОРЧЕСТВА В XX ВЕКЕ	493
<i>Радушинский Г. Д.</i> Интерпретация концепции света и проблемы техники в автомобильном дизайне стримлайна	493

Подписано к публикации 16.08.2023. Заказ № 14617.
 Формат 60×90 ¹/₁₆.
 Усл. печ. л. 31,5.

Издательство «Скифия-принт».
 Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

